

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ

ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МОЛДОВЫ

АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Александр БУРИАН

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Курс лекций

Издание третье,
переработанное и дополненное

Кишинев • 2008

CZU 327 (075.8)

Б 91

Рекомендована к публикации Ученым Советом Института истории, государства и права Академии наук Молдовы и Сенатом Европейского Университета Молдовы

Рецензенты:

Кафедра международного права Российского университета дружбы народов (зав. кафедрой доктор юридических наук, профессор А.Я. Капустин).
Доктор исторических наук, профессор А.Д. Жуков

Книга издана при поддержке

Ассоциации международного права Республики Молдова

Редактор

Компьютерная верстка

Художественное оформление серии

Художественное оформление

Павел ПЕЛИН

Александр БУРИАН

Михай БАЧИНСКИЙ

Виталие ИЛЛАНКУ

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

Буриан, Александр

Теория международных отношений : Курс лекций / Александр Буриан; Ин-т истории, государства и права АН Молдовы; Европейск. У-нт Молдовы; Ассoc. Междунар. права Респ. Молдова. – Изд. 3-е, перераб. и доп. - Ch.: CEP USM, 2008. – 544 p.

Bibliogr. p. 485-537 (995 tit.) și la sfârșitul cap. - 1000 ex.

ISBN 978-9975-70-754-1

327 (075.8)

Б-91

Книга предназначена для студентов и слушателей постуниверситетских учебных заведений, обучающихся по специальностям: международные отношения, международное право, международные экономические отношения, международная журналистика, государственное управление.

Copyright © Alexandru BURIAN, 2008

All rights reserved

ISBN 978-9975-70-754-1

<https://doi.org/10.61753/ISBN978-9975-70-754-1>

Оглавление

<i>Предисловие</i>	9
Лекция 1	
ОБЩЕМИРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ	
§ 1.1 Общемировые проблемы глобального масштаба	11
§ 1.2 Проблемы окружающей среды, природных и людских ресурсов	13
§ 1.3 Новые вызовы мировому сообществу	25
§ 1.4 Пути решения общемировых проблем	29
<i>Литература</i>	43
Лекция 2	
ПОНЯТИЕ „ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ”	
§ 2.1. Предмет «международные отношения»	45
§ 2.2. Содержание понятия «теория».	47
§ 2.3. Природа международных отношений	49
§ 2.4. Предмет теории международных отношений	53
<i>Литература</i>	61
Лекция 3	
СУБЪЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	
§ 3.1. Государства	63
§ 3.2. Негосударственные субъекты	68
§ 3.3. Международные организации	69
<i>Литература</i>	69
Лекция 4	
ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
§ 4.1. Формы государств	73
§ 4.2. Механизм государства	76
§ 4.3. Политическая система общества	79
§ 4.4. Право и правовые системы	81
<i>Литература</i>	84

Лекция 5

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

§ 5.1. Понятия «международное публичное право» и «международное частное право»	87
§ 5.2. Понятие и основные особенности современного международного права	88
§ 5.3. Взаимодействие права и морали в международных отношениях	96
<i>Литература</i>	99

Лекция 6

ПОНЯТИЯ ДИПЛОМАТИИ, ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПРАВА И ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

§ 6.1 Определение дипломатии	103
§ 6.2 Дипломатическое право как отрасль международного публичного права.	107
§ 6.3 Взаимодействие между дипломатией, внешней политикой и международным правом	112
§ 6.4 Дипломатическая практика и международная процедура	113
<i>Литература</i>	115

Лекция 7

ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ

§ 7.1 Геополитические изменения и дипломатическая деятельность	117
§ 7.2 Дипломатия стран Западной Европы и США	120
§ 7.3 Внешняя политика и дипломатия стран СНГ	122
§ 7.4 Дипломатия Республики Молдова и ее характеристика	127
<i>Литература</i>	130

Лекция 8

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

§ 8.1. Классификация международных организаций	133
§ 8.2. Структура и функции международных организаций	139
§ 8.3. Международные организации как инструмент внешней политики	145
<i>Литература</i>	158

Лекция 9

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

§ 9.1. Теория интеграции	161
§ 9.2. Теория взаимозависимости	179
§ 9.3. Теория режимов	185
<i>Литература</i>	189

Лекция 10

ВОЙНА, МИР И СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВ

§ 10.1. Концепция конфликта и войны	191
§ 10.2. Содержание понятия «война»	211
§ 10.3. Классический идеализм	221
§ 10.4. Марксизм-ленинизм	225
§ 10.5. Классический реализм	235
§ 10.6. Неореализм	244
<i>Литература</i>	254

Лекция 11

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР

В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

§ 11.1. Меркантилизм и либерализм	257
§ 11.2. Либерализм и безопасность	271
§ 11.3. Теория «гегемонистской стабильности»	279
§ 11.4. Теория мировой системы	284
§ 11.5. Международная рыночная экономика.	289
§ 11.6. Необходимость создания НМЭП	292
§ 11.7. Механизм разрешения торговых споров в рамках ВТО	297
<i>Литература</i>	301

Лекция 12

ВОЕННЫЙ ФАКТОР В СОВРЕМЕННЫХ

МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

§ 12.1 Роль военной силы в международных отношениях	303
§ 12.2 Стратегический паритет и контроль над вооружениями	304
§ 12.3 Роль военной силы в мировой политике после распада СССР и крушения биполярной системы	325
<i>Литература</i>	344

Лекция 13

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ АНАЛИЗ

§ 13.1. Понятие «внешняя политика»	347
§ 13.2. Уровни анализа внешней политики	349

§ 13.3. Методы анализа внешней политики	351
§ 13.4. Анализ внешней политики и разрешение конфликтов	354
<i>Литература</i>	359

Лекция 14

ЛИЧНОСТИ, ЭЛИТЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

§ 14.1. Теории «личности» и внешняя политика	363
§ 14.2. Роль «элит» и «групп давления» в формировании внешней политики	372
§ 14.3. Бизнес-элиты и внешняя политика	374
<i>Литература</i>	377

Лекция 15

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ
И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

§ 15.1. Теория рационального выбора	381
§ 15.2. Организационный процесс	386
§ 15.3. Модель «бюрократической политики	389
§ 15.4. Groupthink («Огруппление мышления»)	390
§ 15.5. Кибернетическая теория принятия решений Джона Стайнбрунера	398
§ 15.6. Процесс принятия решений в современной внешней политике	403
<i>Литература</i>	409

Лекция 16

ВНУТРЕННИЙ КОНТЕКСТ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

§ 16.1. Внутриполитические факторы и внешняя политика	411
§ 16.2. Общественное мнение	412
§ 16.3. Культура и генерационные эффекты	416
§ 16.4. Внутренние предпосылки войны	420
<i>Литература</i>	425

Лекция 17

МЕЖДУНАРОДНАЯ СРЕДА И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

§ 17.1. Геополитика и международные отношения	429
§ 17.2. Геополитика Молдовы: от истоков до современности	433
§ 17.3. Анатомия и природа могущества национального государства	437
<i>Литература</i>	447

Лекция 18

**ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

§ 18.1. Понятие системы международных отношений .	451
§ 18.2 Новая политическая карта мира . . .	454
§ 18.3 Процессы глобализации политики и экономики.	459
§ 18.4 Новые параметры военной безопасности .	471
§ 18.5 Космополитизация мировой политики . . .	478
<i>Литература</i>	482
Библиография	485

Предисловие

Предмет науки *международные отношения* многогранен. По своей сути, международные отношения *междисциплинарны*, будучи тесно связаны с экономической наукой (особенно политэкономией), историей, социологией, географией, психологией и рядом других дисциплин.

Спектр политических отношений субъектов международных отношений очень широк - это дипломатия, война, международная торговля, создание союзов, культурный обмен, участие в международных организациях и др.

Конкретная деятельность, относящаяся к названным выше сферам, является особым предметом исследований специалистов по международным отношениям. Выделяют историю дипломатии и международных отношений, геополитику, международную политэкономия, теорию интеграции, науку о закономерностях переговорного процесса, исследования в области безопасности и, наконец, проблемы войны и мира.

В предлагаемом Курсе лекций представлены позиции ведущих теоретических школ по этим ключевым вопросам. При подготовке курса автор использовал различные источники и материалы, упираясь в первую очередь на работы английских исследователей Мартина Уайта (Martin Wight, „*Politica de putere*“, Chişinău, 1998), Хидли Була (Hedley Bull, „*Societatea anarhică. Un studiu asupra ordinii în politica mondială*“, Chişinău, 1998) и Питера Кальвокоресси («*Мировая политика после 1945 года: В двух книгах*», Москва, «Международные отношения», 2000), американских исследователей Сэмюела Хантингтона (Samuel P. Huntington, „*Ordinea politică a societăţii în schimbare*“, Bucureşti, 1999), Стэнли Хоффманна (Stanley Hoffmann, „*Ianus şi Minerva. Eseuri asupra teoriei şi practicii politicii internaţionale*“, Chişinău, 1999), Поля Виотти и Марка Кауппи (Paul R.Viotti, Mark V.Kauppi, „*International relations theory: Realism, Pluralism, Globalism and Beyond*“, Boston, 1999), а также их российских коллег П.А.

Цыганкова (*«Теория международных отношений»*, Москва, «Гардарики», 2002), А.В.Торкунова (*«Современные международные отношения»*, Москва, РОССПЭН, 1999), Н.А.Ломагина, А.В.Лисовского, С.Ф.Сутырина, А.Ю.Павлова и В.Е.Кузнецова (*«Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики»*, Санкт-Петербург, Издат. Дом «Сентябрь», 2001), В.И. Попова (*«Современная дипломатия. Теория и практика. Дипломатия – наука и искусство»*, Издание второе, дополненное. Москва, «Международные отношения», 2003), А.С. Панарина (*«Глобальное прогнозирование»*, Москва, «Алгоритм», 2000), И.А. Василенко (*«Политическая глобалистика»*, Москва, «Логос», 2000). и М.М.Лебедевой (*«Мировая политика»*), Москва, «Аспект-Пресс», 2004.

Представление разных теоретических подходов к исследованию международных отношений в совокупности, сравнение их друг с другом позволяет выявить сильные и уязвимые стороны этих теорий, понять основные направления развития научного знания о международных отношениях.

Курс лекций предназначен для студентов вузов а также для слушателей постуниверситетских учебных заведений, специализирующиеся в области международных отношений, международного права, государственного управления, международных экономических отношений и международной журналистики.

Автор выражает благодарность студентам Молдавского государственного университета, Европейского Университета Молдовы, Молдавского государственного института международных отношений и слушателям Академии государственного управления при Президенте Республики Молдова, которые своими вопросами, суждениями и комментариями в ходе лекций, практических и семинарских занятий, способствовали совершенствованию предлагаемого курса лекций.

Автор, август 2008 г.

ОБЩЕМИРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ¹

§ 1.1 *Общемировые проблемы глобального масштаба*

§ 1.2 *Проблемы окружающей среды, природных
и людских ресурсов*

§ 1.3 *Новые вызовы мировому сообществу*

§ 1.4 *Пути решения общемировых проблем*

§ 1.1 ОБЩЕМИРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО МАСШТАБА

Во второй половине XX столетия человечество столкнулось с проблемами подлинно глобальных масштабов. Речь идет о процессах и явлениях, охватывающих сферу взаимодействия природы и общества, человека и окружающей его среды, а также отношений между социальными общностями - народами, нациями, государствами.

В последние десятилетия резко ухудшилась экологическая ситуация в мире. Воздействие человеческой деятельности на природную среду и ее загрязнение приобрели разрушительный, а в ряде случаев и необратимый характер. Высокие и не всегда оправданные темпы расходования природных ресурсов привели к беспрецедентному давлению на естественный потенциал планеты.

¹ *Современные международные отношения: Учебник* / Под. ред. А.В. Торкунова. — Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с., стр. 103-121; *Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие* / Н.А. Ломагин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. 166 с., стр. 5-8; Цыганков П.А., *Теория международных отношений: Учеб. пособие.* – Москва, «Гардарики», 2002. – 590 с., стр. 167-192.

Быстрый рост народонаселения в мире не сопровождается соответствующим увеличением производства продуктов питания и обеспечением необходимых условий существования больших масс людей. Сохраняющаяся бедность населения на значительной части планеты создает серьезные препятствия на пути выхода из сложившейся в мире экологической и демографической ситуации. В преддверии третьего тысячелетия человечество оказалось перед новыми вызовами. Транснациональная организованная преступность, международный терроризм, незаконный оборот наркотиков представляют ныне серьезную угрозу безопасности граждан в самых разных странах и регионах мира.

Общие особенности всех этих проблем состоят в том, что они:

- приобрели поистине планетарный, общемировой характер, затрагивают интересы народов всех государств;
- угрожают человечеству серьезным регрессом в дальнейшем развитии производительных сил, в условиях самой жизни;
- нуждаются в неотложных решениях и действиях по преодолению и предотвращению опасных последствий и угроз жизнеобеспечению и безопасности граждан;
- требуют коллективных усилий и действий со стороны всех государств, всего мирового сообщества.

Общемировые, или глобальные проблемы пронизывают ныне всю ткань международных отношений. С попытками их решения связаны различные сферы международного сотрудничества. Поисками конструктивных решений таких проблем заняты сегодня ученые и государственные деятели, правительства и парламенты, партии и общественные движения, широкая сеть международных организаций, включая Организацию Объединенных Наций, ее многочисленные институты и учреждения.

В чем же конкретно проявляются опасности, вызываемые общемировыми проблемами? Каковы главные факторы, обусловившие их возникновение и обострение? В каком направлении мировое сообщество прилагает усилия, способные ослабить, устранить или предотвратить негативное воздействие общемировых проблем на развитие человечества, на судьбы будущих поколений людей?

§ 1.2 ПРОБЛЕМЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ, ПРИРОДНЫХ И ЛЮДСКИХ РЕСУРСОВ

На протяжении многовековой истории человечество пользовалось дарами природы, не задумываясь над последствиями своей деятельности. Существовало глубокое убеждение о неисчерпаемости ресурсов Земли. Обретя на определенном этапе исторического развития относительную свободу от сил природы, люди поверили в постулат о ничем неограниченной (кроме уровня технического прогресса) способности человека «овладеть» этими силами, вмешиваться в жизнь природы, игнорируя и даже изменяя ее законы.

Прозрение наступило лишь после того, как в разных уголках планеты стали обнаруживаться признаки «экологического стресса». Давление, оказываемое человеком на природную среду, достигло масштабов и уровня, при которых она стала утрачивать свойственную ей способность к восстановлению. Экология человека и общества, их взаимодействие с природой оказались в состоянии глубокого кризиса.

Экологические бедствия в том или ином виде не раз возникали и в прошлом (землетрясения, наводнения, засуха и т.п.). Но если прежде они были следствием действия преимущественно стихийных сил природы, то теперь их возникновение во все большей степени зависит от человеческой деятельности, размеры которой многократно увеличились. С ростом материального производства и народонаселения резко возросли потребности человечества в природных ресурсах. Возможности же природы далеко не беспредельны. Сегодня человечество подошло к той черте, когда возникает угроза существованию самой жизни на Земле.

Окружающая среда. Ухудшение состояния окружающей человека природной среды повлияло на все важнейшие ее компоненты - атмосферу и климат, водные ресурсы и Мировой океан, почвенный покров Земли и ее недра, растительный и животный мир. Но это влияние было разным и имело неодинаковые последствия.

Особую опасность представляет высокий уровень загрязнения атмосферы в результате выброса промышленными объектами и автомобильным транспортом отравляющих веществ. В

ряде районов мира, где расположены предприятия металлургии, нефтепереработки, химии, производство удобрений, в воздухе обнаружено до 200 и более различных вредных веществ, а их суммарное содержание превосходит допустимый уровень концентрации в 10 и более раз. Все это создает опасность для здоровья и жизни людей, растительного и животного мира не только в самих этих районах, но и далеко за их пределами. Загрязнение атмосферы не знает географических границ.

Другая угроза - истощение озонового слоя в атмосфере в результате производства и использования холодильных реагентов, пенопродуктов, аэрозолей. Образование в 1986 г. «озоновой дыры» в Антарктиде, а спустя десятилетие - в районе Якутска, признаки «озоновых дыр» в Арктике, снижение содержания озона над средними северными и южными широтами Земли ведут к изменению радиационного и термического режима глобальной атмосферы, росту крайне опасного для здоровья людей ультрафиолетового излучения Солнца. Загрязнение атмосферы вызывает также кислотные дожди, уничтожающие растительность, делающие безжизненными водоемы, резко ухудшающие состояние покрова Земли, условия существования животного мира.

Мировая общественность высказывает также большую озабоченность по поводу так называемого тепличного (парникового) эффекта - общего *потепления климата*, вызываемого накапливанием в атмосфере углекислоты в результате сжигания все увеличивающихся масс ископаемого топлива и древесины. И хотя подобный эффект по-разному оценивается учеными, сам факт его появления и непредсказуемость многих связанных с потеплением климата последствий порождают большую тревогу и беспокойство не только в научном мире, но и среди населения.

За последние десятилетия заметно ухудшилось общее *состояние водных ресурсов* - рек, озер, водохранилищ, внутренних морей. Между тем глобальное потребление воды удвоилось между 1940 и 1980 гг. и, по оценкам, вновь удвоится к 2000 г. Под влиянием хозяйственной деятельности происходит истощение водных ресурсов, исчезают малые реки, сокращается водоотбор в крупных водоемах. Восемьдесят стран, на которые приходится 40% населения Земли, испытывают в настоящее время нехватку воды.

Вода не только транспортирует, но и аккумулирует отравляющие вещества. Загрязнения водных объектов за счет сброса сточных вод предприятиями и жилищно-коммунальными

хозяйствами, попадание в эти объекты ядохимикатов и пестицидов с сельскохозяйственных земель, биогенных и органических веществ с животноводческих хозяйств вызвали резкое снижение качества питьевой воды. В России, например, качество воды от половины до 3/4 водных объектов не отвечает нормативным требованиям. Подобные явления, характерные для многих стран мира, особенно развивающихся, крайне негативно сказываются на здоровье людей, ведут к росту заболеваний и смертности.

Непрерывно действующие источники загрязнения сосредоточены главным образом на суше и на прилегающих к ней водах. Что же касается Мирового океана, то он постепенно превращается в гигантский отстойник попадающего в него с суши большого количества загрязняющих веществ и продуктов их распада. Он же является местом захоронения высокотоксичных (химических, радиационных) отходов, последствия которого пока до конца не изучены. Кроме того, морская среда, особенно в прибрежных районах, постоянно подвергается опасному загрязнению в результате сброса танкерами нефти, достигающего 1,5 млн. т ежегодно. Расширение добычи нефти на шельфах, создание в прибрежных районах систем нефтепроводов сопровождаются авариями и разливами нефти на больших поверхностях морской воды, что наносит огромный ущерб рыбным ресурсам, отрицательно сказывается на состоянии прилегающих ландшафтов, сельскохозяйственных земель.

Огромное значение для сохранения биосферы, всего живого на Земле имеет *почвенный покров*. Достаточно сказать, что 98 -99% продуктов питания (по весу) человек получает в результате использования почв в земледелии и животноводстве. От состояния почвенного покрова зависят процессы поглощения и отражения солнечной радиации, кругооборот влаги между сушей и атмосферой, состав и режим воздушного и водного бассейнов, биологическая продуктивность водоемов. Проблема, однако, заключается в том, что антропологическое воздействие (воздействие человека) на почвенный покров оказалось наиболее губительным по своим масштабам и последствиям.

В результате хищнического использования земельных ресурсов в мире остается все меньше и меньше свободной для распашки почвы, и это притом, что население Земли продолжает быстро увеличиваться. Человечество уже потеряло около 2 млрд. га некогда плодородных земель, превратив их в пустыни и так

называемые «бедленды» (непригодные для земледелия территории).

В настоящее время деградация почвы продолжается, причем ускоренными темпами. Скорость ветровой и водной эрозии земли в результате сведения лесов, неправильной агрикультуры за последние 50 лет возросла по сравнению со среднеисторической в 30 раз. Ускоренная эрозия почв, получившая название «тихого кризиса планеты», представляет сегодня, по мнению ученых, наибольшую (не считая ядерной войны) экологическую угрозу.

Значительный ущерб наносится *лесным ресурсам* мира, во многом определяющим состояние и качество биосферы (тонкий - не более 10 км глубины - покров из земли, воздуха и воды, где возможна жизнь). Леса - это не только огромные хранилища углерода, но и источник его выброса в атмосферу, регулятор газового, водного, теплового режимов окружающей среды, источник древесных, пищевых и многих других ресурсов. Лесная продукция занимает крупное место в международной торговле. Между тем площадь лесов, несмотря на возросшие масштабы искусственного лесонасаждения, продолжает неуклонно сокращаться. За последнее столетие она уменьшилась на 1/3. При этом в Африке исчезло более 1/2, Азии - 2/5, Латинской Америке около 1/3 лесов в сравнении с их первоначальной площадью. Ухудшился качественный состав лесных ресурсов. Основная причина сокращения и деградации лесов - чрезмерные масштабы вырубки, нерациональное использование древесины (в развивающихся странах главным образом в качестве топлива), гибель лесов пожаров (уничтожается до 10 и более млн. га ежегодно). По имеющимся прогнозам, прекратить сокращение лесов в тропических и аридных (с засушливым климатом) районах мира в обозримой перспективе не удастся.

Сокращение *биологического разнообразия Земли* - еще одно крайне тревожное следствие антропогенного воздействия на природную среду. За истекшее столетие полностью исчезли либо близки к исчезновению до 25 тыс. видов высших растений, более 1 тыс. видов диких животных, сотни уникальных пород домашних животных. Подобные темпы вымирания биологических видов беспрецедентны. Согласно оценкам специалистов, к 2010-2015 гг. биосфера может еще утратить до 10 - 15% составляющих ее видов. Сохранение генетического фонда Земли превратилось, таким образом, в одну из острейших проблем, требующих кардинального

пересмотра всей стратегии поведения человека в отношении природной среды.

Энергообеспечение. Проблема надежного обеспечения энергией не раз возникала перед человечеством. В свое время многие страны столкнулись с тяжелым топливным кризисом из-за истощения древесины. Не разрешило трудностей с энергоснабжением, а лишь отодвинуло их на время последующее широкое использование угля в качестве топлива. По мере ухудшения условий и истощения местных источников угледобычи население в разных странах все чаще стало испытывать энергетический голод. С переходом же на более дешевые источники энергии - нефть и природный газ - открылась возможность достаточно устойчивого энергоснабжения. К 1970 г. доля нефти в мировом энергобалансе поднялась до 60%, в то время как доля угля упала до 25%. Остальная часть мировых потребностей в энергии удовлетворялась за счет природного газа и альтернативных источников энергии, в том числе атомной. Казалось, ничто не предвещало угрозы энергообеспечению.

Глубокий энергетический кризис 1972 г., выразившийся в 10-кратном повышении мировых цен на нефть, подверг мировое сообщество суровому испытанию. Беспрецедентный рост дороговизны нефти быстро перекинулся на другие источники энергии, затронул многие виды минерального сырья, повлек за собой стагнацию ряда отраслей промышленности, в первую очередь энергоемких производств, снижение общих темпов мирового экономического развития, рост безработицы. Потребовалось почти десятилетие, чтобы правительства, деловой мир, население приспособились к новой энергетической ситуации, новым условиям на мировом энергетическом рынке.

В последней трети XX столетия необычайно возросшие масштабы хозяйственной деятельности и быстрый рост народонаселения в мире вызвали многократное увеличение совокупного спроса на энергоресурсы. Между тем минеральное сырье и топливо, в отличие от других ресурсов природы, относятся к невозобновляемым, невоспроизводимым. Запасы полезных ископаемых конечны. Речь при этом не идет об абсолютной нехватке энергетического сырья. При нынешних уровне и структуре энергопотребления в мире разведанных запасов угля хватит на сотни лет, природного газа - на 70 лет, нефти - более чем на 40 лет. К тому же используются и альтернативные

энергоисточники - ядерная, а также ветровая, геотермальная, солнечная и другие виды энергии.

Суть же проблемы состоит, во-первых, в общем ухудшении природно-географических условий производства минерального топлива и, как следствие, значительном росте расходов на геологоразведку, добычу и транспортировку энергоносителей на большие расстояния. Районы добычи нефти и газа все более отдаляются от основных центров их потребления. При этом в качестве крупных потребителей энергоресурсов ныне выступают не только промышленно развитые регионы мира, но и большое число развивающихся государств, в том числе такие многонаселенные страны, как Индия и Китай. Основные же центры нефте- и газодобычи размещены на Ближнем и Среднем Востоке и в России. Освоение новых источников нефти и газа на шельфе Каспийского моря предполагает многомиллиардные затраты на строительство трубопроводов, проходящих через границы многих государств, по территории труднодоступных горных районов. Что касается северных стран, таких как Россия, США, Канада, Норвегия, а также Великобритания, то их нефте- и газодобыча все более перемещается в малонаселенные и необитаемые районы шельфов Арктических морей. Согласно оценкам, именно арктические и субарктические территории - регионы с наиболее высокой концентрацией минеральных ресурсов.

Во-вторых, удовлетворение быстро растущих в мире потребностей в энергоресурсах происходило преимущественно экстенсивным путем - путем вовлечения в оборот все новых и новых объемов энергоресурсов, их расточительного, не всегда оправданного расходования. Переход на энергосберегающую технику и технологию начался лишь под давлением энергетического кризиса 70-х годов, главным образом в технически передовых странах. В подавляющем же большинстве развивающихся государств, в том числе и быстро индустриализирующихся, этот процесс, требующий крупных капиталовложений, сильно задержался.

В-третьих, с расширением масштабов энергопотребления в мире резко возросло загрязнение природной среды. В результате сжигания огромных масс угля и особенно нефти выброс углекислого газа в атмосферу, как уже отмечалось, достиг размеров, способных воздействовать не только на состояние воздуха, почвы, водных, лесных, биологических ресурсов, но и на климатические

условия на планете в целом. С освоением же новых районов добычи нефти и газа на морских шельфах и увеличением морских перевозок нефти, а также с ростом протяженности континентальных нефтепроводов увеличилось число аварийных ситуаций, сопровождающихся загрязнением земной и морской поверхностей.

В-четвертых, существующий уровень развития производительных сил и технического прогресса не позволяет мировому сообществу обеспечить полную гарантию безопасности замены традиционных источников энергии альтернативными, прежде всего ядерной. Несмотря на многие очевидные преимущества последней (относительно более дешевый и к тому же возобновляемый источник энергии), ее более широкое применение наталкивается на острое сопротивление со стороны мирового общественного мнения. Крупные техногенные катастрофы, например авария ядерных реакторов в Три-Майл-Айленде (США) и еще более трагичная по своим последствиям - на Чернобыльской АЭС, вызвали резкую волну протеста в мире против планов строительства новых атомных электростанций. Проблема осложняется и тем, что производство ядерной энергии сопровождается скоплением многих тысяч тонн опасных для биосферы и здоровья людей ядерных отходов, требующих надежного захоронения.

Перед человечеством встала задача подлинно исторического значения - перейти к использованию надежных, полностью безопасных для жизни человека и окружающей его природы источников энергии, ее разумному расходованию, устойчивому, экономически эффективному энергообеспечению.

Продовольственная безопасность. Нехватка продовольствия периодические вспышки голода, хроническое недоедание больших масс населения сопровождали развитие человечества на всем протяжении его истории. Мировое производство продуктов питания, как правило, не успевало за общим ростом народонаселения. Подобную тенденцию удалось затормозить лишь во второй половине XX столетия. В эти годы, впервые в истории, мировое производство зерновых - главный индикатор продовольственного положения - стало опережать по своим темпам рост народонаселения. За сорок лет (с 1950 по 1990 г.) население в мире удвоилось, тогда как мировой сбор зерновых увеличился в три раза. Широкое применение в земледелии

высокопроизводительной техники, новых технологий обработки земли, крупных ирригационных систем, минеральных удобрений произвело подлинную «зеленую революцию» в сельском хозяйстве многих стран. Благодаря крупномасштабному строительству траулеров резко увеличилась добыча морепродуктов. Острота мировой продовольственной проблемы заметно смягчилась.

Тем не менее и в наше время от недоедания страдает все еще более 840 млн. человек. Сохраняются глубокие диспропорции между уровнем производства и потребления продуктов питания в развитых и развивающихся странах. Что же касается беднейшего континента - Африки, то начиная с 70-х годов производство продовольствия на душу населения здесь сокращается примерно на 1% в год, и голод остается серьезной проблемой. Только благодаря созданной в послевоенные годы системе международной продовольственной помощи удается сдерживать наиболее негативные последствия продовольственных кризисов, возникающих в наименее развитых районах мира.

Но дело не только в неравномерности продовольственного обеспечения населения. Главное в том, что со второй половины 80-х - начала 90-х годов в развитии мирового рынка продовольствия обнаружилось принципиально новые тенденции, свидетельствующие о серьезной угрозе продовольственной безопасности государств.

Рост производства продуктов питания в мире впервые за послевоенные годы начал замедляться, тогда как спрос на них продолжает быстро расти. Последнее связано не только с увеличением общего числа жителей на планете, но и с таким новым фактором, как повышение благосостояния большой массы людей вследствие широкой индустриализации развивающихся стран в первую очередь в Азии. Когда страны Западной Европы после Второй мировой войны приступили к радикальной модернизации своей экономики, их население составляло 280 млн. человек. США прошли период быстрого экономического роста, имея в то время население в 160 млн. человек. Сегодня страны Азии во главе с Китаем переживают подлинный промышленный бум, располагая населением в 3,5 млрд. человек, что составляет более половины всех жителей Земли. При этом не только увеличиваются масштабы мирового спроса на продукты питания, но и меняется его структура в сторону увеличения доли продукции животноводства - мяса, молока, яиц и т.д., а также морских продуктов. Таким образом,

складывается ситуация, когда развитие сельского хозяйства и воспроизводство рыбных ресурсов в мире уже не успевают за изменениями в объеме и структуре мирового спроса на продовольствие. Если подобную тенденцию не приостановить, то, согласно прогнозам, к 2030 г. потребность в импорте недостающего зерна может увеличиться в несколько раз. Только Китай будет вынужден ввозить около 200 млн. т. зерна ежегодно, что равно всему объему мирового зернового экспорта в 1996г.

Нехватка продуктов питания грозит обернуться значительным ростом мировых цен на них. По прогнозу правительства Японии, уже к 2010 г. цены на пшеницу и рис могут подскочить вдвое. В принципе это могло бы послужить стимулом для новых инвестиций фермерских хозяйств в производство продуктов питания и его инфраструктуру. Однако на этом пути появились серьезные ограничители. Первый из них - деградация сельскохозяйственных земель. Ныне полностью не пригодны для восстановления либо требуют значительных капиталовложений более 15% всех обрабатываемых земель в мире. Второй ограничитель - снижающиеся запасы водных ресурсов, используемых в сельском хозяйстве. Широкое строительство ирригационных оросительных систем, способствовавших на первых порах быстрому росту сельскохозяйственного производства, обернулось затем резким дефицитом воды из-за пересыхания рек и снижения уровня внутренних морей (наглядный пример - трагедия с Аральским морем в бывшем СССР). Третий ограничитель - перенасыщенность сельскохозяйственных земель минеральными удобрениями, когда их дополнительное внесение уже не сопровождается ростом урожайности.

Иными словами, все те, казалось бы, неоспоримые преимущества, которые принесла с собой «зеленая революция» прошлых десятилетий, ныне уже не дают прежнего эффекта и, более того, вызывают негативные последствия в самих условиях развития сельскохозяйственного производства. Равным образом, создание крупного траулерного флота в мире привело к такому росту добычи морепродуктов, которое угрожает истощением мировых рыбных ресурсов.

Результатом такого развития явилось ухудшение мирового продовольственного положения. Ежегодная урожайность зерновых с 1 га оказалась в 90-е годы почти в 2 раза ниже, чем в период с 1950 по 1990 г. (1,1% против 2,1% соответственно). Сбор зерна на

душу населения, прочно удерживавшийся вплоть до 1984 г. на уровне 346 кг, снизился к 1996 г. более чем на 9%. Мировой улов рыбы на душу населения, возросший к 1988 г. по сравнению с 1950 г. в 2 с лишним раза, к 1996 г. также сократился на 9%. Мировые запасы зерна упали в 90-е годы до самой низкой отметки - их хватило бы на 50 дней потребления, тогда как минимальный допустимый уровень безопасности составляет 70 дней. Бюджет Международного продовольственного фонда помощи нуждающимся странам снизился за эти годы в 2 раза. Мировые цены на пшеницу и кормовое зерно за один 1996 г. возросли вдвое. Так выглядят главные индикаторы мировой продовольственной безопасности, свидетельствующие о появлении в конце XX столетия серьезных угроз ее стабильности.

Демографические сдвиги. Общемировые проблемы, как уже отмечалось, теснейшим образом связаны с демографической ситуацией. Крупные изменения, происходящие в динамике и структуре народонаселения, в его географическом размещении на территории Земли, оказывают сильное воздействие на окружающую среду, состояние природных ресурсов, уровень энергообеспечения, продовольственную безопасность. Демографические сдвиги второй половины XX в. оказались столь серьезными, что они превратились в самостоятельную проблему мирового значения.

Первая и главная особенность демографических процессов в современном мире - быстрый *рост народонаселения*. Если в течение первой половины XX в. общее число жителей Земли увеличилось на 1 млрд. человек - с 1,5 млрд. до 2,5 млрд., или на 2/3 то в последующие десятилетия оно уже возросло на 3,5 млрд. или в 2,4 раза, достигнув в 1999 г. 6 млрд. человек. По имеющимся оценкам, к 2025 г. население может возрасти до 8 млрд. человек.

При этом рост населения в мире происходит неравномерно. Число жителей в основных центрах мировой экономики - Северной Америке, Западной Европе, Японии, Австралии, Новой Зеландии вместе взятых увеличилось за 1950 - 1996 гг. в 1,5 раза, в странах Восточной Европы и бывшего СССР - в 1,6 раза. В то же время в развивающихся странах население выросло за эти годы в 2,7 раза, в том числе в Африке - в 3,3 раза, Латинской Америке - в 3, Азии - 2,5 раза. В итоге доля развивающихся стран в общей численности жителей планеты возросла за последние полвека с 2/3 почти до 4/5.

Хотя общая численность населения в мире продолжает увеличиваться, однако темпы его ежегодного прироста начиная с 60-х годов стали снижаться: от пиковой отметки в 2,2% в 1964 г они сократились до 1,4% в 1997 г. Несколько снизился и абсолютный ежегодный прирост населения - с 87 млн. в 1988 г до 80 млн. человек в 1997 г. Подобная тенденция поколебала мрачные прогнозы недавних лет, согласно которым должен был произойти сильный и длительный «демографический взрыв», способный растянуться на многие десятилетия и тем самым поставить человечество перед катастрофой. Многие демографы недооценили такой фактор, как снижение во многих странах, в том числе и многонаселенных развивающихся, так называемого коэффициента фертильности - числа рождающихся детей в течение жизни матери. Между тем в Индии, например, этот показатель снизился к середине 90-х годов по сравнению с 60-ми годами на 41% и составлял в среднем 3,8 ребенка на каждую семью против 6,0. В Индонезии и Бразилии среднее число детей на каждую семью сократилось за это время на 55% - с 6,4 до 2,9 ребенка, в Китае - еще значительно, на 68% - с 6,2 до 2 детей на семью. В мире в целом снижение фертильности было не столь значительным (в среднем семья сократилась на одного ребенка), тем не менее это позволило смягчить остроту демографической проблемы, сдержать беспрецедентный в мировой истории рост числа жителей на Земле.

Подобные изменения - результат роста благосостояния населения в экономически зрелых странах, снижения масштабов бедности и повышения уровня жизни во многих развивающихся странах, вставших на путь реформ и индустриализации своей экономики. В числе последних такие крупнонаселенные страны, как Китай, Индия, Индонезия, Бразилия, на которые приходится почти 45% населения мира. Вместе с тем сыграл роль и переход этих и ряда других стран к политике ограничения рождаемости. Впервые в истории появилась возможность контролировать рост больших масс населения, хотя это пока лишь первые шаги.

Другой крупный демографический сдвиг - быстрый процесс «омоложения» населения в группе развивающихся государств и, наоборот, старения жителей в развитых странах. Доля детей до 15 лет за первые три послевоенные десятилетия увеличилась в большинстве развивающихся стран до 40 - 50% их населения. В результате в настоящее время именно в этих странах сосредоточена наибольшая часть молодой трудоспособной рабочей силы.

Обеспечение занятости огромных трудовых ресурсов развивающегося мира, особенно в бедных и беднейших странах, является сегодня одной из острейших социальных проблем подлинно международного значения. В то же время увеличение продолжительности жизни и замедление темпов рождаемости в развитых странах привели здесь к существенному увеличению доли престарелых людей, что повлекло за собой огромную нагрузку на пенсионную, здравоохранительную и попечительскую системы. Правительства оказались перед необходимостью выработки новой социальной политики, способной решать проблемы старения населения в XXI в.

Остроту демографической проблемы нельзя оценить, абстрагируясь от экономических и социальных факторов. Сдвиги в темпах роста и структуре населения происходят в условиях сохраняющихся глубоких диспропорций в размещении мирового экономического потенциала и всей совокупности предоставляемых населению социальных благ. В то время как в небольшой группе экономически развитых государств проживает всего около 1/7 населения земного шара, в них производится 4/5 мирового валового продукта, а ВВП в расчете на душу населения в 20 раз больше, чем в развивающихся странах. Соответственно, в первой группе стран неизмеримо выше общий уровень расходов на здравоохранение, образование, сохранение природной среды и, как следствие, продолжительность жизни намного выше, чем в группе развивающихся государств.

Что же касается стран Восточной Европы и бывшего СССР, где проживает 6,7% населения Земли, то они производят 6% мирового валового продукта и по душевому производству ВВП отстают от экономически развитых стран в 5 раз.

Закономерен вопрос: сможет ли человечество в перспективе смягчить глубокие диспропорции между богатым и бедным полюсами современного мира? Как показывают прогнозы, в ближайшие два десятилетия XXI в. развивающиеся страны превзойдут по темпам роста ВВП группу развитых стран почти в 2 раза, и их доля в совокупном валовом продукте мира может увеличиться с 19,5% в середине 90-х годов до 29,1% к 2020 г. Но сократится ли при этом образовавшийся разрыв в уровне экономического развития основных хозяйственных центров мира и развивающейся периферии, зависит в значительной степени от

темпов и характера демографических сдвигов, которые произойдут в предстоящие десятилетия.

§ 1.3 НОВЫЕ ВЫЗОВЫ МИРОВОМУ СООБЩЕСТВУ

До сих пор речь шла о глобальных проблемах, возникающих в сфере отношений человека и общества с природой, воспроизводства людских ресурсов. Но человечество окружает не только природная, но и социальная среда. И от того, насколько государство и общество способны обеспечить своим гражданам безопасность, зависит жизнеспособность и жизнедеятельность каждого человека, каждой личности.

Человечество в первой половине нынешнего столетия не смогло создать надежной системы безопасности: две мировые войны и кровавые революции унесли жизни многих десятков миллионов людей. Особенность второй половины XX в. состоит в том, что мировое сообщество сумело предотвратить главную угрозу международной безопасности - угрозу развязывания новой, на этот раз термоядерной войны, способной уничтожить все живое на Земле. Но остается оружие массового уничтожения – ядерное, химическое, бактериологическое. Продолжают создаваться новые виды вооружений. Хранение запасов, равно как и уничтожение такого оружия, сопряжено не только с огромными финансовыми затратами, но и с угрозами для безопасности населения и окружающей среды.

Тяжелые последствия влекут за собой развязываемые в разных районах мира региональные и локальные конфликты, в том числе военного характера. Особую опасность представляли вооруженный конфликт в Югославии и попытки НАТО разрешить кризис путем прямого военного вмешательства. Это повлекло за собой не только огромные разрушения и большое число жертв среди гражданского населения, но и массовый отток беженцев из страны, сопоставимый по своим масштабам с глобальной гуманитарной катастрофой.

Мировое сообщество второй половины XX в. сделало большой шаг вперед в сторону демократии, защиты прав человека и основных свобод, улучшения экономических и социальных условий жизни людей. Но оно не смогло предотвратить насилие в различных его проявлениях, в том числе и в форме преступлений -

запрещенных уголовным законом, общественно опасных, виновных и наказуемых деяний.

Общая преступность в мире с каждым годом увеличивается. Начиная с 80-х годов она возрастает на 5% ежегодно. Наибольшее число преступлений совершается в США - до 35 млн. в год. Резко возросла преступность и в России, где количество преступлений только в 1995 г. достигло около 3 млн., а число преступных группировок увеличилось за 1990 - 1994 гг. в 10 раз. При этом растет удельный вес тяжких преступлений. Все крупнее масштабы наносимого ими материального и морального ущерба, что особенно тревожно, все большее число людей в мире оказываются их жертвами.

Характерная черта современной преступности - ее организованный характер. В качестве инициаторов и исполнителей преступлений выступают не столько отдельные лица, сколько хорошо организованные группировки, оснащенные новейшими системами оружия, средствами связи и коммуникаций, охранной сигнализацией, прослушивающими устройствами, радиотелевизионными и компьютерными сетями. Подобные группировки располагают квалифицированными штабами, оперативными службами, заранее разработанными программами осуществления операций. В последнее время они объединяются в «преступные сообщества», отличающиеся сплоченностью, высоким уровне организации, тщательной подготовкой преступных действий, наличием общей кассы, строго соблюдаемой иерархией власти и дисциплиной.

Характерная тенденция последней четверти века - быстрый рост *транснационализации преступности*. Она выражается в создании преступных группировок с участием граждан нескольких государств, осуществлении криминальной деятельности на территории двух и более стран, организации преступлений, нарушающих международные обязательства и нормы международного права. Как констатировалось на встрече «восьмерки» государств на высшем уровне 22 июня 1997 г. в Денвере, «транснациональные преступные группировки часто адаптируются к крупным изменениям быстрее и эффективнее, чем наши правительства».

Преступления международного характера не относятся к преступлениям против человечества, самым страшным из которых оказалась гитлеровская агрессия против народов Европы,

повлекшая за собой гибель десятков миллионов людей. Но и совершаемые в условиях мирного времени преступления могут оказаться средством нагнетания международной напряженности, ухудшения условий международного сотрудничества, провоцирования локальных, региональных международных конфликтов.

Одно из наиболее опасных и распространенных в современном мире преступлений - *международный терроризм*. Он представляет собой насильственные действия. Цели терроризма многообразны. Это и попытки изменения политического строя, свержения руководства страны, навязывание в качестве официальной идеологии сектантских, националистических, фундаменталистских и иных воззрений. Это и подрыв стабильности в обществе, запугивание населения, провоцирование военных действий. Это и требования освобождения от ареста участников террористических актов, предоставления материальных и иных выгод и т.п. Арсенал используемых средств также широк: убийства политических лидеров, захват заложников, вербовка, финансирование, обучение наемников, их использование в военных и террористических актах, угон самолетов, захват телерадиоцентров, незаконное радиовещание и многое другое.

К началу 90-х годов в мире действовало около 500 террористических организаций и групп различной экстремистской направленности. Только за десять лет своей деятельности они совершили 6500 актов международного терроризма, от которых погибло 5 тыс. человек, пострадало более 11 тыс. человек. От рук террористов погибли такие известные государственные и политические деятели, как Джон и Роберт Кеннеди, Альдо Моро, Индира и Раджив Ганди, Мартин Лютер Кинг. Жертвами террора оказались многие тысячи простых людей в разных странах мира. В полной мере ощутили на себе последствия террористических актов и граждане России. Москва, Санкт-Петербург, Буденновск, Первомайск, Грозный, районы Дагестана - таков далеко не полный перечень российских территорий, где были осуществлены либо готовились крупные террористические акции.

Серьезную тревогу и беспокойство мирового сообщества вызывают *преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств*. Число таких преступлений в мире растет, и настолько быстрыми темпами, что этот процесс сравнивают с эпидемией. Не избежала этого и Россия. Только с 1991 по 1995 г.

количество связанных с наркотиками преступлений увеличилось с 17 тыс. до более 74 тыс., или в 4 раза, число привлеченных к уголовной ответственности лиц возросло с 10 тыс. до более 46 тыс. Вес изъятых наркотиков возрос с 2 до 49 т. В Азербайджане, одном из крупных поставщиков наркотиков, число преступлений, связанных с их сбытом, выросло за эти годы в 5 раз.

Характерная черта современного наркобизнеса - выход за национальные границы, организация нелегальной международной торговли наркотиками, охватывающей практически все страны мира. Сформировались мощные группировки, располагающие широкой сетью не только торговых, но и производственных предприятий, собственными лабораториями, специально обученным персоналом. Международный наркобизнес приносит его хозяевам огромные прибыли. Общий годовой доход американской мафии от контрабанды наркотиков составляет более 1 млрд. долл., что превышает государственные бюджеты ряда стран. Сосредоточение в руках наркоторговцев столь баснословных финансовых средств создает проблему отмыwania денег, что влечет за собой все новые и новые преступления.

Очевидна высокая степень общественной опасности международного наркобизнеса. Его следствием являются причинение вреда здоровью растущего числа граждан, снижение их социальной активности, ухудшение генофонда населения. Обладание крупными денежными средствами позволяет наркопреступным группировкам оказывать давление на политическую систему, правоохранительные органы, средства массовой информации, что расшатывает стабильность общества, подрывает его безопасность.

Серьезную угрозу представляют *преступления, посягающие на личные права граждан*: продажа и эксплуатация детского труда, торговля женщинами, распространение порнографии, насильственные похищения людей. Подобного рода преступность, отнюдь не новая в мировой практике, приобретает в настоящее время иные, чем прежде, формы, часто скрытые от широкой общественности и правосудия и потому трудно распознаваемые.

Новым и опасным видом преступлений являются *незаконные операции в сфере высоких технологий*, связанные прежде всего с нелегальной передачей через национальные границы компьютеров, средств телекоммуникаций, других видов дорогостоящей наукоемкой техники. Особую тревогу мировой общественности

вызывают проводимые в некоторых странах *эксперименты по клонированию людей* - переводу ядер соматических клеток с целью создания ребенка, искусственному воспроизводству детей-двойников, - создающие прямую угрозу генетическому фонду человечества.

Таким образом, мировое сообщество на рубеже XX-XXI вв. оказалась перед новыми вызовами - беспрецедентным по своим последствиям региональным кризисом на Балканах, вооруженными конфликтами в других регионах мира, а также транснациональной организованной преступностью в самых разных ее проявлениях.

§ 1.4 ПУТИ РЕШЕНИЯ ОБЩЕМИРОВЫХ ПРОБЛЕМ

По мере того, как проблемы экологии, перенаселенности планеты, углубляющегося разрыва между богатством и бедностью, роста преступности в мире приобретали угрожающий характер, все острее становилась необходимость поиска мировым сообществом радикальных мер, способных предотвратить надвигающиеся опасности. В начале 70-х годов в полной мере дали о себе знать экологический, энергетический, продовольственный кризисы, тяжелые последствия демографического взрыва. И первое с чем столкнулись правительства и международные организации в эти годы, - дефицит накопленных знаний и информации о причинах общемировых проблем. Без знания и понимания глубинных факторов, определяющих возникновение и обострение таких проблем, трудно было рассчитывать на выработку адекватной политики, направленной на их решение. Некоторые из этих причин мы уже называли. Перейдем к более подробному их изложению.

Первая причина - *несоответствие масштабов и темпов роста мировой экономики естественным возможностям и ресурсам Земли*. Одними из первых, кто обратил внимание мировой общественности на глубокую связь экономического развития и биосферы Земли, были американские ученые Денис и Донелла Медоузы. В 1972 г. вышла в свет коллективная монография «Пределы роста», подготовленная под их руководством и под эгидой Римского клуба (международная неправительственная организация, создана в 1968 г., объединяет видных ученых, политических и общественных деятелей). На основании обширных исследований был сделан вывод о том, что конечность размеров Земли предполагает и пределы человеческой экспансии,

хозяйственного роста. Книга, опрокинувшая господствовавшую в те годы «теорию роста», обещавшую «грандиозное общество изобилия», разошлась огромными тиражами на тридцати языках, учебным пособием в более чем тысяче университетов и колледжей мира.

Действительно, масштабы экономической деятельности в XX в. возросли многократно, что привело к формированию мировой экономики, оцениваемой в гигантскую сумму - 39 трлн. долл. совокупного ВВП (1998 г.). По сравнению с 1900 г. мировой ВВП вырос более чем в 17 раз. Мировое промышленное производство увеличилось за это время более чем в 50 раз, и свыше 4/5 прироста приходится на период с 1950 г. В результате только за первые три четверти столетия потребление энергии в мире выросло в 11 раз (нефти - более чем в 100 раз), стали - в 25 раз, алюминия - почти в 2000 раз и т.д. Все это создало огромную нагрузку на биосферу Земли и ее природные ресурсы, вызвало негативные экологические последствия, речь о которых шла выше. Мировая экономика и глобальная экология оказались в теснейшей взаимозависимости.

Однако вопрос о том, каким образом сочетать растущие потребности человечества в материальных благах (к тому же в условиях их острой нехватки в развивающихся странах) со все более жесткими экологическими и другими ограничениями, долгое время оставался открытым. Лишь спустя полтора десятилетия после выхода в свет упомянутой работы Медоузов, в 1987 г. Международная комиссия по окружающей среде и развитию ООН во главе с тогдашним премьер-министром Норвегии Г. Х. Брундтланд предложила Концепцию устойчивого и долговременного развития. Согласно концепции, изложенной в докладе комиссии «Наше общее будущее», ограничения в области эксплуатации природных ресурсов должны рассматриваться как неизбежные. Но эти ограничения являются не абсолютными, а относительными и связаны с достигнутым на каждый данный момент уровнем технического развития и социальной организации общества, а также со способностью биосферы справляться с последствиями человеческой деятельности. При этом подчеркивается, что устойчивое развитие представляет собой не статичное «состояние гармонии», а процесс динамичных изменений, при котором масштабы эксплуатации ресурсов, направление инвестиций, ориентация технического и социального развития согласуются не только с нынешними, но и будущими

потребностями. В основе такого развития должна лежать политическая воля, целенаправленная деятельность институтов власти. Идеи доклада нашли широкий отклик среди мировой общественности, а сама концепция устойчивого развития взята на вооружение правительствами многих стран, международными организациями.

Вторая причина - *последствия научно-технического прогресса*. Мир второй половины XX столетия широко использовал беспрецедентные достижения в области науки, техники, технологии для развития производства товаров и услуг. Благодаря крупным научно-техническим сдвигам удалось резко поднять производительность труда, повысить социальный статус граждан, уровень их благосостояния во многих странах мира. Однако быстрый научно-технический прогресс имел не только позитивные, но и негативные последствия.

Известно, какой большой прорыв был достигнут в ядерной энергетике. Однако были недооценены серьезные опасности, связанные с использованием атомных реакторов, добычей, переработкой, транспортировкой и содержанием запасов ядерного топлива, захоронением его отходов. Такая недооценка стоила здоровья и жизни многих тысяч людей, не говоря уже об огромном материальном и моральном ущербе от непредвиденных аварий. Крупные техногенные катастрофы, связанные с эксплуатацией сложных агрегатов и машин в электроэнергетике, других распределительных сетях, средствах транспорта и коммуникаций, сопровождающиеся гибелью людей и нарушением окружающей среды, стали тревожным явлением последних десятилетий. Среди причин этого - слепая вера во всемогущество техники, нежелание либо неспособность предвидеть последствия ее эксплуатации, оценивать степень риска.

Человечество встречает XXI в. новыми достижениями в развитии электроники и систем телекоммуникаций, в производстве материалов с заданными свойствами и в создании космической техники, в биотехнологии и генетике, их применении в промышленности, сельском хозяйстве, медицине. Новые технологии и практически неограниченный доступ к информации открывают перед человечеством огромные перспективы. Но они таят в себе и большие риски, требующие самого тщательного их прогнозирования и оценки. Одновременно со всей остротой встала задача разработки и применения энерго- и ресурсосберегающих, а

также безотходных производств, технологий замкнутого цикла, новейших способов контроля за изменениями климата и погоды, надежных средств охраны здоровья людей, развития отраслей по восстановлению природной среды. С необходимостью решения общемировых проблем связано выдвижение новых требований к научно-технической политике, проводимой правительствами, корпорациями. Это касается как тщательного выбора приоритетов в развитии техники и технологий, так и всемерного учета вероятных экологических и других последствий их применения.

Третья причина - *рост населения в мире, превышающий возможности удовлетворения его потребностей в ресурсах*, в условиях, когда на значительной части планеты сохраняется нищета. Ныне сотни миллионов людей страдают от голода, 1,2 млрд. человек остаются неграмотными, 1,6 млрд. человек не имеют доступа к чистой воде, 2 млрд. человек лишены возможности пользоваться электричеством. Сохраняется огромный разрыв между богатством и бедностью. Сегодня 225 самых состоятельных людей в мире владеют совокупным богатством более чем в 1 трлн. долл., что равно ежегодному суммарному доходу беднейшей половины человечества.

Что касается конкретных путей устранения возникших диспропорций и обеспечения каждому человеку достойных условий существования, то стратегия мирового сообщества в этом вопросе претерпела существенные изменения. Еще недавно считалось, что есть лишь один путь к разрешению противоречий - всемерное наращивание темпов мирового экономического роста, создание как можно большей массы совокупных материальных благ. Но, во-первых, при сохранении быстрых темпов роста населения для решения названной задачи потребовались бы многие десятилетия, если не столетия. И, во-вторых, прежде чем человечество смогло бы приблизиться к заветной цели, оно столкнулось бы с жесточайшей экологической катастрофой.

В качестве альтернативы был избран другой путь, предполагающий, наряду с дальнейшим экономическим развитием, контроль за рождаемостью в мире, снижение фертильности населения и достижение в обозримой перспективе его стабилизации на постоянном уровне. Для решения этой задачи потребуется время, и немалое, но подобная перспектива поддается прогнозированию и, что главное, позволяет перейти к политике устойчивого долговременного развития, о которой говорилось

выше. Вместе с тем осуществление указанной политики требует огромных финансовых средств, которыми развивающиеся страны не располагают. И без предоставления им весомой помощи со стороны экономически развитых стран проблему не решить. Сама по себе задача оказания материальной и финансовой поддержки странам развивающегося мира не нова. Новое же состоит в том, что эти страны нуждаются сегодня не только в экономической и технической помощи, но и в поддержке усилий по восстановлению природной среды и осуществлению продуманной демографической политики, что отвечает интересам всего мирового сообщества.

Четвертая причина - *отвлечение все еще значительной доли мировых ресурсов на цели вооружения и содержание многомиллионных военных формирований.* Наибольший урон природной среде и ресурсам был нанесен в годы холодной войны, взвинтившей беспрецедентную в мировой истории гонку вооружения. Ныне, когда мир вступил в эпоху сотрудничества и партнерства, военные расходы заметно снизились. Тем не менее военный фактор продолжает оставаться серьезным ограничителем на пути решения общемировых проблем.

Несмотря на сокращение общей численности вооруженных сил в мире, под ружьем продолжает оставаться свыше 23 млн. солдат и офицеров регулярных армий, не считая более 7 млн. человек, находящихся в полувоенных формированиях, и свыше 39 млн. резервистов. Страны «ядерного клуба», круг которых имеет тенденцию расширяться, продолжают тратить огромные средства на обеспечение безопасности, в том числе и на разработку новых систем вооружений. Вместе с тем уничтожение ядерного, химического и бактериологического оружия требует больших расходов. Конверсия военного производства, обустройство высвобождающейся рабочей силы, равно как и увольняемых из армии солдат и офицеров, поглощают все большие бюджетные средства. Одним из непредсказуемых последствий сокращения вооружений явилось «расползание» оружия среди мирного населения. Это в немалой степени способствует росту организованной преступности в мире, а также превращению этнических, религиозных и других конфликтов в затяжные локальные войны. Такой оказалась плата за разорительную гонку вооружений, которая велась на протяжении четырех послевоенных десятилетий. Потребуется время, прежде чем мировое сообщество сможет в полной мере использовать высвобождающиеся от

сокращения вооруженных сил и вооружений средства на цели сохранения среды обитания, обеспечения устойчивого экономического и социального развития.

Пятая причина - *отставание национальных институтов власти проводимой ими политики от растущих потребностей решения общемировых проблем.* Когда в 50-е и 60-е годы обнаружались симптомы резкого ухудшения качества природной среды, первыми, кто забил тревогу, были ученые и международная общественность. Именно благодаря их усилиям родились влиятельные движения защитников природы, подобные Гринпис. Главной их задачей в те годы было заставить национальные правительства принять неотложные меры по охране окружающей среды и предупреждению новых опасностей.

Стало очевидным, что сформировавшиеся в первые послевоенные десятилетия в странах Запада политика национальной экономической безопасности, система регулирования природоохранной деятельности, структура и полномочия органов отвечающих за состояние ресурсно-экологического потенциала, государственные бюджеты и программы развития перестали отвечать, требованиям времени и нуждались в радикальном пересмотре. Приступили же правительства к формированию новой экологической и ресурсной политики практически лишь в 70-е годы.

Сначала в США, а затем в странах Западной Европы и Японии был принят свод законов об оздоровлении окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов. Сформировалось так называемое экологическое право - система норм, регулирующих взаимоотношения общества и природы. Были введены жесткие экологические стандарты на производимую и импортируемую продукцию, разработаны и установлены системы государственного контроля за состоянием различных природных сред - воздуха, воды, почвы, растительного и животного мира, пересмотрены системы экологического образования, осуществлена широкая государственная поддержка пропаганды экологических знаний среди населения.

Эти и другие меры позволили значительно улучшить состояние природной среды в странах Запада, но отнюдь не сняли проблему в целом. Во-первых, США, будучи мировым лидером по масштабам экономической деятельности, продолжают оставаться и самым крупным источником загрязнения среды. Большая

ответственность лежит и на двух других наиболее экономически мощных после США государствах - Японии и ФРГ, хотя обе страны, и особенно первая, приложили большие усилия для оздоровления своей окружающей среды. Во-вторых, страны Запада - отнюдь не единственные, кто ответственен за ухудшение экологической ситуации в мире. Неизмеримо больший ущерб природной среде и ресурсам был нанесен в ходе индустриализации в бывшем СССР. Этот ущерб прежде всего нанесли так называемые стройки коммунизма - гигантские энергетические, металлургические, химические и другие объекты, создававшиеся «ударными темпами» без какого-либо учета последствий для среды обитания. По свидетельству экспертов, нынешняя Россия оказалась в силу этого в числе стран с наихудшей экологической ситуацией. В-третьих, все более угрожающие размеры приобретает деградация среды в развивающихся странах, особенно многонаселенных, вставших на путь ускоренной модернизации, таких как Китай, Индия, Индонезия, Бразилия.

В целом, по свидетельству американского института «Вахта мира» именно перечисленные выше восемь стран - США, Япония, ФРГ, Россия, Китай, Индия, Индонезия, Бразилия, где проживает 56% населения Земли, находится 53% всей площади лесов и производится 59% мирового ВВП, создают основную нагрузку на природную среду и ресурсы планеты. Не случайно на эти страны приходится 58% всех выбросов углекислого газа в атмосферу Земли (в том числе 23% - на США, 13% - на Китай). Очевидно, что от совместных действий правительств, прежде всего наиболее крупных государств, в значительной мере будет зависеть способность мирового сообщества ответить на вызовы конца XX столетия.

Объединить усилия государств - а их сегодня более 200, выработать общую программу действий по решению общемировых проблем и, что особенно важно, создать условия для ее реализации - задача исключительно сложная. Ведь речь идет о странах разной политической ориентации, с неодинаковым уровнем экономического и социального развития, обладающих национальными, культурными, религиозными, этническими особенностями. При всей общности вставших перед государствами задач каждое из них преследует собственные цели, обусловленные спецификой его положения в современном мире, располагает разными ресурсами и возможностями. Подобные различия

продолжают оставаться главным тормозом на пути решения общемировых проблем.

Немалые трудности на этом пути связаны с глобализацией экономики, резко ускорившейся за последнюю четверть века. Суть этого процесса состоит в том, что в сферу международного обмена и интеграции оказались втянутыми сотни тысяч предприятий и корпораций, миллионы граждан самых разных отраслей хозяйственной деятельности - от добычи сырья до производства сложнейших машин и оборудования, техники, технологий, от предоставления разнообразных видов услуг до передачи знаний, информации, капиталов, рабочей силы. В принципе подобная тенденция, несомненно, позитивная, отражающая движение человечества по пути экономического и научно-технического прогресса. Но на состояние общемировых проблем она оказывает противоречивое воздействие.

Растущая взаимосвязанность различных звеньев международной экономики ускорила процессы транснационализации локальных экологических систем, способствовала «переливу» негативных последствий нарушения природной среды из одних стран в другие. Усложнился и сам характер общемировых проблем. Экологические, демографические, ресурсные проблемы оказались теснейшим образом переплетены друг с другом, неразрывно связаны с общим состоянием мировой экономики и социального развития в различных странах и регионах мира. Все это привело к заметному сужению возможностей национальных правительств решать экологические и другие проблемы в локальных, ограниченных рамках своих государств масштабах, без тесной координации действий друг с другом.

В этом же направлении действует и такой глобальный фактор, как «отрыв» от национальной почвы все большего числа компаний и фирм, создающих свои отделения, филиалы, дочерние предприятия на территории других государств, а также рост числа неправительственных организаций и частных лиц, работающих за границей. Эти субъекты оказываются за пределами национальной юрисдикции своих государств, в том числе в области экологического права и других норм, регулирующих природоохранную деятельность. А между тем только на зарубежных предприятиях транснациональных компаний производится более трети мирового ВВП, заняты миллионы рабочих и служащих, о условиях, когда правовая защита

окружающей среды и природных ресурсов в разных странах остается во многом различной, ТНК и их подразделения получают возможность уходить от ответственности за экологические нарушения и преступления.

Глобализация экономики создает не только трудности, но и благоприятные предпосылки для международного сотрудничества в решении общемировых проблем. Это касается прежде всего сформировавшейся за последние десятилетия широкой системы коммуникаций и информации, связавшей все страны мира в единое целое. Подключение все новых и новых стран к международной сети Интернет открывает небывалые возможности для проведения мониторинга окружающей среды и природных ресурсов как не возобновляемых, так и воспроизводимых, для прогнозирования климата и погодных условий в разных частях планеты на многие годы вперед. Благодаря процессам глобализации открылись уникальные возможности для широкого международного обмена научными идеями и осуществления совместных исследований и разработок учеными и специалистами разных стран в таких сложнейших и практически мало изученных отраслях знаний, как экология, био- и ноосфера Земли, демография в их взаимодействии с экономикой, этнографией, социологией, историей, правом, международными отношениями. Появились и новые предпосылки для развития связей и интеграции между национальными правительственными учреждениями, неправительственными и другими структурами разных государств, выработки согласованной стратегии и совместных программ, направленных на достижение общей для всех цели - обеспечение экологически устойчивого сбалансированного развития.

Особая роль в решении общемировых проблем принадлежит международным организациям. Их история насчитывает не одну сотню лет. Но подлинный прорыв в этой сфере международных отношений произошел после Второй мировой войны, когда родились ООН и ее специализированные учреждения. Только в сфере международных экономических отношений было создано в послевоенные годы несколько десятков межправительственных организаций. В их числе такие известные и влиятельные, как Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ, подписано в 1947 г. - ныне Всемирная торговая организация, ВТО), внесшее крупный вклад в либерализацию международной торговли товарами и услугами; учрежденный в 1944 г. Международный

валютный фонд - организация, сформировавшая механизм регулирования международных валютных отношений, платежных балансов, внешней задолженности государств, и многие другие.

60-е годы были отмечены новой волной в создании народных экономических организаций. По инициативе развивающихся государств, поддержанной бывшими социалистическими странами, возникло более десятка различных международных структур, главным образом под эгидой ООН. Среди них - Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Комиссия ООН по промышленному развитию (ЮНИДО) и ряд других. Их главная миссия - содействие экономическому развитию государств развивающегося мира, предоставление им со стороны стран Запада технической, финансовой и иной помощи в целях устранения наиболее заметных очагов голода, нищеты, болезней, ликвидации неграмотности, уменьшения безработицы.

Что же касается непосредственно проблем окружающей среды, природных ресурсов, демографии, то вплоть до начала 1970-х годов в мире практически не было международной организации, которая непосредственно занималась этими проблемами. И только в 1972 г. в Стокгольме была созвана первая в истории международная конференция ООН по окружающей среде, на которой была принята Декларация, содержащая 26 принципов и 120 рекомендаций правительствам по актуальным вопросам экологической политики. Одновременно решением Генеральной Ассамблеи ООН была создана Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) - специализированная международная организация. Ассамблея предоставила ЮНЕП широкие полномочия, для реализации которых были созданы Совет управляющих в составе 58 государств-членов, Межучрежденческий совет ООН по координации деятельности в области окружающей среды и добровольный фонд в 100 млн. долл. на первые пять лет. Главная задача ЮНЕП заключалась в руководстве программами и проектами и обеспечении согласованной деятельности международных организаций как в системе ООН, так и вне ее, направленной на восстановление и охрану природной среды.

За годы своего существования ЮНЕП превратилась в авторитетную организацию, внесшую крупный вклад в развитие международного экологического сотрудничества. Она сумела привлечь внимание правительств к таким острым проблемам, как загрязнение воздуха и воды, обезлесение, наступление пустынь,

нарушение озонового слоя Земли, режим региональных морей. Ей принадлежит ведущая роль в разработке ряда глобальных региональных стратегий и программ. ЮНЕП выступила координатором и главным спонсором экологических программ и проектов, выполняемых продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО), Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), организацией ООН по оказанию помощи при стихийных бедствиях (ЮНДРО), Международной организацией труда (МОТ), Организацией ООН по образованию, науке и культуре (ЮНЕСКО) и рядом других.

Важной функцией ЮНЕП является глобальная оценка состояния окружающей среды и природных ресурсов, информирование об этом правительств и населения. Ее усилиями созданы Глобальная система мониторинга окружающей среды, работающая на основе получаемых из космоса данных, касающихся обитаемости Земли, программа «Земной патруль», предусматривающая сбор и оценку текущих данных о состоянии окружающей среды, Глобальная информационная база данных о ресурсах Земли. Под руководством ЮНЕП ведется разработка Глобальной программы оценки экологических угроз и риска для населения на глобальном и региональном уровнях.

ЮНЕП явилась инициатором и организатором многих международных конференций и встреч глав правительств по экологическим и тесно связанным с ними проблемам мирового развития. За последнюю четверть века состоялось несколько десятков такого рода форумов ООН. Их значение состоит в том, что они позволяют правительствам не только оценивать состояние экономической, социальной, экологической, демографической ситуации в мире, но и выработать конкретные программы действий на годы вперед.

К числу наиболее крупных международных акций 80-х годов относятся Конференция ООН по окружающей среде в Найроби (1982 г.), Всемирная промышленная конференция по экологическому управлению (1984 г.), Международная конференция по народонаселению в Мехико (1984 г.). Но наиболее значительным событием этого десятилетия явилось рассмотрение и одобрение Генеральной Ассамблеей ООН уже упоминавшегося Доклада Всемирной комиссии ООН по окружающей среде и развитию. Предложенная в нем концепция устойчивого развития объединила в одном пакете такие цели, как изменение качества

экономического роста, сохранение ресурсов, обеспечение стабильного уровня населения, устранение нищеты. Таким образом, была заложена основа для выработки новой стратегии мирового развития на перспективу.

Крупнейшей акцией последнего десятилетия XX явилась Конференция ООН по окружающей среде и развитию, состоявшаяся в 1992 г. в Рио-де-Жанейро с участием глав государств и правительств более 170 стран мира. Конференция приняла совместно выработанный документ «Повестка дня на XXI век» - программу действий, направленных на реализацию правительствами концепции глобального устойчивого развития. Состоящая из 40 разделов программа предусматривает широкий комплекс мер, начиная с восстановления заброшенных земель и кончая улучшением технологии производства энергии и аграрной продукции. Была создана Комиссия ООН по устойчивому развитию (КУР) в качестве стратегического форума для обсуждения экономических аспектов устойчивого развития. Комиссия призвана обеспечить руководство деятельностью, охватывающей четыре приоритетные области: пресная вода, Мировой океан, земные ресурсы, включая леса, устойчивое энергопользование.

Конференция активизировала деятельность правительств по осуществлению намеченной программы. К 1996 г. 117 государств создали национальные комитеты по ее реализации. В 90-е годы был заключен ряд крупных межправительственных соглашений по обеспечению безопасности биотехнологий, защите рыбных ресурсов и морской среды, подписана Базельская конвенция по десертификации продукции в соответствии с новыми экологическими требованиями и другие важные документы.

В 90-е годы также состоялись крупные глобальные и региональные конференции ООН по народонаселению. В отличие от прошлого на этих форумах возобладали интегральный подход к демографической, экологической и экономической политике, при котором стабилизация населения рассматривалась как одно из важных условий устойчивого развития стран Африки, Азии и Латинской Америки, устранения в них бедности и нищеты.

Одна из трудностей, с которыми сталкиваются правительства в решении общемировых проблем, - дефицит финансовых ресурсов, особенно в развивающихся странах. По расчетам Секретариата Конференции в Рио-де-Жанейро, для того, чтобы достичь целей, провозглашенных «Повесткой дня на XXI век», развивающимся

странам потребовалось бы только в 90-х годах дополнительно 600 млрд. долл., а необходимая помощь со стороны Запада оценивалась в 125 млрд. долл., что вдвое больше всего объема помощи, полученной развивающимися государствами в начале 90-х годов. Подобные цифры были расценены авторитетными экспертами как завышенные, абсолютно нереальные и затем были сильно скорректированы. Очевидно, что реализация многих целей указанной программы будет отложена на будущее, когда для этого созреют необходимые финансовые и другие предпосылки.

В решении общемировых проблем все более активное участие принимают региональные и субрегиональные организации и прежде всего Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Европейский союз (ЕС), Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА), а также Организация Северных стран, Совет государств Балтийского моря, Дунайская комиссия и многие другие. В последние годы государства - участники этих организаций осуществили целую серию совместных акций по восстановлению и охране окружающей среды, консервации и развитию ресурсов, сертификации продукции и введению единых экологических стандартов и т.п. Экологические и демографические проблемы все чаще становятся предметом обсуждения и выработки согласованных действий в рамках региональных организаций развивающихся стран - Ассоциации государств стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Общего рынка стран Южного конуса (МЕРКОСУР) и др.

Глобальные проблемы и выработка конкретных мер по их решению заняли одно из центральных мест на ежегодных встречах на высшем уровне «семерки», а с принятием в этот клуб России - и «восьмерки» ведущих стран мира. В своих обращениях к мировому сообществу участники таких встреч делают акцент на наиболее острых проблемах, требующих безотлагательных действий национальных правительств, международных организаций, мировой общественности. На июньской 1997 г. встрече в верхах главы государств и правительств в качестве приоритетных целей определили: содействие устойчивому развитию и охране окружающей среды, снижение и стабилизацию к 2010 г. содержания парниковых газов в атмосфере, разработку и принятие жестких стандартов по обеспечению устойчивого лесопользования, доступа к чистой воде, охраны Мирового океана, борьбу с опустыниванием, создание Глобальной системы наблюдения и

контроля за инфекционными заболеваниями, включая меры по борьбе с передачей ВИЧ-инфекции и распространением СПИДа. Особое внимание на встрече было уделено блоку проблем, связанных с такими опасностями, как транснациональная преступность, наркобизнес, международный терроризм, клонирование людей. Участники встречи предложили ряд мер по предупреждению и устранению подобных опасностей, в том числе упрочение существующих и создание новых международных структур сотрудничества, укрепление международно-правового режима

Июньская 1999 г. встреча в верхах в Кёльне была посвящена актуальным проблемам мирового развития, в том числе наиболее острой из них - проблеме урегулирования балканского кризиса.

Эффективность международного сотрудничества в решении проблем XXI в. во многом будет зависеть от общего состояния международной обстановки и международных отношений в целом. Прекращение холодной войны и переход государств от вражды и противостояния к взаимодействию и сотрудничеству открыли перед мировым сообществом принципиально новые возможности для устранения и предупреждения возникающих угроз. Однако на этом пути остается немало трудностей. В разных частях планеты продолжают вспыхивать очаги локальных и региональных конфликтов. Сохраняются территориальные споры, перерастающие в вооруженные столкновения. Остается опасность гражданских войн и насилия. Политическая нестабильность в мире мешает выработке консенсуса между правительствами относительно выбора путей решения глобальных проблем. В то же время такие явления, как быстрый рост населения, возникновение экологически опасных зон и зараженных районов, сокращение ресурсов, увеличение безработицы, нищеты, распространение болезней, международного терроризма, могут вызывать рост социальной напряженности, способный подорвать политическую стабильность в обществе, в отношениях между государствами.

Таким образом, на рубеже XXI в. общемировые проблемы и проблемы международной стабильности оказались тесно взаимосвязанными. Мировое сообщество стоит перед необходимостью надежного обеспечения международной безопасности, и не только политической и военной, но и экологической, экономической, социальной. Именно в реализации

этой исторической миссии заключается главный ответ на глобальные вызовы человечеству.

Источники:

Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова. — Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с., стр. 103-121.

Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие/ Н.А. Ломагин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. 166 с., стр. 5-8.

Цыганков П.А., *Теория международных отношений: Учеб. пособие.* – Москва, «Гардарика», 2002. – 590 с., стр. 167-192.

Литература:

1. Буриан А., *Теория международных отношений: Курс лекций* в 2-х т., Том 1. «Введение в теорию международных отношений». - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.

2. Василенко И.А., *Политическая глобалистика*, Учебное пособие. - Москва, «Логос», 2000.

3. Гаджиев К.С., *Введение в политическую науку, Издание второе, переработанное и дополненное.* - Москва, «Логос», 2000.

4. *Глобальные экологические проблемы на пороге XXI века. Российская академия наук. Материалы конференции.* – Москва, , 1997.

5. Дугин А., *Основы геополитики.* - Москва, Арктогея, 1997.

6. Жакье, Бернар, *Международные отношения. Том 1. Субъекты международной системы: Учебное пособие.* - Н. Новгород, Изд. Нижегородского ун-та, 1997.

7. Кальвокоресси Питер, *Мировая политика после 1945 года: В двух книгах.* – Москва, «Международные отношения», 2000.

8. Кеннеди П., *Вступая в двадцать первый век.* - Москва, 1997.

9. Ломагин Н.А., Лисовский А.В., Сутырин С.Ф., Павлов А.Ю., Кузнецов В.Е., *Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики. Учебное пособие.* - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001.

10. Максимова М. В., *XI век - со старыми и новыми глобальными проблемами* // «Мировая экономика и международные отношения», 1998, № 10.

11. Мэхэн А.Т., *Влияние морской силы на историю. 1660—1783.* - Москва, ООО «Издательство АСТ»; СПб, «Terra Fantastica», 2002.

12. *Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР).* - Москва, 1989.

13. Панарин А.С., *Глобальное прогнозирование.* – Москва, «Алгоритм», 2000.

14. Тойнби А., *Цивилизация перед судом истории*. – Москва, «Прогресс», 1995.
15. Фокуяма Ф., *Конец истории?!* // «Вопросы философии», 1990, № 3.
16. Хантингтон Сэмюел П., *Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка* // Библиотека публикаций Московского Центра Карнеги, „Pro et Contra”, Том 2, Весна 1997.
17. Цыганков П. А., *Международные отношения*. - Москва, 1996.
18. Burian, Alexandru, *Geopolitica lumii contemporane, Manual: pentru facultățile de drept și de relații internaționale a universităților*. - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.
19. Gilpin, Robert, *War and Change in World Politics*, Cambridge University Press, 1997.
20. Hobsbawm, Eric, *O istorie a secolului XX, Era extremelor, 1914-1991, Traducere din engleză de Liliana Ionescu*, Chișinău, Editura “Cartier”, 1999.
21. Hoffmann, Stanley, *Ianus și Minerva, Eseuri asupra teoriei și practicii politicii internaționale* / Traducere de Robert Butaru, Chișinău, Editura „Știința”, 1999.
22. Huntington, Samuel P., *Ordinea politică a societăților în schimbare* / Trad. de Horațiu Stămatin, Iași, Editura POLIROM, 1999.
23. Keohane, R., *International Institutions and State Power: Essays in International Theory*, Boulder, 1989.
24. Keohane, Robert O. and Nye, Joseph S., *Power and Interdependence: World Politics in Transition*, Boston, 1977.
25. Vasquez, John, *The War Puzzle*, Cambridge University Press, 1997.
26. Venduka Kubalkova and Albert Cruickshank, *Marxism and International Relations*, Clarendon Press, Oxford, 1985.
27. Viotti, Paul R.; Kauppi, Mark V., *International relations theory: Realism, Pluralism, Globalism, and Beyond*. – 3rd ed., Allyn and Bacon, Boston, 1998.
28. Wight, Martin, *Politica de putere*, Chișinău, Editura ARC, 1998.

ПОНЯТИЕ „ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ”²

§ 2.1. Предмет «международные отношения»

§ 2.2. Содержание понятия «теория»

§ 2.3. Природа международных отношений

§ 2.4. Предмет теории международных отношений

§ 2.1. ПРЕДМЕТ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

Предмет «международные отношения» как научная дисциплина и особенно те, кто занимается теоретическим его изучением, нередко подвергаются критике за то, что эта сфера деятельности не имеет ничего общего с реальной практикой. На самом деле, зачем политикам, решающим, скажем, вопрос о расширении НАТО и Европейского Союза либо занимающимся миротворческой деятельностью на Балканах или на территории бывшего СССР знать о теоретических дебатах вокруг вопросов о роли международных институтов в современных международных отношениях и теориях «демократического мира»?

Очевидно, что никакая теория сама по себе решить даже самую маленькую проблему не может. Теория, как и наука в целом, не может предотвратить возникновение войны или остановить международный конфликт. Однако все те, кто так или иначе связан

² *Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие/* Н.А. Ломагин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. 166 с., стр. 9-32.; Цыганков П.А., *Теория международных отношений: Учеб. пособие.* – Москва, «Гардарики», 2002. – 590 с., стр. 37-44.

с международными отношениями (политики, дипломаты, журналисты) в своей профессиональной деятельности, вольно или невольно используют доминирующие или импонирующие им теории, которые объясняют сущность современного мироустройства и мировой политики, раскрывают логику поведения государств и международных организаций, показывают общие причины таких явлений, как конфликт, война, сотрудничество и т.д.

Теория необходима для упорядочения огромного объема информации, которая обрушивается на нас каждый день. Даже те, кто с пренебрежением относится к теоретическому знанию (а их, к сожалению, довольно много), вынуждены (подчас не сознавая этого) полагаться на свои собственные идеи и представления о том, как развивается современный мир, и на основании этого принимать решения.

Теории дают интеллектуальный контекст, в котором может восприниматься война.

Они играют важную роль в формировании определенной культуры поведения посредством создания традиции и обычаев.

Значение доминирующих теорий (реализма, например) состоит в том, что они воспринимаются как своего рода путеводитель для лидеров и формирующейся политической элиты относительно того, как себя надо вести на международной арене в целом и в условиях военной угрозы в частности.

Лидеры государств приходят к власти не будучи новичками в вопросах политики. Они заимствуют одновременно национальные и глобальные традиции относительно того, *что* собой представляет внешняя политика, *что* лежит в ее основе, *что* можно ожидать от других государств? Собственный опыт и традиционная «мудрость» в отношении поведения в определенных ситуациях являются основой для принятия ими политических решений.

Опыт внешнеполитической деятельности большинства новых независимых государств свидетельствует о том, что трудно выработать и проводить эффективную политику без основополагающих принципов, точно так же как сложно создать хорошую теорию без обширных знаний об окружающем нас мире.

Итак, каждый политик или дипломат так или иначе использует теории, и разногласия относительно выбора того или иного курса возникают, главным образом, по причине расхождений по вопросу о том, *что* лежит в основе международных отношений.

]

§ 2.2. СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ТЕОРИЯ»

Студенты, изучающие международные отношения, часто используют понятие «теория» в стремлении уйти от простого описания каких-либо событий и фактов и редко обращаются к нему с научно-философских позиций.

Потребность в «теории» и «теоретизировании» в сфере международных отношений определяется *необходимостью научного прогнозирования* развития мирового сообщества и его отдельных компонентов. Обобщая опыт прошлого и формируя определенный понятийный аппарат, теории позволяют перебросить мостик в настоящее и будущее. Теория объясняет *закономерность* поведения и дает основания рассчитывать на определенный результат вследствие межгосударственного взаимодействия (Уолтц).

В *широком смысле теория* - это комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления; в *более узком* и специальном смысле слова - высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности - объекта данной теории.

По своему строению теория представляет внутренне дифференцированную, но целостную систему знания, которую характеризуют логическая зависимость одних элементов от других, выводимость содержания теории из некоторой совокупности утверждений и понятий - исходного базиса теории - по определенным логико-методологическим принципам и правилам.

Основываясь на общественной практике и давая целостное, систематически развиваемое знание о существенных связях и закономерностях действительности, теория выступает как наиболее совершенная форма научного обоснования и программирования практической деятельности.

Осуществление целенаправленного практического преобразования действительности на основе теоретических знаний есть критерий истинности теории. При этом в ходе практического применения теория сама совершенствуется и развивается. Практика

образует не только критерий истинности, но и основу развития теории.

В современной методологии науки принято выделять следующие основные компоненты теории:

1) исходную эмпирическую основу, которая включает множество зафиксированных в данной области знания фактов, достигнутых в ходе экспериментов и требующих теоретического объяснения;

2) исходную теоретическую основу - множество первичных допущений, постулатов, аксиом, общих законов теории, в совокупности описывающих идеализированный объект теории;

3) логику теории - множество допустимых в рамках теории правил логического вывода и доказательства;

4) совокупность выведенных в теории утверждений с их доказательствами, составляющую основной массив теоретического знания. Методологически центральную роль в формировании теории играет лежащий в ее основе *идеализированный объект* - теоретическая модель существенных связей реальности, представленных с помощью определенных гипотетических допущений и идеализации.

Построение идеализированного объекта теории - необходимый этап создания любой теории, осуществляемый для разных областей знания в различных формах. М. Вебер очень четко определил метод моделирования:

«...Идеальный тип формируется односторонним выделением одной или нескольких точек зрения и синтезом большинства... конкретных индивидуальных феноменов, которые организуются в соответствии с теми односторонне выделенными точками зрения в единую аналитическую конструкцию».

Таким образом, идеальный тип есть «утопия», оставляющая исследователю-эмпирику «задачу определения в каждом конкретном случае степени, в которой эта идеальная конструкция приближается или удаляется от реальности».

Идеализированный объект может выступать в разных формах, но при всех условиях он должен выступать как конструктивное средство развертывания всей системы теории.

Многообразие форм идеализации и соответственно типов идеализированных объектов соответствует и многообразию видов теории. В теории *описательного* типа, решающей главным образом задачи описания и упорядочения обычно весьма обширного

эмпирического материала, построение идеализированного объекта фактически сводится к вычленению исходной схемы понятий, В *дедуктивных* теоретических системах построение идеализированного объекта, по существу, совпадает с построением исходного теоретического базиса.

Процесс развертывания содержания теории предполагает максимальное выделение возможностей, заложенных в исходных посылах теории, в структуре ее идеализированного объекта. Наряду с этим развертывание теории предполагает построение новых уровней и слоев содержания теории на основе конкретизации теоретического знания о реальном предмете. Это связано с включением в состав теории новых допущений, с построением более содержательных идеализированных объектов. Этот процесс постоянно стимулируется необходимостью охвата в рамках и на основе исходных положений теории многообразия эмпирического материала, относящегося к предмету теории.

§ 2.3. ПРИРОДА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

2.2.1. Международные отношения и повседневная жизнь

На первый взгляд может показаться, что международные отношения есть нечто далекое и абстрактное, удел узкого круга людей - президентов, дипломатов и военных. Это не совсем так. Интернационализация жизни в XX в. достигла огромных размеров. Улучшение телекоммуникации и транспорта многократно увеличили возможность международных контактов, торговли, обмена идеями и информацией. Научно-технический прогресс существенно сблизил людей. Хотя лидеры государств играют важнейшую роль в международных отношениях, практически все люди так или иначе в них участвуют. Каждый день они потребляют товары и услуги, которые производятся в других странах, смотрят иностранные фильмы и выпуски новостей. Они участвуют в политическом процессе в своих государствах, выбирают депутатов и президентов, т.е. *соучаствуют* в выборе власти и внешнеполитического курса своей страны. На референдумах граждане отдельных стран голосуют за участие или неучастие в международных организациях и, таким образом, влияют не только на будущее своей страны, но, в известной степени, и на будущее интеграционных группировок.

Отдельные лица, не облеченные государственными должностями, оказывают огромное влияние на международные отношения и развитие целых регионов.

Хрестоматийными стали примеры деятельности известного финансиста и филантропа Джорджа Сороса, имеющей своей целью построение демократии и рыночных отношений в странах Восточной Европы и в новых независимых государствах бывшего СССР. Размер средств, которые Сорос направляет на создание «открытого общества», вполне сопоставим с инвестициями в «демократию», которые делает самое мощное ныне государство мира - Соединенные Штаты.

Еще один пример. Медиумагнат Тэд Тернер выделил 1 млрд. долларов Организации Объединенных Наций и этим во многом подорвал усилия одного из крупнейших должников этой организации – тех же США - увязать вопросы уплаты взноса с реформированием ООН по их модели.

И, наконец, пример деятельности «простых» людей, которые также в наше время оказывают огромное влияние на международные отношения. Джоди Уильямс была удостоена Нобелевской премии мира в 1997 г. за вклад в международную кампанию по запрещению противопехотных мин. Используя лишь электронную почту, ей удалось объединить усилия более чем 1000 различных добровольных организаций, занимающихся вопросами защиты прав человека, детства, контролем над вооружениями, экологией и т.п. в 55 странах мира. Всего в течение одного года эта коалиция неправительственных организаций, поддерживаемая Канадой и рядом других стран, сумела преодолеть сопротивление пяти крупнейших государств, производителей противопехотных мин. В конце концов, под влиянием общественного мнения Великобритания, Франция и Россия изменили свою первоначальную позицию и теперь поддерживают договор о запрещении противопехотных мин.

Иными словами, практически ежедневно миллионы и миллионы людей *вливают* на международные отношения. С другой стороны, международные отношения, в свою очередь, оказывают влияние на повседневную жизнь обычных людей. Рост или падение мировых цен на нефть быстро ощущают не только водители личного транспорта, но практически все. Наличие или отсутствие визового режима существенным образом влияет на планы тех, кто собирается отправиться на отдых за границу. Наличие «горячих

точек» на границе своего государства вызывает беспокойство не только политиков и военных, но и призывников и их родственников. Угроза войны может поменять всю жизнь в стране - экономика может быть перестроена на военный лад, лица призывного возраста могут быть призваны на службу и т.п.

2.2.2. Предмет международные отношения

Мы уже отмечали, что международные отношения междисциплинарны по своей сути, в отличие от мировой политики, занимающейся изучением взаимодействия государств и международных организаций в глобальном контексте, а также внешней политики государств, являющейся выражением национальных интересов государства по отношению к другим нациям. Понятие *международные отношения* относится ко всем формам международного взаимодействия членов и институтов отдельных обществ вне зависимости от того, представляют они государство или нет.

Изучение международных отношений включает в себя анализ внешней политики отдельных государств или политических процессов, происходящих между государствами. Что же касается внутренней политики иностранных государств, то это является предметом *сравнительной политологии*.

Надо сразу же оговориться, что далеко не все едины относительно того, можно ли считать международные отношения самостоятельной наукой. Некоторые исследователи указывают, что международные отношения не имеют «общего ядра» (М. Каплан), и более того, наблюдается тенденция перехода от создания общей теории международных отношений как самостоятельной дисциплины с четким предметом и методологией к стихийному развитию «некой рыхлой, без четких границ и содержания междисциплинарной науки с методологическим плюрализмом самого откровенного эклектического толка». Методологический плюрализм, однако, не исключает возможности создания теорий. Другое дело, что далеко не все из них в англо-американской литературе носят универсальный характер и, строго говоря, могут называться «теориями».

Вместе с тем наука *международные отношения* опирается на достаточно большое количество дисциплин, изучающих политическую науку, искусство войны и дипломатии, ведение внешней политики, историю международных отношений,

международные организации, международное право, мировую экономику, международную коммуникацию, международное образование, политическую географию, политическую демографию, роль технологии в международных отношениях, социологию, психологию и этику международных отношений.

К. Райт следующим образом определил предмет теории международных отношений: *«Общая теория международных отношений означает всеобъемлющую, постижимую, последовательную и самокорректирующуюся совокупность знаний, помогающую пониманию, предвидению, оценке и контролю отношений между государствами...»*.

Предмет *международные отношения* также может быть представлен через два основных направления - исследования в области *международной безопасности*, в рамках которых изучаются вопросы войны и мира, и исследования в сфере *международной политэкономии*.

Международная безопасность (security studies) до недавнего времени включала в себя львиную долю тех проблем которые традиционно относят к международным отношениям и это не случайно, поскольку в годы «холодной войны» вопросы гонки вооружений и их сокращений, создание и функционирование военно-политических союзов, военно-дипломатическая деятельность по урегулированию конфликтов в разных регионах мира и т.п., были связаны с тем, быть или не быть третьей мировой войне.

С начала 1990-х гг. исследования в области международной безопасности во все большей степени стали переориентироваться на изучение последствий распада федеративных государств, на предотвращение региональных конфликтов, на взаимодействие разных международных организаций и институтов в этой области (ООН, ОБСЕ, НАТО, ЕС, СНГ и др.). В теории международных отношений появилась новая категория - «мягкая безопасность» (soft security) - для обозначения угроз безопасности государств невоенного происхождения.

В 1970-1980-гг., когда экономические отношения приобрели исключительно большое значение для международных отношений в целом, второй важнейшей составной частью МО стала *международная политэкономия*. Исследования в области международной торговли и международных финансовых отношений должны были ответить на вопрос о связи

экономического и политического сотрудничества, создании и функционировании международных организаций и режимов и др.

В начале 1990-х гг. особое внимание также стало уделяться отношениям с наименее развитыми странами. Проблемы устойчивого развития, включающие социальную и экологическую составляющие, тесно смыкаются с исследованиями в области «мягкой безопасности». Таким образом, долгое время существовавшее разделение международных отношений на международную безопасность и международную политэкономия стало преодолеваться. Это нашло свое отражение также в использовании теоретического арсенала экономической науки.

§ 2.4. ПРЕДМЕТ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Теоретическое изучение мировой политики и международных отношений как части политической науки происходило главным образом благодаря усилиям выходцев из Западной Европы в американских университетах после окончания второй мировой войны, хотя и ранее в этой области знаний работали историки, юристы-международники, философы.

Появление теории международных отношений было связано с социальной потребностью. Подобно тому, как необходимость строить мосты в свое время стимулировала развитие инженерных наук, а желание защитить себя от болезней способствовало появлению и прогрессу медицины, точно также стремление к долгому и прочному миру после первой мировой войны обусловило появление *дисциплины международные отношения*.

Таким образом, потребность в предотвращении новой разрушительной войны стимулировала ход и направление исследований в этой сфере. Как и все другие общественные науки, *международные отношения* в значительной степени несли на себе черты *идеализма*.

После окончания первой мировой войны проблемы войны и конфликта рассматривались идеалистами как отклонение от «нормальных» мирных отношений государств друг с другом. Закончившаяся война, по мнению многих, была «войной, призванной положить конец всем войнам». Ученые, трудившиеся в межвоенный период, строили идеальные конструкции международной федерации, писали о коллективной безопасности и

даже вынашивали идею создания мирового правительства. Однако приход к власти нацистов в Германии, развязавших вторую мировую войну, гибель десятков миллионов людей, быстро закончившееся партнерство стран антигитлеровской коалиции поставили под сомнение эти идеалистические представления о мире.

На смену идеализму пришел реализм. *Реализм* представляет международные отношения как непрекращающуюся борьбу государств за доминирование и в целом *рассматривает конфликт и войну как нормальное состояние мировой политики*. Реализм как теория доминировал в годы холодной войны в связи с тем, что просто и убедительно объяснял сущность войны, союзов, империализма, сложностей международного сотрудничества, а также ряд других феноменов международной жизни. Реализм развивался в течение нескольких десятилетий и в настоящее время имеет несколько направлений.

Позднее, в 1950-1960-е гг., появилось новое направление в изучении международных отношений, критически относящееся как к идеалистам, так и к реалистам. Представители этого направления, стремясь придать изучению международных отношений «подлинно научный характер», рассуждали категориями «моделей», «систем», использовали так называемый поведенческий подход и т.д. Они пытались перенести в политическую науку концепции и категории точных наук. Например, М. Каплан для объяснения понятия «сила» заимствовал распространенную в физике категорию «поле» (Kaplan, Morton, *System and Process in International Politics*), Дэвид Сингер попытался показать, что мировая политика должна, подобно точным наукам, пользоваться математическими методами (Singer, J. David, *Quantitative International Politics*), Карл Дойч написал одну из своих работ, находясь под влиянием теории коммуникации (Deutsch, Karl, *The Nerves of Government*), Оле Холсти активно использовал в одной из своих книг контент-анализ (Holsti, Ole, *The Belief System and National Images: A Case Study*), а Томас Шеллинг - теорию игр (Schelling, Thomas, *Strategy of Conflict*).

Таким образом, изучение международных отношений как части политической науки с 1960-х гг. проходило под знаком борьбы «научных» с «традиционными» (идеалистическим и реалистическим) подходами. Первые обвиняли вторых в размытости их категориального аппарата, обилии метафор (например, что такое «баланс сил», можно ли его каким-либо

образом измерить и т.д.), отсутствии точности и т.д. «Традиционалисты», в свою очередь, упрекали своих оппонентов в том, что они сами предлагают концепции, не поддающиеся никакому исчислению. Как, например, можно определить степень гениальности или, напротив, слабости политического руководства в рамках концепций, где ключевая роль в объяснении внешней политики отводится поведенческому аспекту государственных деятелей?

Традиционалисты полагают, что изучение международных отношений и внешней политики никогда не может стать такой же наукой, как физика или математика. Влияние субъективного фактора настолько велико, что международные отношения как самостоятельная дисциплина, обречена быть скорее искусством, нежели наукой.

Естественно, каждая из названных школ не является монолитной, внутри них имеются определенные расхождения по второстепенным вопросам. Более того, не существует водораздела между этими школами, имеются определенные совпадения во взглядах.

Однако прежде чем приступить к рассмотрению каждого из названных направлений, постараемся кратко ответить на вопросы о том, *каковы критерии качества теории, как теории формируются и как их можно проверить.*

Качество любой теории определяется следующими характеристиками:

1) теория должна обладать *большой объяснительной силой*. Она выделяет наиболее важные и существенные процессы, охватывает максимальное число феноменов, объясняет явления прошлого, настоящего и претендует на понимание будущего;

2) теория допускает упрощение. Она достаточно *экономна* в смысле компактности понятийного аппарата;

3) теория должна *удовлетворять любопытство* исследователя;

4) теория *просто и ясно структурирована*. Она дает четкое объяснение причинно-следственных связей, закономерностей и законов. Она указывает на условия, при которых ее можно применить.

Ошибки при принятии внешнеполитических решений подчас объясняются тем, что политики применяют теории, хорошие для *других* обстоятельств. Например, тезис о том, что «политика

умиротворения делает государство более агрессивным», верен применительно к Германии 1938-1939 гг., но он не универсален. Подчас верно как раз обратное - жесткая непримиримая позиция способствует эскалации конфликта, росту агрессивности и является причиной возникновения войны (многочисленные военные столкновения израильтян и палестинцев);

5) теорию в принципе *можно проверить, но она не абсолютна,*

6) теория должна *объяснять важный феномен,* она отвечает на вопросы, касающиеся интересов многих государств;

7) теория обладает *прогностической функцией. Она может быть использована при принятии политических решений.* Практически каждый серьезный теоретик международных отношений надеется на то, что его рекомендации будут услышаны и реализованы в политической деятельности. Именно в этой функции теории совпадают взгляды представителей практически всех крупнейших школ в изучении международных отношений. Не только объяснение прошлого и настоящего, но и возможность заглянуть в будущее - вот основные задачи теоретического исследования.

Можно по-разному объяснять причины войны. Например, «капитализм порождает империализм, а тот, в свою очередь, неизбежно ведет к войне» (марксизм-ленинизм); «война есть продолжение внутренней политики другими средствами» (Клаузевиц) или «война - экстремальная форма столкновения цивилизаций» (Хантингтон). Однако это мало что дает политикам.

Действительно, «отменить» капитализм нельзя, как невозможно привести к общему знаменателю западной цивилизации весь остальной мир. Тезис же о том, что «взаимозависимые в экономическом отношении демократии друг с другом не воюют», хоть и является спорным, все же дает четкое указание политикам на то, *что* нужно делать в отношении государств, находящихся в стадии трансформации в направлении *от* авторитаризма, - развивать демократические институты, укреплять экономическое сотрудничество как на двустороннем, так и многостороннем уровне, но не говорит о том, *как* это нужно делать и т.д.

Отвечая на вопрос о том, *как создаются теории,* следует сразу же заметить, что все теории историчны, они появились в определенных условиях для решения (или по меньшей мере

объяснения) конкретных феноменов. Если по тем или иным причинам эти теории не удовлетворяли ученых (и политиков), создавались новые или модифицировались старые.

Таким образом, отношение к окружающей действительности (в том числе и к поведению государств) определяется *уже* имеющимися представлениями о неких закономерностях международных отношений и связанными с этим ожиданиями. Иными словами, отбор фактов никогда не бывает полностью свободным. Попытка объяснения не может начаться с нуля. Бессмысленно искать ответы на вопросы о сущности внешней политики, например, новых независимых государств в телефонных справочниках или рекламных изданиях. Они не содержат *фактов*, относящихся к интересующему нас предмету. Напротив, официальные периодические издания соответствующих стран, документы, выступления и мемуары политиков и дипломатов *содержат факты*, подлежащие изучению и интерпретации.

В целом же надо отметить, что часть ученых использует дедуктивный метод, применяя представляющиеся истинными общие положения к рассмотрению частных случаев. Например, многие экономические теории исходят из того, что люди стремятся ко все большему удовлетворению своих потребностей и получению максимальной для себя экономической выгоды.

Другие ученые, напротив, строят свои теории на основании обобщения частных феноменов, идут от частного к общему. Например, наблюдая многолетние попытки Израиля и арабских стран укрепить свои границы, которые, однако, не смогли предотвратить арабо-израильских войн, можно сделать предположение, что причиной войн является стремление к достижению большей, нежели у соседей, безопасности. В целом *большинство теорий носит индуктивный характер*.

Известный американский политолог Дж. Розенау выделяет *девять важнейших принципов*, лежащих в основе теоретизирования в области международных отношений.

Первый принцип определяет возможность теоретизирования без определения теории как таковой. Мы уже отмечали, что теоретизирование на уровне обобщений имеет место даже тогда, когда не используется понятийный аппарат соответствующих теоретических построений.

Второй принцип состоит в необходимости с самого начала осознать, о какой области теоретического знания идет речь.

Эмпирические (empirical) и *ценностные* (value) теории тесно связаны друг с другом, но это не одно и то же. Они могут в чем-то перекрещиваться, у них может быть одинаковый предмет, и ценности всегда предопределяют выбор проблем для эмпирических исследований. Однако главное их отличие состоит в том, что эмпирические теории всегда имеют дело с тем, что *уже* произошло. Они интерпретируют свершившиеся факты, в то время как в ценностных теориях всегда присутствует сослагательное наклонение — что будет с тем или иным международным феноменом в случае определенного воздействия на него со стороны других участников международных отношений? Чем большее значение для исследователя имеют те или иные ценности, тем в меньшей степени он способен к объективному наблюдению. Главная трудность у большинства исследователей состоит в том, что они не способны к эмпирическому теоретизированию в связи с тем, что у них уже сложилось устойчивое мировоззрение, а открытость к восприятию и объяснению новых фактов воспринимается чуть ли не как «отступление от принципов». Например, по наблюдениям Розенау, студенты из стран Третьего мира, воспитанные в условиях традиции многолетней несправедливости, господствовавшей в отношениях с развитыми странами Запада, мировоззренчески привержены *теории зависимости* и с крайней неохотой относятся к фактам, свидетельствующим об изменении парадигмы в отношениях Севера и Юга.

Эмпирическое теоретизирование ведет к созданию теорий, ориентированных на решение конкретных проблем. Эти теории представляют мир в качестве определенной структуры со сложными отношениями между ее компонентами (государства, международные организации, моральные и правовые нормы и др.), которые необходимо заставить эффективно решать определенные проблемы (например, предотвращение и разрешение международных споров и конфликтов между новыми независимыми государствами, вставшими на путь демократических преобразований). Поскольку под сомнение не ставится легитимность компонентов этой структуры, которая рассматривается в качестве стабильной, основное внимание в этих теориях уделяется отдельным проблемам, которые вызывают беспокойство мирового сообщества. Сила таких теорий коренится в способности четко определить параметры исследуемого феномена,

сформулировать гипотезу и достаточно точно и быстро (по историческим меркам) ее проверить. Эти теории чаще всего служат определенным национальным или групповым интересам тех, кто в целом заинтересован в сохранении существующего мирового порядка, поскольку они направлены на *оптимизацию* (или повышение эффективности) данной системы.

В отличие от этого, *критические теории* (например, марксизм-ленинизм) ставят под сомнение саму существующую систему. Они направлены не на улучшение отдельных составляющих существующей системы, а на изменение ее сущности. Критические теории всегда носят исторический характер в том смысле, что имеют дело с изучением процесса изменения и преемственности. Они пытаются выяснить закономерности изменяющейся реальности, что достаточно трудно сделать в связи с необходимостью учета огромного количества различных факторов и взаимосвязанных проблем. *Критические теории ставят перед собой задачу поиска возможных альтернатив существующей реальности, и поэтому неизбежно содержат в себе элемент утопии.* Иными словами, *критические теории являют собой своего рода путеводитель для осуществления стратегических перемен.* Например, преодоление неизбежности войн виделось теоретикам марксизма в реализации мировой социалистической революции и формуле о том, что «социализм и мир неразделимы». Напротив, апологеты либерализма полагают, что мир без войн достижим в случае, если мировое сообщество станет демократическим. По их мнению, «демократии друг с другом не воюют».

Третий принцип теоретизирования состоит в том, что человеческая деятельность в сфере международных отношений является в целом рациональной, что ничего не происходит случайно, что существует детерминизм, т.е. взаимосвязь и взаимообусловленность явлений. В противном случае для теоретизирования не остается места.

Четвертый принцип, по мнению Розенау, является ключевым. Он предполагает готовность и желание быть готовым применительно к каждому факту, каждой ситуации и наблюдаемому феномену задавать себе вопрос «О чем это говорит?», «Как это можно объяснить?» *Думать теоретически - это значит мыслить абстрактно, обобщать, искать причину и следствие.*

Пятый принцип состоит в готовности (а подчас, и необходимости) пожертвовать деталями ради обобщений. Теоретизирование на определенном этапе означает необходимость самоограничения, предпочтение простых объяснений сложным.

Шестой принцип предполагает толерантность исследователя к неопределенности, недосказанности, признание научного плюрализма и отказ от «абсолютных» теорий. Признание исключений и аномалий необходимо, но одновременно важно, чтобы они не отвлекали от общего правила и тенденции.

Седьмой принцип состоит в необходимости творческого подхода к анализу международных отношений, являющихся результатом чрезвычайно сложного взаимодействия многих субъектов. Воображение, интуиция, основанные на глубоком проникновении в предмет, способствуют появлению теорий и теоретиков, которых невозможно застигнуть врасплох ни пактом Молотова-Риббентропа, ни отставкой Никсона, ни распадом СССР.

Восьмой принцип теоретизирования состоит в наличии природного любопытства и желания понять сущность международных отношений.

Наконец, следует иметь в виду, что теории всегда имеют взгляд в будущее. Он определяется временем и местом происхождения теории, точнее их *социальной и политической* составляющими.

Тот или иной взгляд на природу международных отношений зависит от национальной и/или классовой принадлежности его носителя, положения доминирования или подчинения государства, гражданином которого он/она является, тенденций развития этого государства (рост или упадок), а также личных надежд и ожиданий исследователя. Развитая теория никогда не является просто манифестом некоего будущего, но даже имея свою внутреннюю структуру и живя в некотором смысле самостоятельно, *она не может быть не историчной*. Когда же какая-либо теория представляет лишь самое себя, ее целесообразнее рассматривать в качестве *идеологии*.

И, наконец, какую теорию можно считать несостоятельной? Лакатош считает, что та или иная *теория сохраняет актуальность, пока не появилась более совершенная теория*. Это верно в том случае, если теория дает объяснения хотя бы некоторым явлениям. В области международных отношений разные теории объясняют

разные явления, имеют свою сферу применения и поэтому их целесообразно рассматривать в комплексе.

Источники:

Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие/ Н.А. Ломагин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. 166 с., стр. 9-32.

Цыганков П.А., *Теория международных отношений: Учеб. пособие.* – Москва, «Гардарика», 2002. – 590 с., стр. 37-44.

Литература:

1. Буриан А., *Теория международных отношений: Курс лекций в 2-х т., Том 1. «Введение в теорию международных отношений».* - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.

2. Василенко И.А., *Политическая глобалистика, Учебное пособие.* - Москва, «Логос», 2000.

3. Гаджиев К.С., *Введение в геополитику.* Издание второе, переработанное и дополненное. - Москва, «Логос», 2000.

4. Дугин А., *Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством.* Изд. 3-е, дополн. - Москва, «АРКТОГЕЯ-центр», 1999.

5. Жакье, Бернар, *Международные отношения. Том 1. Субъекты международной системы: Учебное пособие.* - Н. Новгород, Изд. Нижегородского ун-та, 1997.

6. Кальвокоресси Питер, *Мировая политика после 1945 года: В двух книгах.* – Москва, «Международные отношения», 2000.

7. Панарин А.С., *Глобальное прогнозирование.* – Москва, «Алгоритм», 2000.

8. *Современные международные отношения. Учебник /* Под ред. А.В.Торкунова. – Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.

9. Burian, Alexandru, *Teoria relațiilor internaționale în sistemul științelor politice* // „Administrarea Publică”, 2001, nr. 2, pag. 119-134.

10. Burian, Alexandru, *Geopolitica lumii contemporane, Manual: pentru facultățile de drept și de relații internaționale a universităților.* - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.

11. Huntington, Samuel P., *Ordinea politică a societăților în schimbare* / Trad. de Horațiu Stamatin, Iași, Editura POLIROM, 1999.

12. Morgenthau, Hans, *Escritos sobre politica internacional.* Con estudio preliminar de Esther Barbe, Tecnos, Madrid, 1990.

13. Ortiz, Eduardo, *El estudio de las Relaciones Internacionales,* Fondo de Cultura Economica, Santiago de Chile, 2000.

14. Rosenau, James N., *The Scientific Study of Foreign Policy*, rev. ed., London: Frances Pinter, 1980.
15. Senarclens, Pierre de, *La politique internationale*, Paris, 1992.
16. Tredinnick, Felipe, *Derecho internacional publico y relaciones internacionales*, Tercera edicion, Editorial "Los amigos del libro", La Paz-Cochabamba, Bolivia, 1997.
17. Vasquez, John, *The War Puzzle*, Cambridge University Press, 1997.
18. Viotti, Paul R.; Kauppi, Mark V., *International relations theory: Realism, Pluralism, Globalism, and Beyond*. – 3rd ed., Allyn and Bacon, Boston, 1998.
19. Wallerstein, Immanuel, *The Modern World-System - 2 volumes*, Academic Press, New York, 1974.
20. Wight, Martin, *Politica de putere*, Chişinău, Editura ARC, 1998.

СУБЪЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ³

§ 3.1. Государства

§ 3.2. Негосударственные субъекты

§ 3.3. Международные организации

§ 3.1 ГОСУДАРСТВА

Как уже отмечалось, наиболее важными действующими лицами на международной арене являются *государства*. Государственные границы определяют пределы государственной территории, т.е. территории, на которую распространяется суверенитет того или иного государства. Принятие законов и их исполнение, сбор налогов, внешнеэкономическая деятельность и др. на территории конкретного государства осуществляются самим государством. Суверенитет государства признается другими государствами путем установления дипломатических отношений и, как правило, членством в Организации Объединенных Наций.

В политической жизни, и нередко в работах по МО, термины *государство*, *нация*, *страна*, *народ* используются как синонимы. Например, заявления о том, что «Молдова намерена интегрироваться в Европейский Союз» или «Россия выступает против расширения НАТО» или «Казахстан поддержал Россию в

³ Бернар Жакье, *Международные отношения. Том I. Субъекты международной системы: Учебное пособие*. - Н. Новгород: Пресс Университер де Гренобль; Изд-во Нижегородского ун-та, 1997. -173 с., стр. 9-25; 118-128; *Современные международные отношения. Учебник* / Под. ред. А.В. Торкунова. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с., стр. 168-172.

вопросе определения статуса Каспийского моря» не означает, что *все* в Молдове, России или в Казахстане придерживаются этой позиции. Многие даже не знают об этом (социологи отмечают, что в среднем даже в периоды избирательных кампаний вопросы внешней политики интересуют максимум 15 % избирателей). На деле, государства подписывают соглашения, делают заявления по принципиальным вопросам международной жизни, как правило, в результате долгого и трудного процесса согласования интересов различных групп - политиков, дипломатов, предпринимателей, военных, представителей спецслужб и т.д. В конечном счете, окончательное решение принимается очень узким кругом лиц или даже одним лицом - главой государства.

Как правило, каждое государство имеет своего лидера (короля, президента или премьер-министра), который представляет государство на международной арене. В некоторых странах (в США, например) глава государства одновременно возглавляет правительство. В любом случае, государственные лидеры - важнейшие фигуры в международных отношениях. В большинстве случаев в своей международной деятельности они опираются на бюрократическую структуру - министерство иностранных дел, которое действует от имени государства.

В результате процесса деколонизации и распада федеративных государств социалистического блока, число государств в мире существенно возросло и превысило 190. Увеличение числа игроков на международной арене, несомненно, усложняет международные отношения и требует времени на их упорядочение.

Вместе с тем следует учитывать, что *государства разительно отличаются* друг от друга по численности населения, территории, объему внутреннего валового продукта, военному и экономическому потенциалу. Например, в 23 странах мира проживает 75 % всего населения планеты (Китай, Индия, США, Индонезия, Бразилия, Россия, Япония, Пакистан, Бангладеш, Нигерия, Мексика, Германия, Вьетнам, Филиппины, Иран, Турция, Таиланд, Великобритания, Италия, Франция, Египет, Украина, Эфиопия), в 15 государствах производится 75 % всех товаров и услуг (США, Япония, Китай, Индия, Германия, Россия, Франция, Великобритания, Италия, Бразилия, Мексика, Канада, Индонезия, Испания, Республика Корея), и всего несколько государств обладают ядерным оружием (США, Россия, Великобритания,

Франция, Китай). Военным же потенциалом для нанесения заданного ущерба любому противнику обладают лишь США и Россия. Очевидно, что именно эти страны являются наиболее важными субъектами международных отношений как на глобальном, так и на региональном уровнях. Не случайно, что специалисты в области МО наибольшее внимание уделяют самым мощным государствам, которые называют *великими* (great powers) и *средними* державами (middle powers).

Хотя в литературе нет четкого определения этой категории государств, отметим, что к *разряду великих* относят всего несколько государств. В XIX в. в клуб великих держав входили только европейские страны. Иногда соответствующий статус закреплялся *формально* (например, «концерт» европейских государств, созданный на Венском конгрессе, или место постоянного члена Совета Безопасности ООН).

В целом же *долгое время считалось, что основным критерием «величия» являются военные возможности государства* - великой державе военный вызов может бросить только другая великая держава. Кроме того, *национальные интересы великих держав, как правило, выходят далеко за пределы национальных границ и имеют глобальный характер.*

Великие державы, как правило, имеют мощные армии. В основе этого лежит развитая экономика, способная покрывать расходы, связанные с содержанием вооруженных сил, развитием военно-промышленного комплекса, фундаментальной и прикладной науки. В свою очередь, такая экономика опирается на целую комбинацию факторов - наличие в численном отношении больших и подготовленных людских ресурсов, обладание необходимыми сырьевыми запасами, высокий технологический уровень производства. Поскольку обладание этими ресурсами является долгосрочным фактором, членство в клубе великих держав не подвергается быстрым изменениям. Только поражение в мировых войнах и, как результат, сокращение территории, временная утрата суверенитета временно выводили государства (Германия и Япония) из числа великих.

Какие государства сегодня относят к числу великих держав? Прежде всего, это *Соединенные Штаты Америки*. Если исходить из того, что объем ВВП является показателем экономической мощи государства, то США (более 7 трлн долларов) существенно превосходят *Японию* (чуть менее 5 трлн). Обладая большой

экономической мощью, Япония, как и идущая четвертой *Германия* (более 2 трлн), в военном отношении менее развиты ввиду ограничений, наложенных на них по итогам Второй мировой войны. Тем не менее силы самообороны Японии и бундесвер обладают самым современным оружием (за исключением ядерного), но лишь в исключительных случаях используются за пределами своей территории (участие бундесвера в миротворческой операции в Югославии).

Китай представляет собой одну из крупнейших экономических держав (ВВП около 1 трлн долларов). Огромные людские ресурсы, политическая стабильность, эффективное управление и ряд других факторов обеспечивают стремительный экономический рост (около 10 % в год в начале 1990-х гг.). Большие по размеру вооруженные силы, которые в течение ряда лет технически модернизируются, призваны решать скорее региональные, нежели глобальные задачи. Тем не менее обладание ядерным оружием и современными средствами доставки, а также место постоянного члена Совета Безопасности ООН позволяют относить Китай к числу великих держав.

Россия даже после распада СССР сохраняет за собой статус одной из великих держав. Огромные вооруженные силы и особенно их ядерная составляющая, обладание богатейшими природными ресурсами, огромная территория, наличие квалифицированной рабочей силы, развитая наука, а также место постоянного члена СБ ООН являются весомыми основаниями для этого.

Франция и Великобритания с ВВП более 1 трлн каждая входят в число наиболее экономически развитых стран мира. Они также являются постоянными членами СБ и входят в клуб ядерных держав.

Таким образом, к великим державам относят пять постоянных членов Совета Безопасности ООН (*США, Россия, Франция, Великобритания и Китай*). Эти же государства располагают самыми большими арсеналами ядерного оружия. В политическом и особенно экономическом отношениях *Японию и Германию* также можно отнести к числу великих держав.

На долю этих семи государств приходится почти половина всего мирового ВВП. Поскольку вторая половина приходится более чем на 180 государств, концентрация власти в руках великих держав поистине значительна.

Наконец, отметим, что статус великой державы не есть величина постоянная. Британия и Франция являются великими державами на протяжении четырех веков, Россия и Германия - двух веков, США и Япония - одного века, Китай - чуть более полувека. К числу великих в разное время принадлежали еще шесть государств - Италия, Австро-Венгрия, Испания, Оттоманская империя, Швеция и Нидерланды.

Средние державы по своему влиянию на международные отношения стоят несколько ниже великих держав. Как правило, *они играют ключевую роль на региональном уровне*, хотя некоторые из них весьма активно участвуют в решении глобальных проблем (например, члены семерки наиболее развитых стран, не относящиеся к великим державам, - *Канада и Италия*). Четких критериев для отнесения государств к этой категории не существует.

Бесспорно, что к числу наиболее влиятельных *средних держав* относятся такие региональные гиганты, как *Индия* (ВВП - 1,5 трлн долларов) и *Бразилия* (0,8 трлн долларов), а также уже упоминавшиеся *Канада и Италия*. Стремительно растущая в экономическом отношении *Мексика*, а также *Южная Корея, Турция и Иран* также относятся к первому эшелону средних держав.

Во *второй эшелон* входят государства с меньшим экономическим потенциалом или же с четко выраженной специализацией: *Тайвань, Индонезия, Австралия, Испания, Украина, Аргентина, Израиль, Саудовская Аравия, Египет, Пакистан, ЮАР и Казахстан*.

К *третьей группе* средних держав относят небольшие промышленно развитые богатые страны Европы (*Нидерланды, Швеция, Бельгия*), а также те государства, чья деятельность простирается за пределы их региона (*Венесуэла, Нигерия, Сирия, Ирак, Северная Корея*).

Внимание к средним державам в теории МО значительно меньше, чем к великим. Однако они часто играют важную роль на региональном уровне и, будучи членами международных организаций (например, ОБСЕ, ОПЕК, НАТО) и наднациональных институтов (ЕС), участвуют в решении глобальных проблем.

§ 3.2. НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ СУБЪЕКТЫ

К негосударственным субъектам международных отношений относят несколько групп важных «игроков», которые оказывают существенное влияние как на «свой» государства, так и на международные отношения в целом.

К первой группе относят наиболее важных представителей бизнеса. Например, американские, западногерманские и иные компании и корпорации действующие в военно-промышленной, нефтяной, финансовой, информационной и других сферах, которые имеют четко сформулированные интересы не только в национальном, но и в международном плане.

К этой же группе относятся и российские нефтяные компании и концерн «Газпром», которые имеют вполне четкие интересы в отношении экспорта своей продукции, ее транспортировки и обеспечения сбыта. Они нуждаются не только в государственной поддержке для реализации этих интересов, но и в расширении экспортных возможностей, участии в освоении новых месторождений (в том числе и за пределами России), строительстве трубопроводов и т.д. Поскольку государство львиную долю доходов получает от экспорта энергоносителей, оно стремится учитывать интересы нефтяников и газовиков. Более того, можно даже сказать, что в значительной степени государство «работает» на нефтегазовый комплекс. Перефразируя известное изречение, можно сказать, что в настоящее время действует принцип - *что выгодно «Газпрому», то выгодно России.*

Вторую группу негосударственных субъектов МО образуют транснациональные корпорации (ТНК), деятельность которых простирается за пределы собственного государства и не всегда совпадает с ними. ТНК обладают большими ресурсами и распоряжаются ими более эффективно, нежели отдельные маленькие государства. ТНК занимаются активной инвестиционной деятельностью, обеспечивают занятость и поступления в бюджет многих бедных стран. Однако и они зависят от поддержки государств, нуждаясь в хорошо регулируемых рынках, политической стабильности и т.п.

§ 3.3. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Наконец, к важнейшим субъектам международных отношений относятся международные организации.

Международная организация - стабильная, четко структурированная форма международного сотрудничества, созданная ее членами на добровольной основе для совместного решения общих проблем и ведущая свою деятельность в рамках устава. Международные организации состоят, как правило, из трех членов, которыми могут быть правительства, официальные организации или неправительственные организации.

Международные организации - это явление историческое. Первые из них возникли в XIX в. при определенных условиях:

- 1) наличие значительного числа суверенных государств;
- 2) значительная интенсивность контактов между этими государствами;
- 3) обеспокоенность проблемами, возникающими в результате этих контактов;
- 4) осознание государствами необходимости создания международных институтов и методов для систематического регулирования отношений друг с другом.

Международные организации имеют согласованные цели, наделенные определенными полномочиями органы, а также такие специфические институциональные элементы, как уставы, правила процедуры и т.д. Цели международных организаций, а также их деятельность должны соответствовать признанным принципам международного права, а также не носить коммерческий характер.

В связи с тем, что в настоящее время международные организации играют все большее значение в международных отношениях (в общей сложности насчитывается более 300 правительственных и около 4000 неправительственных международных организаций), подробнее остановимся на их классификации и характеристике деятельности.

Источники:

Бернар Жакье, Международные отношения. Том 1. Субъекты международной системы: Учебное пособие. - Н. Новгород: Пресс Университер де Гренобль; Изд-во Нижегородского ун-та, 1997. -173 с., стр. 9-25; 118-128.

Современные международные отношения. Учебник / Под. ред. А.В. Торкунова. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с., стр. 168-172.

Литература:

1. Арон Раймон, *Мир и война между народами.* / Под общей ред. Канд. полит. наук Даниленко В. И. – Москва, «NOTA BENE», 2000.
2. Буриан А., *Теория международных отношений: Курс лекций в 2-х т., Том 1. «Введение в теорию международных отношений».* - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.
3. Буриан А., *Введение в теорию международных отношений (Курс лекций)* - Изд. 2-ое, перераб. и доп. - Кишинев: СЕР USM, 2005. – 288 р.
4. Буриан А., *Международные отношения, внешняя политика и дипломатия (Курс лекций)*- Изд. 2-ое, перераб. и доп. - Кишинев: СЕР USM, 2005.
5. Буриан А., *Правовой режим дипломатической деятельности (Монография) - Изд. 2-ое* - Кишинев: СЕР USM, 2005 - 256 р.
6. Буриан А., *Процесс принятия решений в современной внешней политике Молдовы // «Закон и жизнь», 2004, № 12, стр. 4-7.*
7. Василенко И.А., *Политическая глобалистика, Учебное пособие.* - Москва, «Логос», 2000.
8. Гаджиев К.С., *Введение в геополитику.* Издание второе, переработанное и дополненное. - Москва, «Логос», 2000.
9. Дугин А., *Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством.* Изд. 3-е, дополн. - Москва, «АРКТОГЕЯ-центр», 1999.
10. Кальвокоресси Питер, *Мировая политика после 1945 года: В двух книгах.* – Москва, «Международные отношения», 2000.
11. Ломагин Н.А., Лисовский А.В., Сутырин С.Ф., Павлов А.Ю., Кузнецов В.Е., *Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики. Учебное пособие.* - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001.
12. Цыганков П.А., *Теория международных отношений.* – Москва, «Гардарики», 2002.
13. Burian, Alexandru, *Teoria relațiilor internaționale în sistemul științelor politice // „Administrarea Publică”, 2001, nr. 2, pag. 119-134.*
14. Burian, Alexandru, *Geopolitica lumii contemporane, Manual: pentru facultățile de drept și de relații internaționale a universităților.* - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.
15. Der Derian, James, *International Theory, Critical Investigations,* New York University Press, New York, 1995.
16. Huntington, Samuel P., *Ordinea politică a societăților în schimbare /Trad. de Horațiu Stamatini, Iași, Editura POLIROM, 1999.*
17. Morgenthau, Hans, *Escritos sobre política internacional.* Con estudio preliminar de Esther Barbe, Tecnos, Madrid, 1990.
18. Ortiz, Eduardo, *El estudio de las Relaciones Internacionales,* Fondo de Cultura Economica, Santiago de Chile, 2000.

19. Rosenau, James N., *The Scientific Study of Foreign Policy*, rev. ed., London: Frances Pinter, 1980.
20. Senarclens, Pierre de, *La politique internationale*, Paris, 1992.
21. Schwarzenberger, George, *La Política del Poder. Estudio de la Sociedad Internacional*, Fondo de Cultura Economica, Mexico-Buenos Aires, 1960.
22. Tredinnick, Felipe, *Derecho internacional publico y relaciones internacionales*, Tercera edicion, Editorial "Los amigos del libro", La Paz-Cochabamba, Bolivia, 1997.
23. Vasquez, John, *The War Puzzle*, Cambridge University Press, 1997.
24. Viotti, Paul R.; Kauppi, Mark V., *International relations theory: Realism, Pluralism, Globalism, and Beyond*. – 3rd ed., Allyn and Bacon, Boston, 1998.
25. Wallerstein, Immanuel, *The Modern World-System - 2 volumes*, Academic Press, New York, 1974.
26. Wight, Martin, *Politica de putere*, Chişinău, Editura ARC, 1998.

ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ⁴

§ 4.1 Формы государств

§ 4.2 Механизм государства

§ 4.3 Политическая система общества

§ 4.4 Право

*§ 4.5 Понятие и основные особенности современного
международного права*

§ 4.1. ФОРМЫ ГОСУДАРСТВ

Как правило, формы государств рассматриваются в в трех аспектах: форма правления, форма государственного устройства, политический режим.

Форма правления, т. е. система организации центральных органов государственной власти, имеет следующие разновидности.

а) Республика представляет собой такую форму правления, при которой все органы государственной власти, в том числе глава государства, являются выборными. Она представляет собой наиболее демократическую буржуазную форму правления, создавая больше политических возможностей для пролетариата, но в то же время обеспечивая диктатуру буржуазии.

Республика существует в двух основных формах: президентской и парламентарной.

Президентская республика (США, Филиппины) характеризуется соединением в руках президента полномочий главы государства и главы правительства.

⁴ *Теория государства и права*, под ред. К.А.Мокичева. – Москва, «Юридическая литература», 1998, - 632 с., стр. 76-86; 90-95; 116-119.

Высшие органы государственной власти здесь обладают значительной самостоятельностью.

Президентскую республику характеризуют также такие черты, как внепарламентский способ избрания президента, внепарламентский метод формирования правительства, отсутствие парламентской ответственности и права роспуска парламента президентом.

В парламентарной республике (Италия, ФРГ) возглавляемое премьер-министром правительство формируется парламентом и несет перед ним политическую ответственность за свою деятельность (в двухпалатных парламентах обычно перед нижней палатой). Глава государства—президент избирается парламентским путем и обладает правом роспуска парламента. В системе высших органов власти главная роль принадлежит правительству, которое контролирует деятельность парламента и осуществляет все полномочия, принадлежащие по конституции президенту.

б) Монархия—это такая форма правления, при которой глава государства — монарх наследственный; а трон передается от одного представителя царствующего дома к другому согласно законам о престолонаследии. Власть монарха юридически считается непроеизводной, а сам он никакой ответственности за свои действия не несет.

Любая монархия является в настоящее время конституционной, так как власть монарха ограничена основным законом страны. В зависимости от степени ограничения власти монарха различаются два вида монархий: дуалистическая и парламентарная.

Дуалистическая монархия представляет собой переходную от феодального абсолютизма к буржуазной государственности форму правления. Власть монарха, выражающего интересы сильных феодалов, ограничена лишь в законодательной области слабым парламентом, выражающим в основном интересы буржуазии. Правительство ответственно только перед монархом, который его формирует. Парламент не оказывает никакого прямого влияния на правительство. Дуалистическая монархия существует в немногих странах практически исчезает.

При парламентской монархии власть монарха ограничена не только в сфере законодательной, но и исполнительной. Это находит свое выражение в институте ответственности правительства перед парламентом. Парламентарная монархия (Англия, Бельгия,

Швеция, Япония и др.) является чисто буржуазной формой правления. Феодальный элемент в ней несуществен.

Прерогативы и полномочия монарха ограничены фактически, а не юридически, так как они не отменены законом, и в случае острых внутригосударственных конфликтов могут быть применены как резервное оружие для защиты государственных интересов. Так, английская корона имеет право абсолютного вето, которое не применяется с 1707 года.

Форма государственного устройства представляет собой систему национально-территориальной организации государства и имеет следующие разновидности.

а) Унитарные, т. е. слитные государства. Они имеют место там, где территория страны подразделяется на административные единицы, не пользующиеся политической самостоятельностью. В таких странах существуют единые центральные органы государственной власти, единая конституция, гражданство, судебная система и система права. Административно-территориальные единицы наделены некоторыми административными полномочиями, осуществляемыми местными органами самоуправления, которые действуют под контролем центральной власти.

б) Федеративные государства. Они имеют место там, где территория страны разбита на отдельные единицы, наделенные известной политической самостоятельностью (штаты, провинции, земли, кантоны). Союзное правительство и субъекты федерации обладают определенными, установленными конституциями, сферами полномочий. Обычно в федерациях наряду с союзной конституцией существуют конституции субъектов федерации, двойное гражданство и двойная система права, а в парламенте учреждается, как правило, вторая палата как орган федерального представительства. Большинство федераций построено не по национальному, а по территориальному принципу (США, ФРГ, Швейцария, Австралия, Австрия и др.) и не ставит перед собой задачу решения национального вопроса. Это объясняется тем, что большинство федераций однонациональны. В послевоенный период образовались новые федерации в многонациональных странах (например, в Мьянме), которые создали свои штаты по национальному признаку, а Бирманская конституция 1947 года провозгласила даже право на выход из союза.

Политический режим — это совокупность методов и способов осуществления политической власти. Политический режим — наиболее подвижный изменчивый элемент формы государства, так как обычно осуществляется без какого-либо правового оформления. Существует два основных метода властвования: демократический и авторитарный.

Демократический режим характеризуется провозглашением прав и свобод, конституционных гарантий и законности. Демократия как метод осуществления государственной власти формально основывается на принципе правления большинства.

Авторитарный метод властвования применяется тогда, когда при осуществлении государственной власти прибегают к методам насилия, произвола.

Авторитарный метод может существовать при любой форме правления и государственного устройства, но он вызывает резкие структурные и функциональные изменения в государственной машине. Основное направление этих изменений—ликвидация или сведение на нет всех представительных учреждений, слияние партийного и государственного аппарата, установление открытого террора, осуществляемого всеми звеньями государственного аппарата.

§ 4.2. МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВА

Механизм современного государства представляет собой разветвленный аппарат власти, состоящий из различных органов, которые можно подразделить на три основные группы.

1) Центральные органы государственной власти представляют собой вершину государственной машины. Они подвержены регулярным изменениям, зависящим от развития политической борьбы. К их числу относятся:

а) *Глава государства* — президент, монарх. Он рассматривается как номинальный носитель исполнительной власти и высший представитель государства в сфере внешних отношений. Глава государства наделяется рядом традиционных полномочий, которые на практике редко применяются. В парламентарных странах глава государства, как правило, пассивен.

б) *Парламент*—общенациональный представительный орган общества, избираемый населением. По традиции парламенты строились по двухпалатной системе. Однако в настоящее время

большинство парламентов однопалатные. Это объясняется тем, что почти все молодые государства отказались от двухпалатной системы, так как вторая палата не только затягивает законодательный процесс, но и является дополнительной преградой принятия прогрессивных законов. Верхние палаты существуют, как правило, лишь в федеративных государствах. Основные полномочия парламента состоят в принятии законов, утверждении бюджета и контроле над правительством (последнего полномочия лишены парламенты президентских республик и дуалистических монархий). Хотя правовое положение и фактическая роль отдельных парламентов различны, общими их чертами являются: во-первых, то, что законодательная функция фактически осуществляется не столько парламентами, сколько правительствами, которые издают нормативные акты, имеющие силу закона (делегированное законодательство), и контролируют законодательную деятельность парламентов;

во-вторых, парламенты лишь утверждают подготовленные правительствами бюджеты, которые зачастую исполняются даже без парламентской санкции.

Парламентский контроль за деятельностью правительства большей частью носит формальный характер. Правительство, состоящее из лидеров большинства, контролирует свою парламентскую фракцию. Западные авторы не только не скрывают этого, но даже усматривают в подчиненном положении парламентов существенный элемент «парламентской формы правления». Так, Дженнигс пишет: «Теоретически парламент контролирует правительство... В действительности же правительство контролирует парламент... Единственно, что он (парламент) может делать—критиковать (правительство)».

Несмотря на многочисленные недостатки парламентов, они остаются в условиях демократии важнейшими политическими учреждениями.

в) *Правительство*—коллегиальный исполнительный орган государственной власти, руководящий деятельностью всего государственного аппарата. Правительства состоят из глав центральных исполнительных ведомств и возглавляются в парламентарных странах премьер-министрами и в президентских республиках—президентами.

2) Государственный аппарат представляет собой совокупность исполнительных органов государственной власти с

общенациональной территориальной юрисдикцией. Государственный аппарат является постоянным элементом государства, не зависящим в основном по своему составу от верхушечных политических перестановок. Он остается и действует по-прежнему, вне зависимости от смены правительств и изменений в партийном составе парламентов. Государственный аппарат непосредственно осуществляет властные функции. Между ним и населением нет никаких посредствующих звеньев, над ним—только центральные органы государственной власти.

Частью государственного аппарата являются армия, полиция, разведка и контрразведка.

Постоянная армия— это особые отряды вооруженных людей, используемая для осуществления функций защиты государства от опасности извне.

Полиция представляет собой особые отряды вооруженных людей, используемые для поддержания порядка в обществе. Существует несколько видов полиции, но чаще всего различаются уголовная и политическая полиция. В случае «массовых беспорядков» все виды полиции мобилизуются для вооруженного подавления возможных антигосударственных выступлений.

Разведка и контрразведка—органы, осуществляющие соответственно сбор информации об иностранных государствах и борьбу с иностранной агентурой.

3) Местные органы самоуправления в демократических странах избираются населением соответствующих административно-территориальных единиц и населенных пунктов и ведают в пределах установленной компетенции вопросами местного хозяйства, коммуникаций, образования, здравоохранения и некоторыми другими. В ряде стран (США, Англия) эти органы формально независимы, в других (Италия, Франция) они поставлены под прямой контроль центральной власти.

Органы местного самоуправления всегда находятся под контролем центральной власти, который осуществляется либо по линии финансовой (субсидии, дотации и т. д.), либо по линии административной (ропуск муниципалитетов, отстранение мэров, отмена решений и распоряжений, принимаемые муниципалитетами).

Особое место в системе органов государства занимает суд. Основная его задача—охрана правопорядка, защита личности и собственности.

Изложенная выше схема органов государства типична для всех унитарных демократических государств. В федеративных государствах имеется дополнительное звено—органы власти и управления субъектов федерации, правовое положение которых определяется федеральными конституциями и конституциями отдельных штатов. В структурном и функциональном отношении эти органы по существу сливаются с аппаратом центральной власти.

§ 4.3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА

Демократии присуща многопартийность, которая обусловлена двумя основными причинами: во-первых, сложностью состава общества; во-вторых, наличием различного рода конкурирующих группировок в самом государстве и в обществе.

В некоторых странах «существует своеобразная форма многопартийности—двухпартийные системы, которые либо сложились исторически (например, США), либо были введены искусственно (Бразилия, Колумбия).

Партии как политические учреждения осуществляют две основные функции: функцию идеологической обработки населения, с целью прийти или остаться у власти, и функцию борьбы с различными конкурирующими группировками за обладание государственной властью. Соперничество здесь прежде всего выливается в форму избирательной борьбы, где силы противников оцениваются по количеству набранных ими голосов. Каждая партия старается взять в свои руки рычаги управления государством, чтобы использовать власть в своих интересах, добиться выгодных, именно для этой партии, законодательства, бюджета, внешней политики и т. д.

Помимо партий в обществе существуют и общественные (неправительственные) организации, которые имеют черты сходства с некоторыми государственными организациями, а также и свои отличительные черты.

Основное сходство общественных организаций с государственными заключается в следующем:

а) все они являются организациями граждан; б) должны осуществлять свою деятельность на основе принципа законности.

Однако между общественными и государственными организациями есть и различия.

Во-первых, общественные организации возникают на основе самодеятельности и добровольности, государственные же организации, как правило,—в распорядительном порядке, т. е. по указанию вышестоящих органов. Руководящие органы в общественных организациях создаются во всех случаях путем выборов членами этих организаций; управление делами основано на принципе самодеятельности, добровольности и безвозмездности. Государство же управляется платным аппаратом. Руководящие органы государственных организаций во многих случаях назначаются вышестоящими органами, а не избираются коллективами этих организаций. Лишь руководящие органы представительных учреждений создаются путем выборов. *Во-вторых*, общественные организации обеспечивают выполнение стоящих перед ними задач исключительно методами убеждения, воспитания, общественного воздействия. Государственные организации при необходимости могут применять государственное принуждение. *В-третьих*, общественные организации объединяют и представляют лишь часть населения. Поэтому их предписания распространяются лишь на членов соответствующих организаций и имеют главным образом моральный авторитет. Государственные же организации, например представительные учреждения, выступают в качестве официальных представителей всего общества, и их общие предписания имеют общеобязательную силу для всего населения соответствующего района, города, округа, уезда, области, края, кантона, штата. *В-четвертых*, в общественных организациях существует добровольное членство и вся их жизнь строится на основе равенства членов в их взаимоотношениях. В государственных организациях отношения между работниками строятся не на основе добровольного членства, а на принципе служебной подчиненности. *В-пятых*, имущественная база общественных организаций создается, как правило, за счет материальных средств своих членов (вступительные, членские взносы и т. д.). В создании имущественной базы государственных организаций их служащие не принимают участия своими материальными средствами. Средства, необходимые для существования и функционирования государственных организаций, выделяются из государственных фондов в централизованном порядке.

Кроме массовых общественных организаций существуют и другие объединения, союзы и общества, созданные, например, по

национальному признаку (Общество бессарабских немцев в Германии, Союз бессарабцев Аргентины, Союз украинцев Молдовы, Гагауз Халкы и т.д.). Эти объединения исоюзы также действуют в рамках законодательства страны пребывания и, как правило, не вступают в противоборство с властями и другими нациями и национальностями с которыми проживают вместе на территории одного государства.

§ 4.4. ПРАВО И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ

4.4.1. Правовые системы

Правовые системы современных развитых стран отличаются значительным многообразием, но тем не менее их можно свести к двум основным группам.

Правовые системы стран континентальной Европы и тех государств, которые их восприняли, характеризуются делением права на частное и публичное. Согласно господствующим в этих странах представлениям частное право защищает интересы частных лиц от преступных посягательств как со стороны отдельных граждан, так и со стороны государства. К частному праву относятся такие отрасли, как гражданское, семейное, торговое. В отличие от частного, публичное право определяет порядок организации и деятельности органов власти и управления и защищает интересы всего общества и государства от любых посягательств. Понятие публичного права включает в себя право конституционное, административное, международное, уголовное, процессуальное.

Континентальные правовые системы четко разграничивают право материальное и процессуальное. Основным источником права является закон, который устанавливает общие правила поведения и правовые принципы.

Суд в этих странах не занимается нормоустанавливающей деятельностью, а лишь применяет правовые нормы к конкретным случаям. Еще одной особенностью континентальных правовых систем является широкое распространение кодификации как материального, так и процессуального права.

Англо-саксонские правовые системы имеют своей прародительницей общее право Англии, возникшее на рубеже XI и XII веков. Эти правовые системы не знают деления права на частное и публичное. В них отсутствует строгое разграничение материального и процессуального права. В англо-саксонских

странах структурно не выделены отрасли права, известные в континентальной Европе. Не знают они и кодификации.

Основным источником права в этих странах является судебный прецедент (общее право), который считается обязательным для всех судов при рассмотрении аналогичных дел. Суд творит право, но создает он не общие, а казуистические нормы, т. е. правила для решения конкретного дела. В англо-саксонских странах понятия право и закон не совпадают. Парламентский закон становится правом страны только в том случае, если он применен и истолкован судом. Значительную роль в качестве источников права в этих странах играют обычаи и конституционные соглашения. Последние весьма широко применяются в сфере осуществления государственной власти. Конституционные соглашения, по свидетельству известных английских ученых, представляют собой неправовые нормы, регулирующие порядок применения правовых норм.

4.4.2. Соотношение международного и национального права

Проблема соотношения, взаимодействия международного и национального, внутригосударственного права представляет сегодня одну из наиболее важных и сложных проблем юриспруденции.

Соотношение двух систем права определяется взаимодействием регулируемых ими отношений. Первоначально международное право не оказывало влияния на национальное право. Решающим было влияние национального, как более развитого. Проблема привлекла к себе внимание лишь в конце XIX в. Следуя взглядам Г. Гегеля, ряд немецких юристов сформулировали концепцию примата национального права, отвечающую интересам внешней политики Германии, готовившейся к переделу мира. А. Цорн, например, рассматривал международное право как «внешнегосударственное право», нормы которого являются юридическими лишь в той мере, в какой они включены в национальное право. Эта концепция является нигилистической, поскольку отрицает юридическое существование международного права.

Нигилистическая теория с самого начала подвергалась критике в литературе и не получила распространения. Тем не менее ее рецидивы время от времени встречаются. В свое время А. Я.

Вышинский отстаивал теорию приоритета национального права. Формула А. Цорна слово в слово воспроизведена израильским юристом А. Левонтиным. Но гораздо важнее то, что в практике государственных органов наблюдается тенденция признавать фактический приоритет за национальным правом.

В конце XIX в. была сформулирована и концепция дуализма. Согласно ей, международное и национальное право действуют в различных сферах, представляют собой самостоятельные правовые системы, которые не находятся в соподчинении. Дуализм нашел наиболее широкое признание в доктрине. Его сторонники и в наше время считают, что «формально международное и национальное право как системы никогда не могут вступить в конфликт. Может иметь место нечто иное, а именно конфликт *обязательств* или неспособность государства поступать во внутреннем плане так, как того требует от него международное право».

Концепция дуализма наиболее правильно отражала соотношение международного и национального права. Ее недостаток видится в некоторой недооценке взаимосвязи двух систем. Не случайно сторонники данной концепции нередко ищут пути преодоления этого недостатка и способы преодоления коллизий. Болгарский юрист П. Радойнов выдвинул концепцию реалистического дуализма, в соответствии с которой необходимо исходить из того, что коллизии в конечном счете решаются в пользу международного права, так как иной подход означал бы его отрицание.

После Первой мировой войны австрийский юрист Г. Кельзен сформулировал основы концепции примата международного права, согласно которой оно выступает в качестве верховного правопорядка, не ограниченного иными правопорядками, и само определяет сферу действия национального права. В наши дни все больше авторов полагают, что во имя мира международное сообщество должно признать примат международного права, во всяком случае при расхождении его предписаний с нормами национального права.

Правда, государства относятся к этой концепции весьма сдержанно. При подготовке проекта Декларации принципов международного права Специальный комитет ООН отклонил предложение включить в ее текст положение о том, что суверенитет государства подчинен примату международного права. Тем не

менее тенденция ко все более полному отражению предписаний международного права в национальном праве очевидна.

Представляется некорректной формальная постановка вопроса: какое право стоит выше? Каждое решает свои задачи при помощи собственного механизма. Поэтому главное внимание должно быть обращено на порядок их взаимодействия.

Источники:

Теория государства и права, под ред. К.А.Мокичева. – Москва, «Юридическая литература», 1998, - 632 с., стр. 76-86; 90-95; 116-119.

Литература:

1. Буриан А., *Теория международных отношений*: Курс лекций в 2-х т., Том 1. «Введение в теорию международных отношений». - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.

2. Гаджиев К.С., *Введение в геополитику*. Издание второе, переработанное и дополненное. - Москва, «Логос», 2000.

3. Дугин А., *Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством*. Изд. 3-е, дополн. - Москва, «АРКТОГЕЯ-центр», 1999.

4. Жакье, Бернар, *Международные отношения. Том 1. Субъекты международной системы: Учебное пособие*. - Н. Новгород, Изд. Нижегородского ун-та, 1997.

5. Ломагин Н.А., Лисовский А.В., Сутырин С.Ф., Павлов А.Ю., Кузнецов В.Е., *Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики. Учебное пособие*. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001.

6. *Современные международные отношения. Учебник* / Под ред. А.В.Торкунова. – Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.

7. Цыганков П.А., *Теория международных отношений*. – Москва, «Гардарики», 2002.

8. Balan, Oleg; Serbeno, Eduard, *Drept internațional public, Vol. I.* - Chișinău, “Reclama”, 2001.

9. Beniuc, V.; Rusnac, Gh., *Conceptele și noțiunile de bază ale diplomației*, Chișinău, Firma editorial-poligrafică “Tipografia Centrală”, 1998.

10. Burian, Alexandru, *Teoria relațiilor internaționale în sistemul științelor politice* // „Administrarea Publică”, 2001, nr. 2, pag. 119-134.

11. Burian, Alexandru, *Geopolitica lumii contemporane, Manual: pentru facultățile de drept și de relații internaționale a universităților*. - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.

12. Huntington, Samuel P., *Ordinea politică a societăților în schimbare* / Trad. de Horațiu Stamatîn, Iași, Editura POLIROM, 1999.

13. Morgenthau, Hans, *Escritos sobre politica internacional*. Con estudio preliminar de Esther Barbe, Tecnos, Madrid, 1990.

14. Ortiz, Eduardo, *El estudio de las Relaciones Internacionales*, Fondo de Cultura Economica, Santiago de Chile, 2000.
15. Rosenau, James N., *The Scientific Study of Foreign Policy, rev. ed.*, London: Frances Pinter, 1980.
16. Senarclens, Pierre de, *La politique internationale*, Paris, 1992.
17. Tredinnick, Felipe, *Derecho internacional publico y relaciones internacionales*, Tercera edicion, Editorial "Los amigos del libro", La Paz-Cochabamba, Bolivia, 1997.
18. Viotti, Paul R.; Kauppi, Mark V., *International relations theory: Realism, Pluralism, Globalism, and Beyond*. – 3rd ed., Allyn and Bacon, Boston, 1998.
19. Wight, Martin, *Politica de putere*, Chişinău, Editura ARC, 1998.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ⁵

§ 5.1. Понятия «международное публичное право»
и «международное частное право»

§ 5.2. Понятие и основные особенности современного
международного права

§ 5.3. Взаимодействие права и морали
в международных отношениях

§ 5.1. ПОНЯТИЯ «МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО» И «МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО»

В современном международном праве различают международное публичное и международное частное право.

Настоящий учебник не ставит своей задачей рассмотрение вопросов, относящихся к области международного частного права. Представляется целесообразным лишь коснуться вопроса о соотношении двух систем права — международного публичного и международного частного права.

По этому вопросу нет единства мнений. Одни считают, что международное частное право представляет собой не что иное, как вид международного публичного права, другие полагают, что оно является особой отраслью гражданского права, третьи отождествляют международное частное право с международным публичным. Наконец, некоторые юристы считают, что, хотя

⁵ *Международное право: Учебник*. Изд. 2-е, доп. и перераб. Отв. ред. Ю.М.Колосов, В.И.Кузнецов. – Москва, Междунар. отношения, 1998. – 624 с., стр. 7-17.

международное частное право и составляет отчасти одну из специальных отраслей гражданского права, оно в основном очень тесно связано именно с международным публичным правом.

Представляется, что последняя точка зрения, отмечающая внутреннюю связь международного частного права с международным публичным правом, более всего соответствует истинному положению вещей.

Международное частное право, конечно, не тождественно международному публичному праву и не составляет одной из его отраслей, так как иначе субъектами международного права пришлось бы признавать и физических лиц, что в корне неправильно. Кроме того, при таком понимании международного частного права Международному Суду ООН следовало бы принимать к своему рассмотрению и решению споры между субъектами частного права, а это противоречит Уставу ООН.

Однако несомненно, что международное частное право, регулирующее разнообразные гражданско-правовые отношения, связанные преимущественно с международным экономическим оборотом, имеет и международно-правовой характер. В основе международного частного права лежат не только внутренние законы государств, но и международные договоры, а также общепризнанные принципы и нормы современного международного права.

§ 5.2. ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Можно дать следующее определение современному международному праву, не претендуя, разумеется, на то, что оно суммирует исчерпывающим образом все его признаки.

Современное международное право имеет своим главным содержанием общепризнанные принципы и нормы, призванные регулировать самые разнообразные отношения между субъектами международного общения на основе и в целях действенного обеспечения международного мира.

5.2.1. Понятие и виды субъектов современного международного права

В старом международном праве господствовала точка зрения, согласно которой единственным субъектом считалось государство. И в современном международном праве типичными субъектами

права, то есть носителями международных прав и обязанностей, выступают также в первую очередь и главным образом государства, однако появились и новые субъекты как международные организации, нации борющиеся за свою независимость (в случае их международного признания).

Разумеется, ни международные организации, ни их органы, например, не могут считаться по своей правовой природе тождественными в рассматриваемом отношении с государствами. Однако было бы ошибочным отказать многим межгосударственным организациям, в особенности ООН, в наличии известной международной правосубъектности. В самом деле, ООН, представляя собой прежде всего и главным образом политическое объединение государств, является в то же время юридической личностью, то есть в определенной, очерченной ее Уставом области обладает общими правами в сфере международного общения.

Физические лица не могут быть субъектами современного международного права. Вместе с тем многие юристы необоснованно считают, что ныне существует тенденция к превращению индивидуумов в самостоятельных субъектов права, другие утверждают, что они уже являются таковыми, а третьи идут еще дальше, считая их единственными субъектами современного международного права.

5.2.2. Объект международного права

Прежде всего следует отметить, что *нельзя смешивать понятие предмета науки международного права с предметом самого права*. Необходимо также различать предмет международного права и объект международно-правового отношения.

Предметом международного права являются определенные международные отношения. В международном публичном праве речь идет об особых отношениях, то есть прежде всего об отношениях между государствами.

Международные отношения в широком смысле, или отношения между народами вообще, весьма многообразны и не всегда укладываются в международно-правовые рамки, в рамки публичного права. Так, например, международные отношения по линии общественных, спортивных, религиозных и других организаций не имеют, как общее правило, характера публично-правовых отношений.

Однако не всякие отношения даже между государствами представляют собой международно-правовые отношения. Политические и иные отношения между государствами могут иметь в силу тех или иных обстоятельств чисто фактический характер, будучи закрепленными в соответствующей международно-поавовой форме. Основная особенность такого рода отношений заключается в отсутствии в них момента формальной связанности юридическими обязательствами.

Фактические политические отношения между государствами превращаются в международно-правовые только с момента заключения между ними международного соглашения, с момента их присоединения к уже существующему договору на основании международных обычаев или общепризнанных принципов общения народов характера *jus cogens*.

Подобным же образом не всякие экономические межгосударственные отношения относятся к области международного публичного права. Например, сделка купли-продажи, хотя бы и заключенная между представителями правительств, не всегда является актом международного публичного права. Она может рассматриваться иногда как гражданско-правовая сделка, хотя и несколько особого характера.

Специфика в данном случае состоит в том, что при возникновении какой-либо коллизии в таком правоотношении одно государство может быть привлечено в качестве ответчика перед судом другого государства только при условии определенно выраженного им на это согласия. В противном случае налицо будет нарушение судебного иммунитета государства-ответчика. Но это уже другой вопрос. Бесспорным является лишь то, что государство может заключать гражданско-правовые сделки, то есть выступать в качестве субъекта гражданского права.

При определении характера отношений между государствами надо исходить, однако, не из формы этих отношений, а главным образом из их правовой сущности. Международными публично-правовыми отношениями следует считать такие отношения, в которых государства выступают как носители верховных суверенных прав, то есть как субъекты власти. Межгосударственные отношения—это прежде всего межвластные отношения.

В то же время надо иметь в виду, что межвластные отношения могут иметь место не только между государствами, но и между

народами, борющимися за свою независимость и государственное становление.

Наконец, международные отношения публично-правового характера устанавливаются и между международными организациями, также между ними и государствами.

Объект международно-правового отношения—все то, по поводу чего субъекты права вступают в правоотношения между собой на основе общепризнанных принципов и норм международного общения.

Объекты международно-правового отношения могут быть трех видов: 1) территория, 2) действия и 3) воздержание от действий.

Территория выступает в качестве объекта международно-правовых отношений весьма часто, в особенности после окончания войн, например в мирных договорах. Действия могут быть объектом в самых разнообразных правоотношениях между государствами, например в пактах о взаимопомощи, союзных договорах и т. п. Воздержание от действий также является объектом международно-правового отношения, например в пактах о ненападении, о нейтралитете, о законах и обычаях войны.

Однако объект международного права не безграничен. Объект сам по себе, когда он выражается в действии или воздержании от действия, должен быть правомерен. Он не должен противоречить принципам и нормам современного международного права. Так, например, вмешательство во внутренние дела государств не, может быть объектом международно-правового отношения, так как оно запрещено самим международным правом, в частности Уставом ООН. Кроме того, из понятия объекта международно-правового отношения изъяты, как общее правило, те вопросы, которые входят по существу во внутреннюю компетенцию государства.

5.2.3. Источники международного права

Термин «источники права» употребляется в двух значениях. Собственно источником всех правовых норм в конечном счете являются материальные условия жизни общества, общественное бытие. Условия общественного бытия отражаются в форме разнообразных идей, теорий и воззрений, в том числе правовых. Процесс объективирования правовых воззрений проходит стадию волеизъявления определенных групп людей—господствующих

классов государств (в общенародном государстве—всего народа), и таким образом конкретные правила поведения приобретают юридически обязательный характер, то есть становятся нормами права. В международном праве те или иные правила поведения приобретают юридическое качество путем согласования воли участников международного общения.

В другом значении термин «источники права» употребляется в юридической литературе для обозначения тех форм, в которых находят свое конкретное выражение нормы права. Именно в указанном смысле этот термин и употребляется ниже.

В теории международного права принято различать основные и вспомогательные источники.

Основными источниками современного международного права являются международный договор и международный обычай.

Международный договор — это соглашение двух или более — участников международного общения относительно их взаимных прав и обязанностей, которое выражает согласованную волю сторон и основано на добровольности и суверенном равенстве.

Договор является основным и главным источником современного международного права, поскольку он в четкой и определенной форме выражает волю сторон, направленную на установление изменения или прекращение их взаимных прав и обязанностей. Подавляющее большинство норм современного международного права имеет договорный характер.

Международный обычай—это такое правило поведения, которое в результате длительного и всеобщего применения признается участниками международного общения в качестве юридически обязательной нормы.

Таким образом, международный обычай характеризуют три элемента:

1) длительность применения, 2) всеобщность признания и 3) убеждение в юридической обязательности. Первые два элемента имеют относительный характер. Так, в частности, при определенных условиях обычная международно-правовая норма может сложиться очень быстро. Относительность элемента всеобщности выражается в том, что для возникновения обычной нормы не обязательно признание и применение ее всеми без исключения государствами. Необходимым и достаточным практически является признание ее со стороны большинства государств, игра-

ющих главную роль и имеющих наибольший вес в международных отношениях. В условиях сосуществования различных социально-экономических систем необходимым является признание такой нормы со стороны государств этих систем. Некоторые буржуазные авторы считают, что повторяющаяся практика и убеждение в действительном существовании обязательной обычной нормы составляют два ее основных элемента.

Международный обычай следует отличать от норм международной вежливости, или обыкновений.

К вспомогательным источникам современного международного права относятся: 1) решения или постановления международных органов и организаций, 2) внутригосударственные законы, 3) решения национальных судов и 4) доктрины.

Решения и постановления международных органов и организаций в своем подавляющем большинстве касаются внутренних вопросов этих международных учреждений и поэтому не являются источниками международного права. Те же их решения и постановления, которые формулируют правила поведения, выходящие за рамки чисто внутренних вопросов международных организаций, как общее правило, имеют характер рекомендаций, то есть лишены качества юридической обязательности. Они могут являться этапом в становлении новой международно-правовой нормы, а также служить определенным подтверждением существования международно-правовой нормы.

Утверждение того или иного правила поведения, впервые сформулированного в решении или постановлении международной организации, в качестве правовой нормы может иметь место в случае признания ее таковой участниками международного общения. Однако этот последний случай практически сводится к закреплению такого правила поведения или в форме договорной нормы, или в форме обычной нормы международного права.

Особо следует сказать о решениях Генеральной Ассамблеи ООН, которые, как правило, имеют характер рекомендаций. Вместе с тем решения Генеральной Ассамблеи, которые формулируют общие правила поведения, выходящие за рамки собствен» внутренних потребностей Организации Объединенных Наций, которые принимаются единогласно, то есть одобряются государствами противоположных общественно-экономических систем, приобретают значение источников международного права, актов,

содержащих международно-правовые нормы, поскольку они признаются таковыми участниками международного общения.

Совет Безопасности ООН может принимать решения, обязательные в соответствии со ст. 25 Устава ООН для государств — членов Организации. Однако такие решения касаются конкретных случаев и должны быть основаны на действующих принципах и нормах международного права. Именно поэтому решения Совета Безопасности представляют собой по существу акты применения действующих принципов и норм к конкретным ситуациям. Это не исключает возможности влияния их на процесс формирования новых норм международного права.

Решения Международного Суда ООН, как и решения других международных (третейских) судов, являются актами применения норм права, поскольку международные суды не создают новых норм, а только применяют нормы действующего международного права при решении конкретных вопросов, переданных им добровольно участниками международного общения.

Внутригосударственные законы, а также *решения национальных судов* не являются источниками международного права, они обязательны только для субъектов национального права. Значение внутригосударственных законов для международного права состоит в том, что отдельные положения этих законов могут, с одной стороны, получить международное признание и стать либо договорными, либо обычными нормами международного права.

С другой стороны, во внутригосударственных законах, как и в решениях национальных судов, могут подтверждаться действующие нормы международного права. В этом последнем случае значение указанных актов состоит в том, что они помогают определить позицию, отношение государства к конкретному правилу поведения и тем самым служат косвенным, вспомогательным источником международного права, то есть помогают установить существование той или иной нормы в международном праве.

Доктрины (научные труды юристов-международников) также не являются источником международного права, а представляют собой всего лишь личное мнение отдельных людей, хотя и обладающих специальными познаниями в данной области. Значение доктрин состоит в том, что научные труды специалистов могут служить вспомогательным материалом для уяснения содержания тех или иных конкретных принципов, норм и даже целых институтов действующего международного права. Доктрины

могут разрабатывать и формулировать новые правила международного общения (особая роль в этом отношении принадлежит разнообразным научным корпорациям, объединениям юристов-международников), однако такие правила не выходят за рамки своеобразной оферты. Для превращения же их в юридически обязательные нормы необходимо, чтобы они получили международное признание, то есть прошли через стадию согласования волеизъявлений участников международного общения, а волеизъявления были направлены на установление именно юридически обязательных правил, то есть норм международного права.

В прошлом доктрины играли значительно большую роль в практике межгосударственных отношений. В современный период их значение в качестве вспомогательного источника несколько меньше.

5.2.4. Общепризнанные принципы международного права

Под общепризнанными принципами международного права следует понимать некоторые исходные общие и наиболее важные правила поведения в области международного общения, основные правила поведения государств, руководящие начала международной законности, с которыми должны считаться все государства и которые выражают правосознание всего передового человечества.

Принципы международного права как наиболее важные и наиболее общие правила поведения участников международного общения в качестве таковых оказывают определенное влияние на установление международно-правовых норм как более конкретных правил поведения в международных отношениях. Тот или иной принцип не только может предопределять возникновение более конкретных правил поведения, но и подчиняет их себе. Это подчинение находит выражение в том, что более конкретные правила поведения согласуются между собой и в то же время согласуются с принципом как более общим правилом поведения.

Нормы международного права, являясь более конкретными правилами поведения, развивающими и детализирующими международно-правовые принципы, в силу этого могут оказывать более эффективное влияние на международные отношения.

Практика международных отношений нередко свидетельствует, к сожалению, о том, что для реального

претворения в жизнь принципов международного права бывает недостаточно их признания и даже подтверждения такими авторитетными международными актами, как, например, Устав ООН. Вот почему все государства заинтересованы в том, чтобы принципы международного права, относящиеся к поддержанию мира и безопасности, были индивидуализированы и конкретизированы в форме взаимных обязательств участников международного общения. Этим обосновывается необходимость, например, заключения Всемирного договора о неприменении силы.

Договорная норма, впервые сформулированная в локальном международном соглашении, может превратиться в общепризнанную обычную норму или послужить прецедентом для других соглашений и стать общепризнанной договорной нормой международного права.

§ 5.3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВА И МОРАЛИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Международное право, несомненно, связано с такой, например, формой общественного сознания, как мораль, но отнюдь не тождественно ей.

Мораль является одной из самых ранних по времени своего возникновения форм общественного сознания. Она вырастает из потребностей общества в таких правилах поведения людей, которые выражают в конечном счете экономическое и общественные интересы общества в целом, или ее определенных слоев, но не имеют, однако, юридически обязательного характера.

Мораль в сфере межгосударственного общения выступает как долженствование, с которым государства и народы не могут не считаться, если не хотят быть осужденными мировым общественным мнением.

Международное право представляет совокупность норм и принципов, соблюдение которых составляет юридическую обязательность для государства. Нарушение или несоблюдение их может вызвать применение соответствующих санкций против правонарушителя. Сочетание юридических правил с нормами морали отвечало бы высшим интересам международного общения.

5.3.1. Международное право и международная вежливость

Большое значение в международных отношениях имеет соблюдение норм международной вежливости, которые, как и нормы морали не являются юридически обязательными. Особое значение имеют правила международной вежливости в области морских отношений (например, взаимные салюты кораблей в открытом море) и в дипломатической сфере (посольский церемониал).

Правила международной вежливости не являются международно-правовыми нормами, но они тесно взаимосвязаны. В частности, то или иное правило международной вежливости может стать нормой международного права, то есть превратиться в юридически обязательное для всех участников международного общения правило поведения. Это может произойти как посредством превращения такого правила в международно-правовой обычай (обычную норму права), так и посредством закрепления в международном договоре (договорная норма права).

5.3.2. Основа юридической силы международного права

В связи с многочисленными нарушениями международного права как в прошлом, так и в современный период встает вопрос об основах юридической силы международного права.

Основой обязательной силы международного права является добровольное ясно выраженное или молчаливое общее или отдельное соглашение государств по поводу установления определенных правил международного общения, правил, соответствующих современному правосознанию народов, а тем самым и интересам обеспечения мира во всем мире

5.3.3. Виды систематизации норм международного права

Разобщенность, неясность и спорность ряда положений международного права вызывают практическую и научную необходимость в соответствующей систематизации его принципов норм. Систематизация может проводиться в виде инкорпорации, кодификации и прогрессивного развития международного права.

Под *инкорпорацией* международного права понимают такую обработку международно-правовых норм, в силу которой они объединяются и располагаются в систематическом порядке без изменения их существа. Такое объединение норм международного права осуществляется обычно в различного рода сборниках многосторонних соглашений по отдельным вопросам

международных отношений—торговым, транспортным, почтовым и т.

Сущность *кодификации* международного права состоит прежде всего в усовершенствовании действующих международных норм, которое означает приведение их в определенную систему на основе единых принципов.

Главное назначение *прогрессивного развития* международного права заключается в пересмотре существующих норм и формулировании новых, соответствующих уровню правосознания народов данной исторической эпохи правил поведения участников международного общения.

5.3.4. Кодификация международного права

Кодификация международного права может мыслиться как в полном объеме (единый всеобъемлющий кодекс), так и в виде частичной систематизации, то есть объединения отдельных отраслей международного права.

Она может быть официальной, то есть осуществляемой на межправительственной основе, или неофициальной, то есть проводимой отдельными учеными, научными учреждениями и организациями.

Различные предложения об общей кодификации международного права появились еще в XVIII веке (например, Декларация аббата Грегуара 1792 г.). В самом начале XIX века в официальных кругах России, Франции, Австрии обсуждался план создания обширного нового кодекса международного права. Однако в силу глубоких социальных, политических и идеологических противоречий различные планы создания единого общего кодекса международного права не осуществились до настоящего времени, что отнюдь не исключено в будущем.

Несколько иначе обстоит дело с частичной кодификацией международного права. Предпринимавшиеся попытки такой кодификации привели к ряду положительных итогов.

С 1949 по 1980 год комиссия подготовила ряд проектов кодификации по вопросам современного международного права. На пример, положения проектов, относящихся к морскому праву дипломатическим сношениям, договорам, были реализованы в виде Женевских конвенций по морскому праву 1958 года, Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года, Венской конвенции о консульских отношениях 1963 года, Венской

конвенции о праве международных договоров 1969 года. XXV сессией Генеральной Ассамблеи был одобрен такой важный документ, как Декларация о принципах международного права, касающихся сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН. Важно отметить также две Венские конвенции:

1975 года—О представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера и 1978 года—О правопреемстве государств в отношении договоров.

В рамках ООН и другие органы, такие как Комитет по разоружению, Комитет по мирному использованию космического пространства и т. п., занимаются кодификацией и прогрессивны развитием международного права.

В целом в рамках ООН проделана значительная полезная работа по кодификации международного права. Нельзя, однако, не заметить, что главное место в программе кодификации международного права должны занимать вопросы поддержания мир охраны суверенных прав государств и наций и развития дружественных отношений между ними.

Неофициальная кодификация международного права, которая считается более гибкой, находит свое конкретное осуществление в ряде соответствующих проектов отдельных ученых, международных научных учреждений и общественных организаций.

Источники:

Международное право: Учебник. Изд. 2-е, доп. и перераб. Отв. ред. Ю.М.Колосов, В.И.Кузнецов. – Москва, Междунар. отношения, 1998. – 624 с., стр. 7-17.

Литература:

1. Бокшанин А., *История международных отношений и дипломатии в древнем мире*. – Москва, 1948.

2. Буриан А., *Теория международных отношений: Курс лекций в 2-х т., Том 1. «Введение в теорию международных отношений»*. - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.

3. Василенко И.А., *Политическая глобалистика, Учебное пособие*. - Москва, «Логос», 2000.

4. Гаджиев К.С., *Введение в геополитику*. Издание второе, переработанное и дополненное. - Москва, «Логос», 2000.

5. Дугин А., *Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством*. Изд. 3-е, дополн. - Москва, «АРКТОГЕЯ-центр», 1999.

6. Жакье, Бернар, *Международные отношения. Том 1. Субъекты международной системы: Учебное пособие.* - Н. Новгород, Изд. Нижегородского ун-та, 1997.
7. Зайцева О.Г., *Международные межправительственные организации.* - Москва, «Наука», 1983.
8. *История политических и правовых учений.* / Под ред. О.Э.Лейста. - Москва, «Юридическая литература», 1997.
9. Кальвокоресси Питер, *Мировая политика после 1945 года: В двух книгах.* - Москва, «Международные отношения», 2000.
10. Ломагин Н.А., Лисовский А.В., Сутырин С.Ф., Павлов А.Ю., Кузнецов В.Е., *Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики. Учебное пособие.* - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001.
11. *Современные международные отношения. Учебник* / Под ред. А.В.Торкунова. - Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.
12. Цыганков П.А., *Современные политические режимы: структура, типология, динамика (учебное пособие).* - Москва, «Интерпракс», 1995.
13. Цыганков П.А., *Теория международных отношений.* - Москва, «Гардарики», 2002.
14. Beniuc, V.; Rusnac, Gh., *Conceptele și noțiunile de bază ale diplomației*, Chișinău, Firma editorial-poligrafică “Tipografia Centrală”, 1998.
15. Brădescu, Faust, *Doctrină politică* /Faust Brădescu: Studiu introductiv de Georgiana-Margareta Scurtu – Ed. a 2-a, Vol. 1: *Drept și politică internațională*, București, Editura „Majadahonda”, 1999.
16. Burian, Alexandru, *Teoria relațiilor internaționale în sistemul științelor politice* // „Administrarea Publică”, 2001, nr. 2, pag. 119-134.
17. Burian, Alexandru, *Geopolitica lumii contemporane, Manual: pentru facultățile de drept și de relații internaționale a universităților.* - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.
18. Datcu, Ion, *Istoria relațiilor internaționale și a diplomației*, București, 1991.
19. Huntington, Samuel P., *Ordinea politică a societăților în schimbare* /Trad. de Horațiu Stamat, Iași, Editura POLIROM, 1999.
20. Jose, Luis, Leon, *El nuevo sistema internacional. Una visión de Mexico.* Secretaria de Relaciones Exteriores, Ricardo Flores Magon, Mexico, 1999.
21. Morgenthau, Hans, *Escritos sobre política internacional.* Con estudio preliminar de Esther Barbe, Tecnos, Madrid, 1990.
22. Ortiz, Eduardo, *El estudio de las Relaciones Internacionales*, Fondo de Cultura Economica, Santiago de Chile, 2000.
23. Rosenau, James N., *The Scientific Study of Foreign Policy, rev. ed.*, London: Frances Pinter, 1980.
21. Senarclens, Pierre de, *La politique internationale*, Paris, 1992.
22. Schwarzenberger, George, *La Política del Poder. Estudio de la Sociedad Internacional*, Fondo de Cultura Economica, Mexico-Buenos Aires, 1960.

23. Tredinnick, Felipe, *Derecho internacional publico y relaciones internacionales*, Tercera edicion, Editorial "Los amigos del libro", La Paz-Cochabamba, Bolivia, 1997.
24. Vasquez, John, *The War Puzzle*, Cambridge University Press, 1997.
25. Viotti, Paul R.; Kauppi, Mark V., *International relations theory: Realism, Pluralism, Globalism, and Beyond*. – 3rd ed., Allyn and Bacon, Boston, 1998.
26. Wallerstein, Immanuel, *The Modern World-System - 2 volumes*, Academic Press, New York, 1974.
27. Wight, Martin, *Politica de putere*, Chişinău, Editura ARC, 1998.

ПОНЯТИЯ ДИПЛОМАТИИ, ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПРАВА И ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ⁶

§ 6.1 *Определение дипломатии*

§ 6.2 *Дипломатическое право как отрасль международного публичного права*

§ 6.3 *Взаимодействие между дипломатией, внешней политикой и международным правом*

§ 6.4 *Дипломатическая практика и международная процедура*

§ 6.1 ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИИ

Термин *дипломатия* происходит от греческого слова «*diploō*» (дублирую), что означает дублирование документов. Значение дублирования состояло в том, что один экземпляр документа (диплома, письменного документа) оставался у суверена, а другой

⁶ Burian, Alexandru, *Drept diplomatic și consular. Ediția a II-a, revăzută și adăugită*, Chișinău, „Cuant”, F. E.-P. „Combinatul Poligrafic”, 2003; Aurel Bonciog, *Drept diplomatic*, Editura „Paideia”, București, 1997, p. 7-11; Prof., Dr. Ion M. Anghel, *Dreptul diplomatic și consular*, Editura Lumina Lex, București, 1996, p. 6-8; Dumitra Popescu, Adrian Năstase, *Drept internațional public*, Ediție revăzută și adăugită, Casa de editură și presă “Șansa” S.R.L., București, 1997, p. 290; Prof. Univ. Dr. Marțian I. Niciu, *Drept internațional public*, Ediția a II-a (Revizuită și completată), Vol.II. Editura Fundației “Chemarea”, Iași, 1996, p. 131-134; Prof. Dr. Grigore Geamănu, *Dreptul internațional contemporan*, Editura Didactică și Pedagogică. București, 1965, p. 399-404; Mircea Malița, *Diplomația. Școli și instituții*, Ediția a II-a, Revăzută și adăugită, Editura Didactică și Pedagogică, București, 1975, p. 34-37.

передавался через посланников суверену, с которым велись переговоры.

Раскрывая понятие дипломатии, специальная литература разных стран определяет ее либо как науку, либо как искусство. Так, например, английский дипломат Эрнест Сатоу считает, что «дипломатия» - есть применение ума и такта к ведению официальных сношений между правительствами независимых государств, а иногда и к отношениям их с вассальными государствами или, еще короче, ведение дел между государствами с помощью мирных средств». Шарль де Мартенс определяет дипломатию как «науку о внешних сношениях или иностранных делах государства, а в более узком смысле науку или искусство переговоров». Гарольд Николсон утверждает, что «дипломатия это ведение международных отношений посредством переговоров; это метод, при помощи которого эти отношения регулируются и ведутся консулами и послами; работа или искусство дипломатии». Мартин Уайт подчеркивает, что «дипломатия - это система и искусство общения между странами; дипломатическая система - это ведущее учреждение международных отношений». Ян Броунли считает, что термин «дипломатия» «охватывает все средства, с помощью которых государства поддерживают международные отношения, включая двусторонние контакты, осуществляя политические или юридические действия через своих уполномоченных агентов».

Малый дипломатический румынский словарь определяет дипломатию как «официальную деятельность Государственных органов внешних сношений... по осуществлению целей и задач внешней политики государства путем переговоров, переписки и другими мирными средствами».

Авторы советского дипломатического словаря, изданного в 1984 году, характеризуют дипломатию как «средство осуществления *внешней политики* государства, представляющее собой совокупность невоенных практических мероприятий, приемов и методов, применяемых с учетом конкретных условий и характера решаемых задач». Там же уточняется, что дипломатия - это «официальная деятельность глав государств и правительств, министров иностранных дел, ведомств иностранных дел, дипломатических представительств за рубежом, делегаций на международных конференциях по осуществлению целей и задач

внешней политики государства, защите прав и интересов государства, его учреждений и граждан за границей».

Из приведенных выше определений можно сделать следующий вывод: дипломатия - это официальная деятельность государства (или осуществляемая от имени государства) в области внешних сношений, которая охватывает совокупность методов, подходов и других мирных средств, направленных на выполнение целей и задач внешней политики; дипломатия - это наука, включающая изучение дипломатические правила и теорию международных отношений; дипломатия - это искусство вести переговоры.

Следует уточнить, что дипломатическая деятельность осуществляется на основе внутреннего права при соблюдении норм международного права и согласовании с ними. Внутреннее право (конституция и другие нормативные акты) наделяет различные государственные учреждения *полномочиями* в области внешних сношений. Так, например, Конституция Республики Молдова предоставляет Парламенту право утверждать основные направления внешней политики, ратифицировать, денонсировать, приостанавливать действие и аннулировать международные договоры, заключенные Республикой Молдова (ст.66). Президент Республики имеет следующие полномочия в области внешней политики: ведет переговоры, участвует в ведении переговоров, заключает международные договоры... аккредитует и отзывает дипломатических представителей, утверждает учреждение, упразднение или изменение ранга дипломатической миссии, принимает верительные и отзывные грамоты дипломатических представителей других государств (ст.86). Правительство обеспечивает проведение внутренней и внешней политики государства (ст.96). Центральным специализированным органом государства, проводящим политику государства в области внешних сношений, является Министерство иностранных дел.

Согласно Закону об организации Правительства Федеративной Республики Германии (ст.11) переговоры с иностранными государствами могут вестись лишь с разрешения или по поручению Федерального Министерства иностранных дел. Руководителем делегации на международных переговорах независимо от области, в которой они ведутся, обязательно должен быть представитель Министерства иностранных дел. В

исключительных случаях полномочия представителя МИДа могут быть делегированы.

Нормы международного права устанавливают функции дипломатических миссий, их юридический статус, права и обязанности, привилегии, льготы, дипломатический иммунитет и т.д. Нормы международного права, регламентирующие дипломатическую деятельность, закреплены в двусторонних договорах и соглашениях, а также в соответствующих международных конвенциях. Эти конвенции можно считать попыткой кодифицировать нормы международного права, обобщить и унифицировать многообразие местных обычаев и правил.

Как внутреннее право, так и международное устанавливают правила, согласно которым ведутся переговоры и подписываются юридические акты в форме соглашений, договоров, конвенций, пактов и др. Согласно нормам внутреннего права в каждом государстве определены его представители, которые по своему положению имеют право вести переговоры и подписывать международные договоры и другие договоренности, не имея на каждый случай специальных полномочий. Такими представителями являются глава государства, глава правительства и министр иностранных дел.

Дипломаты, являющиеся сотрудниками министерства иностранных дел, независимо от чина и должности могут вести переговоры о договорах и международных договоренностях от имени государства лишь при условии предоставления им на это полномочий. Эти полномочия предоставляются либо главой государства, либо главой правительства (в зависимости от договора, вокруг которого ведутся переговоры) и заверяются (подтверждаются?) министром иностранных дел.

Государственные органы (министерства и департаменты), в круг обязанностей которых, определенных внутренними законами каждого государства, не входят внешние сношения, могут иметь лишь частичные международные функции в своей конкретной области (например, министерство сельского хозяйства - в области сельского хозяйства, министерство культуры - в области культуры). Внешняя деятельность таких государственных органов и их сотрудников не вписывается в термин «дипломатия» и на нее не распространяется международный правовой режим.

§ 6.2 ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПРАВО КАК ОТРАСЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Дипломатическое право охватывает совокупность норм международного права, которые регламентируют организацию, задачи, полномочия и статус государственных органов, ведающих вопросами внешней политики, и которые устанавливают обязанности субъектов международного права.

Дипломатическое право определяется как отрасль публичного международного права, предметом которого являются нормы и практика, регламентирующие внешние сношения государств и других субъектов международного права.

Предметом дипломатического права являются различные сферы дипломатической деятельности, которую осуществляют государственные органы внешних сношений (министерство иностранных дел, постоянные и временные дипломатические миссии), а также определенные сферы деятельности международных организаций и дипломатических конференций.

К субъектами дипломатического права относятся суверенные государства; нации и народы, борющиеся за свободу, независимость и создание собственной государственности; международные организации. В качестве субъектов дипломатического права выступают также государственно-подобные образования, имеющие свои характерные особенности.

Согласно положениям Конвенции Монтевидео 1933 г. государства могут считаться субъектами международного права только при соблюдении следующих условий:

- а) постоянное население;
- б) определенная территория;
- в) правительство;
- г) правоспособность входить в отношения с другими государствами.

Нации и народы, борющиеся за свободу, независимость, и создание собственной государственности могут быть причислены к субъектам международного права в случае, когда они:

- а) создали собственные властные органы;
- б) осуществляют функции публичной власти;
- в) контролируют определенную территорию;
- г) получили международное признание.

Примером такого рода может служить Организация Освобождения Палестины, получившая международное признание и поддерживающая дипломатические отношения со многими государствами.

В качестве противоположного примера можно привести остров Тайвань, государственное образование, не признанное мировым сообществом (независимо от «признания» Вашингтона), которое не пользуется в полной мере статусом субъекта международного права.

Также не имеют статуса субъекта международного права самопровозглашенные республики бывшего СССР и бывшей Югославии: «приднестровская молдавская республика», «абхазская республика», «крымская республика», «албанская республика Косово».

Межправительственные международные организации признаются субъектами международного права, на основании чего могут направлять дипломатические миссии, которые будут существовать как при международных организациях, так и в государствах, не входящих в число членов этой организации. Например, Европейский Союз имеет дипломатические миссии в Токио и Вашингтоне на основе соглашений с правительствами Японии и США, в которых определены тип, ранг, функции и статус этих миссий.

Под квалификацию государственно-подобных образований в качестве субъектов дипломатического права попадают *Папское государство* (Святейший престол или Ватикан), *Международный Комитет Красного Креста* и *Мальтийский Орден*, обладающие характерными особенностями в отношении направляемых ими миссий.

Папское государство (Ватикан) возникло в средние века и просуществовало до 1870 г., когда было поглощено Королевством Италии. В 1929 г. на основании Латеранского договора Папское государство вновь обрело независимость, что было подтверждено Конкордатом с Италией, заключенном в 1984 г. Суверенитет Папского государства распространяется на территории 0,43 км. Глава Папского государства, папа римский одновременно является духовным главой Католической церкви. Папское государство – является участником Венской Конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. и действует как полноправный субъект международных отношений, направляя постоянные и временные

дипломатические миссии как в отдельные страны, так и при международных организациях. Посланцы Папского государства, папские нунции и интернунции, легаты и апостольские делегаты представляют в одно и то же время и государство и Католическую Церковь. Папское государство активно участвует в международных конференциях и выполняет дипломатические миссии в интересах мира.

Международный Комитет Красного Креста не является ни международной организацией, ни государством. Был основан в 1863 г. как международный комитет по оказанию помощи раненым. На момент создания Комитета в него входило 15-20 швейцарцев, и он представлял собой юридическое лицо, подчиняющееся внутренним законам Швейцарии.

Международный Комитет Красного Креста содействовал развитию гуманитарного права и организовал в 1864 г. международную конференцию, на которой была подписана *Конвенция об уходе за ранеными солдатами воюющих армий*.

Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. предоставил Международному Комитету Красного Креста международный статус и право направлять делегатов. Согласно статусу, полученному на основании этих Конвенций, делегаты Комитета, которые являются гражданами Швейцарии, имеют право на владение дипломатическими паспортами, пользуются иммунитетом от юрисдикции и неприкосновенностью, свободой передвижений.

Начиная с 1960 г. Комитет заключил почти 20 договоров с разными странами с целью обеспечения особого статуса для своих представителей. В договорах, подписанных между Комитетом и рядом стран, сделаны ссылки на дипломатический статус, определенный Венской конвенцией 1961 г. На сегодняшний день Международный Комитет Красного Креста имеет почти 350 представителей в 45 государствах.

Мальтийский Орден, который еще носит названия «*Госпитальеры*» или «*Иоанниты*» не имеет отношения к государству Мальта и был основан в Иерусалиме в 1099 г. во времена крестовых походов. В средние века он имел статус княжества в составе Священной Римской империи Германской нации, что позволяло ему самостоятельно устанавливать дипломатические отношения.

В период между 1309 и 1522 гг. Орден распространял суверенитет на острове Родос. С 1523 г. обособился на Мальте и действовал до 1798 г., когда остров был захвачен Наполеоном.

В 1836 г. Святейший престол предоставил Мальтийскому Ордену экстерриториальный статус, на основании чего Орден возобновил практику установления дипломатических отношений с другими государствами. В настоящее время Мальтийский Орден имеет дипломатические отношения с 41 государством.

Источники дипломатического права классифицируются как *прямые источники* или *основные, формальные источники* и *материальные*.

Международный договор является важным источником дипломатического права. Международные договоры подразделяются на двусторонние, которые служат источниками международного права в определенных ситуациях, и многосторонние договоры, определяющие обширные области сотрудничества между государствами.

Двусторонние договоры служат источниками дипломатического права в следующих ситуациях: установление дипломатических отношений между государствами, открытие учреждение постоянных дипломатических миссий, совместное определение класса, которое должно быть присвоено главе дипломатической миссии, определение численности персонала дипломатической миссии.

В многосторонних договорах определяются широкие области межгосударственного сотрудничества путем кодификации существующих обычаев и создания новых юридических норм.

Первой международной конвенцией, регламентирующей аспекты дипломатической деятельности, был *Венский регламент 1815 г. о дипломатических агентах*. 28 февраля 1928 г. на международной панамериканской конференции в Гаване 14 латиноамериканскими странами была подписана *Конвенция о дипломатических агентах*. 18 апреля 1961 г. на Конференции в Вене была принята *Венская Конвенция о дипломатических сношениях* 1961 г. На сегодняшний день в Конвенции участвуют 150 государств. Республика Молдова присоединилась к упомянутой Конвенции в 1993 г. В 1963 г. была принята *Венская конвенция о консульских сношениях*. В настоящее время 117 стран являются участниками этой конвенции, в том числе с 1993 г. Республика Молдова. 10 декабря 1969 г. Генеральная Ассамблея

ООН приняла *Конвенцию о специальных миссиях*, в которой в настоящее время участвует 29 стран.

14 декабря 1973 г. Генеральной Ассамблеей ООН утверждена *Конвенция о предотвращении преступлений и наказании за преступления против лиц пользующихся международной защитой, включая дипломатов*, известная под названием «Нью-Йоркская конвенция 1973 г.». Она вступила в силу в 1977 г, и в настоящее время в ней участвует 70 государств.

В течение достаточно длительного периода был принят целый ряд международных конвенций, регламентирующих деятельность международных организаций, и в особенности, касающихся привилегий и иммунитетов этих организаций. Так, 13 февраля 1946 г. была принята *Конвенция о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций* Республика Молдова присоединилась к этой конвенции в 1995 г. Отметим факт, что США, на территории которых находится штаб-квартира ООН, не присоединилась к вышеуказанной конвенции.

21 ноября 1947 г. была принята *Конвенция о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений ООН*, в которой в основном предусматривались те же иммунитеты и привилегия, что и в отношении ООН. Франция не присоединилась к этой конвенции, несмотря на то, что на ее территории, в Париже, находится штаб-квартира ЮНЕСКО, одного из специализированных учреждений ООН. В феврале-марте 1975 г. в Вене состоялась международная конференция, на которой была предпринята попытка принять *Венскую конвенцию о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера*. Однако Конвенция не вступила в силу. Ключевой проблемой, помешавшей ратификации и принятию данной Конвенции многими государствами, в том числе и странами, на территории которых расположены штаб-квартиры международных организаций, явилась несогласованность позиций при выработке единых подходов по вопросу о придании постоянным миссиям и делегациям статуса равного посольскому и, соответственно, дипломатическому.

Международный обычай, который определяется как «доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы», продолжает оставаться одним из источников дипломатического права и регламентирует дипломатические отношения между государствами в следующих областях: а) сферы,

не регламентированные многосторонними конвенциями; б) отношения между странами, не присоединившимися к многосторонним конвенциям.

Юриспруденция (Судебные решения) и доктрина международного права признаются источниками международного права в соответствии со ст. 38 Статута Международного Суда.

Основные принципы международного права признаются источниками международного права в соответствии со ст.38 п.1 Статута Международного Суда, где указывается, что ни одна юридическая норма или дипломатическое действие не может быть создано с целью нарушения основных принципов международного права.

§ 6.3 ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ ДИПЛОМАТИЕЙ, ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКОЙ И МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ

Внешняя политика выражает внешние интересы государства и закрепляет стратегию их реализации. В этом контексте можно сделать заключение, что исходя из интересами внешней политики государства определяется ранг и структура учреждений, в чью компетенцию входит ее проведение. Например, важный политический интерес одного государства по отношению к другому или группе государств может обусловить создание соответствующей формы сотрудничества и представительства: государства Западной Европы приступили к формированию структур объединенной Европы, максимально увеличив их представительство в разных структурах сообщества (Европейский Парламент, Европейская Комиссия). Слабый интерес одного государства по отношению к другому может привести соответственно к малой форме представительства: например, Федеральная Республика Германия открыла в Восточном Берлине (бывшая ГДР) не посольство, а только «постоянное представительство».

Целью дипломатии является проведение внешней политики с помощью специфических методов и средств, в соответствии с *нормами дипломатического права*. В зависимости от внешней политики государства дипломатическая деятельность может прекращаться. Например, в случае разрыва дипломатических отношений между двумя государствами внешняя политика

государства, выступившего инициатором этого разрыва, исползуется для достижения определенных целей, и не ставит перед дипломатией конкретных задач.

Дипломатическое право как отрасль международного публичного права играет роль инструментальную роль т.е. содействует достижению целей внешней политики и предлагает способы установления и поддержания отношений между государствами. Роль дипломатического права, в этом аспекте, однако не идентична роли дипломатии: в то время как дипломатия представляет собой инструмент реализации внешней политики, дипломатическое право по самой своей сути представляет волю государств и содержит совместно утвержденные и применяемые нормы поведения; дипломатическое право служит общей цели международного сообщества, а не политике определенного государства, и формирует необходимые рамки законодательных условий для установления и развития отношений между государствами.

§ 6.4 ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОЦЕДУРА

Дипломатия и дипломатическая практика тесно связаны с международными отношениями государств и международными процедурами. Практически невозможно представить эти категории, отделив одну от другой. Изучение истории дипломатии подразумевает в какой-то мер и изучение истории международных отношений. Изучая и анализируя дипломатическую практику какого-либо государства, необходимо представить и проанализировать структуру, функции и методы организации и деятельности дипломатической службы этого государства, способы и средства проведения его внешней политики. Другими словами, дипломатическая практика представляет собой особый вид деятельности определенных государственных учреждений, уполномоченных для работы в сфере внешних сношений, и определенных публичных чиновников, которые работают в этих государственных учреждениях.

Государственные учреждения (государственные органы внешних сношений), занимающиеся проведением внешней политики, могут подразделяться на: а) внутригосударственные учреждения б) зарубежные учреждения. Внутригосударственные органы в свою очередь подразделяются на учреждения, которые

представляют государство во всех областях (глава государства, парламент, правительство, глава правительства, министерство иностранных дел) и на учреждения, которые представляют государство только в одной области внешних сношений (министерство внешней торговли, в государствах, где существуют подобные министерства, и министерства и государственные ведомства, ведущие международную деятельность в пределах, определенных внутренним законодательством.). Следует отметить, что понятие *дипломатической службы* используется только в отношении учреждений, специализирующихся в области внешних сношений, - министерство иностранных дел - и особых чиновников этого министерства (дипломатов).

Зарубежные государственные учреждения можно разделить на две группы: постоянные (посольства, дипломатические миссии, консульства, постоянные представительства при международных организациях и торговые представительства, в странах, где они действуют)) и временные (специальные миссии, делегации на международных конференциях и другие типы временных миссий). Понятие дипломатической службы применимо только к дипломатическим миссиям (посольства и постоянные представительства при международных организациях).

Правила международной процедуры представляют собой совокупность общепринятых правил и стандартов международного поведения. По традиции международные процедуры применяются на международных конференциях на высшем уровне и в отношениях между международными организациями, когда международно-правовые нормы не кодифицированы либо не достаточно выработаны, в результате чего участники внешних сношений пользуются методом аналогии. В подобных случаях, мы могли бы утверждать, что (правила) международные процедуры выступают как источник международного права. Например, на международных конференциях в Сан-Франциско, Дубартон-Оксе, Женеве, Вене, Хельсинки и т.д. в случаях, когда конкретно не была определена процедура (регламент) или порядок различных действий, использовалась формулировка: «согласно правилам международным процедуры» и происходила ссылка на прецедент, который впоследствии становился правилом поведения или организационным стандартом на соответствующей конференции.

Источники:

Буриан А., *Введение в дипломатическую практику*. (Учебник для юридических факультетов университетов, перевод с румынского) - Кишинев, Издательство „ARC”, 2001, - 388 с., стр. 15-30.

Литература:

1. Блищенко И.П., Дурдуневский В.Н., *Дипломатическое и консульское право*, Издательство Международные отношения, Москва, 1962.
2. Буриан А., *Международные конференции и дипломатия ad hoc: понятия, структура, правовой режим* //«Белорусский журнал международного права и международных отношений», 2002, № 2, стр. 13-17.
3. Буриан А., *Дипломатическая служба Республики Молдова* // «Московский журнал международного права», № 4, 2003 г., стр. 140-158.
4. Буриан А., *Теория международных отношений: Курс лекций в 2-х т., Том 1. «Введение в теорию международных отношений»*. - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.
5. Гаджиев К.С., *Введение в политическую науку, Издание второе, переработанное и дополненное*. - Москва, «Логос», 2000.
6. Дебидур А., *Дипломатическая история Европы, 1814-1878*, т. 2, Издательство «Феникс», Ростов-на-Дону, 1995.
7. Дугин А., *Основы геополитики*. - Москва, Арктогея, 1997.
8. Кальвокоресси Питер, *Мировая политика после 1945 года: В двух книгах*. – Москва, «Международные отношения», 2000.
9. Ломагин Н.А., Лисовский А.В., Сутырин С.Ф., Павлов А.Ю., Кузнецов В.Е., *Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики. Учебное пособие*. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001.
10. Сатоу, Э., *Руководство по дипломатической практике*, Издательство Института Международных Отношений, Москва, 1961.
11. *Современные международные отношения. Учебник* / Под ред. А.В.Торкунова. – Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.
12. Фокуяма Ф., *Конец истории?!*»Вопросы философии», 1990, № 3.
13. Хантингтон Сэмюел П., *Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка*//Библиотека публикаций Московского Центра Карнеги, „Pro et Contra”, Том 2, Весна 1997.
14. Цыганков П.А., *Теория международных отношений*. – Москва, «Гардарика», 2002.
15. Anghel, Ion M., *Dreptul diplomatic si cjsnular*, Editura Lumina Lex, Bucuresti, 1996,
16. Bonciog, Aurel, *Drept diplomatic*, Editura Paideia, Bucuresti, 1997,
17. Burian, Alexandru, *Drept diplomatic și consular. Ediția a II-a, revăzută și adăugită* (Monografie) - Chișinău, „Cuant”, F. E.-P. „Combinatul Poligrafic”, 2003, - 332 p.
18. Burian, Alexandru, *Teoria relațiilor internaționale în sistemul științelor politice* //„Administrarea Publică”, 2001, nr. 2, pag. 119-134.

19. Burian, Alexandru, *Geopolitica lumii contemporane, Manual: pentru facultățile de drept și de relații internaționale a universităților*. - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.
20. Burian, Alexandru, *Regimul de drept al activității diplomatice* (Monografie) - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2004, - 344 p.
21. Burian, Alexandru, *Drept diplomatic // în: Oleg Balan, Alexandru Burian, Drept internațional public, Vol. II*. - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003, - 384 p., pag. 11-82.
22. Burian, Alexandru, *Reglementarea juridică a relațiilor diplomatice // „Administrarea Publică”*, 2001, nr. 3, pag. 91-104.
23. Feltham, R. G., *Introducere în dreptul și practica diplomației*, Editura ALL, București, 1996.
24. Morgenthau, Hans, *Escritos sobre politica internacional*. Con estudio preliminar de Esther Barbe, Tecnos, Madrid, 1990.
25. Ortiz, Eduardo, *El estudio de las Relaciones Internacionales*, Fondo de Cultura Economica, Santiago de Chile, 2000.
26. Perez de Cuellar, Javier, *Manual de derecho diplomatico*, Ediciones Peruanas, Lima, 1964.
27. Schwarzenberger, George, *La Politica del Poder. Estudio de la Sociedad Internacional*, Fondo de Cultura Economica, Mexico-Buenos Aires, 1960.
28. Tredinnic, Felipe, *Derecho internacional publico y relaciones internacionales*, tercera edicion, Editorial „Los amigos del libro”, La Paz-Cochabamba, Bolivia, 1997.
29. Wight, Martin, *Politica de putere*, Chișinău, Editura ARC, 1998.

ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ⁷

- § 7.1 Геополитические изменения и дипломатическая деятельность
- § 7.2 Дипломатия стран Западной Европы и США
- § 7.3 Внешняя политика и дипломатия стран СНГ
- § 7.4 Дипломатия Республики Молдова и ее характеристика

§ 7.1 ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Изменения в геополитической ситуации, отразившиеся на карте мира после Второй мировой войны, оказали прямое влияние и на дипломатическую деятельность. С одной стороны, мировое

⁷ Burian, Alexandru, *Regimul de drept al activității diplomatice*. Ed. A II-a. Chișinău, CEP USM, 2005, p. 15-18; 48-80; 81-98; 172-181; Буриан А., *Введение в дипломатическую практику*. (Учебник для юридических факультетов университетов, перевод с румынского) - Кишинев, Издательство „ARC”, 2001, - 388 с., стр. 31-48; Aurel Bonciog, *Drept diplomatic*, Editura „Paideia”, București, 1997, p 7-11; Prof., Dr. Ion M. Anghel, *Dreptul diplomatic și consular*, Editura Lumina Lex, București, 1996, p. 6-8; Dumitra Popescu, Adrian Năstase, *Drept internațional public*, Ediție revăzută și adăugită, Casa de editură și presă “Șansa” S.R.L., București, 1997, p. 290; Prof. Univ. Dr. Marțian I. Niciu, *Drept internațional public*, Ediția a II-a (Revizuită și completată), Vol.II. Editura Fundației “Chemarea”, Iași, 1996, p. 131-134; Prof. Dr. Grigore Geamănu, *Dreptul internațional contemporan*, Editura Didactică și Pedagogică. București, 1965, p. 399-404; Mircea Malița, *Diplomația. Școli și instituții*, Ediția a II-a, Revăzută și adăugită, Editura Didactică și Pedagogică, București, 1975, p. 34-37.

сообщество инициировало новые методы сотрудничества и интеграции, которые выкристаллизовывались в рамках новой международной организации - Организации Объединенных наций, формальной правопреемнице Лиги Наций. Новая многосторонняя дипломатия стала характерным явлением современной международной жизни. Значительное влияние международных организаций как на глобальном, так и на региональном уровнях превратилось в мощное средство реализации внешней политики малых держав, которые, объединив усилия, достигли определенных результатов в борьбе за сосуществование с великими державами. Одновременно великие державы учредили специальный механизм - Совет Безопасности ООН, дающий возможность принимать решения, отвечающие их интересам. Примером, объясняющим этот феномен, может служить период 60-х годов, когда в рамках ООН сформировалась группа молодых государств (бывшие азиатские и африканские колонии), которые попробовали добиться от великих держав новых форм международного поведения. Влияние этих государств наблюдалось в ходе дискуссий и конфронтаций на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, а также в процессе утверждения конвенций и многосторонних договоров в различных областях. Многосторонняя дипломатия инициировала новые формы международного сотрудничества на глобальном и региональном уровнях. В послевоенный период были основаны ассоциации, лиги, сообщества, блоки, организации и т.д., которые ставили своей целью улучшение и развитие отношений между государствами в определенных зонах и регионах. Примером общего сотрудничества на региональном и субрегиональном уровне может служить деятельность многочисленных международных организаций: Лига арабских государств (ЛАГ), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Организация Черноморского Экономического Сотрудничества., Центральноамериканский общий рынок, Центральноевропейская инициатива, Содружество Независимых Государств (СНГ), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Совет Европы (СЕ), Европейский Союз (ЕС), Европейская Ассоциация Свободной Торговли (ЕАСТ), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Специальный комитет ООН по Индийскому океану, Организация Исламская Конференция (ОИК), Латиноамериканская Ассоциация Свободной Торговли (ЛАСТ), Общий рынок стран Южного конуса (МЕРКОСУР),

Североамериканская ассоциация свободной торговли (НАФТА), Организация Североатлантического договора (НАТО), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Организация африканского единства (ОАЕ), Организация американских государств (ОАГ), Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК), Западноевропейский союз (ЗЕС).

Вместе с тем во времена холодной войны, длившейся 45 лет, роль дипломатии в результате политики конфронтации и балансирования на грани ядерной войны приобрела новые масштабы. Конфронтация между двумя сверхдержавами - США и СССР, а также между двумя военными и экономическими блоками, НАТО и Европейским экономическим сообществом, с одной стороны, и СЭВ и Варшавским договором, с другой стороны, неизбежно вела к борьбе за военное присутствие, политическое и экономическое влияние в различных зонах мира (частях света).

Внешняя политика государств, входящих в данные блоки, диктовалась групповыми интересами, которые «обосновывались» с идеологической, юридической и пропагандистской точек зрения. Дипломатия и международное право самым непосредственным образом обслуживали служили эти интересы, в результате чего в каждой из группировок появились собственные юридические нормы и правила поведения. В этот же период утвердился и принцип «двойных стандартов», когда действия любой из великих держав на международной арене оправдывались не с точки зрения международного права, а с позиции реальной политики, жизненных интересов и престижа. Поддержка США антинародных режимов в Южной Корее, Парагвае, Никарагуа, Чили и т.д., а СССР прокоммунистических режимов Северной Кореи, Эфиопии, Камбоджи прекрасно иллюстрируют политику великих держав в отношении мирового порядка и своих партнеров по коалиции.

Политика конфронтации, проводимая с начала «холодной войны», будучи бессмысленной и нерегламентированной нормами и принципами международного права, которые были бы приняты обоими военно-политическими блоками, породила опасность возникновения нового мирового порядка, основанного на политике силы. Карибский кризис, разразившийся осенью 1962 г., когда мир оказался перед угрозой возможной термоядерной катастрофы, спровоцированной политиками Москвы и Вашингтона, послужил толчком к стремлению противоборствующих сторон поддерживать равновесие сил. Этот кризис продемонстрировал, что холодная

война в течение нескольких мгновений может превратиться в реальное противостояние, которое в век ракетно-ядерных технологий подобно самоубийству. Диалог между двумя сверхдержавами, начавшийся во время упомянутого кризиса, длился четверть века и принес определенные положительные результаты. Хельсинским Заключительным актом был установлен новый мировой и европейский порядок, сутью которого явился принцип «мирного сосуществования» между двумя антагонистическими системами. В любом случае в 70-80 гг. дипломатия вновь стала основным инструментом управления международными отношениями и проведения политики силы.

На протяжении холодной войны использовался метод управления «буферными зонами», формировавшимися из малых и средних стран. Они были предназначены для того, чтобы уменьшить одновременное давление двух соперничающих сверхдержав. Начиная с 1947 г. Соединенные Штаты пытались любыми средствами усилить роль Западно-Европейского союза как один из способов сопротивления Советскому Союзу. В свою очередь Советский Союз поддерживал и развивал всеми средствами «буферные страны», формируя своего рода двойной «санитарный кордон» в Европе и Азии, направленный на ограничение мирового влияния США.

Новый импульс международным отношениям придала политика сотрудничества между двумя сверхдержавами и, как следствие, между западным и восточным блоками, которую начал и проводил бывший президент СССР Михаил Горбачев. В этот период были сформулированы новые юридические нормы, касающиеся ограничения вооружений, и выработаны новые принципы взаимного сотрудничества. Дипломатия обеих сторон имела возможность выработать новый взгляд на международный порядок, основывающийся на более критическом, аналитическом и конструктивном отношении в сравнении с декларативными позициями правительств этих государств и реальной ситуацией в мире.

§ 7.2 ДИПЛОМАТИЯ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И США

Исчезновение Советского Союза с карты мира привело к глобальным политическим и социальным последствиям. Политика

двухполюсности перестала играть главенствующую роль в международных отношениях, уступив место политике интеграции и сотрудничества, которую проводят Соединенные Штаты Америки. В то же время распад бывшего социалистического блока привел к появлению группы новых независимых государств, которые претендуют на свое собственное место в системе международных отношений.

Падение Советской империи совпало с процессом воссоединения Германии, что неизбежно обусловило новую расстановку сил на европейском континенте. Западная Европа практически была вынуждена пересмотреть приоритеты своей внешней политики в контексте перемен в мире и неопределенности дипломатических отношений. Эти перемены частично привели к изменениям и в методах дипломатической деятельности, выдвинув на первый план общие интересы Западной Европы.

Европейский Союз и НАТО, два представительских учреждения Запада, оказались перед дилеммой «быть или не быть», т.е. оставаться ли в том же составе, сформировавшимся еще во времена холодной войны. «Семейные» разногласия, существовавшие между Западной Европой и Соединенными Штатами на протяжении послевоенного периода, ожили в новых формах. Возобновились стремления Франции и других европейских держав ослабить «дружескую американскую опеку». Желание новых независимых государств отыграть европейское наследство, совпало по времени со стремлением европейских держав ослабить влияние США в Европе и инициировали со всей очевидностью процесс численного и пространственного расширения Европейского Союза. В то же время стало более интенсивным и глубоким взаимное сотрудничество в рамках этой экономической региональной организации, были установлены новые стандарты и правила международного сотрудничества.

Проблема существования НАТО в условиях потери противника и в связи с этим цели, ради которой эта структура была создана, осложнилась из-за противоречий в глобальных интересах между Соединенными Штатами и Западной Европой. Западная Европа в стремлении сформировать новое Европейское Сообщество с единой валютой, прозрачными границами, единым законодательством и стандартами, безусловно, нуждалась бы в общих вооруженных силах, которые защищали бы внешние интересы этого сообщества. Для США эта модель означала бы крах

мировой политики, поскольку их влияние в Европе со временем могло бы свестись к нулю. В этих условиях для американской дипломатии начался период интенсивной и возрастающей активности, направленной на сохранения влияния США в Западной Европе. Эта дипломатическая деятельность осуществляется как посредством двусторонних отношений с европейскими странами, так и с помощью международных организаций, в которых Соединенные Штаты традиционно имеют влияние, в особенности через специализированные структуры ООН, в том числе Международный банк и Международный валютный фонд.

В последнее десятилетие XX века международные отношения и дипломатическая деятельность претерпели существенные изменения и в результате информационной революции, которая непосредственно или косвенно оказывает влияние на разработку внешней политики государств, дипломатических подходов и политической деятельности. Мы могли бы утверждать, что именно благодаря СМИ и существующим информационным технологиям возможно появление мирового политического мышления, что имело бы важные политические последствия. Разумеется, такая возможность существует лишь при условии, что не возобновится идеологическая борьба между сверхдержавами. Стремление США построить однополярный мир с центром в Вашингтоне со временем может столкнуться с отрицательной реакцией Москвы, Пекина, Нью-Дели и других великих держав, в том числе и европейских государств, которые не примут американские «правила игры». В этом случае мир снова может быть разделен на блоки или даже стать многополюсным. При этом дипломатия вновь попадет в зависимость от идеологических и пропагандистских факторов.

§ 7.3 ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ СТРАН СНГ

Содружество Независимых Государств (СНГ) было образовано в конце 1991 г. двенадцатью независимыми государствами, бывшими союзными республиками СССР. Государствами-членами СНГ стали Армения, Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Республика Молдова, Россия, Таджикистан, Туркмения, Украина, Узбекистан. Исполнительный секретариат СНГ находится в Минске.

Содружество Независимых Государств было создано с целью совершения более мягкого перехода от административной экономики к рыночной, координации национальных валют и торгового обмена, решения многочисленных проблем, обусловленных распадом Советского Союза.

В рамках СНГ с самого начала обозначились три группы стран, которые, исходя из национальных интересов, выбрали различные линии поведения. В каждой группе сформировано собственное мнение относительно глубины и методов взаимного сотрудничества. С одной стороны, Россия, Белоруссия, Украина и Казахстан, четыре самых больших и индустриально развитых страны, выдвинули идею создания евроазиатской конфедерации, которая явилась бы правопреемницей бывшей Советской империи в экономической, политической и военной сферах. тому не была одобрена. Однако из-за отказа Украины поддержать эту инициативу, она не получила одобрения. Позднее из этой группы от этой группы отделился Казахстан, охладевший к «евроазиатской» идее.

Вторую группу государств-членов СНГ, претендующих на формулирование собственной концепции сотрудничества в рамках содружества, составили бывшие советские исламские республики: Узбекистан, Туркмения, Киргизия, Таджикистан, Азербайджан и Казахстан, которые входят и в «четверку» и «в шестерку». Эти государства стремятся действовать в рамках СНГ, исходя из интересов общего рынка и сходных проблем переходного периода, однако хотели бы интегрироваться и в исламский мир, все больше попадая под влияние Турции, Саудовской Аравии и Ирана. Со временем эта группа стала неоднородной вследствие внутренней политической ситуации в каждой из этих стран: Таджикистан практически был вынужден допустить присутствие российских войск на своей территории из-за угрозы со стороны вооруженной оппозиции, которую поддерживают афганские талибы; Туркмения вышла из «коалиции», мотивируя свою позицию жизненными интересами, связанными с разработкой газовых и нефтяных месторождения на ее территории и необходимостью последующей транспортировки нефти и газа; Азербайджан сосредоточился на проблемах сохранения своей территориальной целостности (Нагорный Карабах и Нахичевань) и проблемах транзита нефти из Каспийского моря в Средиземное.

В третью группу стран-участниц СНГ, имеющих намерение сотрудничать в рамках Содружества только в экономической сфере, входят Республика Молдова, Грузия и Армения, позже к ним присоединилась Украина. По правде говоря, участие Армении в этой группе представляется довольно условным, поскольку это государство пользовалось политической и военной поддержкой России во время территориального конфликта с Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха. Каждое из государств третьей группы старается выдвинуть на первый план свои национальные интересы и не попасть в ловушку России, поскольку в каждом из них существуют конфликты между коренным и так называемым «русскоязычным» населением. В разжигании и поддержании этих конфликтов заинтересованы определенные политические силы, а также финансовые и криминальные круги России.

Специфика конфликтов на Украине (Крым), в Республике Молдова (Приднестровье и Гагаузия), Грузии (Абхазия, Южная Осетия и Аджария) состоит в том, что Россия в своем стремлении удержать геостратегические позиции в регионах, поддерживает сепаратистские движения в каждой из названных стран, аргументируя свое вмешательство в их внутренние дела «необходимостью защиты интересов русскоязычного населения». Следует отметить, что под понятием «русскоязычное население» российские идеологи подразумевают: в Республике Молдова – украинцев, гагаузов, болгар и русских; на Украине – молдаван, белоруссов, русских, болгар; в Грузии – абхазов, осетин, турок-месхетинцев, русских. В этом смысле конфликт в Армении, в котором Россия приняла сторону Армении, имеет свою специфику, будучи межгосударственным (Армения-Азербайджан).

Дипломатические усилия государств СНГ в первую очередь направлены на поддержание государственности и территориальной целостности каждого отдельного государства и обеспечения их национальной безопасности. Эта проблема является главной для каждого члена Содружества и вынуждает вести многообразную и интенсивную дипломатическую деятельность. В то же время государства СНГ стремятся к интеграции в мировое сообщество и, соответственно, в экономические и политические пространства их территориальных зон: европейские государства – в рамках объединенной Европы, азиатские страны – в рамках азиатского сообщества, или, возможно, исламского. Исключением является только Белоруссия, где ностальгия по «советскому» превалирует

над другими достижениями, а стремление к воскрешению бывшей империи все отчетливее вырисовываются на основе эксплуатации идеи панславизма.

Особую роль в СНГ играет Россия, политическая и юридическая правопреемница Советского Союза. Это государство - большая континентальная держава, имеющая тысячелетнюю историю, гигантскую территорию, огромные материальные и людские ресурсы, владеющая самыми передовыми ракетно-ядерными и космическими технологиями, была поставлена Западом на колени и подверглась унижению, которому обычно подвергаются только страны, проигравшие войну (Германия и Австро-Венгрия после Версаля и Германия и Япония после Потсдама). Россия неизбежно захочет взять реванш, и в этом контексте последствия могут быть непредсказуемыми.

После распада СССР и утверждения Российской Федерации в качестве правопреемницы бывшей империи российская дипломатия действовала хаотично и неопределенно, предпринимая неудачные попытки уравновесить и стабилизировать свои позиции. Подобное поведение было продиктовано тем, что после 1991 г. Россия не имела четко выраженной внешней политики, которая исходила бы из приоритетов ее национальных интересов. Позиции России по различным проблемам международной политики не были очевидными или были выражены слишком слабо. Россия практически «предала» бывших сателлитов и партнеров СССР (Кубу, Монголию, Вьетнам, Северную Корею, Анголу, Мозамбик и т.д.).

С другой стороны, поведение России по отношению к бывшим союзным республикам СССР, когда она напрямую поддерживала этнические конфликты в новых независимых государствах или они происходили с ее молчаливого одобрения, привело к формированию ее негативного имиджа на международной арене. Позиция России в ее внутренних конфликтах, в первую очередь в Чечне вызвала определенные подозрения по поводу правильного толкования Москвой понятий прав человека, права на самоопределение, международного и гуманитарного права. В результате бывшие союзные республики, так же, как и бывшие социалистические страны, дистанцировались от России, зачастую даже во вред своим экономическим интересам.

Приведенные выше факты, как и многие другие, содействовали тому, что Россия утратила свое влияние в зоне

бывшего Советского Союза, что со всей очевидностью привело к ее изоляции в международном плане. Начиная с 1998-1999 гг. в политике России произошли, поначалу слабо заметные, но впоследствии ярче оформившиеся перемены. Речь идет о позиции, которую заняла Россия в конфликте США и ООН с Ираком и, в особенности, в конфликте в районе Косово (Югославия).

В случае с Косово, в результате негибкой линии США и Великобритании, Россия получила серьезные дивиденды в международном плане, которые, возможно, не были по достоинству оценены ни в Вашингтоне, ни в Лондоне. Действия войск НАТО, предпринятые вопреки положениям международного права, нечеткая позиция ООН, неточное попадание бомб в Белграде, вследствие чего пострадали здания посольств Китая и Швеции, привели к возникновению тупиковой ситуации в международных отношениях.

Важным фактором, серьезно подпортившим имидж США в мире и немного улучшившим позиции России, явилась прямая поддержка американцами албанского сепаратистского движения в Косово. Этот случай насторожил даже их сателлитов из НАТО, поскольку сепаратизм существует и в Великобритании (Шотландия и Северная Ирландия), и в Испании (Страна Басков), и во Франции (Корсика, Мартиника), и в Турции (Курдистан). Политика «двойных стандартов», проводимая Вашингтоном, имела обратный эффект в случае с Косово.

XXI век, возможно, явится веком международного сотрудничества, однако может стать и временем новых конфронтаций сверхдержав и влиятельных государств. Стремление Соединенных Штатов Америки единолично править миром, диктуя из Вашингтона «международные правила поведения», безусловно, потерпит неудачу. Внешняя политика Вашингтона обречена на провал, поскольку его натовские сателлиты, будучи соратниками и партнерами, вместе с тем являются соперниками и конкурентами США как в рамках объединенной Европы, так и в рамках двухсторонних отношений.

Сосуществование в мире нескольких государств, обладающих мощным потенциалом материальных и людских ресурсов, передовыми технологиями в различных областях, в том числе в военной, войдет в противоречие с тем, что роль лидера играет одно государство, даже если это государство США, которые на современном этапе богаче и лучше организованы, чем

остальные. Подобные возможности сегодня есть у России, Китая, Великобритании, Франции, Индии. В настоящее время Израиль, Пакистан, Северная Корея и несколько других государств, обладая меньшим потенциалом, имеют, однако, при этом ядерное оружие. К сожалению, все это говорит о том, что мир возвращается к положению дел, существовавшему в 60-е гг., когда равновесие сил основывалось на доктрине гарантированного взаимного уничтожения.

§ 7.4 ДИПЛОМАТИЯ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА И ЕЕ ХАРАКТЕРИСТИКА

Республика Молдова провозгласила свою независимость 27 августа 1991 г. и, вместе с другими 14 бывшими союзными республиками СССР стала полноправным членом международного сообщества. Затем последовала внутренняя процедура «развода» в рамках бывшего СССР и внешняя процедура «двустороннего признания» ее другими странами и международными организациями, в первую очередь ООН.

Став субъектом международного права, Республика Молдавия начала процесс установления дипломатических отношений с другими субъектами международного права и, соответственно, учреждения своих постоянных дипломатических миссий за рубежом. Параллельно начался процесс реорганизации специализированных государственных учреждений, поскольку в качестве союзной республики Молдавская ССР имела Министерство иностранных дел, функции которого ограничивались так называемыми «дружественными отношениями с городами-побратимами».

Реорганизация, или точнее, создание дипломатической службы Республики Молдова превратилась в интересный, но и необычайно трудный творческий процесс, поскольку страна в тот момент не обладала необходимыми юридическими нормами, позволяющими осуществлять внешние функции, не располагала профессионально подготовленными дипломатическими кадрами, не имела опыта работы в области внешних сношений, а также базы данных, касающихся норм и принципов международного права. Вопреки этим проблемам и трудностям всего лишь в течение двух-трех лет Республика Молдова сумела организовать

дипломатическую службу, деятельность которой осуществляется в центральном аппарате Министерства иностранных дел и дипломатических миссиях за рубежом.

Министерство иностранных дел Республики Молдова является центральным специализированным органом, который проводит политику государства в области внешних сношений. Структура центрального аппарата министерства состоит из территориальных, функциональных и административно-технических управлений.

1. Главное управление Европы и Северной Америки;
2. Главное управление СНГ;
3. Управление Азии, Африки и Латинской Америки;
4. Главное управление европейских организаций;
5. Главное управление международных организаций;
6. Главное управление международного права и договоров;
7. Управление международных экономических отношений;
8. Управления анализа, координации и информационной политики;
9. Управление средств массовой информации и культуры;
10. Управление дипломатического протокола;
11. Управление исполнительного секретариата и канцелярии;
12. Управление по обслуживанию дипломатического корпуса;
13. Административно-кадровое управление;
14. Управление бухгалтерских отчетов, финансов и контроля;
15. Архив и библиотека.

В зависимости от возникающих функций и потребностей, структура центрального аппарата МИД может быть изменена и преобразована. Даже с первого взгляда можно заметить отсутствие *Юридического департамента*, который занимался бы правовым обеспечением, проблемами границ, гражданства, национальных приоритетов за рубежом и т.д. В настоящее время этими проблемами занимается Главное управление международного права и договоров. Также заметно отсутствие *научного департамента*, который занимался бы теоретическими и практическими исследованиями в области внешней политики. Ощущается отсутствие *департамента коммуникаций и безопасности*, который работал бы над проблемами обеспечения передачи информации (в том числе посредством дипломатической почты и зашифрованной информации) и обеспечения безопасности дипломатических миссий

за рубежом. По нашему мнению, было бы рационально организовать *департамент политики*, который подразделялся бы на региональные отделы или управления, которые в настоящее время функционируют отдельно, дублируя некоторые виды работы.

Исходя из своей основной функции, Министерство иностранных дел обязано проводить политику государства в области внешних сношений. Эта функция не ограничивается прямыми обязанностями, состоящими в доведении до руководства страны информации о важнейших международных событиях и разработке предложений о позиции государства по отношению к ним, или в выработке инициатив, ведении переговоров, подготовке, подписании и ратификации международных договоров. Функция реализации государственной политики в области внешних сношений включает координацию деятельности центральных специализированных органов и других государственных административных ведомств с целью установления и развития отношений с другими странами. В этом смысле очень важно, чтобы МИД всегда оставался ответственным за основную информацию, политические рекомендации и другие виды деятельности и всегда был готов принять решение или выработать рекомендацию, в случаях когда специализированное министерство или департамент, преследуя собственные ведомственные цели, утрачивают четкое видение национальных интересов.

Согласно положениям Конституции (ст.66), Парламент Республики Молдова одобрил 8 февраля 1995 г. Концепцию внешней политики Республики Молдова, в которой определяются приоритеты, основные принципы и направления молдавской внешней политики. Реализация этой концепции даст возможность Республики Молдова построить независимое, единое и неделимое государство, которое намерено поддерживать взаимовыгодные отношения со всеми странами мира.

Знаменателен факт, что молдавская дипломатия с большой оперативностью приступила к реализации основных принципов внешней политики, которые на первоначальном этапе состояли в установлении дипломатических отношений с разными странами, учреждении дипломатических миссий за рубежом и укреплении позиции страны в мировых и региональных международных организациях. В этой сфере удалось достигнуть положительных результатов. В начале нового тысячелетия на повестке дня находится первостепенная проблема присоединения к

Европейскому Союзу и стратегические решения, касающиеся деятельности Республики Молдова в рамках СНГ. Эти моменты обязывают проводить хорошо продуманную и четко выраженную внешнюю политику.

Серьезного анализа требует проблема нейтралитета Республики Молдова с точки зрения достижения реальных результатов. В этом контексте приветствовался бы опыт, накопленный нейтральными странами (Швейцария, Австрия, Швеция, Коста-Рика и т.д.), сумевшими сформировать механизм обеспечения своего нейтралитета не на словах, а на деле.

Надеемся, что эти, как и многие другие задачи и проблемы, стоящие перед молдавской дипломатией, будут успешно разрешены.

Источники:

Буриан А., *Введение в дипломатическую практику*. (Учебник для юридических факультетов университетов, перевод с румынского) - Кишинев, Издательство „ARC”, 2001, - 388 с., стр. 31-48.

Современные международные отношения: Учебник / Под. ред. А.В. Торкунова. — Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с., стр. 142-151.

Литература:

1. Блищенко И.П., Дурдуневский В.Н., *Дипломатическое и консульское право*, Издательство Международные отношения, Москва, 1962.

2. Буриан А., *Введение в дипломатическую практику*. (Учебник для юридических факультетов университетов, перевод с румынского) - Кишинев, Издательство „ARC”, 2001, - 388 с.

3. Буриан А., *Международные конференции и дипломатия ad hoc: понятия, структура, правовой режим* // «Белорусский журнал международного права и международных отношений», 2002, № 2, стр. 13-17.

4. Буриан А., *Дипломатическая служба Республики Молдова* // «Московский журнал международного права», № 4, 2003 г., стр. 140-158.

5. Буриан А., *Теория международных отношений: Курс лекций в 2-х т., Том 1. «Введение в теорию международных отношений»*. - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.

6. Гаджиев К.С., *Введение в политическую науку, Издание второе, переработанное и дополненное*. - Москва, «Логос», 2000.

7. Дебидур А., *Дипломатическая история Европы, 1814-1878*, т. 2, Издательство «Феникс», Ростов-на-Дону, 1995.

8. Дугин А., *Основы геополитики*. - Москва, Арктогея, 1997.

9. Кальвокоресси Питер, *Мировая политика после 1945 года: В двух книгах*. – Москва, «Международные отношения», 2000.

10. Ломагин Н.А., Лисовский А.В., Сутырин С.Ф., Павлов А.Ю., Кузнецов В.Е., *Введение в теорию международных отношений и анализ*

внешней политики. Учебное пособие. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001.

11. Сатоу, Э., *Руководство по дипломатической практике*, Издательство Института Международных Отношений, Москва, 1961.

12. *Современные международные отношения. Учебник* / Под ред. А.В.Торкунова. – Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.

13. Фокуяма Ф., *Конец истории?!* // «Вопросы философии», 1990, № 3.

14. Хантингтон Сэмюел П., *Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка* // Библиотека публикаций Московского Центра Карнеги, „Pro et Contra”, Том 2, Весна 1997.

15. Цыганков П.А., *Теория международных отношений*. – Москва, «Гардарики», 2002.

16. Anghel, Ion M., *Dreptul diplomatic si consular*, Editura Lumina Lex, Bucuresti, 1996,

17. Bonciog, Aurel, *Drept diplomatic*, Editura Paideia, București, 1997,

18. Burian, Alexandru, *Drept diplomatic și consular. Ediția a II-a, revăzută și adăugită* (Monografie) - Chișinău, „Cuant”, F. E.-P. „Combinatul Poligrafic”, 2003, - 332 p.

19. Burian, Alexandru, *Teoria relațiilor internaționale în sistemul științelor politice* // „Administrarea Publică”, 2001, nr. 2, pag. 119-134.

20. Burian, Alexandru, *Geopolitica lumii contemporane, Manual: pentru facultățile de drept și de relații internaționale a universităților*. - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.

21. Burian, Alexandru, *Regimul de drept al activității diplomatice* (Monografie) - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2004, - 344 p.

22. Burian, Alexandru, *Drept diplomatic* // în: Oleg Balan, Alexandru Burian, *Drept internațional public, Vol. II*. - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003, - 384 p., pag. 11-82.

23. Burian, Alexandru, *Reglementarea juridică a relațiilor diplomatice* // „Administrarea Publică”, 2001, nr. 3, pag. 91-104.

24. Feltham, R. G., *Introducere în dreptul și practica diplomației*, Editura ALL, București, 1996.

25. Morgenthau, Hans, *Escritos sobre politica internacional*. Con estudio preliminar de Esther Barbe, Tecnos, Madrid, 1990.

26. Ortiz, Eduardo, *El estudio de las Relaciones Internacionales*, Fondo de Cultura Economica, Santiago de Chile, 2000.

27. Perez de Cuellar, Javier, *Manual de derecho diplomatico*, Ediciones Peruanas, Lima, 1964.

28. Schwarzenberger, George, *La Politica del Poder. Estudio de la Sociedad Internacional*, Fondo de Cultura Economica, Mexico-Buenos Aires, 1960.

29. Tredinnic, Felipe, *Derecho internacional publico y relaciones internacionales*, tercera edicion, Editorial „Los amigos del libro”, La Paz-Cochabamba, Bolivia, 1997.

30. Wight, Martin, *Politica de putere*, Chișinău, Editura ARC, 1998.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ⁸

- § 8.1. Классификация международных организаций*
- § 8.2. Структура и функции международных организаций*
- § 8.3. Международные организации как инструмент
внешней политики*

§ 8.1. КЛАССИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Существует множество критериев классификации международных организаций. Мы будем рассматривать типы международных организаций с точки зрения членства, провозглашенных целей и деятельности, а также структуры международных организаций.

8.1.1. Членство как критерий классификации международных организаций

Международные организации разделяются на правительственные и неправительственные организации. Совет по

⁸ *Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие/* Н.А. Ломагин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. 166 с., стр. 15-28; Бернар Жакье, *Международные отношения. Том 1. Субъекты международной системы: Учебное пособие.* - Н. Новгород: Пресс Университер де Гренобль; Изд-во Нижегородского ун-та, 1997. -138-144.

экономическим и социальным вопросам ООН зафиксировал, что «любая международная организация, соглашение о создании которой не носит межправительственного характера, будет рассматриваться как неправительственная международная организация» (Резолюция 288 {x} от 27 февраля 1950 г.).

Традиционное представление о международных организациях, основанных государствами, основывается на концепции, которая содержит в себе три важных компонента:

во-первых, в подавляющем большинстве случаев только суверенные государства являются субъектами международного права;

во-вторых, суверенные государства равны;

в-третьих, для суверенных государств значение имеют только общепризнанные нормы международного права, а также обязательства, вытекающие из подписанных ими международных договоров.

Устав ООН содержит на этот счет очень важное положение:

«Ничто, содержащееся в настоящем Уставе, не дает права Объединенным Нациям вмешиваться в вопросы, относящиеся к сфере внутренней юрисдикции любого государства за исключением мер принудительного характера в соответствии с главой 7 Устава».

Только в этом вопросе ООН обладает свойством наднациональной организации.

8.1.2 Регионализм и универсализм как критерии классификации Международных Организаций

Еще одним важным аспектом членства международных организаций является основа, на которой она строится. Примерами двух полярных возможностей создания международных организаций могут быть Бенилюкс и ООН. В первом случае соседние государства Бельгия, Нидерланды и Люксембург, имеющие много общего в социальной, экономической и политической сферах, заключили между собой соглашение;

во втором случае практически все суверенные миролюбивые государства стали членами универсальной организации - ООН.

Обычно различают *региональные* и *универсальные* (или *глобальные*) международные организации. Подобная классификация дает представление не только о количественной и

географической характеристике организации, но и отчасти о ее задачах.

И. Клод отмечает, что «конституциональная проблема достижения баланса между региональным и универсальным подходом в отношении международных организаций далеко не разрешена», и отмечает, что существует еще два элемента, которые необходимо принимать во внимание. Во-первых, Устав ООН содержит немало положений относительно региональных организаций - статьи 23(1), 33(1), 47(4), 52-54, 101(3). Особое значение имеет статья 52(1), в которой говорится:

«Ничто в настоящем Уставе не исключает возможности существования региональных ... организаций, занимающихся такими проблемами, как поддержание международного мира и безопасности..., если ... эти организации и их деятельность согласуются с целями и принципами Организации Объединенных Наций».

Во-вторых, Устав ООН очень четко подчеркивает ведущую роль этой универсальной организации в вопросах обеспечения мира и безопасности. Статьи 52(3) и 53(1) фиксируют положение о том, что региональные организации не должны никоим образом ослаблять усилия Совета Безопасности в деле мирного разрешения конфликтов и принуждения к миру.

Отметим, что *международные организации с ограниченным числом участников, большая часть из которых близка друг к другу в географическом, культурном, экономическом и политическом отношениях, обычно называют «региональными».* Вместе с тем следует отметить, что такой подход весьма уязвим по ряду обстоятельств:

1) регионы как таковые порой непросто четко определить. Использование одного критерия (географического) вряд ли корректно, а использование нескольких критериев может привести к взаимоисключающим или в лучшем случае неопределенным результатам;

2) регионы достаточно трудно отделить друг от друга, поскольку периферии часто накладываются друг на друга;

3) даже если возможно определить и разграничить регионы, необходимо учитывать, что они не статичны, а подвержены изменениям и со временем теряют свои прежние очертания;

4) наконец, если *понятие регион* столь неопределенно и изменчиво, то в такой же степени несовершенным является понятие *региональная организация*.

Очевидно, что корректнее было бы говорить об организациях с *ограниченным членством* в противовес организациям *универсального характера* (Ачер).

8.1.3. Цели и деятельность как критерий классификации

Наиболее часто встречающимся критерием классификации международных организаций являются закрепленные в их уставных документах цели, а также деятельность по достижению этих целей. *Международные организации рождаются в результате согласования воли их членов, которые, естественно, имеют подчас не вполне совпадающие намерения при создании международной организации.*

Как правило, наряду с целями международной организации в уставных документах содержится указание на формы и методы деятельности, которые могут обеспечить реализацию провозглашенных задач. В любом случае цели организации и ее реальная деятельность дают наиболее полное о ней представление.

В Преамбуле Устава Организации Объединенных Наций сказано:

«Мы, народы Объединенных Наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность личности, в равные права мужчин и женщин, всех наций, больших и малых, и создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, и содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе

И В ЭТИХ ЦЕЛЯХ

проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи, и объединить наши усилия для поддержания международного мира и безопасности, и обеспечить принятием принципов и установлением методов, чтобы вооруженные силы применялись не иначе, как в общих интересах, и использовать возможности организации для социального и экономического развития всех народов...

РЕШИЛИ ОБЪЕДИНИТЬ НАШИ УСИЛИЯ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЭТИХ ЦЕЛЕЙ».

Эта выдержка из Преамбулы Устава ООН дает представление о масштабыности задач, которые организация поставила перед собой, показывает стремление ее основателей придать ООН поистине универсальный характер.

Напротив, Устав Всемирной торговой организации (ВТО), подписанный в 1994 г., четко указывает на ограниченную сферу деятельности, а именно торговлю и международные экономические отношения. В статье 1 Устава говорится, что ВТО будет обеспечивать общую институциональную основу для ведения торговли между ее членами по вопросам, относящимся к соглашениям и связанным с ними юридическими инструментами, включенными в Приложения к Договору о создании ВТО.

Таким образом, спектр задач международных организаций очень широк - от универсальных (ООН) до очень узких и специфических (например, Международная палата мер и весов).

Существует несколько вариантов классификации международных организаций исходя из критерия их деятельности. Например, некоторые специалисты предлагают разграничивать универсальные и специализированные организации, а также политические и технические. Другие разделяют международные организации на военные, политические и экономические. Третьи тоже выделяют три типа организаций, но при этом особо отмечают организации, которые пытаются выполнять несколько функций сразу на региональном и межрегиональном уровне (ОБСЕ, НАТО, СНГ). Существует также более общее разделение на организации, которые занимаются «большой» политикой (решение дипломатических и военных вопросов, относящихся к сфере безопасности государств, их суверенитету, а также сохранение существующего мирового порядка) и соответственно «малой» политикой (повседневная рутинная работа в сфере решения экономических, социальных, культурных и технических проблем). Однако это разделение на «высокую» и «малую» политику весьма искусственно в настоящее время. Глобализация международных отношений, существенно возросшая взаимозависимость государств показали, как экономические и финансовые проблемы одного региона при определенных обстоятельствах могут привести к общему финансовому кризису и вызвать определенную политическую и социальную нестабильность. Азиатский

финансовый кризис 1997-1998 гг. является ярким тому подтверждением. Ранее в 1970-е гг. нефтяной кризис потряс развитые страны Запада. В то время ряд международных организаций (Организация стран экспортеров нефти - ОПЕК, Международное энергетическое агентство, международный валютный фонд - МВФ) формально «вышли» за рамки задач, сформулированных в их уставных документах, занимаясь проблемами, относящимися к безопасности и суверенитету государств и всей системе международных отношений в целом.

Очевидно, что *существует два основных пути классификации международных организаций по критерию их целей и деятельности.*

Первый состоит в соотнесении самого широкого списка специфических сфер деятельности, которые могут быть в принципе применимы к международным организациям (от политической деятельности до здравоохранения и туризма) с произвольно выбранными организациями (по принципу «занимается - не занимается»), а также к динамике развития различных по своей ориентации организаций. Он позволяет получить общую картину и тенденции развития международных организаций в целом, но является весьма описательным. Примечательно, однако, что налицо постоянный рост числа организаций, связанных с экономикой, продовольствием, сельским хозяйством, торговлей и образованием, в то время как в процентном соотношении происходило сокращение организаций, занятых правовыми вопросами, проблемами культуры, философии и, что удивительно, науки и технологий. Это вполне понятно, поскольку сферы права, философии и религии являются более консервативными, чем, скажем, экономики и торговли.

Второй путь состоит в рассмотрении ориентации на тот или иной вид деятельности, в которую вовлечена международная организация. Кантори и Шпигель выделяют *три вида ориентации:*

1) организации, целью которых является урегулирование споров/конфликтов между государствами дипломатическим путем или путем использования сложных механизмов миротворчества;

2) организации, созданные с целью обеспечения коллективной безопасности в отношении внешних сил;

3) организации, главной задачей которых является решение экономических и технических проблем.

Первый тип ориентации предполагает сотрудничество членом организации, развитие отношений в направлении от минимального или низкого уровня сотрудничества к более высокому. Примером такой организации может быть ОБСЕ.

Второй тип ориентации характерен для НАТО, Западно-Европейского Союза, ОВД, союза России и Беларуси.

Третий тип ориентации проявляется, например, в деятельности ВТО.

Однако приведенный перечень ориентации международных организаций не является исчерпывающим. Некоторые специалисты выделяют еще один тип ориентации, а именно *конфронтационный*. Речь идет о стремлении группы государств объединить свои усилия против какого-либо отдельного государства или группы государств. Создание государства Израиль, его экспансионистская политика привели к появлению международной организации ряда арабских стран (Лига арабских стран), имеющей четкую антиизраильскую направленность. При этом вряд ли можно в данном случае говорить о том, что арабские государства стремятся создать систему коллективной безопасности.

Вместе с тем многие организации имеют не одну, а несколько ориентаций, однако доминирующей среди них является сотрудничество. Как уже отмечалось выше, заявленные цели нередко расходятся с реальной деятельностью международных организаций. Благие намерения в отношении развития сотрудничества, разрешения конфликтов наталкиваются на серьезное противодействие, которое организации в силу ряда причин преодолеть не могут. Подробное изложение этих причин будет дано ниже.

§ 8.2. СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

8.2.1. Структура международных организаций

Одним из наиболее простых способов классификации международных организаций является *сравнение их структуры, а также сопоставление компетенции их институтов*.

Каким образом институциональная структура формирует типологию международных организаций? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, постараемся выяснить:

1) какие положения содержатся в уставе той или иной организации, для того чтобы сбалансировать интересы одного члена организации или одной группы членов в отношении другой? Каким образом распределяется компетенция между институтами организации?

2) Как отражается в структуре организации баланс между силой государств и возможностями самих институтов?

3) Каков баланс между государственным и негосударственным представительством в институтах организации?

Институциональные возможности членов международной организации

Уставные документы и практика большинства международных организаций обеспечивают постоянное *представительство в органах, принимающих важнейшие решения*, государствам, которые играют главенствующую роль в сфере, отнесенной к компетенции той или иной организации. Место постоянных членов Совета Безопасности ООН и сейчас вполне легитимно принадлежит ядерным державам, поскольку главная функция СБ состоит в поддержании мира и международной безопасности. В ряде организаций распределение голосов происходит в соответствии с размером взноса в их бюджет (МВФ, МБРР и др.). С другой стороны, существуют организации, в руководящих органах которых представлены все ее члены в равной степени (ЗЕС, ОАЕ, СНГ и др.).

Еще одним способом распределения власти внутри организации между ее членами является *механизм голосования*. Возможностью усиления влияния одного из государств является предоставление входящим в него субъектам федерации права голоса. Например, помимо СССР правом голоса в Генеральной ассамблее ООН обладали Украина и Белоруссия. Однако, как уже отмечалось, наиболее распространенным является предоставление голосов членам организации в зависимости от их вклада в бюджет организации. Естественно, существуют исключения из этого правила. Например, вклад России в финансирование СНГ составляет 50 %, однако это не дает ей никаких формальных преимуществ при голосовании.

Представительство в парламентских органах международных организаций иногда определяется в зависимости от численности населения государств-членов. Например, при выборах в Европарламент ФРГ, Франция, Италия, Великобритания выбирают

по 81 депутату, а Люксембург - всего 6. Дания, Финляндия, Норвегия и Швеция представлены в Северном Совете делегациями в составе 78 человек каждая, а Исландия имеет всего 6 представителей.

В большинстве современных организаций решения принимаются простым большинством голосов. Например, в Генеральной Ассамблее ООН решение лишь «самых важных» вопросов требует двух третей голосов (ст. 18). Однако в другом ключевом институте ООН - Совете Безопасности решения по непроцедурным вопросам принимаются в случае, если за него проголосует не менее 9 членов из 15, причем ни один из пяти постоянных членов не воспользуется правом вето.

Отметим также, что международные организации могут классифицироваться в зависимости от того, все ли члены организации в равной степени представлены в их руководящих органах или нет; какие принципы положены в процесс принятия решения - единогласия, большинства (простого или квалифицированного, т.е. в две трети), в зависимости от размера взноса; обладают ли какие-либо члены организации правом вето. На основании всего этого можно судить о степени *эгалитарности* той или иной международной организации.

8.2.2. Отношения государств-членов организации и их институтов

С того момента, как организации начинают решать не только технические вопросы, а их институты, состоящие из представителей государств-членов, организуют работу на постоянной основе, встречаясь регулярно, вероятность возникновения конфликта между отдельными государствами и институтами организации становится довольно высокой.

Большое значение имеет степень зависимости чиновников международных организаций от государств, которые они представляют. На заре создания международных организаций в секретариате, как правило, работали представители той страны, в которой находилась сама организация.

Функционирование Лиги Наций примечательно в этом смысле тем, что появился феномен *международного секретариата* - гражданских чиновников, в большей степени приверженных к реализации задач, стоявших перед Лигой, нежели обслуживанию

интересов страны своего происхождения. ООН позаимствовала эту концепцию, записав в статье 100, что:

1) при осуществлении своих полномочий генеральный секретарь и его штат не будут стремиться к получению инструкций от какого-либо государства или другой инстанции, внешней по отношению к Организации. Они будут воздерживаться от любых действий, которые могут сказаться на их статусе как чиновников международной организации, ответственных только перед Организацией;

2) каждый член Объединенных Наций обязуется уважать исключительно международный характер обязанностей генерального секретаря и штата и не будет пытаться влиять на них при выполнении ими своих обязанностей.

Даг Хаммаршельд следующим образом характеризовал два существенных принципа, на основе которых должна строиться работа международного персонала ООН:

1) он должен быть действительно международным по своему составу;

2) по своей природе характер обязанностей персонала должен являться международным.

Реализация этих положений является непростой задачей, поскольку обязательное представительство в международных институтах (секретариате, специализированных учреждениях ООН и т.д.) чиновников по принципу географической репрезентативности может привести (и подчас приводит) к снижению качества работы.

Устав ООН также определяет наряду с административно-распорядительными обязанностями генерального секретаря его политические полномочия (ст. 99).

Генеральный секретарь может вынести на рассмотрение Совета Безопасности любой вопрос, который, по его мнению, может представлять угрозу поддержанию международного мира и безопасности.

На практике первый и второй по счету генеральные секретари Тригве Ли и Даг Хаммаршельд несколько расширительно интерпретировали положения Устава, иногда даже вступая в конфликт с Советом Безопасности.

В целом, нельзя абсолютизировать независимость чиновников секретариата ООН, работающих на постоянной основе. Представители стран восточного блока в секретариате в период

холодной войны поддерживали постоянную связь со своими правительствами и действовали в соответствии с их инструкциями, нарушая статью 100 Устава. Постепенно сокращалось поле деятельности и генерального секретаря (особенно после ситуации вокруг Конго в 1960 г.). Уже в 1964 г. роль генерального секретаря в осуществлении миротворческой операции на Кипре была значительно ограничена Советом Безопасности.

В Европейском Союзе также существует чрезвычайно важный орган, Комиссия, состав которой формируется за счет представителей различных стран ЕС. Члены Комиссии должны осуществлять свою деятельность в соответствии с интересами всего Союза, а не отдельно взятых стран.

В случае с *генеральным секретарем ООН и членами Комиссии ЕС существует действенный механизм контроля со стороны государств-членов организаций, поскольку эти должности являются выборными и полномочия подтверждаются путем выборов с установленной регулярностью.* В частности, каждый из постоянных членов Совета Безопасности ООН может забаллотировать негодную ему кандидатуру на пост генерального секретаря. Последний раз такой случай имел место в отношении Бутроса-Бутроса Гали, когда США отдали предпочтение Кофи Анану. Отмечая в целом достаточно высокую степень зависимости институтов ООН и ЕС от государств-членов этих организаций, все же следует обратить внимание на феномен одного из важнейших институтов ЕС - Европейского суда, который в своей деятельности достаточно самостоятелен.

8.2.3. Правительственное/неправительственное представительство в институтах международной организации

Определяющим здесь является *соотношение* названных выше элементов в органах (институтах) международной организации. В этом смысле на одном краю спектра международных организаций находятся те, в которых вообще нет официальных представителей государств (неправительственные международные организации), а на другом - международные организации, в институтах которых работают исключительно представители членов организации (НАТО, например).

Подобная классификация международных организаций на основании анализа их структуры, представительства и т.п.

позволяет показать степень эгалитарности их институтов, независимости (или, напротив, зависимости) от государств-членов организации, а также баланс между государственным и негосударственным представительством.

Итак, нами рассмотрены три наиболее часто встречающиеся классификации международных организаций: по членству; целям и задачам; структуре. Каждая из них имеет свои особенности.

Первая ставит вопрос о региональном и универсальном компонентах. Анализ литературы показывает, что само понятие «региональный» весьма аморфно. Поэтому предлагают (Ачер) отойти от традиционной дихотомии регионализм - универсализм и вместо этого вести речь об организациях с *ограниченным составом* их членов и *универсальные*.

Вторая из предложенных типов классификаций, основанная на сравнении заявленных целей и задач международной организации с ее реальной деятельностью наиболее точно отражает сущность международных организаций, поскольку *предполагает рассмотрение их деятельности в динамике.*

Третий тип классификации, в основу которого положено изучение структуры международных организаций, является наиболее простым, но вместе с тем позволяет судить о степени эгалитарности институтов, их зависимости от государств-членов организации и т.д.

Изучение природы международных организаций предполагает использование различных методов классификации, в том числе и их комбинацию. В частности, наряду с вышеупомянутыми методами целесообразно пользоваться принятыми в международном публичном праве критериями классификации по компетенции (организации общей и специальной компетенции), характеру полномочий (межгосударственные и надгосударственные), а также порядку вступления в них (открытые и закрытые).

8.2.4. Функции международных организаций

Обычно выделяют следующие три основные функции:

- 1) международные организации как инструменты внешней политики отдельных государств;
- 2) международные организации как арена (форум) для дискуссий, сотрудничества, выражения несогласия членов организации;

3) международные организации как активные субъекты международных отношений.

§ 8.3. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

8.3.1. Международные организации и внешняя политика

Наиболее распространенное представление о роли международных правительственных организаций состоит в том, что они являются инструментами внешней политики тех или иных наиболее мощных в военном и экономическом отношении государств. По мнению бывшего исполнительного секретаря Экономической комиссии ООН Европы Мирдала (Myrdal):

«... в целом, международные организации есть не что иное, как инструменты политики отдельных государств, средства дипломатии большого числа ...суверенных национальных государств. Появление межгосударственной организации означает лишь то, что государства заключили соглашение о создании институциональной формы для многосторонней деятельности в определенной сфере. Организация становится важной ...только в той степени, в какой многосторонняя координация (деятельности в этой сфере) является реальной и постоянной целью национальных правительств».

Каков механизм реализации своего интереса? Интерес может быть реализован через принятие и реализацию соответствующих решений. Следовательно, необходимо внимательно изучать уставные документы с тем, чтобы определить, что представляет собой процесс принятия решений, какова компетенция органов, каков механизм голосования, управления и т.д. Во-вторых, мы должны четко поставить и попытаться дать ответ на вопрос: какие национальные интересы реализует, скажем, Молдова, Румыния или Россия в рамках ООН (сохранение статуса великой державы, утверждение в качестве полноправного члена ООН), США через НАТО (военное присутствие в Европе, доминирование в целом в западном полушарии и распространение этого влияния на прилегающие страны) или через МВФ и ВТО (создание соответствующих экономических режимов и торговли)? В-третьих, надо учитывать, что интерес отдельных государств может реализовываться и не обязательно за счет других стран.

Уставные документы большинства международных организаций предполагают решение вопросов по принципу

консенсуса. Но чем больше международная организация, тем сложнее прийти к единому мнению по спорным вопросам. Это в ряде случаев парализует деятельность организации или же порождает сомнения в ее дееспособности (ОБСЕ и конфликты между Арменией и Азербайджаном, например). В случае с ООН резолюции Генеральной Ассамблеи, принимаемые большинством голосов, носят рекомендательный характер; решения в Совете Безопасности принимаются в случае, если 9 из 15 членов проголосовали «за» и ни один из постоянных членов СБ не воспользовался правом вето. Решения Совета Безопасности имеют обязательный характер. Однако принятие решения еще не означает, что проблема решена. Достаточно резкие резолюции Совета Безопасности в отношении Израиля и ЮАР долгое время не выполнялись, да и сейчас израильское правительство их продолжает игнорировать.

Итак, постоянные члены СБ ООН реализуют свой интерес в вопросах поддержания мира и безопасности, обладая *правом вето* (система голосования).

Но даже в этих условиях, имея поддержку большинства в Генеральной Ассамблее, США стремились в первые годы существования ООН использовать организацию в своих целях (прежде всего в политических), а после окончания холодной войны вновь пытались в течение определенного времени опираться на СБ ООН в решении ключевых вопросов мировой политики (Ирак, бывшая Югославия, Африка). Однако и слабые в экономическом отношении государства (страны Третьего мира) также стремились через ООН сначала поставить вопрос о создании «нового экономического порядка», а затем и приступить к его построению.

В МВФ США *гарантируют свое доминирующее положение* тем, что обладают почти 18 % голосов (Германия и Япония имеют по 5,5 %). Из 24 исполнительных директоров 5 назначаются крупнейшими донорами, т.е. теми, у кого наибольшая квота - США, Великобритания, Германия, Франция и Япония, а остальные избираются на региональной основе и т.д. США использовали МВФ в качестве основного инструмента реформирования российской экономики. Это позволяло США в известном смысле дезавуировать решение «большой семерки», выбравшей Европейский Союз в качестве главного координатора взаимодействия с переходными экономиками Центральной и Восточной Европы. Сами США из-за трений между Белым домом и

Капитолием не могли в достаточной мере полагаться на непосредственную помощь России. МВФ давал возможность избежать этих сложностей и обеспечить лидерство Соединенных Штатов в выстраивании отношений Запада с Россией. Кроме того, фонд был тем инструментом, при помощи которого можно было регулировать отношения с другими ключевыми финансовыми институтами, такими как Всемирный банк. Лондонский и Парижский клубы кредиторов.

Что же касается России, то она пыталась использовать ресурсы международных финансовых организаций для проведения экономических реформ, прибегала к помощи *СБСЕ/ОБСЕ* для защиты русскоязычного населения в бывших советских республиках, а также стремилась придать большую легитимность своей миротворческой деятельности в «ближнем зарубежье». Кроме того, *СБСЕ/ОБСЕ*, по мнению российской стороны, следовало выступать в качестве института, координирующего деятельность других региональных организаций в сфере безопасности - НАТО, СНГ и ЗЕС. С этой целью предлагалось создать Исполнительный Комитет в составе представителей 10-12 государств - «постоянных членов» (своего рода Совет Безопасности для Европы), главной задачей которого было бы осуществление контроля за миротворческой деятельностью различных региональных группировок (П. Шерман).

В *МАГАТЭ* Совет Управляющих состоит из представителей десяти стран, наиболее развитых в сфере технологии производства и использования атомной энергии (учтен и принцип регионального представительства), а также представителей регионов на основе установленных для каждого из них квот (см. ст.6)

Организация американских государств (1948), созданная с целью установления мира и справедливости, укрепления сотрудничества стран региона, защиты их суверенитета и территориальной целостности, а также независимости, была использована США для того, чтобы обойти Совет Безопасности в вопросе введения режима санкций в отношении Кубы в период начала Карибского кризиса, ссылаясь на то, что «*акт агрессии против любого американского государства является актом агрессии против всех американских государств*».

В *Содружестве независимых государств* ни одно из государств не обладает преимуществом ни в вопросах принятия решений, ни в голосовании.

В первые годы своего существования СНГ играло роль механизма «цивилизованного развода» (даже органы СНГ были созданы только в 1993 г., как, впрочем, и Устав). Хотя формального основания на принятие односторонних (в пользу России) решений нет, Россия стремилась использовать СНГ в качестве инструмента своей внешней политики (легитимация миротворческих операций на постсоветском пространстве; сохранение военных баз в рамках договора о коллективной безопасности и в целом обеспечение доминирования на территории бывшего СССР). По мнению экспертов, этого России добиться в полной мере не удалось.

Важно отметить, что *многие новые независимые государства также используют СНГ в своих целях*. Директор Института СНГ Константин Затулин в связи с этим отметил:

«Во всем мире считают, глубоко, впрочем, не разбираясь в этом, что СНГ - форма реализации российских интересов. Поэтому мы (главным образом наш престиж) в любом случае страдаем, если СНГ развалится. Но Россия не должна позволять другим странам СНГ шантажировать себя угрозой роспуска Содружества. Украина, например, добилась в Государственной думе и Совете Федерации ратификации договора, получила Крым, Севастополь в обмен на ничего не значащее членство в межпарламентской ассамблее, которая, кстати говоря, так и не приступила к своей работе.

СНГ как дееспособная международная организация вряд ли состоялась. Я думаю, что она может сохраниться лишь как культурно-исторический клуб, как место, где можно обсуждать проблемы, связанные с союзным наследством».

Государства не приветствуют расширение полномочий международных организаций в сфере принятия решений главным образом по причине того, что сами не желают терять контроль в важнейших для себя сферах политической и экономической жизни. Упомянувшийся выше Мирдаль отмечал, что деятельность руководимой им Экономической Комиссии ООН по Европе была не более чем координацией и синхронизацией действий в данной сфере суверенных государств.

Что же касается неправительственных международных организаций, то они также могут восприниматься как инструменты реализации интересов различных профсоюзов, коммерческих организаций, политических партий, религиозных групп и т.д.

8.3.2. Международные организации как арена дипломатической деятельности

Одной из важнейших функций международных организаций является то, что они предоставляют возможность их членам встречаться, излагать свою точку зрения, вести дискуссии, договариваться или же выражать свое несогласие. Сами по себе форумы нейтральны. Они могут быть использованы как трибуна (например, ежегодная сессия Генеральной Ассамблеи ООН) для популяризации своей позиции, а также для увеличения числа своих сторонников, расширения дипломатической поддержки той или иной инициативы. Не случайно, что в период холодной войны ООН называли «ареной сражений» Востока и Запада. По подсчетам одного специалиста, в 1970-е гг. почти 80 % публикаций представляли ООН именно в качестве арены дипломатической деятельности.

Действительно, представители различных стран через ООН и ее специализированные учреждения пытались донести до сведения мирового сообщества свои представления о насущных мировых проблемах. Страны Третьего мира выступали за создание «нового экономического порядка», поскольку «старый», созданный в Бреттон-Вудсе (МВФ, МБРР, ГАТТ) не отражал их интересов и более того к началу 1970-х гг. обнаружил свою слабость. Ежегодные сессии Генеральной Ассамблеи ООН предоставляют возможность главам государств и правительствам членов организации выступить с обращением к своим коллегам, поделиться размышлениями о насущных проблемах их стран, внести предложения на рассмотрение всех членов мирового сообщества.

Другие международные организации также выполняют функцию арены для обсуждения вопросов, относящихся к их компетенции. На своих сессиях Международный олимпийский комитет принимает решение о месте проведения Олимпийских игр, расширяет их программу, утверждает списки препаратов, запрещенных для употребления спортсменами и т.д. По подавляющему большинству вопросов в МОК ведутся жаркие дебаты, стороны отстаивают свою позицию, защищая кандидатуру того или иного города на право быть столицей игр.

Делегаты Международного комитета Красного Креста обсуждают проблемы оказания помощи в зоне вооруженных

конфликтов, делятся опытом, высказывают предложения, направленные на популяризацию знаний о гуманитарном праве.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, объединяющая все европейские государства, а также США и Канаду, является уникальным форумом для обсуждения вопросов европейской безопасности.

8.3.3. Международные организации как самостоятельные субъекты международных отношений

Эта третья функция международных организаций предполагает, что международные организации (или, по крайней мере, некоторые из них) могут выступать на международной арене в качестве более или менее независимых от влияния внешних сил субъектов. Если под «самостоятельностью» организации понимать способность вырабатывать решения, не полностью совпадающие с интересами ведущих ее членов, или же значительно усиливать позицию одного или нескольких государств, а также наличие стабильной и четкой структуры принятия решений (Дойч), то обнаружится, что в мире существует достаточно большое количество таких организаций.

Несомненно, ОПЕК в 1973-1974 гг. и в 1999-2000 гг. была мощным самостоятельным субъектом международных отношений несмотря на то, что отдельные ее члены находились в экономической зависимости от развитых стран.

Способность международных организаций влиять на ход событий на международной арене вытекает из того, что появляются группы людей, идентифицирующие себя и свои интересы не с отдельными государствами, а с корпорациями, регионами, религиозными, культурно-национальными направлениями и т.д. Различные основания идентичности объясняют природу разных объединений, в том числе и международных.

Внешним подтверждением того, что та или иная организация воспринимается в качестве самостоятельной, является вербальное ее отделение от государств-членов. Например, заявления о том, что «ООН должна что-то сделать в Косово» или «МВФ виноват в экономическом кризисе в России» подчеркивают не позиции и «вину», например, США за те или иные решения, а организаций в целом.

Естественно, что все международные организации зависят от входящих в них субъектов. Однако многие организации обладают

структурой, которая позволяет им добиться много большего, нежели в случаях, когда государства взаимодействуют в более узком составе или же встречаются от случая к случаю. Анализ деятельности неправительственных международных организаций показывает, что степень их корпоративной идентичности еще более высока. Эти организации демонстрируют, что они более нежели простая сумма их членов.

Например, МККК стал активным субъектом практически всех вооруженных конфликтов и никто не соотносит эту организацию с каким-либо одним государством. В несколько меньшей степени это относится к движению Гринпис, Международная амнистия (Amnesty International). Ряд неправительственных международных организаций (Конфедерация свободных профсоюзов, Международная организация стандартизации, Международная торговая палата. Всемирная Федерация Ассоциаций в поддержку ООН и др., работает в контакте с крупными межгосударственными организациями - Советом по экономическим и социальным вопросам, МОТ, ЮНЕСКО, Организацией по вопросам продовольствия и сельского хозяйства в своих специфических сферах. Каждая из этих организаций обладает стабильной и четкой структурой, заставляющей государства корректировать свое поведение на международной арене.

Степень независимости той или иной международной организации от внешнего воздействия различна. МККК, например, вполне независим в своей деятельности, поскольку имеет четко сформулированные задачи и в течение долгого времени реализует программу, соответствующую интересам подавляющего большинства государств. Кроме того, принципы его деятельности (нейтральность, гуманность и др.) и эффективность помощи жертвам вооруженных конфликтов предполагают невмешательство в работу МККК со стороны государств.

Международные судебные органы (Международный суд и Европейский суд, например) независимы в своей деятельности, принимают самостоятельные решения.

Однако преувеличивать их независимость также нельзя. Помимо принятия того или иного судебного решения, необходимо еще обеспечить его реализацию, что, безусловно, невозможно сделать без доброй воли суверенных государств.

Еще одним важным фундаментом самостоятельности международной организации является социальный феномен, связанный с появлением и развитием бюрократии, *modus operandi* любой организации, которая со временем становится политически активной.

Одним из примеров относительно самостоятельной деятельности на международной арене являются *миротворческие операции* ООН. Устав этой организации и дополнения к нему не содержат прямых упоминаний о миротворческой функции ООН. Однако миротворческие операции под эгидой ООН появились еще в период холодной войны. В конце 1940-х гг. Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея ООН учредили специальные группы для наблюдения за развитием ситуации в Греции, Палестине, Кашмире и Индонезии. Первая крупная военная операция была предпринята ООН в ноябре 1956 г., когда специальные подразделения выступили в качестве буфера между Египтом и Израилем и тем самым позволили вывести британские и французские войска, которые поддерживали Израиль в ходе кризиса вокруг Суэцкого канала. Впоследствии похожие операции предпринимались в Конго, на Кипре, на Синайском полуострове и Голанских высотах, в Ливане, в ходе ирано-иракской войны, в Анголе, Намибии, Центральной Америке, в ходе иракско-кувейтского конфликта, в бывшей Югославии, Грузии и др.

Эти операции вряд ли можно отнести к тем мерам, которые перечислены в главе 7 Устава ООН. Миротворчество не есть принуждение к миру. В случае проведения миротворческих операций вооруженные силы используются с согласия правительств государств, на территории которых предполагается их проведение. Они не направлены на вмешательство во внутренние дела этих государств. В большинстве случаев контингент миротворческих сил состоял из представителей малых или неприсоединившихся государств. Лишь в последние годы вооруженные силы США и России вынуждены взять на себя основное бремя в осуществлении миротворческих операций. Кроме того, миротворческие силы создаются по мере надобности. Их главная задача состоит в предотвращении эскалации уже существующего конфликта. Поэтому миротворческие операции не подпадают под перечень мер по мирному урегулированию конфликта в соответствии с главой 6 Устава ООН, хотя и способствуют достижению поставленных в ней целей.

Появление феномена миротворчества как инициативы ООН связано с тем, что в период холодной войны процесс деколонизации оказался как бы в тени конфронтации между Востоком и Западом. Это развязало руки секретариату ООН и позволило ему играть активную роль. С появлением по решению Генеральной ассамблеи ООН специальных воинских подразделений под эгидой Объединенных Наций (United Nations Emergency Force - UNEF) в 1956-1957 гг. возможности генерального секретаря существенно расширились. Именно он принимал решение о структуре этих подразделений, руководил работой двух консультативных комитетов по политическим и военным вопросам, состоявших из работников секретариата ООН, а также представителей стран, предоставивших в распоряжение ООН воинские контингенты. Хаммершельд принимал окончательные решения относительно осуществления этих операций. Генеральный секретарь в соответствии со статьей 99 Устава, дающей ему право вынесения на рассмотрение Совета Безопасности важных, по его мнению, вопросов для поддержания мира и безопасности, поставил в повестку дня необходимость проведения миротворческой операции в Конго (1960). Впоследствии ее реализация встретила оппозицию со стороны СССР. В дальнейшем функции генерального секретаря в вопросах проведения миротворческих операций стали скорее менеджерскими (У Тан, Вальдхайм, де Куэльяр, Бутрос Гали, Аннан).

Названные выше три основные функции международных организаций не исключают друг друга. ООН, например, можно рассматривать в качестве инструмента внешней политики различных государств, форума для обсуждения актуальных вопросов международных отношений, а также активного участника мировой политики. Важность каждой из названных функций, как было показано выше, менялась. В первые годы существования ООН США пытались использовать Организацию в качестве своего инструмента, затем в бытность Хаммершельда на посту генерального секретаря она стала играть более активную роль на международной арене, и, наконец, расширение числа членов ООН, начиная с 1960-х гг., превратило ее в поистине всемирный форум.

Другие международные организации могут выполнять две или три из названных функций. Европейские сообщества, например, использовались Францией для регулирования процесса экономического и политического развития ФРГ, получения

поддержки для развития своего сельского хозяйства, а та, в свою очередь, использовала ЕЭС для получения доступа к рынкам членов Сообществ и в более широком контексте для возвращения в мировое сообщество после поражения во второй мировой войне. Несомненно, что ЕЭС были форумом для обсуждения насущных вопросов интеграции, отношений с внешним миром и т.д. В настоящее время в соответствии с Маастрихтскими соглашениями Европейский союз является активным участником международных отношений, вырабатывая единую политику в сфере безопасности и сношений с внешним миром.

В противоположность этому Содружество Независимых Государств, не обладая международной правосубъектностью, до сих пор в основном является форумом для встреч, дискуссий и обсуждения вопросов, представляющих интерес для его членов, а на раннем этапе его существования - служил мирному процессу «развода» бывших республик СССР. Попытки некоторых политиков России использовать Содружество для сохранения своего военно-политического доминирования на территории бывшего СССР до сих пор не увенчались успехом.

8.3.4. Вклад внесенный международными организациями в нормотворческую деятельность международной политической системы

Первые неправительственные организации еще в XIX в. ставили вопрос о необходимости признания во всем мире определенных норм уже принятых в то время некоторыми развитыми государствами - отказ от применения рабского труда (Anti-Slavery Society), облегчение участи жертв вооруженных конфликтов (The International Committee of the Red Cross), защита народов, отставших в своем развитии (Aborigen's Protection Society).

В современных условиях формирование норм взаимоотношений между государствами представляет собой довольно сложный процесс, в котором наряду с государствами участвуют правительственные и неправительственные международные организации.

В Уставе Организации Объединенных Наций содержатся очень важные положения, представляющие собой основу современной международной системы. В Преамбуле этого документа говорится о необходимости соблюдать «фундаментальные права человека»; уважать равенство людей

независимо от их пола, расы, национальной принадлежности; способствовать социальному прогрессу и созданию условий для лучших условий проживания людей и т.д. В главе I Устава названы цели и принципы, которым должны следовать миролюбивые государства в отношениях друг с другом: уважение норм международного права, мирное разрешение конфликтов, развитие международного сотрудничества. Более широкий перечень основных принципов международного права содержится в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1970 г. Важными документами устанавливающими своего рода стандарт в сфере прав человека, являются принятая Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщая декларация прав человека (1948), Женевские конвенции (1949), а также Пакты 1966 г. о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах. Защита прав человека стала одной из важнейших функций ООН. В ежегоднике ООН за 1991 г. данной проблеме было уделено больше внимания, нежели какой-либо другой. ООН пытается решать эту проблему главным образом путем заключения соответствующих договоров об установлении стандартов в этой сфере.

В экономической сфере ООН и ее специализированные учреждения также играют ключевую роль. Созданные в 1944 г. в Бреттон-Вудсе институты по-прежнему являются основой существующего экономического порядка, хотя со стороны бывших колониальных государств давно звучат призывы к его пересмотру.

Существенной новацией в экономическом развитии стало внимание к экологическим проблемам, связанным с промышленным производством (Венская конвенция 1985 г. и Монреальский протокол 1987 г. относительно мер по предотвращению дальнейшего разрушения озонового слоя; Международная конвенция о предотвращении загрязнения моря нефтью 1959 г., Международная конвенция 1990 г. и др.).

В целом, как отмечает О.Н. Хлестов, «за последние 30 - 40 лет для развития международного права было сделано больше, чем за предыдущие два столетия. Появились новые отрасли - космическое и информационное право, атомное, охраны окружающей среды, международных организаций и др. Проведена огромная работа в целях кодификации посольского, консульского, морского права, права договоров, международного частного и экономического права. В каждой отрасли были созданы новые нормы, такие, например, как устанавливающие режим

континентального шельфа и исключительной экономической зоны, регулирующие действия по борьбе с угоном воздушных судов и устанавливающие ответственность государств за причиненный ущерб.

Наиболее значительным явилось формулирование принципа, запрещающего войну как средство осуществления внешней политики и разрешения международных споров.

В международном праве создан ряд норм, направленных на обеспечение безопасности государств и предотвращение вооруженных конфликтов («меры доверия»), а также направленных на уменьшение военного противостояния (ограничение гонки вооружений, разоружение и т.д.)

Кроме того, можно отметить еще два направления: совершенствование способов разрешения международных споров при повышении роли международных арбитражных и судебных органов и развитие международных механизмов, обеспечивающих соблюдение норм международного права и применение принудительных мер к его нарушителям.

Что касается урегулирования споров, то в последние десятилетия возросла роль превентивной дипломатии, посредников, в том числе генерального секретаря и других представителей ООН, следственных и согласительных комиссий, международных арбитражных и судебных органов (более широкое признание обязательной юрисдикции Международного суда ООН, создание Международного трибунала ООН по морскому праву и т.д.). Таким образом, возросла роль, так называемого, третьего, иностранного элемента при разрешении споров между государствами, что, безусловно, имеет положительное значение.

Международные организации также выполняют важную *функцию по вовлечению отдельных государств в международную политическую и экономическую системы*. Например, вхождение новых независимых государств в мировое сообщество после распада СССР происходило не только путем признания их другими суверенными государствами, но и посредством вхождения в различные международные организации (ООН, ОБСЕ, международные экономические институты, различные региональные институты и т.д.).

Процесс *социализации* государств в международную систему включает в себя много аспектов (политический, правовой, социально-экономический, культурный и личный).

Показателен в этом отношении путь, который проделали новые независимые государства с момента распада СССР до середины 1990-х. За исключением России, Беларуси и Украины, дипломатические сотрудники которых обладали опытом работы в советское время, остальные новые независимые государства даже такового не имели. Их номинальные министерства иностранных дел перед распадом СССР состояли всего из нескольких сотрудников⁹. Вхождение этих государств в международное сообщество и социализация в нем состояли не только в формальном их признании международным сообществом, но и в создании и обучении собственного внешнеполитического аппарата. Всего за несколько лет, начав практически с нуля, эти государства в своем большинстве смогли войти в международное сообщество как полноценные члены.

Вместе с тем процесс социализации может проходить весьма болезненно и иногда приводить к эксцессам. Например, нарушение руководством Беларуси Венской конвенции 1961 г. о дипломатических сношениях спровоцировало демарш дипломатического корпуса западных государств летом 1998 г., покинувших республику.

С другой стороны, стремление Эстонии и Латвии к вступлению в ЕС, имеющего высокие стандарты в сфере соблюдения прав человека, вынуждает их пересматривать свою политику в отношении русскоязычного населения, которое в течение долгого времени подвергалось дискриминации.

Государства, стремящиеся к тому, чтобы их пригласили в Североатлантический союз, наряду со многими другими критериями, должны урегулировать территориальные споры (если они, конечно, есть). Например, Румыния, желавшая оказаться в числе первых стран Центральной и Восточной Европы, кандидатов в НАТО, заключила соответствующие соглашения о границе с Венгрией и Украиной, в отношении которых имела территориальные претензии. Схожими мотивами в решении вопросов о границе на завершающей стадии переговоров со своими соседями руководствовались Латвия и Эстония.

Международные организации способствуют минимизации конфликтов между их членами. Первоначально направленный

⁹ К примеру, МИД Молдавской ССР состоял из 9 (девяти) сотрудников, включая самого министра.

против СССР и его союзников НАТО впоследствии внес большой вклад в предотвращение конфликта между членами альянса - Грецией и Турцией, а также способствовал постепенному вхождению в сообщество демократических государств Испании после падения режима Франко.

Таким образом, процесс социализации предшествует формальному членству государства в организации и продолжается постоянно, поскольку любая международная организация представляет собой развивающийся социальный организм, не говоря уже о международной системе в целом.

В заключение отметим, что международные организации выполняют также функции *нераспространению информации* - аналитической, статистической, ознакомительной и др. не только среди членов организации, но и среди более широкой аудитории. Распространение информации осуществляется самыми разными способами - посредством выпуска бюллетеней, справочников, ежегодников, обзоров, монографий, доступных, как правило, через отделы прессы и информации (ООН, ЕС, НАТО, ОБСЕ и др.), а также через глобальные компьютерные сети.

Итак, международные правительственные и неправительственные организации играют важную роль в системе международных отношений, существенно дополняя возможности традиционной двусторонней дипломатии, создавая предпосылки для быстрого вхождения новых независимых государств в мировое сообщество, повышая эффективность международного сотрудничества и существенно экономя ресурсы его членов.

Появление и развитие международных организаций связано как раз с тем, что определенные задачи не могли быть решены отдельными государствами или традиционными методами. Выступая в качестве инструментов, арены и активных субъектов в международных отношениях, они создают возможности для решения старых и новых проблем, стоящих перед человечеством.

Источники:

Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие/ Н.А. Ломагин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. 166 с., стр. 15-28.

Бернар Жакье, Международные отношения. Том 1. Субъекты международной системы: Учебное пособие. - Н. Новгород: Пресс Юниверситер де Гренобль, Изд-во Нижегородского ун-та, 1997. -138-144.

Литература:

1. Буриан А., *Теория международных отношений*: Курс лекций в 2-х т., Том 1. «Введение в теорию международных отношений». - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.
2. Василенко И.А., *Политическая глобалистика, Учебное пособие*. - Москва, «Логос», 2000.
3. Гаджиев К.С., *Введение в геополитику*. Издание второе, переработанное и дополненное. - Москва, «Логос», 2000.
4. Дугин А., *Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством*. Изд. 3-е, дополн. - Москва, «АРКТОГЕЯ-центр», 1999.
5. *Современные международные отношения. Учебник* / Под ред. А.В.Торкунова. – Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.
6. Цыганков П.А., *Теория международных отношений*. – Москва, «Гардарики», 2002.
7. Balan, Oleg; Serbenco, Eduard, *Drept internațional public, Vol. I*. - Chișinău, “Reclama”, 2001.
8. Bull, Hedley, *Societatea anarhică, Un studiu asupra ordinii în politica mondială*, Central European University Press, Editura Știința, Chișinău, 1998.
9. Burian, Alexandru, *Teoria relațiilor internaționale în sistemul științelor politice* // „Administrarea Publică”, 2001, nr. 2, pag. 119-134.
10. Burian, Alexandru, *Sistemul relațiilor internaționale contemporane* // „Administrarea Publică”, 2000, nr. 3-4, pag. 149-164, (1,0 c.a.).
11. Burian, Alexandru, *Geopolitica lumii contemporane, Manual: pentru facultățile de drept și de relații internaționale a universităților*. - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.
12. Ceterchi, Ioan; Craiovan, Ion, *Introducere în teoria generală a dreptului*, București, 1999.
13. *Justiția în republica Moldova*. – Chișinău, „Prometeu”, 1998.
14. Huntington, Samuel P., *Ordinea politică a societăților în schimbare* /Trad. de Horațiu Stamatini, Iași, Editura POLIROM, 1999.
15. Lupu, Gheorge; Avornic, Gheorge, *Teoria generală a dreptului*. - Chișinău, “Lumina”, 1997.
16. Morgenthau, Hans, *Escritos sobre politica internacional*. Con estudio preliminar de Esther Barbe, Tecnos, Madrid, 1990.
17. Ortiz, Eduardo, *El estudio de las Relaciones Internacionales*, Fondo de Cultura Economica, Santiago de Chile, 2000.
18. Rosenau, James N., *The Scientific Study of Foreign Policy, rev. ed.*, London: Frances Pinter, 1980.
19. Senarclens, Pierre de, *La politique internationale*, Paris, 1992.
20. Schwarzenberger, George, *La Política del Poder. Estudio de la Sociedad Internacional*, Fondo de Cultura Economica, Mexico-Buenos Aires, 1960.

21. Tredinnick, Felipe, *Derecho internacional publico y relaciones internacionales*, Tercera edicion, Editorial "Los amigos del libro", La Paz-Cochabamba, Bolivia, 1997.
22. Viotti, Paul R.; Kauppi, Mark V., *International relations theory: Realism, Pluralism, Globalism, and Beyond*. – 3rd ed., Allyn and Bacon, Boston, 1998.
23. Wight, Martin, *Politica de putere*, Chişinău, Editura ARC, 1998.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ¹⁰

§ 9.1. Теория интеграции.

§ 9.2. Теория взаимозависимости.

§ 9.3. Теория режимов.

§ 9.1. ТЕОРИЯ ИНТЕГРАЦИИ

9.1.1. Содержание понятия «интеграция»

Интеграция отнюдь не является ни чисто европейским феноменом, ни явлением, возникшим исключительно после второй мировой войны.

«Государства, нации, народы, регионы, корпорации, церкви и даже бюрократия - все в свое время так или иначе участвовали в интеграционном процессе, характер развития которого - ускорение или замедление - может зависеть наряду с другими также от дезинтеграционных факторов».

Действительно, история таможенных союзов выходит далеко за рамки XX века.

В первой главе, давая характеристику субъектам международных отношений, мы уже отмечали, что кроме государств все большее значение на международной арене играют транснациональные и даже наднациональные институты. Организация Объединенных Наций, согласно своему Уставу,

¹⁰ Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие/ Н.А. Ломагин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. - 166 с., стр. 71-85.

обладает некоторыми полномочиями наднационального характера по вопросам поддержания мира и безопасности.

На *региональном* уровне наиболее ярким примером наднациональной группировки является Европейский союз, который за последние сорок с небольшим лет объединил 15 государств Западной Европы на основе так называемой *европейской идеи*, создал соответствующие институты сотрудничества, распространил их сферу не только на экономику, но также и на безопасность и внешнюю политику. Если вспомнить, что еще совсем недавно (по исторически меркам, конечно) Европа представляла собой конгломерат враждующих друг с другом государств, не желавших поступиться и толикой своего суверенитета, что именно в Европе начались самые страшные мировые войны XX века, что европейский континент отнюдь не однороден в культурном, религиозном и национальном отношениях, то нынешние результаты европейской интеграции поистине впечатляющи. Более того, удивительным было то, что европейская интеграция началась с сотрудничества двух наиболее непримиримых противников, Германии и Франции, участвовавших с 1870 г. в трех крупнейших войнах.

С другой стороны, СНГ, Латиноамериканская ассоциация свободной торговли, Андский пакт, Экономическое сообщество государств Западной Африки и др. практически не смогли продвинуться вперед по пути интеграции.

Между этими двумя полюсами имеются примеры интеграции со смешанными результатами. Например, создание североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА), в рамках которой отменяются торговые ограничения между странами-участницами и, прежде всего, таможенные пошлины, было важным шагом на пути экономической интеграции на континенте, но практически ни в коей мере не умалило политического суверенитета государств НАФТА.

Несмотря на разницу результатов интеграции, общим для всех является наличие противоречия между *национальным и наднациональным*, между государственным суверенитетом и властью, которая формируется (или уже сформировалась) над ним.

Международная интеграция в целом относится к процессам, при которых наднациональные институты постепенно приходят на смену национальным и осуществляется перетекание государ-

ственной суверенитета (власти) с национального уровня на региональный или же глобальный.

Создание формальных международных организаций, таких как ООН, ЕС, НАТО, СНГ, не является единственным путем развития наднациональных объединений. Растворение национального может происходить и без создания каких-либо политических структур. Современные технологии давно бросили вызов суверенитету государств в информационной сфере.

Таким образом, происходит некое размывание основ политического реализма - государственного суверенитета и территориальной целостности.

Термин *интеграция* стал использоваться в международных отношениях тогда, когда страны Западной Европы начали формировать наднациональные институты и создавать экономические сообщества с целью обеспечения свободы торговли и координации экономической политики.

Изначально объяснение феномена европейской интеграции происходило в рамках *функционализма*, согласно которому технологическое и экономическое развитие постепенно ведет к необходимости создания наднациональных структур в условиях, когда государства сами проявляют заинтересованность в оптимизации таких *функций*, как почта и телефонная связь, транспортные коммуникации, использование рек и т.д. Функционалисты пытались установить зависимость между интенсивностью и скоростью подобного функционального сотрудничества на международном уровне и развитием наднациональных структур.

В *современной политической науке* главным направлением, занимающимся изучением интеграции, является *неофункционализм*. Он разъясняет и уточняет многие идеи, которые были развиты его предтечей, функционализмом. Появление неофункционализма было связано с необходимостью объяснения деятельности новых политических наднациональных институтов Европейских сообществ, в частности Европейского парламента. Неофункционалисты утверждают, что экономическая интеграция создает политическую динамику, толкающую интеграцию вперед. Более тесное экономическое сотрудничество вызывает потребность в углублении политической координации, что, в свою очередь, ведет и к политической интеграции. Кроме того, неофункционализм вводит ряд новых концепций - механизма

обновления общих интересов, динамики поведения суб- и наднациональных групп и др. Теперь рассмотрим оба направления подробнее.

9.1.2. Функционалисты

Как мы уже видели, уязвимость традиционного подхода к международным отношениям стала очевидной еще в первой четверти XX в. Вулф отметил, что мир нельзя рассматривать как некую совокупность блоков, называемых государствами или нациями, что на самом деле эти блоки не изолированы друг от друга, что международные отношения существуют и развиваются и на негосударственном уровне. Эти идеи в дальнейшем развил в своих работах Д.Митрани и его последователи, указывая на то, что история убедительно показывает все большее усложнение международных отношений, выход на арену широких народных движений, рост контактов между гражданами различных государств.

Статичность старой системы постепенно преодолевалась. Однако стихийное расширение международных контактов требовало их упорядочения, организации. *Именно функционализм был доминирующей теорией, объяснявшей историю развития международных организаций.*

Потребность решения международных проблем на уровне, выходящем за рамки традиционных двусторонних отношений, рост «взаимозависимости» государств стимулировали возрастание числа многосторонних международных конференций в XIX в., проводившихся сначала спорадически, а затем принявших регулярный характер. Стремительный рост числа международных организаций после окончания второй мировой войны также являлся ответом набравшим силу межгосударственному сотрудничеству и возраставшей взаимозависимости государств. Если в 1909 г. было всего 37 межправительственных международных организаций, то в 1956 г. их число достигло 132 и в 1985 г. - 378. После этого произошел некоторый спад (в начале 1990-х гг. число межправительственных международных организаций сократилось до 300), что также могло быть объяснено функционалистами: некоторые организации распались, поскольку не отвечали интересам их создателей (СЭВ, Варшавский договор, Восточно-Африканское сообщество, Общий рынок Центральной Америки и др.).

Анализируя историю международных организаций, Митрани поставил вопрос о том, какие *функции* должны выполнять международные организации, чтобы идеально способствовать развитию международного сообщества. Основную задачу международных организаций он видел в том, чтобы обеспечивать равенство перед законом всех членов сообщества, а также гарантировать социальную справедливость. В этом нового ничего не было, однако для того, чтобы реализовать эти идеи, *Митрани предлагал осуществить ряд новшеств.*

Во-первых, он считал необходимым «уравновесить» прямое представительство великих держав в Лиге Наций групповым представительством «средних» государств, а «малым» государствам рекомендовал объединиться в единый блок. Таким образом, в идеальном варианте все были бы равновелики.

Далее, вторичные по значению институты целесообразно было создать в различных регионах мира с целью объединения находящихся там государств для более оперативного решения возникающих проблем. Эти институты были бы подчинены центральным органам Лиги Наций.

Третьим новшеством в подходе Митрани было то, что он обращал внимание не только на права государств, но и на их обязанности, предлагал более активно участвовать в международных делах. Прилагая свой функциональный подход к актуальным проблемам международных отношений, Митрани, например, выдвигал идею совершенствования системы железнодорожного транспорта на континентальном уровне, а морских перевозок и авиации - на межконтинентальном и глобальном уровне соответственно. Он полагал, что только в сфере безопасности оправданы статичные институты. Что же касается сферы так называемых *позитивных функций* (экономики, культуры и социальной сферы) - все в структуре международных организаций должно быть подчинено природе выполняемой функции. В связи с этим международные организации могли обрести столь необходимый для них динамизм.

Митрани предвидел появление специализированных международных организаций, имеющих перед собой вполне конкретные задачи и обладающих необходимыми ресурсами для их осуществления. Он представлял себе идеальный мир, в котором повседневные функции социальной жизни - здравоохранение, транспорт, сельское хозяйство, промышленное развитие и т.д. -

выполнялись бы не только на государственном уровне, но и на межрегиональном, континентальном и даже глобальном. Эта деятельность осуществлялась бы под контролем международных организаций, которые выступали бы в качестве своего рода советов по управлению. Отметим, что специализированные учреждения ООН (МОТ, ВОЗ, Организация продовольствия и сельского хозяйства) уже ведут деятельность в этом направлении, как, впрочем, и ряд неправительственных международных организаций (Лига обществ Красного Креста, Всемирная организация скаутов и др.).

Подход Митрани к деятельности международных организаций отличался также тем, что он стремился повысить эффективность их работы главным образом за счет улучшения менеджмента внутри них.

Функциональный подход не ограничивается лишь попыткой лучше организовать работу межправительственных организаций. Напротив, он предполагает создание сети специализированных организаций, многие из которых могут быть неправительственными. *Функционалисты считали, что со временем солидарность между простыми людьми будет расти, поскольку они окажутся втянутыми в международное сотрудничество в соответствии с их профессиональными возможностями, и пропасть между индивидуумами и миром в целом постепенно будет преодолена. Таким образом, традиционный подход с его ориентацией на межгосударственное взаимодействие функционалисты подвергли существенной ревизии.*

Вместе с тем *функциональный подход имел и свои слабые стороны.*

Во-первых, функционалисты не придавали существенного значения политическому аспекту сотрудничества в рамках той или иной специализированной организации, полагаясь на то, что координация усилий будет происходить сама собой. На самом же деле многие (если не все) отрасли экономического сотрудничества на международном уровне в большей или меньшей степени зависят от политической поддержки. В периоды экономического роста и процветания политический характер принимаемых решений не столь заметен, однако в период нехватки ресурсов, перепроизводства или опасения потерять рынки сбыта он становится очевидным. Некоторый идеализм функционалистов

состоит в том, что они рассматривают мир как мир неограниченных ресурсов (Макларен).

Во-вторых, функционалисты рассчитывают, что усилия международных организаций, направленные на улучшение условий жизни людей, в конце концов будут способствовать снижению военной угрозы. Предположение о том, что «*богатые не воюют*» также весьма уязвимо. Культивирование потребительства может привести (и приводит) к постоянно растущему «аппетиту». Не будучи удовлетворенным по тем или иным причинам, этот аппетит может стимулировать рост конфликтности. Кроме того, сами по себе контакты на неформальном уровне между народами в рамках неправительственных организаций не гарантируют и не могут гарантировать обеспечение безопасности. Народная дипломатия не снимает проблемы угрозы ядерной войны, хотя и способствует лучшему взаимопониманию людей. Далее, институциональный механизм так называемых «функциональных организаций» не позволяет решить проблему обеспечения мира и безопасности, поскольку он просто не приспособлен для этого.

В-третьих, функциональный подход, претендуя на аполитичность, не сможет и не мог преодолеть идеологических различий внутри международных организаций. ЮНЕСКО, МОТ, ВОЗ и ряд других специализированных организаций были идеологически расколоты и в полной мере отражали реалии мира, в которых они существовали.

После окончания Второй мировой войны функциональная теория стала применяться при рассмотрении деятельности Европейских и Атлантических институтов, особенно Европейских сообществ, что позволило специалистам говорить о *появлении функционализма не только как теории, но и как практики*. В мае 1950 г. министр иностранных дел Франции Шуман (Schuman) предложил государствам Западной Европы создать наднациональный институт ('High Authority') для координации деятельности в сфере производства угля и стали (план Шумана). После подписания в 1951 г. Парижского договора шестью европейскими государствами идея функционального сотрудничества получила свое реальное воплощение, поскольку деятельность в конкретной сфере на международном уровне регулировалась этим наднациональным институтом. Вскоре она получила дальнейшее развитие, когда «шестерка» учредила Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), а также Евроатом (1957).

Хотя Комиссия сообществ имела весьма ограниченные возможности в сфере принятия решений, она, наряду с другими институтами, обладала качествами наднационального органа. Европейский суд стал наиболее независимым институтом ЕЭС, применяя так называемое *европейское право*, а не национальное право того или иного государства; прямые выборы в Европарламент на партийной основе, а также с учетом различных групп, представляющих производителей, потребителей и представителей профсоюзов независимо от национальной принадлежности, также демонстрировали присутствие наднационального элемента.

Эти тенденции в Западной Европе вызвали появление исследований, целью которых было изучение природы и целей институтов Сообществ.

9.1.3. Неофункционализм

Наиболее заметное влияние на развитие неофункционализма оказали американские ученые Хаас (Haas), Линдберг (Lindberg) и Най (Nye).

Особенностью трудов этих представителей *неофункционализма* было то, что их предмет был ограничен процессами, происходившими в Западной Европе, и главным образом, развитием Европейских сообществ, отходя, таким образом, от глобального подхода функционалистов.

Второй особенностью *неофункционализма* была попытка преодолеть один из основных недостатков функционализма, а именно игнорирование политики как основы принятия большинства решений на международной арене. Они специально подчеркивали, что на субконтинентальном уровне будут осуществляться не только отдельные виды деятельности (регулирование в сфере производства угля и стали, например), но также будут приниматься и политические решения относительно этих функций. Появление организаций в других сферах для регулирования отношений в сельском хозяйстве, транспорте, торговле, обороне должны были стать определенными шагами в направлении строительства новой Европы. Конечной целью этого плана была экономически и политически интегрированная Европа - федеративное государство (Моннэ).

Изложенная выше стратегия была проанализирована Эрнстом Хаасом в его работе о Европейском сообществе угля и

стали (*The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950 - 1957*).

Хаас дал определение политической интеграции в ее идеальном проявлении как *«процессе, при котором политические силы, действующие в нескольких различных государствах, согласны ориентировать свою волю, ожидания и политическую деятельность в направлении нового центра, органы которого обладают или претендуют на юрисдикцию в отношении национальных государств, которые они представляют»*.

Этот «новый центр» должен был, по мнению Хааса, заниматься политическими проблемами функционального (отраслевого) сотрудничества. «Политическими силами» Хаас называл руководителей политических партий и групп, занимающихся принятием решений на национальном уровне, представителей профсоюзов, бизнеса, торговли, высокопоставленных государственных чиновников и политиков. Как только представители политической элиты *осознают необходимость создания нового политического центра*, они обнаружат, что политика Сообществ в одной сфере (отрасли) *может быть воплощена в полной мере только в случае, если сама задача Сообществ будет расширена посредством «перетекания» деятельности на другую сферу (отрасль)*.

В конце концов государства передадут Сообществам решение вопросов во всех ключевых сферах, что приведет к появлению нового центра *как потенциально более мощного, нежели правительства отдельных государств*.

Подобное видение перспектив европейской интеграции с неизбежностью должно было поставить вопрос о развитии и укреплении собственно международной организации, коим было ЕОУС, или же о формировании федеративного государства.

Хаас пришел к заключению, что в сфере, относящейся к повседневному регулированию общего рынка, *налицо независимость наднациональных институтов по отношению к государствам и что в Сообществе «наднациональность в своем структурном проявлении означает такое состояние государств, при котором они находятся ближе к архетипу федерации, нежели любая другая международная организация в прошлом»*. При этом Хаас подчеркнул, что на практике наднациональность развивается в некое промежуточное гибридное состояние, при котором ни федеративная, ни межгосударственная тенденция не доминирует. С

другой стороны, ЕОУС по своей природе было в большей степени функционально-федеративным образованием, нежели впоследствии Экономическое сообщество и Сообщества в целом, которые со второй половины 1980-х гг. существенно снизили роль наднациональных институтов в пользу межгосударственного Совета министров.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что Митрани и его последователи в целом рассматривали историю международного сообщества как движение в направлении объединения, создания федерации. Для неофункционалистов такое движение является объективным процессом, который не в состоянии остановить отдельные государства. Вместе с тем они подчеркивают, что путь к мировому федерализму лежит через процесс эволюции, а не революции. В этом движении к объединению мира особая роль принадлежит международным организациям. Признавая, что подчас международные организации могут распространять свою власть и на государства (подписание Устава ООН или Римских договоров), неофункционалисты подчеркивают, что «более общим является ... медленный и постепенный процесс перераспределения ответственности в пользу международных организаций, происходящий в результате многочисленных решений в течение определенного периода времени» (Лорд). Неофункционалисты утверждают, что международные организации постепенно расширяют свою компетенцию посредством новой интерпретации своих уставов, расширения роли их органов или секретариата, роста бюрократии и увеличения бюджета. Преодоление сопротивления этой тенденции со стороны государств-членов происходит благодаря демонстрарованию реальных или мнимых преимуществ углубления интеграции.

По мнению неофункционалистов, международные организации, будучи изначально механизмами обеспечения большей эффективности в отдельных сферах экономики (транспорт, коммуникация), со временем превращаются в локомотивы политической интеграции, которая способна гарантировать мир и безопасность.

Первый крупный кризис в рамках ЕС в 1965 г., инициированный де Голлем в связи с тем, что дальнейшая интеграция, по его мнению, противоречила национальным

интересам Франции, привел к появлению первой волны критики в адрес неофункционализма:

1) нефункциональный подход весьма линейно представлял процесс развития Сообществ, не учитывая при этом динамику процессов как в самих государствах-членах Сообществ, так и внутри их институтов;

2) не был принят во внимание фактор национализма;

3) сообщества рассматривались изолировано от остального мира, в то время как давление на их членов происходило по разным направлениям, в том числе и извне;

4) не учитывались общие процессы трансформации западного общества, происходившие независимо от интеграции.

Кроме того, само определение интеграции претерпело существенные изменения в направлении традиционного подхода к международному сотрудничеству.

Неофункционалисты восприняли основные критические замечания своих оппонентов и постарались их учесть. В целом неофункционалистов в большей степени стали волновать вопросы о том, *как и почему* государства передают часть своего суверенитета международным организациям, как и почему они добровольно объединяются, вступают в союзы со своими соседями (и не только), теряя при этом некоторые атрибуты своего суверенитета, но получая взамен возможности разрешения конфликтов друг с другом.

К 1975 г. Хаас считал теорию региональной интеграции устаревшей, но вполне применимой для остальных частей мира. По-новому стала интерпретироваться теория неофункционализма и в отношении Европейских сообществ. Результат интеграционных процессов в Западной Европе стал представляться в более традиционном виде формирования федеративного государства - складывание западно-европейской федерации происходит из многолетнего сотрудничества в отдельных отраслях/сферах и приводит к постепенному «перетеканию» политической деятельности от государств в направлении новой наднациональной структуры. Однако на практике такого «перетекания» вопреки расчетам неофункционалистов в полной мере не произошло. Более того, возник ряд новых международных организаций и форумов, которые стали заниматься выработкой общей политики, в том числе и в Западной Европе (Организация экономического сотрудничества и развития - OECD, группа Десяти и др.).

Главной причиной подобного развития, по мнению Хааса, было то, что *политические элиты государств не справились со скоростью и сложностью набирающих силу процессов интеграции, постоянно ставивших перед ними все новые и новые задачи*. Кроме того, проявилась сложность решения вопросов в рамках достаточно большой организации, члены которой подчас преследуют взаимоисключающие цели. Все это не могло не привести к эрозии Сообществ и их институтов. Подводя итог своим наблюдениям за процессами европейской интеграции в рамках ЕЭС, Хаас отметил, что опыт ЕЭС скорее иллюстрирует попытку институтов Сообществ совладать со стремительным развитием событий в рамках Сообществ, нежели добиться создания региональной политической интеграции.

Аналогичные тенденции в развитии взглядов на процессы интеграции в Западной Европе наблюдались в работах Линденберга и Ная. Линденберг также считал, что интеграция в ЕЭС рано или поздно приведет к возникновению серьезных противоречий внутри системы и создаст барьеры для дальнейшего объединения. Вместе с Шайнгольдом он описывал ЕЭС как структуру, которая не стала федеративной. Другой ее особенностью было наличие нескольких уровней интеграции в зависимости от той или иной функции. Все это вместе делало ее весьма слабой и уязвимой. Для беспрецедентной в истории и весьма запутанной «плюралистической» системы ЕЭС в словаре социологов и политологов не находилось адекватных определений.

Най предложил модифицировать неофункционализм 1950-х гг., обратив внимание на необходимость пересмотра условий, определяющих интеграционный процесс, а также отказавшись от точки зрения, что существует некий единый путь от реализации квазифункциональных задач к политическому союзу посредством «перетекания». Най сделал вывод о малой вероятности того, что в ближайшие десятилетия процессы экономической интеграции в Западной Европе приведут к созданию федерации или же политического союза, имеющего самостоятельную политику в сфере обороны и международных отношений.

Таким образом, надежды функционалистов 1950-х гг. на создание федерации уступили место неопределенности 1970-1980-х гг.

Провозглашение идеи создания Единого европейского рынка внутри ЕЭС к концу 1992 г., подписание Единого европейского

акта (1986), расширившего сферу компетенции ЕЭС и изменившего их институциональный баланс, а также решение многих проблем в сфере общей сельскохозяйственной политики в феврале 1988 г. открыли тех, кто верил в «логику интеграции».

Критика современного неофункционализма сводится к следующим положениям:

1) это направление главным образом концентрирует свое внимание только лишь на Европейских сообществах (в настоящее время - на Европейском союзе). По свидетельству Ная, изначальная модель неофункционализма была близка к стратегии архитекторов европейской интеграции в 1950-е гг. и поэтому не могла служить ориентиром для формирования политики в других регионах. Последующие модификации этой модели были не более чем инструментом для сравнительного анализа. «Мы хотим знать, что происходит, когда группа государств создает общий рынок». Пищу для размышления представителям этой школы может дать процесс экономической интеграции в рамках Североамериканской ассоциации свободной торговли и СНГ;

2) неофункционалисты весьма эклектичны в интерпретации институциональных изменений. Они отошли от идеи функционального федерализма, согласились, что «логика интеграции» не означает линейного процесса формирования федеративного образования;

3) неофункционалисты весьма узко представляли спектр негосударственных субъектов международных отношений, выделяя лишь политическую элиту и лидеров отдельных групп, сформированных по отраслевому принципу.

Недостаточное внимание к интересам простых потребителей, их взаимодействию на институциональном уровне в рамках Сообществ вело к появлению существенного разрыва (наиболее заметного у новых членов Сообществ) относительно представлений о Сообществах у элиты этих стран и обычных граждан.

В условиях серьезных потрясений, происшедших в результате резкого повышения цен на нефть в 1974 г., особенно в новых странах ЕЭС, возникла напряженность именно на уровне простых граждан, столкнувшихся с тяжелым выбором - инфляция или рост безработицы, интересы профсоюзов или интересы потребителей, ощущение себя «европейцем» и перераспределение ресурсов (нефть, продовольствие, например) в пользу других стран или же сохранение более прагматичного подхода в пользу

обеспечения в первую очередь своих потребностей. Дальнейшее институциональное развитие ЕЭС показало, что развитие европейской интеграции во все большей степени направлено на разрешение этих противоречий.

В заключение отметим, что неофункционалисты продолжают традицию функционалистов в изучении отношений между группами и отдельными личностями различных государств как на негосударственном, так и на государственном уровне на основе общности выполняемых ими функций. Они попытались увязать вопросы такого сотрудничества с политической деятельностью, которая в конце концов должна оказать существенное влияние на саму сущность государственной деятельности. Они пытались определить качество этих вновь созданных международных организаций. Исследования неофункционалистов показали, что институты Европейских сообществ не были традиционными межгосударственными институтами. Наконец, начав с оптимистических прогнозов относительно «логики интеграции», неофункционалисты прошли несколько этапов в своей эволюции, став затем весьма сдержанными относительно перспектив интеграционных процессов в Европе.

Альтернативным неофункционализму направлением в изучении интеграции является подход, отводящий главную роль в реализации интеграционных процессов не наднациональным органам, а главам соответствующих государств (*intergovernmentalism*). Всячески отстаивая суверенитет своих государств, они тщательнейшим образом взвешивают шаги, ведущие к его сокращению.

Крупные государства фактически обладают правом вето в отношении принципиальных изменений согласованного ранее хода интеграции. При этом малые государства, как правило, получают разного рода компенсации за счет соответствующих стран-лидеров того или иного интеграционного процесса. Акцент на-силовой составляющей в широком смысле слова (экономической, военной и т.д.), позволяющий выделить лидеров и ведомых в рамках того или иного интеграционного процесса, учесть политическую составляющую межгосударственного взаимодействия участников интеграционного процесса, выгодно отличает этот подход от неофункционализма. Однако и этот подход не лишен недостатков:

1) он ограничивается лишь важнейшими решениями соответствующих государств, полагая автоматическую реализацию

принятых решений. Положительные стороны интеграции рассматриваются лишь как результат согласования интересов крупных государств, а остальные воспринимаются преимущественно как объекты интеграции;

2) разнообразные социальные процессы, предшествующие важнейшим решениям крупных государств и во многом их подготавливающие, игнорируются.

Экономисты, занимающиеся изучением интеграции, основное внимание уделяют рынку товаров и услуг, а также факторам производства, оставляя в стороне институциональный и политический факторы интеграции. Их интересует прежде всего социально-экономические последствия этого процесса. Двумя основными экономическими объяснениями феномена интеграции являются *теории таможенного союза и оптимальной валютной зоны*.

Теория таможенного союза, исследуя рынок товаров, пытается раскрыть социально-экономические последствия с точки зрения развития торговли, ее диверсификации, а также условий торговли.

Теория оптимальных валютных зон имеет иной предмет. Она исследует условия, при которых становится экономически выгодным создание валютного союза. Основными категориями этой теории являются деньги, рынки товаров, а также факторы производства.

Большинство теоретических работ об оптимальных валютных зонах анализирует положительные и отрицательные стороны участия в валютных союзах, используя теорию игр, уделяя особое внимание отношениям заинтересованных сторон в связи с неодинаковым уровнем экономического развития возможных членов валютного союза. Большая часть эмпирических исследований задается вопросом о том, удовлетворяет ли Европа критериям для оптимального валютного союза.

Теории таможенного союза и оптимальных валютных зон не объясняют изменения норм и политики в рамках того или иного экономического региона. В этом смысле они статичны.

По мнению экономистов, *международная экономическая интеграция* - это процесс хозяйственно-политического объединения стран на основе развития глубоких устойчивых взаимосвязей и разделения труда между национальными

хозяйствами, взаимодействия их воспроизводственных структур на различных уровнях и в различных формах.

На микроуровне этот процесс идет через взаимодействие капитала отдельных хозяйствующих субъектов (предприятий, фирм) близлежащих стран путем формирования системы экономических соглашений между ними, создания филиалов за границей и т.п. На межгосударственном уровне интеграция происходит на основе формирования экономических объединений государств и согласования национальных политик.

Важнейшими факторами экономической интеграции являются:

- 1) возросшая интернационализация хозяйственной жизни;
- 2) углубление международного разделения труда;
- 3) воздействие НТР;
- 3) повышение открытости национальных экономик.

Международная экономическая интеграция имеет несколько форм. Перечислим их в порядке усложнения.

Наиболее простой является зона свободной торговли, в рамках которой отменяются торговые ограничения между странами-участницами.

Таможенный союз предполагает также установление единого внешнеторгового тарифа и проведение согласованной внешнеторговой политики в отношении третьих стран.

Общий рынок обеспечивает его участникам наряду со свободной взаимной торговлей и единым внешним тарифом свободу передвижения капиталов и рабочей силы, а также согласование экономической политики.

Валютный союз совмещает все указанные выше формы с проведением общей экономической и валютно-финансовой политики.

Проблемы интеграции рассматривались в теории международных отношений еще с одной точки зрения, несколько отличной от подхода неофункционалистов, особое внимание уделявших отношениям элит стран ЕЭС.

Американский исследователь Карл Дойч, изучая ход европейской интеграции, напротив, подчеркивал *значимость отношений между народами*. Он считал, что создание и взаимодействие социумов, разделяющих взгляды на проблемы безопасности - «сообществ безопасности» (*security communities*), может избавить человечество от войны. Под этими социумами

Дойч понимал такие группы людей, которые ни при каких обстоятельствах не будут воевать друг с другом, а, напротив, будут решать возникающие проблемы мирным путем.

По мнению Дойча, интеграция совсем не обязательно должна вести к объединению народов или государств в какое-либо единое образование, как об этом говорили функционалисты, имея в виду федерацию. Дойч рассматривал два возможных варианта интеграции:

1) единое целое, состоящее из прежде независимых субъектов, объединившихся под началом единого правительства (например, США):

2) плюралистическое образование, в котором входящие в него субъекты остаются независимыми (например, США и Канада).

Анализ интеграционных процессов в Северной Америке и Западной Европе позволил Дойчу сделать вывод о наличии определенных условий, необходимых для обоих типов интеграции. Естественно, что первый тип, будучи более высокой степенью интеграции, предусматривал большее количество этих условий - 12 против 3 в случае «плюралистической интеграции». Эти три условия состояли в следующем:

1) совместимость основных ценностей, относящихся к процессу принятия политических решений;

2) способность участвующих в процессе интеграции политических партий или правительств быстро и адекватно реагировать на нужды друг друга;

3) взаимная предсказуемость поведения.

Дойч подчеркивал важность общения политических партий и групп, а также отдельных граждан, представляющих разные страны. Обменные программы, туризм, торговля и другие формы коммуникации неизбежно ведут к повышению уровня взаимной зависимости и лучшему взаимопониманию - основе для преодоления недоверия, страха и боязни друг друга.

Дойч специально не выделял роль международных организаций в этом процессе, однако из его работы следуют достаточно важные выводы. Во-первых, в результате «плюралистической интеграции» могут возникнуть правительственные и неправительственные международные организации (например, Северный совет). Во-вторых, они могут представлять собой формы более или менее упорядоченной коммуникации между обществами, обеспечивающими

взаимодействие и лучшее понимание друг друга, что, в свою очередь, ведет к формированию «сообщества безопасности».

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что интеграция наряду с очевидными экономическими преимуществами (более широкий доступ хозяйствующих субъектов к разного рода ресурсам; емкость рынка; совместное решение острых социальных проблем и выравнивание отсталых регионов; лучшие конкурентные позиции фирм интеграционных группировок) имеет и далеко идущие политические последствия, касающиеся проблем войны и мира.

Главным из них является ничтожно низкая вероятность конфликта внутри, например, ЕС и НАФТА, что позволяет говорить о возникновении *сообществ безопасности* в Европе и Северной Америке. Появление *европейской идентичности* во многом снимает один из потенциальных источников конфликтов - национализм.

Было бы, однако, неоправданным упрощением утверждать, что интеграция есть некая панацея от всех бед и что все государства готовы ограничивать свой суверенитет. Мы уже говорили об этом применительно к деятельности международных организаций. Отметим, что интеграция существенным образом сокращает возможности государств защитить самих себя и своих граждан от многих проблем. Например, открытость границ и наличие безвизового режима в рамках СНГ привело к тому, что на территорию России через ряд сопредельных государств стали проникать экстремисты, поддерживавшие сепаратистов в Чечне, наемники, представители организованной преступности и т.п. Аналогично этому, открытие в начале 1990-х гг. Венесуэлой границы с Колумбией привело к ее превращению в транзитную территорию для наркодельцов. Если взять сферу, казалось бы, чисто экономических отношений, то станет очевидным нежелание ряда стран ЕС присоединяться к валютному союзу не только по причине слабости евро, но желания сохранения своей самостоятельности, традиций, идентичности.

Дезинтеграционные тенденции были наиболее отчетливо видны на постсоветском пространстве, в Югославии и даже в благополучной Чехословакии. Стремление к созданию национальных государств взяло верх. СНГ, например, так и не стало наднациональным институтом.

§ 9.2. ТЕОРИЯ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ

Если благополучие одного государства зависит от сотрудничества с другим государством, первое *зависит* от второго. Если два государства или более одновременно зависят друг от друга, они находятся в отношениях *взаимозависимости*. Взаимозависимость не только экономический, но и политический феномен. Когда государства торгуют друг с другом, они становятся зависимы и в политическом отношении (например, СССР своими заказами обеспечивал занятость значительной части общественного сектора в Индии, а Индия, в свою очередь, советского ВПК).

В международной политэкономии понятие *взаимозависимость* чаще относится к многосторонним отношениям, направленным на эффективное функционирование мировых рынков. Большинство государств зависит от мирового рынка, а не от каких-то отдельных торговых партнеров (хотя, заметим, в периоды нефтяных кризисов роль ОПЕК и других экспортеров нефти существенно возрастает).

Взаимозависимость двух или более государств не означает того, что эта зависимость равнозначна. Чаще всего одно государство является более зависимым, чем другое. Мировые рынки различаются по степени открытости и эффективности в зависимости от региона и товара. Саудовская Аравия, например, в большей степени определяет цены на нефть, нежели Япония - на автомобили.

Зависимость государств друг от друга может носить *кратко- и долгосрочный характер*. Например, зависимость Украины от российских нефти и газа носят долгосрочный характер и определяется такими долгосрочными факторами, как отсутствие собственных запасов углеводородного сырья, высокая энергоемкость экономики, недостаточная мощность предприятий энергетики (прежде всего, АЭС) с целью создания альтернативных источников энергии. В свою очередь, зависимость России от Украины определяется тем, что через территорию последней российские нефть и газ доставляются основным потребителям в Западной Европе. Чем раньше Россия обзаведется трубопроводами в обход Украины, тем быстрее снизит от нее свою зависимость в этом вопросе. Стоит также заметить, что туркменский газ доставляется на Украину по российским трубопроводам, поэтому у обеих стран существует «транзитная» взаимозависимость. Однако

подобная диверсификация поставщиков газа на Украину выгодна России, поскольку вероятность «заимствований» из российской экспортной трубы становится меньше из-за опасения взимания Россией натуральной компенсации туркменского газа.

Общей тенденцией развития мировой экономики является ее глобализация, рост взаимозависимости государств и, что самое примечательное, частных фирм, их интернационализация. Еще одним аспектом взаимозависимости является сближение мировых рынков вследствие глобальных информационных систем и средств коммуникации. Особого внимания также заслуживает расширение сферы мировой экономики, включение в нее бывших социалистических стран, Китая, стран Юго-Восточной Азии.

Взаимозависимость происходит из возможности получения преимуществ в результате сотрудничества, роста благосостояния партнеров. Благополучие и особенно возможности его сохранения и приумножения, в свою очередь, зависят от международного политического сотрудничества. Насилие в таком контексте оказывается неуместным. В связи с этим выдвигается тезис о том, что *взаимозависимость государств по определению способствует миру. Наиболее глубоко эту концепцию развили представители либерального институционализма.*

Это направление исходило из тех же посылок, что и реализм - «эгоистичные» государства оперируют в анархичной международной системе. Но по сравнению с достаточно узким подходом реалистов *либеральные институционалисты* стремились учесть *экономические факторы*. При этом один из основателей этого направления Р.Кеохейн предпринял попытку показать то, *как* может осуществляться сотрудничество между государствами на подлинно равноправной основе, исключающей доминирование одной из держав.

Предметом изучения либерального институционализма является *феномен международного сотрудничества, а именно те его случаи, когда интересы государств не являются диаметрально противоположными.*

Теория основывается на предположении, что мировая политика состоит из двух сфер - безопасности и политической экономии. Послевоенное развитие международных отношений Кеохейн представил как ряд периодов постепенного угасания американского доминирования. Если до середины 1960-х гг. международные организации находились под сильным влиянием со

стороны США, то впоследствии из-за нежелания оказывать им существенную финансовую поддержку и таким образом сохранять свои позиции в них, американская гегемония стала меркнуть. Все это привело к необходимости формирования нового международного порядка для периода «после гегемонии», основанного на необходимости более интенсивного сотрудничества государств как непосредственно друг с другом, так и с международными организациями.

Либеральные институционалисты утверждают, что главным препятствием для сотрудничества между государствами является боязнь оказаться обманутым. Для того чтобы решить эту проблему, стороны должны прийти к убеждению, что у них есть некий общий интерес, который может быть реализован при помощи международных организаций, минимизирующих возможность обмана.

Во-первых, будучи частью системы (организации), государство, прибегающее к обману, может потерять больше в будущем, нежели приобрести в результате обмана. Во-вторых, организация наказывает обманщика, не позволяя ему насладиться нечестно полученным приобретением. В-третьих, организация поощряет государства, которые беспокоятся о своей репутации. В-четвертых, она может связывать государства в различных сферах, укрепляя их взаимозависимость. Поэтому обманщик в одной сфере рискует стать жертвой в другой. В-пятых, внутренняя структура организации позволяет государствам получать большой объем информации, предоставляет им возможность осуществлять мониторинг. Все это повышает вероятность того, что обманщик может быть легко раскрыт. Наконец, международные организации дают возможность экономить на наблюдении за выполнением того или иного соглашения.

В конце 1980-х - начале 1990-х гг. Р. Кеохейн и Дж. Най исследовали воздействия последствий интенсификации транснациональных контактов на международные отношения в целом. Отправной точкой их рассуждений было следующее положение: *«транснациональные отношения не "новые", хотя... рост числа международных организаций в течение XX в. был поистине огромным... Мы заявляем, что старая парадигма международных отношений, бравшая за основу государства, не только устарела ..., но и во все большей степени перестает*

отвечать изменениям, происходящим в международных отношениях».

Кеохейн и Най выделили пять факторов растущего международного взаимодействия, имеющих воздействие на взаимоотношения государств:

- 1) расширение обмена взглядами на уровне обычных граждан;
- 2) развитие политического плюрализма (включение отдельных национальных групп в транснациональные структуры, выполняющие функции координатора);
- 3) формирование зависимости и взаимозависимости государств особенно в сферах транспорта и финансов;
- 4) создание новых инструментов влияния для использования одними государствами по отношению к другим;
- 5) появление независимых субъектов международных отношений, ведущих свою политику подчас вопреки интересам отдельных государств.

В отличие от реалистов, Кеохейн и Най развивают *идеальный тип сложной взаимозависимости*, которая, по их словам, является более реалистичной в описании и объяснении происходящих событий, нежели сама реалистическая традиция. Тремя основными характеристиками этого идеального типа являются:

- 1) способность связывать различные общества между собой посредством различных каналов - межгосударственных, трансправительственных и транснациональных;
- 2) отсутствие иерархии в выделении сфер межгосударственного сотрудничества (проблемы военного сотрудничества более не являются приоритетными и не определяют очередность решения других вопросов);
- 3) в условиях сложной взаимозависимости государств в каком-либо регионе исключается возможность использования одним из государств вооруженных сил против другого государства этого же региона.

Сложная взаимозависимость дает толчок важному политическому процессу: цели государств в определенных сферах будут отличаться от политики, проводимой на межгосударственном уровне специализированными учреждениями, поскольку они могут преследовать свои собственные цели.

В каждой отдельной сфере государства обладают определенными ресурсами для разрешения возникающих там

проблем, и при этом не имеет практически никакого значения военная мощь того или иного государства. В этом случае международные организации и транснациональные субъекты международных отношений используются в качестве важнейших инструментов государственной политики. При этом формирование повестки дня деятельности этих организаций происходит во многом под влиянием малых и более слабых в военном отношении государств, заинтересованных в создании различных союзов для решения собственных проблем.

Международным организациям принадлежит значительная роль в модели сложной взаимозависимости Кеохейна и Ноя. Модель международных организаций используется ими для объяснения глубокого изменения международной системы, а именно в том смысле, что, возникнув со своими внутренними нормами и институтами, *международные организации придают международным отношениям стабильность.*

После окончания холодной войны Кеохейн и Пай предложили свое видение нового мирового порядка, начало формирования которому было положено в результате распада советского блока в Восточной Европе осенью 1989г.

Рассуждая о том, *что* придет на смену старой и по-своему стабильной биполярной системе международных отношений, Най пришел к выводу о том, что пора отойти от традиционных парадигм, в основе которых лежит представление о полярности, как основе мирового порядка (биополярности, многополярности, однополярности). Биполярность невозможна, поскольку Россия даже в долгосрочной перспективе не сможет бросить вызов США, становясь все более зависимой от Соединенных Штатов. Идея многополярности также являет собой клише, на сей раз XIX в. Отличие нынешней ситуации состоит в том, что раньше существовало *пять, примерно равных*, по силам государств, а сейчас такого равенства нет. Европе не хватает политического единства, Япония же слаба в военной сфере и весьма американизирована в культурном и идеологическом отношениях. Формирование трехполюсного мира (Азия, объединяющаяся вокруг *йены*, Западное полушарие - вокруг *доллара*, европейский блок - вокруг *евро*) также выглядит нереалистичным по причине ограничения торговли одним регионом, сильнейших потрясений, связанных с финансовым кризисом, начавшимся именно в Азии, ключевой ролью США в обеспечении безопасности Японии и

Европы. Идея однополярного мира, получившая распространение после «победы» США в холодной войне и успеха операции «Буря в пустыне», померкла в связи с неспособностью США эффективно противостоять мировому финансовому кризису 1997-1999 гг., международному терроризму, а также эффективно решать другие глобальные проблемы, стоящие перед мировым сообществом. Най пришел к выводу, что *новый мировой порядок должен основываться на многоуровневой взаимозависимости государств друг от друга.*

Однако взаимозависимость имеет и определенные недостатки. Чем больше государство получает в результате торговли, тем в большей степени оно становится зависимым от других государств. В ситуации несимметричной взаимозависимости это может приводить к серьезным последствиям. Зависимость латвийских нефтяных портов от поставок сырья из России в условиях обострения конфликта в связи с нарушением прав русскоязычного населения и заявления некоторых российских политиков о возможности использования санкций (в том числе использовать для транспортировки нефти другие пути) поставила под угрозу практически всю экономику этой прибалтийской страны. Еще один пример. В ходе обеих мировых войн Великобритания и Германия пытались с помощью блокады использовать зависимость противника в продовольствии. Наконец, ориентация Ирака только на экспорт нефти привела к тому, что после его вторжения в Кувейт он оказался на грани экономического краха, поскольку в отношении него ООН были введены санкции, запрещающие свободный экспорт нефти. Таким образом, взаимозависимость связывает благополучие народов с политикой других стран, которая находится вне их контроля. Цена приобретенный, получаемых в результате такой взаимозависимости, может быть нивелирована утратой или снижением степени экономической и политической независимости того или иного государства.

Критики *либерального институционализма* обращают внимание на ряд уязвимых мест этой теории:

1) подход к сотрудничеству ограничивается главным образом проблемами экономики;

2) либеральный институционализм обращает внимание только на абсолютную выгоду как цель сотрудничества государств, упуская из виду относительную выгоду, т.е. исходит из того, что государства просчитывают только пользу для себя, не обращая

внимания на то, что приобретет противоположная сторона. На самом деле государства уделяют внимание обеим формам выгоды (абсолютной и относительной);

3) само по себе наличие сотрудничества не означает истинности либерального институционализма. Необходимо доказательство того, что тот или иной вид сотрудничества не имел бы места, если бы не было международных организаций, выполняющих роль своего гаранта от обмана;

4) уязвимостью работ Кеохейна и Ная является терминологическая неопределенность, поскольку элемент ключевого понятия «взаимозависимость» - *«зависимость»* дается весьма расплывчато, а именно как *«состояние, определяемое внешними силами или в значительной степени находящееся под их влиянием»*. Это «в значительной степени» не показывает природу этого влияния, что является важным. Как отметил Клив Ачер, лекарства могут оказать на человека «значительное влияние», что вовсе не означает, что этот человек зависит от лекарств;

5) еще одно критическое замечание состоит в том, что Кеохейн и Най «собрали в кучу... все типы отношений, в которых принимают участие неправительственные субъекты международных отношений» (Вагнер), и тем самым сделали весьма неопределенными основные компоненты своей парадигмы.

В целом критические замечания в адрес работ Кеохейна и Ная можно найти в многочисленных публикациях Уолтца, Мершаймера и других авторов.

Вместе с тем Кеохейн и Най проникли в сущность транснациональной политики; они отошли от традиционного восприятия международных отношений и роли, которую играют в них международные организации, обратив внимание на их исключительное значение в обеспечении стабильности международной системы.

§ 9.3. ТЕОРИЯ РЕЖИМОВ

В связи с тем что стороны, находящиеся в конфликте, подчас по-разному обосновывают свое право на предмет спора (будь то территория, собственность или же решение вопроса о создании нового государства), необходимо наличие *третьей стороны*, которая бы выступила в качестве арбитра или же задала бы общее правовое поле, в рамках которого надлежит решать существующие

конфликтные ситуации. Особое значение наличие таких норм имеет для мировой экономики, которая в большей степени, нежели любая другая сфера международных отношений, нуждается в поддержании стабильности.

Вместе с тем *теория международных режимов* относится не только к экономике. Она охватывает также сферу безопасности (режим нераспространения ядерного оружия, режим контроля за распространением ракетных технологий и др.), торговли, использования мирового океана или Арктики. Международный режим может касаться охраны рыбных ресурсов, производства и распределения продовольствия, телекоммуникаций, координации деятельности метеорологических служб отдельных государств и др.

Международный режим может быть *формально установлен* (система Бреттон-Вудса, ГАТТ) или же может существовать *неформально*. Режимы могут быть *глобальными* (МАГАТЭ) и *региональными* (валютная система ЕС).

Что же такое *международный режим*? Понятие международный режим появилось в начале 1970-х гг. (Ругги). Оно относится, главным образом, к государствам, но оказывает воздействие также и на неправительственные субъекты по самому широкому кругу проблем.

В литературе не существует единого определения международного режима. Кеохейн и Най понимают под ним *«регулирование и контроль транснациональных и межправительственных отношений посредством принятия правил и процедур, а также определенных институтов для определенного вида деятельности»*.

Эрнст Хаас определяет режим как *«нормы, правила и процедуры, согласованные с целью регулирования какой-либо сферы»*.

Наиболее полное определение международных режимов дает Оран Янг. Он рассматривает их в качестве *социальных институтов, определяющих действия тех, кто заинтересован в регулировании определенных сфер деятельности*.

Режимы могут иметь или не иметь какую-либо структуру и соответственно существовать или не существовать в форме международных организаций. *«Ядром любого режима является «свод правил и норм»*.

Янг подчеркивает, что международный режим формируется суверенными государствами, а его влияние распространяется и на

частные компании (например, рыболовецкие предприятия, банки, авиакомпании).

В целом *международные режимы представляют собой сообщества, члены которых стремятся к реализации своих интересов посредством распространения и закрепления определенных ценностей (например, необходимость защиты рыбных ресурсов, нераспространение ядерного оружия и др.)*

Как уже отмечалось, международные организации и международные режимы имеют своей целью укрепление сотрудничества между государствами. Они могут основываться на международных соглашениях, предполагающих учреждение институтов и т.д. Однако цели и задачи международных организаций, как правило, намного шире. Кроме того, структура режимов более подвижна, и они в большей степени подвержены изменениям.

Оригинальная концепция режимов представлена Артуром Стейном, посвятившим одну из своих книг феномену сотрудничества.

Концептуализация режимов, предложенная Стейном, основывается на том, что международные отношения представляют собой взаимодействие суверенных государств, имеющих своей целью самосохранение, причем для достижения последнего в конечном счете необходимо полагаться на собственные силы и быть готовым применить силу. Такую ситуацию обычно определяют при помощи весьма популярной метафоры - *анархии*.

Любой результат взаимодействия государств, принимающих независимые решения, есть производное их интересов и предпочтений. В зависимости от этих интересов результат может варьироваться от конфликта до полной гармонии. *Такое независимое поведение государств и его результаты есть следствие обычных международных отношений, а не режимов.* Гонка вооружений, например, режимом не является, хотя решение сторон продиктованы непосредственными шагами друг друга. До тех пор пока поведение государств на международной арене определяется ничем не связанным и независимым способом принятия решений, не может идти речи о наличии международного режима.

Режим появляется тогда, когда возникает взаимодействие сторон, обусловленное наличием общих интересов, или же когда оно основывается на совместном принятии решений. Наиболее общим примером режима является собственно общество отдельно взятой страны. Даже самое свободное и наиболее открытое

общество не дает полной свободы индивидуализму и рынку. Функционирование рыночной экономики требует разработки, принятия и соблюдения комплекса прав собственности, конкуренции и т.д. Общество, основанное на договоре его граждан, в том числе и о возможности использования силы для разрешения споров, образует режим в силу того, что оно ограничивает свободу поведения своих граждан.

В международных отношениях необходимости в создании режима не возникает, если каждое государство, принимая самостоятельное, независимое решение достигает оптимального (или желаемого) для себя результата и при этом не возникает никаких конфликтов с другими государствами. Примерами подобных отношений может быть бартерная торговля или некоторые формы иностранной помощи (содействие в ликвидации последствий катастрофы). Если интересы государств гармоничны и совпадают, нет оснований для конфликта между ними.

Также нет потребности в режиме в том случае, когда стороны имеют некую общую цель и при этом не стремятся к доминированию. Примером такого поведения может служить экстрадиция преступников на основании предварительных договоренностей о взаимности подобных действий.

Режим не появится и в ситуации, когда одна из сторон добивается желаемого ею результат, а другая, хоть и не добивается аналогичного, соглашается с новым порядком вещей. Добровольное ограничение экспорта демонстрирует пример того, как одна из сторон добивается желаемого для себя результата, а вторая - вынужденно соглашается с возникшей ситуацией.

Однако, по мнению Стейна, *существуют ситуации, при которых все стороны вынуждены отказаться от абсолютно независимого принятия решений, т.е. когда эгоистичные расчеты вынуждают их тем не менее предпочесть коллективные (согласованные) действия в связи с тем, что в этом случае можно будет избежать нежелательных или негативных побочных результатов.*

Таким образом, концепция международных режимов сочетает в себе элементы реализма и либерализма. Режимы помогают сотрудничать государствам даже в условиях анархичной международной системы. Режимы не заменяют традиционных расчетов государств относительно издержек и приобретений в

результате сотрудничества. Они создают новые возможности с более выгодным соотношением преимуществ над издержками.

Следует отметить, что режимы закрепляют существующее соотношение сил на международной арене. Например, режим нераспространения ядерного оружия направлен на сохранение *status quo* и недопущение расширения клуба ядерных держав. То же самое относится к контролю за распространением ракетных технологий.

Источники:

Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие/ Н.А. Ломагин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. - 166 с., стр. 71-85.

Литература:

1. Бокшанин А., *История международных отношений и дипломатии в древнем мире.* – Москва, 1948.
2. Буриан А., *Теория международных отношений: Курс лекций в 2-х т., Том 1. «Введение в теорию международных отношений».* - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.
3. Гаджиев К.С., *Введение в геополитику.* Издание второе, переработанное и дополненное. - Москва, «Логос», 2000.
4. Дугин А., *Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством.* Изд. 3-е, дополн. - Москва, «АРКТОГЕЯ-центр», 1999.
5. Жакье, Бернар, *Международные отношения. Том 1. Субъекты международной системы: Учебное пособие.* - Н. Новгород, Изд. Нижегородского ун-та, 1997.
6. *История политических и правовых учений.* / Под ред. О.Э.Лейста. - Москва, «Юридическая литература», 1997.
7. *История европейской интеграции (1945-1994)*/ Под ред. А.С.Намазовой, Б.Эмерсон. - М.: ИВИ РАН, 1995.
8. Кальвокорресси Питер, *Мировая политика после 1945 года: В двух книгах.* – Москва, «Международные отношения», 2000.
9. *Современные международные отношения. Учебник* / Под ред. А.В.Торкунова. – Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.
10. Тойнби А., *Цивилизация перед судом истории.* – Москва, «Прогресс», 1995.
11. Фокуяма Ф., *Конец истории?!* // «Вопросы философии», 1990, № 3.

12. Хантингтон Сэмюел П., *Столкновение цивилизаций и переустройстве мирового порядка*//Библиотека публикаций Московского Центра Карнеги, „Pro et Contra”, Том 2, Весна 1997.
13. Цыганков П.А., *Современные политические режимы: структура, типология, динамика (учебное пособие)*. – Москва, «Интерпракс», 1995.
14. Цыганков П.А., *Теория международных отношений*. – Москва, «Гардарики», 2002.
15. Beniuc, V.; Rusnac, Gh., *Conceptele și noțiunile de bază ale diplomației*, Chișinău, Firma editorial-poligrafică “Tipografia Centrală”, 1998.
16. Brădescu, Faust, *Doctrină politică* /Faust Brădescu: Studiu introductiv de Georgiana-Margareta Scurtu – Ed. a 2-a, Vol. 1: *Drept și politică internațională*, București, Editura „Majadahonda”, 1999.
17. Burian, Alexandru, *Geopolitica lumii contemporane, Manual: pentru facultățile de drept și de relații internaționale a universităților*. - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.
18. Datcu, Ion, *Istoria relațiilor internaționale și a diplomației*, București, 1991.
19. Huntington, Samuel P., *Ordinea politică a societăților în schimbare* /Trad. de Horațiu Stamatini, Iași, Editura POLIROM, 1999.
20. Keohane, Robert O. and Nye, Joseph S., *Power and Interdependence: World Politics in Transition*, Boston, 1977.
21. Morgenthau, Hans, *Escritos sobre política internacional*. Con estudio preliminar de Esther Barbe, Tecnos, Madrid, 1990.
22. Ortíz, Eduardo, *El estudio de las Relaciones Internacionales*, Fondo de Cultura Economica, Santiago de Chile, 2000.
23. Rosenau, James N., *The Scientific Study of Foreign Policy, rev. ed.*, London: Frances Pinter, 1980.
24. Senarclens, Pierre de, *La politique internationale*, Paris, 1992.
25. Tredinnick, Felipe, *Derecho internacional público y relaciones internacionales*, Tercera edición, Editorial "Los amigos del libro", La Paz-Cochabamba, Bolivia, 1997.
26. Vasquez, John, *The War Puzzle*, Cambridge University Press, 1997.
27. Viotti, Paul R.; Kauppi, Mark V., *International relations theory: Realism, Pluralism, Globalism, and Beyond*. – 3rd ed., Allyn and Bacon, Boston, 1998.
28. Wallerstein, Immanuel, *The Modern World-System - 2 volumes*, Academic Press, New York, 1974.
29. Wight, Martin, *Politică de putere*, Chișinău, Editura ARC, 1998.

ВОЙНА, МИР И СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВ¹¹

§ 10.1. Концепция конфликта и войны.

§ 10.2. Классический идеализм.

§ 10.3. Марксизм-ленинизм.

§ 10.4. Классический реализм.

§ 10.5. Неореализм.

Почему государства воюют? Объяснение феноменов войны и мира представлено во всех ведущих теориях международных отношений, и это не случайно. Даже в наше время, после двух опустошительных мировых войн и многолетнего противостояния блоков-антагонистов в период холодной войны, «стоившего» многих сотен миллиардов долларов обеим сторонам, войны не ушли в прошлое. Только за первые пять лет после окончания холодной войны (1990-1995) 70 государств были вовлечены в 93 войны, в ходе которых погибло пять с половиной миллионов человек.

Задолго до появления основных теоретических школ в области изучения международных отношений многие мыслители пытались ответить на вопрос о том, что такое *война*, в чем ее *причина*, *какие функции* она выполняет? Кроме того, в этом разделе мы дадим определение конфликта и войны, рассмотрим типы конфликтов, которые ведут к войнам, приведем разные классификации войн.

¹¹ *Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие/* Н.А. Ломагин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. - 166 с., стр. 33-70.

§ 10.1. КОНЦЕПЦИЯ КОНФЛИКТА И ВОЙНЫ

10.1.1. Международный конфликт

Почти две тысячи лет назад Сенека писал: «Людей интересует исход войны, а не ее причина». Политологов же, напротив, этот вопрос интересует в первую очередь. Почему государства вступают в конфликт друг с другом? Почему эти конфликты в ряде случаев ведут к насилию и войне?

Конфликт между государствами, как мы можем убедиться сами, явление вполне обычное, ординарное.

Конфликт можно определить как различие желаемых результатов в ситуации какого-либо спора. Два субъекта - Израиль и Палестина - претендуют на один и то же город (Иерусалим) и не хотят идти на уступки друг другу. Для обеих сторон желаемым результатом является полный контроль над городом. До тех пор, пока они не изменят свои цели в споре, конфликт будет продолжаться.

Насилие - подчас эффективное средство разрешения определенных конфликтных ситуаций. Поэтому государства стремятся обладать необходимыми средствами для применения насилия с целью разрешения конфликтов. В реальной жизни сила используется нечасто и большинство конфликтов не ведет к войне. *Изучение причин войны есть, по сути, попытка понять причину развязывания войны, т.е. решения применить силу как средство разрешения международного конфликта.* Однако понимание этого требует также изучения причин самого конфликта.

Подходы к вопросу о том, почему государства развязывают войны, могут быть самыми разными. Историки, стремящиеся выделить уникальное, особенное в каждом историческом явлении, скажут, что у каждой войны были свои конкретные причины. Политологи, тяготеющие к обобщениям, видят, например, в качестве причины первой мировой войны изменение *баланса* сил между ведущими европейскими державами.

Политика с ранних времен имеет дело с контролем над людьми и ресурсами. Кто осуществляет контроль? Кто выигрывает и кто страдает от того или иного вида контроля? Каким образом устанавливается контроль? Понять природу мира, в которой происходят жестокие истребительные войны - значит выявить перечень проблем, которые могут рассматриваться под углом

зрения жизни и смерти. Можно сказать, что войны существуют постольку, поскольку имеют место *фундаментальные конфликты интересов*, которые не могут быть разрешены мирным путем.

10.1.2. Конфликты интересов

Большинство современных международных конфликтов и войн происходит из-за конфликта интересов и целей сторон. Эти интересы можно разделить на две части - *материальные* и по *идейным* основаниям.

К *материальным* интересам относятся:

1. Споры о территории, включая попытки создания самостоятельных государств.

2. Конфликты в связи с желанием контролировать национальные правительства отдельных государств (борьба за «сферы влияния»).

3. Конфликты экономического характера относительно условий торговли, доступа к природным ресурсам и способам их доставки на мировой рынок, собственности, незаконной миграции, наркобизнеса и др.

Конфликты по *идейным* основаниям включают в себя:

1. Этнические конфликты.

2. Религиозные конфликты.

3. Идеологические конфликты.

Все названные типы конфликтов, естественно, не исключают друг друга и, напротив, зачастую накладываются друг на друга. Например, конфликт между Россией и Украиной после распада СССР имел несколько причин. Во-первых, Россия претендовала на Крым, который был передан Украине в 1954 г. по решению Первого Секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева не без нарушения, как считала российская сторона, действовавшего тогда законодательства. Во-вторых, Россия и Украина спорили о том, как разделить собственность бывшего Союза (в частности, Черноморский флот и его базы, а также долги и активы СССР). В-третьих, почти 11 млн русских и 6 млн украинцев оказались иностранцами - первые проживали на территории Украины, вторые соответственно в России. Возникла проблема обеспечения прав соотечественников, проживающих за рубежом, особенно в части использования родного языка. В-четвертых, очень скоро возникла проблема погашения Украиной долгов за поставки российских энергоносителей, а также безопасности транзита российского газа

через территорию Украины. Наконец, в западных областях Украины имеют место трения и на религиозной почве. Тем не менее все эти конфликты не привели к войне государств друг с другом. Однако большинство из них сохраняют свою актуальность и поныне, являясь предметом двухсторонних переговоров Москвы и Киева.

10.1.3. Территориальные споры

Среди всех международных конфликтов именно *спор о территории* имеет особое значение вследствие территориальной природы самого государства. Исторически сложилось, что территория была основой существования народов. Ведение сельского хозяйства, рыболовство, охота, добыча полезных ископаемых - все было связано с территорией.

Выделяют два типа подобных конфликтов: собственно территориальные споры по поводу установления границы (например спор о так называемых «северных территориях» между Россией и Японией и до недавнего времени, Латвией и Россией, Эстонией и Россией и др.) и конфликты по поводу контроля над всей территорией того или иного государства.

Хотя на уровне отдельного государства в большинстве случаев существует возможность купли-продажи земли, в международных отношениях эта практика крайне редка (вероятно, один из немногих примеров подобного рода - продажа Россией и Францией Соединенным Штатам соответственно Аляски и Луизианы).

Территориальные споры между государствами часто являются причиной большинства войн. Проигравшая войну и утратившая контроль над частью своей территории сторона, как правило, не забывает этого. Характерным в этом отношении является франко-германское соперничество за обладание Эльзасом и Лотарингией. Выиграв войну 1871 г., Пруссия получила эти территории, однако столкнулась с проблемой сильнейшего национализма населения этих провинций. Внутри самой Франции также произошел всплеск национализма и, как известно, в результате первой мировой войны эти территории были Франции возвращены. Они переходили из рук в руки еще дважды - в 1940 и 1945 гг.

Аналогичны взаимоотношения между Румынией и Венгрией относительно вопроса о Трансильвании, которая была передана

Румынии после распада Австро-Венгерской империи в 1918 г., но потом еще два раза переходила из рук в руки, в 1940 и 1945 гг.

Таким образом, реваншизм как крайняя форма национализма является одним из источников межгосударственных конфликтов.

Проблема разрешения территориальных споров очень сложна. Она касается не только и не столько военно-стратегической или материальной стороны дела (наличия или отсутствия полезных ископаемых, богатства территориальных вод ресурсами морского происхождения и т.п.), хотя и это имеет очень важное значение. В большинстве случаев дело усложняется тем, что последние (не считая, конечно, распада федеративных государств) территориальные изменения в Европе произошли в результате войн как одна из форм международно-правовой ответственности за агрессию (Германия, Италия, Япония утратили часть своей территории именно таким образом).

Какие-либо односторонние уступки могут создать нежелательный прецедент, вызвать «эффект домино». В некоторых случаях (конфликт израильтян и палестинцев из-за Иерусалима) спор касается не только территории, но и других не менее важных проблем, связанных с нахождением там религиозных святынь обоих народов и т.д.

Единственным, пожалуй, исключением из общего правила бескомпромиссности борьбы за территорию является сравнительно мирный характер деколонизации, хотя и тут были исключения (война Франции в Алжире в 1960-е гг.).

Несмотря на то, что в наше время благополучие наций определяется в первую очередь уровнем их экономического развития, конкурентоспособностью производимых товаров и услуг, а не размером территории (которая иногда даже обременяет), территориальные споры не утрачивают своей остроты.

10.1.4. Средства контроля над территорией

Исторически сложилось, что наиболее эффективным средством контроля над территорией является *военное присутствие*.

Например, Румыния в 1918 г. введя свои войска в Молдавскую Демократическую Республику (Бессарабию), при попустительстве России которая была вовлечена в Октябрьский переворот 1917 г., установила контроль над этим еще не сформированным и не вполне суверенным государством, что позволило ей впредь «организовать» переход указанной

территории под свою юрисдикцию «по воле и по требованию народа». Восстановление *статус-кво* произошло в 1940 г. также в результате военной операции, ввода Красной Армии на эту территорию.

Или, например, оккупация Кувейта иракскими войсками означала установление контроля над этим государством, кстати, тоже «по требованию народа». В свою очередь, восстановление государственного суверенитета Кувейта произошло также в результате *военной* операции, последовавших затем санкций в отношении Ирака, направленных на недопущение впоследствии повторения агрессии.

Однако следует отметить, что одним из основных инструментов контроля над территорией с окончания Второй мировой войны является *международное право*, которое запрещает применять силу для разрешения споров. Кроме того, оно установило принцип нерушимости границ, что означает необходимость мирного решения проблем в ходе переговоров. Правительства приходят и уходят, а существующие границы должны уважаться всеми.

10.1.5. Сецессия

Попытки какого-либо региона выйти из состава государства представляют собой особый тип конфликта, связанный с территориями. В данном случае речь идет не о границах между существующими государствами, а о стремлении региона создать границу вокруг себя и таким образом сформировать новое государство. В мире существует достаточно большое количество народов, борющихся за создание собственного государства, однако крайне редко эти попытки приводили к успеху.

На постсоветском пространстве наиболее острые конфликты происходят в Грузии (борьба Абхазии за независимость), Молдове (самопровозглашенная Приднестровская республика), Азербайджане (Нагорный Карабах) и России (Чеченская республика). Долгую борьбу за создание собственного государства ведут курдские сепаратисты в Турции, Иране и Ираке.

Хотя эти конфликты рассматриваются в качестве *внутреннего* дела соответствующих государств, международное сообщество внимательно следит за их развитием. *Во-первых*, борьба с сепаратизмом должна вестись в рамках норм международного права, лишь в исключительных случаях допускающего применение

силы. Если же потребность в нем возникла и вооруженный конфликт внутреннего характера начался, то государство обязано ограничивать свои действия в соответствии с нормами гуманитарного права. *Во-вторых*, государства должны выполнять обязательства, связанные с их членством в международных организациях (ООН, ОБСЕ, Совет Европы и др.). *В-третьих*, изначально внутренние по своему характеру конфликты могут быстро выйти за пределы той или иной страны. Группы сепаратистов могут концентрироваться в соседних государствах, создавать там базы. Религиозные фанатики нередко направляются в другие «горячие» точки, совершают террористические акты и т.д. Эскалация напряженности нередко ведет к росту числа беженцев в сопредельные государства.

Особая опасность разрастания конфликта происходит в случае, если население борющегося за независимость региона и граничащего с ним государства принадлежат к одной национальности и религии. Примерами таких сепаратистских движений являются такие пары, как Индия и Пакистан, Ирак и Иран, Молдова и Россия, Босния и Сербия. В ряде случаев сепаратисты выступают за присоединение к соседнему государству, что может повлечь за собой изменение межгосударственных границ.

Крайне сложные территориальные проблемы возникли в результате распада федеративных социалистических государств. Бывшие внутренние границы, установленные во многих случаях произвольно без учета национального состава проживающего там населения и исторических особенностей развития народов, стали международными. На территории бывшей Югославии это привело к войне. Когда Югославия распалась в 1991-1992 гг., на территории двух республик (Хорватии и Боснии) проживало сербское меньшинство. При помощи находящихся под ее контролем бывшей федеральной армии и полиции Сербии удалось установить контроль над значительной частью территории Хорватии и Боснии, где проживало сербское население. Местное несербское население подверглось «этническим чисткам» (выселение или физическое уничтожение). Аналогичным же образом в отношении сербов повела себя Хорватия, восстановившая контроль над своей территорией в 1995 г. Национализм до сих пор оказывает огромное влияние на отношения сторон.

Следует заметить, что далеко не все случаи распада федеративных государств кончались кровопролитием. Чехия и Словакия как независимые государства появились в результате согласованных и цивилизованных действий обеих сторон.

10.1.6. Межгосударственные границы

Споры о границах существующих государств вызывают беспокойство международного сообщества, хотя число таких споров невелико. Принципы нерушимости границ и мирного разрешения споров дают только один способ решения проблем - переговоры.

Именно таким образом был решен вопрос о границе между Россией и Китаем.

В 1930-е гг. СССР под предлогом возможной агрессии Японии в отношении Манчжурии установил свой «контроль» практически над всеми островами Амура и Уссури, включая те, которые находились на китайской стороне рек. В их числе был о-в Даманский, по поводу которого произошел военный инцидент между сторонами в 1969 г.

В соответствии с Договором о государственной границе от 16 мая 1991 г. по судоходным рекам граница проходит по середине фарватера, по несудоходным рекам - по середине реки или ее притока. Этот принцип, взятый из международной практики, был применен в оценке российско-китайской границы впервые. В 1998 г. стороны завершили демаркацию границы на участке в 4300 км от Монголии до КНДР.

Незначительные территориальные споры стороны иногда передают на рассмотрение Международного суда, решение которого в этом случае является окончательным.

В 1969 г. ФРГ, Нидерланды и Дания обратились в Международный суд для определения статуса континентального шельфа в Северном море. Сальвадор и Гондурас воспользовались этим механизмом в 1992 г.

Наиболее сложными и проблематичными являются *границы Израиля*, которые являются источником постоянной напряженности практически с момента возникновения этого государства. Проблема состоит в том, что они не были точно определены и признаны его соседями. Границы Израиля установленные по линии прекращения огня в 1948 г. были расширены в ходе войны 1967 г. и затем пересмотрены в Кэмп Дэвиде в 1978 г. Оставшаяся часть

территории, оккупированная Израилем на западном берегу реки Иордан, в секторе Газа и на Голанских высотах, а также статус Иерусалима, является главной причиной арабо-израильского конфликта, хотя в значительной степени проблема усугубляется протivостоянием на религиозной основе.

Еще один крупный пограничный конфликт тлеет в *районе Кашмира* - индийской территории, прилегающей к Пакистану. На постсоветском пространстве наиболее серьезным является армяно-азербайджанский конфликт в связи со статусом Нагорного Карабаха. Населенный преимущественно армянами, Нагорный Карабах является частью Азербайджана.

Большая часть других межгосударственных конфликтов касается контроля над маленькими островами, которые могут обеспечить их обладателю стратегические преимущества, контроль над природными ресурсами (например, нефти на шельфе), права рыболовства.

10.1.7. Контроль над правительством

Несмотря на то, что в мире существует множество территориальных конфликтов, которые являют собой угрозу миру и безопасности, следует выделить еще один тип конфликта - *стремление государств контролировать другие государства*.

В соответствии с международным правом, государства не имеют права вмешиваться во внутренние дела других государств. В реальной жизни, однако, все не так однозначно. Когда одно из государств хочет изменить или заменить правительство в другом государстве, на удобное ему, конфликт неизбежен. Более того, это государство может столкнуться с противодействием третьей стороны, что может привести к эскалации конфликта. Неоднократные попытки США свергнуть режимы Хусейна и Милошевича приводили не только к росту антиамериканских настроений в Ираке и Югославии, но и к обострению отношений с теми странами, которые не желали усиления США в зоне Персидского залива и на Балканах.

В период «холодной войны» борьба Запада и Востока в странах Третьего мира проходила во многом за влияние на правительства этих государств. Гражданские войны в Никарагуа и Анголе являются хорошими тому примерами.

Вмешательство СССР во внутривнутриполитическую ситуацию в Венгрии (1956) и Чехословакии (1968) было направлено на

сохранение контроля над этими государствами, как, впрочем, и американские «операции» в Заливе Свиней на Кубе (1959) и в Гренаде (1983). Желание контролировать Афганистан привело к пагубному для СССР решению свергнуть законное правительство этой страны и направить туда войска в 1979 г., что способствовало не только истощению страны, но и новому витку противостояния со странами Запада и Китаем.

Поскольку многие государства (особенно великие и средние державы) имеют интересы за пределами своих границ и открыто объявляют о «сферах своих жизненных интересов», этот тип конфликта будет оставаться одним из наиболее острых. Стоит нам только сопоставить «сферы интересов» разных государств, как станет ясно, где и в чем состоит потенциал конфликтности.

Например, одно из важнейших противоречий современных российско-американских отношений развивается вокруг новых независимых государств. И Россия и США объявили их зоной жизненных интересов и преследуют там, подчас, взаимоисключающие цели. Если Россия стремится к усилению центростремительных сил в регионе, к интеграции, то США, провозгласив стратегию «геополитического плюрализма», считают российскую политику проявлением старых имперских амбиций и препятствуют сближению ННГ. Каспийская нефть и пути ее транспортировки - еще одна серьезнейшая проблема, прямо затрагивающая интересы России и вызывающая противодействие со стороны США. Бесспорно, что у каждой из сторон есть свои аргументы считать постсоветское пространство приоритетом своей внешней политики. Перечень проблем можно было бы продолжить, но очевидно, что успех, хотя бы относительный, в реализации собственных интересов каждая из сторон может достичь только в том случае, если будет обладать поддержкой правительств тех государств, с которыми связаны их интересы.

Поддержка на выборах соответствующих кандидатов (если речь идет о демократических странах), экономическая помощь, создание благоприятных условий для совместной экономической деятельности и, наконец, военная помощь вплоть до защиты границ и оказания содействия в отражении агрессии - вот далеко не полный перечень того, что можно сделать, чтобы установить «контроль» над правительством соответствующего государства.

10.1.8. Экономические конфликты

Этот тип конфликтов редко ведет к насилию. Сама природа конкуренции и мировой торговли предполагает наличие конфликта. Потребители нефти желают, чтобы цены на черное золото снижались, а производители, напротив, стремятся к сохранению высоких цен. Страны-кредиторы и частные банки желают получить сполна по кредитам, а должники в ряде случаев просят реструктурировать или вообще списать долги. Одни государства стремятся увеличить экспорт своей продукции (стали, урана, текстиля, высоких технологий и др.), а другие этому препятствуют.

Однако, как уже отмечалось, экономические отношения содержат важнейший элемент, который отличает их от политических, а именно возможность обеим сторонам получить прибыль или, по крайней мере, минимизировать потери (в случае возврата долгов). Эта возможность и открывает путь для разрешения конфликтов. Большинство экономических конфликтов не представляет собой угрозы международной безопасности, хотя определенным образом и влияет на нее.

Во-первых, *политика меркантилизма*, о которой пойдет речь ниже (гл.4), подчас используется некоторыми государствами для аккумуляции средств с целью укрепления вооруженных сил и подготовки к войне. Поскольку положительное сальдо торгового баланса может быть использовано для этих целей, торговые конфликты косвенно связаны с вопросами безопасности.

Во-вторых, по мнению представителей марксизма, *проблемы конкуренции непосредственно связаны с безопасностью*. Экономический рост государств ведет к экспансии, поскольку им нужны новые источники сырья и рынки сбыта. В ряде случаев эта экспансия приводит к столкновению интересов с другими странами, что ведет к конфликтам и войнам.

В-третьих, экономические конфликты оказывают воздействие на безопасность в случаях, когда речь идет о *производстве и продаже вооружений, особенно высокотехнологичных*. Нередко между странами возникают конфликты в связи с тем, что, по мнению одной, другая в нарушение международных обязательств осуществляет поставки ракетных технологий, компонентов, необходимых для производства оружия массового уничтожения и т.п. Особого накала эти конфликты достигают в случаях, когда подобные поставки осуществляются в недружественные государства.

В-четвертых, конкуренция затрагивает вопросы безопасности и тогда, когда речь идет о *торговле стратегическими материалами*, необходимыми для военного производства, атомной энергетики и т.д. Подавляющее большинство стран вынуждено импортировать эти материалы.

В-пятых, особый тип конфликтов связан с *распределением богатства между государствами*. В связи с тем, что в мире существуют огромные диспропорции в уровне жизни, постоянно существует угроза революций в беднейших странах, где также, подчас, наблюдается сильное социальное расслоение. Эти революции приводят к смене правительств и, как результат, смене внешней политики и т.д.

Особым типом конфликтов материального характера, которые также затрагивают проблемы международной безопасности, является *раздел собственности* (в том числе вооружений) в результате распада государства.

10.1.9. Конфликты на идейной основе

В отличие *от материальных* по своей природе конфликтов (экономических, например), которые могут быть решены рационально, существует большая группа конфликтов, с трудом поддающихся разрешению. К их числу относятся этнические, религиозные и идеологические конфликты.

Этнические конфликты являются, вероятно, наиболее важным источником современных войн. Этнические группы - большие группы людей, объединенные на основе языка, культуры, религии и обладающие общей идентичностью. Этнический элемент имеет двойственный характер. Он создает прежде всего созидательное, объединяющее начало. Без этнического национализма не было бы современных государств. Но этнический национализм при определенных обстоятельствах способствует эскалации насилия. Следует иметь в виду, что национализм и этничность - различные понятия. В литературе под национализмом понимают как идеологию, включающую в себя культурную доктрину нации, национальную волю и меры по ее (воли) реализации, так и социальное и политическое движение, направленное на достижение национальной идеи. Носители национализма - нации - обладают «объективными» характеристиками (территория, язык, религия) и «субъективными» (ощущение своей принадлежности к определенной нации и

готовность постоять за нее). Этничность - более узкое понятие, определяющее принадлежность к какой-либо группе по национальному признаку. Этнические группы отличаются от наций по размеру, внутренней устойчивости, мобильности и т.д. Как правило, этнические группы стремятся обеспечить свои права, находясь в меньшинстве внутри какого-либо государства. Дискриминация чаще всего является основанием для возникновения этнических конфликтов.

Хотя этнические конфликты часто имеют материальную составляющую (контроль над территорией), они подпитываются неприязнью или ненавистью одной этнической группы по отношению к другой. Часто большие этнические группы, проживающие компактно, стремятся создать свое государство. Мы уже упоминали о различных сепаратистских движениях. Отметим, что в ряде случаев этнические конфликты перерастают в политические и подталкивают государства к насильственному изменению границ.

В условиях холодной войны, системы альянсов и жесткого контроля над населением правительствам бывших социалистических стран удавалось сдерживать национализм и предотвращать развитие этнических конфликтов. Распад федеративных государств, ослабление государства как такового привело к эскалации этнических конфликтов. Свобода пришла на смену порядку и стимулировала проявление национального экстремизма.

Что является причиной этнических конфликтов? Почему одни этнические группы ведут себя враждебно по отношению к другим? Часто это связано с многовековой борьбой за обладание какой-либо территорией или материальными ресурсами, либо с экономическим и политическим доминированием одного народа над другим. Национализм дает людям чувство общности и уверенности в завтрашнем дне. Это становится особенно важным в условиях быстрых политических и социально-экономических перемен, ослабления государства, которое должно проявлять заботу о своих гражданах, но не может в полной мере это делать. Установление и укрепление горизонтальных связей между представителями одной национальности, усиление роли общин и землячеств способно в известной степени заместить патерналистские ожидания. Еще большее значение национализм имеет в новых только что появившихся государствах. После

обретения независимости главным становится вопрос о том, кто (какая национальность) будет им управлять? Будет ли осуществлено полное подчинение представителей одной национальности другой, либо ее интересы будут учтены (специальный статус, квота в органах власти, использование двух языков в качестве официальных и т.п.)? Непрерывающаяся борьба в Руанде и Занзибаре имеет главной причиной именно попытки установления этнической субординации.

Нередко этнический конфликт имеет своей причиной соображения безопасности, связанные с боязнью небольшого в количественном отношении народа оказаться поглощенным большим народом. Большинство мощных сепаратистских движений, в том числе курдов и басков, было инициировано представителями интеллигенции, которые либо уже утратили свой родной язык, либо осознали неизбежность этого в рамках существующего порядка вещей.

Таким образом, *борьба за выживание, за сохранение своей этнической самобытности является основой этнических конфликтов.*

В связи с тем, что права подчиненных этнических групп практически повсеместно не соблюдаются должным образом, органы государственной власти недостаточно открыты для всех, а ресурсы общества распределяются так, что предпочтение отдается доминирующей группе, *необходимо* стремиться к тому (хотя добиться этого на практике трудно), чтобы обеспечить защиту прав человека и прав меньшинств, а также создать такие политические механизмы, в которых были бы представлены все группы.

При этом следует учитывать, что «раны, которые кровоточили долгое время, не заживут за ночь. Невозможно также укреплять доверие или вести диалог в то время, когда наносятся новые раны. Нет никаких быстрых решений, никаких коротких путей. Каждая группа должна быть убеждена в том, что государство принадлежит всему народу».

Экстремальным случаем борьбы с какой-либо этнической группой является геноцид - преступление, которое имеет своей целью частичное или полное уничтожение национальной, этнической или религиозной группы путем убийств членов этой группы, нанесения тяжких телесных повреждений, сознательного создания невыносимых условий проживания для членов этой группы, а также мер, предотвращающих воспроизводство детей

данной группы или же направленных на насильственную передачу детей этой группы в другую группу. *К геноциду относят намерение совершить геноцид, открытые и публичные призывы к данному преступлению, а также попытки его совершения и соучастие в нем. Геноцид, имеющий место в военное время, относится к разряду военных преступлений.*

Хотя эта деятельность и отнесена международным правом к разряду тягчайших преступлений, некоторые политики к ней прибегают (Руанда, Гаити, бывшая Югославия).

10.1.10. Религиозные конфликты

Религиозные войны и крестовые походы ушли в прошлое. Однако религиозные конфликты не прекращаются. Регулярные столкновения в благополучной в социально-экономическом отношении Северной Ирландии между католиками и протестантами заставляют задуматься о живучести этого феномена.

На международном уровне наиболее очевидной особенностью территориальных и этнических конфликтов является то, что враждующие стороны принадлежат к различным религиям. Например, в арабо-израильском конфликте иудеи враждуют с мусульманами, в карабахском конфликте участвуют азербайджанцы-мусульмане и армяне-христиане, в конфликте вокруг Косово участвуют сербы-христиане и албанцы-мусульмане, в чеченском конфликте также присутствует религиозный элемент (радикальное течение внутри ислама борется с «неверными») и т.д.

Министерство иностранных дел Израиля обвинило главу Палестинской национальной автономии Ясира Арафата в использовании религии в политических целях.

Об этом говорилось в пришедшем в редакцию НТВ.ru тексте заявления израильского МИДа, в котором тот излагает свою версию вспыхнувшего на Ближнем Востоке нового конфликта.

«Арафат манипулирует религиозными элементами среди своего народа для сплочения рядов и подстрекательства к насильственным действиям, - говорится в заявлении. Делая это, он, похоже, защищает свои святые места, но не желает заботиться о свободе вероисповедания и святых местах других религий. Примером тому служит забрасывание камнями евреев, молящихся у Западной стены, осквернение и разрушение гробницы Иосифа и игнорирование чувств евреев, связанных с Храмовой горой».

Согласно заявлению МИД Израиля, можно считать «доказанным», что свобода вероисповедания в зоне конфликта была гарантирована лишь тогда, когда святые места трех монотеистических религий -иудаизма, христианства и ислама - находились под израильским контролем.

В религиозном отношении мир неоднороден. Ислам, христианство, иудаизм, буддизм и множество их ветвей образуют весьма пеструю картину. В некоторых государствах сосуществует несколько религий, некоторые являют собой пример монорелигиозных государств. В любом случае, надо иметь в виду, *что в самих религиях нет ничего, что само по себе программировало бы конфликт.* Однако религиозные различия (как и различия вообще) несут в себе потенциал конфликтности. Это связано с тем, что *религии определяют системы ценностей в большинстве стран мира, отвечая на вопрос о том, что такое добро и что такое зло.*

Особенностью последних десятилетий является рост *фундаменталистских направлений* внутри практически всех мировых религий. Члены этих направлений организуют свою жизнь в соответствии с догматами веры, многие готовы пожертвовать всем и даже умереть за идеалы веры. Вероятно, одна из причин появления и активизации фундаментализма связана с желанием сохранения самобытности, собственной идентичности перед лицом все более и более набирающего силу процесса глобализации и секуляризации. Не случайно, что *фундаментализм наиболее активен в исламском мире*, т.е. там, где в течение долгого времени основы и многовековые традиции жизни ставились под сомнение со стороны западных стран. Конечно, было бы упрощением считать фундаментализм реакцией на «триумфальное шествие» Голливуда, Макдональдса и Кока-Колы. Однако агрессивность в насаждении новых ценностей имела прямо противоположный эффект.

Фундаментализм также используется как *средство мобилизации* (равно как и любая другая идеология) в многочисленных войнах и конфликтах, происходящих в исламском мире (Афганистан, Пакистан, Судан, Палестина, Ливан и др.).

Фундаменталистские движения поддерживались на государственном уровне несколькими исламскими государствами - Ираном, Афганистаном, Суданом и в ряде случаев Пакистаном.

Угроза фундаментализма состоит не только в том, что он представляет собой опасность для соседних или близлежащих

неисламских государств (например, Таджикистана, Узбекистана и Киргизстана), но и *создает транснациональные связи среди мусульман* всего мира, поддерживая сепаратизм. В связи с этим возрастает угроза *международного терроризма*.

10.1.11. Идеологические конфликты

Во многих отношениях идеология подобна религии - она усиливает и как бы «освящает» уже существующий конфликт, нежели является его причиной. Идеологии не столь ортодоксальны, как религии, и потому в меньшей степени важны для международных отношений.

Даже страны, которые пережили революции, основанные на новой идеологии (Россия - в 1917г., Китай - в 1949 г. и Иран - в 1979 г.), в течение сравнительно небольшого промежутка времени во внешней политике утратили свой идеологический «запал». Со временем представление о национальных интересах взяло верх в этих государствах над интересами идеологическими. СССР вернул себе статус великой державы и во многом продолжил внешнюю политику царской России, направленную на внешнюю экспансию с целью обеспечения большей безопасности. Несмотря на идеологические расхождения с «буржуазными демократиями» США и Великобритании Советский Союз стал активным членом антигитлеровской коалиции, в годы войны пошел на роспуск Коминтерна, восстановил в правах Русскую Православную Церковь и т.д.

Аналогично этому и Китай, изначально провозгласив целью своей внешней политики освобождение Третьего мира от американского империализма и подтолкнув Северную Корею к войне против Юга, через несколько десятилетий подписал с «империалистической» Америкой (Никсон) соглашение о сотрудничестве.

Как мы уже отмечали, идеология выполняет важную мобилизующую роль в ходе подготовки и ведения войны. Идеология нацизма смогла объединить большую часть населения Германии и обеспечила поддержку агрессивных планов Гитлера. Коммунистическая идеология, опирающаяся на мощный репрессивный аппарат в социалистических странах, была существенным элементом противостояния двух блоков в период холодной войны. Идеологическое разоружение СССР привело к краху всей системы, а затем и страны.

Принято считать, что демократия, если ее рассматривать в качестве идеологии, является исключением из общего правила, согласно которому идеология не оказывает существенного влияния на международные отношения. В настоящее время демократия становится таким же значительным явлением, как и глобализация, фактически выступая в качестве ее идеологического обеспечения. Приверженность демократии ни в коей мере не означает отказа от национальных интересов, но у ряда стран национальные интересы (глобализация) и демократия как идеология полностью совпадают.

Ниже мы специально остановимся на поведении демократических государств, здесь лишь отметим, что в литературе весьма популярной является теория о том, что «демократии друг с другом не воюют», а потому распространение демократии является лучшими «лекарством» от войн.

10.1.12. От конфликта к противостоянию и конфронтации

Большинству войн предшествует долгий период развития конфликта между сторонами и нарастания враждебности. Отличие противостояния от конфликта состоит в том, что отношение к проблемам определяется не желанием удовлетворить какую-либо из своих потребностей в соответствии с определенными ценностями, а тем, что может получить или потерять противник от того или иного решения вопроса.

При разрешении обычных конфликтных ситуаций стороны выдвигают предложения и оценивают предложения своих оппонентов, исходя из трех возможных вариантов:

1) расчет, в основе которого лежит оценка затрат и приобретений от данного предложения (a cost-benefit calculus);

2) расчет, в основе которого учитываются интересы друзей и противников (an affect calculus);

3) расчет с точки зрения взаимозависимости, т.е. того, каким образом решение данной проблемы повлияет на другие имеющиеся проблемы (an interdependence calculus).

Считается, что лидеры противостоящих друг другу государств подходят к проблеме с позиции оценки *негативных последствий* того или иного решения. Они занимают такую позицию, которая в наибольшей степени нанесла бы *урон противнику* и соответственно никогда бы не способствовала решению его проблем.

В конце концов, такое поведение сторон ведет к тому, что все имеющиеся маленькие проблемы взаимоотношений группируются в одну большую проблему, смысл которой состоит в причинении максимального вреда противнику. Как только стороны стали рассматривать отношения друг с другом через призму получения относительных выгод или потерь, любая маленькая проблема становится большой. Западный Берлин в 1960-е гг. чуть не стал причиной ядерной войны, поскольку являлся символом того, как США защищали Западную Европу от коммунизма.

В итоге, противостояние достигает такого уровня, когда стороны начинают прибегать к идеологии и морали, к понятиям добра и зла для мобилизации внутренних ресурсов. Все проблемы теперь сливаются в одну - в противостояние добра и зла. В этой ситуации можно констатировать, что противостояние достигло высшей точки.

Чем более *конкретна* проблема, тем легче ее решение, и наоборот. По спорным вопросам, которые легко выделяются в качестве самостоятельных, легче прийти к компромиссу. Проблемы же, которые носят *символический* характер, решить сложнее, поскольку компромисс может привести или к урону репутации, или же создают нежелательный прецедент. Следовательно, проблемы, несущие в себе трансцендентный элемент, труднее всего решать, поскольку они касаются фундаментальных различий ценностного характера, норм и правил игры. К числу таких трансцендентных проблем в современной глобальной системе в наибольшей степени относится *территориальная проблема*, а также вопрос о *реализации права наций на самоопределение*.

Валуа и Габсбурги, Франция и Англия, Германия и Франция на протяжении многих лет представляли собой пример такого противостояния.

Проблема состоит в том, что спор о территории является очень конкретным и легко выделяемым из ряда других проблем. Однако отношение к ней по-прежнему остается в высшей степени символическим.

Это не означает, что другие проблемы не могут явиться причиной противостояния и конфронтации. Советско-американские отношения в период холодной войны и англо-германские отношения накануне первой мировой войны имели другие основания, чтобы быть конфронтационными. Однако в наибольшей

степени к конфронтации и в конце концов к войне ведет спор о территории.

Конфликты подобного рода практически неразрешимы, поскольку каждая из сторон заявляет, что ее требования являются справедливыми и обоснованными, а противника - нет. Поэтому сдвинуться с мертвой точки в переговорном процессе практически не удастся никогда. Переговоры проводятся в условиях zero-sum game, исключающей обоюдovýгодный исход (обязательно есть те, кто выигрывает и проигрывает).

Для понимания сущности противостояния (конфронтационности) важно выяснить то, какое влияние согласие/несогласие и позитивные/негативные действия имеют на стороны, а именно на то, происходит ли по-прежнему *восприятие собственно проблемы*, послужившей основанием конфликта, или же место проблемы занимает в восприятии стороны *государство* («империя зла», «российский неоимпериализм» и т.п.).

Когда происходит переключение собственно с проблемы на государство, эскалация конфликта возможна в большей степени. Может наступить полоса тотального несогласия по другим вопросам, чем сокращается путь к компромиссу. Стороны начинают вносить предложения, предусматривающие неравномерное распределение выгод и затрат, что, в свою очередь, усиливает элементы несогласия между ними и ведет к патовым ситуациям.

Конфронтация - отношения активного соперничества между государствами, которые объединяют проблемы их взаимоотношений на основании того, кто их олицетворяет. Такие отношения проистекают из постоянного несогласия сторон друг с другом и негативных шагов в отношении друг друга.

Враждебность способствует тому, что все проблемы постепенно сводятся к одной большой проблеме, приобретающей символическое значение. Возникает черно-белое восприятие противника. Конфронтация становится образом жизни. Возникает замкнутый круг враждебности, который трудно преодолеть. Нанесение вреда противнику становится первой целью сторон. Возникает возможность кризиса.

§ 10.2 СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ВОЙНА»

10.2.1. Понятие «война»

В литературе нет единства в определении понятия *война*. По мнению Квинси Райта (Quincy Wright), одну из наиболее ранних дефиниций войны дал в свое время Цицерон, который определял войну как *«соперничество с применением силы»* (contention by force).

Это предполагает, что война включает соперничество (борьбу) за что-то и это соперничество происходит в особой форме, а именно с применением силы. В политике соперничество включает в себя споры по поводу объектов, обладающих определенной ценностью.

Гроций внес дополнение в определение Цицерона, отметив, что война - это и *определенное правовое состояние*.

Райт считает, что *война - это определенный период времени, когда начинают действовать определенные нормы, регулирующие насилие со стороны государств, которые стремятся таким путем разрешить имеющийся между ними спор*.

Вебстерский словарь указывает, что *война - это состояние обычно открытого и объявленного вооруженного конфликта между государствами или нациями*.

Еще одно определение войны дает Хидли Бал (Bull) - *война есть организованное насилие, которое осуществляется друг против друга политическими единицами*.

Это более общее определение, нежели в Вебстерском словаре. Но понятие *насилие* также остается неопределенным. Достоинства этого определения тройки:

- 1) оно не сводит войны только к межгосударственным войнам;
- 2) использует термины, о которых не спорят;
- 3) включает понятие «организованный».

Итак, *война - это организованное насилие*. Это означает, во-первых, что военная деятельность кем-то осуществляется в соответствии с *правилами и традициями*. Во-вторых, война не является случайным насилием. Она имеет определенную *направленность и источник*. В-третьих, война является *коллективным*, а не индивидуальным феноменом. Однако речь идет не просто о коллективном феномене, а о политическом феномене.

Война как крайняя форма соперничества выполняет *существенную функцию*. Война - это способ решения *определенного рода проблем* (Маргарет Мид - Margaret Mead). Следовательно, *война есть выученное (усвоенное) поведение, причем речь идет о поведении общества, а не отдельных индивидов*.

Значение этого подхода Мид состоит в том, что она показывает войну в качестве *продукта человеческой деятельности*. Человечество привыкло решать определенные вопросы с помощью войны. Следовательно, *для того чтобы предотвратить возникновение войн необходимо создать другие механизмы урегулирования ситуаций, толкающих государства на военный путь*.

Мид не дает в своих работах ответа на вопрос о том, *почему* человечество решало определенные проблемы именно таким путем, *почему* произошло закрепление определенной модели поведения.

Биологи дают отчасти ответ на этот вопрос, рассматривая феномен агрессивного поведения животных. Животные защищают свою территорию от чужаков. Они также борются за пищу и право продолжать род. Оба этих обстоятельства связаны с территорией (Вильсон). Итак, агрессия может быть связана с борьбой за жизненное пространство. Клань и группы выжили благодаря борьбе за существование, борьбе за территорию. *Генетическая память*, таким образом, может рассматриваться в качестве фактора, *предопределяющего агрессивное поведение в случае соперничества за территорию*.

Клаузевиц дал два классических определения войны: *«Война есть не что иное, как продолжение политики другими средствами...она никогда не может быть отделена от политики... Как только война стала реальностью, она является не чем иным, как выражением политики... ее инструментом. Поэтому подчинение военной точки зрения политической является единственно возможным»*. *«Война есть акт насилия с целью заставить противника выполнить свою волю»*.

По Клаузевицу, *война есть политический акт насилия*. Политический аспект для него является наиболее важным. Война есть *инструмент*, который необходим политикам в определенных ситуациях. Клаузевиц отмечает, что война наступает тогда, когда обычная политика и дипломатия терпят фиаско. В случаях, когда существующая дипломатическая практика (переговоры или развитые механизмы разрешения конфликтов, а также

международное право) не способны привести к приемлемому для конфликтующих сторон результату, *война становится средством, при помощи которого одна из сторон пытается заставить другую выполнить свою волю.*

Война наступает тогда, когда одна из сторон ради достижения цели готова пойти на определенные жертвы. Следовательно, *войны начинают только из-за определенных проблем*, которые, однако, могут варьироваться в разные исторические периоды, в разных культурах и т.д. Если есть способ решения конфликта, удовлетворяющий обе стороны, войны не происходит.

Из понимания причин войны следуют два вопроса, на которые надо найти ответ:

- 1) что же делает проблемы не разрешимыми мирным путем?
- 2) почему насилие так привлекательно как политический инструмент?

Исторически сложилось, что установление политического контроля и успешное и *абсолютное* решение сложных вопросов происходило в результате войн.

Этот процесс начался в ранних сельскохозяйственных цивилизациях, когда люди стали в большей степени привязаны к земле, нежели к собирательству и охоте. Кроме того, эти общества стали более организованными, что было важно для мобилизации и ведения войны (Райт, Мэнсфилд).

Однако война, раз возникнув, имеет свою логику. Насилие и стремление к доминированию может сделать войну иррациональной. Рациональное объяснение войны Клаузевица может войти в противоречие с *психологическим объяснением* - желанием убивать. З. Фрейд, например, считал, что рациональное объяснение войны неверно, поскольку основными ее причинами являются *инстинкты*, а именно взрывная реакция id против возрастающего давления современной цивилизации. *Чем более агрессивна и репрессивна цивилизация в отношении человека, тем сильнее ответная реакция.*

Фрейд считал *войны проявлением инстинкта смерти уничтожить то, что создавалось эросом (инстинктом жизни)*. Таким образом, психоаналитики поставили вопрос о том, что война наряду с политическим, культурным компонентами включает в себя и психический. Этот подход также заставляет задуматься о

неполитических целях войны («удовлетворение агрессивных позывов» психологического свойства).

Важно учитывать следующие теоретические предположения относительно войны:

1) война есть состояние, к которому человечество привыкло (историзм);

2) война - это процесс; она имеет причины, которые не сразу ведут к столкновению в крайней форме;

3) война, как правило, является результатом длительного противостояния;

4) война - это своего рода путь решения проблем;

5) война может иметь несколько причин;

6) существуют различные типы войн;

7) война как средство обогащения.

7.2.2. *Война есть состояние,*

к которому человечество привыкло

Люди сами превратили войну в обычную практику отношений. Они научились воевать воюя. Из главных (или больших) войн человечество усвоило несколько уроков, которые помогают ему выделить ситуации, выход из которых наилучшим образом возможен в результате войн. Таким образом, исторически произошло закрепление определенного опыта, практики. Эти уроки становились фольклором, частью культуры и традиций.

Каждая конкретная политическая система, включая глобальную, задает формальные (юридические) и неформальные правила поведения для ситуаций определенного типа (право на ответ в результате агрессии, т.е. право на самооборону; право на коллективную безопасность и др.).

10.2.3. *Война - это процесс; она имеет причины, которые не сразу ведут к столкновению в крайней форме*

Война никогда не была средством, которое выбиралось первым. Ведение войны опасно и, кроме того, война дорого обходится. Война есть результат взаимодействия, которое в силу определенных причин приводит стороны к решению начать войну. История показывает, что войны могут начинаться неожиданно быстро, если речь идет о подавляющем превосходстве одной из сторон. Однако и в этом случае им предшествует определенный период взаимодействия, который включает в себя три фазы:

- 1) собственно возникновение спора (одна из сторон заявляет о наличии претензий к другой стороне);
- 2) перерастание спора в конфликт (используются невоенные средства - дипломатические, пропагандистские, экономические и др. с целью достижения выдвинутых претензий);
- 3) использование военной силы.

10.2.4. Война как продукт противостояния

Современные войны - результат взаимоотношений двух или более политических сообществ (воюющих сторон и мирового сообщества).

Войны есть результат политики отдельных государств. В результате возникает взаимодействие, которое приводит к внешне- и внутривнутриполитическим ситуациям, в которых политики *не могут не начать войну*.

Войны становятся вероятными в условиях, когда серия дипломатических действий не приводит к решению важных вопросов. Это, в свою очередь, стимулирует рост конфликтности в отношениях сторон и увеличивает психологическую враждебность. В конце концов две или большее число стран все время *играют на повышение ставок* (спираль эскалации конфликта раскручивается), враждебность постоянно нарастает, что делает большей вероятность войны. В связи с этим важно понять динамику раскручивания этой спирали. Что способствует усилению конфликтности? Важно проанализировать влияние внешней политики на политику внутреннюю, особенно те случаи, которые ведут к росту прово-енных настроений.

Кроме того, обязательно учитывать системные факторы, влияющие на поведение сторон:

- 1) глобальный контекст (правовые, политические и др. нормы, альянсы и др.);
- 2) сущность экономической структуры, которая может пролить свет на возможные цели войны (рабы, рынки, ресурсы);
- 3) баланс сил (кто будет воевать, когда будет воевать, какой тип войны будет иметь место). Глобальный институциональный контекст является наиболее важным, поскольку война является политическим институтом, выполняющим важную политическую функцию. Если возникнут иные институты, чтобы выполнять эти функции, то войны станут редким явлением. Это дает основание предположить, что ни одна экономическая система сама по себе не

является причиной войн, хотя экономические причины могут стимулировать начало войн. Это же относится и к имеющему место балансу сил, который лишь влияет на тип войн.

10.2.5. Война - это своего рода путь решения проблем

Наиболее важным в анализе войн, сделанном Клаузевицем, является идея войны как политического феномена. Хотя войны происходят из психологических факторов на определенном уровне коллективов (расстройство планов, враждебность), эти психические состояния есть продукт политического тупика. Поэтому для понимания войн надо разбираться в политике.

Для Истона (Easton) борьба за доминирование есть лишь часть истории. Вторая и более значимая ее часть состоит в том, *что* происходит с достигнутым доминированием. Истон утверждает, что политика состоит в том, *что сила используется для постановки в повестку дня определенных вопросов и затем их решения определенным способом.* Результатом этого является перераспределение ресурсов и утверждение определенных ценностей таким образом, чтобы все, по крайней мере на время, считали его легитимным и подлежащим соблюдению. Мировая политика, по его мнению, есть борьба не за доминирование, а за постановку и решение тех или иных проблем. Таким образом, *войны являются одним из механизмов распределения, т.е. механизма, устанавливающего процедуры и правила для ответа на важнейшие вопросы.* Одни для решения спорного вопроса кидают жребий, другие решают его голосованием, третьи прибегают к арбитражу, четвертые - начинают войну. Каждый из названных способов характеризует определенный механизм распределения.

Война - это *средство выхода из патовой ситуации.* Кроме того, надо учитывать, что *насилие стало привлекательным, поскольку оно позволяет избежать сложного процесса принятия решения,* определенной степени взаимозависимости спорящих сторон. В случае патовых ситуаций насилие может быстро разорвать эту взаимозависимость. Кроме того, если война стала традицией, то такой путь решения проблем становится общепринятым. Бисмарк в свое время говорил, что *«великие вопросы решаются не путем подсчета голосов большинства, а ...железом и кровью».*

10.2.6. Войны могут иметь несколько причин

Всемирная история дает множество примеров того, что у войн могли быть самые разнообразные причины и что политики, их начинавшие, руководствовались самыми разными мотивами. Однако следует иметь в виду, что *большинство современных войн — это войны между бедными*. Почему так происходит?

У бедных стран *меньше экономических и политических ресурсов для того, чтобы урегулировать конфликты*. Например, у них нет возможности делать значительные финансовые отчисления на нужды меньшинств или каких-то районов, и они могут опасаться, что их слишком слабый государственный аппарат не устоит в случае делегирования полномочий на низовые уровни. В богатых же странах оба этих инструмента регулярно используются.

Это означает, что каждый шаг на пути к уменьшению бедности и достижению экономического роста на широкой основе - это шаг на пути к предотвращению конфликта. Поэтому все, кто занимается предотвращением конфликтов и вопросами развития - Организация Объединенных Наций, Бреттон-Вудские учреждения, правительства и организации гражданского общества, - должны решать все эти проблемы в комплексе.

10.2.7. Война как средство обогащения

Некоторые вооруженные конфликты порождаются сегодня не страданиями, а стремлением обогатиться. Генеральный секретарь ООН отмечал, что «война дорого обходится обществу в целом, но может быть выгодной некоторым людям». В таких случаях речь часто идет о контроле над природными ресурсами, определенную роль часто играют наркотики, масло в огонь подливают соседи в поисках своей выгоды, а частные предприниматели выступают в качестве соучастников: присваивают несправедные доходы, помогают отмывать деньги и неустанно наращивают поставки оружия в зоны конфликтов.

В этих условиях наилучшая стратегия предотвращения заключается в обеспечении транспарентности: «Надо называть вещи своими именами и стыдить». В этом вопросе огромную роль могут сыграть субъекты гражданского общества, однако правительства и Совет Безопасности должны выполнять свои обязанности. Более серьезная социальная ответственность транснациональных компаний, в том числе банков, также имеет большое значение».

10.2.8. Существуют различные типы войн

Первым шагом научного исследования является *классификация*, но как правильно классифицировать явление? Если у всех войн одни и те же причины, то нет необходимости для типологизации войн.

Однако если предположить, что война есть некий аморфный социальный феномен, имеющий на самом деле разные причины, то типологизация возможна и даже необходима.

Очевидно, что первое предположение (у всех войн одни и те же причины) никуда нас не приведет и не сделает наше знание о войне более богатым, хотя большая группа специалистов считает, что со времен Пелопоннесской войны природа войн и их причины не изменялись (Сингер, Уолтц, Моргентау, Гилпин и др.)

Второй подход дает такой шанс. Тем более, что есть определенные данные, которые создают предпосылки для него.

Во-первых, есть попытки выделить два типа войн - *глобальные и обычные межгосударственные*. Глобальные войны ведутся с участием ведущих держав за лидерство (доминирование) в мире. Их цели и последствия существенным образом отличаются от обычных войн (Раслер, Томпсон, Модельски).

Раслер и Томпсон стремились показать также, что глобальные войны играли ключевую роль в развитии государств (вели к долгосрочному увеличению расходов государств, внутреннему долгу и т.п.), в отличие от обычных войн.

Однако и при обычных войнах могли наступить такие же последствия (русско-японская война, гражданская война в США и в России и др.). Поэтому можно говорить, что эта разница неочевидна.

Названные выше авторы не развили типологии войн (хотя и подчеркнули один из возможных критериев - их последствия).

Сингер, Бремер и Стаки (1972) отметили, что относительно мирный характер XIX в. был связан с тем, что между государствами существовал примерный паритет. Однако почему же в самом начале XX в. разразилась мировая война?

По мнению Сингера, это было связано с изменением стиля дипломатии, которая перестала быть аристократической. Демократизация привела к втягиванию в процесс формирования внешней политики общественного мнения. Кроме того, появился фактор неопределенности намерений.

Васкес выделяет две попытки типологизировать войны.

Первая обращает внимание на поведенческие характеристики вне понятий места и времени. Вторая, напротив, сводит все к историческим факторам (время и место).

Одна из первых попыток классификации была предпринята Ричардсоном (1960), который классифицировал войны *по количеству участников*. Он отмечал, что большинство войн велось всего двумя государствами, а более сложные по составу войны были редкостью.

Большинство *поведенческих* подходов классифицирует войны на основе характеристики их участников, особенности политической власти, а также различных возможностей их участников (с участием великих держав в разных композициях и без них).

Леви классифицирует войны в зависимости от того, участвуют ли в них великие державы:

- 1) на стороне одного из государств;
- 2) на стороне обоих государств;
- 3) с участием большинства великих держав (мировые войны).

Теоретического в этих конструкциях ничего нет. Классификация *по кругу участников* может подвергнуться критике по причине, что война может быть объяснена лишь внешней политикой отдельного государства, а не взаимодействием и взаимовлиянием различных политических сил. Во-вторых, они (классификации) носят неисторический характер.

Марксистский подход к войнам (подробнее будет рассмотрен ниже) обращает внимание на интересы того класса, который начинает войну. Следовательно, понимание причин войн связано с пониманием интересов господствующего класса. Поэтому одни исторические периоды дают больше примеров войн, чем другие (например, империализм).

Существуют классификация *по целям войн*, которые увязывают обычно с исторической ситуацией и экономическими предпосылками начала войны.

Это позволяет классифицировать войны в зависимости от политики, которая в конце концов привела к войне (империалистические войны, войны с целью установления гегемонии и др.)

Есть *синтетические* классификации, разделяющие войны на оборонительные, имперские, гражданские и др. (Райт).

Выделяют также войны, которые имели огромное значение для человечества (как мы увидим, реалисты говорят о *войнах за установление гегемонии*). Однако кроме двух мировых войн трудно найти критерии отнесения к этой категории каких-либо других войн.

Васкес предложил следующую типологию:

1) по *соотношению сил* сторон (между равными и неравными). Войны первого типа предполагают схожую логику поведения, поскольку у них примерно такие же возможности. Логика поведения неравных по силам сторон различается (сильные стремятся к доминированию, слабые - к защите. Есть большой соблазн использовать свои преимущества). Войны первого типа практически никогда не бывают внезапными. Они долго вызревают, проходя определенные фазы. Войны неравных отличаются тем, что их инициатор руководствуется рациональными соображениями относительно выигрыша и потерь и вступает в войну с холодной головой (война - своего рода «операция»). Инициировать войну может и слабый, выбрав подходящий момент (войны за освобождение). В войнах первого типа результат зависит от того, как стороны будут вести войну (мобилизация всех ресурсов внутри страны и за рубежом, настроения, удача, гений военачальников и т.п.). Главное, что внешняя политика государств в этих двух типах войн будет существенным образом различаться;

2) *ограниченные и тотальные войны*. Это сравнительная концепция, а не естественная дихотомия. В данном случае речь идет о целях и средствах ведения войны.

Тотальные войны предполагают высшую степень мобилизации общества, ограниченные же задействуют лишь часть потенциала. Тотальные войны за выживание ведутся с применением всех (или почти всех) возможных средств.

Цели тотальных войн могут меняться в ходе войны (например, полный разгром вермахта и ликвидация условий возникновения фашизма, суд над военными преступниками и т.п.).

Ограниченные войны имеют конкретные цели, они не характеризуются абсолютной враждой (войны за незначительное изменение границ, доминирование в колониях и др.) Крымская война, например, хоть и охватила великие державы, но была ограниченной как по целям, так и по средствам достижения целей (режим Черного моря, баланс сил на Балканах).

Цели войн можно исследовать по соответствующим государственным документам (Нюрнберг).

Итак, бывают четыре категории войн по целям и средствам:

- ограниченные цели и средства (война США во Вьетнаме);
- ограниченные цели и тотальные средства (войны за независимость);
- тотальные цели и ограниченные средства (войны Германии в Европе 1939 - 40 гг.);
- тотальные цели и средства (вторая мировая война).

Теперь рассмотрим основные школы изучения международных отношений и их интерпретацию проблем сотрудничества и конфликта, мира и войны.

§ 10.3. КЛАССИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ

С середины XIX в. в Соединенных Штатах исследования международных отношений велись в рамках историко-философского, морально-этического и правового подходов политической науки. Эти немногочисленные по составу, весьма пестрые по воззрениям течения в американской литературе стали называть собирательным термином «идеализм», иногда - «политический идеализм». Особый смысл этого понятия состоял в том, *что в основе рассуждений о внешней политике и международных отношениях лежал набор абстрактных морально-этических и правовых «идеалов», норм и критериев. Мораль и право* стали их главными категориями. В контексте морали и права рассматривалась и такая ключевая категория, как национальный интерес. Поэтому подобный подход также получил название «морализм», «легализм» и «нормативизм». Идеалисты восхваляли внешнюю политику США как защитницу свободы и демократии, ссылаясь на изречения Вашингтона, Джефферсона, Линкольна и др. Они рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя при этом того, *чем* вызываются эти мотивы.

Следует отметить, что сами идеалисты не считали свой подход к оценке международных отношений утопией. Более того, они стремились реализовать собственные воззрения на практике.

Президент США Вильсон стал наиболее влиятельным мировым лидером после окончания первой мировой войны, который на практике пытался воплотить в жизнь данную

теоретическую модель. Его идеи господствовали в новой дисциплине *международные отношения*. Они были выражены в том же ключе, что и идеи Джереми Бентама, сформулированные веком раньше.

Вильсон и Бентам верили в человеческий разум, ценность свободы личности, подчеркивали значимость общественного мнения и открытости общественных институтов. Вера Бентама в разум и силу общественного мнения доминировала в общественной мысли Англии и Соединенных Штатов примерно до середины XIX в. На рубеже веков его идеи были поставлены под сомнение представителями психологии и политической экономии. Как отмечал впоследствии Карр, после 1900 г. в Великобритании или любой другой европейской стране трудно было найти мыслителя, который бы безоговорочно разделял идеи Бентама.

Напротив, в Соединенных Штатах идеи Бентама начала XIX в. благополучно пережили период их критики в Европе в 1860-х гг. В конце XIX в. они были дополнены социальным дарвинизмом и впоследствии стали претворяться в конкретную политику. Карр отмечал, что

«По иронии судьбы, полузабытые идеи XIX в. обрели свою вторую жизнь во второй и третьей декадах XX в. в специальной области международных отношений и стали основой новой утопии...»

Подобно тому, как Бентам век тому назад воспринял идеи Просвещения и адаптировал их в соответствии с потребностями своего времени, в настоящее время Вудро Вильсон... превратил веру в разум прошлого века чуть ли не в первооснову международных отношений и распространил ее на Европу...».

Таким образом, новая дисциплина может рассматриваться как некое отражение в американском зеркале либеральной мысли начала XIX в.

Влияние Бентама особенно проявилось в одном из важнейших принципов деятельности Лиги Наций - открытости и свободы информации. Большинство интеллектуалов в США полагало, что война явилась продуктом деятельности невежественных, эгоистичных и коррумпированных политиков. Они подвергли критике дипломатию, основывающуюся на принципе баланса сил. Кроме того, была отвергнута практика ведения тайной дипломатии. Напротив, открытое обсуждение существующих проблем международных отношений,

соответствующее специальное образование должны были, по мысли сторонников идеализма, способствовать преодолению старых традиций и невежества.

Предубеждения стран друг относительно друга могли растаять в результате расширения международных контактов и сотрудничества. Демократия рассматривалась в качестве лучшего лекарства от стремления эгоистичных и властных лидеров к утверждению авторитаризма.

И, наконец, те государственные демократические институты, которые обеспечивают мир на национальном уровне, могут и должны быть воспроизведены и на уровне международном для разрешения конфликтов мирным путем.

Клайд Иглтон достаточно емко сформулировал либеральный подход к анализу проблем войны. Он отверг утверждение фашистов и некоторых реалистов о том, что война является выражением природы человека, склонного прибегать к насилию. Используя терминологию периода Просвещения, он заявлял, что человек разумен, и способен удовлетворять свои желания рациональным образом:

«К силе прибегают всегда, потому что это тот способ, при помощи которого люди, будь то на уровне индивидов или же групп, достигали желаемого. Люди не хотят воевать, они хотят другого - того, что может быть достигнуто в результате войны. Логично предположить, что если будет найден другой более эффективный способ для этого, именно он, а не война и будет использован...».

Представители политического идеализма в международных отношениях пытались рационально объяснить причины войны. Они заявляли, что если бы перед тем, как конфликт на Балканах перерос в Первую мировую войну, у политиков была бы возможность открыто обсудить сложившееся положение, если бы существовал форум для встреч глав государств, то эскалации конфликта и перерастания в войну удалось бы избежать.

Идеалисты были особенно активны в межвоенный период, когда по инициативе президента Соединенных Штатов Вильсона и его коллег была создана Лига Наций, призванная обеспечить мир. Несмотря на неудачу этого эксперимента, популярность теории идеализма остается по-прежнему высокой.

Наследие идеализма было востребовано политическими деятелями западноевропейских государств в послевоенное время.

Аденаур, де Гаспери, Монэ, Шуман сначала восстановили демократию в своих государствах, а затем на основе «европейской идеи» создали систему экономической взаимозависимости в Европе, преодолев, таким образом, противостояние Франции и Германии, которое привело к двум мировым войнам. Мирное поступательное развитие интеграции в Европе и создание Европейского союза, по мнению представителей этого направления, служат лучшим доказательством верности их теории.

Одно из направлений идеализма - *либеральный идеализм* - непосредственно затрагивает проблемы войны и мира. *Сторонники этого направления считают, что государства могут обеспечить мир посредством создания системы коллективной безопасности и «экспорта» демократии.* Основу либерального идеализма составляют мысли И. Канта о «вечном мире», который возможен при следующих трех условиях:

1) «республиканские конституции» (в наше время - система представительной демократии) сдерживают желание автократии развязывать войну;

2) «коммерческий дух» торговли и экономическая взаимозависимость усиливает структурную предрасположенность к миру; либеральные нормы способствуют созданию транснациональных связей, которые скорее поощряют урегулирование проблем, нежели развитие конфликта;

3) международное право (сейчас и международные организации), основанное на признании законных прав всех граждан и всех государств, создает моральную и легальную основу для мирного разрешения конфликтов.

В период после окончания холодной войны сторонники идеи коллективной безопасности, не отказываясь от существующих международных организаций (НАТО, прежде всего), предприняли попытку ее трансформации в стратегию миротворчества. Главное отличие этой новации состоит в том, чтобы создать систему, препятствующую эскалации конфликта на его ранних стадиях, и тем самым обеспечивать стабильность в мире. Стратегия миротворчества предполагает создание своего рода «бюджетной» основы коллективной безопасности (в противоположность необходимости участия всех членов системы в отпоре агрессору).

Вместе с тем миротворчество имеет свои пределы. Во-первых, все стороны в конфликте должны быть согласны с проведением миротворческой операции. Во-вторых, оно может

быть результативным, когда стороной в конфликте не являются великие державы. В-третьих, оно не допускает применения силы, что является неотъемлемой частью стратегии коллективной безопасности. Таким образом, миротворчество под эгидой ООН или региональных организаций (СНГ, Организации Африканского Единства и др.) может лишь в незначительной степени способствовать укреплению мира и безопасности.

Концепция «концерта» держав для поддержания мира и стабильности в принципе является модификацией теории коллективной безопасности и по своей сути от нее не отличается. Разница состоит лишь в том, что «концерты» появляются в ходе мировых войн для отпора державе, претендующей на гегемонию, и после достижения победы происходит примерно равное распределение власти между членами «концерта» (постоянные члены Совета Безопасности с правом вето). Однако век «концертов» недолог - они прекращают быть гарантами мира, как только существенно изменяется баланс сил.

§ 10.4. МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

10.4.1. Марксизм

Второе направление в исследовании международных отношений в годы, предшествовавшие первой мировой войне и последовавшие сразу за ней, — *марксизм*, также испытало на себе существенное влияние идей эпохи Просвещения. Лидер партии большевиков В. Ленин, подобно В. Вильсону, также исходил из принципов рационального поведения людей, равенства, свободы и активной созидательной роли человека. Однако В. Ленин относился не к либеральным, а к *радикальным* последователям эпохи Просвещения. Он являлся сторонником материалистического понимания истории и разделял марксистский классовый подход к анализу общества.

Концепция истории как последовательной смены общественно-экономических формаций, в основе которых лежал тот или иной способ производства (первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и социалистический), была разработана К. Марксом и Ф. Энгельсом. Эти способы производства, в основе которых лежало отношение к собственности на средства производства, с возникновением классов

по-разному влияли на поведение государств на международной арене.

Исходя из материалистического понимания истории, основоположники марксизма указывали на то что движущей силой мировой политики в целом является *классовая борьба*.

К. Маркс и Ф. Энгельс считали государство составной частью социального организма, в основе которого лежал тот или иной способ производства. Поэтому *государство являлось инструментом реализации интересов господствующего класса, в том числе и в сфере внешней политики*. Именно классовый, т.е. не личностный, географический и др. подход мог, по мнению основоположников марксизма, наилучшим и единственно верным способом объяснить закономерности поведения государств на международной арене.

«Верно, что человек полагает, а Бог (т.е. капиталистический способ производства) располагает», - утверждали ОНИ.

В целом основоположники марксизма в зависимости от принадлежности государств к той или иной общественно-экономической формации дали характеристику международных отношений пяти типов:

- 1) отношения между капиталистическими государствами;
- 2) отношения между капиталистическими и социалистическими странами;
- 3) отношения капиталистических стран с государствами, находящимися на докапиталистической стадии развития;
- 4) отношения социалистических стран с государствами, находящимися на докапиталистической стадии развития;
- 5) отношения социалистических государств.

10.4.2. Отношения между капиталистическими государствами

Правилом, определяющим отношения между капиталистическими государствами, является борьба буржуазии с другими классами не только внутри собственного государства, но и на международном уровне, т.е. «с буржуазией» других стран. *«Международные отношения капиталистических государств всегда есть результат внешней политики с целью достижения преступных целей, использование национальных предубеждений, принесение в жертву в ходе пиратских войн крови народа и его богатства...»* (К. Маркс, «Гражданская война во Франции»)

Единственной объединяющей силой, способной преодолеть классовую разобщенность буржуазии, является ее страх перед своим «могильщиком», пролетариатом. Маркс неоднократно повторял высказанный в *Манифесте Коммунистической партии* тезис о том, что пролетариат по своей природе интернационален, у него нет отечества и что в его интересах объединяться против буржуазии.

Однако этот страх не снимает полностью проблемы конфликтных по своей природе отношений между капиталистическими странами. *Войны - это обычное состояние капиталистических международных отношений. Они могут на короткое время уступать место дипломатическим попыткам мирно разрешить тот или иной конфликт, однако пока существует капитализм, войны неизбежны.*

Связь между капитализмом (или другой общественно-экономической формацией, в основе которой лежит эксплуатация) и войной, по мнению Энгельса, не является абсолютной. Межплеменные войны велись и в первобытном обществе.

Одной из черт войн между капиталистическими странами является их *несправедливый* характер. В связи с этим Маркс и Энгельс признавали возможность *справедливых* войн, например, войн против угнетателей.

Историки теории международных отношений отмечают, что в целом марксистская интерпретация отношений между капиталистическими странами во многом созвучна с реалистической парадигмой Гоббса/Макиавелли. Однако если для Гоббса и Макиавелли стремление к доминированию объяснялось природой человека, то для Маркса и Энгельса оно вытекало из сущности экономических отношений и классовой характеристики общества. *Как только исчезнет частная собственность и классы, исчезнет и основа для конфликтов и войн.*

10.4.3. Отношения между капиталистическими и социалистическими странами

По мнению основоположников марксизма, *мирное сосуществование капиталистических и социалистических стран было невозможно, как невозможно сосуществование дня и ночи.* Будущая социалистическая революция, в неизбежность которой они верили, должна была стать мировой по своему масштабу. Энгельс писал:

«Революция начнется во всех цивилизованных странах или, по крайней мере, в Великобритании, Соединенных Штатах, Франции и Германии, но в одно и то же время. Она произойдет быстрее или медленнее, в зависимости от уровня промышленного развития соответствующей страны, и... весь остальной мир... окажется под ее воздействием... Любая общественная реформа будет оставаться утопией до тех пор, пока ...пролетарская революция не победит в мировом масштабе».

Забегая вперед скажем, что неизбежно конфликтный характер отношений будущих социалистических стран с капиталистическими, отрицающий возможность мирного сосуществования, был впоследствии пересмотрен В. Лениным.

10.4.4. Отношения капиталистических стран с государствами, находящимися на докапиталистической стадии развития

Маркс и Энгельс не считали, что капиталистический способ производства испытывает неотложную потребность в территориях для своего расширения. Конечно, если бы это было возможно, буржуазия сделала бы это с целью извлечения прибыли.

Капитализм изначально развивался в Европе и с трудом проникал в Азию. Это было прежде всего связано, по мнению Маркса, с господствовавшими там ранее способами производства. Из этого следует, что капиталистические государства не несут ответственности за отсталость Азии. Поскольку капитализм развивался равномерно и является гомогенным (однородным), что, кстати, и объясняет предположение о перманентной мировой революции, теория марксизма не рассматривает вопросы развития разных уровней капиталистического развития и их отношений друг с другом (неомарксистские концепции центра и периферии появились позже).

Таким образом, основоположники марксизма представили в основном *евроцентричную модель международных отношений*, оставив вне поля своего зрения то, что сейчас принято называть странами Третьего мира. Отнеся их к «азиатскому способу производства», Маркс и Энгельс характеризовали эти страны как «примитивные», «варварские», «полуварварские», «Восток», «нации крестьян», «отсталые». Поэтому стремление капиталистических государств к расширению колоний и

утверждению там капиталистического способа производства вместо азиатского рассматривалось как явление прогрессивное.

10.4.5. Отношения социалистических стран с государствами, находящимися на докапиталистической стадии развития

Как уже отмечалось, Маркс и Энгельс считали мировую социалистическую революцию закономерным явлением. Она бы поставила перед победившим пролетариатом вопрос об отношении к бывшим колониям или, точнее, как отмечал Каутский, об *ответственности* за эти колонии. В связи с этим представлялось бесспорным, что вместо капиталистического колониализма должен был появиться его новый тип. Только при помощи и под руководством мирового пролетариата у колоний есть шанс преодолеть свою отсталость.

10.4.6. Отношения социалистических государств

Эта категория отношений весьма незначительно представлена в работах Маркса и Энгельса. Будущая мировая социалистическая революция должна была обеспечить победу пролетариата, которому предстояло решать задачу строительства коммунистического бесклассового общества. Уничтожение государства сняло бы, естественно, и саму проблему межгосударственных отношений. Вместо традиционных международных отношений должно было возникнуть неантагонистическое по своей природе многонациональное многообразие, которое тем не менее сохраняло бы отдельные черты неравенства. В *Критике Готтской программы*, в частности, отмечалось:

«Между отдельными странами, провинциями и даже между коммунами всегда будет существовать определенное неравенство в условиях жизни, которые можно будет свести к минимуму, но никогда не уничтожить полностью».

Таким образом, можно предположить, что основоположники марксизма полностью не исключали возможности конфликта даже между социалистическими странами.

10.4.7. Развитие марксизма

Стремительное развитие капитализма в последней четверти XIX - начале XX вв. вызвали потребность у сторонников марксизма

анализа и обобщения новых реалий. Применительно к рассматриваемому нами предмету теории международных отношений можно выделить три направления марксистской мысли:

1) рассмотрение международных отношений в категориях исторического материализма (например, теории империализма и мировой экономики, где международные отношения становятся частью отношений в сфере производства);

2) выделение отдельных феноменов (войны, нации) в качестве самостоятельных категорий. Этот подход, характерный для австрийских марксистов, отличался тем, что политические и идеологические факторы рассматривались не только как производные от экономических, но и всего социального процесса в целом, в котором особое место принадлежало национализму;

3) международные отношения во многом независимы от экономики и не могут интерпретироваться исключительно в категориях исторического материализма (Э. Бернштейн).

Наиболее ортодоксальный из названных подходов рассматривает международные отношения в качестве части мировой экономической системы и соответственно считает их категорией политэкономии. Причина такой трансформации кроется в том, что Маркс и Энгельс определяли капиталистический способ производства как развивающийся в рамках *отдельных государств*. При этом горизонтальные (или межгосударственные) отношения у них носили второстепенный характер, уступая первенство вертикальным (классовым) отношениям. В этом смысле марксизм представлял собой теорию преимущественно ориентированную не вовне, а внутрь отдельных государств. Структурные изменения в капиталистическом способе производства, и прежде всего появление монополий, интернационализация капитала и его вывоз в значительных размерах заставили по-новому взглянуть на саму природу отношений между капиталистическими государствами.

Австрийский экономист Р. Гильфердинг в 1910 г. *установил взаимосвязь между капитализмом и милитаризмом*. В конце XIX в. тенденция к централизации и концентрации капитала привела к появлению гигантских финансовых институтов, которые фактически установили контроль над промышленностью. Опираясь на работы К. Маркса и либерального экономиста Дж. Гобсона (1902), Гильфердинг выдвинул гипотезу о том, что капитализм вступил в свою новую фазу - *фазу финансового капитализма*, который толкает западные государства к экспансии и

соответственно к войне. На последней стадии развития капитализма финансовый капитал, контролируемый банками и используемый промышленниками, нуждается в новых рынках, в поставках все большего количества сырья.

Другие марксисты (Роза Люксембург и Карл Каутский) развили это положение о связи капитализма и милитаризма. Н. Бухарин в своей работе «Мировое хозяйство и империализм» (1915) фактически согласился с выводами Гильфердинга относительно тенденций развития современного капитализма. Он считал, что капиталистическое общество немислимо без гонки вооружений, как немислимо и без войн. В то время работа Бухарина в теоретическом отношении была наиболее интересной из всех трудов представителей марксизма. В частности, Бухарин выдвинул гипотезу о том, что на международной арене друг с другом борются не «национальные» государства, а *национальные экономики*, являющиеся не чем иным, как *частью* мировой экономической системы. Таким образом, если раньше имела место конкуренция прежде всего на национальном уровне, то теперь - на уровне международном. Конкуренция вышла за пределы государства и стала интернациональной. Более того, не только отдельные предприятия, а целые страны стали объектом империалистической аннексии.

Одним из следствий этого является дальнейших разрыв в уровне развития отдельных государств, рост диспропорций и социального неравенства.

В целом современный капиталистический мир есть не что иное, как совокупность экономических предприятий, организованных на национальном уровне. В структурном отношении он состоит из нескольких развитых в промышленном отношении государств (*ядра*) и *периферии*, представленной малоразвитыми странами. Поэтому государства стали *государствами-классами* в зависимости от того, какое место они занимают в международном разделении труда, а также их принадлежности к ядру или периферии. Следовательно, появились государства-работители и порабощенные, что обуславливает неизбежность глобального столкновения в будущем. Поэтому *войны в данных условиях являются неизбежными, а мирное сосуществование представляет собой передышку перед новыми конфликтами*. Милитаризм становится нормой, в то время как призывы к разоружению, нейтралитету представляются нелепыми.

Перефразируя Клаузевица, Бухарин замечает, что войны не просто продолжение политики другими средствами, но и *«активное продолжение в пространстве данного способа производства... Определять войну лишь как захват ни в коем случае нельзя, поскольку таким образом теряется главное, а именно, какие производственные отношения усиливаются или расширяются в результате войны, какие основы расширяются данной «политикой захвата».*

Отметим, что В. Ленин был полностью солидарен с этими взглядами Бухарина. Концепцию агрессии Бухарин не развивал, поскольку будущая революция с неизбежностью должна была поставить вопрос об «агрессии» пролетарского государства с целью подталкивания мировой революции.

Несколько отличающуюся от названной позиции по вопросу об отношениях между капиталистическими государствами занимал К. Каутский. Он утверждал, что капиталистические страны способны избежать войны друг с другом. Его теория «ультраимпериализма» (1914) содержала тезис о том, что капитализм на самой высокой ступени своего развития объединит империалистов и таким образом положит конец их борьбе друг с другом. Основа для такого объединения и сотрудничества состояла в необходимости не только избежать войны, но и в потребности финансового капитала совместно эксплуатировать остальную часть мира.

Открытый В. Лениным закон о неравномерности развития капитализма существенным образом ослабил аргументацию Каутского. В своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. Ленин обосновал связь между империализмом и войной. Он в популярной форме изложил марксистские аргументы Гильфердинга и Бухарина и снабдил их солидной статистической базой. Как отмечал В. Ленин, итоговая картина всемирного капиталистического хозяйства накануне первой мировой войны была им представлена на основании сводных данных «бесспорной буржуазной статистики и признаний буржуазных ученых всех стран».

Выясняя истинный социальный (или классовый) смысл войны 1914-1918 гг., В. Ленин обратился не к дипломатической истории войны, а к анализу *объективного* положения командующих *классов во всех* воюющих державах. Он исходил из того, что «чтобы изобразить это объективное положение, надо взять

не примеры и не отдельные данные (при громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения), а непременно *совокупность* данных об *основах* хозяйственной жизни *всех* воюющих держав и *всего* мира».

Эта совокупность данных нашла свое выражение в характеристике империализма, как особой стадии капитализма, для которой характерны пять следующие признаки:

1) концентрация производства и капитала достигли такой высокой ступени развития, что создали монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни и вытеснившие свободную конкуренцию - основное свойство капитализма и товарного производства вообще;

2) слияние банковского капитала с промышленным и создание на базе этого финансового капитала, финансовой олигархии;

3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение;

4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир;

5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами.

Уточняя последний из названных признаков, В. Ленин отмечал, что «окончательный раздел земли» означает, что мир впервые *оказался уже поделенным*, что в дальнейшем предстоит лишь переделы, т.е. переход от одного «владельца» к другому, а не от бесхозяйственности к «хозяину».

На основании статистических данных распределения железных дорог, являвшихся синтетическим показателем развития главных отраслей промышленности, Ленин сделал вывод о его крайней неравномерности развития.

Итоги развития монополистического капитализма показывали абсолютную неизбежность империалистических войн на такой хозяйственной основе, пока существует частная собственность на средства производства...

Частная собственность, основанная на труде мелкого хозяина, свободная конкуренция, демократия, - все эти лозунги, которыми обманывают рабочих и крестьян капиталисты и их пресса, остались далеко позади. Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения

горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли. И дележ этой «добычи» происходит между 2-3 всемирно могущественными, вооруженными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в свою войну из-за дележа своей добычи всю землю.

И далее:

«...При капитализме немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет силы участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т.д. А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо равномерного развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может. Полвека тому назад Германия была жалким ничтожеством, если сравнить ее капиталистическую силу с силой, тогдашней Англии; тоже - Япония по сравнению с Россией. Через десяток-другой лет "мыслимо" ли предположить, чтобы осталось неизменным соотношение силы между империалистскими державами? Абсолютно немыслимо».

Поэтому "интер-империалистские" или "ультра-империалистские" союзы в капиталистической действительности... в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистской коалиции против другой империалистской коалиции или в форме всеобщего союза всех империалистских держав - являются неизбежно лишь "передышками" между войнами. Мирные союзы готовят войны и в свою очередь вырастают из войн, обуславливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из одной и той же почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики...

«Империализм есть эпоха финансового капитала и монополий, которые всюду несут стремление к господству, а не к свободе. ...Особенно обостряется... национальный гнет и стремление к аннексиям, т.е. к нарушению национальной независимости».

Подытоживая свои наблюдения, Ленин дал следующую характеристику первой мировой войны: *«Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и национальное одурачение рабочих и истребление их*

авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата - таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны».

«При капитализме, и особенно в его империалистской стадии, войны неизбежны», - заключил В. Ленин.

Вместе с тем он настаивал на необходимости выделения «*позитивного значения революционных войн, т.е. не империалистских войн, а таких, которые велись, например, от 1789 г. до 1871 г. ради свержения национального гнета и создания ... национальных капиталистических государств*», а также оборонительных войн «... для охраны завоеваний побеждающего в борьбе с буржуазией пролетариата» («*Конференция Заграничных секций РСДРП*», Март 1915 г.).

Ленинская теория империализма имела широкий отклик в Европе. После Октябрьской революции в России и прихода большевиков к власти рабочие партии в Европе раскололись на две части - реформистскую (социал-демократическую) и революционную (коммунистическую). Последняя неизменно набирала силу среди трудящихся Запада, особенно в результате Великой депрессии. Однако ленинизм не оказал особого влияния на западных интеллектуалов, работавших в то время в области международных отношений.

Впоследствии ленинские идеи о неравномерности экономического развития стран при капитализме и особенно структурная модель мирового капиталистического хозяйства Н. Бухарина (ядро-периферия) были положены в основу наиболее значимых трудов современных последователей марксизма и так называемой *теории мировой системы* (И. Валлерстейн), о которой речь пойдет в пятой главе.

§ 10.5. КЛАССИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Это направление в исследовании международных отношений развивалось, начиная с 1930-х гг. и в первые послевоенные годы предстало как вполне оформленное мировоззрение. Родоначальниками реализма в Британии были Карр (Carr) и Шварценбергер (Schwarzenberger), а в США - Моргентгау (Morgenthau) и Нибур (Nebhur).

Размышления Карра в *The Twenty-Years Crisis 1919-1939* (1939) отражали известное разочарование в Лиге Наций, которая не

смогла предотвратить агрессию в Абиссинии и Маньчжурии, а затем и в Европе. Карр считал ошибочным предположение о том, что уберечь мир от войны могло более рациональное и более моральное поведение государств на международной арене. По его мнению, Лига Наций и Постоянный Международный суд не могли создать лучший мировой порядок. Сила этих институтов напрямую зависела от того, в какой степени их деятельность поддерживали государства-члены. В условиях, когда Германия, Италия и Япония открыто выступили против системы, возникшей в результате первой мировой войны (и, естественно, против Лиги Наций), а США и СССР или не хотели, или не могли помочь Лиге, Великобритания и Франция также отошли от принципов, изложенных в Уставе, и предпочли компромисс с Германией по поводу Чехословакии (1938).

Оценивая эту ситуацию, Карр готов был согласиться с политиками, пошедшими на подписание Мюнхенских соглашений, поскольку они являли собой пример «самого точного за последние годы подхода к решению крупной международной проблемы мирным путем».

Моральная сторона международной политики, на которой основывалась деятельность Лиги Наций, по мнению Карра, имела *два существенных изъяна*. *Первый* состоял в двойном стандарте, которым международное сообщество (Лига) пользовалось для оценки той или иной ситуации (британское и французское правительства считали агрессию против Греции недопустимой, а по поводу нападения на Абиссинию лишь выражали свое сожаление).

Второй касался того, что не получила распространения и поддержки идея об общем благе, которое должно превалировать над благом отдельных государств (идея наднациональности). Без этого трудно было представить, как могла эффективно работать любая международная организация, в том числе и Лига Наций. Карр утверждал, что сила международной организации состоит в силе поддерживающих ее государств.

Шварценбергер (*Power Politics*, 1941) также пытался понять причины провала Лиги Наций и при размышлениях о мировой политике брал за точку отсчета межвоенный период. Относительно самой важной проблемы - обеспечения коллективной безопасности, которую должна была решить Лига Наций, Шварценбергер заметил следующее:

«Сама необходимость подобных договоров (двусторонних

договоров о взаимной помощи - Н.Л.) показала, что члены Лиги или же считали, что система, закрепленная в Уставе, является недостаточной, неработающей или слишком инертной, чтобы на нее полагаться, или же были уверенными в том, что другие члены Лиги не будут выполнять свои обязательства, вытекающие из Устава...»

Идеи реализма нашли свое развитие в работах американского мыслителя Нибура (*Moral Man and Immoral Society*, 1936). Одной из серьезнейших диспропорций современного мира он считал стремительное развитие технического прогресса и топтание на месте в сфере политики в широком смысле слова. *Мир стал взаимозависимым, но остался разобщенным морально и политически.*

Уже после окончания Второй мировой войны, объясняя причину «анархии» в международных отношениях, Нибур отметил, что идея создания «мирового правительства» имеет серьезные изъяны. Во-первых, почти все аргументы за нее основываются на предположении, что желание создать новый мировой порядок имеет в виду появление «мирового правительства». Однако правительства создаются исходя из насущных потребностей общества/сообщества, а не по чьей-либо прихоти. Во-вторых, сами правительства обладают весьма ограниченными возможностями для объединения общества/сообщества. Поскольку в мире нет такого общего интереса, то лучше иметь несовершенную ООН, нежели некую федерацию государств, вообще неспособную что-либо сделать. Нибур подчеркивал, что силы, которые работали на интеграцию мирового сообщества, очень ограничены (*The Illusion of World Government*, 1948). В условиях начавшейся холодной войны удовлетворяться существующим *status quo* нельзя, необходимо поддерживать отношения с противником (СССР), используя для этого ООН не в качестве гипотетического мирового правительства, а как своего рода мост между частями разделенного мира.

Наиболее крупной фигурой среди представителей реалистической школы был немецкий эмигрант Ханс Моргентау, вынужденный покинуть свою родину из-за преследований со стороны нацистов.

Его книга *Politics Among Nations* (1948), неоднократно отвергавшаяся американскими издательствами, стала в конце концов классической. На ней были воспитаны несколько поколений

американских и западноевропейских политиков. Когда Моргентау ушел из жизни в 1980 г., бывший государственный секретарь США Генри Киссинджер произнес слова, под которыми подписались бы многие: *«Ханс Моргентау был моим учителем»*.

Интеллектуальными предтечами современного реализма были принято считать Фукидида и Макиавелли.

В *Истории Пелопоннесской войны* Фукидид попытался объяснить причины крупнейшего столкновения коалиций, во главе которых находились Афины и Спарта. Фукидид полагал, что для этого ему необходимо *объяснить поведение основных противников, вовлеченных в конфликт* (Моргентау также полагал, что предметом международных отношений является *поведение государств*).

Не располагая всеми высказываниями военачальников периода войны, Фукидид использовал метод рационального реконструирования прошлого, поставив себя на место тех, кто принимал решения в Афинах и Спарте.

«Во всех случаях было трудно запомнить слово в слово все, что было сказано, поэтому я вкладывал в уста героев то, что, по моему мнению, они должны были сказать в соответствующей ситуации, конечно же, следуя в общем и целом тому, что они в действительности говорили».

Аналогично этому размышлял и Моргентау:

«Мы ставим себя наместо политика, который должен решить определенную проблему, и спрашиваем себя: какие рациональные альтернативы для решения данной проблемы у него существуют ...и какую из них с наибольшей вероятностью выберет данный конкретный политик, находящийся в данных условиях. Это и есть проверка гипотезы реальной действительностью, которая объясняет феномены мировой политики и делает возможным теоретизирование в сфере политики».

Реконструируя мотивы поведения Афин и Спарты, Фукидид исходил из того, что обе стороны стремились сохранить свои позиции или же даже хотели их упрочить:

«Подлинной причиной войны я считаю ту, что обычно скрыта. Рост мощи Афин и опасение в связи с этим Лакедемона сделали войну неизбежной».

Главная идея Моргентау изложена следующим образом:

«Путеводной звездой, которая помогает политическому реализму пробраться сквозь дебри мировой политики, является

концепция интереса, определяемого категорией доминирования. Поэтому мировая политика, подобно всем другим, является борьбой за доминирование.

Когда мы говорим о доминировании, мы имеем в виду *чей-либо контроль над умами и действиями других людей*. Более того «политика как таковая, будь то внутренняя или внешняя, обнаруживает три основные модели; все политические феномены могут быть сведены к одному из трех основных типов.

Политика сводится либо к стремлению сохранить свое доминирование, либо упрочить его или же его продемонстрировать. Такая политика проявляется в следующих трех формах:

- 1) политика *status quo*;
- 2) политика империализма;
- 3) политика поддержания престижа.

Как говорят реалисты, «в отличие от утопизма и идеализма, которые размышляют о том, каким должен быть мир, реализм исходит из того, каков мир есть». Обладание реальными материальными ресурсами создает основу могущества государств и определяет их место в мире. Все остальные факторы (влияние демократии, идеологии, экономической интеграции, права, международных организаций) менее значимы для мировой политики.

В основе реалистической теории лежат *три тезиса*, касающиеся важнейших элементов любой социальной теории, а именно собственно *субъектов* международных отношений, их *действий* и *ограничений*, накладываемых на них внешней средой (Моравчик).

1. Исходным моментом их рассуждении является заявление о том, что *рациональные и в политическом отношении единые образования* (в прошлом - это племена, принципаты, города-государства, региональные политические союзы и т.п., сейчас - государства) *взаимодействуют друг с другом в анархичной международной среде*, в которой не существует какой-либо центральной власти, способной создать и поддерживать порядок в отношениях взаимодействующих субъектов.

Реалисты рассматривают государства как участников непрекращающейся конкуренции и утверждают, что из нее и складывается мировой порядок.

По мнению реалистов, *государства являются главными субъектами анархичной международной системы*, в то время как международные организации, ТНК и др. являются вторичными на международной арене. Поэтому *реалисты определяют международные отношения собственно как отношения между государствами*, а международную политическую арену рассматривают как место столкновения государств друг с другом.

Реалисты рассматривают государства в качестве *рациональных субъектов*, подобных индивидууму. В этом смысле они говорят о государстве как о едином целом, способном просчитать плюсы и минусы своей политики и соответственно получить максимальный выигрыш.

2. Второй ключевой тезис реализма подчеркивает *природу национальных интересов* государств. Эти интересы *неизменны* и находятся в противоречии с интересами других государств. Из этого следует, что отношения государств есть не что иное, как постоянный процесс торга по поводу распределения или перераспределения ограниченных материальных ресурсов. Акцент на неизменности национальных интересов важен, поскольку он позволяет избежать реалистам искушения искать причины поведения государств в сложном и противоречивом процессе воздействия внутренней политики на внешнюю, избавляет от «морализаторства» о влиянии идей на материальную структуру мировой политики, лишает смысла «утопические» представления о том, что определенная группа государств может иметь совпадающие интересы, а также исключает значение «легалистских» рассуждений о том, что государства для решения конфликтов должны прибегать не к силе, а использовать правовые нормы и международные институты.

Следует отметить, что единодушие реалистов относительно неизменности национальных интересов государств не означает совпадения их взглядов собственно на точное определение этих интересов. *Большинство реалистов полагает, что государства «как минимум, борются за собственное выживание, и, как максимум, стремятся к тотальному доминированию»* (Уолтц).

Как уже говорилось, реалисты рассматривают мир как арену непрекращающейся борьбы за контроль над ограниченными материальными ресурсами. Государства могут конфликтовать друг с другом из-за каких-либо дефицитных или ценных ресурсов, включая сельскохозяйственные угодья, права на ведение торговли и

т.п. (во времена Фукидида); колонии (начиная с Древнего Рима до периода Ренессанса); религии, династические привилегии и контроль в сфере внешней торговли (новое время); радикальные идеологии (конец XIX - XX вв.), или чисто экономические интересы.

Государства осуществляют свою внешнюю политику как хорошо просчитанный ответ на вызовы враждебного международного окружения, в котором обеспечение выживания является делом каждого («спасение утопающего - дело рук самого утопающего»). *Независимо от внутренней политической системы, социальных и культурных особенностей того или иного государства, индивидуальных особенностей его лидеров, первейшей заботой любого государства является обеспечение его собственной безопасности.*

Потребность в этом определяется тем, что *практически все государства обладают определенным военным потенциалом*, для того чтобы себя защитить. Однако при определенных обстоятельствах он может быть использован против других государств. Существует множество оснований для агрессии, и ни одно государство не может точно знать, какое из них станет причиной войны. *Неопределенность неизбежна при оценке намерений противоположной стороны.* Несмотря на то, что государства рациональны, они могут допускать ошибки из-за неточной информации или дезинформации со стороны противника. Преследуя множество целей на международной арене, государства прежде всего исходят из необходимости гарантирования собственного существования и поэтому в максимальной степени стремятся усилить свою мощь.

3. *Третьей основой концепции реализма является определение критериев мощи государств и, следовательно, их места на международной арене.* По мнению реалистов, в основе природы взаимодействия государств лежат не только их национальные интересы, но и материальные возможности этих государств. *Вес того или иного государства в мире определяется материальными ресурсами, которыми оно располагает.* Именно они определяют возможность государств принуждать или «подкупать» сторону, находящуюся в конфликте. При этом главными средствами перераспределения ресурсов является угроза наказания (санкции) либо предложение «компенсации». И первая и вторая возможности напрямую зависят от материальных возможностей

сторон, находящихся в конфликте. Чем дешевле обходится реализация угрозы для стремящейся к перераспределению ресурсов стороны и чем болезненнее она для «жертвы», тем выше вероятность сговорчивости последней (намерение России строить газопровод в Европу в обход Украины и размещение заказа на производство труб большого диаметра на российских предприятиях могут подтолкнуть Киев к решению о передаче России (Газпрому) в счет оплаты долга за поставки газа украинской части газопровода, чего давно желают в Москве).

В целом для достижения желаемого результата государства прибегают к разного рода экономическим санкциям и стремятся их поддерживать (например, сохранение санкций в отношении Ирака выгодно США для контроля над регионом Персидского залива, а также для ряда стран ОПЕК и, прежде всего Саудовской Аравии, получившей квоту Ирака), используют бойкоты и т.п.

Реалисты полагают, что *степень реализации национальных интересов государств прямо пропорциональна их материальным возможностям*. Именно материальные ресурсы и образуют ту фундаментальную «реальность», которая оказывает влияние на поведение государств независимо от того, в каком направлении государства развиваются, какое общество строят и во что верят их лидеры. *Иными словами, сильные делают то, что сочтут нужным, а слабые вынуждены с этим согласиться.*

Показателем мощи государства на международной арене является его способность влиять на поведение других государств (например, в современных условиях пересматривать квоты добычи нефти, настаивать на пересмотре выгодных двусторонних контрактов с третьими странами, пренебрегать действующими нормами международного права и вместо них «явочным путем» устанавливать свои и т.п.).

В условиях анархии международной системы государства могут рассчитывать только на себя. Они не могут позволить себе полагаться на других и зависеть от них. Для классического реализма неприемлемо развитие взаимозависимости, особенно в отношениях великих держав. *Взаимозависимые государства по определению не могут быть великими державами*. Все остальные государства также стремятся максимально снизить степень их зависимости от других государств.

Моргентау рассматривал вопросы мировой политики в середине XX в. и проблему мира. Он анализировал попытки

сохранить мир путем *политики ограничения* (limitation) (разоружение, коллективная безопасность, юридическое разрешение споров/конфликтов и др.), *трансформации* (transformation) (превращения либо в мировое государство, либо в мировое сообщество) и *дипломатии*. Рассуждая об идее мирового правительства, Моргантау обратил внимание на то, что начиная с XIX в. каждая из трех мировых войн (наполеоновские войны, первая и вторая мировые войны) заканчивалась попытками создания такого правительства: Священный Союз, Лига Наций и Организация Объединенных Наций. Первые две попытки потерпели крах, поскольку сильно различались интересы государств на международной арене особенно по вопросу поддержания status quo.

Моргантау считал, что фундамент ООН также непрочен. Однако *особенностью этой организации* было то, что после второй мировой войны державы-победительницы «сначала создали международное правительство для поддержания status quo, а потом предложили договориться об этом status quo». Естественно, что в таких условиях идея международного правительства была с самого начала обречена на неудачу. Единственная польза ООН состояла, по его мнению, в том, что представительство противоборствующих в годы холодной войны блоков в одной организации обеспечивало постоянную арену для и общения. Моргантау подчеркивал преимущества классической многополярной системы международных отношений, основанной на «балансе сил», и полагал, что складывавшееся биполярное противостояние Соединенных Штатов с Советским Союзом было особенно опасным.

Единственным источником стабильности, как уже отмечалось, по мнению реалистов, является соперничество государств друг с другом. *Войны можно избежать только тогда, когда существует угроза войны и, более того, угроза взаимного уничтожения*. Мир, таким образом, может быть сохранен лишь путем подготовки к войне.

Реалисты называют миром отсутствие войны. Сотрудничество встречается редко, оно носит характер временного и нестабильного состояния. В этих условиях международным институтам и организациям отводится незначительная роль.

Это, конечно, не означает, что реалисты не предлагают своего объяснения существования международных институтов и

интеграционных процессов. В военных альянсах они видят временные «браки по расчету» с целью обеспечения в большей степени собственной безопасности, а в экономических союзах - стремление более слабых стран вместо того, чтобы создать коалицию против сильных или же просто им подчиниться, сформировать такую систему взаимных обязательств, которая бы обеспечила перераспределение власти в пользу слабых. Например, феномен валютного союза в рамках ЕС интерпретируется как уступка Германии Франции и Италии, опасавшихся, что дальнейшее развитие Евросоюза подорвет их мощь (Дж. Грико - Joseph Greico).

Таким образом, живя в условиях постоянного страха, не имея каких-либо внешних механизмов для отражения агрессии, государства должны полагаться исключительно на себя, что не исключает временных «браков по расчету». Государства стремятся увеличить свой вес в международной системе за счет других, прежде всего в военной сфере. Идеальное окончание борьбы за доминирование - установление собственной гегемонии на международной арене.

Моргентау подчеркивал, что множественность и многовариантность международных контактов явились результатом современной коммуникации, международного обмена товарами и услугами, а также *деятельности международных организаций, в которых большинство наций сотрудничало с целью удовлетворения своих общих интересов.*

§ 10.6. НЕОРЕАЛИЗМ

Появление неореалистических направлений в теории международных отношений связано с попытками адаптировать старый классический реалистический подход к изменениям, происшедшим к 1970-м гг. XX в.

Глобализация международных экономических отношений, увеличение роли транснациональных компаний, а также неправительственных организаций показали возросшее значение экономических факторов. *Стало меняться само представление о рычагах доминирования.* Военное превосходство уже не гарантировало глобального превосходства. Наряду с этим все большее значение стали приобретать экономическая мощь, а также

возможности культурной экспансии и технологического доминирования.

Вместе с тем отход от политики разрядки и возврат к холодной войне на рубеже 1970-1980-х гг. Стимулировали, главным образом, в американской политической науке ренессанс традиционного мышления по вопросам безопасности. В оценке мировой политики основной акцент вновь стал делаться на конфликтную природу международных отношений в целом, причем главными сторонами в этом процессе были государства, а основным мотивом их поведения было стремление к доминированию и обеспечению для себя большей безопасности.

Оставаясь сторонником классического реализма и идей, которые сформулировали Макиавелли, Майнеке и Моргентау относительно *методов* реализации внешней политики государств, К. Уолтц с помощью *структурного подхода* объясняет, *почему* эти методы используются на протяжении веков несмотря на то, что государства и их лидеры меняются. Теория *баланса сил*, в свою очередь, указывает на *результаты* реалистической политики государств.

Уолтц попытался показать, что система международных отношений есть не что иное, как *структура*, построенная по определенным принципам, состоящая из определенных элементов, которые преследуют определенные цели.

Концепция структуры основывалась на том, что изменение принципов построения и порядка расположения этих элементов (у Уолтца - государств) ведет к изменению их поведения.

Основным принципом устройства структуры на уровне международных отношений является то, что ее элементы (государства) находятся в формально равном положении. Ни один из них не имеет полномочий управлять другими; ни один из них не обязан никому подчиняться. Международная система децентрализована и анархична. Подобно экономическому рынку, она формируется в результате действий преследующих свои интересы элементов (городов-государств, империй, наций). *Современная структура возникает в результате сосуществования государств*. Она индивидуалистична по своей природе, формируется спонтанно, в результате действий многих ее элементов. Как и рынок, система создается и поддерживается элементами, которые полагаются на самих себя. *Главным мотивом поведения этих элементов является обеспечение их выживания*. Именно оно, выживание, является

предпосылкой для любых других целей, которые может преследовать государство, будь то установление мировой гегемонии либо автаркичное существование.

В сравнении с другими системами (например, системой дорожного движения, где все должны строго соблюдать правила, чтобы она работала), *международная система предъявляет к государствам минимум требований*, но все же создает структуру, которая поощряет или наказывает государства в соответствии с тем, как эти минимальные требования выполняются.

Второй важнейшей составляющей структурного реализма вслед за признанием анархичности и децентрализации мировой системы является *характеристика ее важнейших элементов*. Как уже отмечалось выше, такими элементами являются государства. Уолтц пишет, что *«государства - это элементы, взаимодействие которых формирует структуру международно-политических систем. Такое положение будет сохраняться долго. Смертность среди государств поразительно низкая. Редкие государства умирают... Кто с большей вероятностью выживет через 100 лет - Соединенные Штаты, Советский Союз, Франция, Египет, Таиланд, Уганда? Или Ford, IBM, Shell, Unilever, Massy-Perguson? Я бы поставил на государства, может быть, даже на Уганду...»*.

Государства сами выбирают, как им решать те или иные внутренние и внешние проблемы. Каждое из них суверенно, и в этом они едины. Конечно, они различаются по размеру, богатству, форме устройства и мощи. Однако эти различия характеризуют их *возможности (capability)*, но не функции. Цели (по крайней мере, основные - выживание) и функции у государств общие.

Что же касается *возможностей* государств, то они исключительно важны для понимания той или иной международной структуры.

Структура международной системы меняется вместе с изменением *возможностей* входящих в нее элементов. Уолтц предлагает абстрагироваться от всех иных характеристик государства (его легитимности, типа режима, формы правления, господствующей идеологии и т.п.), за исключением их *возможностей*. Сила (мощь) того или иного государства, т.е. его способность оказывать влияние на другое государство или же заставлять действовать в соответствии со своими интересами, определяется сравнением возможностей этого государства с возможностями других государств. Хотя *возможности* - это каче-

ственные характеристики самих государств, распределение этих возможностей, их соотношение в рамках структуры самим государствам уже не принадлежит. *Это характеристика самой структуры.*

Поскольку государства взаимодействуют и ограничивают друг друга, международные отношения можно рассматривать с точки зрения функционирования организации. Структура - это концепция, которая позволяет сказать, какие *организационные последствия* возможно ожидать и как сама структура взаимодействует с входящими в нее элементами.

Таким образом, *Уолтц предложил определение структуры, которое позволяет лучше понять различные типы изменений внутри нее:*

Во-первых, структуры определяются в соответствии с основным принципом построения системы. Системы меняются в том случае, если меняется их основной принцип. Переход от анархичной (например, международной) реалии к иерархичной означает системное изменение.

Во-вторых, в основе структур лежит спецификация функций входящих в нее элементов. В международной системе эти функции идентичны.

В-третьих, структуры определяются распределением возможностей между отдельными элементами. Изменения этих возможностей влекут за собой изменения всей системы в целом.

Как же ведут себя эти элементы структуры - государства на международной арене?

«Поскольку некоторые государства в любое время могут прибегнуть к силе, все государства также должны быть готовы к этому - либо же рассчитывать на снисхождение и милость своих более сильных в военном отношении соседей. В межгосударственных отношениях естественным является состояние войны. Это не означает, что непрерывно идет война, однако поскольку каждое государство само решает использовать ему силу или нет, война может начаться в любую минуту».

Уолтц далее утверждает, что существуют несколько существенных преград, сдерживающих развитие международного сотрудничества.

Во-первых, государству не безразлично то, каким образом будут распределяться выгоды такого сотрудничества, особенно те случаи, когда другие получают больше.

Во-вторых, государство не желает попадать в зависимость (или увеличивать ее) от других государств. Чем больше государство специализируется на выпуске тех или иных товаров или предоставлении услуг, тем в большей степени оно оказывается зависимым от поставок товаров и услуг, которые оно не производит. Чем больше государство продает и покупает, тем больше оно зависит от других. Государства стремятся избежать роста своей зависимости.

В системе, где каждый должен заботиться о себе сам, соображения безопасности подчиняют экономическую выгоду главной политической цели - выживанию.

Структуры вызывают действия входящих в них элементов, которые влекут для них подчас совсем не те последствия, которые бы они хотели иметь. Определенная сумма «маленьких» решений может привести к «большим» изменениям. Уолтц иллюстрирует это на нескольких хрестоматийных примерах. Например, в условиях ожидания бензинового кризиса все бы выиграло, если бы на заправках потребители покупали меньше топлива с тем, чтобы цены стремительно не росли и возникшие неудобства все бы делили поровну. Но поскольку некоторые (и даже многие) водители предпочитают делать запасы, возникает ажиотажный спрос. В результате цены быстро растут и бензин исчезает. Здесь уместен любой пример, показывающий развитие ажиотажного спроса. Таким образом, рыночная система и свободное поведение ее элементов (водителей, вкладчиков и т.д.) могут привести к нежелательным для всех последствиям. Как радикальным образом изменить поведение элементов системы? По мнению Уолтца, это возможно сделать только через изменение принципа ее построения, через изменение структуры.

Говоря о международной системе, уместен вопрос о том, как обеспечить интересы мирового сообщества (мир, защита окружающей среды и т.п.)? Как сделать так, чтобы национальные интересы были подчинены наднациональным? Возможно ли это в принципе? По мнению Уолтца, *рациональное поведение государств не может привести к желаемому результату. Когда каждый беспокоится прежде всего о себе самом, никто не будет думать о системе в целом.* Проблемы сами по себе не создают возможностей.

«На протяжении веков государства претерпели множество изменений, но сущность международных отношений оставалась

неизменной. Государства могут преследовать разумные и стоящие цели, но они не могут определить, как достичь этих целей. Проблема кроется не в глупости или злом умысле... Государства, сталкиваясь с глобальными проблемами, подобны обычным потребителям, зависимым от "тирании малых решений". Государства... могут выйти из этой зависимости, только изменив структуру того, чем они занимаются...».

В условиях анархии государства вынуждены полагаться на самих себя. Но это очень рискованно, поскольку можно стать жертвой более сильного. В международных отношениях государство прибегает к силе либо для того, чтобы себя защитить, либо получить преимущество. Войны между государствами могут только на определенное время решить вопрос о том, кто в данный момент сильнее, и определенным образом перераспределить ресурсы.

Теория баланса сил, как уже отмечалось, является важным составным элементом реализма, поскольку объясняет результаты внешнеполитической деятельности государств.

Эта теория исходит из того, что государства, будучи едиными субъектами, как минимум стремятся себя сохранить (или выжить), а как максимум; добиться глобального доминирования. С этой целью государства более или менее рационально используют имеющиеся у них ресурсы. Эти ресурсы включают в себя:

1) деятельность на национальном уровне (наращивание экономических и военных возможностей, выработка разумной стратегии поведения);

2) деятельность на международном уровне (усиление или расширение альянсов с союзниками или же ослабление коалиций противников).

Поскольку второй из названных ресурсов предполагает наличие как минимум трех субъектов, теория баланса сил применима к системе, также состоящей по меньшей мере из трех государств.

Теория баланса сил строится на предполагаемой мотивации в деятельности государств и показывает ожидаемый результат, а именно формирование баланса сил. В экономическом смысле это микротеория. Система, как и рынок в экономике, формируется в результате взаимодействия входящих в нее элементов и, кроме того, она основывается на мотивах их поведения.

Теория баланса сил - это теория, объясняющая результаты некоординированной деятельности государств. Она объясняет ограничения, с которыми сталкиваются все государства на международной арене.

Понимание этих ограничений дает основание предполагать (прогнозировать) поведение государств. Теория объясняет *похожесть поведения* государств похожих государств. Она дает основание ожидать, что поведение государства направлено на формирование баланса сил.

Что такое балансирование (маневрирование) в политике? Отвечая на этот вопрос, Уолтц приводит пример из политической жизни Америки, когда партии выбирают своих кандидатов в президенты. Если время номинации кандидата от партии приближается, а ярко выраженного лидера еще нет, на политической сцене появляется большое число претендентов, которые маневрируют, создают коалиции, борются со своими оппонентами. Но это балансирование продолжается только до тех пор, пока лидер не определен. Как только становится очевидным фаворит, почти все прекращают борьбу и начинают его поддерживать, рассчитывая что-то получить в случае его выигрыша. На международной арене маневрирование и балансирование не прекращается никогда.

Современное состояние реализма, по мнению А. Моравчика, характеризуется тем, что из трех основ теории большинство ее сторонников привержены лишь первой - *государства есть рациональные субъекты, взаимодействующие друг с другом в анархичной среде*. В связи с этим в литературе появились такие определения реализма, как «минимальный» реализм, который, по своей сути, мало чем отличается от альтернативных парадигм международных отношений, также разделяющих «первую заповедь» реализма (теория демократического мира, теории «агрессивных» государств, теория функционального режима, теория «стратегической культуры» и др.). Следует также отметить, что ряд исследователей, называющих себя реалистами (Снайдер, Грико, Закария, Швеллер, Ван Ивера и др.), фактически отошли от традиционного представления реализма о наличии постоянных национальных интересов, как об этом в свое время писали Моргентау и позднее Уолтц.

Практически общим стало мнение о том, что наряду со стремлением к доминированию важно учитывать и другие важные мотивы. На формирование национальных интересов разных

государств влияют также культурные, исторические и др. факторы. В результате заимствований у альтернативных школ международных отношений современный реализм как самостоятельная теория оказался под угрозой размывания. Внимание к природе внутренних представительных институтов (заимствование у теории «демократического мира»), сущности экономических интересов (разнообразные теории экономической взаимозависимости) и др. дают основания задавать вопрос о том, а есть ли сегодня «настоящие» реалисты ?.

Тем не менее важно отметить ряд весьма удачных попыток сохранить «чистоту» теории, обогащая ее традиционными для других направлений идеями. Например, Ф.Закария (F. Zakaria), анализируя причины аномально умеренного (по сравнению с материальными возможностями) американского экспансионизма в конце XIX в., предложил рассматривать государство не как единое целое (что было характерно для реализма), а как совокупность собственно государственного аппарата и общества. При этом мощь государства на международной арене зависит не только от того, какими ресурсами оно располагает или контролирует, а от способности аппарата взять эти ресурсы у общества. Таким образом, Закария удалось не только преодолеть односторонность реализма, не учитывавшего внутренних факторов, но и по-новому взглянуть на то, что собственно является мощью государства (не потенциальной, а реальной).

Определенный вклад в развитие неореалистического подхода к международным отношениям был сделан Р. Джервисом, Дж. Квестером и С. Ван Иверой, предложившим рассматривать проблему войны и мира с точки зрения вопроса о том, *при каких условиях государства более склонны к агрессии*. По мнению этих представителей неореализма, войны более вероятны в случае, если государства могут добиться быстрой и легкой победы. В противном случае сотрудничество будет преобладать над конфронтацией. Обладание оружием сдерживания и способностью защитить себя, не угрожая другим, вносит стабильность в мировую политику. Не случайно, что Уолтц и другие неореалисты полагали, что США и их союзники были в наиболее благоприятной ситуации в период холодной войны.

Применительно к международным организациям точка зрения неореалистов немногим отличалась от их идейных предшественников. Международные организации рассматривались

в качестве инструментов политики отдельных государств. Их роль как самостоятельных субъектов международных отношений практически не признавалась. Уолтц подчеркивал, что *«потребность в теории, которая отрицает главенствующую роль государств в мировой политике, возникнет только тогда, когда неправительственные субъекты международных отношений будут в состоянии бросить вызов великим державам. Однако в настоящее время признаков этого нет»*.

Один из наиболее крупных представителей современного неореализма Гилпин попытался дать новую формулировку реализма с точки зрения логики экономического развития.

Гилпин утверждает, что войны являются инструментом разрешения дисэквилибриума в международной системе между структурой системы, созданной в соответствии с интересами тех, кто ее в свое время создал, и новым перераспределением силы.

Гилпин считает, что международная система создается наиболее сильным (сильными) с целью защиты их интересов. Однако с угасанием (упадком) гегемонов и ростом других последние не только в состоянии изменить систему, но и, скорее всего, будут стремиться к этому. Итак, история - это взлеты и падения империй и гегемонии, а войны, в свою очередь, - это средства, при помощи которых империи и гегемонии строятся, защищаются и разрушаются.

Критика концепции Гилпина в объяснении происхождения войн сводится к следующим моментам:

1) если государство способно бросить вызов другому (ослабленному), оно обязательно это сделает;

2) есть данные, которые «не вписываются» в концепцию Гилпина (с конца XIX в. и до 1945 г. США были в экономическом отношении мощнее Британии, но не проявляли себя агрессивно; Япония напала на США в 1941 г. не потому, что она стала экономически мощнее Америки, а в силу других причин);

3) изменения в возможностях (силе) государств могут быть простым совпадением с началом войн. Империи и «обычные» государства растут и слабеют, а войны происходят по сравнению с этими довольно большими временными циклами достаточно часто и регулярно. Но конкретное изучение гегемонии отдельных стран (британской, например, или российской) не дает основания

утверждать, что взлеты и падения определяют количество войн, которые эти страны вели.

Органски (*теория перехода силы* - power transition) отмечает, что войны происходят тогда, когда возможности амбициозного государства достигают уровня лидера. Стремление стать первым ведет к войне. Следовательно, *баланс сил* - прямая предпосылка к войне, поскольку существует зафиксированное равенство. Исследования Органски и Каглера распространялись только на 2 - 3 самых сильных европейских государства (франко-прусская война, русско-японская война, обе мировые войны). Однако существует масса примеров другого рода. Примерное равенство России и Франции в конце XIX в. привело не к войне, а к союзу (то же относится и к англо-американским отношениям). Итак, иногда теория Органски «работает», а иногда нет.

Один из наиболее последовательных критиков реализма Васкез отмечает, что главная аналитическая проблема понимания того, какую роль играет теория реализма в формировании современной внешней политики, связана с *происхождением* реализма как теории. По его мнению, теория реализма является не столько объяснением мировой политики, сколько набором различных рефлексий и идей относительно поведения лидеров стран и дипломатов, которые имели определенные последствия.

Реализм - это коллективная память, связанная с наиболее жестокими и масштабными войнами.

Фукидид, Макиавелли, Клаузевиц, Моргентау и др. - все реагировали на периоды войн и конфликтов. Однако проблема состоит в том, что кроме этой реальности войны существуют и другая реальность. История не дает нам равномерной картины (статистической) того, что войны были всегда и велись примерно с одинаковой интенсивностью. Не все государства имеют одинаковый опыт ведения войн. Важно учитывать и то, что война как инструмент политики и политический феномен в целом в определенные исторические периоды и в определенных регионах (странах) были неприемлемыми. Кроме того, цели войн, правила их ведения и даже мотивы, оправдывающие войну, отличаются в разные периоды истории и в разных странах.

Таким образом, реалистическое понимание войны как части глобальной мировой культуры, уроки которой состоят в том, чтобы объяснить, *как лучше готовиться к войне и пережить ее*, а не избежать ее вовсе, весьма опасно. Васкез указывает, что культура

войны, подобно культуре вендетты или дуэли, -это своего рода ловушка. Нахождение в определенной культурной системе заставляет воспринимать идеи этой системы, приспосабливаться к ней. История в этом смысле напоминает дорогу с разбитой колеёй, что означает бесперспективность избежать столкновения, если кто-то попал в колею. Реализм игнорирует миролюбивое поведение и практически объясняет его лишь страхом. Следовательно, задача состоит в том, чтобы найти пути обеспечения и упрочения мира.

Источники:

Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие/ Н.А. Ломагин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. - 166 с., стр. 33-70.

Литература:

1. Арон Раймон, *Мир и война между народами.* / Под общей ред. Канд. полит. наук Даниленко В. И. – Москва, «NOTA BENE», 2000.
2. Арцибасов И.Н., Егоров С.А., *Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия.* - Москва, 1989.
3. Бжезинский З., *Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы.* - Москва, "Международные отношения", 1998.
4. Буриан А., *Теория международных отношений: Курс лекций в 2-х т., Том 1. «Введение в теорию международных отношений».* - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.
5. Гаджиев К.С., *Введение в геополитику.* Издание второе, переработанное и дополненное. - Москва, «Логос», 2000.
6. Гроций Г., *О праве войны и мира.* - Москва, Госюриздат, 1956.
7. Дмитриев А.В., *Конфликтология: учебное пособие.* - Москва, «Гардарика», 2001.
8. Дугин А., *Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством.* Изд. 3-е, дополн. - Москва, «АРКТОГЕЯ-центр», 1999.
9. Жакье, Бернар, *Международные отношения. Том 1. Субъекты международной системы: Учебное пособие.* - Н. Новгород, Изд. Нижегородского ун-та, 1997.
10. Зеркин Д.П., *Основы конфликтологии: Курс лекций.* - Ростов н/Д, 1998.
11. *История политических и правовых учений.* / Под ред. О.Э.Лейста. - Москва, «Юридическая литература», 1997.
12. Кальвокоресси Питер, *Мировая политика после 1945 года: В двух книгах.* – Москва, «Международные отношения», 2000.
13. Клаузевиц К., фон, *О войне. В 2 т.* - Москва, «Издательство АСТ», Спб., “Terra Fantastica”, 2002.

14. Макиавелли Н., *О военном искусстве* / Пер. с итал. Вступит. Ст. и примеч. Р. Светлова. – СПб, «Амфора», 1999.
15. Панарин А.С., *Ревани истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке*. – Москва, «Логос», 1998.
16. Сенарклен П. Де., «Реалистическая» парадигма и международные конфликты//»Международный журнал социальных наук», № 3, 1991.
17. *Современные международные отношения. Учебник* / Под ред. А.В.Торкунова. – Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.
18. Тойнби А., *Цивилизация перед судом истории*. – Москва, «Прогресс», 1995.
19. Фокуяма Ф., *Конец истории?*//»Вопросы философии», 1990, № 3.
20. Хантингтон Сэмюел П., *Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка*//Библиотека публикаций Московского Центра Карнеги, „Pro et Contra”, Том 2, Весна 1997.
21. Цыганков П.А., *Теория международных отношений*. – Москва, «Гардарики», 2002.
22. Brădescu, Faust, *Doctrina politice* /Faust Brădescu: Studiu introductiv de Georgiana-Margareta Scurtu – Ed. a 2-a, Vol. 1: *Drept și politică internațională*, București, Editura „Majadahonda”, 1999.
23. Burian, Alexandru, *Geopolitica lumii contemporane, Manual: pentru facultățile de drept și de relații internaționale a universităților*. - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.
24. Datcu, Ion, *Istoria relațiilor internaționale și a diplomației*, București, 1991.
25. Gilpin, Robert, *War and Change in World Politics*, Cambridge University Press, 1997.
26. Huntington, Samuel P., *Ordinea politică a societăților în schimbare* /Trad. de Horațiu Stamatini, Iași, Editura POLIROM, 1999.
27. Huntington, Samuel P., *Superputerea singuratică*./Politica Externă, Revistă a Societății Academice din România, Anul III, Numărul 7-8, toamna-iarna 1999-2000.
28. Kennedy, Paul, *The Rise and Fall of Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*, Vintage Books, New York, 1989.
29. Keohane, Robert O. and Nye, Joseph S., *Power and Interdependence: World Politics in Transition*, Boston, 1977.
30. Morgenthau, Hans, *Politica entre las Naciones. La lucha por el poder y la paz*, Grupo Editor Latinoamericano, Buenos Aires, 1986.
31. Naudon, Carlos y Sepulveda, Alberto, *Introducción a la Política Mundial*, Ediciones Chileamerica-Cesoc, Santiago, Chile, 1998.
32. Ortiz, Eduardo, *El estudio de las Relaciones Internacionales*, Fondo de Cultura Economica, Santiago de Chile, 2000.
33. Rosenau, James N., *The Scientific Study of Foreign Policy, rev. ed.*, London: Frances Pinter, 1980.
34. Senarclens, Pierre de, *La politique internationale*, Paris, 1992.

35. Tredinnick, Felipe, *Derecho internacional publico y relaciones internacionales*, Tercera edicion, Editorial "Los amigos del libro", La Paz-Cochabamba, Bolivia, 1997.
36. Vasquez, John, *The War Puzzle*, Cambridge University Press, 1997.
37. Viotti, Paul R.; Kauppi, Mark V., *International relations theory: Realism, Pluralism, Globalism, and Beyond*. – 3rd ed., Allyn and Bacon, Boston, 1998.
38. Wight, Martin, *Politica de putere*, Chişinău, Editura ARC, 1998.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ¹²

- § 11.1. Меркантилизм и либерализм.
- § 11.2. Либерализм и безопасность.
- § 11.3. Теория «гегемонистской стабильности».
- § 11.4. Теория мировой системы.
- § 11.5. Международная рыночная экономика
- § 11.6. Необходимость создания НМЭП
- § 11.7. Проблема разрешения конфликтов в сфере торговли

§ 11.1. МЕРКАНТИЛИЗМ И ЛИБЕРАЛИЗМ

Вопрос о том, как соотносятся между собой экономика и политика (ведь именно об этом у нас фактически идет в данном случае речь), с полным правом можно отнести к числу фундаментальных методологических проблем, над которыми ломали головы многие представители лучших умов человечества. Задача действительно не из легких, особенно с учетом того факта, что и экономическое, и политическое (кстати, равно как и социальное, идеологическое и т.д.) в определенном смысле представляют собой не более чем некие абстрактно-теоретические понятия, используемые для обозначения различных проекций, с

¹² *Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие* / Н.А. Ломагин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. 166 с., стр. 86-102; 156-163; *Современные международные отношения: Учебник* / Под. ред. А.В.Торкунова. — Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с., стр. 53-67.

помощью которых мы пытаемся охарактеризовать реальную общественную жизнь. Последняя по большому счету есть единый, комплексный, целостный процесс развития, в рамках которого выделение отдельных самостоятельных составляющих возможно лишь с разумной долей условности.

Итак, экономическая деятельность не может осуществляться вне известных политических рамок, а политические процессы не протекают вне определенного экономического пространства. Это в полной мере относится и к международному компоненту названных отношений. Развиваясь в неразрывной связи и взаимодействии друг с другом, внешнеполитическая и внешнеэкономическая стороны жизни общества оказывают друг на друга непосредственное и постоянное воздействие. Вот лишь два примера, подтверждающих данный тезис.

В конце 1950-х гг. крупнейшими торговыми партнерами СССР в западном полушарии были Аргентина и США. Зададимся вопросом., смогли ли названные страны сохранить свои позиции в первой половине 60-х гг. и если нет, то какое государство заняло в указанный период лидирующее положение в этом рейтинге? Начиная с 1960 г. во внешней торговле СССР со странами региона произошла безусловная переориентация - на первое место выдвинулась Куба. Если в 1959 г. советско-кубинский товарооборот составлял всего 6,7 млн руб. (против 40,2 млн руб. советско-аргентинского и 39,1 млн руб. советско-американского), то в 1960 г. - уже 160,6 млн, а в 1961 г. - 539,0 млн руб., превысив показатели советско-американского и советско-аргентинского товарооборота соответственно в 8 и 19,7 раза. Объяснение столь резких колебаний следует искать отнюдь не в экономической сфере. Кубинская революция 1959 г., изменив политическую и военно-стратегическую ситуацию не только в районе Карибского моря, но и во всем западном полушарии, вызвала в конечном итоге и перераспределение потоков международной торговли.

В последние годы в Западной Европе раздается все больше голосов в пользу необходимости проведения ведущими странами региона значительно более согласованной и внятной внешней политики. Причина здесь не только, а может быть, и не столько в изменении расстановки сил на международной арене в результате окончания «холодной войны», сколько в ощутимом прогрессе в деле экономической интеграции, выводящей Европейский союз на качественно новый уровень развития. Возникший на этой основе

разрыв между экономической и политической ипостасями интеграции становится, по мнению практически всех ведущих экспертов, одним из основных барьеров на пути дальнейшего движения вперед и именно поэтому должен быть преодолен.

Можно ли в рамках рассматриваемой пары назвать ведомый и ведущий компоненты? Определенная часть обществоведов считает, что первична экономика и, следовательно, внешняя политика в *конечном счете стратегически, в долгосрочной перспективе* определяются потребностями и закономерностями развития мирохозяйственной деятельности. Другая, возможно меньшая, часть авторов склонна с этим не соглашаться. Дискуссия далека от своего завершения. В этих условиях каждый волен выбирать и поддерживать ту позицию, которая ему кажется более логичной и разумной.

В то же самое время, поскольку непосредственным объектом рассмотрения в настоящем учебнике являются международные отношения, то в данном контексте экономические процессы и явления с полным на то основанием могут рассматриваться в качестве некоего внешнего элемента. Вместе с тем - и с этим, видимо, спорить не будет никто - данный элемент оказывает на международную политику поистине огромное воздействие, сам одновременно находясь под ее влиянием.

Будем рассматривать сформулированный выше тезис в качестве отправной точки для дальнейшего анализа, в рамках которого постараемся охарактеризовать некоторые основополагающие тенденции развития системы мирохозяйственных связей, способные оказывать непосредственное и осязаемое влияние на характер и содержание международных отношений.

Как известно, фундаментом, лежащим в основании всего здания внешнеэкономической деятельности, является международное разделение труда. Оно представляет собой такой способ организации хозяйствования, при котором различные виды производства под влиянием целого ряда факторов (природно-географических условий, исторических традиций, социально-экономических особенностей и пр.) распределяются между различными странами и закрепляются за ними на более или менее длительный период времени. Специализируясь на выпуске определенных видов продукции, государства начинают все больше отличаться, в известном смысле слова обособливаться друг от

друга, с необходимостью обретают свои особые, только им присущие специфические черты. С этой точки зрения международное разделение труда выступает в качестве силы, отграничивающей одни народнохозяйственные системы от других, противопоставляющие их друг другу.

Вместе с тем одновременно с нарастанием указанных выше обособленности и противопоставления страны, включенные в систему международного разделения труда, все более испытывают потребность во взаимодействии. Возникающие между ними различия порождают взаимодополняемость, или, как еще говорят, комплиментарность, отдельных национальных экономик. Чем глубже специализация, тем в большей мере государства нуждаются друг в друге для обеспечения условий для нормального осуществления воспроизводственного процесса.

Таким образом, разделение оборачивается объединением. С полным правом можно утверждать, что само становление всемирного хозяйства как совокупности взаимодействующих друг с другом национальных народнохозяйственных комплексов выступает в качестве закономерного результата развития системы международного разделения труда. Действительно, до той поры, пока такая система не сложилась, говорить о всемирном хозяйстве как о чем-то реально существующем и функционирующем невозможно. В контексте нашей общей темы особенно важно подчеркнуть, что, как правило, хозяйственные узы сами по себе способны объединить страны, являющиеся партнерами по внешнеэкономической деятельности, крепче и надежнее любых других форм связей - политических, военных, идеологических.

Являясь по своей природе противоречивым, многоплановым и многомерным феноменом, международное разделение труда неоднозначно и с точки зрения тех последствий, к которым приводит его углубление и развитие. Здесь оказываются воедино сплетены, казалось бы, прямо противоположные тенденции.

С одной стороны, установление регулярных экономических отношений между государствами и формирование на этой основе всемирного хозяйства способствуют согласованию интересов его участников, сглаживанию и смягчению существующих между ними как объективных, так и субъективных противоречий. Связанные системой международной специализации и кооперирования национальные народнохозяйственные комплексы своим успешным функционированием фактически создают предпосылки для устой-

чивого роста экономики как каждого из своих партнеров в отдельности, так и во всей совокупности стран вместе взятых. Верно и обратное: любые сколько-нибудь существенные сбои и нарушения в экономическом развитии какого-либо государства вызывают более или менее ощутимые негативные последствия для других народно-хозяйственных единиц. В этих условиях события и процессы, традиционно рассматривавшиеся как локальные, неожиданно приобретают глобальное звучание.

С другой стороны, включение той или иной национальной экономики в систему международного разделения труда резко увеличивает ее зависимость от других участников всемирного хозяйства и, следовательно, уязвимость по отношению к любым проявлениям внешнего давления. Тем самым создаются благоприятные возможности для обострения противоречий и нарастания конфронтационности в отношениях между субъектами мирохозяйственной системы. Представим себе государство, импортирующее, например, около 50 % потребляемого продовольствия. При возникновении конфликтов между ним и основными странами-экспортерами последние легко могут использовать угрозу свертывания поставок продовольственной продукции (не говоря уже о реализации такого намерения) в качестве поистине неотразимого аргумента. В результате национальная экономическая безопасность, являющаяся одним их краеугольных камней обеспечения реального государственного суверенитета, фактически утрачивается.

В этой связи следует обратить внимание на тот факт, что ситуация, складывающаяся в современной России, дает немало поводов для разговоров если не об утрате, то, по крайней мере, о серьезном ослаблении национальной экономической безопасности. В 1997 г. доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного (за исключением текстильного) сырья в российском импорте составляла 25,1 %. В данном отношении Россия находилась на уровне, аналогичном занимаемому развивающимися странами Африки. Соответствующий показатель для государств с развитой экономикой, равно как и стран Латинской Америки и Азии, а также и для общемирового импорта был в два с лишним раза ниже. Более того, по имеющимся оценкам, страна в 1996-1997гг. импортировала около 80 % товаров широкого потребления и полностью зависела в этом отношении от поставок из-за рубежа. Кризис августа 1998 г., повлекший за собой фактически

четырёхкратное обесценение российского рубля, существенно повлиял на сравнительную конкурентоспособность отечественной и импортируемой продукции и вызвал определенное улучшение товарной структуры импорта РФ. Вместе с тем в принципиальном плане положение дел пока существенно не изменилось.

Ознакомившись с вышеизложенным, читатель вправе задать следующие вопросы. Как же все-таки соотносятся между собой интересы государств - субъектов всемирного хозяйства? Находятся они в противоречии или же гармонично согласуются? Являются страны, установившие, например, внешне-торговые отношения, взаимно обогащающими друг друга партнерами или же непримиримыми конкурентами? Многие исследователи на протяжении практически всей истории развития экономической теории задумывались над этими проблемами и давали разные, порою прямо противоположные ответы. Остановимся несколько подробнее на взглядах тех авторов, точка зрения которых, с одной стороны, характеризовалась определенной односторонностью, если не сказать экстремизмом, с другой — имела принципиальное значение для формирования основ теории международного экономического сотрудничества.

На протяжении XVI-первой половины XVIII вв. экономическая теория только еще начинала осознавать себя как самостоятельную область обществоведения. В те годы господствующее положение занимала так называемая *меркантилистская доктрина*. В обобщенном виде ее сторонники исходили, в частности, из того, что совокупный объем мирового общественного богатства, конечным воплощением которого им представлялись металлические деньги, является жестко фиксированной величиной. В обозримой перспективе ее рост в сколько-нибудь значительных размерах невозможен. В то же самое время по отношению к совокупному богатству каждой отдельной страны ситуация выглядит иначе. Здесь ни о какой жесткой фиксации говорить не приходится. Напротив, в первую очередь на основе осуществления внешнеторговых операций постоянно происходит межстрановое перераспределение «общего пирога», в результате которого одни государства становятся (как абсолютно, так и относительно) богаче, а другие - беднее.

Меркантилизм как направление политической экономии значительное внимание уделял политическому контексту и роли государства в защите экономических интересов страны. Несмотря

на то что различные направления классического меркантилизма не представляют собой единой теории, можно утверждать, что до А. Смита, особенно в XVI-XVII вв., существовал консенсус относительно главенствующей роли политики в политэкономии. Александр Гамильтон (1755-1804) и Фридрих Лист (1789-1846), будучи представителями классического меркантилизма, отстаивали основные его принципы в борьбе с набирающим силу либерализмом.

В докладе о мануфактурах, представленном в Конгрессе в 1791 г., а также в ряде других выступлений А. Гамильтон с позиции, скорее, действующего политика, нежели теоретика, защищал основные положения меркантилизма. Признавая важность сельскохозяйственного производства, он считал необходимым оказание государственной помощи промышленности, которая должна была, по его мысли, придать американской экономике необходимый динамизм. Такая диверсификация (наличие современного сельского хозяйства и развитой индустрии) существенно снижает зависимость государства от внешнего экономического воздействия. Национальная безопасность в наибольшей степени может быть гарантирована самодостаточной и развитой экономикой. Этот урок Гамильтон вынес из опыта последней войны, когда Соединенные Штаты были не в состоянии обеспечить себя всем необходимым. Поэтому, утверждал Гамильтон, государство обязано принимать активное участие в развитии промышленности. Внутренние обстоятельства, препятствующие индустриализации (нехватка средств и отсутствие опыта), могут быть преодолены только с участием государства. Кроме того, задачей государства является защита нарождающейся американской промышленности.

Какие выводы относительно природы международной торговли и оптимальных условий ее осуществления можно сделать на основе вышеизложенных предпосылок? Они сводятся к двум следующим моментам. Во-первых, исходные положения меркантилистской доктрины не оставляют иной возможности, кроме как изображать международную торговлю в виде так называемой игры с нулевой суммой. Под ней принято подразумевать любые виды деятельности, в ходе которой улучшение положения одного из участников равнозначно ухудшению положения другого или других, а суммарная величина подлежащего распределению «пирога» не меняется. В рамках

такого представления обогащение одного из торгующих государств происходит в результате и за счет снижения уровня благосостояния его партнеров. Следовательно, международная торговля в конечном счете представляет собой борьбу каждого против всех, а сфера мирохозяйственных связей - не более чем совокупность конфликтов и антагонистических противоречий.

Во-вторых, в соответствии с духом и буквой меркантилизма шансы той или иной страны на то, чтобы в результате осуществления на международном рынке операций купли-продажи улучшить свое благосостояние, тем выше, чем более активную и целенаправленную экономическую в целом и внешнеторговую в частности политику она проводит. Речь идет и о прямом запрете на ввоз и вывоз определенных видов продукции, и об использовании импортных пошлин, и об обеспечении нарождающихся мануфактур гарантированным рынком сбыта, сырьем, рабочей силой. Именно на этой основе происходит как формирование, так и усиление национальных конкурентных позиций, обеспечивающих успех в борьбе с зарубежными участниками международной торговли. Таким образом, *меркантилистская доктрина изначально выступает тем теоретическим фундаментом, на котором базируется политика протекционизма (от английского to protect - защищать).*

То, что представлялось не только правильным, но и истинным сторонникам меркантилистской доктрины, не являлось таковым для приверженцев сменившей ее школы. Более того, все основные положения меркантилизма были подвергнуты создателем «классической школы» А. Смитом и его последователями сокрушительной критике, ставшей своеобразной отправной точкой для формирования «классики».

В своей оценке закономерностей формирования внешнеэкономических связей и того влияния, которое их установление способно оказать на стран-участниц, и А. Смит, и развивавший его теоретические воззрения Д. Рикардо фактически исходили из того, что отдельные государства в рамках всемирного хозяйства наделены факторами производства в неравной мере. Они различаются по плотности населения, квалификации рабочей силы, климату, плодородию почвы, запасам природных ресурсов, машинам и оборудованию и т.д. Эти различия, как правило, носят достаточно устойчивый, долгосрочный характер, что связано с относительно низкой международной мобильностью факторов

производства. Поэтому издержки производства одних и тех же товаров будут отличаться от страны к стране.

Именно эти различия, по мнению «классиков», и образуют естественную основу для международной торговли. При этом сама природа последней в их интерпретации выглядит совершенно иначе, нежели у сторонников меркантилизма. Действительно, это уже не борьба каждого против всех. Наоборот, в результате установления торговых связей между государствами каждое из них оказывается в выигрыше, либо получая в свое распоряжение те товары, которые оно само в принципе не в состоянии производить, либо приобретая зарубежную продукцию по ценам значительно ниже тех, которые могут обеспечить отечественные производители. Иными словами, международная торговля превращается в деятельность, приносящую выгоду всем участникам. Никто из них не наживается за счет других, никто не проигрывает.

В этих условиях принципиально меняется подход и к внешнеэкономической политике государства, проведение которой могло бы в наибольшей степени способствовать увеличению общественного богатства. Меркантилистская доктрина, как уже отмечалось выше, со всей определенностью делает выбор в пользу так называемого протекционизма, предусматривающего активное вмешательство государства с целью защиты интересов отечественных производителей. Что же касается «классиков», то они ратуют за так называемое фритредерство (от английского free trade - свободная торговля), т.е. политику, предполагающую минимальную государственную интервенцию в хозяйственный процесс. Здесь логика рассмотрения внешнеэкономической сферы ничем не отличается от логики анализа изолированной национальной экономики. Система разделения труда объединяет хозяйствующих субъектов, каждый из которых стремится к достижению собственного блага и не думает об общественных интересах, в единый «меновый союз». Все его участники зависят друг от друга, поскольку ни один не в состоянии обеспечить себя всем необходимым для нормальной жизнедеятельности. В этих условиях каждый, действуя в своих корыстных интересах, вынужден производить товары или услуги, необходимые всем прочим. Чем лучше он служит обществу, тем больше возможностей получает для улучшения своего положения.

С этой точки зрения любые формы государственного вмешательства представляют собой не что иное, как

дополнительные преграды на пути хозяйствующих субъектов, руководствующихся целями максимизации собственного благосостояния, а потому и с необходимостью ориентирующихся на максимально эффективное служение общественному благу. Чем больше эти преграды, тем хуже и для тех, на чьем пути они непосредственно стоят, и для общества в целом.

Следует отметить, что представители меркантилизма продолжали отстаивать свою позицию и критиковали основоположников «классической» школы.

Так, например, Ф. Лист открыто дискутировал со Смитом и другими представителями либерализма. Его критика была направлена против главных положений либеральной теории. Либерализм как мировоззрение предполагает наличие политической стабильности и мира и даже более того единства стран. В этом, по мнению Листа, содержится главная ошибка - мир есть не что иное, как арена противоборства наций, а не сотрудничества. Политическая экономия должна исходить из конфликтной в своей основе природы международных отношений. Нация, государство являются основными элементами политэкономического анализа. *«Истинная политическая наука, - утверждал Лист, - исходит из того, что интересы промышленно развитых стран наилучшим образом реализуются в рамках режима свободной торговли. Нации же, которым еще предстоит пройти путь индустриализации, в плане развития лишь потеряют в условиях открытой конкуренции».* Поэтому, по мнению Листа, для стран, заинтересованных в экономическом развитии, необходим протекционизм. Ф. Лист полагал, что каждая нация может отыскать свои собственные национальные инструменты для экономического развития.

Итак, меркантилизм и политика протекционизма, с одной стороны, «классическая школа» и фритредерство - с другой, в определенном смысле слова образуют два противоположных полюса в подходе к проблеме взаимного соотношения интересов участников мирохозяйственной системы. Вместе с тем чем больше времени проходило с того момента, когда вышли в свет основные произведения «классиков» - «Исследование о природе и причинах богатства народов» и «Начала политической экономии и налогового обложения», тем яснее становилось, что и теоретически, и в практическом отношении указанную противоположность не следует возводить в абсолют.

Хотя исторический спор, казалось бы, в целом однозначно был решен в пользу «классики», едва ли имеются основания представлять меркантилистскую доктрину в виде сплошной череды заблуждений. Для своего времени и применительно к существовавшим тогда условиям меркантилисты были не столь уж не правы.

Они ставили во главу угла внешнюю торговлю, отводя ей ключевую роль в процессе увеличения богатства нации. С точки зрения многих современных исследователей в этом содержится большая доля истины. В частности, в своем, ставшем уже классическим труде «Динамика капитализма» Ф. Бродель прямо отмечает, что исторически возникновение «рыночного общества западного типа» (особенно в Западной Европе как таковой), в частности, базировалось на развитии внешней торговли. Вытекающее из этого доминирование в мировом хозяйстве, контроль за рынками сбыта и ресурсами, создание европейскими державами колоний - все это обеспечивало формирование необходимых ресурсов для накопления капитала, использовавшихся в последующем промышленном перевороте. Внешняя торговля становится предпосылкой развития промышленности. По оценке Броделя, в течение XVIII в. экспортно-ориентированные отрасли Англии выросли в 5,5 раза, ориентированные на внутренний рынок - лишь в 1,5 раза. Здесь важно отметить и то, что капитализм исторически возник не столько путем углубления рыночных отношений, сколько фактически через нарушение эквивалентности в обмене на мировом рынке.

Меркантилисты ратовали за поддержание активного сальдо торгового баланса страны в качестве основной цели экономической политики. О рациональности такого подхода можно спорить, но в любом случае едва ли целесообразно игнорировать при этом мнение одного из наиболее известных (если не самого известного!) экономистов XX в. - Дж.М. Кейнса. Характеризуя то, что он называет «элементами научной истины в учении меркантилистов», создатель основ современной макроэкономической теории пишет; «...забота государственной власти о поддержании активного торгового баланса служила сразу двум целям и была к тому же единственным доступным средством их достижения. В те времена, когда государственная власть не оказывала прямого воздействия на норму процента внутри страны и на другие побуждения к

внутренним инвестициям, меры, принимавшиеся в целях увеличения активного сальдо торгового баланса, были единственным *прямым* средством в распоряжении государства для увеличения заграничных инвестиций. В то же время влияние активного торгового баланса на приток драгоценных металлов было единственным *косвенным* средством понижения внутренней нормы процента и, следовательно, усиления побуждения к внутренним инвестициям... если говорить о вкладе в искусство государственного управления экономической системой в целом и обеспечения оптимальной занятости всех ресурсов этой системы, то ранние представители экономической мысли XVI и XVII вв. в некоторых вопросах достигали практической мудрости, которая в оторванных от жизни абстракциях Рикардо была сначала забыта, а потом и вовсе вычеркнута».

Более того, хотя сторонники меркантилизма выступали за проведение активной государственной политики, но в определенном смысле их доктрина может быть охарактеризована как ориентированная на либерализацию хозяйственной жизни. Действительно, она фактически предполагала снятие барьеров на пути движения как товаров, так и факторов производства внутри национального рынка, ослабление пут феодальной жесткости и чрезмерной регламентированности.

Надо отметить, что сами «классики», хотя и в не столь явной форме, допускали, что установление и развитие внешнеторговых отношений между странами может при определенных обстоятельствах оказаться убыточным для одного из партнеров. Здесь наиболее очевидным примером является определение Рикардо жестких пределов, в рамках которых должны устанавливаться ценовые пропорции, обеспечивающие взаимную выгоду внешнеторговых связей.

Нелишне отметить и тот факт, что, по мнению ряда исследователей, «классики» унаследовали некоторые пороки своих предшественников и оппонентов. Показательна в этом отношении точка зрения Дж.С. Милля. Он, в частности, писал: «Даже сам Адам Смит, его (меркантилизма) ниспровергатель, сохранил отдельные взгляды, которые нельзя отнести ни к какому другому источнику. Представления Адама Смита о выгоде международной торговли сводятся к тому, что внешняя торговля открывает сбыт для избыточного продукта страны и дает возможность прибыльного воспроизводства части национального капитала. Эти выражения

внушают мысли, не совместимые с четким пониманием явления. Термин «избыток продукта» как будто подразумевает, что страна в некотором роде испытывает необходимость произвести вывозимое ею зерно или сукно. В самом деле, если не потребуются и не будет потреблена где-нибудь в другом месте та часть продукта, которую сама страна не потребляет, то эта часть либо станет производиться в прямой убыток, либо, если ее не произведут, соответствующий ей капитал останется незанятым... Однако... страна производит товар для экспорта сверх своих потребностей... в силу того, что это - самый дешевый способ обеспечить страну другими товарами. Если бы страна не экспортировала этот излишек... она не импортировала бы ничего. Но труд и капитал, прежде занятые в производстве товаров на экспорт, нашли бы себе применение в изготовлении тех предметов, которые ранее привозились из-за границы... или выпускались бы их заменители... Торговля, в действительности, является средством удешевления производства; и во всех случаях она приносит в конечном счете выгоду потребителю».

Таким образом, несмотря на продолжающиеся и поныне попытки известной абсолютизации как одного, так и другого подходов к оценке мирохозяйственных связей и соответственно к их регулированию, по крайней мере, на сегодняшний день разумно говорить о целесообразности поиска некоей золотой середины. Это действительно так, ибо в реальной жизни внешнеэкономическая деятельность - это одновременно и взаимовыгодное сотрудничество, и жесткая конкурентная борьба. Применительно к любой из форм международных экономических отношений мы без труда обнаружим противоречивое воздействие, которое международная торговля, или зарубежное инвестирование, или трансграничная миграция рабочей силы оказывают на различные группы хозяйствующих субъектов в странах - членах всемирного хозяйства.

Какой же вывод на этом основании можно и должно сделать для сферы международных отношений? Многомерная и неоднозначная экономическая реальность, в свою очередь, оказывает противоречивое воздействие на область внешней политики.

С одной стороны, развитие внешнеэкономических связей способствует облегчению контактов и смягчению международных конфликтов. Так было и так есть — где царствует Меркурий, нет

места Марсу. Уже упоминавшийся Дж.С. Милль писал в этой связи: «Торговля первая научила народы смотреть со взаимным доброжелательством на богатство и процветание любого из них. Раньше каждый патриот, недостаточно развитый для того, чтобы считать себя гражданином мира, желал, чтобы все страны, кроме его собственной, были слабыми, бедными и плохо управлялись. Теперь он видит в их богатстве и прогрессе прямой источник богатства и прогресса своей страны. Внешняя торговля превращает войну в архаизм, усиливая и укрепляя личные интересы, по природе своей противоположные войне. И без преувеличения можно сказать, что именно быстрое расширение международной торговли и ее большие масштабы, будучи главной гарантией всеобщего мира, создают прочную основу для непрерывного прогресса идей, институтов и человеческой расы в целом».

Вместе с тем вырастающая из развития системы мирохозяйственных связей взаимозависимость государств, при определенных условиях, ведет, как уже отмечалось выше, к их избыточной уязвимости по отношению к внешнему воздействию. А это, со своей стороны, может провоцировать обострение международной напряженности. Примеров здесь достаточно - это и Наполеон с его идеей континентальной блокады Англии, и экономические санкции современности. Кейнс имел весомые основания для того, чтобы написать следующие строки: «Войны имеют разные причины. Диктаторы и прочие, кому войны сулят, как они по крайней мере надеются, приятное волнение, могут без труда играть на естественной воинственности народов. Но самое большое значение имеют, помогая им раздувать пламя народного гнева, экономические причины войны, а именно - чрезмерный рост населения и конкурентная борьба за рынки. Именно второй фактор... вероятно, играл основную роль в XIX в. и может сыграть ее опять».

Общая мораль - едва ли целесообразно все пускать на самотек, разумно пытаться найти такие параметры и условия осуществления внешнеэкономической деятельности, такие формы международных отношений, которые, с одной стороны, позволят минимизировать потери, снизить риски конфронтации, с другой — обеспечат максимальные выгоды и согласование интересов субъектов всемирного хозяйства.

§ 11.2. ЛИБЕРАЛИЗМ И БЕЗОПАСНОСТЬ

В этом разделе мы рассмотрим эволюцию либерализма, его отношение к проблеме безопасности, войны и мира, а также выделим некоторые сходные черты этого направления с реализмом.

Классический либерализм возник как идеология оппозиции монархизму и меркантилизму. Затем он стал набирать силу и влияние, будучи идеологией держав-гегемонов (Британии и Соединенных Штатов). Либерализм выступал главным идеологическим оппонентом тоталитаризма (фашизма и коммунизма) и в конце концов превратился в господствующую идеологию индустриального общества.

Вопреки общему употреблению слова «либерализм», его значение не является настолько же однозначным. Мы воспринимаем либерализм как некий набор понятий и идей, которые в большинстве случаев дополняют друг друга, но подчас находятся в противоречии. Многие элементы этого набора появились очень давно, но только в XVIII-XIX вв. были объединены в политическую программу.

Главной идеей либерализма является индивидуализм. Индивидуализм ведет к частной собственности, рынку, господству права (внутри государств, а затем и на международной арене). Кроме того, индивидуализм является основой рационального поведения, светской жизни, толерантности, веры в прогресс и, наконец, убежденности в том, что эти идеи универсально хороши и применимы для всего человечества. Поэтому либерализм противостоит автократии, являющейся изначальным оппонентом либерализма, и коллективистским, тоталитарным моделям общества. В целом либерализм негативно относится к политике баланса сил, войне и милитаризму, предпочитая более рациональные, легальные и институциональные подходы к международным отношениям.

История развития либерализма как самостоятельной теории человеческих (в том числе и международных) отношений, начиная с Гоббса, может рассматриваться как проект по освобождению этих отношений от насилия. По мнению сторонников либерализма, экономические проблемы необходимо решать экономическими методами, идейные споры должны происходить без применения силы, а государство должно вмешиваться только тогда, когда

существует какая-либо реальная угроза - внешняя агрессия либо восстание внутри страны. Насилие, таким образом, устраняется из нормальных отношений между гражданами.

Обычно выделяют четыре этапа в развитии либерализма: 1) начиная с *Левиафана* Гоббса, далее 2) защиты свободы от государства посредством права (Локк, Монтескье, Милл, Кант, Бентам) в XVII-XIX вв.; 3) теории свободной торговли А. Смита и, наконец, 4) попыток распространить либерализм на сферу международных отношений в XIX-XX вв.

Хотя с точки зрения теории международных отношений упоминание о Гоббсе в либеральном контексте может показаться спорным, ранняя история либерализма наилучшим образом может быть понята как развитие и ревизия идей Гоббса. Изначальная посылка Гоббса состояла в индивидуализме, в том, что каждый имеет право на самооборону, что полной безопасности индивиду никто не гарантирует. Поэтому рациональным казалось доверить суверену как оценку ситуаций с точки зрения безопасности, так и ее обеспечение.

Передача проблем «общего мира и безопасности» *Левиафану* не означает отказа от свободы как таковой. Напротив, индивиды остаются свободными принимать решения по всем остальным вопросам, хотя, конечно, их действия ограничиваются правилами, устанавливаемыми сувереном. Важно, однако, отметить, что, сосредоточив решение вопросов безопасности в своих руках, *Левиафан* не только защищает своих подданных, но и лишает их возможности использовать силу друг против друга. Это обстоятельство заслуживает особого внимания, поскольку противоречия религиозного и политического характера в то время являлись серьезной угрозой для всего общества.

Итак, *первые либеральные мыслители*, начиная с Локка до Лейбница и с Монтескье до Кондорсе, *в качестве отправной точки своих рассуждений брали безопасность индивида*, доверяя ее обеспечение суверену. *Безопасность индивида в либеральной традиции Просвещения является, таким образом, как коллективным, так и индивидуальным благом. Она есть для него и условие, и цель. Но эта цель может быть достигнута только коллективно.*

В работе Локка «*Two Treatises of Government*» (1689) либерализм представлен как целостное учение. С этого времени у сторонников либерализма изменилось отношение к Гоббсу.

Соглашаясь с концепцией общественного договора для обеспечения безопасности и, следовательно, свободы, они считали необходимым *ограничивать* государство. Государство было необходимо для защиты от внешних угроз и для предотвращения внутренних конфликтов, но слишком часто оно само несло угрозу личной свободе и даже жизни индивида. Эта дилемма определяла развитие либерализма на протяжении XVIII-XIX вв.

Локк, Монтескье, Кант, Бентам и Милль обосновывали необходимость ограничения государства посредством права, установления конституционного правления, осуществления принципа разделения властей.

С середины XIX в. стала формироваться более точная концепция относительно условий, при которых государство может нарушить нормальную жизнь своих граждан, отойдя от существующего порядка управления и законов. Отказ от использования в качестве предлога «необходимости», которая могла интерпретироваться очень широко, к точному определению экстраординарных условий (*emergency conditions*) способствовал встраиванию в концепцию либерализма понятия безопасность. Лишь в случаях реальной внешней угрозы государство может выйти за пределы права.

Третий этап ограничения государства был инициирован идеологами свободного рынка в 1820-1830-е гг. А. Смит и другие представители шотландского Просвещения пришли к выводу о том, что невмешательство государства в экономическую жизнь приносит положительный результат. Хотя в настоящее время это рассматривается как исключительно экономическая концепция, в свое время речь шла в целом о пересмотре роли государства, его переориентации на использование экономических рычагов управления и сохранении простора для раскрытия потенциала частного предпринимательства и индивидуализма в целом. Сама природа экономического процесса не дает государству возможности обладать полнотой информации и потому управлять этим процессом. Лучшие результаты могут быть достигнуты в случае, когда право принимать решение делегируется самим предпринимателям, преследующим свои собственные цели. Идея разделения экономической и политической сфер является центральной. Именно это разделение создает предпосылки для существования саморегулирующейся экономики. Однако оно должно реализовываться через деятельность государства. На этом

этапе либерализм рассматривает государство как механизм, посредством которого обеспечиваются свобода личности и хорошее управление. Безопасность и свобода становятся тесно связанными друг с другом. Отметим, что в то время представители либерализма ни в коем случае не рассматривались как антигосударственники. Они стремились лишь к тому, чтобы сдерживать естественную для государства тенденцию - вмешиваться во все сферы жизни общества.

Развитие классического либерализма применительно к внутривнутриполитическому контексту сопровождалось также во все большей степени *растущим вниманием к международным отношениям и проблеме войны*. Это происходило в силу двух основных причин. *Первая* состояла в мессианском стремлении либерализма расширить сферу своего действия за пределы государства, стать универсальной концепцией. *Вторая* причина коренилась в желании обеспечить выживание либерализма как практики на уровне отдельного государства в связи с тем, что война и милитаризм являлись наиболее удобными предложениями для наступления на свободу, использования ресурсов в интересах государства (а не личности и общества) и т.п.

Как уже отмечалось, фритрейдеры XIX в. пытались распространить логику либерализма на международные отношения. Тогда (как, впрочем, и сейчас) они стремились к тому, чтобы избегать насилия в межгосударственных отношениях, настаивали на демилитаризации. Международные отношения, по их мнению, должны строиться не с целью создания некоего глобального *Левиафана*, а следуя логике экономической взаимозависимости между ними и демократизации внутри них.

Основная идея либерализма относительно открытости экономики, политики и общества означает, что государства и общества соглашаются *максимально сузить спектр проблем, которые они относят к сфере безопасности*. Этим, как уже отмечалось, либерализм отличается от закрытых меркантилистских и тоталитарных государств, которые относят к собственной безопасности все, начиная от поп-музыки и производства обуви и кончая строительством подлодок и космических аппаратов.

Идеалистическая цель либерализма состоит в том, чтобы на первом этапе ограничить понятие «безопасность» рамками лишь военного сектора, а затем поставить под сомнение легитимность применения силы и снять в конце концов с повестки дня сами

проблемы безопасности, сопрягаемые с правом при определенных обстоятельствах использовать силу. Главной альтернативой этому называлась свобода торговли, однако сторонники либерализма подчеркивали, что в международных отношениях существуют также и другие инструменты: общественное мнение, здравый смысл, взаимозависимость, разоружение, информация, демократия, международные организации.

Применительно к сфере международных отношений антигосударственная ориентация либерализма более очевидна, нежели применительно к отношениям внутри государства. Действительно, по мнению либерализма, в международных отношениях государства являют собой проблему. Отношения между государствами были бы лучше, если бы на них меньшее влияние оказывали лидеры государств, дипломаты и генералы. В международных отношениях либерализм выступает за то, чтобы в наименьшей степени осуществлялось взаимодействие Государств и в наибольшей - наций и обществ (Cobden).

Мы уже упоминали о том, что первый большой эксперимент по созданию международных институтов для решения проблем безопасности был предпринят только лишь после окончания первой мировой войны, которая сама по себе несла угрозу всей либеральной цивилизации. Деятельность Лиги Наций, попытки создания системы коллективной безопасности, а также расчеты либералов на силу общественного мнения поставили под сомнение эффективность либеральных инструментов поддержания мира и обеспечения международной безопасности. Результатом этого явилось почти полувековое доминирование в теории международных отношений реализма.

Однако это не означает, что либерализм как теоретическое направление в международных отношениях перестало существовать. Как уже отмечалось, либерализм стал доминирующей идеологией индустриального (и постиндустриального) общества. Более того, «либеральный проект» не только выжил, но материализовался в сообщество безопасности, основанный на промышленно развитых странах Запада и Японии.

Существуют *разные традиции либерализма*, по-разному трактующие взаимосвязь *политического режима и внешней политики*. Либеральный империализм Макиавелли, либеральный интернационализм Канта и либеральный пацифизм Шумпетера

основаны на совершенно различных взглядах на природу человека, государства и международных отношений.

Либеральный империализм Макиавелли состоит в обосновании тезиса о том, что республики не только не являются миролюбивыми, но, напротив, представляют собой лучшую форму государственного устройства для империалистической экспансии. Республика Макиавелли представляет собой не демократию, которая, по его мнению, быстро трансформируется в тиранию, а сообщество равных в социальном отношении свободных граждан, участвующих в политической жизни. Сущностью внутривнутриполитической жизни является, с одной стороны, стремление к доминированию правящей элиты, а с другой стороны, опасение масс попасть в зависимость. Это внутреннее противоречие находит свое разрешение в экспансии, удовлетворяющей интересы всех и высвобождающей энергию масс. Желаящие властвовать - властвуют, желаящие остаться свободными - сохраняют свой статус. Кроме того, все получают удовлетворение от радости победы.

Макиавелли доказывал, что свободный Рим в большей степени готов к успешной экспансии, чем аристократические республики типа Спарты и Венеции. По мнению ряда авторов, многочисленные интервенции США в послевоенное время подтверждают выводы Макиавелли.

Для понимания сути второй традиции либерализма необходимо напомнить, что современный либерализм в своей основе имеет две идеи:

- 1) демократии друг с другом не воюют (первое эмпирическое исследование было предпринято еще в 1938 г.);
- 2) допустимость войн в отношении недемократических государств.

Ни реализм, ни марксизм не могут объяснить феномен того, что более чем 150 лет демократические государства не воюют друг с другом.

Кантианская теория либерального интернационализма дает ответ на этот вопрос. Граждане у Канта преследуют различные цели, они индивидуалисты и ведут себя рационально. Однако, и это особенно важно, они способны согласиться с моральным равенством всех индивидов и видят в других не средство, а цель. Поэтому государство у Канта представляет собой институт, который осуществляет свои функции в соответствии с правом. В отличие от республики Макиавелли, кантианские республики в

состоянии поддерживать мир между собой, поскольку они способны проявлять осмотрительность и уважать международные права других республик. Этими правами обладают представители другой страны, которые равны в моральном отношении. *Кантианские республики готовы к ведению войны с теми государствами, в которых отсутствует представительная власть, и, более того, видят свою миссию в защите и «экспорте» демократии, частной собственности и любой деятельности, направленной на освобождение тех, кто находится в состоянии несвободы.* Таким образом, либеральный интернационализм Канта может рассматриваться в качестве одной из основ концепций «гуманитарных интервенций». Конечной же целью (и одновременно условием «вечного мира») является глобальное торжество демократии.

Третья модель, разработанная Шумпетером, рассматривает людей как рационально мыслящих индивидов, приверженных принципам демократии. Кроме того, они, по его мнению, едины в том, что стремятся к материальной выгоде. Поскольку их материальные интересы неразрывно связаны с возможностью торговли в условиях мира, они и их государства миролюбивы. В войне заинтересованы только военная аристократия и те, кто может получить материальную выгоду. Демократия не будет защищать интересы меньшинства и платить высокую цену за империалистическую политику, которая является результатом деятельности «военной машины», милитаристских инстинктов и желанием экспортировать монополизм.

Критика взглядов Шумпетера, изложенных в его книгах «*Sociology of Imperialism*» и «*Capitalism, Socialism and Democracy*», ведется по трем направлениям:

1) «материалистический монизм» Шумпетера не оставляет места для неэкономической мотивации внешней политики, исходящей будь то от государства или отдельных лиц. Таким понятиям, как *слава, престиж, идеология*, или просто желаниям власть имущих не находится места в теоретических построениях Шумпетера. Не учитываются также и сравнительные выигрыши в торговле, которых можно достичь в результате войн;

2) политическая жизнь индивидов представлена как нечто одинаковое, гомогенное. Все граждане - предприниматели и рабочие, сельские жители и горожане - стремятся к материальному

благополучию. Шумпетер полагал, что нахождение у власти не меняет людей;

3) наконец, подобно тому, как сфера внутренней политики представляется гомогенной, такой же является и сфера мировой политики. Стремящиеся к материальной выгоде демократические государства все вместе эволюционируют в сторону свободной торговли. Государства с различным общественным строем как будто не существуют для Шумпетера.

И все же, отмечая возможность использования насилия в отношении других стран, либерализм считает нормой мир, сотрудничество. Конфликт есть временное состояние нарушения мира, в условиях которого обмен позволяет государствам становиться богаче.

Источник конфликта, по их мнению, кроется в непонимание друг друга и неправильной оценке ситуации сторонами или одной из сторон. Стремление к достижению односторонних преимуществ в результате конфликта является результатом близорукости политиков, неверных расчетов, заблуждений или же недостаточной информированности.

В заключение следует отметить, что реализм и либерализм имеют нечто общее.

Реализм и либерализм в отличие от идеализма являются позитивистскими теориями, которые объясняют мир. Идеализм, как известно, является нормативной теорией, конструирующей альтернативный реальному мир.

Подобно реализму, либерализм многолик, он имеет несколько направлений.

Либерализм признает, что в мире нет какого-либо центрального регулирующего органа, способного установить порядок. Однако либерализм говорит не об «анархии», а о «неурегулированности» международных отношений, сохраняя надежду, что это в принципе возможно. Либерализм в словосочетании «анархичное общество» делает акцент на слове «общество».

Обе школы исходят также из того, что нет универсального права, признаваемого всеми и защищаемого на наднациональном уровне.

Естественно, что реализм и либерализм видят в *государствах основных субъектов международных отношений*. Однако либерализм считает также важными субъектами на международной

арене частных лиц, фирмы, международные организации. Особое внимание он уделяет их взаимодействию и результатам этого взаимодействия.

Наконец, реализм и либерализм говорят о *рациональном*, поведении участников международных отношений. Реализм, правда, говорит о том, что государство рационально отвечает на вызовы и угрозы, которые исходят из враждебной международной среды. Либерализм, в свою очередь, концентрирует свое внимание на стремлении удовлетворения своих собственных интересов.

Помимо общих концепций, заимствованных у экономистов, реалисты используют также и их методы исследования. *Теория игр* - модель экономического поведения - быстро стала использоваться для моделирования международных отношений и особенно военно-стратегических проблем (другие примеры -так называемая *дилемма узника*).

Однако имея много общего в оценке мира, в котором действуют заинтересованные в удовлетворении собственного интереса субъекты, представители реализма и либерализма приходят, как уже отмечалось, к противоположным выводам.

§ 11.3. ТЕОРИЯ «ГЕГЕМОНИСТСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ»

Эта теория представляет собой одну из попыток расширить теорию реализма посредством включения в нее международных норм права и институтов.

Теория «гегемонистской стабильности» утверждает, что *«гегемонистские структуры власти, в которых доминирует одно государство, в наибольшей степени способствуют развитию международных режимов, основывающихся на довольно точных и хорошо соблюдаемых нормах»* (Р. Кеохейн).

Следовательно, в рамках этих режимов обеспечивается мир и стабильность.

Почему государство-гегемон заинтересовано в поддержании правил и норм, которые являются «общим благом»? В соответствии с теорией «гегемонистской стабильности» гегемон имеет интересы, совпадающие с «общим благом» для всех других государств. Гегемон, будучи крупнейшим участником международной торговли, кровно заинтересован в укреплении принципов свободы

торговли. Обладая наивысшей производительностью труда и уровнем технологии, он не опасается конкуренции со стороны других стран. Напротив, он боится того, что его товары не будут допущены на рынки других стран. Гегемон выступает за свободу торговли и использует всю свою мощь, чтобы ее обеспечить. Таким образом, гегемон создает возможность и мотив для поддержания режима, который гарантирует политическую стабильность с целью ведения свободной международной торговли.

Проблема взаимосвязи гегемонии и стабильности стала предметом исследований И. Валлерстейна.

Рассматривая историю капитализма с XVI в. до настоящего времени, И. Валлерстайн исходил из того, что капитализм представляет собой, во-первых, *систему*, относительно автономную от внешнего воздействия, во-вторых, *историческую систему*, которая появилась несколько веков тому назад, достигла высокого уровня развития и когда-то прекратит свое существование.

Любая система имеет внутреннюю структуру, которая обеспечивает ее самосохранение, но историчность системы предопределяет накопление факторов, стимулирующих изменение этой системы при определенных условиях. Система переживает бифуркационную турбулентность, или, иными словами, переход количественных изменений в качественные.

Одним из ключевых понятий, которые использует И. Валлерстейн, является «гегемония». *Гегемония - это система межгосударственных отношений, в которой противоборство так называемых великих держав оказывается настолько несбалансированным, что появляется одно государство, становящееся первым среди равных (primus inter pares)*. При этом доминирующая держава имеет возможность диктовать правила поведения и свою волю в экономической, военной, дипломатической и даже культурной сферах. Материальной основой такой гегемонии является эффективность ее предприятий в трех ключевых сферах экономики - в агропромышленном производстве, торговле и финансах. Экономическая эффективность предприятий государства-гегемона была настолько высока, что она позволяла добиваться успеха даже на внутренних рынках других держав. Гегемония наступает в случаях, когда даже союзники доминирующей державы на деле есть не более чем ее клиенты, а противоборствующие державы деморализованы и придерживаются

сугубо оборонительной линии поведения относительно гегемона. Вместе с тем гегемония представляет собой *процесс*, изменяющий континиум противоборства великих держав. Она возникает при определенных обстоятельствах и имеет особое значение для развития мирового капиталистического хозяйства.

По мнению Валлерстейна, в истории капитализма было всего три периода гегемонии - в середине XVII в. (1620-1672 гг., объединенные провинции), в середине XVIII в. (1815-1873, Великобритания) и в середине XX в. (1945-1967 гг., США).

Общим для них было:

1) наличие преимуществ одновременно в трех сферах экономической жизни, о которых говорилось выше;

2) политика глобального «либерализма», нашедшая свое воплощение в защите свободного перемещения факторов производства (товаров, капитала, рабочей силы) в мировой экономике и противодействие любым попыткам ограничить свободу торговли. В политической сфере экономический либерализм явился основой парламентских институтов, господства права и гражданских свобод. Высокий уровень жизни трудящихся в стране-гегемоне также являлся одной из характерных черт. Все это не означает того, что названные качества носили некий абсолютный характер. В случае, если стране-гегемону было выгодно, предпринимались отнюдь нелиберальные меры; они вмешивались во внутренние дела других стран; для гарантии национального «консенсуса» они прибегали к мерам репрессивного характера и т.д. Однако либерализм как идеология и политика достигали наибольшего расцвета именно в периоды гегемонии;

3) характер военного доминирования определялся тем, что страны-гегемоны были морскими (сейчас морскими и воздушными) державами. Они не стремились чрезмерно развивать свои сухопутные войска и быть втянутыми в наземные кампании, дабы максимально экономить средства и не распылать людские ресурсы. Потребность в больших сухопутных силах возникла лишь с появлением мощных противников, располагавших сильной армией.

В каждом из трех случаев установлению гегемонии предшествовала продолжительная война, которая приводила к изменению всей системы международных отношений:

- тридцатилетняя война 1618-1648 гг. и победа Нидерландов в борьбе с Габсбургами привели к созданию Вестфальской системы;

- наполеоновские войны 1792-1815 гг. закончились поражением Франции в ее борьбе с Великобританией за гегемонию, в интересах которой возник «концерт держав»;

- первая и вторая мировые войны обеспечили доминирование США, нашедшее свое отражение отчасти в Уставе ООН и деятельности международных экономических институтов, созданных в Брет-тон-Вудсе.

Каждый из названных периодов гегемонии сопровождался появлением двух претендентов на роль лидера (в первом случае - Англии и Франции, во втором - США и Германии, в третьем - Японии и Западной Европы), причем новый гегемон намеренно избирал своего предшественника в качестве своего «младшего» партнера.

Классическими примерами этой теории являются *pax britannica*, существовавшая в середине XIX в., *pax americana*, возникшая после окончания второй мировой войны.

В середине XIX в. превосходство Великобритании на международной арене основывалось не только на эффективности ее экономики, но и на ее господстве на море, которое не подвергалось довольно долгое время претензиям со стороны континентальных держав, в том числе и в связи с тонкой игрой британской дипломатии, сохранившей за собой роль дирижера в весьма подвижной структуре международных отношений в Европе.

Нормы либеральной экономики (свободная торговля, золотой стандарт, свободное перемещение капитала и рабочей силы) получили широкое распространение по мере роста престижа Британии. Эти нормы в качестве универсальной идеологии являли собой основу для гармонии интересов. Хотя в то время и не существовало формальных политических международных институтов, идеологическое отделение экономики от политики означало, что Сити мог выступать в качестве регулятора и администратора, опираясь на эти универсальные нормы.

Однако, начиная с последней четверти XIX в., ситуация в мире значительным образом изменилась. Упадок экономической и военной мощи Британии, потеря ею безоговорочного лидерства на море сопровождалась ростом мощи Германии и Соединенных Штатов. Экономический либерализм также фактически сошел на нет в связи с ростом протекционизма, попытками ряда стран участвовать в переделе мира и, наконец, отказом от золотого стандарта. Попытки создания универсального международного ин-

ститута для поддержания мира и стабильности (Лиги Наций) также потерпели крах.

Структура власти в новой системе гегемонии *Pax americana* была более жесткой, чем в предыдущей. В ее основе были альянсы государств, во главе которых находились США, созданные с целью сдерживания Советского Союза. Эта система гегемонии создала предпосылки для развития мировой экономики, в которой Соединенным Штатам принадлежала примерно такая же роль, что и Британии в середине прошлого века. США редко прибегали к прямому вмешательству для защиты своих экономических интересов. Поддерживая нормы международного экономического порядка, установленные в Бреттон-Вудсе, США обеспечивали своим корпорациям получение прибыли, достаточной для поддержания мощи государства.

Pax americana создала большое количество международных организаций. Опыт Великой депрессии и рост кейнсианства привели к тому, что разделение политики и экономики XIX в. окончательно сошло на нет. Поскольку государство получило возможность играть значительную роль в регулировании национальной экономики, возникла потребность в административном управлении и мировой экономикой, а также придании ей качества межгосударственных отношений.

Упадок США в 1970-е гг., нашедший свое выражение в поражении в войне во Вьетнаме, росте влияния ОПЕК, экономической стагнации, не привел к разрушению системы международной валютной и торговой системы, сложившейся после второй мировой войны. Международные экономические режимы смогли адаптироваться к новым условиям.

Режимы не всегда исчезают вместе с упадком силы государства-гегемона. Его наличие может быть необходимым условием для появления международных режимов, но оно не обязательно для их поддержания. Как и все социальные феномены, режимы инерционны. Кроме того, государства со временем могут сами осознать выгоды того или иного режима и использовать его в своих интересах.

Американская гегемония закончилась, хотя США сохраняют за собой лидерство в торговле и в финансовой сфере. Военная и политическая мощь Америки сократилась, а следовательно, и возможность диктовать свою волю союзникам-противникам (Японии и Западной Европе). Однако это только начало заката

американской гегемонии, не означающего ни в коей мере сворачивания процесса глобализации и универсализации норм либеральной экономики.

Понятие «гегемония» как своего рода мостик между мощью государства, идеями и институтами позволяет решать некоторые проблемы международных отношений, в частности объяснить *стабильность* и, следовательно, мир.

Однако сохраняется необходимость ответить на очень важный вопрос: каков механизм поддержания «гегемонистской стабильности» (читай: мира) в рамках данной конкретной структуры? Одним из возможных способов поддержания системы является *интернационализация государства-гегемона*, т.е. создание международных организаций и институтов, в которых бы обеспечивалось лидерство этого государства и снимались бы (хотя бы отчасти) социальные проблемы внутри государств системы. МВФ, Мировой банк мобилизуют финансовые ресурсы и оказывают обусловленную поддержку тем государствам, которые «играют по правилам» и переживают временные трудности. Наличие международных экономических организаций, нацеленных на поддержание существующего экономического порядка, дополняется вполне эффективным инструментарием для гармонизации национальной политики отдельных государств. Этот процесс начинался достаточно сложно в период реконструкции экономики Западной Европы по плану Маршалла (европейцы отнюдь не были единодушны относительно условий предоставления американской помощи), однако затем принял регулярный характер (обсуждение оборонных программ в рамках НАТО, планов экономического развития в ОЕСД и «большой семерке» и др.)

§ 11.4. ТЕОРИЯ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ

Современная глобализация в своей основе имеет распространение норм и институтов капиталистического хозяйства. В связи с этим особый интерес представляют поиски закономерностей мира в условиях этого хозяйства с точки зрения политической экономии. Что может обеспечить стабильность (и мир) при капитализме? При каких условиях эта стабильность возникает? Как экономически она поддерживается?

Ответ на эти вопросы можно найти в работах представителей неомарксизма и других школ, испытавших на себе значительное влияние марксизма. В развернутом виде они представлены в работах И. Валлерстейна.

Теория мировой системы, будучи в своей основе марксистской, претендует на глобальный уровень обобщения. Согласно ей стабильность капиталистической системы определяется не только поведением государства-гегемона (не для всей эпохи капиталистического хозяйства, как мы видели, характерно наличие гегемона), но и самой ее структурой, состоящей из трех основных элементов - ядра (наиболее развитые страны), полупериферии (менее развитые страны) и периферии (наименее развитые страны) и сложившейся уже в середине XVIII в.

Основная классовая борьба, по мнению Валлерстейна, разворачивается между ядром и периферией. Ядро использует свою мощь, чтобы извлекать прибыль из периферии, как это делалось в течение последних пяти веков. Конфликты между великими державами, включая две мировые войны и холодную войну, были не чем иным, как соперничеством государств ядра из-за права эксплуатировать периферию.

Ядро и периферия не всегда имеют четкую границу между собой. В периферии есть тоже свое ядро и периферия (Рио-де-Жанейро и леса Амазонки), как, впрочем, и в государствах, входящих в ядро (Нью-Йорк и дельта Миссисипи).

Однако кроме ядра и периферии в мировую систему капитализма входит *полупериферия - группа государств, которая занимается промышленным производством и обладает известным уровнем концентрации капитала, но существенно уступает по этим показателям государствам ядра. Именно государствам полупериферии принадлежит особая роль в поддержании стабильности*, т.к. они выступают в роли буфера между наиболее и наименее развитыми странами и не дают последним создать единую коалицию против первых, т.е. ядра системы. Это оказывается возможным потому, что государства полупериферии сами выступают в двух качествах - эксплуатируемых и эксплуататоров:

«Полу периферия необходима для того, чтобы мировая капиталистическая система работала без сбоев... Мировая экономика предполагает непропорциональное распределение

прибыли. Поэтому, естественно, возникает вопрос о том, как такая система политически может существовать. Почему большинство эксплуатируемых просто не объединится против меньшинства, присваивающего большую часть прибыли?»

Валлерстейн указал на три основных элемента обеспечения относительной политической стабильности всей капиталистической системы. Во-первых, это концентрация военного потенциала в руках доминирующих государств (ядра); во-вторых, приверженность их лидеров рыночной идеологии и либеральным ценностям; в-третьих, участие менее развитых стран в эксплуатации наименее развитых, что делает невозможным возникновение мировой системы с четкими полюсами.

Со временем принадлежность к ядру, периферии и полупериферии может меняться, но в целом на глобальном уровне система классовых отношений сохраняется. Регионы, которые когда-то были вне досягаемости развитых европейских стран (внутренняя часть Латинской Америки), впоследствии стали частью периферии. Государства периферии могут «подрасти» до следующей и даже примкнуть к категории избранных (Финляндия). Государства ядра со временем могут также изменить свой статус (Испания, Португалия).

Поскольку теория мировой системы носит глобальный характер, она не дает четких дефиниций относительно того, какие конкретно государства относятся к каждой из названных категорий. В принципе этого важно, поскольку помогает лучше уяснить «ролевую» функцию интересующих нас государств.

Статистические данные мировой торговли в значительной степени подтверждают обоснованность гипотезы Валлерстейна. Промышленно развитые страны (ядро) продают товаров машиностроения и химической промышленности на 275 млрд. долларов больше, чем покупают. Все остальные регионы преимущественно импортируют эти товары.

Юг и большинство стран Азиатско-тихоокеанского региона, включая Тайвань, Гонконг и Южную Корею, в основном специализируются на выпуске товаров легкой промышленности - они продают этих товаров на 92 млрд. больше, чем покупают. Очевидно, что, согласно классификации Валлерстейна, их следует отнести к полупериферии. К этой же группе стран принадлежит и Китай, как, впрочем, страны Восточной Европы и Россия.

Государства Ближнего Востока и Африка специализируются на экспорте нефти (76 млрд. и 38 млрд. долларов соответственно). Они играют роль сырьевого придатка промышленно развитых стран. Специализация Латинской Америки (экспорт продовольствия и товаров сельского хозяйства, а также сырья) также относит этот регион к периферии.

Ядро, полупериферия и периферия существенно отличаются друг от друга по уровню *социально-экономического развития* и соответственно *уровню жизни*. Чтобы наглядно представить себе неравномерность распределения благ, приведем пространную выдержку из выступления Генерального секретаря ООН на саммите тысячелетия:

«Давайте представим себе на минуту, что мир действительно является "мировой деревней", если серьезно отнестись к этой метафоре, которая часто используется для описания глобальной взаимозависимости. Предположим, что в этой деревне проживает 1000 человек, среди которых все свойства, присущие современному человеческому обществу, распределены точно в таких же пропорциях. Что бы она из себя представляла? И в чем бы мы увидели ее основные проблемы?

Около 150 человек живут в богатом районе этой деревни, а примерно 780 — в более бедных районах. Еще примерно 70 человек живут в районе, где идет переходный процесс. Средний доход на душу населения составляет 6000 долларов в год, причем число семей со средним уровнем дохода по сравнению с прошлым увеличилось. Но при этом на долю всего лишь 200 жителей приходится 86 % всего богатства, в то время как почти половина жителей деревни едва сводит концы с концами, имея менее 2 долларов на день.

Число мужчин лишь ненамного превышает число женщин, однако женщины составляют большинство среди тех, кто живет в нищете. Уровень грамотности среди взрослых растет. И все же около 220 жителей деревни — две трети из них женщины — неграмотны. Из 390 жителей в возрасте до 20 лет три четверти живут в более бедных районах, и многие из них отчаянно стремятся найти рабочие места, которых не существует. Менее 60 человек владеют компьютером, и лишь 24 из них имеют доступ к Интернету. Более половины никогда не звонили по телефону или не получали телефонных звонков.

Средняя продолжительность жизни в богатом районе

составляет почти 78 лет, в более бедных районах— 64 года, а в самых бедных кварталах- всего лишь 52 года. В каждой из этих групп средняя продолжительность жизни по сравнению с жизнью предыдущих поколений увеличивается, но почему же наиболее бедные так сильно отстают в этом отношении? Потому что в этих кварталах намного выше уровень распространенности инфекционных заболеваний и недоедания, что сочетается с острой нехваткой пригодной для использования воды, средств санитарии, медицинских услуг, надлежащего жилья и возможностей в плане образования и трудоустройства.

Не существует предсказуемого пути обеспечения мира и спокойствия в этой деревне. Одни районы относительно безопасны, в то время как другие охвачены волной организованного насилия. В последние годы деревня все чаще страдает от связанных с погодой стихийных бедствий, включая неожиданные и сильные ураганы, а также от резких переходов от наводнений к засухам, причем средняя температура ощутимо повысилась. Накапливается все больше данных, указывающих на то, что между этими двумя тенденциями существует взаимосвязь и что потепление связано с тем, какое топливо и в каких количествах используют люди и предприятия. Объем выбросов углерода, являющихся основной причиной потепления, за последние 50 лет увеличился в четыре раза. Уровень грунтовых вод в деревне быстро снижается, а падение плодородия почвы в округе чревато для шестой части населения потерей средств к существованию.

Крайняя нищета — это оскорбление нашей общей человеческой сущности. К тому же она усугубляет многие другие проблемы. Например, бедные страны, и особенно те из них, в которых существует значительное неравенство между этническими и религиозными общинами, могут с гораздо большей степенью вероятности оказаться втянутыми в конфликты, чем богатые страны. Большинство из этих конфликтов носит внутренний характер, однако они почти неизбежно создают проблемы для соседей или вызывают необходимость в гуманитарной помощи.

Кроме того, бедным странам зачастую не хватает потенциала и ресурсов для осуществления экологически рациональной политики. Это подрывает устои скудного существования их народов и усугубляет последствия их нищеты».

§ 11.5. МЕЖДУНАРОДНАЯ РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА

Какие импульсы дает мировая экономическая система государствам? Способна ли она в своем нынешнем виде сглаживать экономические конфликты и противоречия или, напротив, их только усугубляет? Что несет миру глобализация - еще большее социальное расслоение, бедность или надежду на преодоление пропасти между «ядром» и «периферией»? Что представляет собой современный механизм разрешения торговых споров, в какой степени он способен предотвращать торговые войны? Насколько эффективно решаются проблемы развития бедных стран? Стал ли реальностью новый мировой экономический порядок?

К середине XX в. постепенно возникло понимание того, что мировое хозяйство не в состоянии стабильно функционировать без каких-либо общих для всех стран механизмов координации и управления. На микроуровне фирмы стали активнее создавать вертикальные схемы управления воспроизводственными процессами, включающие их предприятия во многих странах мира, и постепенно переросли в транснациональные корпорации (ТНК). На макроуровне буквально в течение десятилетия возникла целая система межгосударственных экономических и финансовых организаций с мандатом наблюдать за мировым экономическим развитием, предупреждать о возникающих дисбалансах и оказывать странам в случае необходимости поддержку. В их числе - Международный валютный фонд. Мировой банк, Всемирная торговая организация, несколько объединений в Европе и мн. др.

Разрушение в 1960-е гг. колониальной системы, крах в конце 1980 - начале 1990-х гг. социалистической системы, ориентированной на экономическую автаркию, и переход бывших колоний и социалистических стран к рынку создали условия для качественно нового уровня экономической открытости в отношениях практически между всеми странами мира. Таким образом, во второй половине XX в. рыночная экономика стала международной, признаками которой являются:

- развитая сфера международного обмена товарами на базе международной торговли;
- развитая сфера международного движения факторов производства, прежде всего, в формах вывоза-ввоза капитала, рабочей силы и технологии;

- международные формы производства на предприятиях, расположенных в нескольких странах, в первую очередь в рамках ТНК;

- самостоятельная международная финансовая сфера, не связанная с обслуживанием ни международного движения товаров, ни движения факторов производства;

- система межнациональных и наднациональных, межгосударственных и негосударственных механизмов международного регулирования в целях обеспечения сбалансированности и стабильности экономического развития;

- экономическая политика государств, исходящая из принципов открытой экономики. По сравнению с 1950 г. в 10 раз (даже с учетом поправки на инфляцию) вырос объем экспорта и неуклонно продолжает расти более быстрыми темпами, нежели мировой объем ВВП. Объем иностранных инвестиций увеличивался еще быстрее; объем продаж, осуществляемых ТНК, намного превышает объем мирового экспорта, а внутрифирменные операции составляют быстрорастущий сегмент мировой торговли. Ежедневный объем валютных операций превышает сейчас 1,5 трлн долларов, в то время как в 1973 г., когда произошло крушение системы фиксированных валютных курсов, он составлял 15 млрд долларов. В результате слияния ТНК, действовавших в телекоммуникационном секторе, образовалась компания, рыночная стоимость которой превышает объем ВВП почти половины всех государств - членов ООН, хотя эта компания по объему активов занимает в мире лишь четвертое место.

Взаимосвязи в рамках международной экономики сложны. Отдельные формы международных экономических отношений пересекаются (нередко движение капитала, миграция рабочей силы и передача технологии рассматриваются как международная торговля специфическими товарами), микроэкономическая политика часто включает регулирование валютных отношений, некоторые формы (международные расчеты) фактически обслуживают другие формы международных экономических отношений, международная торговля финансовыми инструментами может рассматриваться как форма движения капитала и т.д. Значение отдельных форм, их удельный вес и влияние на международную экономику различны. Международная торговля товарами, которая была первой и главной формой международной экономики, в конце XX в. по абсолютным масштабам утратила

свою ведущую роль, уступив ее различным формам финансовых операций.

Одной из острейших проблем современных международных отношений является несоответствие изменений внутри международных экономических организаций быстрым и значительным переменам в мировой экономике. Главная задача - найти ответы на вызовы глобализации применительно к мировой экономике в целом, различным группам стран, а также отдельным слоям общества на национальном уровне.

Мы уже указывали, что глобализация негативным образом влияет на развивающиеся страны - снижается уровень жизни, растут социальные проблемы, возрастает угроза государственному суверенитету отдельных стран и т.п. Глобализация стимулировала тенденции появления мировых олигополии или монополий в результате слияния компаний или поглощения слабых.

Развивающиеся страны ощутили на себе, что капитализм (неолиберальные реформы) и свободный рынок *сами по себе* не приводят к росту и развитию.

Система международных экономических организаций оказалась плохо приспособленной для решения новых проблем, связанных с глобализацией. Речь, прежде всего, идет о существующей финансовой системе. Прямые иностранные инвестиции остаются привилегией малого числа стран, а развивающиеся страны практически ничего не получают.

Кроме того, программы помощи наименее развитым странам достигли минимального за последние 20 лет уровня. Представители развивающихся стран указывают на то, что развитые страны, требуя от них открытости экономик, сами этому принципу не следуют и, напротив, ухудшают условия торговли некоторыми сырьевыми ресурсами, составляющими основу экономик развивающихся государств.

Общий вывод, к которому склоняются представители развивающихся стран, состоит в том, что необходимо *добиться изменения международной финансовой системы и реструктурирования соответствующих институтов*. Без этого велик риск новых финансовых кризисов. Прозрачность в деятельности финансовых институтов, *создание форума по вопросам финансовой стабильности*, деятельности «группы 20-ти» и т.п. - важные шаги в этом направлении. Главная цель реформы -

сокращение возможностей краткосрочного спекулятивного движения капитала.

Вторая задача состоит в создании справедливой, равноправной и предсказуемой системы мировой торговли. Экономический рост и устойчивое развитие должны стать одним из приоритетов в деятельности Всемирной торговой организации. Процесс принятия решений в ВТО должен быть пересмотрен с учетом интересов развивающихся стран. Кроме того, в рамках ВТО должны быть признаны принципы постепенной либерализации, а также особые условия вхождения в ВТО для стран, переживающих период трансформации, и развивающихся стран. Имеется потребность в сокращении торговых барьеров в сфере сельского хозяйства, текстильной промышленности для развивающихся стран.

Облегчение долгового бремени бедным странам - важнейшее условие оздоровления ситуации в развивающихся государствах. Отмечая позитивность начавшегося процесса списания долга в результате саммита «большой семерки» в Германии в 1999 г., беднейшие страны-должники высказывают пожелание по дальнейшему списанию долгов и созданию независимой комиссии для оценки способности африканских стран платить по долгам. Нужен новый международный экономический порядок (НМЭП) как результат согласования интересов всех стран. Что же имеется в виду?

§ 11.6. НЕОБХОДИМОСТЬ СОЗДАНИЯ НМЭП

С момента создания ООН международно-правовое регулирование международного экономического порядка базировалось на основе демократических принципов свободы и равенства, которые нашли отражение в специальных правовых принципах - взаимности, наибольшего благоприятствования и недискриминации. Эти принципы регулировали отношения равных субъектов и являлись краеугольным камнем всех соглашений, регулирующих международные торговые и финансово-валютные отношения. Однако после крушения колониальной системы и выхода на международную арену новых суверенных государств в развитии международного экономического порядка наступил новый качественный период. Бывшие колониальные страны не считали себя причастными к созданию существовавшего МЭП,

который представлялся им «несправедливым» (дискриминация суверенных прав на пользование природными ресурсами, низкие цены на сырье, высокие цены на промышленные товары из развитых стран и т.д.). В тех условиях бывшие колонии были изначально поставлены в неравные условия с другими субъектами международного права, и применение существовавших принципов МЭП способствовало углублению изначально существовавшего неравенства («ядра и периферии», как бы сказал Валлерстайн). В связи с этим возникли предложения по выходу из создавшейся ситуации.

Наиболее полное доктринальное толкование эти меры получили в концепции, впоследствии обозначенной как «*право развития*», сформулированное американцем В. Фридманом. Он утверждал, что каждое государство, наряду с правом на существование и сотрудничество, обладает *правом развития*. Впоследствии усилиями французских юристов *право развития* стали трактовать достаточно широко и включать в него не только экономические права государств, но и право на получение помощи развивающимися странами от иных субъектов международного сообщества. С точки зрения права эта помощь может выражаться в предоставлении льготных преференциальных режимов развивающимся странам во многих сферах международного сотрудничества.

В известном смысле данные положения входили в противоречие с существовавшими нормами публичного права, рассчитанными на взаимоотношения субъектов, находящихся на одном уровне развития.

Вместе с тем идея о необходимости правового оформления такого рода отношений получала все большую поддержку не только на теоретическом, но и на политическом уровне, в том числе и в ООН.

К этому времени страны Третьего мира уже инициировали создание форума для изложения своих взглядов по экономическим вопросам (Конференция ООН по вопросам торговли и развития, 1964 г.). В результате встреч и консультаций в рамках ЮНКТАД по предложению Рауля Пребиша была сформирована «Группа 77-ми» (1964), выражавшая интересы развивающихся государств Африки, Азии и Латинской Америки. Кроме того, в 1965 г. появилась *Программа развития ООН (ПРООН)*.

Таким образом, к концу 1960-х гг. страны Третьего мира имели большие возможности для пропаганды своих идей, однако в институтах Бреттон-Вудса, Совете по экономическим и социальным вопросам, а также на Конференции ООН по вопросам торговли и развития они не обладали достаточными возможностями для принятия нужных им решений.

В конце концов именно ООН сформулировала политико-правовую концепцию НМЭП. Основные положения этой концепции были зафиксированы в *Программе НМЭП*, принятой на VI специальной сессии ГА (весна 1974 г.) и в *Хартии экономических прав и обязанностей государств*, принятой XXIX сессией ГА в декабре 1974г.

Весной 1974 г. на Шестой специальной сессии Генеральной ассамблеи ООН по вопросам сырьевых ресурсов и развития «Группа 77» приняла Декларацию и Программу действий по учреждению Нового Экономического Порядка. Основные положения этого документа сводились к следующему:

1) постоянный суверенитет государств в отношении их естественных ресурсов;

2) расширение взаимного экономического, торгового, финансового и технического сотрудничества между развивающимися странами, которые должны объединить свои ресурсы и усилия в целях преодоления экономической отсталости и достижения реальной политической независимости; право развивающихся стран создавать ассоциации экспортеров сырья;

3) введение индексации цен на сырье в зависимости от цен на импорт из развитых стран;

4) установление международного контроля за деятельностью транснациональных корпораций. В литературе господствует (и справедливо) мнение о том, что *НМЭП так и не стал реальностью*. Нормы НМЭП не носят обязательного характера на глобальном уровне, хотя многие из них вошли в соглашения локального и регионального характера. Однако рекомендации, содержащиеся в Программе и Хартии о НМЭП, послужили основой деятельности нескольких межправительственных организаций системы ООН. В системе ООН был создан специальный механизм по реализации принципов НМЭП. Субъектами его внедрения стали Экономический и Социальный совет ООН (ЭКОСОС), а также вспомогательные органы ООН - ЮНКТАД, ЮНИДО, ПРООН, ряд специализированных учреждений. Вероятно, процесс реализации

НМЭП был бы усилен в случае принятия специальной универсальной конвенции о новом международном экономическом порядке. *Основная проблема - позиция развитых стран Запада, которые на словах поддерживают оба документа, а на деле их отвергают.* Они не проявляют заинтересованности и в переводе норм НМЭП в универсальное межгосударственное соглашение.

Не выполнил возлагавшихся на него функций ЭКОСОС - один из главных органов ООН. Дело в том, что развивающиеся страны изначально не доверяли ему и старались не выносить на его рассмотрение важные и серьезные вопросы реализации НМЭП. Причин такого недоверия к ЭКОСОС было *три*:

1. ЭКОСОС - орган ограниченного состава (состоит из 54 членов, избираемых Генеральной ассамблеей ООН на три года с ротацией 1/3 состава каждый год). В силу этого 120 развивающихся государств имели мало возможностей влиять на процесс выработки решений в этом органе.

2. ЭКОСОС изначально не обладал правом принимать обязательные решения, и, следовательно, проработка вопроса в этом органе не могла привести к появлению правовой нормы.

3. ЭКОСОС не обладал правом формирования самостоятельных фондов финансирования программ помощи развивающимся странам.

В конечном итоге оказалось, что более интенсивную работу по реализации НМЭП в ООН способны проводить региональные комиссии, а основная функция по реализации НМЭП закрепилась за вспомогательными органами ООН - ЮНКТАД, ЮНИДО и ПРООН.

Эти органы в определенной степени обладали *самостоятельными источниками финансирования, вводили новые организационные механизмы сотрудничества развивающихся стран (особенно ЮНКТАД), имели совместные программы со многими межправительственными организациями системы ООН. в первую очередь с ГАТТ, Мировым банком и МВФ, ФАО, ИФАД, ЮНЕСКО, МОТ и т.д.* Такая совместная деятельность привела к тому, что специализированные учреждения ООН стали активнее заниматься вопросами реализации программы НМЭП.

В первую очередь это нашло свое отражение в том, что специализированные учреждения ООН в своих внутренних правилах обосновали *дифференцированный подход к государствам-*

членам в зависимости от того, на каком уровне развития находится это государство.

Во-первых, в МБ-МВФ, ГАТТ/ВТО, ФАО, ИФАД и др. *было введено деление государств-членов на три категории - развитые, развивающиеся и наименее развитые.*

Каждое из специализированных учреждений имеет свои критерии внесения государства в список той или иной категории. В зависимости от того, к какой категории относится данное государство, определяется объем его прав, привилегий и обязанностей. *Статус каждой категории еще не сформировался, но общие тенденции уже обозначились:*

- на развитую страну возлагаются дополнительные финансовые, материальные и технические обязанности;

- развивающиеся и менее развитые государства получают льготный преференциальный статус в отношении обязательств перед организацией, а также в случае получения помощи. В то же время отметим, что четкого различия между второй и третьей категориями еще не определено.

Во-вторых, специализированные учреждения стали применять *преференциальный режим* в отношении договоров, заключаемых с развивающимися странами.

Наиболее отчетливо эта тенденция проявляется в деятельности ГАТТ и МБРР-МВФ. Так, в ГАТТ при заключении договоров с развивающимися странами действуют системы преференций и изъятий. В МВФ и МБРР созданы «буферные» резервы, а впоследствии и «специальный» резерв для заимствования, в основном предназначенные для развивающихся стран. Для них же существует система компенсационного финансирования, «продленный фонд» с отсрочкой выплаты долга на пять-десять лет. В 1976 г. МВФ создал так называемый траст-фонд с целью предоставления кредитов наиболее бедным странам. В данном случае принимался во внимание доход в данной стране на душу населения.

Итак, межправительственные организации системы ООН оказали серьезное влияние на внедрение концепции НМЭП. Это проявилось в том, что:

1. Основные нормы НМЭП были сформулированы в правовых документах межправительственных организаций системы ООН, которые носят рекомендательный характер, но могут

рассматриваться как этап становления международно-правовой нормы.

2. Требования Программы НМЭП о предоставлении преференциальных, льготных условий для сотрудничества развивающихся стран в значительной мере были реализованы в рамках межправительственных организаций системы ООН.

3. В системе ООН сформировался механизм, направленный на реализацию Программы НМЭП, позволяющий развивающимся странам действовать сообща на глобальном уровне с целью реализации основных идей НМЭП.

4. Организации системы ООН позволяют развивающимся странам в той или иной мере реализовать положения Программы НМЭП в локальных договорах и многосторонних соглашениях, заключаемых в рамках межправительственных организаций ООН.

§ 11.7. МЕХАНИЗМ РАЗРЕШЕНИЯ ТОРГОВЫХ СПОРОВ В РАМКАХ ВТО

Снижение рисков, связанных с экономическими конфликтами, в том числе и торговыми спорами, способно в значительной степени оздоровить международные отношения. Создание Всемирной торговой организации на базе Генерального соглашения о тарифах и торговле и усовершенствование механизма разрешения торговых споров, безусловно, способствуют снижению конфликтности в области международных экономических отношений.

Что такое ВТО? ВТО представляет собой *международную организацию специальной компетенции в области международной торговли*. По кругу участников ВТО является универсальной организацией, членство в которой открыто для любого государства. С точки зрения порядка вступления ВТО является закрытой организацией, так как прием новых членов производится с согласия учредителей.

Важнейшими преимуществами ВТО являются:

1) система способствует укреплению мира (разрешение торговых споров мирным путем, укрепление международного сотрудничества и доверия);

2) конструктивное разрешение споров (государства не остаются «один на один» друг с другом, а находятся в условиях определенного правового режима и обладают правовым

механизмом решения споров. С 1995 г. урегулировано более 100 споров и ни один не привел к серьезному политическому противостоянию);

3) система основана в большей степени на силе права, нежели на военной силе (все равны перед нормами ВТО. Слабый может подать иск на сильного, если он нарушает нормы права). Государство в большей степени защищено от лоббирования;

4) система стимулирует дисциплину государств.

Основной задачей процедур разрешения споров в рамках международных экономических организаций было и остается не решение вопроса о том кто прав и кто не прав и не определение ответственности государств в этом вопросе, а нахождение такого решения при котором даже серьезные нарушения являлись бы лишь временными и устранялись бы как можно скорее.

Для того чтобы уяснить новизну механизма разрешения споров в рамках ВТО, сравним его с практикой, существовавшей в рамках ГАТТ.

Исследователи обычно выделяют три черты, которые были характерны для процедур, предусмотренных Генеральным соглашением:

1) *в случае возникновения конфликтной ситуации основное внимание уделялось консультациям и переговорам для нахождения приемлемого для сторон решения спора.* Сначала рассмотрение спора ограничивалось лишь непосредственно заинтересованными сторонами, и только в случае неспособности их прийти к соглашению в течение «достаточного» для этого времени (reasonable time) к решению спора привлекались другие члены ГАТТ, возможности которых также были достаточно ограниченными. Речь шла о рекомендациях конфликтующим сторонам, проведении консультаций с ними, а также с Советом по экономическим и социальным вопросам ООН (ст. XXIII). И лишь при наличии «серьезных обстоятельств», связанных с нарушениями ГАТТ, мог быть поставлен вопрос о санкциях в отношении нарушителя вплоть до его исключения из Генерального соглашения;

2) общим правилом было стремление избегать формально юридической оценки спора;

3) даже в том случае, если речь доходила до определенного решения членов ГАТТ в отношении того или иного спора, доминировала тенденция недопущения применения каких-либо

санкций. Речь шла прежде всего о мерах, описываемых в литературе как «компенсационные».

Кроме того, специалисты отмечают длительные сроки рассмотрения споров (от 3 до 9 месяцев) и недостаточность компенсаций, если решение о них принималось. К недостаткам процедуры разрешения споров относилось большое количество исков, что удерживало страны от подачи новых (до 115 исков в год в 1980-е гг.), а также возможность затяжек рассмотрения споров (основание жюри или рабочих групп или блокирование принятия их отчетов). Проблемой являлись также недостаточная квалификация и беспристрастность членов рабочих групп, а также неисполнение рекомендаций и решений, изложенных в отчетах.

Этот «мягкий» механизм разрешения споров в рамках ГАТТ в некотором смысле был недостаточно эффективным, чтобы предотвращать нарушения Соглашений членами ГАТТ. Однако он был необходим для выживания ГАТТ в периоды кризисов. По мнению одного из главных специалистов по проблемам ГАТТ и ВТО Джона Джексона, «существующие процедуры представляются наиболее эффективными с точки зрения процесса примирения сторон и менее эффективными - с точки зрения вынесения санкций».

Иначе дело обстоит в ВТО. *«Система разрешения споров внутри ВТО является главным элементом в деле обеспечения безопасности и предсказуемости многосторонней торговой системы»*, - говорится в статье 3.2 Правил и процедур, касающихся урегулирования споров (DSU).

Важно учитывать, что ВТО, будучи очень молодой международной организацией, становится наиболее важной в сфере международного экономического сотрудничества. Более ясные и отточенные уставные документы ВТО по сравнению с ГАТТ дают ей чрезвычайно широкий мандат в осуществлении экономической дипломатии. Механизм разрешения конфликтов может быть назван в числе важнейших новелл этой организации. *Дипломаты и государственные деятели всех без исключения государств с беспокойством относятся к тому, в какой степени им удастся приспособиться к новым правилам ВТО.*

В течение последних десяти-пятнадцати лет экономисты неоднократно присоединялись к мнению юристов в отношении того, что международные институты играют все большую роль в экономическом развитии и эффективном функционировании рынка.

Нобелевский лауреат Д. Нортс отметил, что «институты уменьшают неопределенность, создавая структуру для повседневной деятельности...».

В этом смысле ВТО может рассматриваться как часть международной институциональной структуры, необходимой для эффективного функционирования мировых рынков. Таким образом, «конституция» ВТО будет определять будущую мировую экономику, а также оказывать воздействие на многие неэкономические проблемы, включая поддержание мира.

Процедура разрешения споров внутри ВТО и имеющийся в той области опыт свидетельствуют о двух существенных новшествах: во-первых, *ориентация на правовой, а не на политический подход к разрешению споров*, во-вторых, *новая процедура будет оказывать весьма неоднозначное воздействие на проблему «свободы воли» входящих в организацию государств*.

Применительно к первому из названных вопросов исследователи обычно выделяют два способа анализа процесса разрешения споров в ВТО - *рассмотрение собственно принятых процедур*, а также *изучение практики их применения в реальной жизни*.

Трансформация механизма разрешения споров в сторону права не означает, однако, полного отказа от практики ГАТТ, основанной прежде всего на дипломатическом урегулировании и ведении переговорного процесса (ст. 3.4). Однако имеющаяся практика применения норм ВТО показывает, *что основным методом* решения споров является *правовое* регулирование. Это проявляется на всех стадиях рассмотрения спорных вопросов, начиная с подбора членов комиссии для первичного рассмотрения вопроса. Несомненно, этот подход отличается от привычного механизма разрешения межгосударственных споров, в которых первое слово принадлежит не юристам, а дипломатам и политикам.

Уяснение и реализация субъектами международной экономической деятельности правового характера в разрешении споров формирующегося режима ВТО у разных стран происходит по-разному. Это связано со многими факторами - традиционным представлением о механизмах разрешения международных споров в целом, общим направлением экономической политики государства, опытом участия в ГАТТ и степенью осознания правил ее деятельности и др., соотношением международного и национального права, традиционной ролью протекционизма в

защите национальных экономических интересов и не в последнюю очередь особенностями национального характера потребителей товаров и услуг.

Источники:

Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие/ Н.А. Ломагин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. 166 с., стр. 86-102; 156-163.

Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова. — Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с., стр. 53-67.

Литература:

1. Буриан А., *Теория международных отношений: Курс лекций в 2-х т., Том 1. «Введение в теорию международных отношений»*. - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.

2. Гаджиев К.С., *Введение в геополитику*. Издание второе, переработанное и дополненное. - Москва, «Логос», 2000.

3. Дугин А., *Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством*. Изд. 3-е, дополн. - Москва, «АРКТОГЕЯ-центр», 1999.

4. *История политических и правовых учений.* / Под ред. О.Э.Лейста. - Москва, «Юридическая литература», 1997.

5. *История европейской интеграции (1945-1994)*/ Под ред. А.С.Намазовой, Б.Эмерсон. - М.: ИВИ РАН, 1995.

6. Кальвокоресси Питер, *Мировая политика после 1945 года: В двух книгах*. – Москва, «Международные отношения», 2000.

7. Ломагин Н.А., Лисовский А.В., Сутырин С.Ф., Павлов А.Ю., Кузнецов В.Е., *Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики. Учебное пособие*. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001.

8. *Современные международные отношения. Учебник /* Под ред. А.В.Торкунова. – Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.

9. Тойнби А., *Цивилизация перед судом истории*. – Москва, «Прогресс», 1995.

10. Фокуяма Ф., *Конец истории?!* // «Вопросы философии», 1990, № 3.

11. Хантингтон Сэмюел П., *Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка*//Библиотека публикаций Московского Центра Карнеги, „Pro et Contra”, Том 2, Весна 1997.

12. Цыганков П.А., *Современные политические режимы: структура, типология, динамика (учебное пособие)*. – Москва, «Интерпракс», 1995.

13. Цыганков П.А., *Теория международных отношений*. – Москва, «Гардарики», 2002.

14. Шреплер X.-A., *Международные организации. Справочник*. - М., 1995.
15. Burian, Alexandru, *Geopolitica lumii contemporane, Manual: pentru facultățile de drept și de relații internaționale a universităților*. - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.
16. Huntington, Samuel P., *Ordinea politică a societăților în schimbare* /Trad. de Horațiu Stamat, Iași, Editura POLIROM, 1999.
17. Keohane, Robert O. and Nye, Joseph S., *Power and Interdependence: World Politics in Transition*, Boston, 1977.
18. Morgenthau, Hans, *Escritos sobre politica internacional*. Con estudio preliminar de Esther Barbe, Tecnos, Madrid, 1990.
19. Ortiz, Eduardo, *El estudio de las Relaciones Internacionales*, Fondo de Cultura Economica, Santiago de Chile, 2000.
20. Rosenau, James N., *The Scientific Study of Foreign Policy, rev. ed.*, London: Frances Pinter, 1980.
21. Tredinnick, Felipe, *Derecho internacional publico y relaciones internacionales*, Tercera edicion, Editorial "Los amigos del libro", La Paz-Cochabamba, Bolivia, 1997.
22. Vasquez, John, *The War Puzzle*, Cambridge University Press, 1997.
23. Viotti, Paul R.; Kauppi, Mark V., *International relations theory: Realism, Pluralism, Globalism, and Beyond*. – 3rd ed., Allyn and Bacon, Boston, 1998.
24. Wallerstein, Immanuel, *The Modern World-System - 2 volumes*, Academic Press, New York, 1974.
25. Wight, Martin, *Politica de putere*, Chișinău, Editura ARC, 1998.

ВОЕННЫЙ ФАКТОР В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ¹³

§ 12.1 *Роль военной силы в международных отношениях*

§ 12.2 *Стратегический паритет и контроль
над вооружениями*

§ 12.3 *Роль военной силы в мировой политике после распада
СССР и крушения биполярной системы*

§ 12.1 РОЛЬ ВОЕННОЙ СИЛЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

На протяжении практически всей истории человечества вооруженные конфликты представляли собой центральные звенья, своего рода контрапункты международных отношений. В ходе войн разрешались накопившиеся между государствами противоречия, устанавливалась новая структура международных отношений, соответствующая сложившемуся в тот или иной момент соотношению политических, экономических и военных сил, корректировались коалиции и блоки. Соответственно, военная сила рассматривалась как важнейший компонент и фактор мощи государства и сохранения у власти правящей элиты. «...Государь не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме войны, военных установлений и военной науки... Военное искусство надделено такой силой, что позволяет не только удержать власть тому, кто рожден государем, но и достичь власти

¹³ *Современные международные отношения: Учебник* / Под. ред. А.В. Торкунова. — Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с., стр. 68-90; Цыганков П.А., *Теория международных отношений: Учеб. пособие.* — Москва, «Гардарики», 2002. — 590 с., стр. 320-347.

тому, кто родился простым смертным. И наоборот, когда государи помышляли больше об удовольствиях, чем о военных упражнениях, они теряли ту власть, которую имели», - писал великий итальянский мыслитель Николо Макиавелли.

Ключевая роль вооруженных столкновений и, соответственно, военной силы в мировой политике объяснялась во многом тем, что, как писал выдающийся военный теоретик Карл фон Клаузевиц, война являлась продолжением политики насильственными средствами. «Война, - подчеркивал он, - есть только часть политической деятельности. Она ни в коем случае не является чем-то самостоятельным... Если война есть часть политики, то последняя определяет ее характер... И поскольку именно политика порождает войну, представляет собой ее направляющий разум, то война есть только инструмент политики, но не наоборот».

Но это лишь одна сторона дела. Будучи порождением политики, как справедливо подчеркивал фон Клаузевиц, войны, в свою очередь, во многом определяли содержание и направленность последней. И действительно, важнейшая задача внешней политики государств состояла в подготовке благоприятных международных условий для будущих столкновений и вооруженных конфликтов, прежде всего в создании собственных коалиций и разложении коалиций потенциального противника. Такое состояние сохранялось вплоть до окончания Второй мировой войны. Однако во второй половине XX века положение стало меняться.

§ 12.2 СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПАРИТЕТ И КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

До середины XX в. военная сила в полном соответствии с формулой фон Клаузевица служила одним из средств, часто наиболее важным и эффективным, достижения конкретных экономических и политических целей. В конечном счете, именно военным путем, с одной стороны, устанавливались сферы влияния, захватывались территории, представлявшие экономический или стратегический интерес, контролировались важнейшие коммуникации, а с другой - блокировались аналогичные устремления соперников. Иными словами, в результате применения военной силы государства либо приобретали нечто, с их точки зрения, важное, либо лишали другие страны возможности ущемить

собственные интересы, как правило, связывавшиеся с установлением контроля над теми или иными территориями или транспортными путями.

Однако со второй половины 40-х годов нынешнего столетия роль военной силы в международных отношениях начала меняться. Это объяснялось двумя основными причинами. Первая - формирование весьма специфической системы международных отношений, получившей название биполярной. Вторая - разработка и принятие на вооружение в растущих масштабах новых ядерных вооружений.

Биполярная система возникла через полтора-два года после разгрома нацистской Германии и ее союзников. Сложившаяся во время Второй мировой войны антигитлеровская коалиция оказалась крайне непрочной. Неудачными были и попытки ряда лидеров победивших государств создать принципиально новый механизм регулирования международных отношений на основе сотрудничества трех-четырех ведущих государств-победителей. Стремительно нарастали противоречия между наиболее мощными в военном отношении участниками антигитлеровской коалиции - Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом. До сих пор специалисты спорят относительно соотношения политических, идеологических, военных и иных причин, вызвавших это противостояние.

Не вызывает, однако, сомнения, что важную, если не решающую роль в этом сыграло настойчивое стремление сталинского руководства расширить сферу влияния Советского Союза за пределы, оговоренные, как считают многие историки, на встречах «большой тройки» в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Об этом свидетельствовали попытки Сталина сохранить советское военное присутствие в Северном Иране, его претензии на несколько турецких провинций, примыкавших к бывшей советской Армении, вооруженная борьба за власть коммунистов в Греции, блокада Берлина в 1948 г. и особенно военная поддержка Коммунистической партии Китая, способствовавшая ее победе. Последняя означала крупное изменение соотношения сил на мировой арене, выход коммунистических государств в стратегически важные районы Азиатско-тихоокеанского региона и, видимо, окончательно похоронила идеи строительства системы международных отношений на принципах, обсуждавшихся на встречах руководителей антигитлеровской коалиции. Если одним

полюсом биполярной системы стал Советский Союз с группой своих сателлитов, то другим - Соединенные Штаты, взявшие на себя задачу военного, экономического и политического противоборства с попытками массивированной советской или, точнее, коммунистической экспансии.

Советско-американское противоборство стало ключевым звеном сложившейся в конце 40-х - начале 50-х годов системы международных отношений и главной движущей силой большинства происходивших в ней процессов. Оно доминировало практически над всеми сколько-нибудь значимыми международными конфликтами и противоречиями, а в ряде случаев - и над внутрисоюзными, во многом «вбирало» в себя эти противоречия, подчиняло их себе. Вокруг этих двух сверхдержав сформировались военно-политические блоки, и с середины 50-х годов, с момента образования Организации Варшавского договора, биполярная система приобрела свой законченный вид.

В ее фундаменте лежала жесткая борьба не только двух сверхдержав, но и противостоящих социальных систем, основанных на взаимоисключающих друг друга идеологиях, одна из которых - коммунистическая - имела ясно выраженный мессианский характер, ставила своей целью распространение соответствующего общественного устройства на весь мир. Это противоборство часто, трактовалось как «игра с нулевой суммой», означавшая, что военный, политический, экономический или идеологический выигрыш одной стороны воспринимался как проигрыш другой.

При этом произошла серьезная корректировка функций военной силы как инструмента внешней политики государств. По мере становления биполярной системы она все более рассматривалась как важнейшее средство глобального политико-идеологического противоборства. Традиционные же цели ее применения - захват территорий, источников сырья, контроль над рынками сбыта и т.п. - постепенно отходили на задний план, хотя и не потеряли полностью своего значения. И если бы не произошло принципиальных изменений в средствах ведения войны, то, скорее всего, через несколько лет после окончания Второй мировой войны произошло бы новое военное столкновение, если не глобального масштаба, то по крайней мере охватывающее Европейский и Азиатский континенты.

Однако такое развитие событий было предотвращено появлением ядерного оружия. Колоссальная разрушительная сила новых вооружений вызывала все большие сомнения в целесообразности применения военной силы в отношениях между двумя ведущими центрами силы - СССР и США и возглавляемыми ими военно-политическими блоками. Опасение, что прямое военное столкновение двух сверхдержав приведет к ядерной войне, последствия которой могли иметь катастрофический характер, стало мощным средством, сдерживавшим развитие военного противоборства НАТО и ОВД.

Так, вероятность того, что США могут применить против СССР ядерное оружие, которого в тот момент в арсеналах Советского Союза не было, повлияла на снятие советской блокады вокруг Западного Берлина. Таким образом, был прекращен возникший в 1948 г. исключительно опасный международный кризис, чреватый мировой войной. Ядерный фактор, безусловно, способствовал тому, что корейская война 1950 - 1953 гг. не переросла в войну между СССР и США. Однако лишь карибский кризис, разразившийся осенью 1962 г., когда две ядерные сверхдержавы оказались буквально на грани обмена ядерными ударами, стал своеобразным переломным моментом, после которого лидеры обеих держав стали избегать ситуаций, чреватых прямым крупномасштабным столкновением их вооруженных сил.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что огромная, выходящая за пределы рационального, разрушительная сила ядерного оружия сама по себе была лишь одним из факторов, вызвавших трансформацию роли военной силы в международных отношениях. Значительно более важным было формирование в начале 60-х годов стратегического ядерного паритета между СССР и США, НАТО и Организацией Варшавского договора. Суть его в том, что сторона, развязавшая ядерную войну и нанесящая первый ядерный удар по территории противника, в том числе по его стратегическим вооружениям, не могла рассчитывать на то, что сможет избежать сокрушительного ответного удара. Колоссальная мощь ядерного оружия привела к тому, что даже несколько боезарядов, достигших целей в ходе ответного удара, неизбежно вызвали бы неприемлемый ущерб. Принципиально важным условием стратегического паритета была невозможность с необходимой степенью вероятности уничтожить первым ударом все или практически все стратегические средства потенциального

противника, с тем, чтобы лишить его возможности нанести ответный удар.

Иными словами, использование стратегических ядерных вооружений для достижения каких-то конкретных политических или военных целей в отношениях между противостоящими общественными системами и возглавлявшими их государствами потеряло смысл. Но возникла и другая проблема. Не было, да и не могло быть никакой уверенности в том, что более или менее серьезное вооруженное столкновение между обычными (неядерными) вооруженными силами противостоящих коалиций не перерастет в ядерную войну со всеми вытекающими из этого последствиями. Просматривались и определенные сценарии такого развития событий. Суть их в самых общих чертах сводилась к тому, что сторона, проигрывающая войну, скорее всего, постарается перевести ее на более высокий уровень эскалации - сначала применит тактическое ядерное оружие, а затем, если это не остановит конфликт, очередь может прийти и до использования стратегических вооружений для нанесения ударов по территориям СССР и США¹⁴.

Возможность ядерной эскалации вплоть до стратегического уровня (т.е. до применения стратегических ядерных вооружений непосредственно по территориям СССР и США) практически любого сколько-нибудь существенного вооруженного столкновения между армиями и флотами СССР и США, НАТО и ОВД фактически заблокировала использование военной силы между этими субъектами международных отношений. Возникла парадоксальная, не встречавшаяся в прошлом ситуация, которую иногда называли «ядерным тупиком», а ее суть определялась «взаимным ядерным сдерживанием». Военная сила потеряла свою роль инструмента достижения конкретных политических и иных целей на международной арене. Она обрела новое качество - стала

¹⁴ Принята следующая классификация ядерных вооружений, основанная на дальности средств их доставки, т.е. ракет, самолетов и артиллерийских снарядов: тактическое ядерное оружие - дальность средств доставки до 500 км, оперативно-тактическое (иногда называется оружием «меньшей дальности») - от 500 до 1000 км, средней дальности - от 1000 до 5500 км и стратегическое - свыше 5500 км. Рубеж 5500 км выбран из расчета того, что такие системы оружия могут нанести удар с территории бывшего СССР по территории США и наоборот.

средством предотвращения агрессии со стороны потенциального противника.

Однако такое положение дел сложилось лишь в центральном звене биполярной системы - в отношениях государств противостоящих социальных систем. В тех же случаях, когда применение военной силы не грозило перерасти в обмен ядерными ударами, она сохранила свои прежние функции и использовалась не только участниками локальных конфликтов, но и сверхдержавами, прежде всего для того, чтобы не допустить расширения сферы влияния противоположной стороны или распространить собственное влияние на новые страны и регионы. Наиболее яркие примеры этого - война, которую США вели в Индокитае, и война СССР в Афганистане.

Принципиально важным явилось и другое обстоятельство. Не исключалась вероятность того, что ядерный паритет будет нарушен. Это могло произойти либо в случае крупного количественного превосходства одной из сторон в стратегических вооружениях, либо в результате каких-либо качественных «прорывов» в технологиях военного назначения, например в создании эффективных противоракетных систем. Постоянное ожидание того, что потенциальный противник может обрести решающее превосходство, подталкивало каждую сверхдержаву к наращиванию собственных потенциалов и разработке новых стратегических вооружений. При этом каждое продвижение Советского Союза или США в этой области стимулировало противостоящую сторону к еще более масштабным усилиям, с тем чтобы обеспечить себе определенный «запас прочности» на случай неблагоприятного развития событий.

В итоге качественная и количественная гонка вооружений стала одной из наиболее отличительных особенностей всего периода холодной войны. О ее масштабах позволяют судить следующие цифры: общее количество ядерных боезарядов, развернутых в вооруженных силах США, достигло в середине 60-х годов своего максимума - примерно 35 тыс. единиц, а у Советского Союза превысило 40 тыс. единиц во второй половине 80-х годов. И хотя впоследствии количество ядерных вооружений снижалось и той, и другой стороной, в середине 90-х годов и США, и Россия располагали примерно 12-15 тыс. боеготовых ядерных зарядов. Это, в свою очередь, привело к невиданному разрастанию военно-промышленных комплексов и увеличению военной нагрузки на

экономику. Особенно тяжелым было бремя военных расходов в бывшем СССР, поскольку, во-первых, советская экономика была значительно слабее американской, а во-вторых, Советский Союз фактически противостоял не только США, но и всем другим центрам силы окружающего мира, в том числе с конца 60-х годов и Китаю.

Были и другие противоречия и особенности взаимного ядерного сдерживания, которые делали его не слишком надежным средством предотвращения прямого использования военной силы. «Ядерное сдерживание, - подчеркивается в докладе, подготовленном в 1997 г. группой ведущих американских специалистов в военно-политической области, - заключало (и заключает) в себе целый комплекс дилемм и опасностей. Например, сдерживание является успешным только в том случае, если имеются не вызывающие сомнений (у потенциального противника. – Ю.Ф.) планы действий на тот случай, если оно окажется неэффективным. Но создание таких планов - исключительно трудная задача. А попытки сделать угрозу ядерного возмездия максимально правдоподобной могут рассматриваться другой стороной как проявление стремления добиться преимуществ, позволяющих совершить агрессию. Это порождает напряженность, стимулирует гонку вооружений и увеличивает вероятность ядерной войны в результате кризисной нестабильности¹⁵ или случайности». Иными словами, речь шла о том, что для того, чтобы сдерживать потенциального противника от развязывания войны, необходимо убедить его в том, что агрессивные действия неизбежно вызовут «ядерный ответ». Но это требует создания разнообразных ядерных вооружений, предназначенных для различных типов конфликтов, а также достижения определенных преимуществ, если не по каждому, то по большинству из них. Такая линия, в свою очередь, практически неизбежно воспринимается противостоящей стороной как подготовка к ядерной агрессии, что может в кризисной ситуации спровоцировать первое применение ядерного оружия и постоянно подталкивает гонку ядерных вооружений.

¹⁵ Под кризисной нестабильностью понимается высокая вероятность эскалации кризиса. Причиной может быть такая стратегия сторон, при которой каждая из них стремится поставить противника перед выбором - либо отступить, либо перейти на более высокий уровень эскалации, причем отступивший оказывается проигравшим.

Механизм гонки вооружений во многом определялся также тем, что каждая из сторон стремилась упредить возможное появление у потенциального противника систем оружия, способных изменить соотношение сил, задолго до того, как такие системы могли быть приняты на вооружение. Эта логика ясно выражена, например, в документе, направленном осенью 1952 г. несколькими высшими советскими военачальниками руководству страны. Там говорилось: «В ближайшее время ожидается появление у вероятного противника баллистических ракет дальнего действия как основного средства доставки ядерных зарядов к стратегически важным объектам нашей страны. Но средства ПВО, имеющиеся у нас на вооружении и вновь разрабатываемые, не могут бороться с баллистическими ракетами. Просим поручить промышленным министерствам приступить к работам по созданию средств борьбы с баллистическими ракетами». Подчеркнем, что этот документ, положивший начало разработке советской системы ПРО, появился на свет еще до того, как в СССР и в США начали разворачиваться баллистические ракеты дальнего действия. Видимо, аналогичными мотивами руководствовались и в США. В результате формирования такого рода механизмов гонка вооружений очень быстро обрела собственную инерцию и стала развиваться в соответствии с ее собственными закономерностями, набирать все большие темпы.

Возникновение «ядерного тупика» не предотвратило наращивания обеими коалициями обычных вооружений, прежде всего на Европейском континенте, причем в данной сфере явно лидировал Советский Союз. В этом также была своя логика. Нельзя было полностью исключать, что в условиях взаимного ядерного сдерживания СССР или США не рискнут использовать свои ядерные силы в случае вооруженного конфликта, в том числе и в Европе. Тогда решающую роль в исходе конфликта будет играть соотношение обычных вооруженных сил и вооружений. Такой вариант вызывал особое беспокойство в странах Западной Европы. Там, в частности, опасались, что США воздержатся от применения своего ядерного оружия с тем, чтобы не ставить собственную территорию под угрозу ядерного удара, даже если обычные вооруженные силы НАТО потерпят поражение.

Таким образом, биполярный характер системы международных отношений и стратегический ядерный паритет во многом изменили функции и механизмы применения военной силы. Ее важнейшей задачей стало сдерживание потенциальной агрессии.

Это сыграло важную роль в предотвращении глобального военного столкновения государств двух противостоящих систем. Но одновременно на первый план вышли некоторые новые, косвенные способы использования военной силы. Так, многие эксперты полагают и, видимо, не без оснований, что стимулирование гонки вооружений было, в частности, рассчитано на то, чтобы измотать экономически более слабый Советский Союз. Если подобный расчет действительно имел место, то он полностью оправдался. Чрезвычайно высокий уровень милитаризации советской экономики стал одним из важных факторов проигрыша холодной войны и, более того, краха как коммунистической системы, так и основанного на ней государства.

По мере нарастания гонки вооружений ее неконтролируемый характер стал вызывать все большее беспокойство у лидеров государств противостоящих общественных систем. Особое внимание привлекали четыре обстоятельства. Во-первых, в некоторых областях складывалось своего рода «тупиковое равновесие» - дальнейшее наращивание тех или иных вооружений, прежде всего, относящихся к средствам массового поражения, или определенных параметров таких вооружений, например мощности ядерных боезарядов, не давало ни той, ни другой стороне сколь-нибудь существенных преимуществ, но отвлекало ресурсы от разработки более важных и перспективных систем. Во-вторых, обозначились некоторые возможные направления гонки вооружений, в развитие которых не было вложено значительных средств и которые еще не играли первостепенной роли в формировании стратегического баланса. В-третьих, важно было сохранить монопольное положение ведущих государств в ядерной области или в некоторых других видах оружия массового поражения и не допустить распространения соответствующих вооружений. В-четвертых, оба противостоящих блока были заинтересованы в сохранении ситуации взаимного ядерного сдерживания.

Эти факторы подталкивали руководителей СССР и США, а в ряде случаев и других ядерных государств к поиску средств и методов ограниченного контроля над гонкой вооружений, своего рода управления ею. Суть этих усилий заключалась в том, чтобы, во-первых, на взаимной основе перекрыть те или иные направления гонки вооружений, прежде всего «тупиковые» или не самые важные, но достаточно дорогостоящие, позволив тем самым

сосредоточить усилия в наиболее перспективных областях военно-технического прогресса. Во-вторых, важно было не допустить или ограничить разработку таких систем, которые могли подорвать ситуацию взаимного ядерного сдерживания и резко усилить угрозу самопроизвольной нежелательной эскалации конфликтов вплоть до ядерного столкновения. Соответствующие усилия получили на Западе название «контроля над вооружениями», а в СССР обозначались как «борьба за разоружение», но независимо от различий в терминах и та, и другая сторона руководствовались в общем сходными мотивами.

Одинаковым, в частности, было и стремление в ходе переговоров по контролю над вооружениями ограничить в первую очередь те системы вооружений, по которым преимущество было на стороне партнера, и не допустить или максимально смягчить ограничения на те системы, в которых данное государство чувствовало собственное превосходство. Это придавало переговорам затяжной и исключительно сложный характер, причем особые трудности возникали в связи с тем, что объектами дискуссии становились весьма тонкие моменты сугубо технического свойства. В то же время сам факт переговоров и достижения соглашений приводил к появлению некоторой степени доверия между элитами противостоящих государств, накоплению опыта совместного решения крайне деликатных проблем, связанных с ключевыми вопросами обеспечения безопасности.

Наряду с этими факторами определенное значение имело влияние общественного мнения, озабоченного тем, что наращивание вооружений рано или поздно может привести к военному столкновению. Особенно ощутимо давление со стороны общественности проявилось во второй половине 50-х - начале 60-х годов в вопросах запрещения испытаний ядерного оружия. Следующие всплески массовой озабоченности гонкой вооружений были вызваны развертыванием новых советских ракет средней дальности, создавших принципиально новую угрозу странам Западной Европы, и ответными действиями НАТО, планами развертывания в Европе американского «нейтронного оружия», а затем разработкой принципиально новых систем противоракетной обороны, начатой в США в соответствии со «стратегической оборонной инициативой».

Политические лидеры не могли игнорировать такие настроения, более того, стремились в полной мере использовать

любые достижения в области контроля над вооружениями для укрепления своего авторитета. При этом, разумеется, собственные усилия в этой сфере трактовались исключительно как результат искреннего стремления сохранить мир и остановить гонку вооружений. В итоге вокруг контроля над вооружениями возникла целая система пропагандистских мифов и кампаний. Цель их заключалась в том, чтобы убедить общественное мнение в искренности собственных намерений и коварстве партнера. Типичным, в частности, было выдвижение инициатив, внешне привлекательных и рассчитанных на завоевание симпатий общественности, но заведомо неприемлемых не только для противоположной стороны, но и, во многих случаях, для тех, кто их выдвигал. Однако практические меры в области ограничения и сокращения вооружений становились возможны только там и тогда, где и когда обе стороны по тем или иным соображениям были заинтересованы в конкретном результате.

Исторически первое существенное соглашение по контролю над вооружениями - Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах - было заключено между СССР, США и Великобританией в 1963 г. Этим договором запрещались все ядерные взрывы в атмосфере, космосе и под водой, однако разрешались ядерные испытания под землей. С одной стороны, это соглашение стало результатом весьма существенного давления на политическое руководство указанных держав, которое оказывалось общественным мнением, все более встревоженным тяжелыми экологическими и медицинскими последствиями ядерных испытаний, вызвавших выбросы в окружающую среду больших количеств радиоактивных веществ.

Но, с другой стороны, к началу 60-х годов проведение ядерных взрывов в атмосфере или, например, под водой потеряло смысл с военной точки зрения. К этому времени, в частности, не представляло серьезных трудностей наращивание мощности ядерных боезарядов, была накоплена достаточная информация о воздействии поражающих факторов ядерного взрыва на основные системы оружия, военные и гражданские сооружения, природную среду, получены другие данные, важные для планирования практического использования ядерных вооружений в тех или иных боевых ситуациях. Главные научные и инженерные проблемы состояли в том, чтобы создавать ядерные устройства сравнительно небольших размеров, которые можно было размещать на

носителях, где внешние параметры и вес заряда играли решающую роль, или же предназначенных для решения тех или иных конкретных боевых задач.

Особое значение имела разработка ядерных боезарядов, в которых был существенно увеличен удельный вес отдельных поражающих факторов. Наиболее известным примером такого рода стала «нейтронная бомба», в которой наибольшая часть энергии ядерного взрыва выделялась в виде нейтронного излучения. В 80-е годы появились также сообщения о возможности создания «электромагнитной бомбы», а точнее - ядерного устройства, генерирующего в момент взрыва сверхмощный электромагнитный импульс, способный вывести из строя электронные устройства, в том числе военные компьютерные сети, средства связи и т.д. В связи с этим некоторые специалисты стали говорить о некоем «ослепляющем ударе», лишаящем сторону, ставшую его жертвой, возможности управлять вооруженными силами, в том числе стратегическими вооружениями. Все разработки такого рода не требовали проведения сверхмощных, мегатонных ядерных взрывов в атмосфере. Для них было достаточно испытаний ядерных устройств ограниченной мощности, которые можно было проводить в глубоких подземных шахтах, выброс радиоактивных веществ из которых был сравнительно незначительным.

Обнаружившаяся «избыточность» некоторых направлений гонки вооружений привела к подписанию бывшим Советским Союзом и США в 1972 г. двух соглашений, относящихся к стратегическим вооружениям. Первое - так называемое Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений¹⁶.

¹⁶ К стратегическим наступательным вооружениям относятся прежде всего межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования (МБР), разворачиваемые, как правило, в подземных шахтных пусковых установках или на мобильных платформах. Кроме того, к системам этого класса относятся баллистические ракеты, размещенные на подводных лодках, - баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ). Наконец, к этой категории относятся тяжелые бомбардировщики, способные без дозаправки в воздухе достигать территории СССР или США, вылетая с баз, находящихся в СССР или континентальной части США. По определению к стратегическим системам относятся описанные выше вооружения, если они имеют дальность свыше 5500 км.

Согласно этому документу стороны обязались не начинать строительство дополнительных пусковых установок МБР. Количество же пусковых установок баллистических ракет морского базирования ограничивалось для СССР потолком в 950 пусковых установок, размещенных не более чем на 62 современных подводных лодках. Для США - 710 пусковых установок и 44 подводные лодки. Второе - Договор об ограничении систем противоракетной обороны. Согласно ему запрещалось развертывать системы противоракетной обороны, способные защитить территорию соответствующих государств, а каждой из сторон разрешалось иметь не более двух систем ПРО, способных защитить от ракетного нападения ограниченные участки национальной территории вокруг столицы и одного из районов базирования стратегических систем.

Появление этих соглашений во многом связано с тем, что к началу 70-х годов были разработаны так называемые многозарядные головные части баллистических ракет наземного или морского базирования. Иными словами, на каждую такую ракету оказалось возможным поставить несколько боевых блоков, каждый из которых мог поражать свою собственную цель. В этих условиях стало бессмысленным увеличивать количество ракет-носителей и особенно крайне дорогостоящих шахтных пусковых установок. Гораздо дешевле было наращивать количественные возможности поражения целей на территории потенциального противника, развертывая новые дополнительные боеголовки. Показательно в этой связи, что во временном соглашении об ограничении стратегических наступательных вооружений не было даже намека на возможное ограничение ядерных боезарядов для баллистических ракет.

Стало также нецелесообразным строительство противоракетных систем, основанных на поражении атакующей боеголовки при помощи так называемой противоракеты. Именно на этом принципе были основаны создававшиеся и в СССР, и в США системы ПРО. Возможность быстрого наращивания количества боеголовок путем развертывания многозарядных головных частей потребовала бы соответствующего увеличения количества противоракет, их пусковых установок, средств наведения и т. д. Причем для более или менее надежного перехвата боеголовок потенциального противника, против каждой из них надо было бы развернуть как минимум две противоракеты. С экономической и

технической точек зрения такая задача была непосильной. Наконец, системы ПРО, будучи крайне дорогими, не в состоянии защитить страну от целого комплекса ядерных вооружений, не являющихся баллистическими ракетами, но способных нанести неприемлемый ущерб. К их числу относятся, например, крылатые ракеты воздушного и морского базирования, летящие на предельно низких высотах.

Не допускались договором и создание, испытание и развертывание противоракетных систем морского, воздушного, космического и мобильного базирования. Тем самым стороны, заключая данный договор, ограничивали разработку будущих систем ПРО системами наземного базирования, что, по-видимому, соответствовало тогдашним планам развития новых систем оружия. Вместе с тем Договор по ПРО не запрещал научные исследования и опытно-конструкторские работы в области ПРО, в том числе разработку систем, основанных на так называемых новых физических принципах.

Договор по ПРО сохраняет свое значение до сих пор, причем не только потому, что он самым существенным образом ограничивает бесперспективное направление гонки вооружений. Это соглашение представляет собой принципиально важное средство стабилизации взаимного ядерного сдерживания. Дело в том, что как разрабатывавшиеся в прошлом, так и создаваемые сегодня системы ПРО, по оценкам большинства экспертов, не в состоянии с необходимой степенью надежности перехватить несколько тысяч атакующих боеголовок, которые могут быть использованы в первом массированном ударе по военным и гражданским целям на территории СССР (а сейчас России) или США. Тем не менее они могут оказаться достаточно эффективными в случае защиты территории инициатора стратегического ядерного обмена от ответного удара. Последний наносится стратегическими средствами, в том числе морскими и наземными баллистическими ракетами, уцелевшими после первого удара. Если таких ракет окажется немного, например несколько десятков, то системы ПРО могут по крайней мере гипотетически свести к некоему «приемлемому минимуму» ущерб от ответного использования стратегических ядерных ракет. В этих условиях обе стороны потенциального конфликта могут прийти к выводу, что в условиях эскалации вооруженной конфронтации наиболее «рациональной» - в сугубо военном смысле - может стать стратегия нанесения

массированного ядерного удара первым. А это, в свою очередь, является фактором дестабилизации стратегического баланса и разрушения взаимного ядерного сдерживания.

Несмотря на бесперспективность создания систем ПРО «традиционного типа», т.е. основанных на использовании противоракет, поражающих атакующие боеголовки, в Советском Союзе продолжалось разрешенное Договором по ПРО строительство противоракетной системы вокруг Москвы, состоящей из 100 пусковых установок противоракет и нескольких радиолокационных станций, предназначенных для определения траектории приближающихся боеголовок и наведения на них противоракет. Что касается США, то соответствующие работы были прекращены и строительство противоракетной обороны, предназначенной для обороны района базирования МБР, было свернуто.

Это типичный пример иррациональности военно-промышленной политики СССР, поскольку система ПРО вокруг Москвы могла защитить столицу лишь от нескольких десятков ядерных боезарядов, причем вероятность ее эффективной работы в реальных боевых условиях принципиально не могла быть проверена. Никто не мог гарантировать, что против Москвы не будет использовано большее количество атакующих боеголовок, чем может быть перехвачено противоракетной системой. Более того, входящие в ее состав ракеты оснащены ядерными боевыми частями. Это означает, что при ее использовании на относительно небольшом расстоянии от Москвы произойдут сто ядерных взрывов, последствия которых трудно себе представить.

Помимо Договора по ПРО принципиально значимым явился подписанный 1 июля 1967 г. многосторонний Договор о нераспространении ядерного оружия. Фактически он содержит два важнейших обязательства. Подписавшие его ядерные государства обязались не передавать неядерным государствам ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, контроль над этим оружием, не содействовать каким-либо образом тому, чтобы неядерные государства приобретали это оружие. Со своей стороны неядерные государства обязались не производить и не приобретать каким-либо иным образом ядерное оружие. Данный договор зафиксировал монопольное положение ядерных держав и одновременно существенно ограничил возможность распространения ядерного оружия, хотя, как показали действия

Индии и Пакистана, и не перекрыл ее полностью. В настоящее время несколько государств - Индия, Израиль, Пакистан, Северная Корея и другие либо приобрели такое оружие, либо вплотную подошли к его созданию.

В 60 - 70-е годы было заключено также несколько многосторонних соглашений, перекрывающих те или иные направления гонки ядерного и иных видов оружия массового уничтожения, выводящих из нее либо отдельные географические регионы, либо такие сферы, как космос и дно морей и океанов. Так, в декабре 1959 г. был подписан Договор об Антарктике, согласно которому данный континент может использоваться исключительно в мирных целях. Согласно двум договорам - Договору Глателолко (подписан в феврале 1967 г.) и Договору Раротонга (подписан в августе 1985 г.) Латинская Америка, Карибский регион и южная часть Тихого океана были объявлены безъядерными зонами. В начале 1967 г. был подписан Договор о принципах, определяющих деятельность государств в целях изучения и использования космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, согласно которому в космическом пространстве запрещалось размещение оружия массового уничтожения, создание военных баз, укреплений и т.д. В феврале 1971 г. был заключен договор, запретивший размещать ядерное и другие виды оружия массового уничтожения на дне морей и океанов.

Несколько других договоров перекрывали разработку некоторых принципиально новых средств ведения войны либо запрещали давно разрабатываемые, но малоэффективные, особенно применительно к гипотетическому советско-американскому конфликту, средства массового поражения. Так, в апреле 1975 г. была заключена многосторонняя конвенция, запрещающая создание, производство, хранение бактериологического и токсинного оружия и требующая уничтожения уже накопленных запасов такого оружия и средств его доставки. Через два года, в мае 1977 г. была подписана конвенция, запрещающая воздействие на окружающую природную среду в военных и иных враждебных целях.

Несмотря на эти соглашения и конвенции, гонка вооружений в 60 - 70-е годы продолжалась на самых перспективных ее направлениях и привела к возникновению нескольких весьма опасных ситуаций. Первая была порождена разработкой и принятием на вооружение новых образцов ядерных ракет средней

дальности. Суть этой проблемы состояла в том, что во второй половине 70-х годов Советский Союз стал развертывать в массовом порядке как в западной, так и в восточной частях страны новые баллистические ракеты, названные на Западе СС-20, оснащенные каждая тремя разделяющимися боеголовками индивидуального наведения. Это было весьма совершенное оружие, способное доставлять ядерные боевые блоки к целям на расстояние до 4 тыс. км с весьма высокой точностью. Как на Западе, так и в Китае развертывание этих вооружений вызвало самую серьезную озабоченность, было расценено как свидетельство подготовки СССР к началу ограниченной ядерной войны.

Логика рассуждений военных и политических экспертов государств НАТО была весьма простой. Она состояла в том, что, развертывая в больших количествах СС-20, Советский Союз обретает возможность «одним ударом» уничтожить несколько сот, а может быть, и больше важнейших военных целей на территории Западной Европы - командные пункты, узлы связи, средоточия коммуникаций и войск, аэродромы, склады вооружений и т.д. Если такой удар действительно будет нанесен, то он самым существенным образом ослабит вооруженные силы НАТО, и страны Западной Европы окажутся практически беззащитными. В таких условиях Соединенные Штаты окажутся перед исключительно сложной дилеммой - либо смириться с разгромом союзников по НАТО, либо ввести в действие свои стратегические ядерные силы, ставя тем самым под угрозу опустошающего ответного стратегического удара собственную территорию. Такая оценка подтверждалась, с западной точки зрения, тем, что, несмотря на интенсивное политическое давление со стороны Запада, тогдашнее советское руководство категорически отказывалось прекратить развертывание СС-20.

После долгих и напряженных переговоров выход из этой ситуации государства НАТО нашли в развертывании на территории нескольких западноевропейских стран новых американских средств средней дальности - баллистических ракет «Першинг-2» и крылатых ракет, способных поразить важнейшие военные и политические цели на большей части европейской территории СССР. Решение о развертывании таких систем было принято высшими органами НАТО в начале 80-х годов, и с 1983 г. новые американские ракетные системы стали развертываться в Западной Европе. Вначале тогдашнее советское руководство попыталось

остановить развертывание новых американских ракет путем нагнетания международной напряженности. Так, в заявлении Ю. В. Андропова от 24 ноября 1983 г. говорилось о том, что СССР прекращает переговоры по ядерным средствам средней дальности в Европе, будет размещать свои оперативно-тактические ракеты повышенной дальности на территории Чехословакии и ГДР и развертывать дополнительные ядерные средства морского базирования.

Однако жесткие меры, объявленные советским руководством, не достигли своих целей. При этом развертывание американских ракет в Западной Европе кардинально изменило положение дел. Теперь уже Советский Союз оказался под угрозой массированного ядерного удара с территории Западной Европы, способного уничтожить не только значительную часть инфраструктуры, но и центры партийно-политического руководства СССР, в том числе командные бункеры, находящиеся на европейской территории Советского Союза. Особую тревогу советского военно-политического истеблишмента вызывало то, что подлетное время американских ракет «Першинг-2» составляло около 15 минут, что практически лишало советское военное командование и политическое руководство возможности принять ответные меры в случае неожиданного нападения со стороны НАТО.

В этих условиях горбачевское руководство было вынуждено изменить позицию и после очень тяжелых переговоров с США согласиться на полное запрещение на взаимной основе всех ракет средней и меньшей дальности. Договор об этом, подписанный в Вашингтоне в декабре 1987 г., обязывал стороны уничтожить все ракетные системы, как баллистические, так и крылатые наземного базирования с дальностью от 500 до 5500 км. По сути, этот договор означал переход к новой парадигме контроля над вооружениями. Вместо отсекаемых малоперспективных направлений гонки вооружений, что давало возможность концентрировать усилия на «прорывных» направлениях, впервые удалось договориться об уничтожении целого класса новых, весьма эффективных вооружений, что реально приводило к улучшению стратегической ситуации в Европе и на Дальнем Востоке и, таким образом, во всем мире.

Новые установки в области контроля над вооружениями позволили заключить в 1991 г. принципиально важное соглашение

о сокращении стратегических наступательных вооружений, известное как Договор СНВ-1¹⁷. Впервые удалось договориться о реальном значительном сокращении боезарядов, имевшихся в распоряжении СССР и США, охватить сокращениями не только баллистические ракеты, но и авиационную компоненту стратегической триады а также ввести ограничения на некоторые типы межконтинентальных баллистических ракет. Так, согласно Договору СНВ-1 общее количество стратегических боезарядов на каждой стороне должно быть сокращено до 6000 единиц, при этом количество боезарядов на баллистических ракетах морского и наземного базирования не должно превышать 4900 единиц, максимальное количество боезарядов на мобильных ракетах было ограничено потолком в 1100 единиц, а максимальное количество «тяжелых ракет» - пределом 154 единицы, притом, что общее количество развернутых на них боеголовок не должно превышать 1540 единиц¹⁸.

Не менее важным было заключение в 1990 г. Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ОВСЕ). Этот договор разрабатывался для того, чтобы снизить уровень и опасность вооруженной конфронтации двух военно-политических блоков в Европе, которые (особенно Организация Варшавского договора) сосредоточили в зоне соприкосновения друг с другом колоссальные группировки обычных вооруженных сил. Согласно оценкам авторитетного Международного института стратегических исследований в Лондоне, соотношение сил в Европе в середине 80-х годов выглядело следующим образом:

¹⁷ СНВ - стратегические наступательные вооружения.

¹⁸ Реально, в соответствии с так называемыми «правилами засчета» боезарядов, находящихся на тяжелых бомбардировщиках, СССР мог иметь около 7000 стратегических боеголовок, а США - около 8000. «Тяжелыми ракетами» названы советские ракеты СС-18, забрасываемый вес которых составлял 8,8 т, что примерно вдвое превышало забрасываемый вес самого мощного из других типов баллистических ракет.

Таблица 1

	ОВД	НАТО
Боеготовые дивизии	107	101
Танки	52200	22200
Артиллерия (включая минометы и системы залпового огня)	46500	13700

Цель Договора об ОВСЕ состояла в том, чтобы устранить возможность неожиданного нападения и проведения крупномасштабных наступательных операций. Для этого было решено выровнять количества наступательных вооружений - танков, боевых бронированных машин (ББМ) и артиллерийских систем в масштабах Европейского континента в целом и применительно к нескольким географическим регионам, так или иначе соотносящимся с зоной непосредственного соприкосновения НАТО и ОВД. Последнее было необходимо для того, чтобы не только выровнять боевые возможности войск «первых стратегических эшелонов», которые должны были вступить в действие сразу по получении приказа, но и устранить дисбалансы «вторых стратегических эшелонов», которые могли быть введены в бой в течение относительно короткого времени. Что касается авиации, т.е. боевых самолетов и ударных вертолетов, то их способность к переброске за считанные дни на большие расстояния сделала региональные ограничения бессмысленными.

Весь Европейский регион «от Атлантики до Урала» с включением основной части Турции был разделен на четыре зоны. К первой, получившей название «Центральная Европа», были отнесены Германия, страны Бенилюкса, Польша, Венгрия, Чехия и Словакия. Именно в этой зоне концентрировались ударные группировки ОВД и соответствующие войска НАТО и могли развернуться первые сражения третьей мировой войны.

Ко второй зоне, названной «расширенная Центральная Европа», относились Центральная Европа, а также Дания, Великобритания, Франция, Италия и территории западных военных округов бывшего СССР - Прикарпатского, Белорусского, Прибалтийского и Киевского. Во входящих во вторую зону военных округах бывшего СССР были сосредоточены крупные

боеготовые группировки сухопутных войск и авиации, составлявшие «второй стратегический эшелон». Они должны были вступить в действие, когда силы «первого эшелона» будут уничтожены или измотаны. В НАТО эту роль могли (теоретически) выполнять французские войска. Но, учитывая тогдашнюю позицию Франции относительно военной организации НАТО, трудно сказать, какие конкретно планы использования ее войск в сражениях в Центральной Европе могли существовать в годы холодной войны.

К третьей зоне были отнесены «расширенная Центральная Европа», а также так называемый тыловой район - Испания, Португалия, территории Московского и Приволжско-Уральского военных округов бывшего СССР. Наконец, была введена «фланговая зона», в которую входили Исландия, Норвегия, Греция и Турция, а также территории Ленинградского, Одесского, Северо-Кавказского и Закавказского военных округов бывшего СССР.

Помимо этого, каждой группе государств-участников разрешалось иметь на складском хранении 3 500 танков, 2 700 боевых бронированных машин и 3 000 артиллерийских установок. Далее, в рамках каждой группы государств-участников были распределены квоты для вооружений входящих в них государств.

Суть договора заключалась в том, что для каждой группы государств-участников, представлявших, соответственно, членов НАТО и ОВД, были введены количественные потолки на ограничиваемые договором вооружения в каждой географической зоне. Для вооружений регулярных частей они даны в табл. 2.

Таблица 2

	Т анки	Б БМ	Артилл ерия	Бое вые самолеты	Удар ные вертолеты
Зона 1	7500	11250	5000	-	-
Зона 2	10300	19250	9100	-	-
Зона 3	11800	21400	11000	-	-
Зона 4	4700	5900	6000	-	-
Район применения	16500	27300	17000	6800	2000

Подписание этого договора имело большое значение для европейской безопасности, поскольку реально подлежали уничтожению десятки тысяч единиц вооружений, выравнивались боевые потенциалы войск противостоящих коалиций. Но события развивались таким образом, что практически сразу после подписания Договора ОБСЕ распалась Организация Варшавского договора, а затем рухнул и Советский Союз, проигравший холодную войну. Стратегическая ситуация в Европе радикальным образом изменилась, и возникла весьма сложная проблема приспособления Договора об ОБСЕ к новым военно-политическим реальностям. Однако решать эту проблему начали только в 1997 г. Одной из причин этого было согласие участников договора с тем, что сначала надо выполнить его положения и, соответственно, сократить национальные вооруженные силы, а затем уже искать пути адаптации к новой обстановке. Другая причина состояла в том, что вопрос об изменениях договора оказался самым тесным образом переплетенным с проблемой расширения НАТО на восток.

§ 12.3 РОЛЬ ВОЕННОЙ СИЛЫ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР И КРУШЕНИЯ БИПОЛЯРНОЙ СИСТЕМЫ

Развитие событий после Второй мировой войны показало, что роль военной силы в международных отношениях не является чем-то раз и навсегда заданным. Она зависит как от ее собственных качественных и количественных характеристик (пример тому - появление ядерного оружия с его иррациональной разрушительной силой), так и от системы международных отношений. И потому в 90-е годы, после того как рухнули тоталитарные режимы левого толка в странах Центральной и Восточной Европы и распался Советский Союз, встали принципиально важные вопросы: какова может быть роль военной силы в новой формирующейся системе международных отношений и какова природа самой этой системы? Произойдет ли возвращение к прежним моделям и стратегиям внешнеполитического поведения, основанным на военной силе, или же возникнет некоторая отличная как от биполярной, так и от предшествовавшей ей система, где военная сила приобретет во многом новые измерения и функции? Эти вопросы стали предметом научного анализа и острых политических дискуссий в России и во всем мире. При этом зачастую академические

разработки оказались тесно связанными с теми или иными политическими доктринами, отражающими как прямо, так и косвенно интересы различных социальных групп и лобби.

В самом общем плане сложились два принципиально разных представления о формирующейся в 90-е годы системе международных отношений и, соответственно, роли в ней военной силы. Первое исходит из того, что после краха биполярной системы мир распадается на некие крупные образования или общности, которые в цивилизационном, культурном и политическом отношении все больше расходятся друг с другом и потому рано или поздно столкнутся в ожесточенных противоречиях и конфликтах. Наиболее известная концепция такого рода принадлежит крупному американскому ученому С. Хантингтону. Он охарактеризовал будущую мировую политику как столкновение цивилизаций, отличающихся друг от друга языком, историей, религией, традициями, институтами и субъективной самоидентификацией людей. «Мировая политика, - писал Хантингтон, - вступает в новую фазу... основной источник конфликтов в новом мире будет порожден не идеологией или экономикой, а главным образом различиями в культуре. Национальные государства останутся самыми мощными силами в мировых делах, и наиболее важные конфликты будут происходить между нациями или их группами, принадлежащими к различным цивилизациям. Линии разлома между цивилизациями станут в будущем горячими точками». Если эта версия справедлива, то тогда военная сила, может быть, не только вернется к своей традиционной роли, но, возможно, даже приобретет новое, более важное значение.

В России концепция «столкновения цивилизаций» обрела немало сторонников. Она также перекликается с идеей многополюсного мира. Фактически там речь идет о том, что формируются несколько самостоятельных «центров силы» - США, Европа, Россия, Китай и Япония, а также несколько иных, более низкого уровня - Бразилия, Индия и др., отношения которых будут определять мировую политику. Последняя может воспроизводить, разумеется, применительно к новым условиям, модель баланса сил, существовавшую в Европе в XVIII - XIX вв. Для этой системы были характерны неустойчивые коалиции, а главный мотив внешней политики - недопущение военного доминирования какого-либо одного «центра силы». При этом, однако, в данной системе

периодически возникали вооруженные конфликты и войны, в результате которых устанавливалось неустойчивое равновесие, таившее опасность новых столкновений и войн.

Другое видение будущих международных отношений основано на концепции американского философа Ф. Фукуямы. По его мнению, возникает универсальная цивилизация, охватывающая важнейшие регионы земного шара, основанная на торжестве либеральных ценностей, присущих западному обществу. «...Трудно избавиться от ощущения, - писал Фукуяма в своей знаменитой статье «Конец истории», - что во всемирной истории происходит нечто фундаментальное... На наших глазах в двадцатом веке мир был охвачен пароксизмом идеологического насилия, когда либерализму пришлось бороться сначала с остатками абсолютизма, затем с большевизмом и фашизмом и, наконец, с новейшим марксизмом, грозившим втянуть нас в апокалипсис ядерной войны. Но этот век, вначале столь уверенный в триумфе западной либеральной демократии, возвращается теперь, под конец, к тому, с чего начал: не к предсказывавшемуся еще столь недавно «концу идеологии» или конвергенции капитализма и социализма, а к неоспоримой победе экономического и политического либерализма». Если прав Фукуяма, то военная сила неизбежно будет терять свое значение - она будет применяться лишь за пределами «либерального мира», в тех частях планеты, которые остаются вне зоны торжества цивилизации, основанной на либеральных принципах.

Возникают естественные вопросы: какая концепция - столкновения цивилизаций, многополярного мира или конца истории - адекватна реальностям мирового развития? Будет ли в мире в XXI в. воспроизводиться европейский баланс сил XVIII - XIX вв.? Эти вопросы отнюдь не просты, и пока на них вряд ли можно дать однозначные ответы. В самом общем плане проблема состоит в том, можно ли действительно имеющее место разнообразие или, точнее, многообразие современного и будущего мира, прежде всего многообразие цивилизационное и культурное, рассматривать как многополярность в ее традиционной интерпретации, в какой мере культурные различия будут порождать военную конфронтацию. При этом развитие событий для России может зависеть от того, будет ли она ориентироваться на адаптацию к доминирующим в мире процессам, ассоциировать себя с либеральной цивилизацией, по крайней мере в политическом

и экономическом планах, или же противопоставит себя как Западу, так и Востоку.

Происходящие в современном мире процессы, как уже говорилось, не дают пока возможности уверенно утверждать, что военная сила вытесняется из мировой политики. Локальные и региональные вооруженные конфликты, во многих из которых внутреннее противоборство переплетается с межгосударственными столкновениями, остаются характерной чертой зоны развивающегося мира. Об этом свидетельствуют гражданские войны в Афганистане и Таджикистане, острейшие этнические конфликты в Африке, многие из которых сопровождаются фактическим геноцидом. Напряженная обстановка сохраняется на Ближнем Востоке, прежде всего в результате авантюристической политики нынешнего иракского режима. Очагом крайне опасного военного столкновения может стать Корейский полуостров. Нет оснований считать, что изжиты традиционные причины и факторы, порождающие конфликты и войны. Так, в Восточной Азии вызывают беспокойство нерешенные территориальные споры из-за ряда островов и архипелагов, большинство из которых находится в районах, потенциально богатых запасами энергетического сырья. Чреваты эскалацией конфликта отношения между Грецией и Турцией, Турцией и Кипром.

Крах коммунистических режимов в бывших СССР, Югославии, а также в Албании сопровождался вспышками вооруженного насилия и конфликтов, многие из которых не потушены до сих пор. К их числу относятся война в Боснии и Герцеговине, операция НАТО против режима Милошевича, приглушенные, но неурегулированные конфликты и гражданские войны в Молдове, Грузии, Таджикистане, армяно-азербайджанское противоборство из-за Нагорного Карабаха. Некоторые специалисты ставят вопрос о формировании новой «дуги нестабильности и конфликтов», идущей от Балкан через Молдову, Крым, Кавказ и Каспийский регион к Таджикистану и Афганистану.

Сохранение локальных и региональных конфликтов, как внутренних, так и международных, породило новые формы применения военной силы. К их числу относятся прежде всего миротворческие операции. В них коллективные вооруженные силы применяются для восстановления и поддержания мира, пресечения вооруженного насилия как внутри государств, так и в отношениях между ними. Специфика этих операций заключается в том, что они

осуществляются по мандату международных организаций, прежде всего ООН. К таким операциям относится и так называемое принуждение к миру, когда миротворческие силы проводят боевые операции, направленные на пресечение агрессии и восстановление статус-кво. Примером эффективного «принуждения к миру» стала международная операция, проведенная против Ирака и получившая название «Буря в пустыне». В ее результате была восстановлена независимость Кувейта, захваченного Ираком в ходе агрессивной неспровоцированной войны, существенно ограничена способность режима Саддама Хусейна вновь обострять военно-политическую обстановку в регионе.

Далеко не все миротворческие операции приводят к успеху. Так, окончилась неудачей миротворческая операция в Сомали, где не удалось остановить внутреннюю межплеменную войну, приведшую фактически к краху государственности. Оказались неэффективными несколько операций в Африке, в районе Великих озер, где развернулись ожесточенные этнические войны. Есть и другие примеры такого рода. Эти неудачи, однако, не заслоняют становящейся все более отчетливой тенденции - военная сила в определенных случаях применяется не в традиционных целях захвата территорий, источников сырья и т.п. (хотя и это далеко не изжито), а в целях восстановления международного правопорядка, поддержания мира и безопасности, осуществления необходимых гуманитарных акций.

Кроме того, в 90-е годы наблюдается тенденция к «обессиливанию» военной силы, которая нередко оказывалась не способной решать те или иные политические проблемы. Подобная ситуация возникла еще в 70-е годы. Наиболее показательным примером такого рода стало поражение США в Индокитае. Американские войска, обладавшие превосходящей военной мощью, не смогли одержать победу, которая позволила бы Вашингтону достичь своих политических целей в этом регионе. Практически аналогичным был и результат советского вмешательства в Афганистане, откуда бывший СССР был вынужден вывести свои войска, не добившись желаемых политических результатов. Поражение российской армии в Чечне - продолжение той же тенденции. Другим ее проявлением стало возникновение своего рода тупиковых ситуаций в ряде локальных конфликтов, когда длительные военные действия обессиливали и ту, и другую сторону и не приводили к победе ни одну из них.

Вместе с тем операция НАТО против режима Милошевича, осуществленная в марте - июне 1999 г., высветила ряд проблем, сложностей и противоречий, присущих современной системе международных отношений и связанных с ролью военной силы в складывающихся военно-политических условиях. Что может и должно предпринять международное сообщество в случае массовых нарушений прав человека и, более того, фактического геноцида, осуществляемых теми или иными преступными режимами? Насколько эффективной в пресечении такого рода эксцессов является Организация Объединенных Наций, особенно если среди пяти постоянных членов Совета Безопасности возникают разногласия относительно конкретных действий против такого рода режимов? Не приведет ли применение военной силы, разрешающее один комплекс проблем, к появлению ряда новых, не менее сложных? Не окажется ли Россия в опасной международной изоляции, если в той или иной степени ассоциирует себя с «государствами-изгоями», бросающими вызов мировому сообществу?

Итоги войны на Балканах, видимо, еще долго будут анализироваться военными и экспертами. Но уже сейчас можно сделать ряд вполне определенных выводов. Прежде всего, подтверждается тенденция к денуклеаризации военно-политических отношений и мировой стратегической обстановки. То обстоятельство, что Россия является второй в мире ядерной державой, не помогло Москве добиться своих целей в ходе конфликта, прежде всего предотвратить бомбардировки Сербии. В свою очередь, три ядерные державы - США, Великобритания и Франция, вступив в войну с режимом Милошевича, никак не использовали (да и не могли использовать) свой ядерный потенциал и ядерный статус.

Далее, НАТО одержала убедительную победу не только над режимом Милошевича, заставив последний принять условия, предложенные на переговорах в Рамбуйе, но и над многочисленными скептиками, утверждавшими, что без тяжелой и кровопролитной наземной операции невозможно добиться успеха в этой войне. Кроме того, НАТО утвердила себя в качестве важнейшей военно-политической структуры в евро-атлантическом регионе, способной к эффективному применению силы в тех или иных политических целях. Наконец, в практику международных отношений введено успешное использование военной силы во имя

гуманитарных целей - прекращения массового насилия и этнических чисток - без санкции ООН.

В то же время результаты операции НАТО против режима Милошевича в более долгосрочном плане представляются весьма противоречивыми. Неясно, насколько успешным станет наведение порядка в Косово, каково политическое будущее Армии освобождения Косово, не приведет ли развитие событий в Косово к албанской экспансии в регионе во имя создания Великой Албании, и как это скажется на стабильности в этой части Балкан. Но, пожалуй, наиболее противоречивым и сложным является влияние войны в Югославии на политическое будущее ООН и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). И та, и другая, по сути дела, оказались бессильными остановить этнические чистки и акции геноцида в Косово. Это неизбежно привело к тому, что их вес и авторитет в мировой политике существенно снизились, а принципиальные вопросы урегулирования в Косово на деле решались вне рамок ООН - на встречах министров иностранных дел «группы семи» и России.

Военная операция НАТО против режима Милошевича, бесспорно, осложнила отношения России со странами Североатлантического альянса, прежде всего с США. Она также предельно жестко поставила российскую государственную элиту перед необходимостью стратегического выбора между формальной или неформальной ассоциацией страны с режимами, подобными режимам Милошевича, Саддама Хусейна, фундаменталистского Ирана, Северной Кореи, с одной стороны, или с развитыми промышленными странами Запада - с другой. Этот выбор пока не сделан. Для его осуществления необходим тщательный профессиональный, свободный от идеологических установок и эмоций анализ последствий того или иного курса с точки зрения долгосрочных интересов России как в сфере экономики, так и в области безопасности.

В этом анализе, в частности, важное место должен занять вопрос, насколько Россия заинтересована в сохранении соглашений и договоренностей, достигнутых с Западом, в том числе и прежде всего с США, в области контроля над вооружениями, в сохранении и развитии элементов сотрудничества с Соединенными Штатами и другими государствами - членами НАТО, нацеленного на борьбу с терроризмом, организованной преступностью, наркобизнесом и преодоление других «нетрадиционных» угроз, а также - в

перспективе - на стабилизацию социально-экономического и политического положения в новых независимых государствах, возникших на развалинах СССР.

После начала операции НАТО против режима Милошевича в российской политической и академической элитах распространилось представление, будто эта операция ликвидировала саму основу конструктивного сотрудничества России с Западом, в первую очередь с США, заставила отложить на неопределенное время решение всего комплекса проблем поддержания и укрепления безопасности. Такая постановка вопроса не учитывает, что развитие сотрудничества в этой сфере в 90-е годы было не только и не столько результатом политических симпатий российской и западных элит друг к другу (если таковые вообще имели место), сколько результатом прагматических подходов, осознания того, что совместные решения проблем безопасности, по крайней мере, поиски таких решений отвечают интересам как России, так и Запада, в том числе США. Операция НАТО против режима Милошевича не отменила необходимости решения этих проблем. Война на Балканах, например, не снизила заинтересованности России в установлении дополнительных ограничений на американские стратегические вооружения, адаптации Договора по ПРО, соответствующей российским интересам и учитывающей американские тревоги, и т.д. Скорее, в новой стратегической обстановке эта заинтересованность возрастает.

В условиях сложившегося в 90-е годы соотношения экономических и военных потенциалов на мировой арене, необходимости трудного и длительного реформирования российских вооруженных сил, зависимости экономики России от ведущих держав Запада, отсутствия у России реальных союзников и в силу других известных обстоятельств разрыв отношений России с США, в том числе в военно-политической области, обернулся бы для нас неизмеримо большими издержками, чем для наших западных партнеров.

Возобновление военно-политической и идеологической конфронтации с Западом приведет к изоляции России на мировой арене, что, в свою очередь, неизбежно вызовет переход к так называемым мобилизационным моделям экономики. Реализация последних невозможна без установления в стране авторитарного режима, который попытается внеэкономическими методами

перераспределить ресурсы в пользу ВПК. Это, как показывают исследования общественного мнения, не соответствует массовым ожиданиям и предпочтениям, а потому способно лишь обострить социально-политическую обстановку в стране, привести к неясным в подробностях, но, скорее всего, тяжелым последствиями. Последние события свидетельствуют, что левая (но и не только левая) оппозиция и часть военных кругов сознательно провоцируют обострение отношений с Западом, желая усилить свои позиции и в конечном счете прийти к власти в условиях нарастания экономических трудностей и сопряженной с ними внутренней нестабильности в стране. Но это никоим образом не отвечает ни задаче сохранения российской государственности, ни задаче продолжения демократических преобразований.

Все это свидетельствует о необходимости продолжения диалога с Западом, прежде всего с США, по вопросам безопасности, сохранения накопленного потенциала договоренностей и соглашений в этой области, развития сотрудничества в тех сферах, где это соответствует интересам безопасности Российской Федерации. Для дальнейшего анализа требуется определить эти интересы более детально.

В самом общем виде интересы безопасности России распадаются на две основные группы. Прежде всего, необходимо обеспечить условия для длительного периода спокойного, мирного развития страны. Для этого важно не допустить соскальзывания к конфронтации с ведущими государствами Запада и их военно-политическими объединениями, возобновления гонки вооружений, которую Россия не выдержит по экономическим причинам. В настоящее время вероятность такой конфронтации может вытекать прежде всего из непродуманных, эмоционально мотивированных действий России на мировой арене. И самое главное: без длительного мирного периода в отношениях с Западом Россия не сможет решить две ключевые проблемы своей безопасности: во-первых, выйти из экономического кризиса и начать модернизацию экономики; во-вторых, осуществить кардинальную реформу своих вооруженных сил, привести их в соответствие с требованиями XXI в.

Следующая группа российских интересов безопасности вытекает из необходимости обеспечить стабильное, дружественное или, по крайней мере, нейтральное международное окружение в непосредственной близости к нашим границам, устранить там

источники конфликтов и напряженности, которые так или иначе распространяются на российскую территорию, не допустить укрепления в приграничных, прежде всего новых независимых государствах антироссийских сил. В свете начавшегося расширения НАТО особую значимость приобретает, во-первых, создание и развитие международно-правовых механизмов, ограничивающих возможности наращивания вооруженных сил и вооружений стран - членов альянса, в том числе и прежде всего иностранных войск на территориях новых государств - членов НАТО; во-вторых, укрепление и развитие мер доверия и безопасности в зонах, прилегающих к западным российским границам или находящимся от них в непосредственной близости. При этом присоединение к такого рода механизмам, режимам и договоренностям прибалтийских государств приобретает для нас первостепенное значение, учитывая, что нынешняя реакция России на события на Балканах увеличила вероятность приглашения прибалтийских стран в НАТО.

Исключительно важным является то, что в 90-е годы закрепились тенденции к демилитаризации отношений между развитыми индустриальными странами с устоявшимися демократическими режимами. Пока нет оснований говорить и о том, что военная сила будет играть серьезную роль в отношениях России с государствами Запада. Это обусловлено несколькими факторами.

Прежде всего, постоянно возрастает экономическая взаимозависимость современного мира, имеющая очень сложную структуру, уже соединившую в единое целое хозяйственные комплексы стран демократического и промышленно развитого Севера. В этих условиях страны Европы, Северной Америки и Япония являются, по сути, подсистемами единой экономической системы, соединенными финансовыми, торговыми и технологическими цепочками. Не случайно в последние двадцать лет важнейшую роль во взаимоотношениях этих государств играют усилия, направленные на решение экономических и финансовых проблем, обеспечение наиболее благоприятных условий хозяйственного развития. Не вызывает сомнений, что не только вооруженное столкновение, но даже сколько-нибудь серьезный политический конфликт между этими тремя важнейшими проточиями экономической и военно-политической мощи может

привести к крупномасштабным экономическим катастрофам, затрагивающим каждое из них..

Россия также включена в эту экономическую систему, хотя и весьма односторонним образом - она выступает как поставщик на мировые рынки энергетического и иного сырья. Видимо, нет необходимости говорить о том, что развитие российской экономики во многом, если не в решающей степени, зависит от экспорта сырья, прежде всего на европейские рынки. Такая ситуация может вызвать самые удрученные чувства у части российского населения и российских элит. Это понятно, поскольку массовое сознание в России унаследовало от прошлого определенное удовлетворение от причастности к сверхдержаве, чья военная мощь внушала опасение всему миру. Однако реальная практическая задача России состоит в том, чтобы наилучшим образом использовать сырьевые ресурсы для модернизации экономики.

Экономическая взаимозависимость дополняется ростом политического единства развитых демократических государств. Цивилизационной его основой служат общие либеральные ценности. Происходит постепенное приобщение к соответствующим ценностям и институтам новых стран и обществ. В практическом плане единство государств Евроатлантического региона нашло свое выражение в сохранении, а затем и расширении во второй половине 90-х годов Организации Североатлантического договора. В отличие от Организации Варшавского договора, исчезнувшей со стратегической карты мира сразу же после того, как рухнули коммунистические режимы в странах Восточной и Центральной Европы, НАТО не только сохранилась после окончания холодной войны, но и постепенно обретает новые функции и задачи, как военного, так и невоенного характера. Это вряд ли можно объяснить только бюрократической инерцией центрального аппарата Североатлантического союза.

В стратегическом и концептуальном плане решения мадридской сессии Совета Североатлантического союза, состоявшейся летом 1997 г., далеко выходят за рамки собственно приема в эту организацию нескольких новых членов из числа государств Центральной и Восточной Европы. Эти решения фактически подвели итог осмысления правящими кругами Запада новых реальностей, сложившихся после прекращения холодной войны. Они прежде всего подтвердили значение, которое в новых условиях страны Северной Америки и Европы придают

сотрудничеству друг с другом и НАТО - как важнейшей несущей конструкции и основному механизму практического осуществления атлантической солидарности. С этой точкой зрения, начавшееся расширение НАТО выступает как один из центральных элементов долгосрочной стратегической линии Запада, основанной на императивах совместного поиска общей политики, направленной на решение возникающих проблем. Можно с уверенностью сказать: если бы после прекращения холодной войны исчез смысл существования НАТО, то никакого расширения этой организации не произошло бы.

После краха Советского Союза и возглавляемого им военно-политического блока НАТО выступает не столько как военная организация, в прошлом противостоявшая ОВД, но во все большей степени как механизм согласования политической и военной линий стран Атлантического региона. Этот механизм вырастает не только из необходимости защиты европейских государств или урегулирования тех или иных конкретных международных конфликтов. Он также порожден глубокой общностью их политической культуры, сходного видения мира и своего места в нем, единых либеральных ценностей, определяющих единство их политических систем. Иными словами, НАТО фактически трансформировалась из сугубо военного союза в один из центральных механизмов определения и реализации общих интересов государств Северной Америки и Европы, более того, атлантической цивилизации как таковой. В этом отношении расширение НАТО стало свидетельством того, что страны Центральной и Восточной Европы рассматриваются как составная часть этой цивилизации.

Зона демократических, промышленно развитых государств постепенно расширяется, вбирая в себя государства Центральной, Восточной и Южной Европы. Это сопровождается во многих случаях крупными сдвигами в цивилизационных и культурных моделях. Примером тому могут быть страны Южной Европы, где еще в середине XX в. доминировали традиционные ценности. В Испании, Италии и Португалии они базировались на глубоко внедренном в массовое сознание католицизме. К сегодняшнему дню все более широкое распространение в этой зоне получает светское видение мира и другие либеральные культурные парадигмы. Сложнее обстоит дело со странами Юго-Восточной Азии и Японией, которые включаются в экономическую и

политическую систему Запада, сохраняя во многом свои традиционные культурные особенности.

И тем не менее там в растущей степени утверждается специфическая азиатская форма демократии, сочетающая политические институты и нормы, присущие любому демократическому обществу, с сохранением ориентации на такие преобладающие ценности, как семья, образование, социальная дисциплина и ответственность. «Азиатская демократия, - писал, например, посол Сингапура в России М. Хонг, - в данный момент является адаптацией либо президентской демократии по-американски, либо парламентской демократии образца британского Вестминстера, с определенными характерными чертами, например денежной политикой, влиянием законных интересов, таких как голосование в сельской местности или землевладение и так далее. В идеале демократия по-азиатски должна быть сочетанием политического плюрализма, свободных и справедливых выборов, экономического либерализма... а также социальной дисциплины и ответственности. В отличие от этого, на Западе вместо социальной дисциплины и ответственности большое внимание уделялось индивидуальным правам».

Таким образом, развитие событий в 90-е годы подтверждает тенденцию формирования обширной зоны экономически развитых и демократически ориентированных государств с близкими формами политической культуры, постепенно распространяющейся на все новые регионы Европы, Азии и Латинской Америки. Во взаимоотношениях государств этой зоны военная сила постепенно теряет свое значение не только ввиду единых демократических норм и принципов разрешения противоречий, но и в результате все более глубокой экономической взаимозависимости. Наряду с этим система международных отношений включает в себя, быть может, еще более обширные регионы, где господствуют традиционные нормы и механизмы межгосударственных отношений, ориентированных на широкое использование военной силы. Линии разграничения этих двух систем международных отношений весьма причудливы, в некоторых географических регионах, например на Балканах, они даже переплетаются.

Таким образом, в 90-е годы происходит новая трансформация роли и функций военной силы в мировой политике. Помимо сокращения географических ареалов ее традиционного применения идет изменение соотношения отдельных ее компонентов.

Последнее связано прежде всего с серьезной и весьма противоречивой трансформацией роли ядерного оружия. Как уже отмечалось, со времени карибского кризиса начала 60-х годов ядерное оружие утвердилось не как средство ведения войны, а как инструмент сдерживания агрессии, прежде всего осуществляемой с использованием ядерного же оружия. Особое значение эта функция ядерного оружия приобрела в биполярной системе, в основе которой лежало непримиримое противостояние двух несовместимых социальных систем. Но если угроза такой агрессии исчезает, а политико-идеологическое противостояние ушло в прошлое, то и эта «сверхзадача» ядерного оружия также теряет свое значение.

В настоящее время большинство ядерных государств рассматривают ядерное оружие как некую гарантию безопасности на случай непредвиденного развития событий, которое сегодня предсказать трудно, если вообще возможно, но которое может содержать в себе угрозу. Одновременно растет понимание того, что ни одна внешнеполитическая задача, которая традиционно решалась - а подчас решается до сих пор - с помощью военной силы, будь то захват территорий или восстановление собственного контроля над ними, господство в зонах средоточия стратегически важных коммуникаций, обеспечение политического влияния в определенных регионах и т.п., по самой своей природе не может быть решена с помощью ядерного оружия, стратегического или тактического.

Вместе с тем имеет место и другая тенденция, наиболее ярко проявившаяся в проведении весной 1998 г. ядерных испытаний Индией и Пакистаном и, соответственно, обретении ими ядерного оружия. Последнее, как можно предположить, рассматривается руководителями этих государств не только как средство предотвращения некоей гипотетической угрозы или сдерживания возможного нападения, но и как мощный инструмент возможного конкретного военного противоборства друг с другом. В итоге военно-политическая ситуация в регионе, расположенном недалеко от границ бывшего СССР, обрела новые, намного более опасные черты. По сути, впервые возникла реальная вероятность локальной ядерной войны. Ее экологические, медицинские, экономические и политические последствия могут выйти далеко за пределы района собственно боевых действий.

Однако этим далеко не исчерпываются негативные последствия вхождения Индии и Пакистана в число обладателей ядерного оружия. Фактически дан старт разрушению режима нераспространения ядерного оружия. При этом впервые с 1967 г., с момента подписания Договора о нераспространении ядерного оружия, безнаказанно разрушен один из краеугольных камней сложившегося мирового режима безопасности. Мировое сообщество (прежде всего постоянные члены Совета Безопасности ООН) оказалось не в состоянии предотвратить появление ядерного оружия в Южной Азии. Тем самым был сломан психологический барьер, препятствовавший распространению ядерных вооружений. Долгосрочные последствия этого в деталях пока не проанализированы. Но большинство экспертов склонны считать, что в обозримом будущем в зоне «третьего мира» могут появиться новые обладатели ядерного оружия, в том числе в районах, непосредственно примыкающих к Южной Азии. Среди таких стран часто называют Иран, граничащий с новыми независимыми государствами Закавказья и Центральной Азии.

Но дело не только в этом. Становящееся все более реальным распространение ядерного оружия в нестабильных районах «третьего мира» создает новую глобальную стратегическую обстановку, в которой совместные действия и сотрудничество ведущих держав, включая и Россию, по обеспечению безопасности, предотвращению и урегулированию конфликтов приобретают особое значение. Любые же их попытки использовать процесс распространения в собственных интересах для того, чтобы укрепить свои позиции в тех или иных регионах, могут оказаться весьма опасными и в конечном итоге контрпродуктивными для их инициаторов.

В нынешних условиях особое значение приобретает реализация российско-американских договоренностей, нацеленных на постепенное уменьшение запасов ядерного оружия на взаимно регулируемой основе. Это может создать основу для дальнейших совместных действий в новой непростой международной обстановке. Кроме того, для России выполнение Договора СНВ-2 приобретает исключительную важность, поскольку экономические реалии таковы, что ядерный потенциал, в первую очередь стратегический, будет сокращаться независимо от того, как будут складываться отношения с США и как будет реализовываться данное соглашение.

Оно было подписано в январе 1993 г. и является во многом продолжением Договора СНВ-1. Согласно ему общее количество боеголовок на стратегических носителях России и США должно быть сокращено до уровня в 3000 - 3500 единиц, т.е. примерно в два раза по сравнению с потолками, определенными Договором СНВ-1. При этом должны быть ликвидированы все наземные баллистические ракеты, оснащенные разделяющимися головными частями, и тяжелые ракеты. Вводится дополнительное ограничение на баллистические ракеты подводных лодок - количество развернутых на них боеголовок не должно превышать 1700 - 1750 единиц. Наконец, были устранены во многом искусственные правила засчета, позволявшие США иметь на тяжелых бомбардировщиках дополнительно около 2000 ядерных боеголовок, практически не учитываемых соглашением.

Договор СНВ-2 был ратифицирован американским Сенатом, но в российской Государственной Думе его ратификация крайне затянулась. Причина тому - политические спекуляции национал-коммунистической оппозиции и некоторых других политических деятелей, амбиции которых пришли в противоречие с требованиями здравого смысла. Суть проблемы в том, что к концу следующего десятилетия истекут сроки эксплуатации всех 713 ракетных комплексов наземного базирования, стоящих сегодня на боевом дежурстве. На смену им должны прийти новые комплексы «Тополь-М» (или, по классификации НАТО, СС-27), однако пока не ясно, в каком количестве российская промышленность способна произвести эти МБР нового поколения. Не менее сложно складывается положение дел с российскими ракетами морского базирования. В середине 90-х годов предполагалось, что в начале следующего десятилетия у России будет 6 стратегических подводных ракетноносцев класса «Тайфун» и 7 - класса «Дельта 4». Но уже в 1997 г. досрочно из боевого состава были выведены две подлодки класса «Тайфун», а остальные четыре исчерпают свой ресурс к 2001 г. Гарантийные сроки эксплуатации подлодок «Дельта 4» истекают в 2007 г. Нет ясности и относительно того, в какой мере эти системы могут быть заменены стратегическими ракетноносцами новых моделей. Не лучше обстоят дела и с авиационной компонентой российской стратегической триады. В итоге к концу будущего десятилетия стратегический потенциал России серьезно понизится.

В этих условиях перед Россией открываются две возможности. Первая - ратифицировать Договор СНВ-2 и тем самым более чем в два раза снизить американский стратегический потенциал. Вторая - сорвать ратификацию и существенно ухудшить стратегический баланс Россия - США. «Если Договор СНВ-2 не вступит в силу, - подчеркивал видный российский военный эксперт генерал-майор Владимир Дворкин, - то потенциал сдерживания отечественных СЯС, то есть количество боевых блоков, сохранившихся для ответного удара, будет примерно в два раза меньше, чем в условиях Договора СНВ-2». Одно из возможных объяснений обструкционистской позиции Государственной Думы - стремление сорвать и без того непростой процесс строительства российско-американских отношений.

К концу 90-х годов проблема противоракетной обороны приобрела несколько новых черт и параметров. Распространение ракетных и ядерных технологий (прежде всего ставшая реальной перспектива появления баллистических ракет с ядерными боеголовками в государствах, власть в которых принадлежит диктаторским режимам экстремистского толка) вызвало серьезную озабоченность в США и некоторых других странах. Действительно, в будущем десятилетии Северная Корея, например, сможет нанести несколько ядерных ударов по территории США и Японии. В связи с этим американским руководством был поставлен вопрос о необходимости пересмотра Договора по ПРО, прежде всего о создании ограниченной национальной ПРО (создание любой национальной ПРО ныне действующим Договором запрещено)

В России такая постановка вопроса вызвала серьезное сопротивление как в Государственной Думе, прежде всего среди националистической и левооппозиционной части парламентариев, так и со стороны военного руководства. Главный аргумент состоит в том, что развертывание национальной ПРО, даже самой ограниченной, может привести к разрушению ситуации взаимного ядерного сдерживания и обретению США решающего стратегического преимущества над Россией. А США подчеркивают, что речь идет о развертывании системы ПРО, способной перехватить в лучшем случае несколько десятков боеголовок, не имеющих современных систем преодоления ПРО. Такая система может быть достаточно эффективной против относительно примитивного ракетного оружия, которое может быть разработано и принято на вооружение в Северной Корее, Иране и других

подобных государствах, но не против современных систем, имеющих у России.

Не менее важной для России будет адаптация к нынешним реальностям Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Соответствующие переговоры начались в январе 1997 г в рамках Совместной консультативной группы. 23 июля 1997 г были согласованы так называемые ключевые элементы (basic elements) будущей версии договора. Наиболее важные утвержденные положения состоят в следующем:

1. Все стороны согласились с тем, что структура Договора об ОВСЕ устарела. В частности, групповые потолки должны быть заменены системой территориальных и национальных потолков на все ограничиваемые договором вооружения.

2. Национальные потолки не должны превышать существующие национальные квоты на ограничиваемые договором вооружения и должны быть зафиксированы на уровне, учитывающем законные интересы безопасности всех сторон.

3. Для каждого государства должен быть установлен территориальный потолок, ограничивающий общее количество как национальных вооруженных сил, так и иностранных войск, размещенных на его территории.

4. Должны быть сформулированы специальные правила, регулирующие размещение на территории каждого государства иностранных войск на так называемой временной основе.

После начала войны на Балканах в российских политических и академических кругах стала распространяться точка зрения, что Договор по обычным вооруженным силам в Европе (ДОВСЕ) не отвечает интересам России, и нам стоило бы от него отказаться. Эта точка зрения прямо противоречит интересам безопасности России, особенно учитывая достигнутую весной 1999 г. договоренность по конкретным параметрам адаптации этого договора к новым военно-политическим реальностям континента.

ДОВСЕ - единственный международно-правовой документ, имеющий обязательную силу, с помощью которого Россия может воздействовать на соотношение сил в Европе, в том числе (что для нас особенно важно) в регионах, непосредственно примыкающих к нашим границам и границам бывшего СССР. Нет другого инструмента, самым серьезным образом ограничивающего возможности НАТО по наращиванию своих вооружений и вооруженных сил на территориях новых государств - членов

альянса. Конкретно, Чехия, Польша и Венгрия (как и все другие страны - участники ДОВСЕ), согласно достигнутым договоренностям, могут (каждая из них) повысить свои «потолки» на вооружения в течение ближайших пяти лет не более чем на 150 танков, 250 БМ и 100 единиц артиллерии. С точки зрения соотношения военных сил в Восточной и Центральной Европе такое повышение может иметь минимальное значение.

Кроме того, и это не менее важно, по достигнутым договоренностям российские вооруженные силы в Европе могут иметь 6 350 танков, 11 280 БМ, 6315 единиц артиллерии, 3 416 боевых самолетов и 855 ударных вертолетов. Это несколько превышает те количества данных вооружений, которые Россия имеет в настоящее время в зоне действия договора и практически совпадает с теми, которые были определены для нее по изначальному договору, подписанному в начале десятилетия в совершенно иной стратегической обстановке (по танкам - 6 400, БМ - 11 480, артиллерии - 6 415, авиации - 3 416, вертолетам - 890).

Более того, такое количество вооружений намного превышает те потребности, которые определяются для России в процессе реформирования ее вооруженных сил. Последнее, как это следует из заявлений российского военного руководства, приведет к резкому сокращению количества частей и соединений, но к созданию одновременно нескольких полностью оснащенных и укомплектованных личным составом соединений. Даже если предположить, что в российских сухопутных силах в зоне действия ДОВСЕ будет создано десять таких дивизий (это заведомо завышенное предположение), то для их оснащения потребуется существенно меньше танков, БМ и артиллерии, чем Россия может иметь по адаптированному варианту договора.

Важно также, что в ходе переговоров по адаптации ДОВСЕ имело место конструктивное российско-американское взаимодействие. Оно проявилось прежде всего в активных усилиях американской стороны в нахождении приемлемого для нас решения так называемой фланговой проблемы, а именно - выведения из состава флангов Псковской, Волгоградской, Астраханской областей, части Ростовской области и узкого коридора в Краснодарском крае. Позиция США стала важным фактором, благодаря которому удалось переломить сопротивление Норвегии

и, особенно, Турции, настаивавших на сохранении предыдущего состава фланговой области.

Крах коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе, распад Советского Союза стали закономерным финалом холодной войны, во многом следствием того, что чрезмерное бремя военных расходов не просто подорвало советскую экономику, но и сформировало такую ее структуру, при которой бывший СССР не мог соревноваться с Западом в обеспечении материальных потребностей населения. Это важнейший пример того, что косвенное использование военной силы оказалось более эффективным, чем прямое военное давление и вооруженное противоборство. Прекращение холодной войны, в свою очередь, привело к дальнейшей демилитаризации международных отношений, понижению роли военной силы в мировой политике. Однако пока нет оснований говорить о том, что этот процесс приобрел общемировой характер. За пределами зоны демократических и экономически развитых государств военная сила во многом сохраняет свои традиционные функции. При этом возникли новые формы и цели применения военной силы - в виде миротворческих операций, ориентированных в целом на поддержание правопорядка в международных отношениях, «гуманитарные интервенции» и т.п. Это может быть одним из первых признаков становления нового, более безопасного международного порядка. Растущая демилитаризация мировой политики ставит перед Россией серьезную проблему. Она должна выбрать одну из двух альтернатив. Первая состоит в том, чтобы вписаться в новую, формирующуюся модель международных отношений и тем самым укрепить свою безопасность, устраняя сами источники возможных конфликтов, по крайней мере вдоль наиболее важных западных границ. Вторая - ориентация на конфронтацию, попытка реанимировать все более устаревающие модели международных отношений, в которых главную роль играет военная сила. Последствия второй стратегии могут быть самыми печальными.

Источники:

Современные международные отношения: Учебник / Под. ред. А.В. Торкунова. — Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с., стр. 68-90.

Цыганков П.А., *Теория международных отношений: Учеб. пособие.* — Москва, «Гардарика», 2002. — 590 с., стр. 320-347.

Литература:

1. Арон Раймон, *Мир и война между народами.* / Под общей ред. Канд. полит. наук Даниленко В. И. – Москва, «NOTA BENE», 2000.
2. Буриан А., *Теория международных отношений:* Курс лекций в 2-х т., Том 1. «Введение в теорию международных отношений». - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.
3. Гаджиев К.С., *Введение в политическую науку, Издание второе, переработанное и дополненное.* - Москва, «Логос», 2000.
4. Дугин А., *Основы геополитики.* - Москва, Арктогея, 1997.
5. Иванов И., *Фактор силы* // «Красная звезда», 1996, 19 нояб.
6. Кальвокоресси Питер, *Мировая политика после 1945 года: В двух книгах.* – Москва, «Международные отношения», 2000.
7. Клаузевиц К., фон, *О войне. В 2 т.* - Москва, «Издательство АСТ», Спб., “Terra Fantastica”, 2002.
8. Кокошин А., *Какая армия нам нужна* // «Сегодня», 1996, 7 июля.
9. Ломагин Н.А., Лисовский А.В., Сутырин С.Ф., Павлов А.Ю., Кузнецов В.Е., *Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики. Учебное пособие.* - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001.
10. Макнавелли Н., *О военном искусстве* / Пер. с итал. Вступит. ст. и примеч. Р. Светлова. – Спб, «Амфора», 1999.
11. Маккиндер Х.Дж., *Географическая ось истории*//«Элементы», 1996, № 7.
12. Мэхэн А.Т., *Влияние морской силы на историю, 1660-1783.* – Москва, «Издательство АСТ», Спб., “Terra Fantastica”, 2002.
13. Назария С., *Россия в системе международных отношений на рубеже XX-XXI веков.* – Кишинев, Nestor-Historia, 2002.
14. Панарин А.С., *Глобальное прогнозирование.* – Москва, «Алгоритм», 2000.
15. *Современные международные отношения. Учебник* / Под ред. А.В.Торкунова. – Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.
16. Сунь-Цзы, *Трактаты о военном искусстве.* - Москва, ООО «Издательство АСТ»; Спб, «Terra Fantastica», 2002.
17. Тойнби А., *Цивилизация перед судом истории.* – Москва, «Прогресс», 1995.
18. Фокуяма Ф., *Конец истории?*//«Вопросы философии», 1990, № 3.
19. Хантингтон Сэмюел П., *Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка*//Библиотека публикаций Московского Центра Карнеги, „Pro et Contra”, Том 2, Весна 1997.
20. Хрущев С.Н., *Рождение сверхдержавы: Книга об отце.* – Москва, «Время», 2000.
21. Цыганков П.А., *Теория международных отношений.* – Москва, «Гардарики», 2002.
22. Burian, Alexandru, *Teoria relațiilor internaționale în sistemul științelor politice* //„Administrarea Publică”, 2001, nr. 2, pag. 119-134.

23. Burian, Alexandru, *Geopolitica lumii contemporane, Manual: pentru facultățile de drept și de relații internaționale a universităților*. - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.
24. Keohane, Robert O. and Nye, Joseph S., *Power and Interdependence: World Politics in Transition*, Boston, 1977.
25. Morgenthau, Hans, *Escritos sobre politica internacional*. Con estudio preliminar de Esther Barbe, Tecnos, Madrid, 1990.
26. Ortíz, Eduardo, *El estudio de las Relaciones Internacionales*, Fondo de Cultura Economica, Santiago de Chile, 2000.
27. Schwarzenberger, George, *La Política del Poder. Estudio de la Sociedad Internacional*, Fondo de Cultura Economica, Mexico-Buenos Aires, 1960.
28. Vasquez, John, *The War Puzzle*, Cambridge University Press, 1997.
29. Viotti, Paul R.; Kauppi, Mark V., *International relations theory: Realism, Pluralism, Globalism, and Beyond*. – 3rd ed., Allyn and Bacon, Boston, 1998.
30. Wallerstein, Immanuel, *The Modern World-System*. 2 volumes, Academic Press, New York. 1974, 1980.
31. Wight, Martin, *Politica de putere*, Chișinău, Editura ARC, 1998.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ АНАЛИЗ¹⁹

§ 13.1. Понятие «внешняя политика».

§ 13.2. Уровни анализа внешней политики.

§ 13.3. Методы анализа внешней политики.

§ 13.4. Анализ внешней политики и разрешение конфликтов.

§ 13.1. ПОНЯТИЕ «ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА»

Внешняя политика - деятельность государства на международной арене, регулирующая отношения с другими субъектами внешнеполитической деятельности: государствами, зарубежными партиями и иными общественными организациями, всемирными и региональными международными организациями.

Внешняя политика опирается на экономический, демографический, военный, научно-технический, культурный потенциалы государства. Сочетание последних определяет возможности внешнеполитической деятельности государства на тех или иных направлениях, иерархию приоритетов в постановке и реализации внешнеполитических целей.

Геополитическое положение государства исторически доминировало в выборе государством партнеров и развитии взаимоотношений с его противниками.

¹⁹ Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие/ Н.А. Ломагин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. 166 с., стр. 103-109; *Современные международные отношения: Учебник* / Под. ред. А.В. Торкунова. — Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с., стр. 15-22.

Формой традиционного осуществления внешней политики является установление дипломатических отношений или снижение их уровня, приостановка, разрыв и даже объявление войны при обострении отношений между государствами; открытие представительств государства при всемирных и региональных международных организациях или членство государства в них; бывшими партнерами сотрудничество с дружественными государству зарубежными политическими партиями и другими общественными организациями; осуществление и поддержание на различном уровне эпизодических и регулярных контактов с представителями государств, зарубежных партий и движений, с которыми данное государство не имеет дипломатических отношений или дружественных связей, но в диалоге с которыми заинтересовано по тем или иным причинам.

Как мы уже отмечали, в государственных структурах подавляющего большинства современных государств существуют *специализированные органы* по осуществлению внешнеполитической деятельности и контролю за этой деятельностью: министерства иностранных дел (или внешних сношений) и соответственно парламентские комитеты по вопросам внешней политики; посольства и представительства, в составе которых нередко работают специалисты по военным вопросам, организаторы системы доверенных лиц и агентов (резиденты разведки и контрразведки), специалисты по вопросам экономического (торговые представители), культурного сотрудничества; научные и культурные центры за рубежом, работающие под контролем посольств и представительств по относительно самостоятельным программам; официальные и полуофициальные миссии.

Внешняя политика преломляет и отражает в постановке своих целей, в выборе средств и методов внутриполитическую ситуацию в государстве. Она опирается на ресурсы, имеющиеся у него, на его кадровый потенциал. Внешнюю политику рассматривают в связи с внутренней политикой государства.

В настоящее время противоречия глобального развития заставили цивилизованных участников международных отношений уделять все большее внимание вопросам реконструирования системы международной безопасности; организации превентивных мер по предотвращению региональных конфликтов и их локализации; предотвращению техногенных катастроф и

сотрудничеству в целях скорейшей ликвидации их последствий; борьбе с международным терроризмом и торговлей наркотиками; совместным мероприятиям по охране окружающей среды и ликвидации источников и последствий ее загрязнения; помощи странам Третьего мира в борьбе с голодом, болезнями и т.д.

В научной литературе термин «внешняя политика» используется достаточно широко и, кажется, не требует определения. Однако, если рассматривать это понятие с точки зрения теории международных отношений, представляется необходимым более точно и научно его обрисовать.

Для этого мы поместим понятие «внешняя политика» в более широкий контекст и попытаемся соотнести его с понятием «международная политика».

Вряд ли можно найти краткое определение термина «международная политика», которое включало бы все его аспекты в полном объеме, поэтому его надо рассмотреть подробнее. Очевидно, что международная политика есть, прежде всего, политика. Основываясь на данном положении, Дональд Пучала подчеркивает, что процессы и модели международной политики схожи с процессами и моделями, характерными для политики в целом. «Международная политика, как и любая политика, есть борьба за власть (доминирование)», - писал Ханс Моргентау, обозначая, таким образом, основные характеристики международной политики: ее целенаправленность и связь с понятием «власть (доминирование)». Однако международная политика имеет и свою специфику - являясь одним из видов взаимодействия субъектов международных отношений, она складывается из их действий.

§ 13.2. УРОВНИ АНАЛИЗА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Таким образом, мы видим, что международная политика есть явление комплексное, и для того, чтобы его исследовать, необходимо проанализировать все его составляющие. Метод такого подхода был предложен в 1960-х гг. Дэвидом Сингером, который одним из первых поднял вопрос об *уровнях анализа* международной политики. Выявление уровней анализа необходимо, прежде всего, для того, чтобы понять, какие факторы формируют международную политику и определяют ее развитие. В литературе по теории

международных отношений существует несколько вариантов подобного деления, три из которых мы приведем ниже.

Д. Сингер выделяет два уровня анализа:

1) международная система. Этот уровень позволяет, абстрагируясь от деталей, исследовать международные отношения в целом и понять суть процессов, имеющих глобальное значение;

2) государство. Государство как основной субъект международных отношений обладает автономией и возможностью выбора направления своей политики. Поэтому с точки зрения суверенного государства можно более детально и глубоко проанализировать международную политику. Приведенная выше модель является попыткой вычленить наиболее общие уровни анализа. Более детализированная модель разработана Джеймсом Розенау. Состоит она уже из шести уровней:

1) *особенности индивида, принимающего решения*. На данном уровне исследуются, прежде всего, персональные характеристики участника процесса принятия решений;

2) *ролевая функция индивида, принимающего решения*. Действия личности зависят не только от индивидуальных характеристик, но и от того места, которое занимает он в представляемой им организации или политической системе, что определяет рамки его деятельности;

3) *структура правительства*. От структуры правительства зависят полномочия отдельных политиков, а также специфические условия их деятельности (необходимость общественной поддержки в демократической системе и подавления оппозиции в авторитарной);

4) *характеристики общества*. В данном случае принимаются во внимание факторы, влияющие или обуславливающие решения правительства. Одним из таких факторов, например, является наличие или отсутствие в распоряжении правительства ресурсов, что определяет выработку целей и средств их достижения;

5) *международные отношения*. Взаимодействие государств зависит от отношений между ними. Сильное государство, например, будет вести себя по отношению к слабому совсем не так, как по отношению к другому сильному;

6) *мировая система*. Структура мировой системы определяет международную, региональную и глобальную среду, в которой действует государство.

Патрик Морган предложил состоящую из пяти уровней модель, несколько по-иному расставив акценты:

1) взаимодействие между государствами есть в конечном счете результат решений и поведения индивидов;

2) кроме этого, взаимодействие между государствами является результатом решений и деятельности различных группировок, таких как кабинеты министров, элиты, группы интересов, бюрократические структуры;

3) в международной политике доминируют государства, поэтому необходимо исследовать поведение каждого из них как единого целого;

4) государства действуют не в одиночку, необходимо принимать во внимание региональные группировки, альянсы, блоки и т. д.;

5) международная политика в целом формирует систему, которая более других факторов определяет поведение государств.

Приведенные выше модели демонстрируют, насколько сложным и комплексным феноменом является международная политика. Именно эта комплексность и заставляет исследователей расчленять проблему на составляющие ее части и выбирать различные ракурсы для того, чтобы анализ был всесторонним. Один из ракурсов - анализ международной политики с точки зрения государства, действующего на международной арене. В каждой из моделей мы можем провести черту между внутригосударственными и надгосударственными уровнями, выделив, таким образом, уровни, относящиеся к понятию «внешняя политика».

§ 13.3. МЕТОДЫ АНАЛИЗА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Итак, анализ внешней политики - это попытка исследовать международную политику с перспективы отдельного государства с целью объяснения ее сущности и, возможно, прогнозирования дальнейшего развития.

Определив направление, необходимо выбрать метод анализа. О методах анализа внешней политики и пойдет речь в данном разделе.

Традиционным методом такого анализа является *метод сравнения*, причем можно выделить несколько вариантов сравнения. Если исходить из положения о том, что международные

отношения развиваются в соответствии с определенными закономерностями, то поиск аналогий в истории может помочь эти закономерности выявить. История внешней политики государства дает возможность сравнить его действия в различных ситуациях и выявить их истоки и суть. Исторический подход лег в основу метода исследования конкретных ситуаций (case-study). Как отмечают Ричард Нойштад и Эрнест Мей, изучение истории имеет и большое практическое значение для политиков, участвующих в выработке и проведении внешней политики, помогая им точнее определить цели и пути их достижения.

Другой вариант сравнения - это горизонтальный срез, сравнение политики различных государств. Такой метод позволяет поместить внешнюю политику каждого государства в более широкую перспективу. Задача в данном случае остается прежней - выявить закономерности, для чего необходимо найти и объяснить сходства и различия в поведении субъектов международных отношений. Сравняться могут как политика в целом, ее варианты и результат, так и отдельные ее компоненты, такие как внешнеполитические концепции, системы принятия решений, использование различных средств при достижении политических целей и т.д.

Известный ученый Джеймс Розенау считает, что сравнительный анализ еще не является действительно научным, а, скорее, предваряет его. С его точки зрения, внешнюю политику государства необходимо изучать в более широкой перспективе и с более высокой степенью обобщения. Д. Розенау рассматривает внешнюю политику как поведение, направленное на адаптацию государства к окружающей среде, проводя аналогии с биологическим организмом. Он определяет *внешнюю политику как действия, которые правительство предпринимает или намеревается предпринимать, для того чтобы сохранить удовлетворяющие его факторы международной среды или изменить не удовлетворяющие*. При этом сравнительный и адаптационный подходы являются не взаимоисключающими вариантами, а развитием дисциплины от эмпирического к научному анализу.

По мнению многих исследователей, основным методом анализа внешней политики сегодня все же является рассмотрение ее с точки зрения принятия решений. Д. Сингер отмечал, что одним из преимуществ изучения международных отношений с позиции

отдельного государства является возможность успешного использования анализа принятия решения. Анализ принятия решения строится на основе следующих положений: внешняя политика состоит из решений, принимаемых индивидами-политиками, которых можно выявить. Поэтому принятие решений есть поведение, которое необходимо объяснять.

Именно политики определяют, в чем суть каждой конкретной ситуации. Решения, определяющие внешнюю политику, имеют внутренние, общественные источники. Сам процесс принятия решения может быть важным и независимым источником решений.

Анализ принятия решений, таким образом, является попыткой разделить внешнюю политику на отдельные, конкретные решения и исследовать, какие факторы влияют на их принятие. В данном случае государство уже не является основным объектом изучения. Приходится признать, что оно не монолитно и не однородно, и принимать во внимание уровни анализа, расположенные ниже уровня государства.

В чем же состоит сущность процесса принятия решения? На первый взгляд ответ достаточно прост: в каждой конкретной ситуации политик должен сделать выбор между несколькими альтернативами. Однако при ближайшем рассмотрении процесс принятия решения включает в себя поиск и формулирование альтернатив, анализ и оценку последствий и непосредственно выбор. Кроме того, ситуации, когда решение принимается одним человеком, чрезвычайно редки, поскольку государство представляет собой довольно сложный бюрократический механизм. Таким образом, для того, чтобы понять, какие факторы в конечном итоге определяют принятие решения, необходимо исследовать данный процесс во всем его многообразии. В теории принятия решений наибольшее распространение получил *метод построения и анализа моделей*, каждая из которых акцентирует внимание исследователя на одном из факторов. Классическим набором моделей в современной теории принятия решений считается концепция Грэма Аллисона, сформулированная в его книге «Суть решения». В лекции 7 эти и другие модели будут рассмотрены подробнее.

Особое место в теории принятия решений занимают исследования, посвященные проблеме принятия решений в условиях кризиса. Кризис представляет собой как бы микрокосмос, в котором все аспекты процесса принятия решений высвечиваются

наиболее ярко. Особенности ситуации - нехватка времени для поиска и анализа альтернатив, стресс, сознание ответственности и т. д. - накладывают особый отпечаток на принятие решений. В кризисной ситуации зачастую даже в государствах с развитой бюрократической структурой ответственность за принятие решений ложится на политика, стоящего во главе государства или небольшую группу людей.

§ 13.4. АНАЛИЗ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТОВ

Отношения между государствами состоят из элементов конфликта и сотрудничества, вряд ли возможно найти пример отношений, основанных только на сотрудничестве. В то же время с развитием военных технологий конфликты становятся все более и более опасными, и это вызывает необходимость всестороннего научного подхода к проблеме их разрешения. В данном разделе речь пойдет о необходимости применения методов анализа внешней политики для разрешения конфликтов. Прежде всего, необходимо понять, что из себя представляет концепция разрешения конфликтов. Об этом и пойдет далее речь.

В современной теории международных отношений интерес к такому явлению, как конфликт, постоянно возрастает. Многие исследователи пытались и пытаются ответить на вопросы о том, в чем истоки конфликтов, в чем их суть и как государство может и должно действовать в условиях конфликта. Последователи традиционного направления пытаются в основном ответить на первый вопрос. С точки зрения классического реализма конфликт является неизбежным и естественным элементом международных отношений в условиях борьбы государств за доминирование и влияния. Несовместимость интересов, определенных с точки зрения силы, и порождает конфликт. Неореалисты, разделяя основные идеи классического реализма, при исследовании истоков конфликтов концентрируют внимание на последствиях анархичности мировой системы и действию дилеммы безопасности. В неолиберализме конфликт признается естественным, но не рассматривается неизбежным элементом международных отношений. Неолибералы разделяют положения об анархичности международной системы и эгоистических интересах, но видят пути их преодоления в развитии международных институтов,

комплексной взаимозависимости и в распространении либеральной демократии, что должно привести к уменьшению доли конфликтов в международных делах.

Сравнительно независимое направление в исследовании конфликтов сформировалось в 1950-х гг. Глобальный конфликт ядерных сверхдержав вызвал необходимость комплексного, более научного подхода к изучению такого феномена, как конфликт. «Бихевиористская революция» сделала этот подход возможным. Создание теории конфликтов началось с признания конфликта независимым феноменом. Затем последовала попытка ответить сразу на все три вопроса: что такое конфликт, почему конфликты возникают, как можно и нужно действовать в условиях конфликта? На первые два вопроса можно ответить, изучая, прежде всего, структуру и динамику конфликтов. На третий вопрос можно ответить по-разному. Во-первых, можно рассматривать конфликт не только как опасность, но и как возможность достижения определенных целей. В этом случае возникает необходимость разработки стратегии конфликта, для того чтобы знать, как государство должно действовать, чтобы достичь своих целей и избежать при этом нежелательных последствий. Данный подход можно охарактеризовать как концепцию управления конфликтом.

Другой путь - это разрешение конфликтов, путь достижения взаимоприемлемого соглашения с долгосрочной перспективой. В международных отношениях этим подходам соответствуют и два вида политики - на основе стратегии строится политика прекращения конфликтов, направленная лишь на прекращение насилия, политика же разрешения конфликтов ставит целью установление долгих мирных отношений путем ликвидации источников конфликта.

Разрешение конфликтов представляет собой достаточно широкую сферу деятельности и исследований и включает в себя множество аспектов. Тем не менее все это многообразие можно свести к двум элементам: анализ структуры и динамики конфликтов и стратегия разрешения конфликтов. Международный конфликт ассоциируется в основном с какими-либо силовыми действиями. Кажется, что, остановив насилие, можно разрешить конфликт. Однако история, особенно история периода после окончания холодной войны, показывает, что разрешение конфликта требует более детального подхода. Для того чтобы действительно разрешить конфликт, необходимо понять его структуру и

воздействовать на все его компоненты, не все из которых различимы с первого взгляда.

Первое, что надо выявить, - это *источники* конфликта. Конфликт, как мы уже видели, может возникнуть по различным причинам:

- вследствие наличия действительно несовместимых целей, преследуемых сторонами;

- из-за убеждения сторон в несовместимости целей;

- источником конфликта может стать неправильное восприятие целей противоположной стороной. В каждом из этих случаев при попытке разрешить конфликт необходимо применять различные подходы.

В целом действительно несовместимые интересы становятся источником конфликта гораздо чаще. В этом случае сами цели сторон создают еще один важный элемент конфликта - конфликтную ситуацию. Одной из наиболее сложных конфликтных ситуаций является спор из-за раздела каких-либо благ (территория, сырье и т.д.). Теория игр описывает такую ситуацию как «игру с нулевой суммой», когда одна сторона выигрывает настолько, насколько проигрывает другая. При разрешении подобного конфликта главное — не замыкаться в узких рамках, вызвавших конфликт интересов, а расширить угол зрения на проблему для того, чтобы попытаться найти сферу, в которой выгода может быть взаимной.

Еще более сложная ситуация возникает, когда конфликт вызван не только целями сторон, но и *несовместимостью их систем ценностей*. Обычно участники конфликта выстраивают свои цели на основе своих систем ценностей, которые они считают универсальными, и системы эти могут различаться. В этом случае несовместимость целей определяется не только распределением благ, но и различиями в системах ценностей. Разрешение такого конфликта требует воздействия на восприятие сторонами ситуации и друг друга.

Восприятие является еще одной важной составляющей конфликта. Часто случается, что истоки конфликта лежат не в сфере реальности, а в восприятии его участников. Подозрения, основанные на традиционном недоверии или предубеждениях, заставляют участников конфликта воспринимать действия друг друга как угрозу, даже когда это не так. Другой вариант - когда стороны неверно считают, что их цели несовместимы. В данной

ситуации путь к разрешению проблемы - разъяснение целей и намерений сторон.

Наиболее явный элемент конфликта - это действия или конфликтное поведение. Трудно определить точно, что можно назвать «конфликтным поведением», особенно если конфликт не перешел еще в открытую фазу с применением сторонами силовых акций. Критерием такого поведения могут быть цели действий, такие как:

- заставить противника изменить свои цели;
- противодействовать действиям противника;
- наказать противника за его поведение.

В соответствии с этим и насильственные действия, и обещания, и даже уступки могут попасть в категорию «конфликтного поведения». Этот факт необходимо помнить, чтобы определить наличие конфликтной ситуации еще на стадии скрытого конфликта и воздействовать на нее как можно ранее.

Структура конфликта динамична. В своем развитии конфликт проходит различные стадии, хотя часто развитие может быть и скрытым. Для успешного разрешения конфликта его развитие необходимо выявлять в трех сферах - внутри сторон (изменение целей, восприятия, позиции и внутренней структуры), в отношениях между сторонами (эскалация, интенсификация, расширение), в связях между конфликтующими сторонами и окружением (изоляция, вмешательство и т.д.).

Очень важно также понять, что же представляет собой концепция разрешения конфликта. Хотя общепринятых определений понятий «разрешение конфликта» (conflict resolution) и прекращения конфликта (conflict settlement) не существует, между ними есть ощутимое различие. Из всех элементов конфликта наибольшее внимание обычно привлекает поведение, и поэтому воздействовать пытаются прежде всего на него. Такой подход можно назвать *стратегией прекращения конфликта*. Она часто используется третьими сторонами, стремящимися к прекращению насилия и восстановлению мира, чего можно добиться, например, при помощи операций по принуждению к миру. При этом целью усилий является не согласование интересов конфликтующих сторон, а лишь прекращение вызывающих беспокойство действий.

Главной проблемой такого подхода является *временный* характер достигнутого. По крайней мере, одна из сторон конфликта будет считать, что ее интересы ущемлены и цели не достигнуты,

сохранив недовольство и стремление изменить ситуацию в свою пользу. А это значит, что относительное спокойствие будет сохраняться лишь до тех пор, пока давление будет сохраняться.

Стратегия разрешения конфликта, напротив, предусматривает усилия, направленные на изменение и согласование целей и интересов конфликтующих сторон. Основная цель в данном случае - достижение взаимоприемлемого соглашения. Наилучшим способом его достижения считаются прямые переговоры сторон, и задача третьей стороны - помочь участникам конфликта найти приемлемое для них решение. В данном случае воздействию подвергаются не только поведение, но и восприятие и позиция сторон. При благоприятном исходе отпадает нужда в силовых акциях и силовом контроле.

Случается, что конфликтующие стороны не склонны вести переговоры, особенно если конфликт продолжителен и жесток. В таких ситуациях возможно применение двухступенчатого подхода. На первом этапе применяются меры, направленные на прекращение насилия. Когда же это сделано, начинается поиск компромисса, т. е. пути действительного разрешения конфликта. Основными приемами разрешения конфликтов являются *переговоры и посредничество*, причем в данной сфере они имеют определенную специфику. Посредничество, например, не заканчивается при достижении соглашения. Для достижения долгосрочного результата соглашение должно быть точкой отсчета новой роли посредника.

Таким образом, мы видим, что стратегия разрешения конфликта направлена, прежде всего, на изменение политики конфликтующих сторон по отношению друг к другу и лежащего в ее основе восприятия. Для эффективного применения такой стратегии необходим всесторонний научный анализ факторов, определяющих политику каждого участника конфликта. Именно применение концепций и методов анализа внешней политики, особенно в условиях кризиса, дает нам такую возможность.

В чем же должна состоять функция руководителей развитых стран? Что они могут сделать для предотвращения конфликтов и войн? К. Аннан следующим образом отвечает на этот вопрос:

«Практически все согласны с тем, что профилактика лучше лечения и что стратегии предотвращения должны быть направлены на ликвидацию коренных причин конфликтов, а не просто их внешних проявлений в виде насилия. Однако такое согласие не

всегда подкрепляется делами. Политическим лидерам трудно убедить общественность своей страны в необходимости проведения внешней политики, нацеленной на предотвращение, поскольку издержки этого очевидны сразу же, тогда как пользу такой политики - заключающуюся в предотвращении какого-то нежелательного или трагического будущего события - гораздо труднее довести до сознания общественности. Поэтому предотвращение — это прежде всего задача, которую должно решать политическое руководство....

Наконец, для обеспечения успеха стратегий предотвращения необходимо не допустить возобновления старых конфликтов. Мировое сообщество должно оказать необходимую поддержку в деле постконфликтного миростроительства.

Хотя предотвращение является ключевым элементом усилий по обеспечению безопасности человека, надо признать, что даже самые хорошие стратегии предотвращения и сдерживания могут привести к неудаче. Поэтому могут потребоваться другие меры. Одна из них заключается в повышении нашей готовности защищать уязвимых людей».

Источники:

Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие/ Н.А. Ломагин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. 166 с., стр. 103-109.

Современные международные отношения: Учебник / Под. ред. А.В. Торкунова. — Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с., стр. 15-22.

Литература:

1. Буриан А., *Теория международных отношений: Курс лекций в 2-х т.*, Том 1. «Введение в теорию международных отношений». - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.

2. Буриан А., *Теория международных отношений: Курс лекций в 2-х т.*, Том 2. «Внешняя политика и международные отношения». - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.

3. Гаджиев К.С., *Введение в геополитику*. Издание второе, переработанное и дополненное. - Москва, «Логос», 2000.

4. Дугин А., *Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством*. Изд. 3-е, дополн. - Москва, «АРКТОГЕЯ-центр», 1999.

5. *История политических и правовых учений.* / Под ред. О.Э.Лейста. - Москва, «Юридическая литература», 1997.

6. Кальвокоресси Питер, *Мировая политика после 1945 года: В двух книгах.* – Москва, «Международные отношения», 2000.
7. Ломагин Н.А., Лисовский А.В., Сутырин С.Ф., Павлов А.Ю., Кузнецов В.Е., *Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики. Учебное пособие.* – Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001.
8. *Современные международные отношения. Учебник* / Под ред. А.В.Торкунова. – Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.
9. Тойнби А., *Цивилизация перед судом истории.* – Москва, «Прогресс», 1995.
10. Фокуяма Ф., *Конец истории?!* // «Вопросы философии», 1990, № 3.
11. Хантингтон Сэмюел П., *Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка*//Библиотека публикаций Московского Центра Карнеги, „*Pro et Contra*”, Том 2, Весна 1997.
12. Цыганков П.А., *Современные политические режимы: структура, типология, динамика (учебное пособие).* – Москва, «Интерпракс», 1995.
13. Цыганков П.А., *Теория международных отношений.* – Москва, «Гардарики», 2002.
14. Beniuc, V.; Rusnac, Gh., *Conceptele și noțiunile de bază ale diplomației*, Chișinău, Firma editorial-poligrafică “Tipografia Centrală”, 1998.
15. Brădescu, Faust, *Doctrină politică* /Faust Brădescu: Studiu introductiv de Georgiana-Margareta Scurtu – Ed. a 2-a, *Vol. 1: Drept și politică internațională*, București, Editura „Majadahonda”, 1999.
16. Burian, Alexandru, *Geopolitica lumii contemporane, Manual: pentru facultățile de drept și de relații internaționale a universităților.* - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.
17. Huntington, Samuel P., *Ordinea politică a societăților în schimbare* /Trad. de Horațiu Stamatiu, Iași, Editura POLIROM, 1999.
18. Keohane, Robert O. and Nye, Joseph S., *Power and Interdependence: World Politics in Transition*, Boston, 1977.
19. Morgenthau, Hans, *Escritos sobre politica internacional.* Con estudio preliminar de Esther Barbe, Tecnos, Madrid, 1990.
20. Ortiz, Eduardo, *El estudio de las Relaciones Internacionales*, Fondo de Cultura Economica, Santiago de Chile, 2000.
21. Rosenau, James N., *The Scientific Study of Foreign Policy, rev. ed.*, London: Frances Pinter, 1980.
22. Senarclens, Pierre de, *La politique internationale*, Paris, 1992.
23. Tredinnick, Felipe, *Derecho internacional publico y relaciones internacionales*, Tercera edicion, Editorial "Los amigos del libro", La Paz-Cochabamba, Bolivia, 1997.
24. Vasquez, John, *The War Puzzle*, Cambridge University Press, 1997.
25. Viotti, Paul R.; Kauppi, Mark V., *International relations theory: Realism, Pluralism, Globalism, and Beyond.* – 3rd ed., Allyn and Bacon, Boston, 1998.

26. Wallerstein, Immanuel, *The Modern World-System - 2 volumes*, Academic Press, New York, 1974.
27. Wight, Martin, *Politica de putere*, Chişinău, Editura ARC, 1998.

ЛИЧНОСТИ, ЭЛИТЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА²⁰

§ 14.1. Теории «личности» и внешняя политика

§ 14.2. Роль «элит» и «групп давления» в формировании внешней политики

§ 14.3. Бизнес-элиты и внешняя политика

§ 14.1. ТЕОРИИ «ЛИЧНОСТИ» И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

В конце второго тысячелетия нашей эры представления о том, что история в первую очередь определяется деяниями «царей и героев», выглядят архаично. И тем не менее личность политического лидера была и остается одной из важных переменных при анализе внешней политики. Об этом свидетельствуют и учебники истории, где «первые лица» наиболее влиятельных государств упоминаются почти на каждой странице, и средства массовой информации, в которых до трети времени в выпусках новостей занимают все те же «первые лица», и тенденция «персонифицировать» определенные периоды истории, и политические концепции: «сталинизм», «тэтчеризм», «рейганомика», «доктрина Брежнева».

²⁰ *Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие*/ Н.А. Ломагин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. 166 с., стр. 110-119; *Современные международные отношения: Учебник* / Под. ред. А.В. Торкунова. — Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с., стр. 254-258.

Можно, конечно, спорить о том, изменило бы отсутствие на исторической арене той или иной выдающейся личности ее ход коренным образом. Например, был бы в СССР период широкомасштабных репрессий, если бы руководителем страны после смерти Ленина стал не Иосиф Сталин, а Лев Троцкий, или сумел бы Уинстон Черчилль остановить Гитлера, если бы он, а не Невил Чемберлен, был британским премьером в преддверии второй мировой войны, но никто не станет отрицать, что все упомянутые политические деятели оставили свой след в мировой истории.

Первым подходом к исследованию личности лидера во внешней политике, получившим широкое распространение, была так называемая *психоистория*, или психобиографии, испытывавшая сильное влияние фрейдизма. При рассмотрении влияния личности политика на принятие политических решений исследователи, принадлежавшие к этому направлению, обращали внимание на проблемы и травмирующие переживания, с которыми будущий политический лидер сталкивался в детстве. Например унижения, с которыми в детстве столкнулся Иосиф Джугашвили (впоследствии Иосиф Сталин), жесткость и чрезмерная строгость отца будущего американского президента Вудро Вильсона или необходимость быть на вторых ролях и находиться в тени старшего брата в судьбе будущего президента Джона Кеннеди. Все эти переживания становятся источником мотивации, вызывают стремление утвердить себя, доказать свою полноценность. Такой эффект в психологии называется *«гиперкомпенсацией»*. Варианты могут быть разными, но в любом случае какие-то черты характера политика становятся гипертрофированными: чрезмерная жестокость и подозрительность Иосифа Сталина, жесткое и прямолинейное стремление к идеалу Вудро Вильсона, сделавшее его неспособным к компромиссным решениям, чрезмерный активизм и напор Джона Кеннеди.

«Психоистория» была подвергнута справедливой критике, указавшей на редуционизм и мифологизацию значения детских переживаний, характерных для данной концепции.

Следующим направлением стали разнообразные *теории черт*, внимание которых было сосредоточено не столько на происхождение тех или иных типов и личностных профилей политиков, сколько на их влиянии на эффективность принимаемых решений. Основной вопрос для этого направления: «Какой должна быть личность эффективного политического лидера?» Одним из

вариантов этого подхода является *теория харизматического лидера* (Вебер), которая предполагает, что выдающиеся политики обладают особым качеством — «харизмой», которое не поддается рациональному объяснению, однако заставляет людей следовать за лидером, доверять ему и подчиняться ему. Основным недостатком данной теории состоит в том, что феномен «харизмы» по определению не поддается операционализации и, следовательно, строгому научному исследованию.

Важным примером попытки типологии характеров политических лидеров высшего уровня, также относящегося к теории черт, но использующего более обоснованную методiku, является известная *двумерная классификация личностных типов американских президентов*, предложенная Джеймсом Барбером по параметрам активность-пассивность и *удовлетворенность-неудовлетворенность* политической деятельностью. Первый параметр показывает, насколько активен и энергичен политический лидер. «Активные» президенты энергичны, они выдвигают новые политические инициативы, являются генераторами идей, охотно принимают на себя бремя лидерства. «Пассивные» президенты, напротив, следуют за течением событий, не иницируют реформы и изменения политического курса, поскольку это неизбежно приводит к конфликтам, которых они стремятся избежать. Второй параметр свидетельствует о том, в какой степени лидер удовлетворен («позитивный» тип) или не удовлетворен («негативный» тип) той работой, которую ему приходится выполнять в роли президента. Дело в том, что огромный груз ответственности, который лежит на президенте, по мнению Барбера, далеко не у всех политических лидеров вызывает позитивные эмоции. Некоторых национальных лидеров можно назвать «президентами по неволе», поскольку они принимают роль президента в основном из-за чувства ответственности, заложенного в раннем детстве, когда строгие родители заставляли их выполнять неприятные, но необходимые обязанности.

Данная двумерная классификация позволила Барберу выделить *четыре типа американских президентов*: активно-позитивный (к нему он относит, например, президентов Рузвельта, Трумэна, Кеннеди, Клинтона), пассивно-позитивный (Хардинг, Рейган), активно-негативный (Вильсон, Джонсон, Никсон) и пассивно-негативный (Кулридж, Эйзенхауэр). Он пишет: *Активно-позитивные президенты прежде всего стремятся к достижению*

результата. *Активно-негативные* стремятся к достижению власти и ее удержанию. Потребность в любви со стороны сограждан является основным мотивом *пассивно-позитивных* президентов. *Пассивно-негативные* подчеркивают свою гражданственность и моральные достоинства. Таким образом, соотношение активности и удовлетворенности (позитивность–негативность) позволяет описать кластеры характеристик, отличающих хорошо адаптированных к реальности президентов от «застревающих» на какой-либо сверхценной идее, чрезмерно уступчивых или замкнутых и холодных».

Очевидно, что Барбер считает оптимальным *активно-позитивный* тип. Его представители обладают высокой степенью самоуважения, они не страшатся сложных задач и решений, открыты для новых идей, проявляют гибкость, умеют учиться на своих и чужих ошибках. Если говорить о проблемах других типов, то *активно-негативные* часто не способны к компромиссу, раз избрав курс действий, они «застревают» на этой идее и продолжают ее активно поддерживать²¹, даже когда им самим становится очевидным, что было принято неверное решение. Пассивно-позитивные часто чрезмерно уступчивы, недостаточно активны и зависимы от своих советников²². Пассивно-негативные жалуются на перегрузку, оказываются труднодоступными для своих советников, замкнутыми и эмоционально-неотзывчивыми.

Интересная концепция Барбера обладает недостатками, характерными для любых классификаций, относящихся к *теориям личностных черт*. Прежде всего, сам Барбер признает, что многие американские президенты не укладываются жестко в один из описанных им типов. Дело в том, что в разные периоды своей жизни и в различных ситуациях политические лидеры могут изменять свой стиль, а для некоторых из них резкие колебания стиля являются самой характерной особенностью. Например, первый президент независимой России Б.Н. Ельцин в кризисные

²¹ Примером может служить упрямое стремление Р. Никсона добиться военной победы во Вьетнаме.

²² Хрестоматийный пример здесь Р. Рейган, получивший прозвище «великий коммуникатор». Он действительно обладал талантом вызывать доверие и симпатию у избирателей, но, как отмечают многие американские политические аналитики, трудно было понять, каковы его политические взгляды. В его стиле доминировала риторика, форма, а не сущность.

периоды демонстрировал скорее «активно-негативный» стиль, а затем начинались длительные периоды «пассивно-позитивного» или «пассивно-негативного» стиля деятельности. Кроме того, Барбер не операционализировал свои критерии, не предложил четкой процедуры измерения стилевых характеристик, что делает их несколько описательными и субъективными. Остается открытым вопрос о том, пригодна ли классификация Барбера для сравнительных кросскультурных исследований или она является сугубо американским феноменом. Современные теории лидерства считают недостаточным рассмотрение лишь личностных черт лидера, так как успех его деятельности, очевидно, зависит также от параметров ситуации и характеристик группы, которой он руководит. *Ситуативные* теории лидерства справедливо подчеркивают, что в различных социально-экономических ситуациях успеха добиваются лидеры, обладающие разным личностным профилем. Например, в Германии 1930-х гг. Гитлер стал «фюрером», лидером нации, а в Германии конца 1990-х гг. человек с такими взглядами и складом характера скорее всего быстро попал бы в тюрьму или в сумасшедший дом.

Теория *лидерства как функция группы* утверждает, что лидерами становятся лица, в наилучшей степени удовлетворяющие потребностям и ожиданиям группы или общества. Кредо этой теории, пожалуй, выражает известный афоризм: «Каждая нация имеет такое правительство, которого она заслуживает». Можно было бы добавить, «и к которому стремится». Лидер оказывается отражением и персонификацией общественных ожиданий²³.

Успешное решение проблемы моделирования лидерства на высшем уровне требует синтеза всех указанных параметров. Одной из попыток, приближающейся к решению этой задачи, является классификация, разработанная Маргарет Херманн (Hermann) и

²³ Интересно, что сторонники этой теории выделяют и такой парадоксальный тип, как «лидер - козел отпущения». В этом случае общество, группа или руководитель высшего уровня выдвигают такого лидера, которым в случае неудачного развития событий можно легко пожертвовать. Вспомните зиц-председателя Фукса из романа «Золотой теленок», для которого такая роль стала профессией. Похоже, что в недавней истории России эту роль сыграли последовательно премьер-министры, начиная с В. Черномырдина и кончая с С. Кириенко. В Молдавии «прославились» на посту премьер-министра М. Друк, и особенно И. Чубук.

Томасом Престоном (Preston), обращающая специальное внимание на то, что президенты очень редко принимают важные решения единолично. В процессе принятия решений они постоянно взаимодействуют с аппаратом советников и помощников. Именно этот «мозговой трест» первого лица и стиль взаимодействия с ним президента являются определяющей переменной данной типологии. Херманн и Престон выделили четыре стиля лидерства.

Тип, названный *«высший руководитель»* (Chief Executive Officer), стремится доминировать, выстраивает четкую иерархию, систему команд и контроль над их выполнением. Основное внимание уделяется выстраиванию организационной структуры и управлению ею. К этому типу авторы относят президентов Г. Трумэна и Р. Никсона.

«Директор/идеолог» (Director/Ideologue, пример - Р. Рейган) так же, как и предыдущий тип, стремится доминировать, но его в большей степени интересуют проблемы, требующие решения, а не организационная структура.

«Командные лидеры» (Team Builders and Players, пример - Дж. Форд, Дж. Картер) стремятся к коллективной организации работы, решения принимаются после достижения консенсуса, лидер находится в центре информационной сети и выполняет функции модератора дискуссии.

«Аналитики-новаторы» (Analyst/Innovators, пример - Ф. Рузвельт) так же, как и «командные лидеры», уделяют основное внимание сбору и анализу информации по проблеме, при этом они стремятся к многовариантному анализу и ищут оптимальное решение с учетом всех параметров и точек зрения. Более подробно эти четыре типа описаны в таблице.

Первые два типа объединяет то, что они предпочитают работать в рамках формальной организационной структуры с четким распределением прав и обязанностей, третий же и четвертый типы предпочитают неформальный, более свободный стиль работы.

Данная классификация представляется очень интересной, так как коллективный стиль работы и принятия решений стал необходимостью в эпоху «информационной революции», и умение выстроить правильные отношения со своей командой оказывается одним из важнейших навыков, определяющих успех руководителя высшего уровня.

Еще один возможный подход к исследованию значения личностных черт лидеров для внешней политики основан на попытке выделить ряд личностных типов, для которых характерно сочетание определенных характерологических черт и особенностей мировоззрения, и проследить их влияние на принятие внешнеполитических решений. Например, Чарльз Кегли и Юджин Витткофф (Kegley and Wittkopf) выделяют 10 подобных типов.

1. *Националисты*. Для этого типа собственная нация является основным объектом идентификации. Другие общности, как более широкие (Европейский союз, человечество), так и более узкие (например, семья), занимают подчиненное положение в иерархии ценностей националистов. Нередко им свойствен *этноцентризм* — *представление о безусловной добродетельности и прогрессивности культуры собственной нации и негативное отношение к культуре других наций*.

2. Наиболее яркой чертой *милитаристов* является их убежденность в допустимости агрессии и легитимности применения силы при разрешении конфликтов, в том числе международных. Они полагают, что агрессия - неотъемлемое свойство человеческой природы, что противоречит результату современных исследований, которые продемонстрировали, что агрессивному поведению люди обучаются в социальной среде так же, как они учатся читать и считать.

3. *Консерваторы*, если иметь в виду психологический профиль, а не политическую философию, характеризуются такими чертами, как враждебность, подозрительность, отсутствие гибкости в восприятии и поведении, нетерпимость. К новым идеям консерваторы обычно относятся с подозрением, они очень чувствительны к рангам и иерархии, не склонны к сочувствию и не прощают слабостей. Крайне консервативные ориентации чаще встречаются среди людей малообразованных, занимающих невысокое место в социальной иерархии и неуверенных в себе.

4. *Прагматики*. Для них характерны ориентация на результат, полезность идей или проектов, интеллектуальность, нетерпение, склонность к экспериментированию, высокий уровень амбиций. Основной критерий оценки для них - возможность достижения успеха, при этом они не всегда обращают внимание на допустимость используемых средств с точки зрения морали или прибегают *иррационализациям* - т. е. логичным по форме, но не

выдерживающим критики по существу оправданиям своих действий.

5. *Параноиды*. Данный термин заимствован из психиатрии, где он обозначает психическое расстройство, для которого характерны страхи (фобии), подозрительность и недоверие по отношению к окружающим. Такой тип характера, очевидно, противопоказан публичным политикам, однако может проявляться и у них в ситуации стресса. Этот комплекс был отличительной чертой многих авторитарных лидеров (Гитлер, Сталин), в характере которых он сочетался с представлениями о собственном превосходстве и непогрешимости. Параноидам постоянно мерещатся козни и заговоры врагов, которым необходимо нанести упреждающий удар, пока они еще не стали слишком сильны.

6. *Макиавеллизм*. Имя Николо Макиавелли, выдающегося итальянского политического деятеля эпохи Ренессанса, стало символом оппортунизма, пренебрежения к морали, манипулирования другими людьми для достижения собственной выгоды, что, в общем, несправедливо, учитывая реальную личность Макиавелли. Кредо этого типа выражает известный принцип иезуитов «цель оправдывает средства». Макиавеллисты испытывают сильную потребность в доминировании, достижении власти. Этот тип похож на прагматиков, но если для прагматиков основным является успех, то для макиавеллиста - выгода.

7. *Верные приверженцы*. Этот тип может принимать различные обличья: «фанатик», «идеолог», «террорист», «фундаменталист». Его представителей объединяет то, что они некритически привержены какой-либо религиозной или идеологической доктрине и готовы пойти на любые крайности ради нее. Их привлекают не рациональные аргументы и идеи, а сильные эмоции, они испытывают потребность во что-то «свято верить», что-то или кого-то обожать. Все это сопровождается готовностью жертвовать собой, сливаться с восторженной массой единомышленников и нетерпимостью по отношению к инакомыслящим.

8. *Авторитарные личности*. Концепция авторитарной личности была введена в научный оборот Теодором Адорно. Для авторитаров характерна сильная приверженность традиционным ценностям, стабильности, «житейской мудрости» и «здоровому смыслу», готовность подчиняться авторитету и воспринимать мир, как нечто разделенное жесткими гранями: «друзья и враги», «добро

и зло». Авторитары не принимают противоречий, они стремятся жить по застывшим и простым законам под руководством мудрого и всевидящего вождя.

9. *Антиавторитары*. В отличие от предыдущего типа для антиавторитаров характерна интроспекция, погруженность в свой достаточно богатый внутренний мир. Они не боятся новизны и противоречий. Часто ведут себя импульсивно, спонтанно и нередко становятся участниками левых движений, поскольку по своим взглядам являются идеалистами, стремящимися изменить мир и сделать его более справедливым.

10. *Догматики*. Определяющей чертой догматиков является неспособность и нежелание подвергать критике и модифицировать когда-то усвоенные взгляды и идеи. Для них характерно еще более жесткое мировосприятие, чем для авторитаров. Они просто не замечают, не пропускают в свое сознание новую и противоречащую устоявшимся взглядам информацию.

Все рассмотренные выше типы редко встречаются в чистом виде у представителей политических элит, так как последние испытывают слишком жесткий социальный контроль. Можно скорее, используя психиатрический термин, говорить об определенной «акцентуации», т. е. заострении характера политика в определенном направлении. Тем не менее связь между определенным типом характера и предпочитаемым репертуаром внешнеполитических средств является очевидной и поддается эмпирической верификации: например, милитаризм и склонность к войнам или догматизм и отсутствие гибкости в принятии решений. И все же характер выдающегося политика редко бывает одномерным. Те же Кегли и Витткопф при описании личностного профиля Х. Киссинджера, безусловно, одной из наиболее ярких фигур международной политики, указывают на стилевые особенности, которые относятся к нескольким характерологическим типам. С одной стороны, Киссинджер, безусловно прагматик, если вспомнить о его гибкости, умении использовать принцип баланса сил, высоком интеллекте. С другой стороны, он предстает как *авторитар-догматик*, если учесть его нетерпимость к несогласию, недоверие к демократическим принципам во внешней политике, почти параноидальное стремление к секретности. Хотя, возможно, что именно для выдающихся политиков в отличие от посредственных характерна

такая многомерность. Можно вспомнить хотя бы длинную череду советских руководителей-догматиков.

В заключение нужно отметить, что влияние личности политика на принятие решений опосредуется целым рядом обстоятельств, начиная от его положения в государственной иерархии, заканчивая тем, насколько обыденной или экстраординарной, кризисной является ситуация. В последнем случае влияние личностных черт лидера оказывается более выраженным и важным.

§ 14.2. РОЛЬ «ЭЛИТ» И «ГРУПП ДАВЛЕНИЯ» В ФОРМИРОВАНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Одной из важнейших составляющих исследований в области внешней политики является изучение ее движущих сил. Дж. Розенау отмечал, что *«связи между внутренними первопричинами и вытекающим из них поведением - внешней политикой - нелегко поддаются наблюдению и поэтому особенно недоступны для последовательного анализа... Мало работ рассматривают широкий ряд неправительственных переменных и оценивают, как их взаимодействие формирует содержание и конкретное осуществление внешней политики... Внешнее поведение происходит из огромного комплекса истоков, каждый из них вносит свой вклад, но ни один из них сам по себе недостаточен для того, чтобы детерминировать его полностью».*

Что же такое «элиты»? В концепциях «множественности элит» под ними понимают лучших, наиболее достойных, одаренных и компетентных представителей различных групп населения, которые представлены в органах власти. Эти элиты открыты и доступны, они обладают высоким уровнем социальной мобильности, подвержены влиянию простых граждан, конкурируют друг с другом и тем самым уравнивают друг друга. Множественность элит есть реализация принципа плюралистической демократии.

Один из корифеев политической науки Г. Алмонд несколько иначе определяет роль элит, указывая, что любая социальная форма деятельности (в том числе и внешнеполитической) влечет за собой разделение труда и разделение влияния, которое и является функцией элиты. Г. Алмонд условно разделил общество на три категории с точки зрения их отношения к внешней политике: «Во-

первых, ...можно говорить о "публике вообще"; во-вторых, о "внимательной публике", которая информирована и интересуется внешнеполитическими проблемами и которая составляет аудиторию для внешнеполитических дискуссий между элитами; в-третьих, о политических элитах и элитах общественного мнения, отчетливо выраженном слое населения, создающем политику, который придает общественности структуру и обеспечивает эффективные средства доступа к различным группировкам».

Алмонд предложил следующую классификацию внешнеполитических элит:

- политическая;
- административная;
- элита групп интересов;
- элита средств массовой информации.

К политической элите обычно относят выборных должностных официальных лиц, высокопоставленных чиновников, а также лидеров политических партий. Политическая элита подразделяется в соответствии с ее положением в процессе формирования политики (законодательная, исполнительная, судебная), а также в соответствии с политическими функциями (например, Министерство иностранных дел, Служба Информации и Безопасности или парламентские комиссии занимающиеся вопросами внешней политики, обороны и безопасности).

С политической элитой тесно связана административная (или бюрократическая) элита, которая представляет собой профессиональный аппарат исполнительной власти, занимающийся решением определенных политических проблем.

Элита «групп интересов» включает представителей частных, политически ориентированных ассоциаций, от высших, организованных в национальном масштабе, до локальных образований, организованных вокруг целей и задач, разнообразие которых отражает экономическую, этническую, религиозную и идеологическую структуру населения. Сюда относится как выборная элита, выражающая политические интересы, так и бюрократический аппарат, значение которого в области деятельности групп интересов сравнимо со значением правительственной бюрократии на высшем политическом уровне.

К представителям «элиты средств массовой информации» относятся собственники, контролирующие СМИ, и лица, принимающие активное участие в работе средств массовой

информации, - директора телевизионных и радиоканалов, редакторы газет и журналов, ведущие журналисты.

Кроме названных выше элит в политическом процессе заметную роль играют «группы давления», представляющие собой частные ассоциации, стремящиеся реализовать свои интересы посредством *влияния* на правительство, а не путем выдвижения своих кандидатов, которым бы пришлось нести ответственность за принимаемые решения.

«Группы давления» могут рассчитывать на успех, если в процессе принятия решений доминируют личные («семейные») отношения. Чем меньше внимание общественности привлекает тот или иной вопрос, тем большие возможности открываются для «групп давления» решить его в соответствии со своими интересами. Способность «групп давления» оказывать влияние на внешнюю политику также зависит от временных факторов. В условиях кризиса и необходимости быстрого решения у них практически нет возможности вмешаться в его принятие.

Как правило, наиболее мощное внутреннее давление на процесс принятия внешнеполитических решений исходит от групп, которые могут выиграть или потерять в финансовом отношении. Когда у таких экономически мотивированных групп многое поставлено на карту, они не жалеют расходов для участия в законодательном процессе и в лоббировании своих интересов в органах исполнительной власти.

Важно также учитывать, что интересы «групп давления» во внешнеполитической сфере далеко не всегда совпадают. При анализе, например, внешней политики России необходимо учитывать особенности интересов наиболее крупных «игроков» - «Газпрома», «Лукойла», «Юкоса», «ТНК», «Сибнефти» и других нефтяных компаний, Росвооружения, Минатома и ряда других «групп давления» в реализации их интересов.

При анализе внешней политики Молдовы необходимо учитывать и интересы таких «игроков» как «Орвенто-Металл», «АСКОМ-групп», «Грин-Хилз», «Эйр Молдова Интернешнл» и др.

§ 14.3 БИЗНЕС-ЭЛИТЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Бизнес-элиты являются одной из важнейших групп влияния в современной внешней политике. По мнению экспертов, в последние годы под влиянием главным образом бизнес-элит

наблюдается постепенный переход от «геополитики к геоэкономике» или по, крайней мере, к более сбалансированным отношениям между вопросами безопасности и экономическими интересами.

Все большая «экономизация» внешней политики отчасти объясняет и разновекторный ее характер. С большой долей уверенности можно утверждать, что в настоящее время у молдавских бизнес-элит *нет единых общих интересов*. Предпочтения внутри отдельных (например, табаководческой или винодельческой) и в целом между бизнес-элитами, представляющими важнейшие сектора экономики, различаются, а иногда и противоречат друг другу. Тем не менее в целом большая часть бизнес-элит поддерживает растущую интеграцию Молдовы в европейское экономическое пространство и связанные с этим последствия - расширение рынков сбыта, возможность получения инвестиций, кредитов, новых технологий.

В то же время некоторые сектора не имеют доступа на европейский рынок по разным причинам - экономическим, политическим либо же в связи с низким качеством производимой продукции. Поэтому они вынуждены ориентироваться исключительно на внутренний молдавский рынок, или же на рынки Румынии и СНГ, поддерживать протекционистские меры или двигаться в направлении освоения азиатских рынков, что представляется им не вполне осознанно.

Для молдавских бизнес-элит характерен еще один момент, который является чисто «местным элементом поведения». Речь идет о политической ориентации представителей бизнеса относительно проблематики «объединения или необъединения» с Румынией, в связи с чем они иногда, особенно в начале 90-х годов, предпринимались попытки «скорректировать» внешнюю политику Молдовы.

Одни пытались свертывать экономические связи Молдовы со странами СНГ и «противниками» Румынии – Венгрией и Болгарией. Упор также делался на то, чтобы Молдова интегрировалась в Европу «исключительно совместно с Румынией». Другие, наоборот, пытались игнорировать любые продвижения на Запад, мотивируя свое поведение «историческими связями Молдовы с Россией» и зависимостью страны от российских энергоресурсов.

Однако жизнь опровергла «теоретические выкладки» как одних, так и других и Молдова начала, правда довольно медленно, определяться в выборе своего пути.

Ко всему можно добавить, что в Молдове в настоящее время бизнес-элиты еще не сформированы окончательно, не имеют долгосрочных стратегических планов и действуют больше хаотично, исходя из сиюминутных интересов.

Если анализировать влияние бизнес-элит на внешнюю политику в других государствах, то, например в России наиболее мощным лобби является *газовый сектор*, выступающий основным защитником добрососедских отношений со странами Европы. Он, пожалуй, является единственным среди всех российской бизнес-элит, кто имеет долгосрочную стратегию развития. Тем не менее конфликты со странами Запада или контролируемые ими финансовыми институтами возможны в связи с монопольным характером деятельности «Газпрома», его «дипломатией» в отношении новых независимых государств (особенно Украины, Беларуси и Туркменистана).

Металлургия России выступает за скорейшее снятие торговых барьеров и углубление сотрудничества со странами Запада. В 1990-е гг. она стала наиболее экспортно-ориентированной отраслью российской промышленности, продавая за рубеж более половины производимой продукции. Возможное вступление России во Всемирную торговую организацию должно способствовать преодолению протекционизма Европейского союза и Соединенных Штатов.

Российские *нефтяники* в целом также выступают за более тесное сотрудничество с Европой в связи как с их экспортной деятельностью, так и потребностью в инвестициях и новых технологиях. В целом же этот сектор в меньшей степени, нежели газовый, ориентирован на Европу. Развитие сотрудничества со странами Средней Азии, странами АТР и Ближнего Востока (в том числе с Ираком) представляет главный интерес нефтяных компаний.

Электроэнергетики также выступают за интеграцию России в Европу, рассматривая ее в качестве перспективного рынка и источника инвестиций. Вместе с тем Азия, и прежде всего китайский рынок остается не менее привлекательным направлением деятельности РАО ЕЭС.

Банковский сектор, особенно до кризиса 1998 г., активно выступал за углубление международного сотрудничества России, прежде всего, со странами Европы и США. И в настоящее время он остается на либеральных позициях, поддерживая экономические и политические реформы. Потребность в финансовых ресурсах стимулирует российские банки выступать за развитие стабильных и партнерских отношений с промышленно развитыми странами. Однако часть банков, входящая в протекционистски ориентированные финансово-промышленные группы, выступает с более националистических позиций.

Военно-промышленный комплекс имеет большую, нежели другие сектора российской экономики, националистическую направленность. Он неоднороден и состоит из двух частей. Первая ориентирована на возвращение «к старым добрым временам» с гарантированным государственным заказом и высоким социальным статусом в обществе, вторая признает реалии рыночной экономики и пытается сотрудничать в сфере высоких технологий с промышленно развитыми странами. В целом «генералы ВПК» не относятся к числу наиболее активных сторонников углубления сотрудничества с Европой, хотя их нельзя причислить и к наиболее влиятельным антизападным силам. Ностальгия по былому статусу СССР и своему месту в старой системе уступает место более прагматическому подходу, предполагающему потребность в поиске партнеров за рубежом.

Подобно военно-промышленному комплексу, неоднородна элита и российского *Минатома*. Жесткая протекционистская политика отдельных стран ЕС (особенно Франции), утрата позиций в странах Восточной и Центральной Европы, сворачивание атомных программ в Германии - все это заставляет искать и осваивать новые рынки - в Азии и на Ближнем Востоке. Нередко подобная деятельность приводит к возникновению конфликтов с США, настаивающих на соблюдении режима нераспространения и недопустимости передачи технологий и оборудования, могущих быть использованными для производства ядерного оружия.

Источники:

Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие/ Н.А. Ломагин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. 166 с., стр. 110-119.

Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А.В.Торкунова. — Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с., стр. 254-258.

Литература:

1. Бокшанин А., *История международных отношений и дипломатии в древнем мире*. – Москва, 1948.
2. Буриан А., *Теория международных отношений: Курс лекций в 2-х т.*, Том 1. «Введение в теорию международных отношений». - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.
3. Буриан А., *Теория международных отношений: Курс лекций в 2-х т.*, Том 2. «Внешняя политика и международные отношения». - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.
4. Гаджиев К.С., *Введение в геополитику*. Издание второе, переработанное и дополненное. - Москва, «Логос», 2000.
5. Дугин А., *Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мысль Пространством*. Изд. 3-е, дополн. - Москва, «АРКТОГЕЯ-центр», 1999.
6. *История политических и правовых учений*. / Под ред. О.Э.Лейста. - Москва, «Юридическая литература», 1997.
7. *История европейской интеграции (1945-1994)*/ Под ред. А.С.Намазовой, Б.Эмерсон. - М.: ИВИ РАН, 1995.
8. Кальвокоресси Питер, *Мировая политика после 1945 года: В двух книгах*. – Москва, «Международные отношения», 2000.
9. Ломагин Н.А., Лисовский А.В., Сутырин С.Ф., Павлов А.Ю., Кузнецов В.Е., *Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики. Учебное пособие*. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001.
10. *Современные международные отношения. Учебник* / Под ред. А.В.Торкунова. – Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.
11. Тойнби А., *Цивилизация перед судом истории*. – Москва, «Прогресс», 1995.
12. Фокуяма Ф., *Конец истории?//»Вопросы философии», 1990, № 3.*
13. Хантингтон Сэмюел П., *Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка//Библиотека публикаций Московского Центра Карнеги, „Pro et Contra”, Том 2, Весна 1997.*
14. Цыганков П.А., *Современные политические режимы: структура, типология, динамика (учебное пособие)*. – Москва, «Интерпракс», 1995.
15. Цыганков П.А., *Теория международных отношений*. – Москва, «Гардарики», 2002.
16. Barber, James, David, *The Presidential Character: Predicting Performance in the White House*, 4th ed., N.J. Prentice Hall, 1992.
17. Burian, Alexandru, *Geopolitica lumii contemporane, Manual: pentru facultățile de drept și de relații internaționale a universităților*. - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.

18. Huntington, Samuel P., *Ordinea politică a societăților în schimbare* /Trad. de Horațiu Stamatini, Iași, Editura POLIROM, 1999.
19. Keohane, Robert O. and Nye, Joseph S., *Power and Interdependence: World Politics in Transition*, Boston, 1977.
20. Morgenthau, Hans, *Escritos sobre politica internacional*. Con estudio preliminar de Esther Barbe, Tecnos, Madrid, 1990.
21. Ortiz, Eduardo, *El estudio de las Relaciones Internacionales*, Fondo de Cultura Economica, Santiago de Chile, 2000.
22. Rosenau, James N., *The Scientific Study of Foreign Policy, rev. ed.*, London: Frances Pinter, 1980.
23. Senarclens, Pierre de, *La politique internationale*, Paris, 1992.
24. Vasquez, John, *The War Puzzle*, Cambridge University Press, 1997.
25. Viotti, Paul R.; Kauppi, Mark V., *International relations theory: Realism, Pluralism, Globalism, and Beyond*. – 3rd ed., Allyn and Bacon, Boston, 1998.
26. Wallerstein, Immanuel, *The Modern World-System - 2 volumes*, Academic Press, New York, 1974.
27. Wight, Martin, *Politica de putere*, Chișinău, Editura ARC, 1998.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА²⁴

§ 15.1. Теория рационального выбора.

§ 15.2. Организационный процесс.

§ 15.3. Модель «бюрократической политики».

§ 15.4. Groupthink («Озгруппление мышления»).

§ 15.5. Кибернетическая теория принятия решений

Джона Стайнбрунера.

§ 15.6. Процесс принятия решений в современной внешней политике Молдовы.

Изучение процесса принятия решений во внешней политике предполагает исследование принципов и законов, которые объясняют выбор той или иной линии поведения сложными социальными институтами - администрацией Президента, внешнеполитическим ведомством, парламентом. Оно также имеет своей целью нахождение возможностей оптимизации, улучшения работы бюрократических структур с целью нахождения наиболее выгодных путей достижения целей. Оба эти аспекта и являются предметом *теории принятия решений*. *Теория принятия решений* возникла на стыке нескольких наук: математики, математической экономики, социологии и психологии.

²⁴ Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие/ Н.А. Ломагин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. 166 с., стр. 120-140; *Современные международные отношения: Учебник* / Под. ред. А.В. Торкунова. — Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с., стр. 250-252.

Рассмотрим важнейшие компоненты теории принятия решений - теорию рационального выбора, теорию «организационного» и «бюрократического» процесса, а также кибернетическую модель Д. Стайнбрунера.

§ 15.1. ТЕОРИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА

Теория рационального выбора пришла в политическую науку из экономики, хотя ее основания не связаны только с последней. Р. Швери называет три важнейшие интеллектуальные традиции, повлиявшие на формирование теории рационального выбора:

«Это, во-первых, шотландская философия нравственности Хатчисона, Юма, Фергюсона и Смита, впервые предложившая последовательную индивидуалистическую концепцию рационального поведения и обратившая внимание на ее плодотворность в объяснении общественных явлений. Во-вторых, утилитаризм, выработавший всеобъемлющую концепцию моральных суждений... В-третьих... неоклассическая теория, выдвинувшая на первый план процесс взаимного обмена. Если отдельный индивид получает выгоду от использования того или иного закона, закона, налагающего определенные ограничения на наши действия, и к тому же способен компенсировать потери другим, нет причин утверждать, что обмен нечестен, противоречит нормам морали или чему-либо еще».

Теория рационального выбора *выдвинула на первый план политического исследования действующего человека с его собственными интересами и потребностями, человека самодостаточного и активного. Теория рационального выбора опиралась на предпосылку возможности связать индивидуальное поведение и общественные институты, чтобы сохранить суверенность индивида при принятии решений по поводу и собственных, и общественных благ.*

Она исходит из того, что в сфере власти и принятия решений по поводу общих благ человек ведет себя также рационально, как и в экономической жизни.

Итак, теория рационального выбора как модель анализа внешней политики может считаться традиционной. Исследуя политику государства, ученые часто пытаются найти ответ на возникающие вопросы именно с точки зрения рационально

действующего субъекта. Подобный подход основан на следующих положениях:

- тот, кто принимает решение, преследует определенную цель или цели. Если целей несколько, они структурированы, исходя из их значимости или предпочтений субъекта. Информация о сложившейся ситуации и о том, как ситуация влияет на цели субъекта, ему доступна и известна;

- субъект рассматривает возможные альтернативы достижения цели или целей, оценивая их с точки зрения сочетания цены и выигрыша, а также вероятности успеха. Затем он выбирает лучшую из альтернатив с точки зрения баланса цены и выигрыша, а также вероятности успеха. Очевидно, что подобная ситуация возможна лишь тогда, когда выполняются некоторые условия:

- субъект представляет собой единое целое;

- информация о ситуации не только доступна, но субъект способен ее собрать и правильно оценить;

- субъект способен найти все возможные альтернативы;

- субъект обладает знаниями о причинно-следственных связях в данной сфере и способен правильно оценить последствия возможного выбора каждой из найденных альтернатив;

- субъект способен правильно сформулировать цели и задачи на основе существующей системы ценностей.

Первое условие предполагает, что субъект монолитен, но при этом в качестве такого субъекта может рассматриваться как государство в целом, так и конкретный политик. В традиционной истории международных отношений при анализе политики того или иного государства принимались в расчет чаще всего именно эти два уровня. Однако впоследствии возник интерес и к тому, какое влияние оказывают на политику *бюрократические* структуры, которые также могут рассматриваться как монолитные центры принятия решений, соответствующие модели рационального выбора.

Государство все же часто рассматривается как олицетворяемый правительством монолит, действия которого преследуют сформулированную исходя из рационального расчета цель, а выбор ее достижения также делается на основе рационализма. Такая схема дает возможность обобщения на высоком уровне, являющегося основой каждой теории. Так, например, реалистическая концепция международных отношений

базируется именно на идее рационального поведения государств на международной арене.

В теории принятия решений рационалистическая модель легла в основу стратегических исследований, доминировавших в сфере безопасности в период холодной войны. Классическим исследованием в этой сфере является работа Томаса Шиллинга «Стратегия конфликта».

Высшей степенью абстрагирования в рационалистической модели можно назвать «теорию игр» (Т. Шеллинг). В ней субъекты представлены в виде абстрактных «игроков», делающих ходы в игре. Цена и выигрыш выражены в конкретных числах и поддаются простому подсчету и сравнению. На этой основе формируется абсолютно рациональная схема взаимодействия игроков, используя которую можно не только выбрать наилучший путь к достижению цели, но и спрогнозировать действия других сторон. Очевидно, что подобная схема не существует в реальной жизни и, казалось бы, нет никакого смысла ее изучать. Т. Шиллинг признавал, что возможности использования результатов, полученных в ходе исследования такой модели, ограничены. Вместе с тем он считал ее использование полезным для построения теории, поскольку она дает возможность «идентифицировать наш собственный аналитический процесс с аналитическим процессом гипотетического участника конфликта, предполагая наличие некоторой последовательности в поведении гипотетического участника, мы можем исследовать альтернативные направления поведения с точки зрения того, соответствуют ли они стандартам данной последовательности».

Как было сказано ранее, теория рационального выбора применяется и на уровне конкретной личности, политика, принимающего решения. Вполне естественно, что подобный подход вызывает критику, поскольку трудно найти человека, который всегда думал и действовал бы полностью рационально. Поэтому в стратегических исследованиях, например, аналитики исходят не из того, что политик всегда рационален, а из того, что *политик не всегда иррационален*. Расчет делается на основе двух положений: вовлеченный в конфликт государственный деятель предпочтет стратегическое положение, которое минимизирует ущерб, его противник поступит точно так же.

В связи с этим *стратегический анализ* имеет два уровня. Первый уровень предусматривает полный рационализм -

рациональный субъект, точное знание систем ценностей, полная информированность с обеих сторон. Второй уровень - реальность с учетом индивидуальных черт субъекта, иррационализма и т.д.

Итак, суммируя все вышесказанное, можно заключить, что, хотя рационалистическая модель и имеет множество недостатков, у нее есть и определенные преимущества. При помощи рационального анализа можно решить, по крайней мере, следующие задачи:

- во-первых, используя данную модель и зная систему ценностей, можно сделать предположение о целях, преследуемых субъектом;

- во-вторых, данный метод позволяет сформулировать все возможные альтернативы достижения этих целей;

- в-третьих, обосновать правильный выбор между существующими альтернативами;

- в-четвертых, сопоставляя действительность с рациональной моделью поведения и выявив различия, можно сконцентрировать внимание на исследовании факторов, приведших к отходу от этой модели.

Существует и еще, по крайней мере, одна задача, которая решается при помощи модели рационального выбора. Критикуя ее и анализируя отличия реальности от идеальной модели, многие исследователи создали концепции, более полно объясняющие смысл принятия решений.

Грэм Аллисон в своей, ставшей уже классической, работе «*Сущность решений*» достаточно подробно разобрал рассматриваемую нами модель, ее варианты и примеры использования. Критикуя недостатки данной модели, Г. Аллисон полагает, что, хотя она и полезна для определенных целей, она нуждается в существенном дополнении.

Г. Аллисон подверг критике положение данной модели о монолитности государства как основного субъекта, что, по его мнению, существенно снижает ее возможность объяснить процесс принятия решений. На основе положения о том, что государство представляет собой *совокупность* бюрократических структур или «организаций», Г. Аллисон разработал еще две модели - *организационного процесса* и *правительственной (бюрократической) политики*, которым посвящены два следующих раздела. Эти две модели не являются альтернативой теории

рационального выбора, а призваны дополнить ее и приблизить анализ внешней политики к реальности.

Сомнению, причем вполне обоснованно, подвергается и действенность «рациональной» модели на уровне конкретного политика, принимающего решения. Г. Аллисон основывает свою критику, в том числе на исследованиях в области экономики Герберта Саймона, разработавшего концепцию «ограниченной рациональности». Г. Аллисон приводит обоснованные Г. Саймоном факторы, определяющие отход индивидов и организаций от полной рациональности: проблемы, требующие решения, настолько комплексны, что одновременно можно рассматривать лишь некоторые их аспекты. Поэтому индивиды делят их на сравнительно независимые части и изучают по отдельности. При необходимости выбора между альтернативами индивид выбирает не наилучшую, а первую, которая его более или менее удовлетворяет. В ситуации, когда выбирается первая удовлетворяющая альтернатива, особое значение приобретает последовательность рассмотрения альтернатив. Индивиды стремятся избежать неясности, поэтому выбор делается в пользу альтернативы, обещающей быстрый и гарантированный результат.

Индивиды и организации сами разрабатывают варианты своей возможной деятельности, чем и ограничивается их выбор в каждой конкретной ситуации.

§ 15.2. ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Интерес к анализу роли бюрократических структур в политике государства возник достаточно давно. Еще Макс Вебер в начале XX в. изучал значение бюрократии в государстве. В 1960-е гг. эта проблема стала объектом исследований ученых, работавших в сфере международных отношений. Такие исследователи, как Мортон Хальперин, Александр Джордж, Френсис Рурк, анализировали различные аспекты влияния бюрократии на внешнюю политику государств. Однако классической в данной сфере считается книга Грэма Аллисона «Сущность решения», опубликованная в 1971 г.

Г. Аллисон, опираясь на изучение Карибского кризиса 1962 г. и работы других исследователей, обобщил и структурировал практически все факторы, связанные с влиянием бюрократических структур на формирование внешней политики государства.

Факторы эти были разбиты им на две группы и включены в две модели - «Организационный процесс» и «Правительственная (бюрократическая) политика», которые и будут рассмотрены в данном и следующем разделах.

Модель *организационного процесса* заимствована Г. Аллисоном из экономики. Приводившиеся в предыдущем разделе положения теории Г. Саймона и исследования Ричарда Саирта и Джеймса Марча были им использованы для анализа внешней политики СССР и США в период Карибского кризиса 1962 г. Сделанные выводы сводятся к положениям, которые будут приведены ниже.

Государство не является однородным и монолитным, оно состоит из определенного набора организаций. Комплексность международных проблем заставляет делить их на компоненты, находящиеся в ведении различных организаций, несущих за них ответственность. Вследствие этого действия государств на международной арене являются результатом процессов, протекающих по установленным заранее процедурам внутри составляющих государство организаций. Лишь имеющиеся в арсенале организаций способы применения средств политики составляют спектр альтернатив для выбора государства. Именно организации структурируют проблему, подлежащую решению. Через них лидеры государств получают информацию о проблеме, причем угол зрения и расстановка акцентов по данной проблеме зависят от конкретной организации.

Деятельность организаций носит запрограммированный характер и определяется установленными в ней процедурами, из которых и складывается работа организации по решению возложенных на нее задач. Цели действий организации формируются в жестких рамках, складывающихся вследствие интересов самой организации и воздействия извне. Каждая организация имеет свой ограниченный набор процедур решения тех или иных задач, использующихся в зависимости от необходимости. Организация стремится избегать неопределенности и поэтому пытается или договориться с другими институтами, участвующими в процессе принятия решения на всех уровнях, или выработать набор стандартных сценариев для действий в потенциально возможных ситуациях. Характеристики поведения организации достаточно стабильны, хотя и могут меняться в случае возникновения непредвиденных ситуаций. В случае необходимости

организации предпочитают обойтись лишь незначительными изменениями или адаптацией старых процедур, что определяет относительную стабильность приоритетов, убеждений и процедур.

Хотя у каждой организации своя сфера деятельности, избежать пересечения с другими невозможно. Этим определяется необходимость координации их действий центральной властью. Лидер государства может оказывать серьезное влияние на выработку политики, поскольку в его ведении находится вопрос о том, какая организация должна заниматься той или иной проблемой, но, по мнению Г. Аллисона, центральная власть не способна контролировать и направлять повседневную деятельность организаций, а может лишь ее корректировать. Долгосрочное планирование деятельности организациям не свойственно. Там же, где оно формально существует, на него редко обращают внимание.

Каждая организация имеет свой набор альтернатив выбора в сложившейся ситуации. Однако вероятность формулирования выбора той или иной альтернативы определяется не столько общей целью государства, сколько целями самой организации. Часто организации участвуют в формулировании общих целей государства именно исходя из собственных целей, главная из которых - избежать дискомфорта, связанного, например, с сокращением ее бюджета или реструктурированием. В ситуациях, когда границы между сферами деятельности неясны или изменчивы, цели организации формулируются на основе ее стремления к расширению, экспансии.

Влияние организационного процесса должно учитываться, по мнению Г. Аллисона, и при выработке направления политики лидером государства. Вряд ли будет целиком выполнен план действий, предусматривающий отход от процедур и альтернатив, существующих в участвующих в его осуществлении организациях. В случае если цели этого плана идут вразрез с целями какой-либо организации, в его выполнении могут возникнуть трудности, связанные с сопротивлением со стороны этой организации.

В целом Г. Аллисон считает, что модель организационного процесса существенно дополняет рационалистическую, но требует при этом специфической информации, касающейся организационной структуры конкретного государства, и специального подхода.

§ 15.3. МОДЕЛЬ «БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ»

Модель *бюрократической политики* Г. Аллисона опирается на результаты исследований, посвященных анализу взаимодействия составляющих государство «игроков» между собой. Из таких исследований он, прежде всего, называет работу Ричарда Нойштадта «Президентская власть». Изучение решений, принимавшихся американским и советским правительствами в период Карибского кризиса, с этой точки зрения позволило Г. Аллисону сформулировать базовые положения бюрократической парадигмы, которые будут приведены ниже.

По мнению Г. Аллисона, решения и действия государства являются результатом процессов, протекающих внутри него. Круг участников, формирующих то или иное решение, представляет собой определенный набор так называемых *игроков*, которые представлены занимающими определенные позиции индивидами. Это могут быть как политики, занимающие посты в правительстве, так и представители различных лобби и средств массовой информации. Возможности и обязанности игроков определены занимаемыми ими позициями. Позиция игрока определяет и его восприятие требующей решения проблемы, и его взгляд на пути ее решения. На формирование целей и интересов игрока оказывают интересы различного уровня - национальные, интересы представляемой им организации, внутренние и личные. Совокупность этих интересов определяет «ставку» в игре, а также влияет на восприятие игроком различных аспектов каждой проблемы.

Сделанный государством *выбор является результатом торга* между игроками, каждый из которых воздействует на него по-своему. Степень воздействия, с точки зрения Г. Аллисона, определяется тремя факторами: преимуществами перед другими участниками торга, навыками, волей все это использовать, а также восприятием первых двух факторов другими. Преимуществами в торге могут быть: власть, контроль над ресурсами и информацией, необходимыми для проведения действий, возможность влиять на цели других игроков, личные качества.

Торг между игроками происходит по установленным каналам, определяемым позициями игроков, а также по существующим правилам, зависящим от структуры государства и

его законов. В результате торга вырабатывается решение, которое может серьезно отличаться от первоначального замысла. Действия правительства, таким образом, не являются следствием его намерений и редко соответствуют каким-либо долгосрочным программам и стратегиям. Принимаемые решения не являются результатом рационального стратегического анализа, поскольку каждый участник торга фокусирует свое внимание не на общей стратегической цели, а на отдельных ее фрагментах и на возможных последствиях не на стратегическом, а на собственном уровне.

Еще один важный, по мнению Г. Аллисона, фактор, влияющий на отход от рациональной модели в принятии решений, - это проблема информированности правительства. Отсутствие полной информации о ситуации, проблеме, позициях других сторон приводит к возникновению неправильного восприятия этих элементов, что, в свою очередь, порождает необоснованные ожидания, прогнозы.

Г. Аллисон достаточно скептически относится к возможности центральной власти контролировать бюрократическую политику. Действительно, принимая во внимание все вышеизложенное, трудно представить, как лидер государства может вмешаться в процесс торга. Однако Александр Джордж, например, считает, что бюрократический торг может быть полезен, если верховная исполнительная власть будет использовать соревнование между организациями для поиска большего числа альтернатив и более полного их анализа.

Приводя множество аргументов в пользу того, что государство не способно действовать рационально в выработке и проведении внешней политики, Г. Аллисон полагает, что при анализе внешней политики государства необходимо учитывать множественность факторов и применять все три модели - рационального выбора, организационного процесса и бюрократической политики.

§ 15.4. GROUPTHINK («ОГРУППЛЕНИЕ МЫШЛЕНИЯ»)

Есть много оснований полагать, что группы в ответственных ситуациях, когда цена решения высока, должны принимать более взвешенные и обоснованные решения, чем индивиды, особенно,

если это группы сплоченных, умных и квалифицированных людей, действующие под руководством авторитетного и пользующегося доверием лидера. И тем не менее можно привести множество исторических примеров, когда «мозговые тресты», созданные для принятия ответственных политических решений, принимали не просто неудачные решения, а решения катастрофические, такие, что уже на стадии их подготовки допускались существенные и очевидные ошибки, закономерно приводившие к неудаче.

Американский исследователь Ирвинг Джейнис (Irving Janis) в своих работах проанализировал ряд решений, принятых высшим военно-политическим руководством США, которые привели к полнейшему фиаско: решение президента Кеннеди организовать вторжение на Кубу в заливе Свиней, решение президента Трумэна послать войска в Северную Корею, решение президента Джонсона об эскалации военных действий во Вьетнаме, решение президента Никсона скрыть информацию о взломе штаб-квартиры демократической партии в Уотергейте, бездействие командования ВМС США в преддверии Пирл-Харбора, решившего, что не существует серьезной опасности внезапного нападения японцев. Джейнис провел сравнительный анализ процесса и факторов принятия этих неудачных решений и решений удачных, таких как поддержка президентом Трумэном плана послевоенной экономической помощи Европе («план Маршалла») и успешное разрешение администрацией президента Кеннеди и советским лидером Н. Хрущевым Карибского кризиса. По итогам этого исследования Джейнис выделил ряд характеристик явления, которое он назвал *«groupthink»* - буквально *групповое мышление*, но, поскольку речь идет об ошибочном групповом мышлении, представляется удачным термин, предложенный переводчиками учебника Д. Майерса по социальной психологии - *«огруппление мышления»* так как он вызывает ассоциацию с «оглуплением», что по смыслу весьма близко к идее Джейниса.

Джейнис определяет феномен «огруппления мышления» следующим образом:

«Groupthink» - это режим мышления, при котором стремление прийти к единодушному решению становится для участников группы настолько важным, что она оказывается неспособной к реалистической оценке альтернативных решений»,

Т.е. суть феномена «огруппления» состоит в том, что группа разрабатывает решение и ситуации иллюзорной

безальтернативности: любой план, существенно отличающийся от обсуждаемого решения (например, переговоры, а не военные действия), заранее отбрасывается как нереалистичный, невыгодный, вредный.

Естественно, «*groupthink*» - это явление интернациональное, не являющееся монопольной характеристикой лишь американских политиков. Например, политика британского премьера Чемберлена в период «Мюнхенского сговора», правительства Российской империи в преддверии русско-японской войны, решение руководства СССР о вводе войск в Афганистан или Российского правительства в период первой Чеченской войны могут служить не менее убедительными иллюстрациями «огруппления», чем ситуации, описанные Джейнисом. Тем не менее имеет смысл в качестве подробной иллюстрации использовать пример, ставший благодаря Джейнису хрестоматийным: печально известный десант кубинских «контрас», боровшихся против режима Фиделя Кастро в заливе Свиней.

17 апреля 1961 г. 1400 «контрас» высадились на пляж в этом заливе. Десант готовился и финансировался спецслужбами США. Его задачей было захватить плацдарм, удерживать его до соединения с партизанами, воевавшими против правительства Кастро в горах Эскамбрей, и начать восстание, которое в конечном итоге должно было свергнуть Фиделя Кастро. Операция была подготовлена одной из самых мощных и профессиональных разведок мира - Центральным разведывательным управлением США и одобрена одним из самых авторитетных политических лидеров того времени - американским президентом Джоном Кеннеди. Тем не менее, все закончилось за двое суток. Кубинская армия оказалась готова к вторжению а расчеты на то, что правительственная авиация не поднимется в воздух, не оправдались, 80 миль непроходимых болот не позволили десанту соединиться с теми, кто воевал в горах, причастность правительства США к операции оказалось «секретом Полишинеля» и вызвала массовое возмущение во многих странах мира, тем более что информация о подготовке операции просочилась в прессу еще до начала вторжения, широкая оппозиция режиму Фиделя Кастро оказалась мифом. Вторжение, напротив, сплотило кубинцев и вызвало «эффект бумеранга». В итоге США пережили дополнительное унижение, когда были вынуждены выкупить попавших в плен «контрас» в обмен на медикаменты, запасные

части и другие материалы, подпадавшие под эмбарго, установленное правительством США против Кубы.

Первое предположение, которое возникает при знакомстве с обстоятельствами этого знаменитого фиаско: решение готовили недальновидные, непрофессиональные и, возможно, просто глупые люди. В самом деле, как можно было не посмотреть на карту и не знать про 80 миль болот, продолжать верить в то, что операция останется тайной, несмотря на утечки информации в прессе, недооценивать боеспособность кубинских вооруженных сил и т.д.? Тем более, что «мозговой штаб» президента Кеннеди состоял из умных и заслуженных политиков и аналитиков. Например, госсекретарь Д. Раск перед тем, как прийти в администрацию, возглавлял Фонд Рокфеллера, министр обороны Д. Макнамара был профессиональным статистиком и известным аналитиком и работал президентом корпорации Форда, М. Банди, главный советник президента, был деканом в Гарвардском университете. К тому же позже, во время Карибского кризиса, практически та же самая команда оказалось способной к принятию вполне разумных и взвешенных решений.

Джейнис сделал вывод, что основной причиной плохого решения оказалось то, что в этой конкретной ситуации для «мозгового треста» президента поддержание единства, стремление к консенсусу, последовательность в реализации плана оказались более важными, чем объективный анализ ситуации, который требовал признания, что весь план не что иное, как грубая ошибка. Однако подобное признание требует преодоления существенных психологических барьеров, что всегда очень трудно.

Джейнис выделил ряд типичных характеристик ситуации «огруппления мышления».

1. *«Иллюзия неуязвимости»* - представление о том, что, несмотря на очевидные опасности и недостатки плана все закончится успешно. Она характеризуется чрезмерным необоснованным оптимизмом и готовностью принимать очень рискованные решения²⁵.

²⁵ Чрезмерный риск в данном случае может расцениваться как частный случай широко известного в социальной психологии феномена *«сдвига к риску»* или *«групповой поляризации»*, проявляющегося в том, что после группового обсуждения часто принимаются решения более экстремальные, чем решения до

2. *«Иллюзия безусловной моральности»* - представление о том, что, какие бы конкретные действия не предполагал план действий, они оправданы безусловными высокоморальными целями группы и неоспоримой моральностью членов группы. Эта иллюзия точно описывается известным девизом иезуитов «цель оправдывает средства».

3. *«Рационализации»* - это логичные и рациональные по форме, но неверные по существу объяснения и выводы, которые используются для оправдания сомнительных действий. Например: «Кубинская правительственная авиация не поднимется в воздух, так как кубинцы не смогут подготовить самолеты и летчиков без помощи американских инструкторов». Вывод логичен, но основан на неверной посылке: кубинцы успешно обошлись без американской помощи.

4. Стереотип *«Злобный и (или) тупой противник»* - противник воспринимается упрощенно, стереотипно. В первом варианте это «негодяи», «мерзавцы», «бандиты», с которыми уважающий себя политик не имеет права садиться за стол переговоров. Часто этот стереотип сочетается с известной иллюзией *«черной верхушки»* (black-top illusion), когда планирующие операцию аналитики полагают, что физическое уничтожение или другой способ отстранения от власти лидера противника немедленно решит проблему²⁶. Еще один вариант представляет противников неполноценными, глупыми, «нецивилизованными», в этом случае высмеивается их внешность, обычаи, они, например, объявляются «лентяями и тупицами». Подытожить этот стереотип можно как «шапказакидательское настроение». Расплата наступает, когда с «кучкой дикарей и бандитов» приходится воевать в течение десятилетий, и, несмотря на первоначальный оптимизм, победа представляется все более и более проблематичной.

обсуждения.

²⁶ Уже после неудачи в заливе Свиней ЦРУ делало неоднократные попытки устранить Фиделя Кастро с политической арены, полагая, что это приведет к немедленному падению его режима. Сейчас нечто подобное происходит по отношению к лидеру Федеративной Югославии Слободану Милошевичу. Безусловно, роль лидеров в политике очень велика, однако очень часто после устранения одного одиозного лидера его место часто занимает другой, ничуть не более привлекательный.

5. *Самоцензура.* Участники группы иногда бессознательно, а иногда и сознательно (поскольку несогласие с общим мнением может стоить им карьеры) преуменьшают значимость разногласий внутри группы и убедительность аргументов против принятого группой плана. Иногда это может принимать характер «вытеснения» контраргументов, т. е. о них искренне забывают, не вспоминают по ходу обсуждения, и тогда они как бы не существуют, иногда - в результате сознательных манипуляций и сокрытия информации. Например, информация о том, что противник искренне готов начать переговоры «придерживается» до того момента, когда изменение ситуации делает переговоры невозможными.

6. *Иллюзия единодушия.* Благодаря тому что участники группы не высказывают публично свои сомнения, у каждого из тех, кто их испытывает, создается неверное впечатление, что именно он является единственным диссидентом в группе. Поэтому все участники группы испытывают очень сильное давление со стороны группы. В социальной психологии эта ситуация группового давления называется *конформностью*²⁷: столкнувшись с единодушным мнением группы, потенциальные диссиденты, даже при отсутствии прямых просьб принять мнение группы, не противоречат ей из-за опасения оказаться «белой вороной» и быть отвергнутыми группой. Часто представление о единодушии группы может быть иллюзией: на самом деле несогласных - большинство, но пока все они молчат, а сторонники принятого плана активно высказываются, в группе доминирует меньшинство, которое все участники группы ошибочно принимают за большинство, поскольку чужие мысли людям читать не дано. В социальной психологии этот феномен получил название «*массового заблуждения*» (pluralistic ignorance).

7. *Прямое давление.* Косвенного давления может оказаться недостаточно. В этом случае на тех, кто сомневается, часто оказывается и прямое давление: их призывают «одуматься», «высказываться конструктивно, а не заниматься критиканством», призывают к лояльности по отношению к группе («мы всегда считали вас одним из нас, а вы...»), наконец, в крайнем случае, в ход идут

²⁷ Джейнис указывал, что впоследствии ряд участников планирования операции в заливе Свиней вспоминали, что у них были существенные сомнения, но они не решились высказать их вслух.

угрозы («те, кто не верит в успех предприятия, не имеет морального права оставаться в наших рядах»).

8. «*Страж умов*» (mind-guard). Джейнис указывает, что часто один из участников группы берет на себя обязанность обеспечивать консенсус и оберегать группу от угрожающей принятому плану информации. Например, в рассматриваемом нами примере такую функцию взял на себя брат президента Кеннеди - Роберт. Именно он по собственной инициативе (брат его об этом не просил) оказывал давление на сомневающихся и говорил и делал все то, что описано в предыдущем пункте. После того как мы рассмотрели симптомы «огруппления мышления», необходимо рассмотреть условия, способствующие их проявлению:

- высокая степень сплоченности группы, принимающей решения, - они действительно должны быть единомышленниками, «единой командой», членство и участие в работе группы должны быть для них очень важными;

- изоляция группы от внешнего мира. Например, специалисты ЦРУ по Кубе не были допущены

- к подготовке операции в заливе Свиней из-за соображений секретности.

Наличие авторитетного, энергичного, властного лидера, который уже на самой ранней стадии выказывает безусловную поддержку обсуждаемому плану;

- отсутствие процедур, обеспечивающих обоснованное сравнение плана-фаворита и альтернативных способов действия;

- высокая степень стресса из-за важности проблемы и ограниченности ресурсов. Подобные ситуация в жизни политиков, принимающих ответственные решения, происходят достаточно часто, и, если события развиваются по сценарию «огруппления мышления», результатом оказывается принятие сомнительного решения из-за следующих особенностей процесса принятия решений в ситуации «groupthink»:

- избирательный, неполный обзор имеющихся в наличии альтернатив;

- искаженное и неполное представление о реальных целях группы;

- неточная оценка риска, связанного с осуществлением плана-фаворита;

- отказ от повторной оценки отвергнутых ранее альтернатив после того, как возникают серьезные сомнения в принятом плане;

- недостаточное информационное обеспечение принятого решения;
- избирательность и предвзятость в отборе и оценке информации;
- отсутствие плана действий на тот случай, если развитие событий отклонится от предусмотренного основным планом действий сценария.

Таким образом, «огруппление мышления» представляет действительно парадоксальное явление, когда хорошо подготовленная, компетентная, авторитетная группа, принимающая ответственное решение, достигает результата ничуть не лучшего, чем тот, которого могла бы добиться кучка случайных дилетантов. Можно ли избежать таких ситуаций? Ирвинг Джейнис предложил ряд мер, который может снизить вероятность «огруппления мышления».

Лидеру следует поощрять участников группы высказывать сомнения и несогласие относительно проекта решения. Для того чтобы этот прием работал, лидер должен быть открыт для критики, в том числе и его собственных идей, что на практике оказывается достаточно трудной задачей.

В начале дискуссии лидеру не следует торопиться высказывать свою позицию. Лучше всего, если на этой стадии он останется внимательным, но беспристрастным слушателем, чтобы участники обсуждения узнали его мнение только в конце и не пытались под него «подстроиться»²⁸.

Полезно разделить группу на подгруппы, которые сначала могли бы обсудить проблему независимо, и уже затем согласовать позиции на общей дискуссии. Очевидно, что «единственный диссидент» в группе из трех человек испытывает существенно меньшее давление и стресс, чем «единственный диссидент» в группе из 25 человек.

Следует приглашать на заседания экспертов, не принимающих непосредственного участия в работе над проектом, и благожелательно относиться к их мнению, даже если оно

²⁸ Уместно вспомнить полезную традицию, бытовавшую в российской армии, когда на военных советах было принято сначала давать высказаться самым младшим офицерам, чтобы на них «не давил» авторитет старших по званию.

противоречит мнению группы. «Критика со стороны» и свежий взгляд часто помогают повысить качество решений.

Одному из участников группы можно поручить роль «адвоката дьявола»²⁹: предложить ему критиковать план-фаворит, не соглашаться с мнением большинства, искать в плане слабые места. Назначенному на эту роль выполнить ее значительно легче, чем энтузиасту, критикующему по собственной инициативе, - ведь «адвокат дьявола» критикует не потому, что не лоялен по отношению к группе, а потому, что получил такое поручение.

§ 15.5. КИБЕРНЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ДЖОНА СТАЙНБРУНЕРА

Концепция Джона Стайнбрунера (John D. Steinbruner), названная им кибернетической (the cybernetic theory of decision), возникла в полемике автора с приверженцами классической утилитарной теории принятия решений (или *теории рационального выбора*) которая предполагает, что люди принимающие решения скрупулезно просчитывают возможные выгоды и затраты. Стайнбрунер называет такой подход «аналитическим», или «аналитической логикой», и критикует его.

Предположения теории рационального выбора относительно того, что при принятии решений люди всегда разбивают проблему на логические компоненты, что они обладают достаточной информацией для обоснованного сравнения альтернатив, представляются Стайнбрунеру маловероятными. К тому же он полагает, что классическая теория была разработана для моделирования принятия решений индивидами и малоприменима к ситуациям, когда решения принимаются коллективно. Стайнбрунер считает, что ряд известных исторических неудач политики сдерживания, таких как нападение Японии на американский флот в Пирл-Харбор или мобилизация египетской армии накануне Шестидневной войны в июне 1967 г., не могут быть объяснены по принципам традиционной «аналитической утилитарной логики».

²⁹ Этот термин возник из практики, принятой в католической церкви, где перед принятием решения о канонизации нового святого, чтобы не допустить ошибки, один из епископов получает поручение собрать о кандидате порочащую информацию. Его и называют «адвокатом дьявола».

Поэтому он противопоставляет традиционному подходу разработанную им парадигму, которую он назвал «кибернетической» (cybernetic paradigm).

Эта концепция предполагает, что в сложных ситуациях можно обойтись без сложных аналитических механизмов принятия решений.

Свои рассуждения он начинает с рассмотрения простых примеров, демонстрирующих, что, используя ограниченную информацию и не прибегая к сложному анализу, можно найти эффективное решение. Например, рабочая пчела, вовсе не обладающая интеллектом, тем не менее при помощи своих знаменитых «танцев» оказывается способной передать другим пчелам информацию о расстоянии до цветов-медоносов и угле по отношению к солнцу, под которым надо лететь, чтобы их найти. Футболист, готовящийся нанести удар по мячу³⁰, также не просчитывает тысячи возможных вариантов своего собственного перемещения, полет мяча и движение защитника, но в большинстве случаев попадает по мячу (хотя тот и не всегда влетит в ворота). Если бы футболист в условиях дефицита времени на футбольном поле занимался бы анализом ситуации по классическим рецептам, он, скорее всего, запутался бы в собственных ногах, упал бы и потерял мяч. Еще проще устроены регуляторы, работающие по принципу обратной связи: например, предохранительный клапан в паровой машине Ватта вообще отслеживает один-единственный параметр - давление пара и при этом позволяет избежать перегрева и взрыва парового котла. Примерно так же действует опытный повар, который не взвешивает компоненты будущего блюда, а добавляет их «на глазок», рецепту следует приблизительно, не имеет аналитически точного представления о конечном продукте, а просто пробует его в процессе приготовления и часто при этом добивается блестящего результата.

Таким образом, человек, принимающий решения по кибернетическим принципам, имеет дело с «простыми» параметрами и ситуациями, которые тем не менее представляют сложную реальность. Он игнорирует сложные особенности среды, в

³⁰ Вспомните французского классика исследований международных отношений Раймона Арона, который постоянно использовал сравнение футбола и международных отношений в своих работах)

которой действует, и использует простую обратную связь для коррекции своего поведения. Он стремится, насколько возможно, упростить «вычисления» (анализ параметров ситуации), отслеживает ограниченный круг «критических» переменных и стремится удержать их значение в приемлемом диапазоне. Эта концепция близка к уже обсуждавшейся выше теории «ограниченной рациональности» Херберта Саймона, однако Стайнбрунер идет еще дальше, так как его подход делает упор не столько на рациональный анализ ситуации (пускай даже на основе ограниченной информации и до первого показавшегося удовлетворительным решения, как у Саймона), сколько на *значение прошлого опыта и интуиции* при принятии решений. Это созвучно представлениям о людях как о «когнитивных скупцах» («cognitive misers»), получившим широкое распространение в когнитивистской социальной психологии, согласно которому при принятии решений люди (политики не исключение) стремятся насколько возможно сократить интеллектуальные усилия. В когнитивистской психологии упрощенные приемы, которые люди используют при принятии решений, получили название «эвристик» (heuristics). *Эвристики* - это простые практические правила, позволяющие принимать удовлетворительные решения при минимальной информации и минимальных интеллектуальных усилиях. Например, «эвристика экспертизы» рекомендует доверять мнению экспертов и специалистов, «эвристика объема» предполагает, что толстые книги содержат более качественную информацию, чем тонкие, «эвристика цены» предполагает, что более дорогие вещи и услуги обладают более высокими качествами³¹ и т.д.

При принятии внешнеполитических решений на высоком уровне упрощение ситуации представляется не такой очевидной возможностью, как при принятии решений бытовых. Однако Стайнбрунер считает, что и к таким ситуациям применима кибернетическая парадигма. Сложными политическими решениями он считает такие, в которых приходится делать выбор и искать компромисс между двумя или более ценностями (например, безопасность и благосостояние). Он признает, что в таких сложных

³¹ Сравните с известной поговоркой «скупой платит дважды». Эвристики, как любая «житейская мудрость» - не всегда оказываются верными, но во многих случаях позволяют найти удовлетворительные решения.

ситуациях лицо, принимающее решение, должно обладать более широким и изощренным репертуаром возможных реакций и действий. Проблема решается при помощи увеличения количества людей, принимающих решение в группе. Участники группы не пытаются охватить проблему во всей ее сложности - вместо этого они разбивают ее на ряд «одномерных» проблем, которыми занимаются отдельные индивиды или подразделения сложной бюрократической организации. По мнению Стайнбрунера, это естественное кибернетическое объяснение для массового роста бюрократии в современном обществе.

Таким образом, Стайнбрунер, опираясь на исследования поведения в сложных бюрократических организациях, приходит к выводу, что высшие уровни бюрократической иерархии не выполняют функции интеграторов, как это постулируется в аналитической парадигме. Вместо этого они последовательно решают проблемы, поставленные различными подразделениями. Стайнбрунер пишет, что «сложные проблемы в организации фрагментируются и эта фрагментация сохраняется также и на высших уровнях, принимающих решение».

Как уже упоминалось выше, Стайнбрунер использует в своей модели идеи концепции психологов-когнитивистов и подчеркивает, что «существенный объем информации перерабатывается до того, как индивид сознательно концентрирует свое внимание на решении конкретной проблемы». На основе результатов исследований когнитивистов, описывающих поведение людей в ситуации неопределенности, он модифицирует свою концепцию и формулирует три «модели мышления»: 1) «мышление по желобку» («grooved thinking»), 2) «неустойчивое мышление» («uncommitted thinking») и 3) «теоретическое мышление» («theoretical thinking»).

«Мышление по желобку» характеризуется тем, что проблема упрощается и сводится к одному из нескольких базовых типов. Основой для принятия решений в данном случае служит предыдущий опыт, решение часто принимается по аналогии. В том случае, если ситуация мало изменяется или изменяется медленно, эта модель может быть эффективной.

Определяющей чертой «неустойчивого мышления» является то, что мнение лидера изменяется в зависимости от того, какой из групп приближенных консультантов удастся добиться большего на него влияния. При этом политик ведет себя противоречиво, он может в течение короткого промежутка времени занимать

диаметрально противоположные позиции³². Иногда такой стиль может быть и сознательным приемом: например, для первого российского президента Б.Н. Ельцина было характерным приемом применение хорошо известного принципа «баланса сил»: как только одна из конкурирующих группировок в его окружении становилась, по его мнению, слишком независимой и влиятельной, он начинал активно поддерживать ее оппонентов.

Наконец, для третьего, «теоретического», стиля мышления характерна приверженность лидера какой-то теоретической или практической идее или ценности, которая делает его решения последовательными и предсказуемыми, но порой одномерными и недостаточно гибкими. Наличие «видения» и «крело» могут быть конструктивными для формирования политической стратегии, но иногда могут принять и карикатурные формы, стать, употребляя психиатрическую терминологию, «сверхценной идеей»³³.

Стайнбрунер не считал, что предложенная им «когнитивистско-кибернетическая» концепция опровергает традиционную «рационально-аналитическую модель». Подобно Аллисону, он полагал, что в некоторых ситуациях решения принимаются по «аналитическим» принципам, в других - по «кибернетическим». Его теоретические взгляды близки к широко известной в социальной психологии «центральной - периферийной» модели обработки информации при изменениях атрибутов (мнений и отношений). Согласно этой модели, если субъект, принимающий решение, обладает достаточной компетенцией, высоким уровнем мотивации по отношению к данной проблеме и временем, он пользуется рациональной аналитической логикой (информация перерабатывается на «центральном» пути). Если же мотивация и компетентность невысоки, к тому же решение принимается в условиях нехватки времени, он упрощенно воспринимает ситуацию, ориентируется на внешние, а не на существенные параметры, в ход идут «эвристики», аналогии, стандартные операционные процедуры (информация перерабатывается на

³² Можно вспомнить, как во время выборной президентской кампании 1996 г. А. Лебедь делал то либеральные «прорывные» заявления, то настаивал на централизации экономики и усилении государственного регулирования.

³³ Примером может служить увлечение советского лидера Н.С. Хрущева сначала кукурузой, а впоследствии минеральными удобрениями.

«периферийном» пути). Очевидно, второй, периферийный способ переработки информации имеет много общего с «кибернетической концепцией» Стайнбрунера.

В заключение следует отметить, что И. Джейнис при разработке своей модели использовал индуктивный метод: он обобщил анализ целого ряда конкретных ситуаций («cases») принятия катастрофических политических решений. Логика исследования Дж. Стайнбрунера несколько иная. Он начал свое исследование, исходя из теоретических предпосылок кибернетической теории, затем трансформировал эти принципы, используя результаты исследования психологов-когнитивистов, и наконец описал три эмпирических стиля принятия решений, соответствующих его концепции.

Можно сделать вывод, что обе рассмотренные модели имеют как теоретическое, так и практическое значение. Они демонстрируют, что в условиях недостатка времени и дефицита информации политики, используя упрощенную модель ситуации, могут совершать драматические ошибки.

§ 15.6. ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Проблемы перехода к новой системе принятия решений

Мы уже отмечали, что метод сравнения необходимо использовать при анализе внешней политики, особенно когда речь идет о формировании новой системы принятия решений, вызванной сменой политического режима, строительством нового государственного аппарата и формированием новых элит.

Сложности с которыми столкнулась Молдова на международной арене сразу после провозглашения своей независимости связаны в первую очередь полным отсутствием опыта принятия внешнеполитических решений, так как до распада СССР эти решения принимались в Москве, а также полным отсутствием внешнеполитического механизма, способствующий принятию вышеназванных решений.

Кроме того, в Молдове в начале 90-х годов существовала очень сильная прорумынская «пятая колонна», действовавшая в центральных органах государственной власти³⁴, которая не только

³⁴ К примеру, Марчел Дину, бывший посол Румынии в ФРГ а

не способствовала принятию правильных внешнеполитических решений, но даже специально вело дело к «провалам» Молдовы на международной арене. Это делалось с целью «сближения внешней политики двух румынских государств», как впоследствии признали представители Народного фронта.

С аналогичными сложностями, хотя и иного порядка, сталкивались и другие молодые государства. К примеру, трудности, с которыми Россия столкнулась на международной арене после распада СССР, отчасти были связаны с трудным и болезненным процессом трансформации внешнеполитического механизма, который и до сих пор еще не обрел окончательного вида (как, скажем, в США, Великобритании или Германии).

Если за точку отсчета этой трансформации взять систему принятия решений в бывшем СССР, то можно выделить три существенные особенности:

1) централизация (концентрация власти в сфере внешней политики);

2) дифференциация (специальная роль различных политических институтов и конкретных должностных лиц);

3) кулуарность (внешняя политика - удел «избранных», пренебрежение общественным мнением).

Политбюро было органом принятия решений. Распространение информации о принятых решениях осуществлялось на основе принципа целесообразности. Существовал узкий круг привилегированных лиц, получавших информацию и допущенных к обсуждению вопросов внешней политики. Эту группу называли «информированной общественностью». Политбюро получало информацию через Секретариат ЦК КПСС, который организовывал сбор информации и ее фильтрацию. Особую роль в Секретариате играл Международный отдел ЦК. Другими важнейшими каналами информации были непосредственно материалы КГБ, ГРУ Генштаба, МИД СССР. Именно руководители этих трех ведомств составляли так называемое ореховое Политбюро (названное так по месту проведения своих заседаний в Ореховом зале Кремля),

впоследствии один из заместителей министра иностранных дел Румынии, был «негласным советником» министра иностранных дел Молдовы в течение 1991-1993 гг.

принимавшее политические решения по всем ключевым вопросам внутренней и внешней политики СССР.

Аналитическое обеспечение внешнеполитических акций СССР подкреплялось деятельностью ряда академических институтов (ИМЭМО, Институт США и Канады, Институт международного рабочего и коммунистического движения, Институт стран Азии и Африки МГУ, Институт балканистики и др.).

Во второй половине 1980-х гг. М.С. Горбачеву удалось «открыть» сферу международных отношений для широких дискуссий. «Монополия» Москвы на обсуждение и анализ различных проблем внешней политики была преодолена. Стали возникать новые центры изучения международных отношений. Примерное равенство трех «китов» советской внешней политики — МИД, КГБ и Министерства обороны - стало меняться в сторону усиления внешнеполитического ведомства. Однако Международный отдел ЦК и силовые ведомства не желали потери своего бывшего могущества и неоднократно «заявляли» об этом (подавление оппозиционного движения в Вильнюсе, Тбилиси, эскалация конфликта в Нагорном Карабахе).

После распада СССР сложилась новая ситуация, которая характеризовалась рядом моментов:

1) распалась сверхцентрализованная система принятия решений, основанная на партийном аппарате. Вся тяжесть получения и обработки информации легла на плечи президентской администрации и МИДа;

2) распад старой системы, основанной на разделении функций ряда ведомств и предполагавшей узкий круг людей, допущенных к принятию решений, означал неизбежность болезненного периода создания новой системы, основанной на коллегиальности и сотрудничестве различных ведомств. Более того, проблема усложнялась тем, что не ясен был «политический вес» этих ведомств и, следовательно, их роль и амбиции;

3) вся политическая и административная система, подлежавшая реконструкции, основывалась на традиции, при которой все организационные изменения всегда были связаны с борьбой за власть. Таким образом, этот элемент политической культуры предполагал высокую вероятность конфликтности и несогласованности при выработке внешней политики и ее осуществлении;

4) распад СССР создал совершенно новую сферу международных отношений - отношения с бывшими советскими республиками, связанными тесными экономическими узами с Россией. Россия была не готова (политически и психологически) решать возникавшие с этими республиками проблемы. в том числе проблемы интеграции/дезинтеграции и прав русскоязычного населения (25 млн.), оставшегося за пределами России;

5) новая политическая элита только еще начала складываться. Кроме того, она практически не имела опыта в ведении внешнеполитических дел;

6) особенностью России была резкая политическая поляризация. В этих условиях внешняя политика стала использоваться оппозицией в борьбе за власть. Это привело к известному расколу внутри элиты. Военно-промышленный комплекс и армия с недовольством воспринимали новый курс МИДа, основанный на демилитаризации, выводе войск с территории бывших союзников и республик СССР. Более того, практически до сих пор продолжается процесс поиска оптимальной модели национальных интересов России, хотя нет недостатка в разного рода нормативных документах по этому вопросу.

Конституционные основы внешней политики Республики Молдова

Конституция Республики Молдова, принятая 29 июля 1994 г., регламентирует принципы осуществления внешней политики государства и дипломатической деятельности.

Так, ст. 8 предусматривает, что Республика Молдова обязуется соблюдать Устав Организации Объединенных Наций и договоры, одной из сторон которых она является, строить отношения с другими государствами на общепризнанных принципах и нормах международного права. В этой же статье закреплён принцип примата международного права над внутренним правом, указывающий, что вступлению в силу международного договора, содержащего положения, противоречащие Конституции, должно предшествовать ее пересмотр.

Основной закон провозглашает постоянный нейтралитет Республики Молдова и не допускает размещения вооруженных сил других государств на ее территории (ст. 11 Конституции). Этот принцип является одним из основных конституционных

принципов, непосредственно влияющих на внешнюю политику государства, и который нельзя нарушить ни во внутреннем, ни во внешнем плане. Временное размещение на территории Республики Молдова российских войск входит в противоречие с положениями ст.11. Для разрешения этой ситуации необходимо участие центральных органов общественной власти

В ст. 128 Конституции говорится, что в Республике Молдова охраняется собственность других государств, международных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства. Основные направления внешнеэкономической деятельности, принципы использования иностранных кредитов и займов утверждаются Парламентом (ст.129). Правительство обеспечивает защиту национальных интересов во внешнеэкономической деятельности и, исходя из последних, проводит политику свободного обмена или политику протекционизма (ст.129).

Раздел 1 Конституции посвящена регламентации проблем, связанных с приобретением, сохранением или утратой гражданства (ст.17) и устанавливает права и обязанности иностранных граждан и лиц без гражданства на территории страны (ст.19). В специальном абзаце ст.19 указывается, что право убежища предоставляется или изымается только в соответствии с законами и с соблюдением международных договоров, одной из сторон которых является Республика Молдова.

Конституция определяет и компетенцию публичных властей в международных проблемах. Согласно ст. 66 Парламент обязан утверждать основные направления внутренней и внешней политики государства, ратифицировать, денонсировать, приостанавливать действия и аннулировать международные договоры, заключенные Республикой Молдова. Парламент осуществляет контроль за предоставлением государственных займов, оказанием экономической или иной помощи иностранным государствам, за заключением соглашений о государственных займах и кредитах из иностранных источников. К исключительной компетенции Парламента относится право объявления чрезвычайного положения, осадного положения или войны.

В ст.77 Конституции указывается, что Президент представляет молдавское государство и является гарантом суверенитета, национальной независимости, единства и территориальной целостности страны. Понятие государственного представительства необходимо понимать как представительство

внутри страны, перед внутригосударственными учреждениями, так и на внешней арене, в международных отношениях.

В области внешней политики Президент наделен полномочиями вести переговоры, участвовать в ведении и заключении международных договоров от имени Республики Молдова (ст. 86). Международные договоры, заключенные от имени Республики, представляются для ратификации Парламенту в порядке и сроки, установленные законом.

Президент принимает верительные и отзывные грамоты дипломатических представителей других государств в Республике Молдова (ст.86). Это полномочие Президента страны является сугубо представительским. Необходимо уточнить, что в данном случае термин *аккредитация* относится только к *главам дипломатических представительств*, а остальные иностранные дипломаты аккредитуются в Министерстве иностранных дел.

По предложению Правительства, Президент назначает и отзывает дипломатических представителей Республики Молдова и утверждает учреждение, упразднение и изменение ранга дипломатических представительств (ст. 86). Президентские акты, выпущенные во исполнение этих полномочий, контрасигнуются премьер-министром (ст.94).

Президент имеет и другие полномочия в области внешних сношений, включая урегулирование проблем гражданства, предоставление политического убежища, присвоение дипломатических рангов и т.д. (ст.88).

Согласно положениям ст. 96 Конституции, роль правительства в международных отношениях государства, за исключением зафиксированных в ст. 86 и 94, заключается в обеспечении проведения внешней и внутренней политики государства. Понятие *обеспечения проведения внешней и внутренней политики государства* следует толковать как функцию, для исполнения которой не требуется дополнительных полномочий при ведении переговоров и подписании межправительственных соглашений и представляющую собой постоянную деятельность правительства по координации и контролю.

Конституционный суд осуществляет контроль за соответствием положений действующей Конституции международным договорам, к которым присоединяется Республика Молдова. (ст. 135). С момента принятия Конституционным судом соответствующего решения законы и нормативные акты либо их

части считаются утратившими силу. Решения Конституционного суда окончательны и обжалованию не подлежат (ст. 140).

Источники:

Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие/ Н.А. Ломагин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. 166 с., стр. 120-140.

Современные международные отношения: Учебник / Под. ред. А.В. Торкунова. — Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с., стр. 250-252.

Литература:

1.Буриан А., *Введение в дипломатическую практику: (Учебник для юридических факультетов: перевод с румынского Н.Н.Чукановой).*- Кишинев, Издательство „ARC”, 2001.

2.Буриан А., *Теория международных отношений: Курс лекций в 2-х т., Том 2. «Внешняя политика и международные отношения».* - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.

3.Василенко И.А., *Политическая глобалистика, Учебное пособие.* - Москва, «Логос», 2000.

4.Дугин А., *Основы геополитики.* - Москва, Арктогея, 1997.

5.Жакье, Бернар, *Международные отношения. Том 1. Субъекты международной системы: Учебное пособие.* - Н. Новгород, Изд. Нижегородского ун-та, 1997.

6.Кальвокорреси Питер, *Мировая политика после 1945 года: В двух книгах.* – Москва, «Международные отношения», 2000.

7.Ломагин Н.А., Лисовский А.В., Сутырин С.Ф., Павлов А.Ю., Кузнецов В.Е., *Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики. Учебное пособие.* - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001.

8.Панарин А.С., *Глобальное прогнозирование.* – Москва, «Алгоритм», 2000.

9.Сморгунов Л.В., *Теория рационального выбора и сравнительная политология... // Рациональный выбор в политике и управлении /* Под ред. Л.В. Сморгунова. - СПб.: Изд-во С.-Петербурга, ун-та, 1998.

10. *Современные международные отношения. Учебник /* Под ред. А.В.Торкунова. – Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.

11. Тойнби А., *Цивилизация перед судом истории.* – Москва, «Прогресс», 1995.

12. Хантингтон Сэмюел П., *Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка//Библиотека публикаций Московского Центра Карнеги, „Pro et Contra”, Том 2, Весна 1997.*

13. Цыганков П.А., *Теория международных отношений*. – Москва, «Гардарики», 2002.
14. Burian, Alexandru, *Geopolitica lumii contemporane, Manual: pentru facultățile de drept și de relații internaționale a universităților*. - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.
15. Huntington, Samuel P., *Ordinea politică a societăților în schimbare* /Trad. de Horațiu Stamatiu, Iași, Editura POLIROM, 1999.
16. Keohane, Robert O. and Nye, Joseph S., *Power and Interdependence: World Politics in Transition*, Boston, 1977.
17. Morgenthau, Hans, *Escritos sobre política internacional*. Con estudio preliminar de Esther Barbe, Tecnos, Madrid, 1990.
18. Ortiz, Eduardo, *El estudio de las Relaciones Internacionales*, Fondo de Cultura Economica, Santiago de Chile, 2000.
19. Rosenau, James N., *The Scientific Study of Foreign Policy, rev. ed.*, London: Frances Pinter, 1980.
20. Steinbruner, John D., *The Cybernetic Theory of Decision: New Dimensions of Political Analysis*, Princeton University Press, Princeton, New York, 1974.
21. Tredinnick, Felipe, *Derecho internacional publico y relaciones internacionales*, Tercera edicion, Editorial "Los amigos del libro", La Paz-Cochabamba, Bolivia, 1997.
22. Vasquez, John, *The War Puzzle*, Cambridge University Press, 1997.
23. Viotti, Paul R.; Kauppi, Mark V., *International relations theory: Realism, Pluralism, Globalism, and Beyond*. – 3rd ed., Allyn and Bacon, Boston, 1998.
24. Wallerstein, Immanuel, *The Modern World-System - 2 volumes*, Academic Press, New York, 1974.
25. Wight, Martin, *Politica de putere*, Chișinău, Editura ARC, 1998.

ВНУТРЕННИЙ КОНТЕКСТ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА³⁵

§ 16.1. Внутриполитические факторы и внешняя политика

§ 16.2. Общественное мнение

§ 16.3. Культура и генерационные эффекты

§ 16.4. Внутренние предпосылки войны

§ 16.1. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Реалистическая школа, доминировавшая долгое время в теории международных отношений, считала, что существует четкая и эффективная грань между внешней и внутренней политикой и что внутриполитические факторы не должны влиять на внешнеполитическую стратегию. В реальности разделить эти две области невозможно. Хрестоматийным примером может служить широко распространенный прием «маленькой победоносной войны»³⁶, когда накануне выборов политик, столкнувшийся с

³⁵ *Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие* / Н.А. Ломагин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. 166 с., стр. 141-147; *Современные международные отношения: Учебник* / Под. ред. А.В. Торкунова. — Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с., стр. 261-268.

³⁶ Даже если военные действия представляются оправданными, время их начала может диктоваться предвыборными соображениями или желанием отвлечь внимание от внутриполитических скандалов. Например, приближающиеся президентские выборы в России и начало первой чеченской войны или начало бомбардировок НАТО Югославии

серьезными внутривнутриполитическими проблемами, начинает войну или проводит другие силовые акции для того, чтобы повысить свою популярность. Большое внимание привлекла так называемая модель двухуровневых игр, основная идея которой состоит в том, что практически любые международные переговоры являются двухуровневыми: первый уровень - это переговоры с зарубежным партнером, а второй - переговоры с парламентом или другими внутривнутриполитическими субъектами, без согласия которых реализация международных соглашений окажется невозможной. В данной главе мы рассмотрим влияние на международную политику общественного мнения, культуры и генерационных эффектов³⁷, особое внимание уделим внутренним предпосылкам войны, соотношению партий «войны» и «мира», «ястребов» и умеренных.

§ 16.2. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Роль общественного мнения в теории и практике международных отношений и внешней политики остается предметом дискуссий. Еще в начале XX в. представители идеалистической школы считали, что именно общественное мнение и гласность при обсуждении и принятии внешнеполитических решений позволит избежать новой мировой войны. Они полагали, что тайный, элитарный характер традиционной дипломатии порождает международные кризисы и войны. В то же время многие представители реалистической школы и политики-практики продолжают считать, что массовая публика не подготовлена к восприятию сложных закономерностей международной политики и может только привести в процесс принятия решений ненужные эмоции и ажиотаж. Интересным примером скептического отношения к роли общественного мнения во внешней политике могут служить рассуждения Спэниера (Spanier) о его роли в развитии событий, происходивших между двумя мировыми войнами. Спэниер указывает, что после окончания первой мировой войны «мстительное» общественное мнение в державах-победительницах привело к подписанию несправедливого и унижающего для Германии Версальского договора, который

и скандал с Моникой Левински.

³⁷ Речь идет об изменении аттитюдов и ценностей в процессе смены поколений.

привел к тяжелому политико-экономическому кризису в Германии и облегчил приход Гитлера к власти. Перед началом второй мировой войны, напротив, слишком «осторожное и примирительное» общественное мнение сделало возможным «Мюнхенский сговор».

Очевидно, что общественное мнение не является ни абсолютным благом, ни абсолютным злом, но, бесспорно, оно - *существенный фактор внешней политики*, причем его роль усиливается. Иллюстрацией может служить так называемый феномен CNN, проявляющийся в том, что средства массовой информации, уделяющие избирательное внимание лишь некоторым из массовых нарушений прав человека³⁸, мобилизуют общественное мнение, которое оказывает давление на международную политику и в конечном итоге может даже вызвать военное вмешательство в форме «гуманитарной интервенции».

Однако в теории общественного мнения влиятельной является так называемая *минималистская точка зрения*, согласно которой, в отличие от политических элит, подавляющее большинство населения не имеет устойчивого и последовательного мнения по большинству политических проблем, не имеющих непосредственного отношения к повседневным потребностям людей³⁹. Представители этой точки зрения полагают, что массовое общественное мнение (имеется в виду мнение устойчивое и осмысленное) просто не существует, традиционные политические термины и классификации «левый» - «правый», «консерватор»-«либерал», «радикал»—«умеренный» большинство людей плохо понимает и не умеет правильно применять⁴⁰. Даже если респонденты отвечают на вопросы интервьюера о внешней

³⁸ Например, и в западных, и в российских СМИ «этнические чистки» и другие нарушения прав человека на территории бывшей Югославии занимали значительно больше места, чем не менее серьезный геноцид в Руанде.

³⁹ Многочисленные опросы общественного мнения показали, что международные отношения и внешняя политика обычно мало интересуют большинство населения.

⁴⁰ В российской истории иллюстрацией подобного явления может служить успех «Единства» на последних парламентских выборах. Движение не имело определенной политической программы и возникло внезапно практически «из ничего» и, тем не менее, уверенно заняло на выборах второе место.

политике, то эти ответы будут поверхностными, случайными, так как уровень информированности и заинтересованности большинства людей в данной проблематике невысок. Такие мнения социолог и политолог Филипп Конверс называл «неаттитьюдами», или «псевдоаттитьюдами». «Неаттитьюды» - это оценки и мнения, которые не стабильны, ситуативны, не связаны с другими аттитьюдами и не влияют на поведение. Конверс сформулировал это понятие, анализируя данные первых так называемых *панельных* исследований. В этом случае одним и тем же респондентам задают сопоставимые вопросы два и большее количество раз через какой-то промежуток времени, поэтому есть возможность установить, изменяется ли с течением времени мнение *конкретного* индивида, а не усредненное мнение социальной группы. Оказалось, что по большинству политических проблем только меньшинство (не более трети) опрошенных имело более или менее устойчивое мнение. Ответы неинформированных респондентов зачастую определяются внешними по отношению к содержанию вопроса обстоятельствами: например, деталями формулировки вопроса или тем, какой вопрос ему предшествует. Классическим стал следующий пример из опроса, проведенного в США в 1970-х гг. В нем спрашивали, следует ли предоставить советским журналистам право свободного перемещения по территории США? Только около 37 % опрошенных полагали, что следует. На сопоставимой выборке данному вопросу предшествовал другой: «Должны ли американские журналисты получить право на свободное передвижение по территории СССР?» В этом случае уже 73 % опрошенных американцев (почти в два раза больше!) высказалось за свободу передвижения для советских журналистов! Авторы исследования сделали вывод, что сопоставление двух вопросов актуализировало действенную социальную норму справедливости, и это драматическим образом изменило результаты опроса.

Особенности формулировки вопроса также очень важны. Например, вопрос об отношении к расширению НАТО, обращенный к российским гражданам в следующей формулировке: «Беспокоит ли Вас расширение НАТО на Восток?» создает «внушающий эффект», так как само слово «беспокоит» является подсказкой для респондентов, у которых не сложилось мнение по этой проблеме, что, если речь идет о НАТО, есть о чем беспокоиться. Лучше использовать более нейтральную

формулировку, например: «Ваше отношение к расширению НАТО?» - с соответствующими подсказками.

Приведенные примеры не означают, что массовое общественное мнение не стоит принимать в расчет. Существуют специальные технические приемы, применяемые при проведении опросов (например, вопросы-фильтры, вопросы на информированность и т. д.), позволяющие отделить людей, имеющих личное мнение по данному кругу проблем, от тех, кто его не имеет. Кроме того, кризисные ситуации или освещение той или иной проблемы средствами массовой информации может повысить степень информированности и заинтересованности населения и создать устойчивое общественное мнение. Мы лишь хотим подчеркнуть, казалось бы, очевидное, но не всегда реализуемое на практике правило: *исследования общественного мнения должны проводиться профессионально*. Тем не менее в российской политической практике до сих пор часто смешиваются результаты профессиональных исследований общественного мнения на репрезентативной выборке⁴¹ и так называемые соломенные опросы⁴², в которых принимают участие «энтузиасты», звонящие на телестудию. Такие опросы дают информацию только о мнении очень узкой и специфической группы людей.

Несмотря на достаточно убедительные аргументы представителей *минималистской школы*, можно привести достаточно много примеров, доказывающих возможность эффективной мобилизации общественного мнения по отношению к тем или иным внешнеполитическим событиям и действиям. Например, общественные протесты сыграли очень важную роль в решении американской администрации прекратить войну во Вьетнаме, решение российского правительства закончить первую чеченскую войну и подписать Хасавьюртовские соглашения также было принято под давлением общественного мнения.

⁴¹ В этом случае небольшая (1500-2000) выборка населения, отобранная по специальным правилам, позволяет с достаточной степенью точности (погрешность находится в пределах 5 %) оценить мнение всего населения.

⁴² Они были названы так американскими социологами («straw polls»), потому что их точность сопоставима с точностью определения направления и силы ветра при помощи подбрасывания в воздух соломинки.

Исследования показывают, что общественное мнение изменяется далеко не случайным образом: так, данные ВЦИОМ показали, что отношение россиян к США стало более негативным в период бомбардировок НАТО Югославии, а затем, после окончания бомбардировок, снова стало более позитивным. Этот пример демонстрирует важный феномен «эластичности» общественного мнения: оно изменяется в ответ на какие-то важные события, но, когда они проходят, возвращается к прежнему уровню. Так называемая двухступенчатая модель общественного мнения предполагает, что общественное мнение может обрести устойчивость благодаря существованию так называемых *лидеров мнений*. Эти люди, в отличие от большинства массовой публики, внимательно следят за политическими событиями и являются достаточно информированными. Они служат центром «неформальных информационных сетей», так как люди, регулярно общающиеся с ними, полностью полагаются на их суждения по внешнеполитическим проблемам. Описанный механизм имел большее значение в «дотелевизионную» эру, сейчас локальные лидеры мнений часто проигрывают в конкуренции с популярными телеведущими, мнение которых массовой публикой воспринимается некритически, что соответствует представлениям «минималистов».

Еще один аргумент против точки зрения минималистов состоит в том, что политические взгляды массовой публики обладают достаточной степенью устойчивости на оценочном эмоциональном уровне:

симпатии и антипатии массовой публики достаточно устойчивы, обоснованны и дифференцированы, однако большинство респондентов не может сформулировать свои предпочтения в идеологических терминах. Например, американский исследователь Заллер (Zaller) приводит интересные данные, которые показывают, что, несмотря на то, что скандал с Моникой Левински привел к снижению уровня доверия американцев по отношению к президенту Клинтону, это не повлияло на оценку его экономических и внешнеполитических достижений.

§ 16.3. КУЛЬТУРА И ГЕНЕРАЦИОННЫЕ ЭФФЕКТЫ

В последнее время в теории международных отношений наблюдается повышенное внимание к таким явлениям, как

национальная культура, идентичность, культурно-специфические нормы. Теоретическое направление, получившие название «конструктивизм», использует давно бытовавшие в социологии представления о том, что в социальном мире (в том числе и в сфере международных отношений) факты и феномены, анализируемые исследователями, являются «социальными конструктами», несут в себе достаточно высокую степень субъективизма. Это направление не принимает позитивистский постулат, предполагающий существование объективных эмпирических фактов, не зависящих от восприятия исследователя. Согласно этой точке зрения, в любом эмпирическом факте неявно, имплицитно присутствуют теоретические воззрения исследователя, анализирующего этот факт.

В теории международных отношений конструктивисты ставят под сомнение взгляды реалистов, полагающих, что существует объективная жесткая логика в международной системе, основанная на соотношении сил и могущества. С точки зрения конструктивистов, это представление является субъективным конструктом: логика баланса сил работает до тех пор, пока в нее верят влиятельные политики - лидеры великих держав. Несмотря на то что дебаты между конструктивистами и представителями традиционных школ далеки от завершения, уже сейчас можно отметить, что конструктивистам удалось вернуть понятия «культура», «идентичность», «норма» в исследованиях международных отношений.

В исследованиях внутренней политики благодаря известной работе Алмонда и Вербы понятия *гражданской* (civic) и *политической* культуры уже давно занимают заметное место. *Политическая культура* – это более широкое понятие, которое может быть определено как *обладающая устойчивостью система ценностей, норм, представлений в сфере политики, распространенная в данном обществе. Гражданская культура* описывает специфический тип политической культуры, для которой характерен сравнительно невысокий уровень непосредственного участия избирателей в политической жизни в сочетании с признанием легитимности существующих политических институтов и ориентацией на частную жизнь. По мнению Алмонды и Вербы, этот тип политической культуры прогрессивен, так как он позволяет держать правительство под контролем и установить правильный баланс между ресурсами, находящимися в распоряжении правительства, и его

ответственностью перед избирателями. Интересно сравнить оценочную нормативную модель «гражданской культуры», по Алмонду и Вербе, с характеристиками реально существующей американской политической культуры, представленными в работах другого авторитетного исследователя из США Роберта Дала (Robert Dahl). По Далю, политическую культуру США характеризует: (1) поддержка конституционной системы США и представление о том, что изменения политической системы должны происходить конституционным, а не революционным путем, (2) поддержка идеи (если не практики) равенства в политической сфере, (3) вера в справедливость принципа частной собственности, (4) признание важности индивидуальных достижений, (5) вера в то, что личный успех в американском обществе возможен. Очевидно, «идеальные» характеристики «гражданской» культуры, если согласиться с точкой зрения указанных выше авторов, представлены в реальной американской политической культуре.

Идея устойчивости и преемственности политической культуры является ключевой для сторонников этой концепции. В частности, центральной гипотезой исследования Алмонда и Вербы было предположение о том, что государства, прошедшие длительный период авторитаризма (например, Германия в период нацизма), будут испытывать трудности с созданием стабильной системы демократических политических институтов. Несмотря на то что эта гипотеза не подтвердилась (ФРГ оказалось одной из наиболее стабильных западных демократий), большинство исследователей согласно с утверждением Рональда Ингельхарта о том, что «исследования политической культуры основаны на имплицитном предположении о существовании автономных и устойчивых кросскультурных различий, которые приводят к важным политическим следствиям». Данное предположение созвучно взглядам идеалистической школы в теории международных отношений, представители которой, следуя традиции, заложенной И. Кантом, высказывали гипотезу о том, что демократии менее склонны разрешать конфликты военным путем по сравнению с государствами с авторитарным режимом правления.

После ряда исследований, рассматривавших эмпирические данные относительно международных конфликтов в XX столетии, эта гипотеза была скорректирована. Выяснилось, что демократические режимы воюют не реже, чем авторитарные, но

они очень редко воюют с демократическими государствами. Как отметил один из американских теоретиков, «демократии как бы заключили между собой сепаратный мир».

Рассмотрим более подробно взгляды одного из ведущих современных исследователей политической культуры Рональда Ингельхарта, который опирается на многолетние сравнительные исследования общественного мнения в рамках проекта «Евробарометр» (Eurobarometer) и Всемирное исследование ценностей (World Values survey). Ингельхарт делает попытку разрешить одно из основных противоречий, характерных для теории политической культуры: *если ценности и нормы обладают такой высокой степенью устойчивости, как происходят социальные переменны?* Для ответа на этот вопрос он вводит в анализ дополнительную переменную - поколение (генерация).

Во-первых, Ингельхарт предполагает, что приоритет различных ценностей в политической культуре, например свобода или равенство, материальное благополучие или творческая самореализация, определяется «принципом дефицита» - чем менее доступно какое-либо благо, тем более оно ценно. Во-вторых, он использует концепцию социализации, предполагая, что иерархия ценностей, характерная для данного индивида, в первую очередь определяется социально-экономическими условиями, в которых выросло его поколение, т. е. до того, как данный индивид стал взрослым. Вывод из этих двух предположений заключается в том, что иерархия ценностей поколений и представляющих их индивидов складывается в ранние годы, до достижения взрослости, и остается относительно стабильной в течение всей жизни данного поколения. Ингельхарт предполагает, что послевоенное поколение в западных индустриальных странах, чья юность пришлась на период, когда такие ценности, как материальное благополучие, социальное обеспечение, военная безопасность, закон и порядок, были дефицитом, имеет «материалистические» ценностные ориентации. Для поколений же, чья юность пришлась на время материального изобилия и отсутствия крупномасштабных военных конфликтов, ведущими становятся «постматериалистические» ценностные ориентации: самовыражение, личная свобода, социальное равенство, экология, качество жизни.

«Постматериалистические» ориентации могут быть основой для оптимизации системы международных отношений, что находит, например, отражение в изменении приоритетов в сфере

безопасности, где традиционные военно-политические угрозы отходят на второй план и более актуальными становятся, например, «постматериалистические» проблемы глобальной экологии. Ингельхарт приводит данные, подтверждающие, что постматериализм более свойственен представителям молодого, а не старшего поколения и жителям индустриально-развитых стран, что свидетельствует в пользу его гипотезы. Однако остаются вопросы относительно того, насколько стабильными и фундаментальными являются «постматериалистические» ценностные ориентации. Есть данные, показывающие, что они снижаются в период экономических спадов и усиливаются в период экономических подъемов. Кроме того, если отойти от концепции Ингельхарта и иметь в виду теорию политической культуры вообще, она плохо объясняет очень высокую степень приверженности демократическим ценностям, обнаруженную опросами общественного мнения на территории бывшего СССР еще в начале 1990-х гг.

В заключение следует отметить, что при проведении международных переговоров и дипломатических контактах необходимо учитывать кросскультурные особенности, не относящиеся непосредственно к политической сфере. Например, важно принимать во внимание различия между индивидуалистическими культурами, в которых приоритет отдается индивидуальному успеху, и коллективистическими, в которых более важным оказывается успех группы. Не меньшее значение имеют особенности ведения переговоров с представителями высококонтекстных культур, в которых принято передавать важную информацию косвенными средствами (намекami, иносказаниями, мимикой), и низкоконтекстными, в которых принято использовать прямые и недвусмысленные формулировки.

§ 16.4. ВНУТРЕННИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЙНЫ

Каким образом конфронтация может привести к войне?

Взаимоотношения государств «обучают» обе стороны в том смысле, что только война и применение силы может разрешить существующее между ними противоречие. В результате этих взаимоотношений закрываются некоторые возможности и, напротив, нарастают противоречия. Однако эти взаимоотношения происходят с учетом *внутриполитического* контекста спорящих

сторон, который должен приниматься во внимание их руководством.

Существуют два пути, по которым оказывается воздействие внутривнутриполитического характера на начало войны.

Во-первых, шаги в направлении войны, предпринимаемые государствами, не только увеличивают враждебность сторон друг по отношению к другу, но и способствуют появлению реакций, которые ведут к войне. Враждебность по отношению к противнику поощряет руководство продолжать двигаться в направлении войны, предпринимать шаги, которые к ней приближают, а не пересматривать свою предыдущую и современную политику. Внутривнутриполитические события могут привести к рубежу, перейдя который пути назад уже нет. Происходит «вымывание» миролюбия в политической элите. Растет национализм. Установление доминирования сторонников жесткой линии - одно из условий для полномасштабной войны.

Во-вторых, внутривнутриполитический фактор определяет временные параметры полномасштабной войны. До начала войны, по крайней мере, одна из сторон должна быть отмобилизована. Если этого нет (рост численности армии, налогов и т.д.), лидеры будут не в состоянии выиграть войну и поэтому будут воздерживаться от втягивания в нее.

Кроме того, население должно не только согласиться (и поддержать) решение о начале войны, но и быть готовым сражаться и *приносить жертвы*. Поскольку войны, как правило, носят изматывающий характер и их результат предугадать сложно, общество должно быть готово вступить в войну (в том числе и психологически).

Оба названных выше пути воздействия внутривнутриполитической ситуации на развязывание войны не являются изолированными друг от друга.

Решение вступать в войну редко принимается единолично. Обычно все большее число участников политического процесса и простых граждан начинают чувствовать, что война необходима (защитить право, миропорядок, братьев сербов/мусульман, дать отпор бандитам и т.п.). Этот поворот в настроениях дает импульс лидерам государства предпринимать шаги в определенном направлении (запись добровольцев, направление кораблей в зону конфликта, проведение учений и др.). Эти действия, в свою очередь, заставляют людей *привыкать к противостоянию* и к мысли о

том, что война неизбежна. Таким образом, *шаги в направлении войны - это особый динамический процесс нарастания враждебности, который сопровождается мобилизацией внутренних ресурсов и подготовкой общественного мнения к войне.*

Когда определенные шаги в отношениях с оппонентом не приводят к желаемому результату, предпринимаются новые более рискованные.

При анализе влияния *внутриполитического* процесса на развязывание войны необходимо показать, как лидеры (политическая элита и политические лоббисты, оказывающие влияние на процесс принятия решения) и общество в целом постепенно склоняются к войне.

Классификация внутриполитических субъектов

Обычно выделяют *партию войны* и *партию мира* (Бродель), или, если выразиться на «народном» лексиконе, «ястребов» и умеренных.

«Ястребы» - это те, чье личное мировоззрение ориентировано во внешней сфере не на компромисс, а на силу. Они считают легитимным использование угроз и силы. Такое различие важно, поскольку из него становится ясно, что далеко не все реалисты склонны к войне. «Ястребы» и реалисты не одно и то же. Возможны воинствующие идеалисты (Клинтон) и умеренные реалисты (Киссинджер). От страны к стране противники ястребов различаются. В 1930-е гг. в США главными критиками «ястребов» были изоляционисты. Такое же положение было у сторонников Сталина в СССР после смерти Ленина. В период «холодной войны» в США, СССР и КНР критиками «ястребов» были не изоляционисты, а умеренные. В нацистской Германии ястребы ассоциировались с нацистами. В СССР - это были сторонники Троцкого с его идеей мировой революции и т.п. «Ястребы» смотрят на силу как на наиболее простое (и иногда единственное) средство решения проблемы.

Кроу и Нбэл показали, что националистическое и милитаристское мировоззрение в большей степени, нежели другие, способствуют эскалации конфликта. Националистические лидеры более конфликтны.

В случае расхождения во мнениях на уровне государственного руководства ключевую роль и играют личные качества лидеров (президентов). Представление о мире у

«ястребов» в целом намного проще, чем у умеренных. В случае кризисов они склонны принимать рискованные решения. В межличностных отношениях они склонны к доминированию (подавлению мнения коллег). За исключением последнего обстоятельства, все остальное является их приобретенным опытом.

Начальный баланс между «ястребами» и умеренными

Итак, важно понять, как «ястребы» приходят к власти. Считается, что ястребы и умеренные всегда есть в обществе (Манхайм). Обычно вероятность выдвижения «ястребов» на авансцену связывают с национальной политической культурой данного государства, с «уроками прошлого». Чему научила история ту или иную нацию? Уроки истории изучаются - перед войной, во время войны и сразу же после нее, а также в условиях, когда новая война становится реальной. Происходит переосмысление опыта и формируются новые представления. Войны XX в., связанные с Германией, дважды резко меняли общественное мнение этой страны относительно войны. Война США во Вьетнаме значительно изменила представления в американском обществе относительно войн (Рассет).

Критическое значение в оценке войн для «ястребов» имеет то, была ли та или иная война выиграна или же государство потерпело поражение. Для «ястребов» не важна цена, которую надо заплатить за победу. Умеренные всегда подчеркивают именно вопрос о цене.

Войны, исход которых может оправдать потери (речь идет о быстрых победоносных войнах), создают питательную среду для «ястребов». Однако надо учитывать, что бывают победоносные войны с неоправданно высокими потерями (например, зимняя война 1940 г. СССР против Финляндии), которые имеют совсем другой эффект.

Уроки последней войны создают структурные взаимоотношения между двумя обществами, которые подталкивают (или, напротив, сдерживают) их движение в сторону войны. Войны Израиля и арабов создают именно такую политическую ситуацию. Войны чаще всего возникают тогда, когда к власти у проигравших в последней войне приходят «ястребы». То же самое можно сказать и о ситуации, сложившейся после окончания первой мировой войны.

Изменение внутривнутриполитической ситуации (контекста) после крупных войн, разрешивших имевшиеся проблемы, происходит только тогда, когда появляется новая большая проблема. *Такая проблема приобретает форму кризиса.* Чем больше неожиданность и сильнее кризис, тем больший психологический эффект имеет эта новая проблема (например, использование сил НАТО в Европе против суверенного государства).

В современной России кризис вокруг Косово в 1998 г. резко изменил ситуацию. Внешняя угроза со стороны НАТО в отношении России резко преувеличивалась («кто следующий?»). Пренебрежение мнением России как постоянного члена Совета Безопасности, а затем и нанесение огромного ущерба традиционно союзному государству создало предпосылки к активизации «ястребов». На авансцену в 1998 г. все активнее выходили военные; они начали играть роль публичных политиков (комментарии Генштаба, министра обороны) и т.п. *Появился славянский национализм.*

Кроме того, нашлись политики, которые хотели сделать быструю карьеру, используя военную риторику. Таким образом, подвергается существенному изменению статус-кво между «ястребами» и умеренными. На уровне военных, законодателей началось закрепление изменения нового соотношения сил в обществе (появились предложения изменить военную доктрину, обсуждались военные планы, проводились учения, политически активными стали представители спецслужб, велись разговоры о производстве высокоточного оружия, изменилась повестка заседаний в Думе в пользу вопросов, связанных с СРЮ).

Окончательная стабилизация позиций «ястребов» происходит через изменение бюджета, формирование альянсов и др. Однако выдвиганию «ястребов» в России мешала память об Афганистане и первой чеченской войне и др.

Сдерживающими факторами для «ястребов» могут быть:

- структура международной системы (умеренные после победы в крупной войне, например второй мировой, создали такой миропорядок, который минимизирует шансы «ястребов»);
- невозможность игнорирования норм международного права, боязнь политических и экономических санкций;
- умеренные создают предпосылки для собственного доминирования в СМИ и формирования общественного мнения;

- большая инерционность мира (в противоположность к войне). Война - это всегда новое состояние, требуется время для Перехода к политике «ястребов».

В заключение отметим, что детальный анализ происхождения полномасштабной войны показывает, что важнейшую роль играет внутривнутриполитический контекст. Отход от умеренности в отношении друг друга - важнейший шаг на пути к войне. Осуществление новых политических действий - формирование альянсов, гонка вооружений и нагнетание кризисных ситуаций на международной арене - способствуют усилению «ястребов» и создают все более широкую базу для эскалации конфликта. Это процесс, когда общественность в государствах, находящихся в конфликте, постепенно склоняется к тому, что проблемы их взаимоотношений могут быть решены только военным путем.

Источники:

Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие/ Н.А. Ломажин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. 166 с., стр. 141-147.

Современные международные отношения: Учебник / Под. ред. А.В. Торкунова. — Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с., стр. 261-268.

Литература:

1. Бокшанин А., *История международных отношений и дипломатии в древнем мире.* – Москва, 1948.

2. Буриан А., *Теория международных отношений: Курс лекций в 2-х т., Том 1. «Введение в теорию международных отношений».* - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.

3. Буриан А., *Теория международных отношений: Курс лекций в 2-х т., Том 2. «Внешняя политика и международные отношения».* - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.

4. Гаджиев К.С., *Введение в геополитику.* Издание второе, переработанное и дополненное. - Москва, «Логос», 2000.

5. Дугин А., *Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством.* Изд. 3-е, дополн. - Москва, «АРКТОГЕЯ-центр», 1999.

6. Жакье, Бернар, *Международные отношения. Том 1. Субъекты международной системы: Учебное пособие.* - Н. Новгород, Изд. Нижегородского ун-та, 1997.

7. *История политических и правовых учений.* / Под ред. О.Э.Лейста. - Москва, «Юридическая литература», 1997.

8. *История европейской интеграции (1945-1994)*/ Под ред. А.С.Намазовой, Б.Эмерсон. - М.: ИВИ РАН, 1995.
9. Кальвокоресси Питер, *Мировая политика после 1945 года: В двух книгах.* – Москва, «Международные отношения», 2000.
10. Ломагин Н.А., Лисовский А.В., Сутырин С.Ф., Павлов А.Ю., Кузнецов В.Е., *Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики. Учебное пособие.* - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001.
11. *Современные международные отношения. Учебник* / Под ред. А.В.Торкунова. – Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.
12. Сунь-Цзы, *Трактаты о военном искусстве.* - Москва, ООО «Издательство АСТ»; СПб, «Terra Fantastica», 2002.
13. Тойнби А., *Цивилизация перед судом истории.* – Москва, «Прогресс», 1995.
14. Фокуяма Ф., *Конец истории?!* // Вопросы философии», 1990, № 3.
15. Хантингтон Сэмюел П., *Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка*//Библиотека публикаций Московского Центра Карнеги, „Pro et Contra”, Том 2, Весна 1997.
16. Цыганков П.А., *Современные политические режимы: структура, типология, динамика (учебное пособие).* – Москва, «Интерпракс», 1995.
17. Цыганков П.А., *Теория международных отношений.* – Москва, «Гардарики», 2002.
18. Brădescu, Faust, *Doctrina politică /Faust Brădescu: Studiu introductiv de Georgiana-Margareta Scurtu* – Ed. a 2-a, Vol. 1: *Drept și politică internațională*, București, Editura „Majadahonda”, 1999.
19. Burian, Alexandru, *Geopolitica lumii contemporane, Manual: pentru facultățile de drept și de relații internaționale a universităților.* - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.
20. Datcu, Ion, *Istoria relațiilor internaționale și a diplomației*, București, 1991.
21. Huntington, Samuel P., *Ordinea politică a societăților în schimbare* /Trad. de Horațiu Stamin, Iași, Editura POLIROM, 1999.
22. Keohane, Robert O. and Nye, Joseph S., *Power and Interdependence: World Politics in Transition*, Boston, 1977.
23. Morgenthau, Hans, *Escritos sobre politica internacional.* Con estudio preliminar de Esther Barbe, Tecnos, Madrid, 1990.
24. Ortiz, Eduardo, *El estudio de las Relaciones Internacionales*, Fondo de Cultura Economica, Santiago de Chile, 2000.
25. Rosenau, James N., *The Scientific Study of Foreign Policy, rev. ed.*, London: Frances Pinter, 1980.
26. Senarclens, Pierre de, *La politique internationale*, Paris, 1992.
27. Schwarzenberger, George, *La Política del Poder. Estudio de la Sociedad Internacional*, Fondo de Cultura Economica, Mexico-Buenos Aires, 1960.
28. Tredinnick, Felipe, *Derecho internacional público y relaciones internacionales*, Tercera edición, Editorial "Los amigos del libro", La Paz-Cochabamba, Bolivia, 1997.

29. Vasquez, John, *The War Puzzle*, Cambridge University Press, 1997.
30. Viotti, Paul R.; Kauppi, Mark V., *International relations theory: Realism, Pluralism, Globalism, and Beyond*. – 3rd ed., Allyn and Bacon, Boston, 1998.
31. Wallerstein, Immanuel, *The Modern World-System - 2 volumes*, Academic Press, New York, 1974.
32. Wight, Martin, *Politica de putere*, Chişinău, Editura ARC, 1998.

МЕЖДУНАРОДНАЯ СРЕДА И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА⁴³

§ 17.1. Геополитика и международные отношения

§ 17.2. Геополитика Молдовы: от истоков до современности

§ 17.3. Анатолия и природа могущества
национального государства

§ 17.1. ГЕОПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В данном разделе речь пойдет о *географических* факторах, влияющих на внешнюю политику государств. Поэтому мы будем использовать понятие «геополитика» в традиционном узком смысле, в отличие от широкого толкования, предлагаемого, например, К.С. Гаждиевым.

Основополагающим принципом традиционной геополитики является *географический детерминизм*. Он основывается на признании того, что именно географический фактор, т.е. местоположение страны, ее природно-климатические условия, близость или отдаленность от морей и океанов, наличие естественных преград от вторжения (горы, реки и т.п.) определяют основные направления общественно-исторического развития

⁴³ *Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие* / Н.А. Ломагин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. 166 с., стр. 148-155; *Современные международные отношения: Учебник* / Под. ред. А.В. Торкунова. — Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с., стр. 258-261.

народов, их национальный характер, поведение на международной арене и т.д. Генри Киссинджер отметил, что *«нации формируются их историей, географией и их культурным наследием. Если нация что-то сделала за 400 лет, это указывает на определенную тенденцию; это значит, что в течение 400 лет ее поведение представлялось разумным для последующих поколений лидеров этой страны»*.

Рассмотрение географической среды в качестве важнейшего фактора социально-экономического, политического и культурного развития народов есть не что иное, как важнейший элемент материалистического понимания исторического процесса.

Основоположником географического детерминизма в социальных и гуманитарных науках считается германский ученый Ф. Ратцель. Его заслуга состоит в том, что в *«Политической географии»* (1897) он попытался установить *связь между политикой и географией*, т.е. деятельностью государства, исходя из его географического положения. По его мнению, существенные характеристики государства зависят от занимаемой им территории, его местоположения и способности приспособляться к условиям окружающей среды. Одним из важнейших способов увеличения мощи государства является территориальная экспансия.

Другими наиболее видными представителями геополитики в конце XIX в. были американский адмирал А. Мэхен и английский исследователь А. Маккиндер. Главная идея Мэхена, изложенная им в книге *«Влияние морской мощи на историю»* (1890), состояла в том, что именно она, морская мощь, играет определяющую роль в исторических судьбах государств. Слагаемыми ее он считал сильный военный и торговый флот, а также наличие военно-морских баз, которые вкупе с благоприятным географическим положением и климатом, наличием природных ресурсов, достаточной численностью населения и прогрессивным государственным строем могут обеспечить процветание страны. Смысл морской мощи он видел в возможности *доминирования* на море, т.е. контроля над движением военного и торгового флота неприятеля вплоть до закрытия торговых путей.

А. Маккиндер в 1904 г. предложил концепцию истории как смены гегемонии материковых и морских держав. Он выдвинул тезис об установлении доминирования в мире через определение ключевого региона (heartland), коим он считал Евразию. Контроль над Восточной Европой обеспечивает господство в Евразии, а это, в свою очередь, позволяет претендовать на глобальное лидерство.

Именно Евразия, богатая природными ресурсами и защищенная от морских держав, является ключом к мировому господству.

В России уже в советское время одним из наиболее значительных геополитических направлений (и ныне востребованных некоторыми политиками) были так называемые *евразийцы* - молодые эмигранты П. Савицкий, П. Стучанский, Г. Флоренский и Н. Трубецкой, которые в 1920-1930-гг. выпустили несколько сборников статей и книг («Исход к Востоку», «Евразийство», «Евразийская хроника» и др.). Фактически евразийцы высказывались за добровольную изоляцию России, указывая на ее самостоятельность, самодостаточность и уникальность культуры.

«Культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других... Ее надо противопоставить культурам Европы и Азии как срединную евразийскую культуру».

Из обилия современных публикаций о геополитике нынешней России отметим работы К.В. Плешакова, который по-новому сформулировал как предмет геополитики, так и ее связь с идеологией. Он определил *геополитику как объективную зависимость субъекта международных отношений от совокупности материальных факторов, позволяющих этому субъекту осуществлять контроль над пространством.*

Итак, использование *географии как элемента доминирования (силы)* называют *геополитикой*. Географическое положение государства существенным образом влияет на структуру и дислокацию вооруженных сил. *В геополитике, как и в торговле недвижимостью, важны три вещи - местоположение, местоположение и еще раз местоположение.* Мощь государства возрастает пропорционально тому, в какой степени оно может использовать свое географическое положение для усиления возможностей своих вооруженных сил, защиты своих союзников, укрытия своих баз от вероятного противника, контроля над стратегическими торговыми путями (в том числе трубопроводами и газопроводами) или же важнейшими природными ресурсами.

Крупные государства, находящиеся в сердцевине того или иного континента, ощущают себя в невыгодном положении, поскольку могут быть окружены. Они стремятся укрепить свою безопасность, двигаясь в направлении естественных преград - гор и морей. Выход к морю также необходим для ведения активной

торговли. В российской истории, например, это предопределило борьбу за выход к Балтийскому и Черному морям, стремление контролировать Черноморские проливы и т.п. Именно особенности географического положения могут помочь понять характер российского империализма. Какие же угрозы его предопределяли?

1. Уязвимость геополитического положения на огромной равнине при почти полном отсутствии естественных преград, какими, например, являются горы и морские границы. Постоянные войны за жизненное пространство (кочевники и т.д.) с вторгавшимися с запада, востока и юга стали стимулом к объединению и централизации с целью, прежде всего, объединения военной мощи. Эта централизация и объединяющая идеология сыграли ключевую роль в обретении Молдавским княжеством суверенитета в конце XIV в.

2. Еще одним следствием исконной уязвимости это постоянная территориальная экспансия конкретного государства в поисках своей безопасности. К примеру, расширяясь путем завоеваний, предоставления своего покровительства и освоения новых земель в Сибири, Российская империя к концу XIX в. достигла практически своих *естественных* границ.

С геополитической точки зрения эта экспансия не отличалась от американского продвижения на Дикий Запад и захвата новых территорий путем войн на юге и на севере. Но в случае России экспансия требовала все большей военной мощи и более жесткой централизации государственной власти для контроля над новыми землями и народами. Разраставшийся госаппарат выжимал деньги из нарождавшейся промышленности, сохраняя крепостную зависимость и в целом замедляя экономическое развитие.

3. Расширение периметра границ, когда они не достигали естественных пределов, наталкивалось на сопротивление других государств и порождало новые угрозы. Возвращение утраченных территорий требовало огромных жертв со стороны народа, концентрации ресурсов на военные нужды и более жесткого авторитарного режима.

Еще одно наблюдение. Государства, расположенные в центре континента (например, Германия и Россия), сталкивались и с очень серьезной военной проблемой - возможностью войны на два фронта. Германия вынуждена была воевать на два фронта против Франции и России в годы первой мировой войны, а с лета 1941 г. - против стран антигитлеровской коалиции. В период холодной

войны западные союзники вынудили СССР быть готовым к противостоянию не только на западе, но и на востоке, с Японией. Аналогично этому Китай в конце 1960-х гг. должен был держать свои войска как на севере, на границе с СССР, так и на юге - против американских войск, находившихся во Вьетнаме.

Для государств, защищенных от внешнего вторжения океаном (Великобритания, США), имеются другие геополитические проблемы. Они состоят в том, что в случае войны (например, второй мировой) им очень непросто было переместить живую силу и технику к театру военных действий (ТВД). Создание крупных авианосцев, несущих боевое дежурство вблизи вероятных ТВД, лишь отчасти решило эту проблему. Размещение военных баз на территории союзников, укрепление военного сотрудничества с государствами в разных частях земного шара также направлены на минимизацию «геополитических издержек». Например, США почти половину своих военных баз за рубежом разместили в Европе, в Японии и на Тихом океане - 35 %, в Латинской Америке - 12 %, на Ближнем Востоке и в Африке - 5 %.

§ 17.2. ГЕОПОЛИТИКА МОЛДОВЫ: ОТ ИСТОКОВ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Истоки молдавской государственности исходят к XIV веку, когда к востоку от Карпат сформировалось Молдавское Княжество, приграничное прогосударственное образование, играющее буферную роль между просвещенной Европой и варварским миром.

Первоначально, с 1352 по 1359 г., Молдавия находилась под сюзеренитетом венгерских королей однако, начиная с правления Богдана I, княжество обрело два важнейших атрибута государственности: суверенитет и независимость. И хотя суверенитет и независимость в ту пору были понятиями несколько отличавшимися от нынешними и вряд ли стоит преувеличивать их роль в политической жизни любого государства, тем не менее, с 1359 г. по 1538 г., период когда Молдавское Княжество самостоятельно определяла свою внутреннюю и внешнюю политику, состоялся расцвет молдавской государственности. Именно тогда появилась возможность консолидировать зарождающееся молдавское общество, установить политические, экономические и военные связи со своими соседями и, главное,

очертить свою государственную территорию, границы которой признавались в международно-правовом плане.

Не менее важными были и укоренение в самосознание молдаван таких понятий как «молдавская страна», «молдаванин», «молдавский язык» и т.д., что способствовало процессу формирования молдавской народности. Именно в XV-XVI вв. закрепились эти понятия, а вовсе не в XX веке, в «сталинские времена», как утверждают некоторые современные доморощенные политики и историки.

Главной геополитической особенностью Молдавского Княжества в те времена состояло в том, что Молдавская Страна (Țara Moldovei) находилась (и продолжает находиться до сих пор) как бы на *разломе, на стыке, или же на границе* между тремя великими культурами (славянской, латинской и восточной), между тремя великими религиями (православной, католической и мусульманской), между тремя великими народностями (славянами, латинянами и тюрками) и между тремя идеологическими течениями (панславизм, пантюркизм и панлатинизм). Исключительное положение приграничного государства и приграничного народа привело к тому что на протяжении веков Молдавское Княжество постоянно лавировало между великими державами, великими религиями и великими течениями пытаясь удержаться на плаву, сохранив свой суверенитет и свою национальную идентификацию.

Безусловно, однако, что на определенном этапе Молдове пришлось принять какие-то условия, которые гарантировали ей дальнейшее существование. Так, сохранив испорченную латынь как язык общения, молдаване приняли православие. Сохранив и язык и религию, молдаванам, тем не менее, пришлось принять в 1538 г. сюзеренство Османской империи. Лишь это помогло средневековому Молдавскому государству выжить на том, определенном историческом этапе.

Вместе с тем, внутренние и внешние противоречия не позволили руководству Молдавского Княжества на том историческом этапе выбрать стратегического партнера для того, чтобы в затянувшемся споре великих держав выжить с помощью сильного союзника. С высоты сегодняшнего дня нам видно и понятно, что Молдове трудно было тогда преодолеть естественную тягу к Австрии, Венгрии, Польско-Литовскому княжеству, и соответственно к Западной Европе, из-за религиозных разногласий (православие-католицизм). Одновременно было невозможно

преодолеть объективную тягу к Российской империи из-за разногласий культурного и языкового порядка. Существовала и неосознанная тяга к Османской империи тех консервативных слоев населения, особенно среди бояр, которые жаждали спокойствия и продолжения своего личного благополучия.

В конечном итоге борьба между великими державами на протяжении XVIII-XIX вв. привело к расчленению Молдавского Княжества на три части: в 1775 г. Северная Молдова (Буковина) была завоевана Австрийской Империей, в 1812 г. Восточная Молдова (Бессарабия) была завоевана Российской Империей. Западная Молдова (Запрутская Молдова) оставалась до 1878 г. под сюзеренитетом Османской Империи.

История каждой из трех расчлененных молдавских земель имела свое продолжение в составе того или иного государства.

Так, Северная Молдова (позже названная Буковиной), находилась с 1775 по 1867 гг. в составе Австрийской Империи, с 1867 по 1918 гг. в составе Австро-Венгерской Империи, с 1918 по 1940 гг. и с 1941 по 1944 гг. в составе Румынского Королевства а с 1940 по 1941 гг. и с 1944 по 1991 гг. в составе Советского Союза. С 1991 г. по настоящее время Северная Молдова (Буковина) находится в составе Украины.

Западная Молдова, которая включала в себя молдавские земли от Карпат до Прута и до низовьев Дуная, после второго расчленения Молдовы в 1812 г. продолжала оставаться под сюзеренитетом Османской Империи. В 1859 г. она создала совместно с Валахией (другим дунайским княжеством) личную Унию, которая в 1861 г. превратилась в реальную Унию и стала именоваться с 1862 г. Румынией. Западная (Запрутская) Молдова находится до сих пор в составе Румынии.

Восточная Молдова (позже названная Бессарабией) в 1812 г. стала частью Российской Империи. В декабре 1917 г., сразу после Октябрьской революции в России, Восточная Молдова провозгласила себя Демократической Молдавской Республикой, однако отстоять свой суверенитет и свою независимость не смогла, так как в марте-апреле 1918 г. была присоединена к Румынии.

В результате договоренности достигнутой между правительствами двух стран 28 июня 1940 г. Восточная Молдова (Бессарабия) была передана Румынией Советскому Союзу. 2 августа того же года Восточная Молдова была провозглашена Молдавской Советской Социалистической Республикой и стала

одной из 16 союзных республик СССР. В ее состав были включены и территории бывшей МАССР, автономного образования в составе Украины. Вместе с тем, от Восточной Молдовы были отделены и переданы Украинской ССР территории севера и юга Бессарабии (Хотинский уезд на севере и Черноморское побережье и устье Дуная на юге).

С 22 июня 1941 г. по август 1944 г. на территории Молдовы находились румынские и немецкие войска, которые участвовали в войне против Советского Союза. С августа 1944 г. по август 1991 г. Молдова входила в состав СССР в качестве союзной республики (квази-государственного образования в составе советской федерации).

27 августа 1991 года Парламент Молдовы провозгласил государственную независимость страны, которая вскоре была признана международным сообществом и стала полноправным субъектом международного права.

С геополитической точки зрения положение современной Молдовы не очень благоприятствует ее процветанию и стабильности.

Во-первых, существенно сократилась ее территория по сравнению со средневековой Молдавией, что предопределяет уязвимость ее военных объектов⁴⁴. Государственные границы, особенно с Украиной, практически не обустроены и не представляют серьезных преград для проникновения в глубь Молдовы нелегальных мигрантов, международных террористов, наемников и наркодельцов, а в свете нерешенности приднестровской проблемы восточная граница страны практически постоянно «открыта».

Во-вторых, между Молдовой и основными потребителями ее экспортных товаров как в Западной Европе, так и в странах СНГ, есть два транзитных государства (Украина и Румыния), которые в состоянии оказывать существенное влияние на Молдову. Это вызывает необходимость искать возможности для преодоления и даже для избежания конфликтных ситуаций и предполагаемых трений, что предопределяет зависимость внешнеполитических решений.

⁴⁴ Аналогичная ситуация в Израиле, где любой военный объект находится в «зоне досягаемости», которую противник может преодолеть за 3-5 минут летного времени.

В-третьих, внутриполитическая ситуация в самой Молдове остается нестабильной, во-первых, из-за нерешенности приднестровской проблемы и постоянного «обострения» гагаузской и болгарской проблем и, во-вторых, из-за ситуации связанной с так называемой проблемой «двух румынских государств». Это стимулирует конфликтность в обществе и вынуждает молдавские власти предпринимать энергичные, иногда даже экстренные, меры по текущим внутри- и внешнеполитическим проблемам, что временами вызывает раздражение Бухареста, Москвы, Киева или Анкары.

В-четвертых, в силу утраты рынков сбыта своей продукции и лишь частичной переориентации на новые рынки, существенно сократился экономический потенциал Молдовы. Более того, те страны на которые Молдова когда-то ориентировалась как на потенциальных партнеров и инвесторов (Франция, Украина, Румыния) нередко выступают не в качестве партнеров Молдовы, а ее конкурентов на рынке, например, агропромышленной продукции, винноматериалов, табачных изделий.

В-пятых, слабостью Молдовы, переживающей период становления в качестве суверенного и независимого государства, стремятся воспользоваться другие страны, в первую очередь Румыния, которые, увеличивая свое влияние в молдавском обществе, временами мешают ей развивать полноправные и взаимовыгодные отношения с другими государствами. Все это вызывает необходимость переоценки внешнеполитических приоритетов и стратегии на всех направлениях.

§ 17.3. АНАТОМИЯ И ПРИРОДА МОГУЩЕСТВА НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Если исходить из тезиса о том, что государство по-прежнему является главным субъектом международных отношений, а они сами, по определению, обладают собственной спецификой в силу существования феномена государственной границы и государственного суверенитета, то следует признать, что проблема могущества государства становится одной из самых важных, если не центральной, в понимании международных отношений.

Общепризнанным определением могущества является возможность одного государства контролировать поведение других государств или влиять на него. По определению Роберта Дола,

могущество равняется способности государства. А воздействовать на государство Б с тем, чтобы оно предприняло действие X, минус вероятность того, что государство Б совершило бы действие X в любом случае. Таким образом, определение могущества предполагает результативность воздействия любым образом: убеждением, стимулированием, принуждением, насилием. От какого компонента будет зависеть результативность, заранее предсказать крайне сложно, если вообще возможно.

С одной стороны, значимым является в первую очередь субъективно воспринимаемый и реализуемый фактор могущества. Успех убеждения может быть основан на преувеличенном представлении объекта воздействия о потенциале субъекта. Решающую роль могут сыграть не поддающиеся объективному анализу личные качества лидеров, лиц, принимающих решение, дипломатов, случайно полученная информация о планах, намерениях и оценке ситуации партнерами по взаимодействию.

С другой стороны, гигантский перевес в определяемых вполне объективными показателями силах может не дать необходимой результативности силового принуждения. Так было в случае американского вторжения во Вьетнам и советской интервенции в Афганистане. И в том и в другом случае возникла проблема с возможностью адекватного использования гигантского превосходства в силах для получения необходимой результативности воздействия. Степень приемлемости жертв и страданий оказалась несопоставимой для субъектов и объектов силового воздействия, а международная система накладывала серьезные ограничения на возможность использования вооруженного потенциала США и СССР в полном объеме.

Следовательно, нам сразу необходимо разделить *абсолютное могущество*, которое определяется атрибутивными факторами, поддающимися более или менее объективному анализу, и *относительное могущество*, связанное с возможностью воздействия на конкретный объект в конкретных обстоятельствах и определяемое как поведенческими (бихевиоральными) факторами, так и влиянием на обоих акторов характеристик международной системы.

Под *международной системой* мы будем понимать совокупность субъектов, находящихся между собой в особой взаимосвязи. Наличие данной взаимосвязи позволяет локализовать

систему в *пространстве*, отделить (зачастую достаточно условно) от внешней среды тех субъектов, которые в данную систему не входят. Французский политолог и социолог Раймон Арон предлагал рассматривать в качестве системы совокупность государств, между которыми гипотетически может быть общая война. С точки зрения анализа известных исторических прецедентов и объясняющей способности данный критерий вплоть до сегодняшнего дня можно считать наиболее точным.

С другой стороны, каждая система может быть описана с точки зрения структурных характеристик, которые позволяют рассматривать и анализировать особенности ее зарождения, функционирования и трансформации *во времени*. Наиболее важными и показательными нам представляются три основные структурные характеристики, также предложенные Р. Ароном:

1. Соотношение центров силы, или полярность.

2. Иерархическая организация системы.

3. Характеристика система с точки зрения гомогенности или гетерогенности составляющих ее акторов или элементов.

Как правило, определяющей и наиболее значимой характеристикой является соотношение *центров силы*, т. е. соотношение абсолютного могущества наиболее влиятельных государств. Однако две другие характеристики всегда играют важную роль и при определенном сочетании обстоятельств могут даже выходить на первый план. Так, нам не представляется возможным анализ функционирования европейской системы с середины XVI до второй половины XVII в. без учета решающей роли религиозного фактора. Предотвращение второй мировой войны оказалось невозможным главным образом из-за гетерогенности Версальско-Вашингтонской системы, что не позволило сдержать агрессора естественным с точки зрения баланса угроз и соотношения центров силы союзникам.

Идеология играла наиважнейшую роль в функционировании биполярной Ялтинско-Потсдамской системы. С другой стороны, «организационный взрыв» (Джеймс Розену), которым характеризуется высокая степень иерархизации системы, складывающейся в настоящий момент, очень серьезно влияет на возможности и положение национальных государств и детерминирует ситуацию, когда относительное могущество (т. е. возможность воздействия на другие государства или происходящие в мире процессы) более чем когда-либо отличается от абсолютного

могущества (т. е. совокупного потенциала, с помощью которого государство может оперировать за пределами своих границ). Например, даже очень небольшие государства, являющиеся членами ЕС и НАТО, обладают большим потенциалом воздействия на поведение России, чем Россия на их поведение.

Природа абсолютного могущества государства может быть подразделена на две главные составляющие: *внешнюю* и *внутреннюю*.

Внешняя определяется размерами, географическим положением государства, контролем за ресурсами и линиями международных коммуникаций (подробнее об этом смотрите в разделе, посвященном геополитике). А *внутренняя*, в свою очередь, может быть разделена на социокультурный и структурно-функциональный компоненты. При этом социокультурный компонент можно сравнить с фундаментом, стенами и перекрытиями государственного здания, а структурно-функциональный - со всеми помещениями этого здания, его обстановкой, внешним видом, механизмами и приспособлениями, обеспечивающими возможность проживания в нем.

Важнейшей составляющей социокультурного компонента является *идентичность*. Можно согласиться со Збигневом Бжезинским в том, что никто не знает, что она означает в точности, но каждый должен признать, что она чрезвычайно важна. В главных чертах *идентичность можно определить как коллективное осознание общего прошлого и ощущение общего будущего*. С точки зрения устойчивости любого государства данный фактор в конечном итоге является решающим. Так, например, Советский Союз обладал в 1991 г. контролем над громадной территорией, огромными природными ресурсами, высокой численностью и качеством населения, достаточно развитой промышленностью, сильнейшей армией и специальными службами, но основа идентичности этого государства была тесно привязана к идеологии, которая к тому времени оказалась дискредитированной и утратила свой авторитет. Поэтому «новая социальная общность - советский народ» не могла быть сохранена, а сверхдержава, являвшаяся одним из полюсов биполярной системы, развалилась под собственной тяжестью, не имея возможности использовать свой силовой потенциал даже для самосохранения.

Аналогичным образом основой идентичности в Югославии являлась сначала монархия (после первой мировой войны), затем, после второй мировой войны, идеология и олицетворявшая ее коммунистическая партия. Кризис идеологии после окончания «холодной войны» привел к стремительному распаду страны и реанимации национально-этнического принципа в формировании идентичности и государственном строительстве.

Таким образом, идентичность основывается на *исторической памяти*, формирующей ощущение общей судьбы, и имеет, как правило, некоторое символическое выражение. Для создания идентичности решающую роль играют (по Джону Стосседжеру) общие страдания и общие триумфы. Причем первое обстоятельство играет более важную и определяющую роль. Объединяющая угроза являлась решающим фактором в формировании всех полиэтнических государств нового и новейшего времени (речь не идет о колониальных захватах и их последствиях).

Выделить универсальное символическое выражение идентичности, скорее всего, невозможно. Помимо упомянутых выше идеологии и династии, это может быть язык. Так, способность говорить на английском языке является главным и практически единственным признаком инсайдера в США. Однако англоговорящие Великобритания и США, Австралия и Новая Зеландия имеют устойчивые различные идентичности и основанную на них государственность. С другой стороны, жители различных провинций Китая не поймут друг друга, если будут говорить на родных диалектах, самосознание «россиянина» не обязательно предполагает признание русского языка родным, а граждане франко-, германо- и италогворящих кантонов Швейцарии самоидентифицируют себя именно как швейцарцы, а не французы, немцы, итальянцы соответственно.

Подобную роль может играть религия. В частности, евреи, лишенные родины и государственности, рассеянные по всему свету, утратившие свой древний язык, как средство повседневного общения, сумели сохранить идентичность только благодаря приверженности иудаизму, что создало впоследствии возможность для зарождения сионистского движения и создания сильного и жизнеспособного государства Израиль. Традиционные религии играли важную роль в формировании и консолидации идентичности, на которой основывались китайская и японская государственность. С другой стороны, хотя протестантизм сыграл

огромную роль в формировании американской цивилизации (особенно в северных штатах), в настоящий момент религиозный фактор не играет практически никакой роли с точки зрения формирования американской идентичности. С некоторыми оговорками то же самое можно сказать и применительно к России.

Наименее конкретно и трудно формализуемым символическим выражением идентичности является культура. Однако принадлежность и причисление себя к той или иной культуре также упоминается в литературе и должно учитываться в данном контексте.

Производной от идентичности составляющей социально-культурного компонента можно считать *менталитет*, т. е. систему ценностей, определяющих поведенческую мотивацию и привычные способы действия. Этот фактор также существенным образом влияет на формирование и функционирование всех структурно-функциональных компонентов, определяющих могущество государства. Импульсы, посылаемые системой, могут вызывать различную реакцию в зависимости от привычек, традиций, ценностных и поведенческих установок, сложившихся в конкретной социальной среде, объединенной общим самосознанием и политически организованной государством.

Так, например, эксперты-востоковеды не рекомендовали вводить советские войска в Афганистан для оказания «братской помощи» афганскому народу, так как в Афганистане исторически сложилась традиция сопротивления любому вооруженному вторжению извне и отсутствовал комплекс «белого человека», присущий странам, пережившим период колониального владычества. Реакция простого испанского и русского народа на вторжение войск Наполеона также может быть объяснена традиционным менталитетом, сформированным в ходе Реконкисты в Испании и борьбы с монголо-татарским игом в России.

Создание и функционирование любых структурно-функциональных элементов всегда решающим образом взаимосвязано с упомянутым выше фактором. Простой перенос структурно-функциональных моделей, выработанных в другой исторической среде, всегда сталкивается с проблемой адаптации, и, как правило, происходит либо отчуждение этих моделей, либо их трансформация в соответствии с ценностными и поведенческими установками общества.

Поэтому, одним из важнейших факторов обеспечивающих эффективность, а подчас и саму возможность функционирования структурно-функциональных составляющих, является *легитимность*, понимаемая здесь как восприятие данных составляющих в качестве законных, соответствующих пониманию обществом должного, нормального и правильного. Действие структурно-функциональных элементов, не воспринимаемых в качестве легитимных, отвергается обществом, их работа парализуется, и их собственные характеристики практически теряют значение с точки зрения потенциала государства.

Производным от трех основных элементов социально-культурного компонента идентичности, менталитета и легитимности - в зависимости от сочетания конкретно-исторических обстоятельств - является морально-психологическое состояние, тонус общества, которые в конкретный исторический момент являются очень важной составляющей потенциала государства, определяющего его возможности на внешне-политической арене.

Таким образом, социально-культурный компонент является базовой внутренней составляющей природы могущества. Ее изучение в основном возможно с помощью историко-эмпирического анализа. Хотя решающий в конечном итоге морально-психологический тонус общества может изменяться в пределах достаточно широкой амплитуды в различных конкретно-исторических обстоятельствах.

Поскольку именно конкретные люди - представители данного общества определяют функционирование всех структурных элементов общественно-политической системы, сложившейся на пространстве, политически организованном и контролируемом государством, социокультурные факторы постоянно оказывают воздействие как на генерирование, так и на имплементацию политики, на то, как могут быть использованы имеющиеся ресурсы, как будут восприняты импульсы, поступающие из внешней среды, какой может оказаться ответная реакция на них.

Анализируя структурно-функциональные составляющие природы могущества, нам постоянно придется иметь в виду, что по ряду параметров, и в первую очередь с точки зрения качественных характеристик, они не могут быть рассмотрены в отрыве от социокультурных компонентов.

Так, чрезвычайно важным, а с точки зрения некоторых исследователей (Органски и его Мичиганская школа) наиважнейшим, структурно-функциональным компонентом могущества государства является демографический фактор. Он, в свою очередь, включает такие понятия, как количество и качество населения. При этом качественный момент более значим в плане использования демографического потенциала. Он в принципе может быть объективизирован в виде уровня общего и технического образования населения, а также квалификации совокупного производителя. Но, с другой стороны, такие его важнейшие составляющие, как историческая память, мессианские традиции, чувствительность к вопросам национальной и внешней политики в целом и соответственно масштабы приемлемой мобилизации ресурсов для ее осуществления, не могут быть рассмотрены в отрыве от социокультурного фундамента и, следовательно, также предполагают историко-эмпирические методы анализа и оценки.

В тесной взаимосвязи с указанным выше находится такой компонент, как *социальная организация общества*: его структура, мобильность, устойчивость, принципы формирования и пополнения элит, детерминанты их функционирования.

Анализ экономической организации общества предполагает учет уровня индустриализации, соотношения сельскохозяйственного и городского населения, общих размеров валового национального продукта и его доли направляемой на осуществление внешней политики (военный бюджет, помощь, предоставляемая другим государствам, финансовые затраты, выделяемые на внешнеполитическую деятельность государственных органов и членство в международных организациях и т. д.), структуры и объема внешней торговли и потенциала, который может быть мобилизован на осуществление внешнеполитических целей, способность государства его мобилизовать.

Политическая организация общества включает в себя политическую структуру, систему принятия решений, ролевые функции, в том числе степень мобильности и автономности лиц, принимающих решения в использовании потенциала, который имеется в распоряжении данного государства.

Важнейшей составляющей данного потенциала и самостоятельным структурно-функциональным компонентом абсолютного могущества государства являются вооруженные силы,

их численность, оснащенность, возможность пополнения, качество человеческого материала, находящегося на службе и могущего быть на нее призванным.

Появление оружия массового уничтожения и развитие средств его доставки радикально изменили значение всех традиционных компонентов могущества в результате появления феномена гарантированного взаимного уничтожения потенциальных участников вооруженного конфликта с его применением или нанесения им неприемлемого ущерба. Данное обстоятельство сделало рационально невозможным использование военной силы в отношениях между великими ядерными державами и обеспечило беспрецедентное в истории усиление роли невоенных составляющих могущества государств и акторов вне суверенитета. Особенно это обстоятельство стало заметно после крушения биполярной системы периода «холодной войны».

Однако использование оружия массового уничтожения возможно в силу случайных обстоятельств, сбоев техногенного характера или иррационального поведения лиц, принимающих решение. Не исключена и возможность использования вооруженной силы с применением обычных вооружений для воздействия на поведение других акторов.

Тем не менее взаимодействие описанных выше атрибутивных и поведенческих (бихевиоральных) подходов к пониманию могущества и силы претерпело существенную трансформацию.

Как было отмечено в начале данного раздела, актуальное могущество, обеспечивающее возможность воздействия одного государства на другое, есть могущество субъективно воспринимаемое как субъектом, так и объектом воздействия. Если бы в японской военной политической элите не было накануне второй мировой войны широко распространено мнение о том, что западные демократии находятся в состоянии упадка и разложения, что их слабость и бесхребетность не позволят им выдержать мощного военного натиска, то, скорее всего, Перл-Харбор был бы невозможен. С другой стороны, восприятие японской элитой, не проигравшей до этого ни одной войны, собственного могущества стало самостоятельным фактором силы, позволившим Японии осуществить масштабные завоевания и оказать серьезное воздействие на мировую систему при достаточной ограниченности атрибутивных компонентов ее могущества. Точно так же

ошибочное восприятие нацистским руководством степени консолидированности и устойчивости советского общества сделало возможным нападение Германии на СССР в 1941 г. вопреки логике и базовым постулатам теории «жизненного пространства» классика немецкой геополитики Карла Хаусхофера. Кроме того, вплоть до второй мировой войны, обладая всеми атрибутивными компонентами великой державы, США вели себя так, как будто бы этих компонентов не существовало, причиной чего являлось отсутствие политической воли и соответствующего понимания национальных интересов и угроз этим интересам. Наконец, в годы «холодной войны» масштабы гонки вооружений определялись главным образом ошибочным восприятием планов и готовности противников использовать силу в наступательных целях полюсами биполярной системы, не способными адекватно понимать друг друга в силу взаимной гетерогенности.

После окончания «холодной войны», при сохранении оружия массового уничтожения и средств его доставки, не только взаимодействие, но и собственные характеристики атрибутивных и бихевиоральных факторов могущества существенно изменились под влиянием новой системы. С одной стороны, в рамках рационального поведения не представляется возможным крупномасштабное использование вооруженной силы государствами, желающими изменить новое соотношение центров силы, мировой порядок и международные режимы. Поэтому продолжает возрастать значение невоенных компонентов могущества, связанных с экономическим развитием, контролем над финансовыми и информационными потоками, международной торговлей, современными технологиями. В определенной степени это приводит к снижению влияния государств как таковых и росту значения акторов вне суверенитета.

С другой стороны, интересы инсайдеров, интегрированных на принципах традиционного гражданства в социальные, экономические и политические структуры государств, победивших в «холодной войне», требуют защиты от конкуренции и покушений аутсайдеров на преимущества и блага, определяемые статусом инсайдера. Возрастает конкурентная составляющая и внутри избавленного от восприятия объединяющей угрозы «золотого миллиарда», сформированного трансатлантическим сообществом эпохи «холодной войны». Все это создает условия для сохранения

традиционного значения могущества национальных государств или их альянсов различного рода.

Аналогичным образом основная масса аутсайдеров, не извлекающая ощутимых выгод из нового миропорядка и процессов глобализации, ориентируется как на традиционное национальное государство, так и на поиски новой идентичности, позволяющей объединить усилия в борьбе против неблагоприятных характеристик новой международной системы. Место идеологии в качестве символической и иррациональной основы объединения все больше занимает религия, что особенно ощутимо в исламском мире.

При этом процессы глобализации, однополярный характер новой международной системы с соответствующими функциями и обязанностями гегемона по поддержанию стабильности и противодействию попыткам ее изменения создают предпосылки для новых уровней форм и методов воздействия на единственный полюс силы. От потенциала адекватного ответа на давление аутсайдеров, степени приемлемости жертв и ресурсных затрат по его обеспечению для нового гегемона, а также его способности регулировать противоречия с союзниками по трансатлантическому сообществу и будет в основном зависеть состояние нынешней международной системы и перспективы ее трансформации.

Источники:

Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие/ Н.А. Ломагин (руководитель авторского коллектива) В.Е.Кузнецов, А.В. Лисовский, А.Ю. Павлов, С.Ф. Сутырин. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001 г. 166 с., стр. 148-155.

Современные международные отношения: Учебник / Под. ред. А.В. Торкунова. — Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с., стр. 258-261.

Литература:

1. Буриан А., *Теория международных отношений: Курс лекций* в 2-х т., Том 1. «Введение в теорию международных отношений». - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.

2. Буриан А., *Теория международных отношений: Курс лекций* в 2-х т., Том 2. «Внешняя политика и международные отношения». - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.

3. Гаджиев К.С., *Введение в геополитику*. Издание второе, переработанное и дополненное. - Москва, «Логос», 2000.

4. Дугин А., *Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством*. Изд. 3-е, дополн. - Москва, «АРКТОГЕЯ-центр», 1999.
5. Жакье, Бернар, *Международные отношения. Том 1. Субъекты международной системы: Учебное пособие*. - Н. Новгород, Изд. Нижегородского ун-та, 1997.
6. *История политических и правовых учений*. / Под ред. О.Э.Лейста. - Москва, «Юридическая литература», 1997.
7. *История европейской интеграции (1945-1994)*/ Под ред. А.С.Намазовой, Б.Эмерсон. - М.: ИВИ РАН, 1995.
8. Кальвокоресси Питер, *Мировая политика после 1945 года: В двух книгах*. – Москва, «Международные отношения», 2000.
9. Ломагин Н.А., Лисовский А.В., Сутырин С.Ф., Павлов А.Ю., Кузнецов В.Е., *Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики. Учебное пособие*. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001.
10. *Современные международные отношения. Учебник* / Под ред. А.В.Торкунова. – Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.
11. Сунь-Цзы, *Трактаты о военном искусстве*. - Москва, ООО «Издательство АСТ»; СПб, «Terra Fantastica», 2002.
12. Тойнби А., *Цивилизация перед судом истории*. – Москва, «Прогресс», 1995.
13. Фокуяма Ф., *Конец истории?!* // «Вопросы философии», 1990, № 3.
14. Хантингтон Сэмюел П., *Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка*//Библиотека публикаций Московского Центра Карнеги, „Pro et Contra”, Том 2, Весна 1997.
15. Цыганков П.А., *Современные политические режимы: структура, типология, динамика (учебное пособие)*. – Москва, «Интерпракс», 1995.
16. Цыганков П.А., *Теория международных отношений*. – Москва, «Гардарики», 2002.
17. Beniuc, V.; Rusnac, Gh., *Conceptele și noțiunile de bază ale diplomației*, Chișinău, Firma editorial-poligrafică “Tipografia Centrală”, 1998.
18. Brădescu, Faust, *Doctrină politică* /Faust Brădescu: Studiu introductiv de Georgiana-Margareta Scurtu – Ed. a 2-a, Vol. 1: Drept și politică internațională, București, Editura „Majadahonda”, 1999.
19. Burian, Alexandru, *Geopolitica lumii contemporane, Manual: pentru facultățile de drept și de relații internaționale a universităților*. - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.
20. Datcu, Ion, *Istoria relațiilor internaționale și a diplomației*, București, 1991.
21. Huntington, Samuel P., *Ordinea politică a societăților în schimbare* /Trad. de Horațiu Stamatîn, Iași, Editura POLIROM, 1999.
22. Keohane, Robert O. and Nye, Joseph S., *Power and Interdependence: World Politics in Transition*, Boston, 1977.
23. Morgenthau, Hans, *Escritos sobre política internacional*. Con estudio preliminar de Esther Barbe, Tecnos, Madrid, 1990.

24. Ortiz, Eduardo, *El estudio de las Relaciones Internacionales*, Fondo de Cultura Economica, Santiago de Chile, 2000.
25. Rosenau, James N., *The Scientific Study of Foreign Policy, rev. ed.*, London: Frances Pinter, 1980.
26. Senarclens, Pierre de, *La politique internationale*, Paris, 1992.
27. Schwarzenberger, George, *La Politica del Poder. Estudio de la Sociedad Internacional*, Fondo de Cultura Economica, Mexico-Buenos Aires, 1960.
28. Tredinnick, Felipe, *Derecho internacional publico y relaciones internacionales*, Tercera edicion, Editorial "Los amigos del libro", La Paz-Cochabamba, Bolivia, 1997.
29. Vasquez, John, *The War Puzzle*, Cambridge University Press, 1997.
30. Viotti, Paul R.; Kauppi, Mark V., *International relations theory: Realism, Pluralism, Globalism, and Beyond*. – 3rd ed., Allyn and Bacon, Boston, 1998.
31. Wallerstein, Immanuel, *The Modern World-System - 2 volumes*, Academic Press, New York, 1974.
32. Wight, Martin, *Politica de putere*, Chişinău, Editura ARC, 1998.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ⁴⁵

§ 18.1. Понятие системы международных отношений

§ 18.2. Новая политическая карта мира

§ 18.3. Процессы глобализации

§ 18.4. Новые параметры военной безопасности

§ 18.5. Космополитизация мировой политики

§ 18.1. ПОНЯТИЕ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глобальный масштаб и радикальность происходящих в наши дни изменений в политической, экономической, духовной областях жизни мирового сообщества, в сфере военной безопасности позволяют выдвинуть предположение о формировании новой системы международных отношений, отличной от тех, которые функционировали на протяжении завершающегося столетия, а во многом и начиная с классической Вестфальской системы.

В мировой и отечественной литературе сложился более или менее устойчивый подход к систематизации международных отношений в зависимости от их содержания, состава участников, движущих сил и закономерностей. Считается, что собственно международные (межгосударственные) отношения зародились в период формирования национальных государств на относительно аморфном пространстве Римской империи. За точку отсчета

⁴⁵ Цыганков П.А., *Теория международных отношений: Учеб. пособие.* – Москва, «Гардарики», 2002. – 590 с., стр. 167-173; *Современные международные отношения. Учебник / Под. ред. А.В. Торкунова.* — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с., с. 32-55.

принимается завершение «тридцатилетней войны» в Европе и заключение Вестфальского мира в 1648 г. С той поры весь 350-летний период международного взаимодействия вплоть до наших дней рассматривается многими, особенно западными исследователями, как история единой Вестфальской системы международных отношений. Доминирующими субъектами этой системы являются суверенные государства. В системе отсутствует высший арбитр, поэтому государства независимы в проведении внутренней политики в пределах своих национальных границ и в принципе равноправны. Суверенитет предполагает невмешательство в дела друг друга. Со временем государства выработали основанный на этих принципах свод правил, регулирующих международные отношения, - международное право.

Большинство ученых сходятся во мнении, что основной движущей силой Вестфальской системы международных отношений было соперничество между государствами: одни стремились увеличить свое влияние, а другие - не допустить этого. Коллизии между государствами определялись тем фактом, что национальные интересы, воспринимаемые как жизненно важные одними государствами, вступали в конфликт с национальными интересами других государств. Исход этого соперничества, как правило, определялся соотношением сил между государствами или союзами, в которые они вступали для реализации своих внешнеполитических целей. Установление равновесия, или баланса, означало период стабильных мирных отношений, нарушение баланса сил в конечном счете вело к войне и восстановлению его в новой конфигурации, отражающей усиление влияния одних государств за счет других. Эту систему для наглядности и, естественно, с большой долей упрощения сравнивают с движением бильярдных шаров. Государства сталкиваются друг с другом, образуя меняющиеся конфигурации, и затем движутся снова в бесконечной борьбе за влияние или безопасность. Главный принцип при этом - собственная выгода. Главный критерий - сила.

Вестфальскую эпоху (или систему) международных отношений разбивают на несколько этапов (или подсистем), объединенных общими, указанными выше закономерностями, но отличающихся друг от друга особенностями, характерными для конкретного периода отношений между государствами. Обычно

историки выделяют несколько подсистем Вестфальской системы, которые часто рассматриваются в качестве как бы самостоятельных: систему преимущественно англо-французского соперничества в Европе и борьбы за колонии в XVII - XVIII вв.; систему «европейского концерта наций» или Венского конгресса в XIX в.; более глобальную по географии Версальско-Вашингтонскую систему между двумя мировыми войнами; наконец, систему холодной войны, или, по определению некоторых ученых, Ялтинско-Потсдамскую. Очевидно, что во второй половине 80-х - начале 90-х годов XX в. в международных отношениях произошли кардинальные изменения, которые позволяют говорить о завершении холодной войны и формировании новых системообразующих закономерностей. Основной вопрос сегодня заключается в том, каковы эти закономерности, в чем специфика нового этапа по сравнению с предыдущими, как он вписывается в общую Вестфальскую систему или отличается от нее, каким образом можно обозначить новую систему международных отношений.

Большинство зарубежных и отечественных международных специалистов принимают в качестве водораздела между холодной войной и нынешним этапом международных отношений волну политических изменений в странах Центральной Европы осенью 1989 г., а наглядным его символом считают падение Берлинской стены. В названиях большинства монографий, статей, конференций, учебных курсов, посвященных сегодняшним процессам, формирующаяся система международных отношений или мировой политики обозначается как относящаяся к периоду «после холодной войны» (post-cold war). Такое определение акцентирует внимание на том, чего в нынешнем периоде нет по сравнению с предыдущим. Очевидными отличительными моментами зарождающейся сегодня системы по сравнению с предыдущей являются снятие политико-идеологического противостояния между «антикоммунизмом» и «коммунизмом» ввиду стремительного и почти полного исчезновения последнего, а также свертывание военной конфронтации блоков, группировавшихся в годы холодной войны вокруг двух полюсов - Вашингтона и Москвы. Такое определение так же неадекватно отражает новую суть мировой политики, как в свое время формула «после Второй мировой войны» не вскрывала нового качества формирувавшихся закономерностей холодной войны. Поэтому при

анализе сегодняшних международных отношений и попытках прогноза их развития следовало бы обратить внимание на качественно новые процессы, зарождающиеся под влиянием изменившихся условий международной жизни.

В последнее время все чаще можно услышать пессимистические суждения по поводу того, что новая международная ситуация менее стабильна, предсказуема и даже более опасна, чем в предыдущие десятилетия. Действительно, четкие контрасты холодной войны яснее, чем многообразие полутонов новых международных отношений. Кроме того, холодная война - уже достояние прошлого, эпоха, ставшая объектом неспешного изучения историков, а новая система только зарождается, и ее развитие можно лишь предсказывать на основе еще небольшого объема информации. Эта задача тем более усложняется, если при анализе будущего исходить из закономерностей, характеризовавших прошлую систему. Частично это подтверждается тем

Фактом, что, по существу, вся наука о международных отношениях оперирующая методологией объяснения Вестфальской системы, оказалась не в состоянии предвидеть крушение коммунизма и окончание холодной войны. Ситуация усугубляется и тем, что смена систем происходит не мгновенно, а постепенно, в борьбе нового со старым. Видимо, и ощущение повышенной нестабильности и опасности вызвано этой изменчивостью нового, пока еще непонятного мира.

§ 18.2. НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА МИРА

При подходе к анализу новой системы международных отношений, видимо, следовало бы исходить из того, что окончание холодной войны завершило в принципе процесс оформления единого мирового сообщества. Путь, пройденный человечеством от изолированности континентов, регионов, цивилизаций и народов через колониальное собирание мира, расширение географии торговли, через катаклизмы двух мировых войн, массовый выход на мировую арену освободившихся от колониализма государств, мобилизацию противоположными лагерями ресурсов всех уголков мира в противостоянии холодной войны, повышение компактности планеты в результате научно-технической революции, завершился наконец крушением «железного занавеса» между Востоком и

Западом и превращением мира в единый организм с определенным общим набором принципов и закономерностей развития его отдельных частей. Мировое сообщество все больше становится таковым в реальности. Поэтому в последнее время повышенное внимание уделяется проблемам взаимозависимости и глобализации мира, общему знаменателю национальных составляющих мировой политики. Видимо, анализ этих трансцендентных универсальных тенденций и может позволить более достоверно представить направление изменения мировой политики и международных отношений.

По мнению ряда ученых и политических деятелей, исчезновение идеологического возбудителя мировой политики в виде противоборства «коммунизм - антикоммунизм» позволяет вернуться к традиционной структуре отношений между национальными государствами, характерной для более ранних этапов Вестфальской системы. В этом случае распад биполярности предполагает образование многополярного мира, полюсами которого должны стать наиболее могущественные державы, сбросившие с себя ограничения корпоративной дисциплины в результате дезинтеграции двух блоков, миров или содружеств. Известный ученый и бывший госсекретарь США Г. Киссинджер в одной из последних своих монографий «Дипломатия» предсказывает, что формирующиеся после холодной войны международные отношения все больше будут напоминать европейскую политику XIX в., когда традиционные национальные интересы и меняющееся соотношение сил определяли дипломатическую игру, образование и распад союзов, изменение сфер влияния. Действительный член Российской академии наук в бытность свою министром иностранных дел РФ Е. М. Примаков уделял значительное внимание феномену зарождения многополярности. Надо заметить, что сторонники доктрины многополярности оперируют прежними категориями, такими, как «великодержавность», «сферы влияния», «баланс сил» и т.д. Идея многополярности стала одной из центральных в программных партийных и государственных документах КНР, хотя акцент в них делается, скорее, не на попытке адекватного отражения сути нового этапа международных отношений, а на задаче противодействия реальному или мнимому гегемонизму, недопущения формирования однополярного мира во главе с Соединенными Штатами. В западной литературе, да и в некоторых заявлениях американских

официальных лиц речь нередко идет о «единоличном лидерстве США», т.е. об однополярности.

Действительно, в начале 90-х годов, если рассматривать мир с точки зрения геополитики, карта мира претерпела серьезные изменения. Распад Варшавского договора, Совета экономической взаимопомощи положил конец зависимости государств Центральной и Восточной Европы от Москвы, превратил каждое из них в самостоятельного агента европейской и мировой политики. Распад Советского Союза в принципе изменил геополитическую ситуацию в евразийском пространстве. В большей или меньшей степени и с разной скоростью государства, образовавшиеся на постсоветском пространстве, наполняют реальным содержанием свой суверенитет, формируют свои собственные комплексы национальных интересов, внешнеполитические курсы, не только теоретически, но и по существу становятся самостоятельными субъектами международных отношений. Дробление постсоветского пространства на пятнадцать суверенных государств изменило геополитическую ситуацию и для соседних стран, ранее взаимодействовавших с единым Советским Союзом, например

Китая, Турции, стран Центральной и Восточной Европы, Скандинавии. Не только изменились локальные «балансы сил», но и резко возросла многовариантность отношений. Разумеется, Российская Федерация остается самым мощным государственным образованием на постсоветском, да и на евразийском пространстве. Но и ее новый, весьма ограниченный по сравнению с бывшим Советским Союзом потенциал (если такое сравнение вообще уместно), с точки зрения территории, населения, удельного веса экономики и геополитического соседства, диктует новую модель поведения в международных делах, если их рассматривать под углом зрения многополярного «баланса сил».

Геополитические изменения на Европейском континенте в результате объединения Германии, распада прежней Югославии, Чехословакии, очевидной прозападной ориентации большинства стран Восточной и Центральной Европы, включая государства Балтии, накладываются на определенное усиление европоцентризма и самостоятельности западноевропейских интеграционных структур, более рельефное проявление в ряде стран Европы настроений, не всегда совпадающих со стратегической линией США. Динамика экономического усиления Китая и повышение его внешнеполитической активности, поиск

Японией более самостоятельного, подобающего ее экономической мощи места в мировой политике вызывают подвижки в геополитической ситуации в Азиатско-тихоокеанском регионе. Объективное возрастание удельного веса Соединенных Штатов в мировых делах после окончания холодной войны и распада Советского Союза в определенной степени нивелируется повышением самостоятельности других «полюсов» и определенным усилением изоляционистских настроений в американском обществе.

В новых условиях с окончанием противостояния двух «лагерей» холодной войны изменились координаты внешнеполитической деятельности и большой группы государств, входивших ранее в «третий мир». Потеряло свое прежнее содержание Движение неприсоединения, ускорилось расслоение Юга и дифференциация отношения образующихся в результате этого групп и отдельных государств к Северу, который также не монолитен.

Другим измерением многополярности можно считать регионализм. При всей разноплановости, неодинаковых темпах развития и степени интеграции региональные группировки вносят дополнительные особенности в изменение геополитической карты мира. Странники «цивилизационной» школы склонны рассматривать многополярность под углом зрения взаимодействия или столкновения культурно-цивилизационных блоков. По мнению самого модного представителя этой школы американского ученого С. Хантингтона, на смену идеологической биполярности холодной войны грядет столкновение многополярности культурно-цивилизационных блоков: западного - иудео-христианского, исламского, конфуцианского, славянско-православного, индуистского, японского, латиноамериканского и, возможно, африканского. Действительно, региональные процессы развиваются на разных цивилизационных фонах. Но вероятность принципиального деления мирового сообщества именно по этому признаку на данный момент представляется весьма умозрительной и пока не подкрепляется сколько-нибудь конкретными институциональными или политикообразующими реалиями. Даже противоборство исламского «фундаментализма» с западной цивилизацией со временем теряет свою остроту.

Более материализованным является экономический регионализм в виде высокоинтегрированного Европейского союза,

других региональных образований различной степени интеграции - Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества, Содружества Независимых Государств, АСЕАН, Североамериканской зоны свободной торговли, аналогичных образований, зарождающихся в Латинской Америке и в Южной Азии. Хотя и в несколько измененном виде, но сохраняют свое значение региональные политические институты, например Организация латиноамериканских государств, Организация африканского единства и т.д. Они дополняются такими межрегиональными многофункциональными структурами, как североатлантическое партнерство, связка США - Япония, трехсторонняя структура Северная Америка - Западная Европа - Япония в виде «семерки», к которой постепенно подключается Российская Федерация.

Короче говоря, после окончания холодной войны геополитическая карта мира претерпела очевидные изменения. Но многополюсность объясняет скорее форму, чем суть новой системы международного взаимодействия. Означает ли многополюсность восстановление в полном объеме действия традиционных движущих сил мировой политики и мотиваций поведения ее субъектов на международной арене, характерных в большей или меньшей степени для всех этапов Вестфальской системы?

События последних лет пока не подтверждают такую логику многополюсного мира. Во-первых, Соединенные Штаты ведут себя значительно сдержаннее, чем они могли бы позволить себе по логике баланса сил при нынешней позиции в экономической, технологической и военной областях. Во-вторых, при определенной автономизации полюсов в западном мире не просматривается появление новых сколько-нибудь радикальных разделительных линий противоборства между Северной Америкой, Европой и АТР. При некотором возрастании уровня антиамериканской риторики в российской и китайской политических элитах более фундаментальные интересы обеих держав толкают их на дальнейшее развитие отношений с Соединенными Штатами. Расширение НАТО не усилило центростремительные тенденции в СНГ, чего следовало бы ожидать по законам многополюсного мира. Анализ взаимодействия постоянных членов Совета Безопасности ООН, «восьмерки» свидетельствует о том, что поле совпадения их интересов значительно шире области разногласий при всей внешней драматичности последних.

Исходя из этого, можно предположить, что на поведение мирового сообщества начинают оказывать влияние новые движущие силы, отличные от тех, что традиционно действовали в рамках Вестфальской системы. Для того чтобы проверить этот тезис, следовало бы рассмотреть новые факторы, которые начинают оказывать влияние на поведение мирового сообщества.

§ 18.3 ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИКИ

18.3.1. Глобализация социально-политических механизмов

На рубеже 80 - 90-х годов качественно изменилось мировое социально-политическое пространство. Отказ народов Советского Союза, большинства других стран бывшего «социалистического содружества» от однопартийной системы государственного устройства и центрального планирования экономики в пользу рыночной демократии означал прекращение в основном глобального противостояния антагонистических социально-политических систем и существенное повышение удельного веса открытых обществ в мировой политике. Уникальной в истории особенностью самоликвидации коммунизма является мирный характер этого процесса, не сопровождавшегося, как обычно бывало при столь радикальной смене социально-политического устройства, сколько-нибудь серьезными военными или революционными катаклизмами. На значительной части евразийского пространства - в Центральной и Восточной Европе, а также на территории бывшего Советского Союза в принципе сложился консенсус в пользу демократической формы социально-политического устройства. В случае успешного завершения процесса реформирования этих государств, в первую очередь России (ввиду ее потенциала), в открытые общества на большей части северного полушария - в Европе, Северной Америке, Евразии - сформируется сообщество народов, живущее по близким социально-политическим и экономическим принципам, исповедующее близкие ценности, в том числе и в подходах к процессам глобальной мировой политики.

Естественным следствием окончания в основном противостояния между «первым» и «вторым» мирами явилось ослабление, а затем и прекращение поддержки авторитарных режимов - клиентов двух лагерей, противоборствовавших в годы

холодной войны в Африке, Латинской Америке, Азии. Поскольку одним из главных достоинств таких режимов для Востока и Запада была, соответственно, «антиимпериалистическая» или «антикоммунистическая» ориентация, с окончанием противостояния между главным антагонистами они потеряли свою ценность как идеологические союзники и в результате лишились материальной и политической поддержки. За падением отдельных режимов такого рода в Сомали, Либерии, Афганистане последовали дезинтеграция этих государств и гражданская война. Большинство же других стран, например Эфиопия, Никарагуа, Заир, начали движение, правда, различными темпами, от авторитаризма. Это еще больше сократило мировое поле последнего.

На 80-е годы, особенно на их вторую половину, приходится напрямую не связанный с окончанием холодной войны ширококомасштабный процесс демократизации на всех континентах. Бразилия, Аргентина, Чили перешли от военно-авторитарных к гражданским парламентским формам правления. Несколько позже эта тенденция распространилась на Центральную Америку. Показательным для результатов этого процесса является то, что 34 руководителя, участвовавшие во встрече в верхах стран Северной и Южной Америки в декабре 1994 г. (Куба не получила приглашения), были демократически избранными гражданскими лидерами своих государств. Аналогичные процессы демократизации, разумеется, с азиатской спецификой, наблюдались в это время в АТР - на Филиппинах, Тайване, в Южной Корее, Таиланде. В 1988 г. избранное правительство пришло на смену военному режиму в Пакистане. Крупным прорывом к демократии не только для Африканского континента явился отказ ЮАР от политики апартеида. В других странах Африки отход от авторитаризма шел более медленными темпами. Однако падение самых одиозных диктаторских режимов в Эфиопии, Уганде, Заире, определенное продвижение демократических реформ в Гане, Бенине, Кении, Зимбабве свидетельствуют о том, что волна демократизации не обошла и этот континент.

Необходимо отметить, что демократия имеет довольно разные степени зрелости. Это наглядно проявляется в эволюции демократических обществ со времен французской и американской революций до наших дней. Первичные формы демократии в виде регулярных многопартийных выборов, например, в ряде африканских стран или в некоторых новых независимых

государствах на территории бывшего СССР в значительной степени отличаются от форм зрелых демократий, скажем, западноевропейского типа. Не совершенны и самые передовые демократии, если исходить из определения демократии, данного Линкольном: «правление народа, избранное народом и осуществляемое в интересах народа». Но очевидно и то, что между разновидностями демократий и авторитаризмом существует и демаркационная линия, определяющая качественное отличие внутренней и внешней политики обществ, находящихся по обе стороны от нее.

Глобальный процесс смены социально-политических моделей проходил в конце 80-х - начале 90-х годов в разных странах с различных стартовых позиций, имел неодинаковую глубину, его результаты в ряде случаев неоднозначны, и не всегда есть гарантии против рецидивов авторитаризма. Но масштабность этого процесса, его одновременное развитие в ряде стран, тот факт, что впервые в истории поле демократии охватывает более половины человечества и территории земного шара, а главное, самые мощные в экономическом, научно-техническом и военном плане государства - все это позволяет сделать вывод о качественном изменении социально-политического поля мирового сообщества. Демократическая форма организации обществ не отменяет противоречия, а иногда и острые конфликтные ситуации между соответствующими государствами. Например, факт функционирования в настоящее время парламентских форм правления в Индии и Пакистане, в Греции и Турции не исключает опасной напряженности в их взаимоотношениях. Значительная дистанция, пройденная Россией от коммунизма к демократии, не отменяет разногласий с европейскими государствами и Соединенными Штатами, скажем, по вопросам расширения НАТО или применения военной силы против режимов Саддама Хусейна, Слободана Милошевича. Но фактом является то, что на протяжении всей истории демократические государства никогда не воевали друг с другом.

Многое, разумеется, зависит от определения понятий «демократия» и «война». Обычно демократическим считается государство, если исполнительная и законодательная власти формируются путем соревновательных выборов. Это означает, что в таких выборах участвуют по крайней мере две независимые друг от друга партии, предусматривается право голоса по крайней мере

половины взрослого населения и имел место по крайней мере один мирный конституционный переход власти от одной партии к другой. В отличие от инцидентов, пограничных столкновений, кризисов, гражданских войн международными войнами считаются военные действия между государствами с боевыми потерями вооруженных сил свыше 1000 человек.

Исследования всех гипотетических исключений из этой закономерности за всю мировую историю от войны между Сиракузами и Афинами в V в. до н. э. вплоть до сегодняшнего времени только подтверждают тот факт, что демократии воюют с авторитарными режимами и нередко начинают такие конфликты, но никогда не доводили до войны противоречия с другими демократическими государствами. Надо признать, что есть определенные основания для скептицизма у тех, кто указывает на то, что за годы существования Вестфальской системы поле взаимодействия демократических государств было относительно узким и на их мирное взаимодействие влияло общее противостояние превосходящей или равной по силе группы авторитарных государств. Еще не совсем ясно, как поведут себя демократические государства в отношении друг друга при отсутствии или качественном сокращении масштаба угрозы со стороны авторитарных государств.

Если все же закономерность мирного взаимодействия демократических государств не будет нарушена в XXI в., то происходящее сейчас в мире расширение поля демократии будет означать и расширение глобальной зоны мира. В этом, видимо, состоит первое и главное качественное отличие новой формирующейся системы международных отношений от классической Вестфальской системы, в рамках которой преобладание авторитарных государств предопределяло периодичность войн как между ними, так и с участием демократических стран.

Качественное изменение соотношения между демократией и авторитаризмом в глобальном масштабе дало основание американскому исследователю Ф. Фукуяме провозгласить окончательную победу демократии и в этом смысле объявить о «завершении истории» как борьбы между историческими формациями. Однако, как представляется, масштабное продвижение демократии на рубеже веков еще не означает ее полную победу. Коммунизм как социально-политическая система,

хотя и с определенными изменениями, сохранился в Китае, Вьетнаме, Северной Корее, Лаосе, на Кубе. Его наследие ощущается в ряде стран бывшего Советского Союза, в Сербии.

За исключением, пожалуй, Северной Кореи во всех других социалистических странах вводятся элементы рыночной экономики, они так или иначе втягиваются в мировую экономическую систему. Практика отношений некоторых сохранившихся коммунистических государств с другими странами регулируется скорее принципами «мирного сосуществования», чем «классовой борьбы». Идеологический заряд коммунизма ориентирован больше на внутреннее потребление, во внешней политике все чаще берет верх прагматизм. Частичное экономическое реформирование и открытость международным экономическим связям порождают социальные силы, требующие соответствующего расширения политических свобод. Но доминирующая однопартийная система работает в противоположном направлении. В результате наблюдается эффект «качелей», движущихся от либерализма к авторитаризму и обратно. В Китае, например, это было движение от прагматических реформ Дэн Сяопина к силовому подавлению студенческих выступлений на площади Тяньаньмэнь, затем от новой волны либерализации к закручиванию гаек, и снова к прагматизму.

Опыт XX в. показывает, что коммунистическая система неизбежно воспроизводит такую внешнюю политику, которая вступает в противоречие с политикой, генерируемой демократическими обществами. Разумеется, факт радикального отличия социально-политических систем не обязательно обуславливает неизбежность военного конфликта. Но равно обосновано и предположение о том, что наличие этого противоречия не исключает такого конфликта и не позволяет надеяться на достижение уровня отношений, которые возможны между демократическими государствами.

В авторитарной сфере еще остается значительное число государств, социально-политическая модель которых определяется либо инерцией личных диктатур, как, например, в Ираке, Ливии, Сирии, или аномалией процветания средневековых форм восточного правления в сочетании с технологическим прогрессом в Саудовской Аравии, государствах Персидского залива, некоторых странах Магриба. При этом первая группа находится в состоянии непримиримой конфронтации с демократией, а вторая готова

сотрудничать с ней до той поры, пока та не стремится поколебать установившийся в этих странах социально-политический статус-кво. Авторитарные структуры, хотя и в измененной форме, закрепились в ряде постсоветских государств, например в Туркмении.

Особое место среди авторитарных режимов занимают страны «исламской государственности» экстремистского толка - Иран, Судан, Афганистан. Уникальный потенциал воздействия на мировую политику придает им международное движение исламского политического экстремизма, известного под не совсем корректным названием «исламский фундаментализм». Это революционно-идеологическое течение, отвергающее западную демократию как образ жизни общества, допускающее террор и насилие в качестве средства реализации доктрины «исламской государственности», получило в последние годы широкое распространение среди населения в большинстве стран Ближнего Востока и других государствах с высоким процентом мусульманского населения.

В отличие от сохранившихся коммунистических режимов, которые (за исключением Северной Кореи) ищут пути сближения с демократическими государствами, по крайней мере в экономической области, и идеологический заряд которых затухает, исламский политический экстремизм является динамичным, массовым и реально угрожает стабильности режимов Саудовской Аравии, стран Персидского залива, некоторых государств Магриба, Пакистана, Турции, Центральной Азии. Разумеется, при оценках масштабов вызова исламского политического экстремизма мировому сообществу следует соблюдать чувство меры, учитывать противодействие ему в мусульманском мире, например, со стороны светских и военных структур в Алжире, Египте, зависимость стран новой исламской государственности от мировой экономики, а также признаки определенной эрозии экстремизма в Иране.

Сохранение и возможность увеличения числа авторитарных режимов не исключают вероятности военных столкновений как между ними, так и с демократическим миром. По всей видимости, именно в секторе авторитарных режимов и в полосе соприкосновения последних с миром демократии могут развиваться в будущем наиболее опасные, чреватые военными конфликтами процессы. Небесконфликтной остается и «серая» зона государств, отошедших от авторитаризма, но еще не завершивших

демократических преобразований. Однако общая тенденция, рельефно проявившаяся в последнее время, все же свидетельствует о качественном изменении глобального социально-политического поля в пользу демократии, а также о том, что авторитаризм ведет арьергардные исторические бои. Разумеется, исследование дальнейших путей развития международных отношений должно включать более тщательный анализ закономерностей отношений между странами, достигшими разных стадий демократической зрелости, влияния демократического преобладания в мире на поведение авторитарных режимов и т.д.

18.3.2. Глобализация мировой экономической системы

Соразмерны социально-политическим изменения и в мировой экономической системе. Принципиальный отказ большинства бывших социалистических стран от централизованного планирования экономики означал включение в 90-х годах в глобальную систему рыночной экономики масштабного потенциала и рынков этих стран. Речь, правда, шла о прекращении противоборства не двух примерно равных блоков, как это было в военно-политической области. Экономические структуры социализма никогда не представляли сколько-нибудь серьезной конкуренции западной экономической системе. В конце 80-х годов доля стран - членов СЭВ в валовом мировом продукте составляла порядка 9%, а промышленно развитых капиталистических стран - 57%. Большая часть экономики «третьего мира» ориентировалась на рыночную систему. Поэтому процесс включения бывших социалистических экономик в мировое хозяйство имел скорее перспективное значение и символизировал завершение формирования или восстановления на новом уровне единой глобальной экономической системы. Качественные же ее изменения накапливались в рыночной системе еще до окончания холодной войны.

В 80-е годы в мире наметился широкий прорыв в сторону либерализации мировой экономики - сокращения государственной опеки над экономикой, предоставления больших свобод частному предпринимательству внутри стран и отказа от протекционизма в отношениях с зарубежными партнерами, что, правда, не исключало помощи со стороны государства при выходе на мировые рынки. Именно эти факторы в первую очередь обеспечили экономике ряда стран, например Сингапура, Гонконга, Тайваня, Южной Кореи,

беспрецедентно высокие темпы роста. Кризис, поразивший в последнее время ряд стран Юго-Восточной Азии, по мнению многих экономистов, явился следствием «перегрева» экономик в результате их быстрого взлета при сохранении архаичных политических структур, деформирующих экономическую либерализацию. Экономические реформы в Турции способствовали стремительной модернизации этой страны. В начале 90-х годов процесс либерализации распространяется на страны Латинской Америки - Аргентину, Бразилию, Чили, Мексику. Отказ от жесткого государственного планирования, сокращение бюджетного дефицита, приватизация крупных банков и госпредприятий, снижение таможенных тарифов позволили им резко повысить темпы экономического роста и выйти по этому показателю на второе место после стран Восточной Азии. В это же время аналогичные реформы, хотя и гораздо менее радикального характера, начинают пробивать себе дорогу в Индии. В 90-е годы пожинаются осязаемые плоды открытия экономики Китая внешнему миру.

Логическим следствием этих процессов стала существенная активизация международного взаимодействия национальных экономик. Темпы роста международной торговли превосходят мировые темпы внутриэкономического роста. Сегодня более 15% мирового валового продукта реализуется на зарубежных рынках. Вовлеченность в международную торговлю превратилась в серьезный и универсальный фактор роста благосостояния мирового сообщества. Завершение в 1994 г. Уругвайского раунда ГАТТ, предусматривающего дальнейшее существенное снижение тарифов и распространение либерализации торговли на потоки услуг, преобразование ГАТТ во Всемирную торговую организацию знаменовали выход международной торговли на качественно новый рубеж, повышение взаимозависимости мировой хозяйственной системы.

В последнее десятилетие в этом же направлении развивался значительно усилившийся процесс интернационализации финансового капитала. Особенно ярко это проявилось в интенсификации потоков международных инвестиций, которые с 1995 г. растут быстрее, чем торговля и производство. Это стало результатом существенного изменения инвестиционного климата в мире. Демократизация, политическая стабилизация и экономическая либерализация во многих регионах сделали их более

привлекательными для зарубежных инвесторов. С другой стороны, произошел психологический перелом во многих развивающихся странах, которые осознали, что привлечение иностранного капитала является трамплином для развития, облегчает выход на международные рынки и доступ к новейшим технологиям. Это, разумеется, требовало частичного отказа от абсолютного экономического суверенитета и означало повышение конкуренции для ряда отечественных отраслей. Но примеры «азиатских тигров» и Китая побудили большинство развивающихся стран и государств с переходной экономикой включиться в соревнование за привлечение инвестиций. В середине 90-х годов объем иностранных инвестиций превысил 2 трлн. долл. и продолжает быстро расти. Организационно эту тенденцию закрепляет заметное повышение активности международных банков, инвестиционных фондов и бирж ценных бумаг. Еще одной гранью такого процесса является существенное расширение поля деятельности транснациональных корпораций, которые сегодня контролируют около трети активов всех частных компаний мира, а объем реализации их продукции приближается к валовому продукту экономики США.

Несомненно, продвижение интересов отечественных компаний на мировом рынке по-прежнему остается одной из главных задач любого государства. При всей либерализации международных экономических связей межнациональные противоречия, как показывают часто жесткие споры США и Японии по вопросам торгового дисбаланса или с Европейским союзом из-за субсидирования им сельского хозяйства, сохраняются. Но очевидно, что при нынешней степени взаимозависимости мирового хозяйства почти ни одно государство не может противопоставлять свои эгоистические интересы мировому сообществу, поскольку рискует оказаться в роли мирового изгоя или подорвать существующую систему с равно плачевными результатами не только для конкурентов, но и для собственной экономики.

Процесс интернационализации и усиления взаимозависимости мировой экономической системы идет в двух плоскостях - в глобальной и в плоскости региональной интеграции. Теоретически региональная интеграция может подхлестнуть межрегиональное соперничество. Но сегодня эта опасность ограничивается некоторыми новыми свойствами мировой

экономической системы. Прежде всего, открытостью новых региональных образований - они не возводят по своей периферии дополнительных тарифных барьеров, а снимают их в отношениях между участниками быстрее, чем тарифы снижаются в глобальном плане в рамках ВТО. Это является стимулом для дальнейшего, более радикального уменьшения барьеров в мировом масштабе, в том числе и между региональными экономическими структурами. Кроме того, некоторые страны являются участниками нескольких региональных группировок. Например, США, Канада, Мексика полноправно участвуют как в АТЭС, так и в НАФТА. А подавляющее большинство транснациональных корпораций одновременно функционирует в орбитах всех существующих региональных организаций.

Новые качества мировой экономической системы - стремительное расширение зоны рыночного хозяйства, либерализация национальных экономик и их взаимодействие через посредство торговли и международных инвестиций, космополитизация все большего числа субъектов мировой экономики - ТНК, банков, инвестиционных групп - оказывают серьезное влияние на мировую политику, международные отношения. Мировая экономика становится настолько взаимосвязанной и взаимозависимой, что интересы всех ее активных участников требуют сохранения стабильности не только в экономическом, но и военно-политическом плане. Некоторые ученые, ссылающиеся на то, что высокая степень взаимодействия в европейской экономике начала XX в. не предотвратила развязывания. Первой мировой войны, игнорируют качественно новый уровень взаимозависимости сегодняшней мировой экономики и космополитизации ее значительного сегмента, радикальное изменение соотношения экономического и военного факторов в мировой политике. Но наиболее существенным, в том числе и для формирования новой системы международных отношений, является тот факт, что процесс создания нового мирового экономического сообщества взаимодействует с демократическими преобразованиями социально-политического поля. Кроме того, в последнее время глобализация мировой экономики все больше играет роль стабилизатора мировой политики и сферы безопасности. Особенно это влияние заметно в поведении ряда авторитарных государств и обществ, движущихся от авторитаризма к демократии. Масштабная и увеличивающаяся

зависимость экономики, например, Китая, ряда новых независимых государств от мировых рынков, инвестиций, технологий заставляет их корректировать свои позиции по политическим и военным проблемам международной жизни.

Естественно, мировой экономический горизонт не безоблачен. Основной проблемой остается разрыв между индустриально развитыми государствами и значительным числом развивающихся или экономически стагнирующих стран. Процессы глобализации охватывают в первую очередь сообщество развитых стран. В последние годы усилилась тенденция прогрессирующего расширения такого разрыва. По мнению многих экономистов, значительное число стран Африки и ряд других государств, например Бангладеш, отстали «навсегда». Для большой группы развивающихся экономик, в частности Латинской Америки, их попытки приблизиться к мировым лидерам сводятся на нет огромным внешним долгом и необходимостью его обслуживания. Особый случай представляют экономики, совершающие переход от системы централизованного планирования к рыночной модели. Их выход на мировые рынки товаров, услуг, капиталов особенно болезнен.

Существуют две противоположные гипотезы относительно влияния этого разрыва, условно обозначаемого как разрыв между новыми Севером и Югом, на мировую политику. Многие международники видят в этом долгосрочном феномене основной источник будущих конфликтов и даже попыток Юга насильственно переделить экономическое благосостояние мира. Действительно, нынешнее серьезное отставание от ведущих держав по таким показателям, как удельный вес ВВП в мировом хозяйстве или доход на душу населения, потребует, скажем, от России (на которую приходится около 1,5% мирового валового продукта), Индии, Украины, нескольких десятилетий развития темпами, в несколько раз превышающими среднемировые, для того чтобы приблизиться к уровню США, Японии, Германии и не отстать от Китая. При этом надо иметь в виду, что сегодняшние страны-лидеры не будут стоять на месте. Точно так же трудно предположить, что в обозримом будущем какая-либо новая региональная экономическая группировка - СНГ или, скажем, зарождающаяся в Южной Америке - сможет приблизиться к ЕС, АТЭС, НАФТА, на долю каждой из которых приходится свыше 20% валового мирового продукта, мировой торговли и финансов.

Согласно другой точке зрения, интернационализация мировой экономики, ослабление заряда экономического национализма, тот факт, что хозяйственное взаимодействие государств перестает быть игрой с нулевым результатом, позволяют надеяться на то, что экономический разрыв между Севером и Югом не превратится в новый источник глобальной конфронтации, особенно в ситуации, когда, хотя и отставая по абсолютным показателям от Севера, Юг все же будет развиваться, повышая свое благосостояние. Здесь, вероятно, уместна аналогия с модус вивенди между крупными и средними компаниями в рамках национальных экономик: средние по масштабам компании не обязательно антагонистически сталкиваются с корпорациями-лидерами и стремятся ликвидировать разрыв между ними любыми средствами. Многое зависит от организационно-правовой среды, в которой функционирует бизнес, в данном случае мировой.

Сочетание либерализации и глобализации мировой экономики наряду с очевидными выгодами несет в себе и скрытые угрозы. Цель конкуренции корпораций и финансовых институтов – прибыль, а не сохранение стабильности рыночной экономики. Либерализация уменьшает ограничения на конкуренцию, а глобализация расширяет ее поле. Как показал последний финансовый кризис в Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, России, затронувший рынки всего мира, новое состояние мирового хозяйства означает глобализацию не только позитивных, но и негативных тенденций. Понимание этого заставляет мировые финансовые институты спасать экономические системы Южной Кореи, Сянган, Бразилии, Индонезии, России. Но эти разовые операции лишь подчеркивают сохраняющееся противоречие между выгодами либерального глобализма и ценой поддержания устойчивости мирового хозяйства. По всей видимости, глобализация рисков потребует глобализации их менеджмента, совершенствования таких структур, как ВТО, МВФ и группа семи ведущих индустриальных держав. Очевидно и то, что растущий космополитический сектор глобальной экономики меньше подотчетен мировому сообществу, чем национальные экономики государствам.

Как бы то ни было, новый этап мировой политики определенно выдвигает ее экономический компонент на передний план. Так, можно предположить, что объединению большой Европы в конечном счете препятствуют, скорее, не столкновения

интересов в военно-политической области, а серьезный экономический разрыв между ЕС, с одной стороны, и посткоммунистическими странами - с другой. Подобно этому главная логика развития международных отношений, например, в Азиатско-тихоокеанском регионе диктуется не столько соображениями военной безопасности, сколько экономическими вызовами и возможностями. На протяжении последних лет такие международные экономические институты, как «семерка», ВТО, МВФ и Всемирный банк, руководящие органы ЕС, АТЭС, НАФТА, явно сравниваются по влиянию на мировую политику с Советом Безопасности, Генеральной Ассамблеей ООН, региональными политическими организациями, военными союзами, а нередко и превосходят их. Таким образом, экономизация мировой политики и формирование нового качества мировой экономики становятся другим основным параметром формирующейся сегодня системы международных отношений.

§ 18.4 НОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Каким бы парадоксальным ни представлялось, на первый взгляд, предположение о развитии тенденции к демилитаризации мирового сообщества в свете последнего драматического конфликта на Балканах, напряженности в районе Персидского залива, неустойчивости режимов нераспространения оружия массового уничтожения, оно все же имеет основание для серьезного рассмотрения в долгосрочном плане.

Окончание холодной войны совпало с кардинальным изменением места и роли фактора военной безопасности в мировой политике. В конце 80-х - 90-х годах наблюдается масштабное сокращение глобального потенциала военной конфронтации холодной войны. Со второй половины 80-х годов устойчиво снижаются мировые расходы на оборону. В рамках международных договоров и в порядке односторонних инициатив осуществляется беспрецедентное в истории сокращение ракетно-ядерных, обычных вооружений и личного состава вооруженных сил. Снижению уровня военной конфронтации способствовали значительная передислокация вооруженных сил на национальные территории, развитие мер доверия и позитивного взаимодействия в военной области. Идет процесс конверсии большей части мирового военно-

промышленного комплекса. Параллельная активизация ограниченных конфликтов на периферии центральной военной конфронтации времен холодной войны при всей их драматичности и «неожиданности» на фоне мирной эйфории, характерной для конца 80-х годов, по масштабам и последствиям не может сравниться с ведущей тенденцией демилитаризации мировой политики.

Развитие этой тенденции имеет несколько фундаментальных причин. Преобладающая демократическая монотипность мирового сообщества, а также интернационализация мировой экономики сокращают питательную политико-экономическую среду глобального института войны. Не менее важным фактором является неопровержимо доказанное всем ходом холодной войны революционное значение характера ядерного оружия.

Создание ядерного оружия означало в широком плане исчезновение возможности победы для какой-либо из сторон, что на протяжении всей предыдущей истории человечества являлось неперенным условием ведения войн. Еще в 1946г. американский ученый Б. Броуди обратил внимание на эту качественную характеристику ядерного оружия и высказал твердое убеждение, что в будущем единственной его задачей и функцией будет сдерживание войны. Некоторое время спустя эту аксиому подтвердил А.Д. Сахаров. На протяжении всей холодной войны и США, и СССР пытались найти пути обхода этой революционной реальности. Обе стороны предпринимали активные попытки выйти из ядерного пата посредством наращивания и совершенствования ракетно-ядерных потенциалов, разработки изошренных стратегий его применения, наконец, подходов к созданию противоракетных систем. Пятьдесят лет спустя, создав около 25 тыс. только стратегических ядерных боезарядов, ядерные державы пришли к неизбежному выводу: применение ядерного оружия означает не только уничтожение противника, но и гарантированное самоубийство. Более того, перспектива ядерной эскалации резко ограничила возможность применения противостоящими сторонами обычных вооружений. Ядерное оружие сделало холодную войну разновидностью «вынужденного мира» между ядерными державами.

Опыт ядерной конфронтации в годы холодной войны, радикальные сокращения ракетно-ядерных арсеналов США и РФ в соответствии с договорами СНВ-1, СНВ-2, отказ от ядерного

оружия Казахстана, Беларуси и Украины, принципиальная договоренность РФ и США о дальнейших более глубоких сокращениях ядерных зарядов и средств их доставки, сдержанность Великобритании, Франции и Китая в развитии своих национальных ядерных потенциалов позволяют сделать вывод о признании ведущими державами в принципе бесперспективности ядерного оружия как средства достижения победы или эффективного средства влияния на мировую политику. Хотя сегодня трудно представить такую ситуацию, когда одна из держав может применить ядерное оружие, вероятность использования его в качестве самой крайней меры или в результате ошибки все же остается. Кроме того, сохранение ядерного и другого оружия массового уничтожения даже в процессе радикальных сокращений повышает «негативную значимость» обладающего им государства. Например, опасения (независимо от их обоснованности) относительно сохранности ядерных материалов на территории бывшего Советского Союза дополнительно повышают внимание мирового сообщества к его правопреемникам, в том числе и к Российской Федерации.

На пути всеобщего ядерного разоружения стоит несколько фундаментальных препятствий. Полный отказ от ядерного оружия означает и исчезновение его основной функции - сдерживания войны, в том числе и обычной. Кроме того, ряд держав, например Россия или Китай, могут рассматривать наличие ядерного оружия в качестве временной компенсации относительной слабости их потенциалов обычных вооружений, а вместе с Великобританией и Францией - и как политический символ великодержавности. Наконец, тот факт, что даже минимальные потенциалы ядерного оружия могут служить эффективным средством сдерживания войны, усвоили и другие страны, особенно находящиеся в состоянии локальных холодных войн с соседями, например Израиль, Индия, Пакистан.

Проведение испытаний ядерного оружия Индией и Пакистаном весной 1998 г. закрепляет патовую ситуацию в конфронтации между этими странами. Можно предположить, что легализация ядерного статуса давними соперниками заставит их более энергично искать пути принципиального урегулирования застарелого конфликта. С другой стороны, не совсем адекватная реакция мирового сообщества на такой удар по режиму нераспространения может породить соблазн и других «пороговых»

государств последовать примеру Дели и Исламабада. А это приведет к эффекту «домино», в результате чего вероятность несанкционированного или иррационального срабатывания ядерного оружия может перевесить его сдерживающие возможности.

Некоторые диктаторские режимы, учитывая результаты войн за Фолкленды, в Персидском заливе, на Балканах, не только осознали бесперспективность конфронтации с ведущими державами, обладающими качественным превосходством в сфере обычных вооружений, но и пришли к пониманию того, что гарантией против повторения аналогичных поражений может стать обладание оружием массового уничтожения. Таким образом, в ядерной сфере на передний план реально выходят две среднесрочные задачи - укрепление системы нераспространения ядерного и другого оружия массового уничтожения и одновременно определение функциональных параметров и минимально достаточных размеров ядерных потенциалов обладающих ими держав.

Задачи в области сохранения и укрепления режимов нераспространения сегодня оттесняют в плане приоритетности классическую проблему сокращения стратегических вооружений РФ и США. Долгосрочной же задачей остается продолжение выяснения целесообразности и поиска путей продвижения к безъядерному миру в условиях новой мировой политики.

Диалектическим звеном, связывающим режимы нераспространения оружия массового уничтожения и ракетных средств их доставки, с одной стороны, с контролем над стратегическими вооружениями «традиционных» ядерных держав - с другой, становится проблема противоракетной обороны и судьба Договора по ПРО. Перспектива создания ядерного, химического и бактериологического оружия, а также ракет средней дальности, а в недалеком будущем и межконтинентальных ракет рядом государств выдвигает в центр стратегического мышления проблему защиты от такой опасности. США уже обозначили предпочтительное для себя решение - создание «тонкой» противоракетной обороны страны, а также региональных противоракетных комплексов театров военных действий, в частности, в АТР - против северокорейских ракет, и на Ближнем Востоке - против ракет Ирана. Такие противоракетные потенциалы, развернутые в одностороннем порядке, девальвировали бы ракетно-ядерные потенциалы сдерживания РФ

и Китая, что могло бы привести к стремлению последних компенсировать изменение стратегического баланса наращиванием собственных ракетно-ядерных вооружений с неизбежной дестабилизацией глобальной стратегической ситуации.

Другой актуальной проблемой является феномен локальных конфликтов. Окончание холодной войны сопровождалось заметной активизацией локальных конфликтов. Большинство из них были, скорее, внутрисоюзными, чем международными, в том плане, что вызвавшие их противоречия были связаны с сепаратизмом, борьбой за власть или территорию в рамках одного государства. Большая часть конфликтов стала результатом распада Советского Союза, Югославии, обострения национально-этнических противоречий, проявление которых ранее сдерживалось авторитарными системами или блоковой дисциплиной холодной войны. Другие конфликты, например в Африке, стали следствием ослабления государственности и экономической разрухи. Третья категория - это длительные «традиционные» конфликты на Ближнем Востоке, в Шри-Ланке, Афганистане, вокруг Кашмира, которые пережили завершение холодной войны, или вспыхнули вновь, как это случилось в Камбодже.

При всем драматизме локальных конфликтов на рубеже 80 - 90-х годов с течением времени острота большей их части несколько спала, как, например, в Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Приднестровье, Чечне, Абхазии, Боснии и Герцеговине, Албании, наконец, в Таджикистане. Частично это объясняется постепенным осознанием конфликтующими сторонами высокой цены и бесперспективности военного решения проблем, а во многих случаях эта тенденция подкреплялась принуждением к миру (так было в Боснии и Герцеговине, Приднестровье), другими миротворческими усилиями с участием международных организаций - ООН, ОБСЕ, СНГ. Правда, в нескольких случаях, например в Сомали, Афганистане, такие усилия не дали должных результатов. Эта тенденция подкрепляется серьезными подвижками в сторону мирного урегулирования между израильянами и палестинцами, а также между Преторией и «прифронтовыми государствами». Соответствующие конфликты служили питательной средой нестабильности на Ближнем Востоке и юге Африки.

Изменяется в целом и глобальная картина локальных вооруженных конфликтов. В 1989 г. имело место 36 крупных

конфликтов в 32 районах, а в 1995 г. было зарегистрировано 30 таких конфликтов в 25 районах. Некоторые из них, например взаимное истребление народностей тутси и хуту в Восточной Африке, приобретают характер геноцида. Реальной оценке масштабов и динамики «новых» конфликтов мешает их эмоциональное восприятие. Они вспыхнули в тех регионах, которые считались (без достаточных на то оснований) традиционно стабильными. Кроме того, они возникли в тот момент, когда мировая общественность уверовала в бесконфликтность мировой политики после завершения холодной войны. Беспристрастное же сравнение «новых» конфликтов со «старыми», бушевавшими в годы холодной войны в Азии, Африке, Центральной Америке, на Ближнем и Среднем Востоке, несмотря даже на масштабность последнего конфликта на Балканах, позволяет сделать более взвешенный вывод относительно долгосрочной тенденции.

Более актуальными сегодня становятся вооруженные операции, которые предпринимаются под руководством ведущих западных стран, в первую очередь США, против стран, которые, как считается, нарушают международное право, демократические или гуманитарные нормы. Наиболее наглядными примерами являются операции против Ирака с целью пресечения агрессии против Кувейта, принуждение к миру на заключительном этапе внутреннего конфликта в Боснии, восстановление законности на Гаити и в Сомали. Эти операции проводились с санкции Совета безопасности ООН. Особое место занимает крупномасштабная военная операция, предпринятая НАТО в одностороннем порядке без согласования с ООН, против Югославии в связи с ситуацией, в которой оказалось албанское население в Косово. Значимость последней заключается в том, что она ставит под вопрос принципы глобального политико-правового режима, как он был зафиксирован в Уставе ООН.

Глобальное сокращение военных arsenалов более рельефно обозначило качественный разрыв в вооружениях между ведущими военными державами и остальным миром. Фолклендский конфликт на завершающем этапе холодной войны, а затем война в Персидском заливе и операции в Боснии и Сербии наглядно продемонстрировали этот разрыв. Прогресс в миниатюризации и повышении способности поражения обычных боезарядов, совершенствование систем наведения, контроля, управления и разведки, средств ведения электронной борьбы, повышение

мобильности обоснованно считаются решающими факторами современной войны. Выражаясь категориями холодной войны, баланс военных сил между Севером и Югом еще больше изменился в пользу первого.

Несомненно на этом фоне возрастание материальных возможностей США влиять на развитие ситуации в сфере военной безопасности большинства регионов мира. Абстрагируясь от ядерного фактора, можно сказать: финансовые возможности, высокое качество вооружений, способность быстрой переброски крупных контингентов войск и арсеналов вооружений на большие расстояния, мощное присутствие в Мировом океане, сохранение основной инфраструктуры баз и военных союзов - все это превратило США по имеющимся возможностям в единственную глобальную державу в военном плане. Дробление военного потенциала СССР при его распаде, глубокий и длительный экономический кризис, болезненно затронувший армию и военно-промышленный комплекс, медленные темпы реформирования оружейных сил, фактическое отсутствие надежных союзников ограничили военные возможности Российской Федерации евразийским пространством. Систематическая, рассчитанная на длительный срок модернизация вооруженных сил Китая дает основание предположить в перспективе серьезное повышение его способности проецировать военную мощь в Азиатско-тихоокеанском регионе. Несмотря на попытки некоторых западноевропейских стран играть более активную военную роль за пределами зоны ответственности НАТО, как это было в ходе войны в Персидском заливе или при проведении миротворческих операций в Африке, на Балканах, и как это провозглашено на будущее в новой стратегической доктрине НАТО, параметры военного потенциала собственно Западной Европы без американского участия в основном остаются региональными. Все остальные страны мира по разным причинам могут рассчитывать лишь на то, что военный потенциал каждой из них будет одним из региональных факторов.

Новая ситуация в области глобальной военной безопасности в целом определяется тенденцией к ограничению использования войны в классическом понимании. Но одновременно возникают новые формы применения силы, например «операция по гуманитарным причинам». В сочетании с изменениями в социально-политической и экономической областях такие процессы

в военной сфере оказывают серьезное влияние на формирование новой системы международных отношений.

§ 18.5 КОСМОПОЛИТИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Изменение традиционной Вестфальской системы международных отношений затрагивает сегодня не только содержание мировой политики, но и круг ее субъектов. Если на протяжении трех с половиной веков государства были доминирующими участниками международных отношений, а мировая политика в основном политикой межгосударственной, то в последние годы их теснят транснациональные компании, международные частные финансовые институты, неправительственные общественные организации, не имеющие определенной национальности, во многом космополитичные.

Экономические гиганты, которые раньше легко было отнести к экономическим структурам конкретной страны, потеряли эту привязку, поскольку их финансовый капитал – транснациональный, менеджеры - представители разных национальностей, предприятия, штаб-квартиры и системы маркетинга часто находятся на разных континентах. Многие из них могут поднять на флагштоке не национальный, а только собственный флаг корпорации. В большей или меньшей степени процесс космополитизации, или «оффшоризации», затронул все крупные корпорации мира. Соответственно уменьшился их патриотизм по отношению к тому или иному государству. Поведение транснационального сообщества мировых финансовых центров нередко оказывается столь же влиятельным, как и решения МВФ, «большой семерки».

Сегодня международная негосударственная организация «Гринпис» эффективно выполняет роль «глобального экологического полицейского» и часто определяет приоритеты в этой области, которые вынуждено принимать большинство государств. Общественная организация «Международная амнистия» обладает значительно большим влиянием, чем межгосударственный центр ООН по правам человека. Телевизионная компания Си-эн-эн отказалась от употребления в своих передачах термина «иностранец», поскольку «отечественными» для нее являются большинство стран мира. Значительно расширяется и растет авторитет мировых церквей и

религиозных объединений. Все больше число людей, родившихся в одной стране, имеющих гражданство другой, а живущих и работающих в третьей. Человеку часто легче общаться через Интернет с людьми, живущими на других континентах, чем с соседями по дому. Космополитизация затронула и худшую часть человеческого сообщества - организации международного терроризма, преступности, наркомафии не знают отечества, а их влияние на мировые дела остается на небывало высоком уровне.

Все это расшатывает одну из важнейших основ Вестфальской системы - суверенитет, право государства выступать высшим судьей в национальных границах и единственным представителем нации в международных делах. Добровольная передача части суверенитета межгосударственным институтам в процессе региональной интеграции или в рамках таких международных организаций, как ОБСЕ, Совет Европы и др., дополнилась в последние годы стихийным процессом его «диффузии» в глобальном масштабе.

Существует точка зрения, согласно которой международное сообщество выходит на более высокий уровень мировой политики, с долгосрочной перспективой формирования Соединенных Штатов Мира. Или, выражаясь современным языком, движется к системе, схожей по стихийным и демократическим принципам построения и функционирования с Интернет. Очевидно, это слишком фантастический прогноз. В качестве прообраза будущей системы мировой политики, вероятно, следовало бы рассматривать Европейский союз. Как бы то ни было, с полной уверенностью можно утверждать, что глобализация мировой политики, рост в ней удельного веса космополитического компонента уже в ближайшее время потребуют от государств серьезного пересмотра их места и роли в деятельности мирового сообщества.

Увеличение прозрачности границ, усиление интенсификации транснационального общения, технологические возможности информационной революции ведут к глобализации процессов в духовной сфере жизни мирового сообщества. Глобализация в других областях привела к определенному стиранию национальных особенностей повседневного образа жизни, вкусов, моды. Новое качество международных политических, экономических процессов, ситуации в области военной безопасности открывает дополнительные возможности и стимулирует поиск нового качества жизни и в духовной области. Уже сегодня можно считать

универсальной, за редкими исключениями, доктрину приоритета прав человека над национальным суверенитетом. Завершение глобальной идеологической борьбы между капитализмом и коммунизмом позволило по-новому взглянуть на доминирующие в мире духовные ценности, соотношение между правами отдельного человека и благосостоянием общества, национальными и глобальной идеями. В последнее время на Западе нарастает критика негативных черт потребительского общества, культуры гедонизма, ведется поиск путей сочетания индивидуализма и новой модели морального возрождения. О направлениях поиска новой морали мирового сообщества свидетельствует, например, призыв президента Чехии Вацлава Гавела возродить «естественное, уникальное и неповторимое ощущение мира, элементарное чувство справедливости, способность понимать вещи так же, как другие, чувство повышенной ответственности, мудрость, хороший вкус, мужество, сострадание и веру в важность простых действий, которые не претендуют быть универсальным ключом к спасению».

Задачи морального ренессанса стоят одними из первых в повестке дня мировых церквей, политики ряда ведущих государств. Огромное значение имеет результат поиска новой национальной идеи, сочетающей специфические и общечеловеческие ценности, процесс, который идет, по существу, во всех посткоммунистических обществах. Высказываются предположения, что в XXI в. способность того или иного государства обеспечить духовный расцвет своего общества будет иметь не меньшее значение для определения его места и роли в мировом сообществе, чем материальное благополучие и военная мощь.

Глобализация и космополитизация мирового сообщества обусловлены не только возможностями, связанными с новыми процессами в его жизнедеятельности, но и вызовами последних десятилетий. Речь прежде всего идет о таких общепланетарных задачах, как защита мировой экологической системы, регулирование глобальных миграционных потоков, напряженности, периодически возникающей в связи с ростом народонаселения и ограниченностью природных ресурсов земного шара. Очевидно - и это подтвердила практика, - что решение таких проблем требует адекватного их масштабам планетарного подхода, мобилизации усилий не только национальных правительств, но и

негосударственных транснациональных организаций мирового сообщества.

Подводя итог, можно сказать, что процесс формирования единого мирового сообщества, глобальная волна демократизации, новое качество мировой экономики, радикальная демилитаризация и изменение вектора применения силы, появление новых, негосударственных, субъектов мировой политики, интернационализация духовной сферы жизнедеятельности человечества и вызовов мировому сообществу дают основания для предположения о формировании новой системы международных отношений, отличной не только от существовавшей в период холодной войны, но во многом и от традиционной Вестфальской системы. Судя по всему, не окончание холодной войны породило новые тенденции в мировой политике - оно только усилило их. Скорее, именно новые, трансцендентные, процессы в области политики, экономики, безопасности и духовной сфере, зародившиеся в период холодной войны, взорвали прежнюю систему международных отношений и формируют ее новое качество.

В мировой науке о международных отношениях в настоящее время нет единства относительно сути и движущих сил новой системы международных отношений. Это, видимо, объясняется тем, что сегодня для мировой политики характерно столкновение традиционных и новых, доселе неизвестных факторов. Национализм борется с интернационализмом, геополитика - с глобальным универсализмом. Трансформируются такие основополагающие понятия, как «сила», «влияние», «национальные интересы». Расширяется круг субъектов международных отношений и меняется мотивация их поведения. Новое содержание мировой политики требует новых организационных форм. Сейчас еще преждевременно говорить о рождении новой системы международных отношений как о завершенном процессе. Реалистичнее, пожалуй, вести речь об основных тенденциях формирования будущего мирового порядка, вырастания его из прежней системы международных отношений.

Как и при любом анализе, в данном случае важно соблюсти меру в оценке соотношения традиционного и только появляющегося. Крен в любую сторону искажает перспективу. Тем не менее даже несколько утрированное подчеркивание новых тенденций формирующегося сегодня будущего методологически

сейчас более оправданно, чем заикливость на попытках объяснять возникающие неизвестные явления исключительно с помощью традиционных понятий. Несомненно, что за этапом принципиального размежевания между новыми и старыми подходами должен последовать этап синтеза нового и неизменного в современной международной жизни. Важно правильно определить соотношение национального и глобального факторов, новое место государства в мировом сообществе, соразмерить такие традиционные категории, как геополитика, национализм, сила, национальные интересы, с новыми транснациональными процессами и режимами. Государства, правильно определившие долгосрочную перспективу становления новой системы международных отношений, могут рассчитывать на большую эффективность своих усилий, а те, кто продолжает действовать исходя из традиционных представлений, рискуют оказаться в хвосте мирового прогресса.

Источники:

Цыганков П.А., *Теория международных отношений: Учеб. пособие.* – Москва, «Гардарики», 2002. – 590 с., стр. 167-173.

Современные международные отношения. Учебник / Под. ред. А.В. Торкунова. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с., с. 32-55.

Литература:

1. Буриан А., *Теория международных отношений: Курс лекций в 2-х т., Том 1. «Введение в теорию международных отношений».* - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.

2. Василенко И.А., *Политическая глобалистика, Учебное пособие.* - Москва, «Логос», 2000.

3. Гаджиев К.С., *Введение в политическую науку, Издание второе, переработанное и дополненное.* - Москва, «Логос», 2000.

4. Дугин А., *Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством.* Изд. 3-е, дополн. - Москва, «АРКТОГЕЯ-центр», 1999.

5. *История политических и правовых учений.* / Под ред. О.Э.Лейста. - Москва, «Юридическая литература», 1997.

6. *История европейской интеграции (1945-1994)*/ Под ред. А.С.Намазовой, Б.Эмерсон. - М.: ИВИ РАН, 1995.

7. Кальвокоресси Питер, *Мировая политика после 1945 года: В двух книгах.* – Москва, «Международные отношения», 2000.

8. Ломагин Н.А., Лисовский А.В., Сутьрин С.Ф., Павлов А.Ю., Кузнецов В.Е., *Введение в теорию международных отношений и анализ*

внешней политики. Учебное пособие. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001.

9. Панарин А.С., *Глобальное прогнозирование*. – Москва, «Алгоритм», 2000.

10. Тойнби А., *Цивилизация перед судом истории*. – Москва, «Прогресс», 1995.

11. Фокуяма Ф., *Конец истории?* // «Вопросы философии», 1990, № 3.

12. Хантингтон Сэмюел П., *Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка* // Библиотека публикаций Московского Центра Карнеги, „Pro et Contra”, Том 2, Весна 1997.

13. Burian, Alexandru, *Geopolitica lumii contemporane, Manual: pentru facultățile de drept și de relații internaționale a universităților*. - Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.

14. Gilpin, Robert, *War and Change in World Politics*, Cambridge University Press, 1997.

15. Hobsbawm, Eric, *O istorie a secolului XX, Era extremelor, 1914-1991, Traducere din engleză de Liliana Ionescu*, Chișinău, Editura “Cartier”, 1999.

16. Hoffmann, Stanley, *Ianus și Minerva, Eseuri asupra teoriei și practicii politicii internaționale* / Traducere de Robert Butaru, Chișinău, Editura „Știința”, 1999.

17. Huntington, Samuel P., *Ordinea politică a societăților în schimbare* / Trad. de Horațiu Stamatini, Iași, Editura POLIROM, 1999.

18. Keohane, R., *International Institutions and State Power: Essays in International Theory*, Boulder, 1989.

19. Keohane, Robert O. and Nye, Joseph S., *Power and Interdependence: World Politics in Transition*, Boston, 1977.

20. Morgenthau, Hans, *Escritos sobre politica internacional*. Con estudio preliminar de Esther Barbe, Tecnos, Madrid, 1990.

21. Ortiz, Eduardo, *El estudio de las Relaciones Internacionales*, Fondo de Cultura Economica, Santiago de Chile, 2000.

22. Tredinnick, Felipe, *Derecho internacional publico y relaciones internacionales*, Tercera edicion, Editorial "Los amigos del libro", La Paz-Cochabamba, Bolivia, 1997.

23. Vasquez, John, *The War Puzzle*, Cambridge University Press, 1997.

24. Vedula Kubalkova and Albert Cruickshank, *Marxism and International Relations*, Clarendon Press, Oxford, 1985.

25. Viotti, Paul R.; Kauppi, Mark V., *International relations theory: Realism, Pluralism, Globalism, and Beyond*. – 3rd ed., Allyn and Bacon, Boston, 1998.

26. Wight, Martin, *Politica de putere*, Chișinău, Editura ARC, 1998.

Библиография

1. Абаренков В.П., *Политика США в области контроля над вооружениями*. – Москва, «Наука», 1987.
2. Авксеньтев В.А., *Этническая конфликтология: В 2 ч.* – Ставрополь, 1996.
3. Авторханов А., *Загадка смерти Сталина*. — Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1976.
4. Авторханов А., *Загадка смерти Сталина*. – Москва, «СП Слово», 1992.
5. Авторханов А., *Происхождение партократии*. — Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1973.
6. Аджубей А., *Те десять лет*. – Москва, «Советская Россия», 1989.
7. Аксютин Ю., *Послевоенные надежды* // «Родина», 1993, № 12.
8. Алданов М., *Мата Хари* // «Совершенно секретно», № 12, 1992.
9. Алиев С.М., *Современное исламское возрождение и его особенности (на примере Ирана и Турции)* / Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). – Москва, Институт Востоковедения РАН, «Крафт+», 2001.
10. Аллилуева, С., *Только один год*. - New York, Harper & Row, 1970.
11. Аллилуева, С., *Только один год*. – Москва, «Книга», 1990.
12. Аллилуева, С., *Двадцать писем к другу*. - New York, Harper & Row, 1968.
13. Аллилуева, С., *Двадцать писем к другу*. – Москва, «Известия», 1990.
14. Альперович М.С., Слезкин Л.Ю., *Образование независимых государств в Латинской Америке*. - Москва, 1966.

15. Альперович М.С., Слёзкин Л.Ю., *История Латинской Америки (с древнейших времен)*. – Москва, «Высшая школа», 1981.
16. Андреев В. И., *Конфликтология (Искусство спора, ведения переговоров, разрешения конфликтов)*. – Москва, 1995.
17. Андреев Ю. В., *Цена свободы и гармонии*. – СПб., «Алетейя», 1999.
18. Анискевич А. С., *Политический конфликт*. – Владивосток, 1994.
19. Антонов-Овсенко А., *Портрет тирана*. — Нью-Йорк, «Хроника», 1980.
20. Антонов-Овсенко А., *Театр Иосифа Сталина*. – Москва, «Грегори-Пэйдж», 1995.
21. Анцупов А.Я., Шипилов А.И., *Конфликтология: теория, история, библиография*. – Москва, 1996.
22. Анфилов В.А., *Провал «блицкрига»*. — Москва, «Наука», 1974.
23. Арабаджян А.З., *Относительно так называемой неотделимости ислама от политики (концепция и практика) / Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии)*. – Москва, Институт Востоковедения РАН, «Крафт+», 2001.
24. Арбатов А., *Военно-стратегический паритет и политика США*. – Москва, Политиздат, 1984.
25. Арбатова Н., *Уроки Югославии для России и Запада // «Мировая экономика и международные отношения», № 2, 1995.*
26. Арин О.А. (Алиев Р.Ш.), *Россия: ни шагу вперед*. – Москва, Изд-во Эксмо, 2003.
27. Аристотель, *Политика*. // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. – Москва, «Мысль», 1984.
28. Аристотель, *Политика. Афинская полития*. – Москва, «Мысль», 1997.
29. Аристотель, *Политика*. – Электронная библиотека Егора Холмогорова (<http://www.holrnogorov.rossia.oig:8101/libr/aristotel/>).
30. Арон Раймон, *Мир и война между народами*. / Под общей ред. Канд. полит. наук Даниленко В. И. – Москва, «NOTA BENE», 2000.
31. Арриан, *Поход Александра*. – СПб., Алетейя, 1993.
32. Арсеньев Э.А., *Франция: проблемы и политика. Очерки о социально-политической жизни*. – Москва, Политиздат, 1978.

33. Арцибасов И.Н., Егоров С.А., *Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия.* - Москва, 1989.
34. Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М., *Глазами маршала и дипломата.* - Москва, «Международные отношения», 1992.
35. Бабосов Е.М., *Конфликтология.* - Москва, 1997.
36. Бабурин С.Н., *Российский путь: становление российской геополитики накануне XXI в.* – Москва, АНКО, 1995.
37. Баграмян И.Х., *Так начиналась война.* — Москва, «Воениздат», 1971.
38. *Багратион в Дунайских княжествах: Сборник документов.* / Составители Н.В.Березняков и В.А.Богданова. – Кишинев, Госиздат, 1949.
39. Бажанов Б., *Воспоминания бывшего секретаря Сталина.* — Париж, «Третья волна», 1980.
40. Бажанов Б., *Воспоминания бывшего секретаря Сталина.* – Москва, «СП Софинта», 1990.
41. Бажанов Б., *Воспоминания бывшего секретаря Сталина.* – Москва, НП «III тысячелетие», 2002.
42. *Бандформирования всех стран Мира*/Автор-сост. Н.Н.Макарова. – Минск, «Литература», 1997.
43. Баранец В., *Ельцин и его генералы: Записки полковника Генштаба.* - Коллекция “Совершенно секретно”, Москва, 1997.
44. Баррон, *КГБ сегодня.* – Спб., «Петрополис», 1992.
45. Бархатов А., *Генерал Лебедь или моя лебединая песня.* - Москва, Издательство “Политбюро”, 1998.
46. Барышников Н., *Советско-финляндская война 1939-1940 гг.* // «Новая и новейшая история», № 4, 1989.
47. Батовски Х., *Утечки информации о тайном (секретном) протоколе 23 августа 1939 года* // «Радуга», № 8, 1989.
48. Бебутов Д. И., *Русское масонство XX века.* В кн.: Николаевский Б.И. *Русские масоны и революция.* — Москва, «Терра», 1990, с. 131—134.
49. Бейкер Дж., *История географических открытий и исследований.* — Москва, Изд. Иностран. литературы, 1950.
50. Белкин А.С., *Конфликтология: наука гармонии.* - Екатеринбург, 1995.
51. Белокреницкий В.Я., *Мусульманские страны к югу от СНГ: геодемография и геополитика XXI века / Ислам и политика (взаимодействие ислама и политика в странах Ближнего и Среднего*

Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). - Москва, Институт востоковедения РАН, «Крафт+», 2001.

52. Бердяев Н., *Смысл истории*. – Москва, «Мысль», 1990.

53. Бердяев Н. А., *Судьба России (1918)*. - Москва, Изд-во МГУ, 1990.

54. Бердяев Н.А., *Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России*. – Москва, ООО «Издательство В.Шевчук», 2000.

55. Бережков В.М., *Годы дипломатической службы (на молдавском языке)*. – Кишинев, «Карта Молдовенеаскэ», 1979.

56. Бережков В.М., *Страницы дипломатической истории. 4-е изд.* – Москва, «Международные отношения», 1987.

57. Берия, С.Л., *Мой отец Лаврентий Берия*. – Москва, «Современник», 1994.

58. Берия, С., *Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти / Пер. с фр. Н.М.Стамбулян*. – Москва, «Олма-пресс», 2002.

59. Бернар Жакье, *Международные отношения. Том 1. Субъекты международной системы: Учебное пособие*. - Нижний Новгород, Пресс Юниверситер де Гренобль, Издательство Нижегородского госуниверситета им. Н.И.Лобачевского, 1997.

60. Бестужев И.В., *Крымская война*. – Издательство АН СССР, 1956.

61. Бжезинский З., *Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы*. - Москва, «Международные отношения», 1998.

62. Бжезинский З., *Преждевременное партнерство // «Политические исследования», № 1, 1994.*

63. Бжезинский З., *Геостратегия для Евразии // «Независимая газета», 24.10.1997.*

64. Бланк А.С., *Старый и новый фашизм*. – Москва, Политиздат, 1982.

65. Бланке У., *Заграничная служба США*. - Москва, 1974.

66. Блищенко И.П., Дурденевский В.Н., *Дипломатическое и консульское право*. - Москва, Издательство «Международные отношения», 1962.

67. Блищенко И.П., *Дипломатическое право*, Издание 2-е, переработанное и дополненное. - Москва, «Высшая школа», 1990.

68. Блищенко И.П., *Прецеденты в международном праве*. - Москва, «Международные отношения», 1977.

69. Блищенко И.П., *Обычное оружие и международное право*. – Москва, «Международные отношения», 1984.
70. Блищенко И.П., Жданов Н.В., *Международно-правовая борьба с терроризмом*//«Правоведение», 1975, № 1.
71. Блищенко И.П., Жданов Н.В., *Сотрудничество государств в борьбе против террористических актов международного характера* //«Советское государство и право», 1981, № 8.
72. Бобков Ф.Д., *КГБ и власть*. – Москва, «Новости», 1995.
73. Бобылев П. Н., *К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году?* // «Новая и новейшая история», 1995, № 6.
74. Бовин А.Е., *Мирное сосуществование: История, теория, политика*. – Москва, «Международные отношения», 1988.
75. Богатурия А.Д., *Великие державы на Тихом океане*. – Москва, 1997.
76. Богданов О.В., *Запрещение оружия массового уничтожения: Международно-правовые проблемы*. – Москва, «Международные отношения», 1985.
77. Богданов Р.Г., *Ядерное безумие в ранге государственной политики*. – Москва, Политиздат, 1984.
78. Бодар Л., *Тень Мао*. – Москва, «Прогресс», Смоленск, «Русич», 1996.
79. Бокшанин А., *История международных отношений и дипломатии в древнем мире*. – Москва, 1948.
80. Болдин В.И., *Крушение пьедестала: Штрихи к портрету М.С.Горбачева*. – Москва, «Республика», 1995.
81. Болховитинов Н.Н., *Доктрина Монро*. - Москва, 1959.
82. *Большой энциклопедический словарь*, В 2-х томах. - Москва, 1991.
83. Браг Р., *Европа. Римский путь*. – Москва, «Аллегро-Пресс», 1995.
84. Бреннан Д. Х., *Окультный рейх*. — «Тайны тысячелетий» (Сборник), Издательский дом «Всемирный следопыт», 1997, с. 226—262.
85. Бреннан Д. Х., *Черная магия Адольфа Гитлера*. — Библиотека газеты «Развитие», 1992, с. 3—80.
86. Бродель Ф., *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. (XV-XVIII вв.)*, том 3. - Москва, «Прогресс», 1992.
87. Бродель Ф., *Время мира*. – Москва, «Прогресс», 1998.

88. Бройнинг Г., *Руководство по ведению переговоров*. - Москва, 1996.
89. Броунли Я., *Международное право, (В двух книгах)*. - Москва, Издательство "Прогресс", 1977.
90. Брукан С., *Плюрализм и социальные конфликты*. - Москва, 1990.
91. Будыко М.И., *Загадки истории*. - СПб., «Наука», 1995.
92. Булгаков М. А., *Белая Гвардия*. – Баку, «Моариф», 1988.
93. Бунич Игорь, *Золото партии*. – Киев, «А.С.К.», Санкт-Петербург, «Облик», 1998.
94. Бурдые П., *Социология политики*. – Москва, «Прогресс», 1993.
95. Бурлацкий Ф.М., *Мао Цзэдун и его наследники*. – Москва, «Международные отношения», 1979.
96. Бурлацкий Ф.М., *Некоторые вопросы теории международных отношений // Советская ассоциация политических наук: Государство и общество. Ежегодник*. - Москва, «Наука», 1985.
97. Бурлацкий Ф., *После Сталина // «Новый мир»*, 1988, № 10.
98. Буриан А., *Введение в дипломатическую практику: (Учебник для юридических факультетов: перевод с румынского Н.Н. Чукановой)*. - Кишинев, Издательство „ARC”, 2001.
99. Буриан А., *Теория международных отношений: Курс лекций в 2-х т., Том 1. «Введение в теорию международных отношений»*. - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.
100. Буриан А., *Теория международных отношений: Курс лекций в 2-х т., Том 2. «Внешняя политика и международные отношения»*. - Кишинев, Издат. Центр МГУ, 2003.
101. Буриан А., *Введение в теорию международных отношений (Изд. 2-е, дополн. и переработанное.)* - Chişinău., CEP USM, 2005.
102. Буриан А., *Международные отношения, внешняя политика и дипломатия (Курс лекций)*. Изд. 2-е, перераб. и доп. - Chişinău., CEP USM, 2005.
103. Буриан А., *Введение в теорию международных отношений (Изд. 3-е, дополн. и переработанное.)* - Chişinău., CEP USM, 2008.

104. Буриан А., *Международные отношения, внешняя политика и дипломатия* (Курс лекций). Изд. 3-е, перераб. и доп. - Chişinău., CEP USM, 2008.
105. Буриан А., *Теория международных отношений*. (Курс лекций). Изд. 3-е, перераб. и доп. - Chişinău., CEP USM, 2008.
106. Буриан А., *Внешняя политика Республики Молдова: реальности и перспективы* // «Республика», июнь 1993 г.
107. Буриан А., *В Страсбуре для Молдовы пока все только начинается* // «Независимая Молдова», 17.07.1993
108. Буриан А., *Геополитические ориентиры молдавской государственности* // «Белорусский журнал международного права и международных отношений», № 3, 2003.
109. Буриан А., *Геополитические ориентиры молдавско-российских дипломатических отношений* // „Молдова – Россия: 10 лет дипломатических отношений (достижения, проблемы, перспективы): Материалы международной конференции. Кишинев, 28-29 марта 2002 г.”, Кишинев, ARISDIP, 2002.
110. Буриан А., *Геополитические перспективы молдавской государственности* // «Res Publica», 01.01.1999.
111. Буриан А., *Геополитические перспективы молдавской государственности* // «Плай Натал», 17.12.1999.
112. Буриан А., *Дипломатические и консульские привилегии и иммунитеты* // «Закон и жизнь», № 4, 2002.
113. Буриан А., *Дипломаты открывают ворота в мир, коммерсанты в них входят* // «Экономическое обозрение», 1995, № 13.
114. Буриан А., *Защита прав человека: внутригосударственный механизм* // «Судебная защита прав человека: национальный и европейский опыт»: Материалы научно-теоретической конференции (Одесса, 09.11.2001), Одесса, «Юридична литература», 2002.
115. Буриан А., *Концепции внешней политики у нас нет* // «Кишиневские новости», 27.08.1999.
116. Буриан А., *Кто мы, где мы, и с кем? Геополитические перспективы развития Республики Молдова* // «Независимая Молдова», 05.02.1999.
117. Буриан А., *Молдавская государственность: президентская или парламентская республика?* // «Независимая Молдова», 12.02.1999.

118. Буриан А., *Молдавская экономика: Восток или Запад? Внешнеэкономические перспективы Республики Молдова* // «Независимая Молдова», 26.03.1999.

119. Буриан А., *Международные конференции и дипломатия ad hoc* // «Закон и жизнь», № 5, 2002.

120. Буриан А., *Международные конференции и дипломатия ad hoc: понятия, структура, правовой режим* // «Белорусский журнал международного права и международных отношений», № 2, 2002.

121. Буриан А., *Международные организации и дипломатическая деятельность* // «Закон и жизнь», № 6, 2002.

122. Буриан А., *Международно-правовая защита прав ребенка во время вооруженных конфликтов* // «Международно-правовая защита прав ребенка»: Материалы научно-теоретической международной конференции (Одесса, 21.09.2001), Одесса, «Юридична литература», 2002.

123. Буриан А., *Международно-правовые аспекты регулирования глобального информационного обмена* // «Информационные технологии - 2002» (ВИТ+): Материалы научно-теоретической международной конференции (Кишинев, 11.04.2002 г.), Кишинев, 2002.

124. Буриан А., *Нужна ли Молдове своя «кузница» по подготовке дипломатов?* // «Кишиневские новости», 31.08.2001.

125. Буриан А., *Основные требования дипломатического протокола и церемониала* // «Закон и жизнь», № 7, 2002.

126. Буриан А., *Правовой режим дипломатических представительств* // «Закон и жизнь», № 1, 2002.

127. Буриан А., *Правовой режим консульских учреждений* // «Закон и жизнь», № 3, 2002.

128. Буриан А., *С точки зрения права и здравого смысла* // «Советская Молдавия», 16.06.1989 г.

129. Буриан А., *Содружество открывает широкие перспективы* // «Независимая Молдова», 10.05.1996.

130. Буриан А., *Особенности дипломатической службы в Республике Молдова* // «Актуальні проблеми політики». Збірник наукових праць. Випуск 16. / Голов. Ред. С.В.Ківалов. Відп. за вип. Л.І.Кормич.– Одеса, «Юридична література», 2003.

131. Буриан А., Барбу В., *Европейское космическое Агентство: цели, функции, правовой статус* // «Закон и жизнь», № 8, 2002.

132. Буриан А., Барбу В., *Правовой статус международной космической станции* // «Закон и жизнь», № 4, 2002.

133. Буриан А., Пелипецкая К., *Космическая деятельность и охрана окружающей среды* // „Aspecte juridice ale societății civile: realități și perspective: Materiale ale conf. teoretico-științifice internaționale, 26-27 februarie 2003”/ red. șt. Gh. Costachi. – Chișinău, F.E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.

134. Буриан А., Негру К., *Источники международного права окружающей среды* // „Aspecte juridice ale societății civile: realități și perspective: Materiale ale conf. teoretico-științifice internaționale, 26-27 februarie 2003”/ red. șt. Gh. Costachi. – Chișinău, F.E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.

135. Буриан А., Думбрэвяну А., *Виды территории в международном публичном праве* // „Aspecte juridice ale societății civile: realități și perspective: Materiale ale conf. teoretico-științifice internaționale, 26-27 februarie 2003”/ red. șt. Gh. Costachi. – Chișinău, F.E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.

136. Бурьян А.Д., *Международно-правовые аспекты борьбы Советского Союза против гонки вооружений в космическом пространстве* // Автореферат дисс. канд. юрид. наук. - М., ИГПАН, 1987.

137. Бурьян А.Д., *Проблема толкования действующих принципов и норм международного права, ограничивающих военное использование космоса* // «Труды X научных чтений по космонавтике, посвященных памяти выдающихся советских ученых - пионеров освоения космического пространства (28-31 января 1986 г.): Проблемы космического права». – Москва, ИИЕТ АН СССР, 1986.

138. Бурьян А.Д., *Программа «звездных войн»: Противоправность СОВ и толкование Договора по ПРО Соединенными Штатами Америки* // «Коммунист Таджикистана», № 11, 1987.

139. Бухарин Н., *Времена*. – Москва, «Прогресс. Культура», 1994.

140. Бушков А., *Россия, которой не было*. — Москва, «ОЛМА-ПРЕСС», 1997.

141. Бушков А. А., Буровский А.М., *Россия, которой не было-2. Русская Атлантида: Историческое расследование*. – Красноярск, «БОНУС»; Москва, «Олма-Пресс», 2000.

142. Бушуев С. В., *История государства Российского: Историко-библиографические очерки.* - Москва, «Книжная полка», 1994.
143. Бэкон Ф., *Сочинения в 2-х т.* - Москва, «Мысль», 1978.
144. Бэр Э., *Целуй руку, которую не можешь укусить.* //«Иностранная литература», № 4, 1992.
145. Вавилов Н.И., *Пять континентов.* — Москва, Гос. изд-во географич. лит., 1962.
146. Вандам (Едрихин) А.Е., *Геополитика и геостратегия.* – Жуковский-Москва, Издательство «Кучково поле», 2002.
147. Варакин А., Зданович Л., *Тайны исчезнувших цивилизаций.* – Москва, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001.
148. Василевская Э.Г., *Правовой статус природных ресурсов Луны и планет.* – Москва, «Наука», 1978.
149. Василевский А.М., *Дело всей жизни.*— Москва, «Политиздат», 1973.
150. Василенко И.А., *Диалог культур, диалог цивилизаций* // «Вестник РАН», 1996, Т. 66, №5.
151. Василенко И.А., *Православная этика и российская цивилизация* // «Новая Россия», 1999, № 1.
152. Василенко И.А., *Политическая глобалистика, Учебное пособие.* - Москва, «Логос», 2000.
153. Васильев В.П., *Религии Востока. Конфуцианство, буддизм, даосизм.* – Спб., 1873.
154. Васильева Н.Н., *Дети Кремля.* – Москва, Информационное Содружество «Атлантида», ООО «Издательство АСТ», 1996.
155. Вебер М., *Избранное. Образ общества.* – Москва, «Юрист», 1994.
156. Велидов А.С., *Похождения террориста: Одиссея Якова Блюмкина.* – Москва, «Современник», 1998.
157. Величко Ф.К., *Астрологическая дуэль Гитлер – Черчилль* // Журн. «Гермес (Альманах по истории тайных наук)», № 1, 1992.
158. Вельяминов Г.М., *Порядок урегулирования споров во Всемирной торговой организации* //«Московский журнал международного права», 1999, № 1.
159. Верещетин В.С., *Международное сотрудничество в космосе. Правовые вопросы.* – Москва, «Наука», 1977.
160. Ветвер А.А., *Политическая и экономическая география зарубежных стран.* - Ленинград, 1983.

161. Виноградов В.Н., *Россия и объединение румынских княжеств*. - Москва, 1961.
162. Виноградов С.В., *Международное право и охрана атмосферы*. - Москва, «Наука», 1987.
163. Винокуров И. В., Гуртовой Г. К., *Психотронная война, от мифов — к реалиям*. — Москва, «Мистерия», 1993.
164. Витюк В.В., *О понятии «международный терроризм» // «Социологические исследования», 1982, № 2.*
165. Владимиров П.П., *Особый район Китая*. - Москва, АПН, 1974.
166. *Внешняя политика и дипломатия зарубежных стран*. - Москва, 1981.
167. *Внешняя политика стран Африки*. - Москва, 1981.
168. *Внешняя политика стран Азии*. - Москва, 1983.
169. *Внешняя политика стран Ближнего и Среднего Востока*. - Москва, 1984.
170. *Внешняя политика стран Латинской Америки*. - Москва, 1982.
171. Вознесенский Н.А., *Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны*.— Москва, «Госполитиздат», 1947.
172. Волков, Эдуард, *Политический штекеризм в Молдове (Зарисовки и анализ политического ландшафта РМ: 1996-1998)*. - Chişinău, 1999.
173. Волкогонов, Д., *Триумф и трагедия. Политический портрет И.В.Сталина*. В 2-х книгах. - Москва, Издательство АПН, 1989.
174. Волкогонов, Д., *Семь вождей*. - Москва, «Новости», 1996.
175. Вольтон Т., *КГБ во Франции / Пер. с фр. В.А.Богомолова*. - Москва, «Центрполиграф», 2000.
176. Вольф Маркус, *Игра на чужом поле*. - Москва, «Международные отношения», 1998.
177. *Вооруженные силы в политической системе: Сборник статей / Отв.ред. В.Е.Чиркин*. - Москва, «Наука», 1981.
178. Воронков Л.С., *Западные центры по исследованию проблем мира / Общественность и проблемы войны и мира*. - Москва, «Международные отношения», 1978.
179. Воротников В.И., *А было это так...: Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС*. - Москва, Совет ветеранов книгоиздания, 1995.

180. Воскресенская З.И., *Теперь я могу сказать правду.* – Москва, «Республика», 1993.
181. Гаджиев К.С., *Перспективы российской государственности* // «Вопросы философии», 1994, № 9.
182. Гаджиев К.С., *Геополитика.* – Москва, «Международные отношения», 1997.
183. Гаджиев К.С., *Введение в геополитику.* – Москва, «Логос», 1998.
184. Гаджиев К.С., *Введение в геополитику.* Издание второе, переработанное и дополненное. – Москва, «Логос», 2000.
185. Гаджиев К.С., *Введение в политическую науку,* Издание второе, переработанное и дополненное. – Москва, «Логос», 2000.
186. Галицкий К.Н., *Годы суровых испытаний.*— Москва, «Наука», 1973.
187. Гальдер Ф., *Военный дневник: Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. 1939-1942. В 3 т. / Пер. с нем.* — Москва, «Воениздат», 1968-1971.
188. Гасанов Р., *Шпионаж и бизнес.* – Москва, 1993.
189. Гачев Г., *Национальные образы мира.* – Москва, Академия, 1998.
190. Ганюшкин Б.В., *Дипломатическое право международных организаций.* – Москва, «Международные отношения», 1972.
191. Геббельс Й., *Дневники 1945 года. Последние записи*/Пер. с нем. – Смоленск, «Русич», 1993.
192. Гейден Г., *Критика немецкой геополитики.* – Москва, 1960.
193. Гелнер Э., *Нации и национализм.* – Москва, «Прогресс», 1991.
194. Генон Р., *Кризис современного мира.* – Москва, «Алтейя», 1991.
195. *Геополитические и геоэкономические проблемы России.* – Санкт-Петербург, 1995.
196. Герасимов И.П., *География войны и мира: задачи географов в борьбе за всеобщий мир* // Известия АН СССР. Серия «География», 1985, № 6.
197. Гердер И.Г., *Идеи к философии истории человечества.* – Москва, «Наука», 1977.
198. Геродот, *История.* – Ленинград, «Наука», Ленинградское отделение, 1972.

199. Гиляров Е.М., Конфликтология. - Москва, 1995.
200. Гитлер А., *Моя борьба*. — Москва, «Т-Око», 1992.
201. Гладкий Ю., *Глобалистика: трудный путь становления* // «Мировая экономика и международные отношения», № 10, 1994.
202. Глинкин А.Н., *Дипломатия Симона Боливара*. - Москва, «Международные отношения», 1991.
203. Глухова А.В., *Типология политических конфликтов*. - Воронеж, 1997.
204. Гнетушев Н.А., *Гонка вооружений и проблемы развития освободившихся стран*. – Москва, «Наука», 1985.
205. Гомер, *Одиссея*. - Москва, «Художественная литература», 1967.
206. *Гонка вооружений: Причины, тенденции, пути прекращения*. / Отв.ред. А.Д.Никонов. – Москва, «Международные отношения», 1986.
207. Горбатов А.В., *Годы и войны*.— Москва, «Воениздат», 1965.
208. Горбачев М.С., *Размышления о прошлом и будущем*. – Москва, «Тerra», 1998.
209. Горбачева Р.М., *Я надеюсь...* - Москва, «Книга», 1991.
210. Горнов М.Ф., Ткаченко В.Г., *Латинская Америка: опыт народных коалиций и классовая борьба*. – Москва, Политиздат, 1981.
211. Горшков С.Г., *Морская мощь государства*. – Москва, «Воениздат», 1976.
212. Горянов С., *Операция «Особняк»* // «Неделя», 1997, № 22.
213. Гостев А.А., *Эволюция сознания в разрешении глобальных конфликтов*. - Москва, 1993.
214. *Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?* / Сост. В.А. Невезжин. – Москва, АИРО-XX, 1995.
215. Гражуль В.С., *Тайны галантного века*. – Москва, «Гея», 1997.
216. Грановский Т. Н., *Лекции по истории средневековья*. - Москва, «Наука», 1987.
217. Гревс, *Тайны германского военного министерства*. – Петроград, 1915.
218. Грей Я., *Сталин. Личность в истории*; Троцкий Л., *Сталин*. / Пер. с англ. С.А.Некипелова, В.В.Ходорченко и др. – Москва, «ИнтерДайджест», 1995.

219. Грекова Т., *У истоков психотронного оружия*. — газета «НЛО», № 46, ноябрь-декабрь 1997, с. 20.
220. Грибков А.И., *Операция «Анадырь»*. - Москва, 1999.
221. Григорьев О.В., *Внутренняя геоэкономика современной России* // «Бизнес и общество», № 1, 1997.
222. Григулевич И. Р., *Франсиско де Миранда и борьба за независимость испанской Америки*. - Москва, 1976.
223. Гриневский О., *Тайны советской дипломатии*. - Москва, Издательство «Вагриус», 2000.
224. Гриневский О., *Сценарий для третьей мировой войны. Как Израиль чуть не стал еепричиной*. – Москва, «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2002.
225. Громова О.Н., *Конфликтология*. - Москва, 1993.
226. Громыко А.А., *Памятное: В 2-х книгах*. – Москва, Политиздат, 1988.
227. Громыко А.А., *О гласности теперь и скрытности тогда* // «Известия», 15.04.1989.
228. Громыко Анатолий, *Внешняя политика США: уроки и действительность. 60-70-е годы*. – Москва, «Международные отношения», 1978.
229. Громыко Анат. А., Кокошин А.А., *Братья Кеннеди*. – Москва, «Мысль», 1985.
230. Гросул Г.С., *Дунайские княжества в политике России 1774-1806*. - Кишинев, 1975.
231. Гроций Г., *О праве войны и мира*. - Москва, Госюриздат, 1956.
232. Гудериан Г., *Воспоминания солдата / Пер. с нем.* — Смоленск, «Русич», 1998.
233. Гудожник Г.С., Елисеева В.С., *Глобальные проблемы в истории человечества*. – Москва, «Мысль», 1989.
234. Гуль, Р., *Красные маршалы*. – Москва, «Молодая гвардия», 1990.
235. Гулыга А., *Эстетика истории*. - Москва, «Наука», 1974.
236. Гумилев Л.Н., *Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации*. – Москва, «Экопрос», «Прогресс», 1992.
237. Гумилев Л.Н., *Ритмы Евразии*. – Москва, «Прогресс», 1993.
238. Гумилев Л.Н., *От Руси до России: очерки этнической истории*. - Москва, ООО «Издательство В.Шевчук», 2000.

239. Гэлбрейт Дж., *Новое индустриальное общество*. – Москва, «Прогресс», 1969.
240. Даллес А., *Искусство разведки*. – Москва, 1964.
241. Даллес Аллен, *ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа*. – Москва, Центрполиграф, 2000.
242. Дайсон Ф., *Оружие и надежда*. - Москва, 1989.
243. Данилевский Н.Я., *Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к Германо-Романскому*. - С-Пб., Н.Стахова, 1895.
244. Данилевский Н.Я., *Россия и Европа*. — Москва, «Книга», 1991.
245. Данилевский Н.Я., *Россия и Европа*. – Спб., «Глаголь», 1995.
246. Данилов В.И., *Религия и политика в мусульманском обществе. Опыт Турции / Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии)*. - Москва, Институт востоковедения РАН, «Крафт+», 2001.
247. Де Ваттель Э., *Право народов, или принципы естественного права, применяемые к поведению людей и делам наций и суверенов*. - Москва, Госюриздат, 1960.
248. Дебидур А., *Дипломатическая история Европы, Священный Союз от Венского до Берлинского Конгресса, Перевод с французского, 1814-1878*, В двух томах. - Ростов-на-Дону. 1995.
249. *Действующее международное право*, В 3-х томах. - Москва, 1996-1997.
250. Дементьев И.П., *Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.)*. - Москва, 1973.
251. Денисов В.Н., *Системы права развивающихся стран*. – Киев, «Наукова Думка», 1978.
252. Дергачев В.А., *Евразийские рубежи войны и мира*. — Одесса, «Судоходство», 1996.
253. Дергачев В.А., *Раскаленные рубежи*. — Одесса, «Астропринт», 1998.
254. Дергачев В.А., *Геополитика*. - Киев, «Вира-Р», 2000.
255. Джеффри Т. Ричелсон, *История шпионажа XX века*. - Москва, Издательство «ЭКСМО-Пресс», 2000.
256. Диль Шарль, *Основные проблемы византийской истории*. - Москва, Издательство иностранной литературы, 1947.

257. *Дипломатический словарь, В трех томах.* - Москва, 1984-1986.
258. Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев С. В., *Введение в общую теорию конфликтов.* - Москва, 1993.
259. Дмитриев А. В., Кудрявцев В.Н., *Введение в общую теорию конфликтов. 2-е изд.* - Москва, 1998.
260. Дмитриев А.В., *Этнический конфликт: теория и практика.* - Москва, 1998.
261. Дмитриев А.В., *Конфликтология: учебное пособие.* - Москва, «Гардарики», 2001.
262. Дмитричев Т.Ф., *Женевская конференция по разоружению.* – Москва, «Наука», 1987.
263. Добрынин А., *Сугубо доверительно.* – Москва, «Автор», 1996.
264. *Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937-1939. В 2-х т.* – Москва, Политиздат, 1981.
265. *Документы по истории мюнхенского сговора. 1937-1939.* / М-во иностр. дел СССР, М-во иностр. дел ЧССР. – Москва, Политиздат, 1979.
266. Докучаев А., *100-дневный ядерный кризис* // «Красная звезда», 6 ноября 1992.
267. Донелли Игнатиус, *Атлантида: Мир до потопа*/Пер. с английского. – Самара, «АГНИ», 1998.
268. Донован Джеймс, *Незнакомцы на мосту. Дело полковника Абея*/Пер. с английского. - Москва, «Международные отношения»-МП «Улисс», 1992.
269. Дораш В., Петков А., *О внешнеполитическом курсе Молдовы* // «Независимая Молдова», 08.11.2001.
270. Доронин В., *Внешиеполитическая. Для внутреннего употребления. Некоторые советники президента пытаются подражать Бжезинскому?*//«De Facto», № 42, 20.11.2001.
271. Дроздов Ю., *Записки начальника нелегальной разведки.* – Москва, «Олма-Пресс», 2000.
272. Дружиловский С.Б., *О теории и практике исламского правления в странах Среднего Востока (Иран, Афганистан, Турция)* / Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). - Москва, Институт востоковедения РАН, «Крафт+», 2001.
273. Дубровский А., *Утверждение государственности – идея объединяющая нацию* // «Независимая Молдова», 12.09.2001.

274. Дугин А., *Конспирология (Наука о заговорах, тайных обществах и оккультной войне)*. — Москва, «Арктогея», 1992.
275. Дугин А., *Основы геополитики*. - Москва, Арктогея, 1997.
276. Дугин А., *Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством*. Изд. 3-е, дополн. - Москва, «АРКТОГЕЯ-центр», 1999.
277. Егорова Н. И., *Иранский кризис 1945—1946* // «Новая и новейшая история», 1994, № 3.
278. *Европа в международных отношениях. 1917-1939*. /Отв. Ред. А.О.Чубарьян. – Москва, «Наука», 1979.
279. Ельцин Б., *Исповедь на заданную тему*. – Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство; Бендеры, Бендерское издательско-полиграфическое предприятие “Полиграфист”, 1990.
280. Ельцин Б., *Записки президента*. – Москва, «Огонек», 1994.
281. Ерещенко М.Д., *Королевская диктатура в Румынии: 1938-1940*. – Москва, «Наука», 1979.
282. Ефимов Г., *Очерки по новой истории Китая*. – Москва, Госполитиздат, 1951.
283. Жданов Н.В., *Правовые аспекты борьбы с террористическими актами международного характера*/Автореф. Дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, МГИМО, 1975.
284. Жинкина И.Ю., *Стратегия безопасности России: проблемы формирования понятийного аппарата*. – Москва, Российский Научный Фонд, 1995.
285. Жуков Г.П., *Космос и мир. Международный мир и разоружение*. – Москва, «Наука», 1985.
286. Жуков Г.К., *Воспоминания и размышления*. — Москва, АПН, 1969.
287. Жуков Г.К., *Воспоминания и размышления*, В трех томах, Пятое издание. - Агентство Печати Новости, Москва, 1983.
288. Жуков Ю. Н., *Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах* // «Вопросы истории», 1995, № 1.
289. Зайцева О.Г., *Международные межправительственные организации*. – Москва, «Наука», 1983.
290. Залесский К.А., *Первая мировая война*. – Москва, «Вече», 2000.
291. Западов А.В., *Подвиг Антиоха Кантемира*. – Москва, «Советский писатель», 1988.

292. Зверев А.Г., *Записки министра.*— Москва, «Политиздат», 1973.
293. Здравомыслов А.Г., *Социология конфликта.* - Москва, 1994.
294. Здравомыслов А.Г., *Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве.* - Москва, 1996.
295. Зенькович Н., *Вожди на мушке. Теракты и инсценировки.* – Минск, «Полымя», 1996.
296. Зенькович Н.А., *Тайны уходящего века-2: Сенсации. Антисенсации. Суперсенсации.* – Москва, «ОЛМА-ПРЕСС», 1998.
297. Зенькович Н.А., *Вожди и сподвижники: Слежка. Оговоры, Травля.* - Москва, Издательство “Олма-Пресс”, 1999.
298. Зенькович Н.А., *Мальчики в розовых штанишках. Очень грустная книга.* – Москва, «Олма-пресс», 1999.
299. Зенькович Н.А., *Была такая страна... Очень личная книга.* - Москва, Издательство “Олма-Пресс”, 2000.
300. Зенькович Н.А., *В тени Кремля.* – Смоленск, «Русич», 2000.
301. Зенькович Н.А., *Веселые министры, депутаты и артисты.* – Москва, «Олма-пресс», 2002.
302. Зеркин Д.П., *Основы конфликтологии: Курс лекций.* - Ростов н/Д, 1998.
303. Зиновьев А.А., *На пути к сверхобществу.* – Москва, «Центрполиграф», 2000.
304. Зонова Л.М., *США: государство и аэрокосмический бизнес.* – Москва, «Наука», 1973.
305. Зорин В.А., *Основы дипломатической службы.* - Москва, 1977.
306. Зюганов Г.А., *География победы. Основы российской геополитики.* – Москва, 1998.
307. Иванов В. Д., *Русь изначальная. В 2 т.* - Москва, «Советская Россия», 1969.
308. Иванов В. Д., *Повести древних лет.* – Екатеринбург, Изд-во «Каменный пояс», 1993.
309. Иванов В. Ф., *Православный мир и масонство.* — Харбин, 1935.
310. Иванов М.И., *Рост милитаризма в Японии.* – Москва, Воениздат, 1982.

311. Ивашов Л.Г., *Россия или Московия?: Геополитическое измерение национальной безопасности России.* – Москва, Изд-во Эксмо, 2002.
312. Ильин И., *О грядущей России.* – Москва, Воениздат, 1993.
313. Илюхина Р.М., *Лига Наций. 1919-1934.* – Москва, 1982.
314. Иойрыш А.И., *Правовые проблемы мирного использования атомной энергии.* – Москва, «Наука», 1979.
315. Иойрыш А.И., *Научно-технический прогресс и новые проблемы права.* – Москва, «Международные отношения», 1981.
316. Ионов И. Н., *Российская цивилизация.* – Москва, «Мирос», 1998.
317. Ипполитов К.Х., *Экономическая безопасность: стратегия возрождения России.* – Москва, 1996.
318. Ипполитов К.Х., *Идеология национальной безопасности.* – Москва, 1997.
319. Исаченко И.И., *Тупики космической гонки.* – Москва, «Мысль», 1989.
320. Израэлян В.Л., *Организация Объединенных Наций и разоружение.* – Москва, 1981.
321. Израэлян В.Л., *Дипломаты лицом к лицу.* – Москва, «Международные отношения», 1990.
322. *Исторические и политико-правовые аспекты грузино-осетинского конфликта и основные пути его урегулирования.* – Тбилиси, «САМШОБЛО», 1992.
323. *История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. В 6 т.*— Москва, «Воениздат», 1960—1965.
324. *История внешней политики и дипломатии США (1775-1877).* – Москва, 1980.
325. *История второй мировой войны (1939-1945). В 12т.*— Москва, «Воениздат», 1973-1982.
326. *История дипломатии, В 3-х т.* – Москва-Ленинград, 1941-1945.
327. *История дипломатии, В 5 т.* – Москва, 1959-1979.
328. *История европейской интеграции (1945-1994).* Под ред. А. С. Намазовой, Б. Эмерсон. – Москва, ИВИ РАН, 1995.
329. *История международных отношений и дипломатии в древнем мире.* – Москва, 1945.
330. *История папства и инквизиции.* – Москва, 1959.

331. *История политических и правовых учений.* / Под ред. О.Э.Лейста. - Москва, «Юридическая литература», 1997.
332. *История политических и правовых учений. Средние века и возрождение.* - Москва, 1986.
333. *История Польши. Т. 1-2.* - Москва, «Политиздат», 1956.
334. *История Украинской ССР. Т. 1-2.* - Киев, «Наукова думка», 1982.
335. *Итоги и задачи изучения внешней политики России.* - Москва, «Наука», 1981.
336. *К вопросу о гагаузской автономии.* /Сост. Р.Юнку. - Кишинев, «Карта Молдовенеаскэ», 1990.
337. Казначеев В.А., *Последний генсек.* - Москва, «Гудок», 1996.
338. Казначеев В.А., *Интрига – великое дело.* - Ставрополь, Кн. издательство, 1997.
339. Калашников М., *Битва за небеса.* - Москва, «АСТ»-«Астрель», 2002.
340. Калинин Г.Ф., *Режим морских пространств.* - Москва, «Юридическая литература», 1981.
341. Калугин О. *Прощай, Лубянка.* - Москва, Издательство «Олимп», 1995.
342. Кальвокоресси Питер, *Мировая политика после 1945 года: В двух книгах.* - Москва, «Международные отношения», 2000.
343. Каменецкая Е.П., *Космос и международные организации.* - Москва, 1980.
344. Кан С.Б., *Объединение Германии (1864-1871). Лекция.* - Москва, Изд-во Моск. Городского пединститута им. В.П.Потемкина, 1957.
345. Каневский З.М., *Загадки и трагедии Арктики.* — Москва, «Знание», 1991.
346. Кантемир Димитрие, *Описание Молдавии. Монография.(на молдавском языке).* - Кишинев, Издательство «Литература артистикэ», 1988.
347. Кардозо Ф.Э., *Социальные последствия глобализации // «Латинская Америка», № 5, 1997.*
348. Каренин А.А., *Философия политического насилия.* - Москва, «Международные отношения», 1971.
349. Карташев С., *Конфликтология: теория и практика конфликтов.* - Кишинев, 1996.

350. Карташкин В.А. *Международная безопасность и права человека*. - Москва, Агентство Печати Новости, 1988.
351. Карпов В.В., *Геополитика: Конспект лекций*. – Санкт-Петербург, Издательство Михайлова В.А., 1999.
352. Касьян Н.Ф., *Консенсус в современных международных отношениях: Международно-правовые вопросы*. – Москва, «Международные отношения», 1983.
353. Катасонов В.Ю., *Великая держава или экологическая колония?* – Москва, «Молодая гвардия», 1991.
354. Качанов Ю., *Опыты о поле политики*. – Москва, «Мысль», 1994.
355. Квицинский Ю., *Время и случай*. – Москва, «Олма-Пресс», 1999.
356. Кедров А.И., *Новые тенденции в дипломатии латиноамериканских стран*. - Москва, 1979.
357. Келер Джон, *Секреты Штази*. – Смоленск, «Русич», 2000.
358. Клемашов И., *Феномен Андропова. Воспоминания и размышления лечащего врача*. – Москва, ЦНИИ Атомиздат, 1992.
359. Кингстон-Макклори Э. Дж., *Глобальная стратегия*. - Москва, Воениздат, 1959.
360. Киселев С.Н., Киселева Н.В., *Размышления о Крыме и геополитике*. — Симферополь, Крымский Архив, 1994.
361. Кисунько Г.В., *Секретная зона*. – Москва, «Современник», 1996.Я
362. Клаузевиц К. *Война*. - Москва, 1943.
363. Клаузевиц К., фон, *О войне. В 2 т.* - Москва, «Издательство АСТ», Спб., “Terra Fantastica”, 2002.
364. Клименко Б.М., *Мирное решение территориальных споров*. – Москва, «Международные отношения», 1982.
365. Клименко Б.М., *Концепция общего наследия человечества в международном космическом праве // «Дипломатический вестник». Год 1986. Ежегодник/Под ред. акад. С.Л.Тихвинского*. – Москва, «Международные отношения», 1987.
366. Ключевский В. О., *Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории*. - Москва, «Наука», 1968.
367. Ковалев А.Н., *Азбука дипломатии*. - Москва, 1984.
368. Коваль К. И., *Записки уполномоченного ГКО на территории Германии // «Новая и новейшая история», 1994, № 3; 1995, № 2.*

369. Ковальский Н.А., *Религиозные силы в движении за мир / Общественность и проблемы войны и мира.* – Москва, «Международные отношения», 1978.
370. Козлов В. П., *Тайны фальсификации.* – Москва, «Аспект-пресс», 1996.
371. Козырев Андрей, *Преображение.* – Москва, «Международные отношения», 1995.
372. Кокошин А.А., *Армия и политика.* – Москва, 1995.
373. Колесова Е., *Причины современных межэтнических и межконфессиональных конфликтов.* – Москва, 1996.
374. Колкер Б.М., Левит И.Э., *Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1937 – июнь 1941).* – Москва, «Наука», 1971.
375. Коллонтай А.М., *«Семь выстрелов» зимой 1939 года // «Международная жизнь», № 12, 1989.*
376. Колосов Г.В., *Военно-политический курс Англии в Европе.* – Москва, «Наука», 1984.
377. Колосов Ю.М., *Массовая информация и международное право.* – Москва, «Международные отношения», 1974.
378. Колосов Ю.М., *Ответственность в международном праве.* – Москва, «Юридическая литература», 1975.
379. Колпакиди А., Прохоров Д.М., *Империя ГРУ.* – Москва, «Олма-пресс», 1999.
380. Колпакиди А.И., Прохоров Д.М., *Все о внешней разведке.* – Москва, Издательство «Олимп», «Издательство АСТ», 2002.
381. Конев И.С., *Сорок пятый.*— Москва, «Воениздат», 1966.
382. Кононов А., *Режим секретности как способ защиты от дураков // «Независимая газета», 29 июля 1997.*
383. Конрад Н. И., *Запад и Восток.* – Москва, Главная редакция восточной литературы, 1972.
384. *Концепция национальной безопасности Российской Федерации // «Независимое военное обозрение», № 1, 2000.*
385. Копанский Я. М., Левит И. Э., *Советско-румынские отношения. 1929-1934.* – Москва, «Наука», 1971.
386. Коржаков А., *Борис Ельцин: от рассвета до заката.* – Москва, Издательство “Интербук”, 1997.
387. Корниенко Г.М., *«Холодная война». Свидетельство ее участника.* – Москва, «ОЛМА-ПРЕСС», 2001.

388. Коробейников А.А., *Горбачев: другое лицо*. – Москва, «Республика», 1996.
389. Короткина Л. В., *Рерих в Петербурге-Петрограде*. — Ленинград, «Лениздат», 1985.
390. Короткой Е.Й., *Агрессивный характер военной доктрины США / География милитаризма/Редколл.: М.М. Кирьян и др.* - Москва, «Мысль», 1984.
391. Косолапов Н.А., *Геополитика как теория и диагноз // «Бизнес и политика», 1996, № 4.*
392. Костин П.В., *Тайная полиция США (ФБР: прошлое и настоящее)*. – Москва, «Мысль», 1981.
393. Котляров И.И., *Международный контроль с использованием космических средств: Международно-правовые проблемы*. – Москва, «Международные отношения», 1981.
394. Котляров И.И., *«Звездный мир» против «звездных войн»: Политико-правовые проблемы*. – Москва, «Международные отношения, 1988.
395. *Краткий политический словарь*. - Москва, 1988.
396. Крейтон Кристофер, *Загадка Бормана / Пер. с англ. И. Соколова*. – Смоленск, «Русич», 1997.
397. Кривицкий В.Г., *Я был агентом Сталина: Записки советского разведчика / Пер. с английского*. – Москва, «Терра-Терра», 1991.
398. Крывелев И. А., *История религий*. - Москва, «Мысль», 1988.
399. Крючков В.А., *Личное дело*. – Москва, «Олимп»; «АСТ», 1997.
400. Крючков В.А., *Личное дело. Три дня и вся жизнь*. – Москва, «Олимп», «АСТ», 2001.
401. Кряжева Е., *Влияние «Газпрома» в Западной Европе усиливается // «Независимая газета», 30.06.1998.*
402. Ксенофонт, *Греческая история*. - СПб., «Алетейя», 1993.
403. *Кто есть кто в мировой политике. Словарь-справочник*. - Москва, 1987.
404. Кузнецов В., *«Великая мутация» и Западная Европа // «Мировая экономика и международные отношения», 1987, № 1.*
405. Кукридж Е.Х., *Тайны английской секретной службы*. – Москва, 1959.
406. Кукулка Ю., *Проблемы теории международных отношений*. - Москва, «Прогресс», 1980.

407. Куликова И., *Заветные тетради А.М.Коллонтай* // «Вопросы истории КПСС», № 8, 1989.
408. Кульский А. Л., *Призраки истории.* — Донецк, «Сталкер», 1998.
409. Кун Т., *Структура научных революций.* — Москва. «Прогресс», 1977.
410. Кунаев Д.А., *О моем времени.* — Алма-Ата, 1992.
411. *Курс международного права, В шести томах.* - Москва, 1967-1973.
412. *Курс международного права, В семи томах.* - Москва, 1989-1992.
413. Къеза Джульетто, *Прощай, Россия!* — Москва, «Гея», 1997.
414. Лазарев А.М., *Молдавская советская государственность и Бессарабский вопрос.* — Кишинев, Издательство «Картя Молдовенеаскэ», 1974.
415. Лазарев М.И., *Теоретические вопросы современного международного морского права.* — Москва, «Наука», 1983.
416. Лебедев Н.И., *Румыния в годы второй мировой войны.* — Москва, Издательство АН СССР, 1961.
417. Лебедев Н.И., *Падение диктатуры Антонеску.* — Москва, ИМО, 1966.
418. Лебедев Н.И., *«Железная гвардия», Кароль II и Гитлер.* — Москва, ИМО, 1968.
419. Лебедев Н.И., *Крах фашизма в Румынии.* — Москва, «Наука», 1976.
420. Лебедев Ю.С., *Трансформация геополитики / Современная философия и социология в ФРГ.* - Москва, «Мысль», 1971.
421. Лебедева М.М., *Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии.* - Москва, 1997.
422. Лебедь А.И., *Глобальная политическая инсценировка / "Независимая газета - Независимое военное обозрение", 16.05.1996.*
423. Лебедь А., *За державу обидно.../Редакция газеты "Московская правда", Москва, 1995.*
424. Левин Д.Б., *Дипломатия, ее сущность, методы и формы.* - Москва, 1962.
425. Левин Д.Б., *Наука международного права в России в конце XIX и начале XX в.: Общие вопросы теории международного права.* — Москва, «Наука», 1982.

426. Лиддел Гарт Б.Х., *Стратегия непрямых действий* / Пер. с англ. – Москва, «Иностранная Литература», 1957.
427. Лиддел Гарт Б.Х., *Вторая мировая война* / Пер. с англ. — Москва, «Воениздат», 1976.
428. Лилеев И.Л., *Новый мировой порядок и проблемы африканской безопасности*. – Москва, «Восточная литература», 1994.
429. Лигачев Е.К., *Предостережение*. – Москва, «Правда Интернэшнл», 1998.
430. Лихоталь А.А., *Стратегический паритет и проблемы безопасности в трансатлантических взаимоотношениях* // «Дипломатический вестник». Год 1986. Ежегодник / Под ред. акад. С.Л.Тихвинского. – Москва, «Международные отношения», 1987.
431. Лобахин В., *Агенство Национальной безопасности США* // «Защита информации», № 1, 1992.
432. Ломагин Н.А., *Новые независимые государства как сфкра интересов России и США* // Библиотека публикаций Московского Центра Карнеги, «Pro et Contra», том 5, № 2, Весна, 2000.
433. Ломагин Н.А., Лисовский А.В., Сутырин С.Ф., Павлов А.Ю., Кузнецов В.Е., *Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики. Учебное пособие*. - Санкт-Петербург, Издательский дом «Сентябрь», 2001.
434. Лоренц К., *Агрессия*. - Москва, 1994.
435. Лукоянов А.К., *Игры в «вахабизм»* / Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). – Москва, Институт Востоковедения РАН, «Крафт+», 2001.
436. Лурье С. Я., *Геродот*. - Москва-Ленинград, Издательство Академии наук СССР, 1947.
437. Лучинский П.К., *Заложники*. – Кишинев, Издательство „ИНКОМTOUR-EDIT”, 1993.
438. Любимов М.П., *Декамерон шпионов*. – Москва, ЗАО Изд-во Центрполиграф, 1998.
439. Любимов М.П., *Шпионы, которых я люблю и ненавижу*. – Москва, Олимп; ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998.
440. Ляхов Е.Г., *Международно-правовые проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом* / Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. – Москва, ИГПАН, 1980.

441. Магидович И.П., Магидович В.И., *Очерки по истории географических открытий. Издание в пяти томах.* – Москва, «Просвещение», 1982-1986.
442. Мадер Юлиус, *Империализм: шпионаж в Европе вчера и сегодня*/Сокр.пер. с немецкого. – Москва, Политиздат, 1984.
443. Мазер И., *Дипломаты и дипломатия* // «За рубежом», № 17, 1993.
444. Мазов В.А., *Ответственность в международном праве.* – Москва, «Юридическая литература», 1979.
445. Майский И.М., *Кто помогал Гитлеру: Из воспоминаний советского посла.* – Москва, ИМО, 1962.
446. Маленков А.Г., *О моем отце Георгии Маленкове.* – Москва, НТЦ Техноэкс, 1992.
447. Макаренко В.В., *Кто союзники России? Ментальность и геополитика: парадоксы политики безопасности России.* – Москва, Издательство «СТРАДИЗ» ФИАМР, 2000.
448. Макаров Д., *Кто отравил Андропова?* – «Аргументы и факты», № 25, 1999.
449. Макиавелли Н., *Избранные сочинения.* – Москва, «Художественная литература», 1982.
450. Макиавелли Н., *О военном искусстве* / Пер. с итал. Вступит. Ст. и примеч. Р. Светлова. – Спб, «Амфора», 1999.
451. Маккиндер Х.Дж., *Географическая ось истории* // «Элементы», 1996, № 7.
452. Мамедова Н.М., *Исламская экономика и глобализация (на примере Ирана)* / Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). – Москва, Институт Востоковедения РАН, «Крафт+», 2001.
453. Манштейн Э. фон., *Утерянные победы* / Пер. с нем. — Москва, «АСТ», 1999.
454. Марцеллин Аммиан, *Римская история.* – Спб., «Алетейя», 1996.
455. Матвеев В.М. *Дипломатическая служба США.* – Москва, 1987.
456. Матвеев В.М. *Британская дипломатическая служба.* – Москва, 1984.
457. Махкамов М., *Исламский экстремизм и его геополитическое влияние на государства СНГ* / Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего

Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). – Москва, Институт Востоковедения РАН, «Крафт+», 2001.

458. Медведев В.А., *В команде Горбачева: Взгляд изнутри.* – Москва, «Былина», 1994.

459. Медведев В.Т., *Человек за спиной.* – Москва, РУССЛИТ, 1994.

460. Медведев Р.А., *О Сталине и сталинизме.* – Москва, «Прогресс», 1990.

461. Медведев Р.А., *Они окружали Сталина.* – Москва, Политиздат, 1990.

462. *Международное право и международный правопорядок* / Отв.ред. Н.А.Ушаков. – Москва, ИГПАН, 1981.

463. *Международное право. Словарь-справочник.* – Москва, 1997.

464. *Международная безопасность и мировой океан.* / Отв.ред. Л.А.Иванашенко и Ю.М.Колосов. – Москва, 1982.

465. *Международное право в документах.* – Москва, 1982.

466. *Международные конфликты современности.* – Москва, 1983.

467. *Международные отношения, политика, личность.* – Москва, "Наука", 1976.

468. *Международные отношения после второй мировой войны: В трех томах* / Гл. ред. Н.Н.Иноземцев. – Москва, Госполитиздат, 1962-1965.

469. *Мексика: Политика, экономика, культура*/Отв.ред. А.Ф.Шульговский. – Москва, «Наука», 1968.

470. Мелентьева Н., *Оккультные корни коммунизма // «Элементы» (Евразийское обозрение), № 8, 1996, с. 96—99.*

471. Мельников Ю.М. *Сила и бессилие: внешняя политика Вашингтона. 1945—1982 гг.* – Москва, Политиздат, 1983.

472. *Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // «Вопросы истории», 1999, № 4.*

473. *Мир и разоружение. Научные исследования. 1982*/Гл.ред.академик Н.Н.Иноземцев. – Москва, «Наука», 1982.

474. Миркина З., Померанц Г., *Великие религии мира.* – Москва, РИПОЛ, 1995.

475. Мироу К., Маурер Г., *Паутина власти.* – Москва, «Прогресс», 1984.

476. Митрофанов А.В., *Шаги новой геополитики // «Русский вестник».* – Москва, 1997.

477. Митчел М., *Эль-Кано. Первый кругосветный мореплаватель*. Пер. с англ. — Москва, «Мысль», 1977.
478. Михайлов Г.А., Орлов А.С., *Тайны «закрытого» неба*. // «Новая и новейшая история», 1992, № 6.
479. Мовчан А.П., *Кодификация и прогрессивное развитие международного права*. — Москва, «Юридическая литература», 1972.
480. Мовчан А.П., *Права человека и международные отношения*. — Москва, «Наука», 1982.
481. Моджорян Л.А. *Геополитика на службе военных авантюр*. — Москва, «Международные отношения», 1974.
482. Молотов В.М., *Внешняя политика правительства*. — Москва, 1940.
483. Моммзен Т., *История Рима. В 4 т.* — Ростов-на-Дону, «Феникс»; Москва, «Зевс», 1997.
484. Монтескье Ш., *Избранные произведения*, Москва, 1955.
485. Монне Жан, *Реальность и политика*. — Москва, «Московская школа политических исследований», 2001.
486. Моравский З., *Ватикан издали и вблизи* / Пер. с польского О. Давтяна и Е. Соколова. — Москва, «Прогресс», 1981.
487. Морамарко М., *Масонство в прошлом и настоящем*/Пер. с итальянского. Вsup. Ст. и общ. Ред. В.И.Уколовой. — Москва, «Прогресс», 1989.
488. Мотылев В., *Зарождение и развитие Тихоокеанского узла противоречий*. — Москва, «Соцгиз», 1939.
489. Мусатов В. Л., *Трагедия Имре Надя* // «Новая и новейшая история», 1994, № 1.
490. Мэхэн, А., *Влияние морской силы на Французскую Революцию и Империю (1793-1812)*, Москва-Ленинград, 1940.
491. Мэхэн А., *Влияние морской силы на историю. 1660—1783.*, Москва-Ленинград, 1941.
492. Мэхэн А.Т., *Влияние морской силы на историю, 1660-1783*. — Москва, «Издательство АСТ», Спб., “Terra Fantastica”, 2002.
493. Назария С., *Россия в системе международных отношений на рубеже XX-XXI веков*. — Кишинев, Nestor-Historia, 2002.
494. Наринский М. М., *Берлинский кризис 1948-1949* // «Новая и новейшая история», 1995, № 3.
495. Наринский М. М., *И. В. Сталин и М. Торез* // «Новая и новейшая история», 1996, № 1.

496. *Народонаселение стран мира: Справочник* / Под ред. Б.Ц.Урланиса и В.А.Борисова. – Москва, «Финансы и статистика», 1983.
497. Нартов Н.А., *Геополитика. Учебник.* - Москва, ЮНИТИ, 1999.
498. *Нарушения США норм международного права* /Аваков М.М., Мельников Ю.М., Рыбаков Ю.М. и др. – Москва, «Международные отношения», 1984.
499. Невежин В.А., *Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев». 1939—1941.* — Москва, «АИРО-XX», 1997.
500. Непомнящий Н.Н., *Из секретных архивов разведок мира.* – Москва, «Олимп», ООО «Издательство АСТ», 1998.
501. Неру Джавахарлал, *Взгляд на всемирную историю. В 3-х т.* - Москва, «Прогресс», 1981.
502. Никольский Н.М., Гришин А.В. *Научно-технический прогресс и международные отношения.* - Москва, 1978.
503. Никольсон Г. *Дипломатическое искусство. Четыре лекции по истории дипломатии.*- Москва, 1962.
504. Ницше Ф., *Сочинения. В 2-х т. Т. 1.* - Москва, «Мысль», 1990.
505. Носовский Г. В., Фоменко А. Т., *Империя. Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности.* - Москва, «Факториал», 1996.
506. Носовский Г. В., Фоменко А. Т., *Библейская Русь.* - Москва, «Факториал», 1998.
507. Носовский Г. В., Фоменко А. Т., *Новая хронология Руси, Англии и Рима.* - Москва, «Анвик», 1999.
508. Носовский Г. В., Фоменко А. Т., *Реконструкция всеобщей истории.* - Москва, «Деловой экспресс», 1999.
509. *Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов. В 7 т.* — Москва, «Юриздат», 1960.
510. Обминский Э.Е. *Группа 77. Многосторонняя экономическая дипломатия развивающихся стран.*- Москва, «Международные отношения», 1981.
511. *Общественность и проблемы войны и мира.*/Отв. ред. Г.И.Морозов – Москва, «Международные отношения», 1978.
512. Олейник А.Н., *Основы конфликтологии.* - Москва, 1992.

513. Орлов А.С., *В поисках «абсолютного» оружия.* – Москва, 1989.
514. Орлов А.С., *«Горячий» фронт «холодной войны».* // «Геополитика и безопасность», 1994, № 2.
515. Орлов А.С., *Тайная битва сверхдержав.* – Москва, «Вече», 2000.
516. Орлов А.С., Михайлов Г.А., *Тайны «закрытого» неба.* // «Новая и новейшая история», № 6, 1992.
517. Орлова И.Б., *Евразийская цивилизация.* – Москва, «Наука», 1998.
518. *Основы внешнеэкономических знаний: Словарь-справочник/С.И.Долгов, В.В.Васильев, С.П.Гончарова и др.* – Москва, «Высшая школа», 1990.
519. Панарин А.С., *Философия политики.* – Москва, «Наука», 1994.
520. Панарин А.С., *Политология. Учебник.* – Москва, «Прспект», 1997.
521. Панарин А.С., *Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством).* — Москва, 1995.
522. Панарин А.С., *Ревани истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке.* – Москва, «Логос», 1998.
523. Панарин А.С., *Россия в циклах мировой истории.* – Москва, МГУ, 1999.
524. Панарин А.С., *Глобальное прогнозирование.* – Москва, «Алгоритм», 2000.
525. Паркер Дж. *Преимственность и изменения в геополитической мысли Запада* // «Международный журнал социальных наук». — 1993, № 3.
526. Парсаданова В. С., *Армия Андерса на территории СССР* // «Новая и новейшая история», 1988, № 5;
527. Пасат В.И., *Трудные страницы истории Молдовы. 1940-1950.* – Москва, 1994.
528. Пахомов Ю.Н., Крымский С.Б., Павленко Ю.В., *Пути и перепутья современной цивилизации.* – Киев, «Международный деловой центр», 1998.
529. Первушин А., *Оккультные тайны НКВД и СС.* – Санкт-Петербург, Издательский дом «НЕВА»; Москва, «ОЛМА-ПРЕСС», 2000.
530. *Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во*

время Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг. В 2-х т. – Москва, Госполитиздат, 1957.

531. *Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг. В 2-х т.* – Москва, Политиздат, 1986.

532. Петренко Н.И., *Учреждение дипломатического представительства.* – Москва, Издательство УДН, 1979.

533. Петровский В.Ф., *Доктрина «Национальной безопасности» в глобальной стратегии США.* – Москва, «Международные отношения», 1980.

534. Петровский В.Ф., *Советская концепция безопасности/Серия публикаций «Международный мир и разоружение» (выпуск 33).* – Москва, «Наука», 1986.

535. Печенев В.А., *Взлет и падение Горбачева: Глазами очевидца.* – Москва, «Республика», 1996.

536. Пикер Г., *Застольные разговоры Гитлера/Пер. с нем. И.В.Розанова.* – Смоленск, «Русич», 1993.

537. Пирумов В.С., *Некоторые аспекты методологии исследования проблем национальной безопасности России в современных условиях //«Геополитика и безопасность».* — Москва, 1993, Т. 1., № 1.

538. Пихоя Р.Г., *Советский Союз: история власти. 1945-1991.* – Москва, Издательство РАГС, 1998.

539. Платон, *Собрание сочинений в 4-х т.* - Москва, «Мысль», 1994.

540. Плешаков К.В., *Компоненты геополитического мышления. //“Международная жизнь”, № 10, 1994.*

541. Плешаков К.В., *Геополитика в свете глобальных перемен //“Международная жизнь”, № 10, 1994.*

542. Плешаков К., *Геоидеологическая парадигма: (Взаимодействие геополитики и идеологии на примере отношений между СССР, США и КНР в континентальной Восточной Азии, 1949—1991).* — Москва, 1994.

543. Плешаков К., *Геоидеологическая парадигма // «Международная жизнь», № 4, 1995.*

544. Поздняков Э.А., *Геополитика.* - Москва, АО «Прогресс»-«Академия», 1995.

545. Поленц О.Э., *Ратификация международных договоров.* – Москва-Ленинград, Издательство АН СССР, 1950.

546. Поллинг Б., *Энциклопедия скандалов.* – Москва, «Вече», 1997.

547. *Политические и правовые системы стран Азии, Африки и Латинской Америки: Сборник научных трудов*/Отв.ред. О.А.Жидков. – Москва, Издательство Университета дружбы народов, 1983.

548. *Политический строй современных государств. Т. II. / Сборник статей: В.В.Водовозова, Б.П.Вышеславцева, Дионео, Г.Б.Иоллоса, М.М.Ковалевского, О.О.Кокошина, Л.Мехелина и Д.И.Шрейдера.* – С-Петербург, Издание кн. П.Д.Долгорукова и И.И.Петрункевича при участии редакции газеты «Право», 1906.

549. *Полная хронология XX века. HELICON* / Автор составитель Нэвил Уильямс. – Москва, «ВЕЧЕ-АСТ», 1999.

550. Полторак А.И., Савинский Л.И., *Вооруженные конфликты и международное право: Основные проблемы.* – Москва, «Наука», 1976.

551. Пономарев Д.К., *Политика Израиля в Тропической Африке.* – «Наука». Москва, 1981.

552. Пономарева И.Б., Смирнова Н.А. *Геополитика империализма США: атлантическое направление.* — Москва, «Мысль», 1986.

553. Попов А.Я., *Современное мальтузианство. (Очерк критики).* — Москва, Издательство института международных отношений, 1960.

554. Попов В.И., *Современная дипломатия. Теория и практика. Часть I. Дипломатия – наука и искусство.* - Москва, Издательство «Научная книга», 2000.

555. Постышев В.М., *Освоение космоса и развивающиеся страны: Международно-правовые проблемы.* / Отв.ред. В.В.Верещетин. – Москва, «Наука», 1990.

556. *Правила процедуры в многосторонней дипломатии. Сборник документов.* – Москва, «Международные отношения», 1986.

557. Примаков Е.М., *Анатомия ближневосточного конфликта.* – Москва, «Мысль», 1978.

558. Примаков Е.М., *Годы в большой политике.* – Москва, Коллекция «Совершенно секретно», 1999.

559. Прицкер Д.П., *О политике «невмешательства»* // «Дипломатический вестник». Год 1987 / Отв. ред. О.В.Пересыпкин. – Москва, «Международные отношения», 1988.

560. Прокуронова С.С., *ООН: Конспект лекций*. – Санкт-Петербург, Издательство Михайлова В.А., 2000.
561. *Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических государств*. – Москва, «Наука», 1981.
562. Прошин В.Н., *Зоны пространственного ограничения вооружений. Международно-правовые аспекты*. – Москва, «Наука», 1988.
563. Прозектор Д.М., *Война в Европе*. — Москва, «Воениздат», 1963.
564. Пушкарев С. Г., *Воспоминания историка. 1905—1945*. – Москва, Изд-во «Посев», 1999.
565. Пушкарев С. Г., *Обзор русской истории*. - СПб., Изд-во «Лань», 1999.
566. Радзинский Э.С., *Загадки истории*. – Москва, «Вагриус», 1997.
567. Радзинский Э.С., *Сталин*. – Москва, «Вагриус», 1997.
568. Разуваев В.В. *Геополитика постсоветского пространства*. — Москва, 1993.
569. Рамсей Р., *Открытия, которых никогда не было*. Пер. с англ. — Москва, «Прогресс», 1982.
570. Рар, Александр, *Владимир Путин. «Немец» в Кремле / Пер. с нем. И. Розанова*. – Москва, «ОЛМА-ПРЕСС», 2002.
571. Ратцель Ф., *Человечество как жизненное явление на земле*. — Москва, «Книжное дело», 1901.
572. Ребров Михаил, *Космические катастрофы: Странички из секретного досье*. – Москва, «ЭКСПРИНТ НВ», 1996.
573. Рерих Н. К., *Алтай—Гималаи*. — Рига, «Виеле», 1992.
574. Ржосницкий В.Р., *Открытие Америки Колумбом*. — С.-Петербург: Изд. С.-Петербургского унта, 1994.
575. Риббентроп И. фон., *Между Лондоном и Москвой / Пер. с нем.* — Москва, «Мысль», 1996.
576. Ричелсон Джеффри Т., *История шпионажа XX века*. – Москва, Издательство «ЭКСМО-Пресс», 2000.
577. Робер Шарвен, *Юстиция во Франции: Судебный аппарат и классовая борьба/Пер. с французского Н.Л.Тумановой*. – Москва, «Прогресс», 1978.
578. Рогов С., *Советский Союз и США: поиск баланса интересов*. – Москва, «Международные отношения», 1989.

579. Рогожин С.Л., *Белград – четвертый Рим? Политологический и юридический анализ социального эксперимента в Косово* // «Московский журнал международного права», № 4, октябрь – декабрь 2001.
580. *Россия в Евразии*/Под ред. Г.Х.Шахназарова. – Москва, Горбачев-фонд, 1998.
581. Роуан Р., *Очерки секретной службы.* – Москва, Воениздат, 1946.
582. Роцин А.А., *Международная безопасность и ядерное оружие.* – Москва, «Международные отношения», 1980.
583. Рузе М., *Роберт Оппенгеймер и атомная бомба.* – Москва, «Госатомиздат», 1963.
584. *Русский посол в Стамбуле: Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII века.* – Москва, «Наука», 1985.
585. Рыжков Н.И., *Перестройка: история предательства.* – Москва, Издательство «Новости», 1992.
586. Сабельников Л.В., *Война без перемирия: формы и методы экономической агрессии.* - Москва, 1983.
587. Савинков Борис, *Воспоминания террориста.* / Предисловие Феликса Кона. – Ереван, «НВ-пресс» совместно с «Аревик», 1990.
588. Савицкий, П.Н., *Географические и геополитические основы евразийства*/"Элементы", № 3, стр. 51-54.
589. Савицкий П.Н., *Континент Евразия.* - Москва, «Аграф», 1997.
590. Сандалов Л.М., *На московском направлении.* — Москва, «Наука», 1970.
591. Сатоу Э., *Руководство по дипломатической практике.* - Москва, Издательство Института Международных Отношений, 1961.
592. Сахаров А., *Воспоминания. 1953 год.* // «Знамя», № 12, 1990.
593. Свиридов Э.П., *Границы континентального шельфа: Международно-правовые вопросы.* – Москва, «Международные отношения», 1981.
594. *Секреты секретных служб США.* – Москва, Политиздат, 1973.
595. Селянинов О.Г., *Тетради по истории дипломатической службы государств: (Возникновение и развитие).* - Москва, 1995.

596. Семенов Ю.Н., *Фашистская геополитика на службе американского империализма*. - Москва, Госполитиздат, 1952.
597. Семиряга М.И., *Тайны сталинской дипломатии 1939-1941*. – Москва, «Высшая школа», 1992.
598. Сенарклен П. Де., *«Реалистическая» парадигма и международные конфликты* //»Международный журнал социальных наук», № 3, 1991.
599. Сергеев Ф.М., *Тайное орудие агрессии: (Подрывная деятельность США против СССР)*. - Москва, "Мысль", 1984.
600. Светошовский Т., *Русский Азербайджан* // «Хазар», 1990, № 3.
601. Сизоненко А.И., *Очерки истории советско-латиноамериканских отношений. (1924-1970 гг.)*. – Москва, «Наука», 1971.
602. Сикоев Р.Р., *Талибы строят исламский эмират (Теократия в Афганистане: утопия или реальность? / Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии)*. – Москва, Институт Востоковедения РАН, «Крафт+», 2001.
603. Симонов К., *Глазами человека моего поколения* // «Знамя», 1988, № 3-5.
604. Сиполс В.Я., *Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны*. – Москва, «Международные отношения», 1979.
605. Сиполс В. Я., *Тайные документы странной войны* // «Новая и новейшая история», 1993, № 3.
606. Сироткин В.Г., *Вехи отечественной истории*. – Москва, «Международные отношения», 1991.
607. Скотт Дж. Г., *Конфликты, пути их преодоления*. - Киев, 1991.
608. Славицкий М., *Спецслужбы Франции* // «Служба безопасности», № 1-2, 1995.
609. Смит Д.О., *Военная доктрина США*. – Москва, 1956.
610. Смолянский В. Г., *Национальные конфликты в СССР и СНГ (1985 — 1992 гг.)*. - Улан-Удэ, 1996.
611. Соболева Т. А., *Тайнопись в истории России (История криптографической службы России XVII — начала XX в.)*. — Москва, «Международные отношения», 1994.
612. *Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945: Документы и материалы. В 2-х т.* – Москва, Политиздат, 1984.

613. *Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945: Документы и материалы. В 2-х т.* – Москва, Политиздат, 1983.

614. *Советско-румынские отношения 1917-1941. Документы и материалы: В 2-х т.* – Москва, «Международные отношения», 2000.

615. *Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945: Документы и материалы. В 2-х т.* – Москва, Политиздат, 1983.

616. *Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе: Заключительный акт.* – Хельсинки, Агенство Печати ОРБИС, 1975.

617. *Современные буржуазные теории международных отношений. Критический анализ.* – Москва, Издательство «Наука», 1976.

618. *Современные международные отношения. Учебник / Под ред. А.В.Торкунова.* – Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.

619. Солженицын А., *Как обустроить Россию // «Комсомольская правда», Спецвыпуск, июль, 1990.*

620. Соловьев В., Клепикова Е., *Юрий Андропов: Тайный ход в Кремль.* – Санкт-Петербург, 1995.

621. Соловьев С. М., *История России с древнейших времен: В 15 т.* – Москва, Изд-во АН СССР, 1966.

622. Соловьев С. М., *Чтения и рассказы по истории России.* – Москва, «Правда», 1989.

623. *СССР — Германия. 1939—1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях. Т.1—2.* – Вильнюс, 1989.

624. Сорокин К.Э., *Геополитика современного мира и современная Россия // "Политические исследования", № 1, 1995 г.*

625. Сорокин К. Э., *Геополитика современности и геостратегия России.* – Москва, «Наука», 1996.

626. Сорокин П.А., *Человек. Цивилизация. Общество.* – Москва, «Наука», 1992.

627. *Спецслужбы и войска особого назначения /Сост. И общ. Ред. Т.И.Линник, П.В.Кочетковой.* – Минск, «Литература», 1997.

628. Спиридонов И.А., *Мировая экономика.* – Москва, «Инфра-М», 1999.

629. Стародубов В.П., *Супердержавы XX века. Стратегическое противоборство.* – Москва, «ОЛМА-ПРЕСС», 2001.
630. Степанков В., Лисов Е., *Кремлевский заговор.* – Москва, Издательство «Огонек», ОГИЗ, 1992.
631. Столяров К.А., *Палачи и жертвы.* – Москва, «ОЛМА-ПРЕСС», 1997.
632. Суворов В., *Аквариум.* – Москва, АСТ, 1996.
633. Суворов В., *День «М».* – Москва, АСТ, 1996.
634. Суворов В., *Ледокол.* – Москва, АСТ, 1996.
635. Суворов В., *Освободитель.* – Москва, АСТ, 1996.
636. Судоплатов П., *Разведка и Кремль.* – Москва, «Гея», 1996.
637. Судоплатов П.А., *Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-1950 годы.* – Москва, «ОЛМА-ПРЕСС», 1997.
638. Сумбатъян Ю.Г., *Африка на пороге века.* – Москва, Издательство РУДН, 1994.
639. Сунь-Цзы, *Трактаты о военном искусстве / Перевод с китайского Н.И.Конрада.* – Москва, «Издательство АСТ», Спб., “Terra Fantastica”, 2002.
640. Суханов Л., *Три года с Ельциным.* – Рига, «Вага», 1992.
641. *Сухопутные войска капиталистических государств.* – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, Воениздат, 1980.
642. Сьюард Д., *Наполеон и Гитлер: Сравнительная биография / Пер. с англ. И.С.Соколова, А.И.Криволапова; Под общей ред. А.И.Рабиновича.* – Смоленск, «Русич», 1995.
643. Сьюард Десмонд, *Семья Наполеона.* – Смоленск, «Русич», 1995.
644. Табов Иордан, *Закат старой Болгарии (Новая хронология Балкан).* – Москва, «Крафт+», 2000.
645. *Тайны географических открытий / Авт.-сост. С.В.Синякович.* – Минск, «Современный литератор», 1999.
646. Талалаев А.Н., *Международное право и современность.* – Москва, «Наука», 1984.
647. Талбот С., *Эндишиль. Подоплека переговоров об ОСВ-2.* – Москва, «Прогресс», 1980.
648. Талейран, *Мемуары.* – Екатеринбург, Изд-во Урал. Унта, 1997.
649. Тарнас Р., *История западного мышления.* – Москва, «Крон-Пресс», 1995.

650. Гархова Л., *Заложники Кремля*, Издательство “АСТ-ПРЕСС”, Москва, 1998.
651. *Теория заговора: Тайны и сенсации* / Под ред. К. Такетт; Пер. с английского. – Москва, «ФАИР-ПРЕСС», 1999.
652. *Теория международных отношений: Хрестоматия* / Сост., науч. ред. и коммент. П.А.Цыганкова. – Москва, «Гардарики», 2002.
653. Терехов В., *Международный терроризм и борьба с ним* // «Новое время», 1974, № 11.
654. Тимофеева Л.Н., *Политическая конфликтология*. - Москва, 1996.
655. Гинберген Я., *Пересмотр международного порядка*. - Москва, 1980.
656. Тихонов А., *Операция «Анадырь»* // «Служба безопасности», № 1, 1993.
657. Гойнби А. Дж., *Постижение истории*. - Москва, «Прогресс», 1991.
658. Гойнби А., *Цивилизация перед судом истории*. – Москва, «Прогресс», 1995.
659. Триандафиллов В.К., *Размах операций современных армий*. — Москва; Ленинград, «Госиздат», 1926.
660. Трофименко Г.А., *Стратегия глобальной войны*. – Москва, 1968.
661. Троцкий Л.Д., *Сталин: В 2-х т.* – Москва, «ТЕРРА», 1996.
662. Троцкий Л.Д., *Сталинская школа фальсификаций*. – Москва, «Наука», 1990.
663. Трухановский В.Г., *Уинстон Черчилль, 3-е изд.* – Москва, «Международные отношения», 1982.
664. Трухановский В.Г., *Британская политика в области ядерных вооружений*. – Москва, 1987.
665. Тункин Г.И., *Право и сила в международной системе*. – Москва, «Международные отношения», 1983.
666. Устинов И.Н., *Мировая торговля. Статистическо-аналитический справочник*. – Москва, «Экономика», 2000.
667. Устинова И.Н., *Политика и экономика развитых стран*. - Москва, 1989.
668. Уткин А.И., *США и Западная Европа: торговля оружием*. – Москва, «Наука», 1984.

669. Уткин А.И., *Стратегия глобальной экспансии*. – Москва, «Международные отношения», 1986.
670. Уткин А.И., *Мировой порядок XXI века*. – Москва, «Эксмо», 2002.
671. Утченко С.Л., *Политические учения Древнего Рима*. – Москва, «Наука», 1977.
672. Утченко С.Л., *Юлий Цезарь*. – Москва, 1984.
673. Фадеева И.Л., *Оппозиция в странах Ближнего и Среднего Востока: статус и цели*. / Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). – Москва, Институт востоковедения РАН, «Крафт+», 2001.
674. Фалиго Р., Коффер Р., *Всемирная история разведывательных служб в 2-х томах*. – Москва, «Терра», 1997-1998.
675. Фалин В., *Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания*. – Москва, «Республика»; «Современник», 1999.
676. Федоров К.Г., *История государства и права зарубежных стран*. – Изд. 2-е, переработанное и дополненное. – Ленинград, Издательство Ленинградского Университета, 1977.
677. Фельдман Д.И., Баскин Ю.Я., *Учение Канта и Гегеля о международном праве и современность*. – Казань, Издательство Казанского университета, 1977.
678. Фельдман Д.М., *Конфликты в мировой политике*. – Москва, 1997.
679. Фельфе Хайнц, *Мемуары разведчика*. – Москва, Госполитиздат, 1988.
680. Филипп Моро-Дефарж, *Введение в геополитику*. – Москва, «Конкорд», 1996.
681. Фитуни Л.Л., *Развитие экономики независимой Анголы*. – Москва, «Наука», 1981.
682. Фишер Р., Этельд., *Подготовка к переговорам*. – Москва, 1996.
683. Фокеев Г.В., *Внешне-политические проблемы современной Африки*. – Москва, «Международные отношения», 1975.
684. Фокуяма Ф., *Конец истории? // »Вопросы философии», 1990, № 3.*

685. Фрунзе М.В., *Избранные произведения. В 2 т.*— Москва, «Воениздат», 1957.
686. Фурсенко А., Нафтали Т., *Адская игра: Секретная история Карибского кризиса 1958-1964.* – Москва, «Гёя итерум», 1999.
687. Хантингтон С., *Столкновение цивилизаций* // «Политические исследования», 1994, № 1.
688. Хантингтон Сэмюел П., *Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка* // Библиотека публикаций Московского Центра Карнеги, „Pro et Contra”, Том 2, Весна 1997.
689. Харишин М.В., *Конфликтные ситуации на постсоветском пространстве.* – Кишинев, Издательство «LYCEUM», 1999.
690. Харис Манос, *Терроризм – любимое детище ЦРУ* / Сокращенный перевод с греческого. – Москва, АПН, 1984.
691. Хартшорн Р., *Политическая география / Американская география. Современное состояние и перспективы развития.* - Москва, Издательство иностранной литературы, 1957.
692. Хашимбеков Х., *Талибы и ислам/Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии).* – Москва, Институт Востоковедения РАН, «Крафт+», 2001.
693. Хименес де Аречага, Эдуардо, *Современное международное право.* - Москва, Издательство “Прогресс”, 1983.
694. Хозин Г.С., *Милитаристы в космосе.* – Москва, 1967.
695. Хозин Г.С., *Великое противостояние в космосе (СССР-США). Свидетельства очевидца.* – Москва, «Вече», 2001.
696. Хорев Б.С., *Очерки геоглобалистики и геополитики.* – Москва, 1997.
697. Хотимский Н., *Последняя опала маршала Жукова* // «Вечерняя Москва», 23 февраля 1995.
698. *Хроника основных событий истории ракетных войск стратегического назначения.* – Москва, Воениздат, 1994.
699. Хрущев Н.С., *Воспоминания.* – Москва, «Вагриус», 1997.
700. Хрущев С.Н., *Пенсионер союзного значения.* - Москва, «Новости», 1991.
701. Хрущев С.Н., *Никита Хрущев: кризисы и ракеты. В 2-х т.* – Москва, 1994.
702. Хрущев С.Н., *Рождение сверхдержавы: Книга об отце.* – Москва, «Время», 2000.

703. Хью Броган, *Джон Кеннеди*. - Ростов-на-Дону, «Феникс», 1997.
704. Хьюит К., *Понять Британию*. – Москва, «Книга», 1993.
705. Царев О., Костелло Дж., *Роковые иллюзии*. – Москва, «Международные отношения», 1995.
706. Царев О., Вест Найджел, *КГБ в Англии*. – Москва, «Центрполиграф», 1999.
707. Цицерон, *Диалоги*. - Москва, «Наука», 1966.
708. Цыганков П.А., *Современные политические режимы: структура, типология, динамика (учебное пособие)*. – Москва, «Интерпракс», 1995.
709. Цыганков П.А., *Теория международных отношений*. – Москва, «Гардарика», 2002.
710. Цымбурский В.Л., *Остров Россия. Перспективы российской геополитики* // «Политические исследования», 1993, № 5.
711. Цымбурский В.Л., *Народы между цивилизациями* // Pro et Contra, 1997, Т. 2, № 3.
712. Чазов Е.И., *Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача»*. – Москва, Издательство «Новости», 1992.
713. Червов Н.Ф., *Ядерный круговорот: что было, что будет*. - Москва, «ОЛМА-ПРЕСС», 2001.
714. Черкасова И.В., *Внешне-экономические связи ЮАР*. – Москва, «Наука», 1977.
715. Черняев А.С., *Шесть лет с Горбачевым*. – Москва, «Прогресс. Культура», 1993.
716. Черняк Е., *Пять столетий тайной войны*. – Москва, 1991.
717. Черток Б.Е., *Ракеты и люди*. – Москва, 1995.
718. Черток Б.Е., *Ракеты и люди: Фили, Подлипки, Тюратам*. – Москва, 1996.
719. Черчилль У., *Вторая мировая война*. – Москва, «Терра», 1998.
720. Чешков М.А., *Глобальное видение и новая наука*. – Москва, ИМЭИМО, 1998.
721. Чешков М.А., *Глобалистика: предмет, проблемы, перспективы* // «Общественные науки и современность», № 5, 1998.
722. Чуев Ф.И., *Сто сорок бесед с Молотовым*. - Москва, «Терра», 1991.

723. Чуев Ф.И., *Так говорил Каганович.* – Москва, «Терра», 1993.
724. Чуев Ф.И., *Молотов: Полудержавный властелин.* – Москва, «ОЛМА-ПРЕСС», 2000.
725. Чумакова М.Л., *Государственный терроризм в Центральной Америке*//«Латинская Америка», 1984, № 11.
726. Чумиков А.Н., *Управление конфликтами.* - Москва, 1995.
727. Чурбанов Ю.М., *Я расскажу все, как было...* - Москва, Издательство «Независимая газета», 1992.
728. Чурбанов Ю.М., *Я расскажу все, как было...* - Москва, «Лиана», 1993.
729. Шальнев А.А., *"Звездные войны": что думают американцы.* - Москва, 1987.
730. Шанибов Ю.М., *Введение в конфликтологию: теория и практика.* - Нальчик, 1997.
731. Шарманазшвили Г.В., *Самооборона в международном праве.* – Москва, Издательство Университета дружбы народов, 1973.
732. Шарманазшвили Г.В., Цикунов А.К., *Право народов и наций на свободу и независимость.* – Москва, Издательство Университета дружбы народов, 1987.
733. Шахназаров Г.Х., *Грядущий миропорядок.* – Москва, Политиздат, 1981.
734. Шебаршин Л.В., *Рука Москвы. Записки начальника советской разведки.* – Киев, «Стодола», 1993.
735. Шеварнадзе Э., *Мой выбор.* – Москва, «Новости», 1991.
736. Шевяков А.А., *Экономическая и военно-политическая агрессия германского империализма в Румынии.* – Кишинев, «Штиинца», 1963.
737. Шелленберг В., *Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика*/Пер. с англ. – Москва, СП «Дом Бируни», 1991.
738. Шепилов Д. Т., *Воспоминания* //«Вопросы истории», 1998, №№ 3, 4, 5.
739. Шестопалов В.Я., *Персидский залив: проблема континентального шельфа.* – Москва, «Наука», 1982.
740. Широинин В., *КГБ – ЦРУ. Секретные пружины перестройки. (Серия "Крестовые походы XX века).* - Москва, Издательство "Ягуар", 1997.

741. Шмитт, Карл, *Понятие политического* // "Вопросы Социологии", Москва, 1992, том 1, №1.
742. Шмитт, Карл, *Планетарная напряженность между Востоком и Западом* // "Элементы", 1997, № 8.
743. Шпеер А., *Воспоминания / Пер. с нем.* — Смоленск, «Русич», 1997.
744. Шпенглер О., *Закат Европы* Пер. с немецкого. — Москва, «Мысль», 1993.
745. Шувалов Е.Л., *География населения.* — Москва, «Просвещение», 1977.
746. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г., *Политический мир России.* — Томск, «Водолей», 1996.
747. Эдуардо Фрей Монтальва, *Будущее Чили внушает мне надежду*/Пер. с испанского. — Москва, «Международные отношения», 1998.
748. Эйзенхауер Д., *Крестовый поход в Европу.* — Москва, 1980.
749. Эндрю К., Гордиевский О., *КГБ: История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева.* — Москва, «NOTA VENE», 1992.
750. *Энциклопедический словарь географических названий.* — Москва, Издательство «Советская Энциклопедия», 1973.
751. Этцолд Т., Гаддис Дж., *Сдерживание. Документы американской внешней политики и стратегии 1945-1950 гг.* // «Советская Россия», 17.05.1997.
752. Язькова А.А., *Малая Антанта в европейской политике. 1918-1925.* — Москва, «Наука», 1974.
753. Язькова А.А., *Румыния накануне второй мировой войны.* — Москва, Издательство АН СССР, 1963.
754. Яковец Ю., *История цивилизаций.* — Москва, «Владос», 1997.
755. Яковлев А.Н., *От Трумэна до Рейгана. Доктрины и реальности ядерного века.* — Москва, «Молодая гвардия», 1984.
756. Яковлев И.Ф., *Критика националистической идеологии современного западногерманского неонацизма (военно-философский анализ).* Автореф. дисс. ...канд. филос. наук.//Москва, ВПА., 1977.
757. Янов А., *Россия против России.* - Новосибирск, «Сибирский хронограф», 1999.

758. Ясперс К., *Смысл и назначение истории*/Пер. с немецкого. – Москва, Политиздат, 1991.
759. Ясперс К., *Смысл и назначение истории*. – Москва, «Республика», 1993.
760. Aaron, H. J., *Politics and Professors. The Great Society in Perspective*, Washington, 1978.
761. Abel, E., *The Missile Crisis*, Philadelphia, 1966.
762. Abrams, Mark, *The Condition of the British People, 1911-1945*, London, 1945.
763. Alexandrescu, C., Bărbulescu, O., Fotino, N., Iosipescu, A., *Mic dicționar enciclopedic, Ediția a II-a, revăzută și adăugită*, București, Editura Științifică și Enciclopedică, 1978.
764. Allison, G., T., *Essence of Decision. Explaining the Cuban Missile Crisis*, Boston, 1971.
765. Anderson, P., *The President`s Men*, New York, 1968.
766. Anghel, Nicolae, *Geopolitica, de la ideologie la strategie politico-militară*, București, Editura Politică, 1985.
767. Andrei, I., Ericos, A., Teslaru, S., *Statele lumii de la A la Z*, Constanța, Editura Tess-M, 1997.
768. Arhiliuc, Victoria, *Diplomația preventivă și securitatea colectivă a statelor*, Chișinău, Tipografia “Reclama”, 1999.
769. Aron R., *The century of total war*, Boston, The Beacon Press, 1955.
770. Aron R., *Paix et guerre entre les nation*, Paris, Calmann-Levy, 1962.
771. Aron R., *Plaidoyer pour l`Europe decadente*, Paris, Robert Laffont, 1977.
772. Aron R., *Paix et guerre entre les nations*, Paris, Calmann-Levy, 1984.
773. Atencio, Jorge, E., *?Que es la Geopolitica ?*, Editorial Pleamar, Buenos Aires, Argentina, 1985.
774. Balan, Oleg, *Terorismul – crimă internațională*, Chișinău, Tipografia “Reclama”, 1998.
775. Balan, Oleg, Serbenco, Eduard, *Drept internațional public*, Vol. I, Chișinău, 2001.
776. Balan, Oleg, Burian, Alexandru, *Drept internațional public*, Vol. II, Chișinău, 2003.
777. Baylis, John and Smith, Sreve, *The Globalization of World Politics*, Oxford University Press, Oxford, 1997.

778. Beer H., *Moskaus As im Kampf der Geheimdienste*, Munchen: Hohe Warte, 1983.
779. Benadava, Santiago, *Derecho Internacional Publico*, 6-a edicion, Editorial Juridica ConoSur, Santiago de Chile, 1999.
780. Beniuc, V.; Rusnac, Gh., *Conceptele și noțiunile de bază ale diplomației*, Chișinău, Firma editorial-poligrafică "Tipografia Centrală", 1998.
781. Blache, Vidal, de la, *Principes de geographie humaine*, Paris, 1921.
782. Bogdan, Corneliu și Preda, Eugen, *Sferele de influență*, , București, Editura Științifică și Enciclopedică, 1989.
783. Bogdan, H., *Historie des pays de l'Est*, Paris, Perrin, 1991.
784. Bogdan, Damian P., *Acte moldovenești dinainte de Ștefan cel Mare*, București, 1938.
785. Bogdan, Damian P., *Acte moldovenești din anii 1426-1502*, București, 1947.
786. Bolintineanu, Alexandru; Năstase, Adrian; Aurescu, Bogdan, *Drept internațional contemporan*, Ediția a 2-a, revăzută și adăugită, București, Editura ALL BECK, 2000.
787. Brădescu, Faust, *Doctrina politică /Faust Brădescu: Studiu introductiv de Georgiana-Margareta Scurtu – Ed. a 2-a, Vol. 1: Drept și politică internațională*, București, Editura „Majadahonda”, 1999.
788. Brădescu, Faust, *Doctrina politică /Faust Brădescu: Studiu introductiv de Georgiana-Margareta Scurtu – Ed. a 2-a, Vol. 2: Filozofie politică și socială*, București, Editura “Majadahonda”, 1999.
789. Broder, D., *Changing of the Guard. Power and Leadership in America*, New York, 1981.
790. Bruce, George, *NATO and the New Arc of Crisis, Dialectics of Russian Foreign Policy*, - In: "North Atlantic Assembly, Political Committee, 1992 Reports", Brussels, November 1992.
791. Brzezinski, Zbigniew, *Geostrategy for Eurasia*, Foreign Affairs, September-October, 1997.
792. Brzezinski, Zbigniew, *El gran tablero mundial. La supremacia estadounidense y sus imperativos geoestrategicos*, Paidos, Barcelona-Buenos Aires, 1998.
793. Buzatu, Gheorghe, *Din istoria secretă a celui de-al doilea război mondial*, București, Editura Științifică și Enciclopedică, 1983.
794. Bull, Hedley, *Societatea anarhică, Un studiu asupra ordinii în politica mondială*, Central European University Press, Chișinău, Editura Știința, 1998.

795. Burian, Alexandru, *Introducere în practica diplomatică și procedura internațională* (Manual pentru facultățile de relații internaționale a universităților), Chișinău, Editura "Cartier", 2000.

796. Burian, Alexandru, *Drept diplomatic și consular* (Manual pentru facultățile de drept și facultățile de relații internaționale a universităților), Chișinău, Editura "ARC", 2001.

797. Burian, Alexandru, *Drept diplomatic și consular. Ediția a II-a, revăzută și adăugită*, Chișinău, „Cuant”, F. E.-P. „Combinatul Poligrafic”, 2003.

798. Burian, Alexandru, *Geopolitica lumii contemporane* (Manual: pentru facultățile de drept și de relații internaționale a universităților), Chișinău, F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2003.

799. Burian, Alexandru, *Introducere în teoria relațiilor internaționale* (Ediția a 3-a, revăzută și adăugită) - Chișinău., CEP USM, 2008.

800. Burian, Alexandru, *Relațiile internaționale, politica externă și diplomația* (Ediția a 3-a, revăzută și adăugită) - Chișinău., CEP USM, 2007.

801. Burian, Alexandru, *Introducere în practica diplomatică și procedura internațională. (Ed. a 2-a, rev. și adăug.)*- Chișinău., CEP USM, 2008.

802. Burian, Alexandru, *Geopolitica lumii contemporane: curs de lecții. (Ed. a 3-a, rev. și adăug.)* - Chișinău., CEP USM, 2008.

803. Burian, Alexandru, *Teoria relațiilor internaționale* (Ediția a 3-a, revăzută și adăugită) - Chișinău., CEP USM, 2008.

804. Burian, Alexandru, *Acțiunea în spațiu și timp a a privilegiilor și imunităților consulare*//”Revista Națională de Drept”, nr. 7, 2002.

805. Burian, Alexandru, *Cerințele de bază ale protocolului și ceremonialului diplomatic* //”Revista Națională de Drept”, nr. 2, 2002.

806. Burian, Alexandru, *Diplomația ad-hoc: noțiune, surse, categorii* //”Revista Națională de Drept”, nr. 4, 2002.

807. Burian, Alexandru, *Diplomația parlamentară: noțiune, surse, categorii* //”Revista Națională de Drept”, nr. 8, 2002.

808. Burian, Alexandru, *Diplomația preventivă și minoritățile naționale* // „Statul de drept și problemele minorităților naționale: materiale ale Conferinței teoretico-științifice internaționale, (11-12 ianuarie 2002, mun. Bălți)”/col.red.: Gheorghe Costachi, Chișinău, „Universul”, 2002.

809. Burian, Alexandru, *Diplomația prin conferințe internaționale* //”Revista Națională de Drept”, nr. 12, 2001.
810. Burian, Alexandru, *Diplomația prin organizații internaționale* // „Revista de Filosofie și Drept”, nr. 3, 2001.
811. Burian, Alexandru, *Doctrine și teorii internaționale* // “Administrarea Publică”, nr.1, 2001.
812. Burian, Alexandru, *La Paris prin Orenburg și Așgabat: Perspective geopolitice și geoeconomice ale Republicii Moldova* //”Plai Natal”, 15.02.2000.
813. Burian, Alexandru, *Unele aspecte privind noțiunea de diplomație parlamentară* // “Administrarea Publică”, nr.3, 2003.
814. Burian, Alexandru, *Parlament bicameral: pro sau contra* //”Moldova Suverană”, 17.08.1999.
815. Burian, Alexandru, *Perspectivile geopolitice ale statalității moldovenești* //”Res Publica”, 01.01.1999.
816. Burian, Alexandru, *Privilegiile și imunitățile consulare* // „Administrarea publică”, nr. 2, 2002.
817. Burian, Alexandru, *Privilegiile și imunitățile diplomatice* //„Revista Națională de Drept”, nr. 1, 2002.
818. Burian, Alexandru, *Regimul de drept al relațiilor consulare* //”Revista Națională de Drept”, nr. 5, 2002.
819. Burian, Alexandru, *Regimul de drept al spațiului cosmic* //”Revista Națională de Drept”, nr. 3, 2002.
820. Burian, Alexandru, *Regimul de drept al spațiului cosmic și reglementarea activităților spațiale* //”Revista Națională de Drept”, nr. 6, 2002.
821. Burian, Alexandru, *Unele aspecte privind stabilirea și încetarea relațiilor consulare* //”Legea și Viața”, nr. 6, 2003.
822. Burian, Alexandru, *Reglementarea juridică a relațiilor consulare* // „Administrarea publică”, nr. 1, 2002.
823. Burian, Alexandru, *Reglementarea juridică a relațiilor diplomatice* //”Administrarea publică”, nr. 3, 2001.
824. Burian, Alexandru, *Sistemul relațiilor internaționale contemporane* // “Administrarea Publică”, nr.3-4, 2000.
825. Burian, Alexandru, *Subiectele relațiilor internaționale contemporane* // “Administrarea Publică”, nr.1, 2000.
826. Burian, Alexandru, *Teoria relațiilor internaționale în sistemul științelor politice* // ”Administrarea Publică”, nr. 2, 2001.
827. Burian, Alexandru, *Viitorul Moldovei depinde de noi* //”Moldova Suverană”, 09.04.1996.

828. Burian, Alexandru, *Unele aspecte privind noțiunea de diplomație parlamentară* // "Administrarea Publică", nr. 3, 2003.

829. Burian, Alexandru, *Noțiunea de diplomație parlamentară* // „Anuar științific”. Vol. 1 / Academia de Relații Internaționale și Studii Diplomatice. – Chișinău, Centrul ed.-poligr. al USM. – 2002.

830. Burian, Alexandru; Costachi, Gheorghe, *Statul de drept și activitatea diplomatică exercitată de organele statale centrale* // „Statul de drept și problemele minorităților naționale: materiale ale Conferinței teoretico-științifice internaționale, (11-12 ianuarie 2002, mun. Bălți)”/col.red.: Gheorghe Costachi, Chișinău, „Universul”, 2002.

831. Burian, Alexandru; Dumbrăveanu, Alexandru, *Statele-națiune și conflictele geopolitice* // „Funcționarea Instituțiilor Democratice în Statul de Drept: Materiale ale Conferinței teoretico-științifice internaționale, 25-26 ianuarie 2003 (mun. Bălți)”/ red.șt. Gh. Costachi, Chișinău, „Tipografia Centrală”, 2003.

832. Burian, Alexandru; Sochircă, Silvia, *Problemele dezarmării și asigurării păcii în întreaga lume* // „Violența în societatea de tranziție”: Materiale ale conf. Șt. Int. 16-17 mai 2003 / red. șt. V. Bujor, col. De red.: M. Lașcu, preș. – Ch., F.E.-P. „Tipogr. Centrală”, 2003.

833. Burian, Alexandru; Timciuc, Dorin, *Unele aspecte privind reprimarea actelor ilicite îndreptate contra securității aviației civile* // „Violența în societatea de tranziție”: Materiale ale conf. Șt. Int. 16-17 mai 2003 / red. șt. V. Bujor, col. De red.: M. Lașcu, preș. – Ch., F.E.-P. „Tipogr. Centrală”, 2003.

834. Burian, Alexandru; Negru, Cristina; Pelipețcaia, Carolina, *Obiectul Dreptului Internațional al Mediului* // „Funcționarea Instituțiilor Democratice în Statul de Drept: Materiale ale Conferinței teoretico-științifice internaționale, 25-26 ianuarie 2003 (mun. Bălți)”/ red.șt. Gh. Costachi, Chișinău, „Tipografia Centrală”, 2003.

835. Calvocoressi, Peter, *World Politics Since 1945*, Longman, London, 1989.

836. Cantemir, Dimitrie, *Descrierea Moldovei*, Chișinău, Editura „Literatura artistică”, 1988.

837. Claval, Paul, *Geopolitique et geostrategie*, Nathan, Paris, 1994.

838. Clocă, Ionel, *Dreptul umanitar și noua ordine internațională*, București, Editura militară, 1978.

839. Cojocar, Gheorghe E., *Politica Externă a Republicii Moldova, Studii*, Chișinău, Editura „Civitas”, 1999.

840. Cojocă, Petrance D., *Istoria unui tratat controversat. Tratatul de parteneriat privilegiat și cooperare între România și Republica Moldova*, Chișinău, Editura ZAMOLXE, 2000.
841. Collard, Daniel, *Les relations internationales*, Masson, Paris, 1977.
842. *Concepția politicii externe a Republicii Moldova (8 februarie 1995)*, Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1995.
843. *Concepția securității naționale a Republicii Moldova (5 mai 1995)*, Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1995.
844. Costachi, Gheorghe, *Statul de drept: între teorie și realitate*, Chișinău, 2000.
845. Costăchescu M., *Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare*, Iași, 1931.
846. Costăchescu M., *Documente Moldovenești de la Ștefăniță Voevod (1517-1527)*, Iași, 1943.
847. Charvin, Robert, *La justice en France. Mutations de l'appareil judiciaire et lutte des classes*, Editions Sociales, Paris, 1976.
848. Chifu, Iulian, *Război diplomatic în Basarabia. O istorie ultracontemporană de Iulian Chifu*. Colecția Aspectele istoriei, București, Editura Paidiea, 1997.
849. Cuellar, Javier, Perez de, *Manual de derecho diplomatico*, Ediciones Peruanas, Lima, 1964.
850. Datcu, Ion, *Istoria relațiilor internaționale și a diplomației*, București, 1991.
851. Dașcovici, Nicolae, *Dreptul războiului și neutralitatea*, Iași, Edit. A. Țerek, 1941.
852. Defarges, Philippe, *La Mondialisation, Vers la fin de frontieres*, Ed. Dunod, Paris, 1993.
853. Del Arenal, Celestino, *Introduccion a las Relaciones Internacionales*, Tecnos, Madrid, 1984, 3-a edicion.
854. Delgado, Manuel, *La Ira Sagrada: Anticlericalismo, iconoclastia y antiritualismo en ln Espana contemporanea*, Barcelona, 1992.
855. Der Derian, James, *International Theory, Critical Investigations*, New York University Press, New York, 1995.
856. *Despre pace și război în era nucleară. Culegere de studii*, București, Editura Politică, 1985.
857. Diaconu, Ion, *Drept internațional public, Ediția a II-a revăzută și adăugită*, București, Casa de Editură și Presă "Șansa" SRL, 1995.

858. *Dictionnaire de geopolitique* / Lacoste Y., Flammarion, Paris, 1993.
859. *Dictionnaire de la terminologie du droit international*, Sirey, Paris, 1960.
860. *Dicționar de drept internațional public*, București, Editura Științifică și Enciclopedică, 1982.
861. *Disarmament and Security, 1986 Yearbook in two volumes*, Novosti Press Agency Publishing House, Moscow, 1987.
862. *Doctrina militară a Republicii Moldova (6 iunie 1995)*. Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1995.
863. Donovan, James, B., *Strangers on a Bridge, The Case of Colonel Abel*, Atheneum, New York, 1964.
864. Drăghici, Manolache, *Istoria Moldovei pe timp de 500 de ani, în două tomuri*, Iași, 1857.
865. Eisenhower, D., *Waging Peace 1956-1961*. Harward City, New York, 1965.
866. Enache, Marian, Cimpoeșu, Dorin, *Misiune diplomatică în Republica Moldova (1993-1997)*, Iași, Editura POLIROM, 2000.
867. Enrich, Silvia, *Historia diplomatica entre Espana e Iberoamerica en el contexto de las relaciones internacionales (1955-1985)*, Ediciones de Cultura Hispanica, Madrid, 1989.
868. Estrella, Rafael, *The Future of the Armed Forces*, - In: "North Atlantic Assembly, Defence and Security Committee, 1992 Reports", Brussels, November 1992.
869. Feltham, R.G., *Introducere în dreptul și practica diplomației*, București, Editura ALL, 1996.
870. Ferrarini, Giulio, *Un mattone per l'Europa, Another brick in the Wall / Prefazione di Angel Miguel Martinez*, Casa Editrice "Luigi Battaï", Parma, 1994.
871. Ferrer, Aldo, *Historia de la globalizacion. Origenes del orden economico mundial*, Fondo de Cultura Economica, Mexico, 1995.
872. Foucher, Michel, *Fronts et Frontieres, un tour du monde geopolitique*, Fayard, Paris, 1988.
873. *Frontera peruano-ecuatoriana. El laudo arbitral de Braz Dias de Aguiar, Repertorio documental*, Edicion Especial del Ministerio de Relaciones Exteriores del Peru, Revista de la Academia Diplomatica del Peru, Lima, 1995.
874. Fukuyama, Francis, *El fin de la historia y el ultimo hombre*, traduccion de P. Elias, Planeta, Barcelona, 1992.

875. Gafencu, G., *Misiune la Moscova. 1940-1944. Culegere de documente*, București, Editura "Univers Enciclopedic", 1995.
876. Gaillard, Jean-Michel, Rowley, Anthony, *Istoria continentului european (De la 1850 pînă la sfîrșitul secolului al XX-lea)*, Chișinău, Editura „Cartier”, 2001.
877. Geamanu, Grigore, *Drept internațional comtemporan*, București, Editura Didactică și Pedagogică, 1965.
878. George P., *Geopolitique des minorites*, Paris, PUF, 1984.
879. Georgeanu, Paul, *Dunărea în relațiile internaționale*, București, Editura Politică, 1970.
880. Gilpin, Robert, *La Economia Politica de las Relaciones Internacionales*, Grupo Editorial Latinoamericano, Buenos Aires, 1990.
881. Gilpin, Robert, *War and Change in World Politics*, Cambridge University Press, 1997.
882. Grabowsky A., *Staatserkenntnis durch raumliches Denken*, «Politik als Wissenschaft», Festschrift zum 10-jährigen Bestehen der Hochschule für Politik, Berlin, 1930.
883. Gray, C., *Geopolitics of Superpowers*, New York, 1990.
884. Gregory B., Batchehn D, *Airborne Warfare 1918-1941*, Leeds: Phoebus, 1978.
885. Gribincea, Mihai, *The Russian Policy on Military Bases: Georgia and Moldova*, Editura "Cogito", Oradea, 2001.
886. Grigoraș, N., *Din istoria diplomației moldovenești. (1432-1457)*, Publicațiile Institutului de istorie națională "A. D. Xenopol", Iași, 1948.
887. Grosser, Alfred, *Affaires exterieures. La politique de la France 1944-1984*, Flammarion, Paris, 1984.
888. Guzman, Juan, Eduardo, Eguiguren, *Relaciones internacionales: una perspectiva antropologica*, Editorial Andres Bello, Santiago de Chile, 1987.
889. Jose, Luis, Leon, *El nuevo sistema internacional. Una vision de Mexico*. Secretaria de Relaciones Exteriores, Ricardo Flores Magon, Mexico, 1999.
890. Hayden, Günter, *Critica geopoliticii germane*, București, Editura Politică, 1960.
891. Haushofer, Karl, *De la Geopolitique*, Fayard, Paris, 1986.
892. Haushofer, Karl, *Kontinentalblocke: Mitteleuropa—Eurasia—Japon // Ausgewahlte Texte zur Geopolitik. — Boppart am Rhein. — 1979. Рус. пер.: Элементы. — № 7.*

893. Helsing, Jan van, *Organizațiile secrete și puterea lor în secolul XX sau cum este lumea guvernată.* / Traducere: Cornelia Spânu, București, SAMIZDAT, 1998.

894. Helsing, Jan van, *Cine conduce lumea. Cartea a 2-a.* / Traducere din limba germană: Linda-Antonia Willy, București, SAMIZDAT, 1998.

895. Helsing, Jan van, *Cartea a 3-a. A treia planetă, al Treilea război, al Treilea mileniu.* / Traducere: Monica Mihai, București, SAMIZDAT, 1998.

896. Hinsley, F.H., *Suveranitate, Traducere de Adriana Fekete și Ovidiu Ursa,* Chișinău, Editura "Știința", 1998.

897. Hobsbawm, E., J., *Națiuni și naționalism din 1780 pînă în prezent. Program, mit, realitate, Traducere: Diana Stanciu,* Chișinău, Editura ARC, 1997.

898. Hobsbawm, Eric, *O istorie a secolului XX, Era extremelor, 1914-1991, Traducere din engleză de Liliana Ionescu,* Chișinău, Editura "Cartier", 1999.

899. Hodor, N., *Etnie și confesiune (aspecte geopolitice),* Cluj-Napoca, 1996.

900. Hoffmann, Stanley, *Ianus și Minerva, Eseuri asupra teoriei și practicii politicii internaționale* / Traducere de Robert Butaru, Chișinău, Editura „Știința”, 1999.

901. Hoffmann, Stanley, *Teorias Contemporaneas sobre las Relaciones Internacionales,* Tecnos, Madrid, 1979.

902. Horia, M., Neguț, S., Nicolae, I., Șteflea, N., *Statele lumii: Mică enciclopedie,* București, Editura Meronia, 1995.

903. Huntington, Samuel P., *Ordinea politică a societăților în schimbare* / Trad. de Horațiu Stamat, Iași, Editura POLIROM, 1999.

904. Huntington, Samuel P., *Superputerea singuratică.* // *Politica Externă, Revistă a Societății Academice din România, Anul III, Numărul 7-8, toamna-iarna 1999-2000.*

905. Huntington, Samuel, *Clash of civilizations*/"Foreign Affairs", summer 1993, p. 22-49.

906. *Introducere în Convenția Europeană a Drepturilor Omului/Donna Gomien, Cercetător la Institutul norvegian pentru Drepturile Omului,* Traducere Cristiana Irinel Stoica, București, Editura ALL, 1983.

907. *Istoria Moldovei în date.* / *Elaborată: Vasile Stati,* Chișinău, "Tipografia Academiei de Științe", 1998.

908. *Istoria României în date*, București, Editura "Crai Nou", 1992.
909. Katz, Friedrich, *La guerra secreta en Mexico*, Ediciones ERA, Mexico, 1982.
910. Kenichi, Ohmae, *The End of the Nation State. The Rise of Regional Economies*, The Free Press, New York, 1995.
911. Kennedy, Paul, *The Rise and Fall of Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*, Vintage Books, New York, 1989.
912. Keohaney, Robert and Nye, Joseph, *Power and Interdependence: World Politics in Transition*, Little Brown and Company, Boston, 1977.
913. Kesselring A., *Gedanken zum Zvelten Weltkrieg*, Bonn, 1955.
914. Kindleberger, Charles P., *La crisis economica 1929-1939*, Editorial Critica, Barcelona, 1985.
915. King, Ch., *Moldovan identity and the Politics of Pan-Romanianism*, New-York, 1994.
916. King, Ch., *The Moldovans. Romania, Russia and the Politics of Culture*, Stanford, 2000.
917. King, Charles, *Moldovenii. România, Rusia și politica culturală*. Traducere de Diana Stanciu, Chișinău, Editura ARC, 2002.
918. Kissinger, Henry, *Diplomația* /Traducere din limba engleză: Mircea Ștefancu, Radu Paraschivescu, București, Editura ALL, 1998.
919. Kubalkova, Venduka; Cruickshank, Albert, *Marxism and International Relations*, Clarendon Press, Oxford, 1985.
920. Kulikov, Viktor, *La Doctrina de la paz (Doctrina militar de los Estados signatarios del Tratado de Varsovia)*, Editorial de la Agencia de Prensa Novosti, Moscu, 1988.
921. *La Charte sociale europeenne*, Conseil de l'Europe, Direction de la presse et de l'information, Strasbourg, 1985.
922. *La Convention europeenne des Droits de l'Homme*, Conseil de l'Europe, Service de l'information, Strasbourg, 1988.
923. Lacoste, Y., *An illustration of geographical warfare: Bombing of the dikes of the Red River, North Vietnam* //Radical geography: Alternative viewpoints on contemporary social issues, London: Methuen, 1978.
924. Lacoste, Y., *La geographic, ca sert, d'abord, a faire la guerre*, Paris, Maspero, 1982.

925. Lacoste, Y., *Geopolitique des regions francaise. La Facade occidentale*, Paris, Fayard, 1986.
926. Lacoste Y., *Geopolitique des regions francaise. La France du Sud-Est*, Paris, Fayard, 1986.
927. Lacoste, Yves, *Dictionnaire Geopolitique*, Paris, Fayard, 1986.
928. Lohausen, Jordis, von, *Mut zur Macht. Denken in Kontinenten*, Berg, 1978.
929. Mackinder H.J., *The Round World and the Winning of the Peace* // Foreign affairs, 1943, Vol. XXI, № 4.
930. Maddison, Angus, *La economia mundial 1820-1992. Analisis y estadisticas*, OCDE, Paris, 1997.
931. Mahan, Alfred, *The influence of sea power upon the French revolution and empire (1793 — 1812)*, Boston, 1892.
932. Mario, Barros, Van Buren, *Historia diplomatica de Chile, 1541-1938*, Editorial Andres Bello, Santiago de Chile, 1971.
933. Matos, Carlos de Meira, *Brasil, Geopolitica e Destino*, Rio de Janeiro, 1975.
934. McNeill, William H., *Ascensiunea Occidentului: o istorie a comunității umane și un eseu retrospectiv*, Traducere: Diana Stanciu, Chișinău, Editura ARC, 2000.
935. Meyer, Lorenzo, *Su Majestad Britanica contra la Revolucion Mexicana, 1900-1950. El fin de un imperio informal*, El Colegio de Mexico, Mexico, 1991.
936. Meinig, D., W., *Heartland and Rimland in Eurasian History* // "West Politics Quarterly", 1956, Vol. IX, p. 553—569.
937. Mihăescu-Gruiu, C., *Moldova 1359-1859. Spicuri din istoria statului de sine stătător*, București, 1998.
938. Mitchell, Christopher R., *The Structure of International Conflict*, Saint Martin`s Press, New York, 1981.
939. *Moldova în contextul relațiilor politice internaționale. 1387-1858. Tratate*/Alc. I. Eremia, Chișinău, 1992.
940. Moldovan, Petre, P., *Moldovenii în istorie*, Chișinău, Poligraf-Service, 1993.
941. Morgenthau, Hans, *Politics among Nations*, Alfred A. Knopf, New York, 1948.
942. Morgenthau, Hans, *Escritos sobre politica internacional*. Con estudio preliminar de Esther Barbe, Tecnos, Madrid, 1990.
943. Morgenthau, Hans, *Política entre las Naciones. La lucha por el poder y la paz*, Grupo Editor Latinoamericano, Buenos Aires, 1986.

944. Morin, Edgar, *Pensar Europa*, GEDISA, Barcelona, 1987.
945. Naudon, Carlos y Sepulveda, Alberto, *Introduccion a la Politica Mundial*, Ediciones Chileamerica-Cesoc, Santiago, Chile, 1998.
946. Niciu, Marțian, I., *Drept internațional public, Două volume, Ediția a II-a (revizuită și completată)*, Iași, Editura Fundației "Chemarea", 1995-1996.
947. Nicolson, Harold, *Arta diplomatică*, București, Editura Politică, 1966.
948. Nye, Joseph, S. *Bound to Lead. The Changing Nature of American Power*, Basic Books, New York, 1990.
949. Ortiz, Eduardo, *El estudio de las Relaciones Internacionales*, Fondo de Cultura Economica, Santiago de Chile, 2000.
950. Paraire, Philippe, *Mari lideri ai istoriei mondiale, Traducere: Dorina Bodea*, Chișinău, Editura ARC, 1999.
951. Parvulesco, Jean, *Galaxie GRU*, Paris, 1991.
952. Pârvan V., *Relațiile lui Ștefan cel Mare cu Ungaria*, București, 1905.
953. Petrencu, Anatol, *România și Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial*, Chișinău, EPIGRAF, 1999.
954. Platon, M., Rosca, S., Roman, A., Popescu, T., *Istoria administrației publice din Moldova*, Chișinău, 1999.
955. Popescu, Dumitra și Năstase, Adrian, *Drept internațional public, Ediție revăzută și adăugită*, București, Casa de Editură și Presă "Șansa" SRL, 1997.
956. *Primul război mondial. 1914-1918. Texte și documente*. București, 1961.
957. *Protocoalele Înțelepților Sionului. / Text integral în traducerea lui Ioan Moța*, București, "SAMIZDAT", 1998.
958. Ramonet, Ignacio, *Geopolitica haosului, Cuvînt înainte de Stelian Tănase, în romanește de Matilda Banu*, București, Editura "Dacia", 1998.
959. Ratzel, Friedrich, *La Geographie politique, les concepts fondamentaux*, Fayard, Paris, 1987.
960. Reinhardt, K., *Die Wende vor Moskau*, Stuttgart, 1978.
961. *Restructurarea ordinii internaționale / Coord. Jan Tirbergen*, București, Editura Politică, 1978.
962. Roman, Alexandru, *Istoria diplomației antice, Curs de lecții*, Chișinău, 1997.
963. Rosenberg, A., *Der Zukunflweg einer deutschen Aussenpolitik*, Munchen, 1927.

964. Rousseau, Charles, *Droit international public*, Onzieme edition, Dalloz, Paris, 1987.
965. Senarclens, Pierre de, *La politique internationale*, Paris, 1992.
966. Serebrian, Oleg, *Va exploada estul ?*, *Geopolitica spațiului pontic*, Cluj-Napoca, Editura "Dacia", 1998.
967. Serebrian, Oleg, *Politosfera*, Chișinău, Editura "Cartier", 2001.
968. Strausz-Hupe R., *Geopolitics. The Struggle for Space and Power*, New York, 1972.
969. Schlesinger, A., M., *Thousand Days. John F. Kennedy in the White House*, New York, 1967.
970. Schulte, Brigitte, *Impact of Force Reductions in Central and Eastern Europe*, - In: "North Atlantic Assembly, Civilian Affairs Committee, 1992 Reports", Brussels, November 1992.
971. Schumpeter, Joseph, A., *History of Economic Analysis*, New York, 1954.
972. Schwarzenberger, George, *La Politica del Poder. Estudio de la Sociedad Internacional*, Fondo de Cultura Economica, Mexico-Buenos Aires, 1960.
973. Sorensen, T., *Kennedy*, New York, 1965.
974. Stati, Vasile, *Istoria Moldovei*, Chișinău, „Vivar-Editor”, 2002.
975. Șofransky, Octavian, *Republica Moldova: Capital geopolitic*, Chișinău, Editura "Cartier", 1999.
976. Ștefănescu, Paul, *Agenți secreți și misiuni confidențiale*, București, Editura Militară, 1978.
977. Taylor P. J., *Political geography: World-economy, nation-state and locality*, London, Longman, 1985.
978. Taylor, Peter, J., *Political Geography*, Longman, London, 1993.
979. Tămaș Sergiu, *Dicționar politic, Instituțiile democratice și cultura civică*, București, 1996.
980. Tămaș, Sergiu, *Geopolitica*, București, Editura Noua Alternativă, 1995.
981. Tătărescu, Gh., *Memoriu (privind politica externă a României la începutul Războiului II Mondial)*. // Revista "Patrimoni", nr. 1, 1991.
982. *The Cuban Crisis of 1962: Selected documents and chronology*, Boston 1963.

983. Titulescu, Nicolae, *Documente diplomatice*, București, Editura Politică, 1967.
984. Trăsnea, Ovidiu, *Doctrine politice ale capitalismului contemporan*, București, Editura Politică, 1977.
985. Tredinnick, Felipe, *Derecho internacional publico y relaciones internacionales*, Tercera edicion, Editorial "Los amigos del libro", La Paz-Cochabamba, Bolivia, 1997.
986. *Tratate internaționale la care Republica Moldova este parte (1990-1998)*. 23 de volume. Ediție oficială. Moldpres. Monitorul Oficial al Republicii Moldova. Chișinău, 1998-1999.
987. Tunkin, G. I., *Theory of International Law*, London, 1974.
988. Uddeil, Hart, B., *History of the Second World War*, London, PAN, 1978.
989. Ureche, Grigore; Costin, Miron și Neculce, Ion, *Letopisețul Țării Moldovei... Cronici*. – Chișinău, "Hyperion", 1990.
990. Vasquez, John, *The War Puzzle*, Cambridge University Press, 1997.
991. Viotti, Paul R.; Kauppi, Mark V., *International relations theory: Realism, Pluralism, Globalism, and Beyond*. – 3rd ed., Allyn and Bacon, Boston, 1998.
992. Vives, Jaime, Vicens, *Tratado General de Geopolitica*, Editorial Teide, Barcelona, 1950.
993. Wallerstein, Immanuel, *The Modern World-System - 2 volumes*, Academic Press, New York, 1974.
994. Waltz, Kenneth, *Man, the State and War*, Columbia University Press, New York, 1959.
995. Wight, Martin, *Politica de putere, Volum editat de Hedley Bull și Carsten Holbraad*, Central European University Press, Chișinău, Editura ARC, 1998.

Александр Дмитриевич БУРИАН, доктор хабилитат юридических наук, профессор, директор Института истории, государства и права Академии наук Молдовы, профессор кафедры международного права Молдавского государственного университета, президент Ассоциации международного права Республики Молдова.

Родился 25 января 1953 года в Бравичи, Каларашского района. Учился в Оргеевском педагогическом училище (1967-1971 гг.), на историческом факультете Кишиневского госуниверситета (1975-1978 гг.), на факультете экономики и права Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (1978-1984 гг.), в аспирантуре Института государства и права Академии наук СССР (1984-1987 гг.) и постдокторантуре Института философии, социологии и права Академии наук Молдовы (2002-2003 гг.). Специалист в области международного публичного права и международных отношений.

Работал в различных учреждениях и организациях, имеющих отношение к прогнозированию, планированию и реализации внешней политики, в том числе в аппарате ЦК КПСС (1983-1990) и в различных учреждениях Республики Молдова: был депутатом Парламента Республики Молдова (1990-1994 гг.), председателем Комиссии по внешней политике Парламента Республики Молдова (1993-1994 гг.), заместителем министра иностранных дел Республики Молдова (1994-1995 гг.), чрезвычайным и полномочным послом Республики Молдова в Федеративной Республике Германия, Королевстве Испания и Королевстве Дания (1995-1997 гг.).

Практическую работу совмещал с научной и преподавательской деятельностью: в 1995-1999 был доцентом кафедры международных отношений Академии государственного управления при Правительстве Республики Молдова, в 1997-1998 - проректором Молдавского независимого университета (УЛИМ), в 1999-2001 – заведующим кафедрой международного права и международных отношений Академии государственного управления при Правительстве Республики Молдова, в 2001-2002 - заведующим кафедрой, директором Департамента международных отношений и международного права Молдавского государственного института международных отношений, в 2003-2004 директором Департамента международных отношений и внешней политики Академии государственного управления при Президенте Республики Молдова, с 2004 г. – проректор, заведующий кафедрой международного права и дипломатии Европейского Университета Молдовы (бывшая Академия права Молдовы), председатель специализированного ученого совета по присвоению ученой степени доктора наук (специальность 12.00.10 международное право) при Молдавском государственном университете, председатель экспертной комиссии по юридическим наукам ВАК Молдовы, с 2005 года - директор ИИГП АН Молдовы.

Опубликовал более 150 научных работ по вопросам дипломатической практики и международной процедуры, дипломатического, консульского, воздушного и космического права, интерпретации международных договоров, соблюдения международного порядка, теории международных отношений, геополитических перспектив, роли и места Республики Молдова в мире.

Александр БУРИАН

Теория международных отношений

Курс лекций

Издание третье, дополненное и переработанное

Bun de tipar 19.08.2008. Formatul 60x84 ^{1/16}
Coli de tipar 26,68. Coli editoriale 26,7.
Tipar *Riso*. Hirtie ofset. Garnitura *Times New Roman*
Comanda _____. Tirajul 1000 (Primul lot – 100 ex.).

Centrul Editorial-Poligrafic al USM
MD 2009, Chişinău, str. A. Mateevici, 60